

Дэниел Стедмен-Джоунз

РОЖДЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер

Переход от полного доминирования идей государственного вмешательства в первой половине XX в. к неолиберальному консенсусу конца XX в. — один из ключевых, но недостаточно исследованных сюжетов современной истории. Д. Стедмен-Джоунз анализирует, каким образом в 1940–1980-е годы в Великобритании и США неолиберальные идеи — об индивидуальной свободе, свободных рынках, приватизации и дерегулировании — трансформировались в электорально успешные политические программы. Пытаясь ответить на вопрос, почему, столкнувшись с глубоким экономическим кризисом 1970-х годов, политики и чиновники обратились именно к неолиберальным идеям, автор рисует трехмерную картину, сочетающую

- а) интеллектуальную историю зарождения, развития и распространения неолиберальных идей в 1940–1970-е гг.,
- б) экономическую историю от послевоенного бума до стагнации 1970-х гг. и
- в) эволюцию партийной политики в США и Великобритании в этот период.

В книге содержится интересная история просачивания идей с университетских кафедр в общество и экономическую политику. Главные герои книги — Общество Мон-Пелерен, первая чикагская школа и многочисленные аналитические центры (think tanks), а также К. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, М. Фридмен, Дж. Стиглер, представители школы общественного выбора. Особое внимание уделено роли и интеллектуальной эволюции Фридмена и вообще чикагской экономической школы.

Рождение неолиберальной политики

Daniel STEDMAN JONES

MASTERS OF THE UNIVERSE

Hayek, Friedman, and the Birth
of Neoliberal Politics

Princeton University Press
Princeton & Oxford

Дэниел СТЕДМЕН-ДЖОУНЗ

РОЖДЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

От Хайека и Фридмена
до Рейгана и Тэтчер

УДК [330.831.2+330.831.8]:32.011:1
ББК 65.02+66.0
С88

Издательство «Социум» благодарит
Фонд Марины Садомской «Моя Линия»
за содействие в издании этой книги

Friedrich Naumann
STIFTUNG FÜR DIE FREIHEIT

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

Перевод с английского: А. А. Столяров
Научное редактирование: А. В. Куряев

Стедмен-Джоунз, Дэниел

С88 Рождение неолиберальной политики : от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / Д. Стедмен-Джоунз ; пер. с англ. А. А. Столярова ; науч. ред. А. В. Куряев. — Москва ; Челябинск : Социум ; Мысль, 2017. — 522 с.

ISBN 978-5-906401-71-7 («Социум»)

ISBN 978-5-244-01191-3 («Мысль»)

Переход от полного доминирования идей государственного вмешательства в первой половине XX в. к неолиберальному консенсусу конца XX в. — один из ключевых, но недостаточно исследованных моментов современной истории. Д. Стедмен-Джоунз анализирует, каким образом в 1940—1980-е годы в Великобритании и США неолиберальные идеи — об индивидуальной свободе, свободных рынках и дерегулировании — трансформировались в электорально успешные политические программы. Пытаясь ответить на вопрос, почему, столкнувшись с глубоким экономическим кризисом 1970-х годов, политики и чиновники обратились именно к неолиберальным идеям, автор рисует трехмерную картину, сочетающую (а) интеллектуальную историю зарождения, развития и распространения неолиберальных идей в 1940—1970-е годы, (б) экономическую историю от послевоенного бума до стагнации 1970-х годов и (в) эволюцию партийной политики в США и Великобритании в этот период. В книге содержится интересная история просачивания идей с университетских кафедр в общество и экономическую политику. Главные герои книги — Общество Мон-Пелерен, первая чикагская школа и многочисленные аналитические центры (*think tanks*), а также К. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, М. Фридмен, Дж. Стиглер, представители школы общественного выбора. Особое внимание уделено роли и интеллектуальной эволюции Фридмена и вообще чикагской экономической школы.

УДК [330.831.2+330.831.8]:32.011:1
ББК 65.02+66.0

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-0-691-16101-3 (англ.)
ISBN 978-5-906401-71-7 («Социум»)
ISBN 978-5-244-01191-3 («Мысль»)

© 2012 by Daniel Stedman Jones
© ООО «ИД «Социум», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ИЗДАНИЮ 2014 г.	8
ОТ АВТОРА	12
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	17
ВВЕДЕНИЕ	17
Три фазы неолиберализма	25
Неолиберализм и история	29
Трансатлантическая неолиберальная политика.	37
ГЛАВА 1. ПОСЛЕВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО	45
ГЛАВА 2. 1940-е ГОДЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ КРИТИКИ	55
Карл Поппер и «Открытое общество»	65
Людвиг фон Мизес и «Бюрократия»	76
Фридрих Хайек и «Дорога к рабству»	85
Общество Мон-Пелерен и «Интеллектуалы и социализм»	106
ГЛАВА 3. ПРИЛИВ ПОДНИМАЕТСЯ: НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД	119
Две чикагские школы: Генри Саймонс, Милтон Фридмен и неолиберализм	124
Просвещение, Адам Смит и неолиберализм	136
Экономическая и политическая свобода: Милтон Фридмен и неолиберализм эпохи холодной войны	149
Немецкое экономическое чудо: неолиберализм и социальная рыночная экономика	161
Захват регуляторов, теории общественного и рационального выбора	167
ГЛАВА 4. ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ	177
США в 1950-е годы: политика коалиций и холодная война	182
Английский консерватизм в 1950-е годы	192

Неолиберальная организационная структура в 1950—1960-е годы	199
Вторая волна:	
прорывные аналитические центры 1970-х годов	210
Неолиберальные журналисты и политики	225
Прорыв?	231
ГЛАВА 5. КЕЙНСИАНИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОНЕТАРИЗМА, 1945—1971	233
Кейнс и кейнсианство	235
«Небольшое затруднение местного порядка»:	
монетаризм Эноха Пауэлла	244
Американская экономическая политика в 1960-е годы	252
Монетаризм Милтона Фридмена	256
Надвигающаяся гроза	269
ГЛАВА 6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ, 1971—1984 гг.	273
Медленный крах послевоенного бума, 1964—1971 гг.	276
Стагфляция и политика	
в области заработной платы и цен	284
Междоусобица Китая	
и неолиберальная альтернатива	290
Левые обращаются к монетаризму.	
1: Каллагэн, Чили и кризис МВФ	301
Левые обращаются к монетаризму.	
2: Джимми Картер и Федеральный резерв	
Пола Волкера	308
Экономическая стратегия при Тэтчер	316
Рейганомика	325
Заключение	333
ГЛАВА 7. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ?	
Трансформация жилищного обеспечения и политики городского развития в США и Англии, 1945—2000	337
Обеспечение жильем малоимущих	
и городская политика в США в послевоенный период	343
Жилищное обеспечение малоимущих	
и городская политика в Англии в послевоенный период	355
Джимми Картер и ограничение роли государства	363
Демократия собственников и индивидуальная свобода:	
жилищное обеспечение и неолиберальные идеи	366
Администрация Рейгана	374
Приватизация муниципального жилья:	
схема «Право на приобретение»	378

Содержание

Трансатлантические обмены:	
предпринимательские зоны Рейгана	386
«Надежда VI», программа городской реконструкции и «третий путь»	392
Заключение	397
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НАСЛЕДИЕ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: ПОЛИТИКА, ОСНОВАННАЯ НА ВЕРЕ	401
Параллели: место трансатлантической неолиберальной политики в истории	406
Апофеоз неолиберализма?	413
Политика, основанная на разуме	418
ПРИЛОЖЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	
Л. фон Мизес. Смысл <i>laissez faire</i>	425
ПРИМЕЧАНИЯ	427
УКАЗАТЕЛЬ КНИГ, СТАТЕЙ, ТЕЛЕПРОГРАММ	473
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	477
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	493

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ИЗДАНИЮ 2014 г.

До недавнего времени понимание происхождения и эволюции неолиберализма оставалось весьма поверхностным. Отклики на публикацию книги «Masters of the Universe» в 2012 г., свидетельствуют о колоссальном интересе к подробному анализу этой — кажущейся всемогущей — политической силы. Подтверждением может служить переполненный зал на состоявшейся в январе 2013 г. презентации издания в Лондонской школе экономики. Наряду с другими исследованиями по истории неолиберальной мысли появление настоящей книги можно рассматривать как начало процесса создания детальной исторической картины идеологического и политического явления, прежде не привлекавшего особого интереса историков.

Обнадеживает уровень погружения в материал книги, продемонстрированный авторами многочисленных умных рецензий, написанных людьми разных политических и идейных убеждений. Практически во всех рецензиях можно найти конструктивные мысли, уточняющие и дополняющие материал книги. Однако положительная в целом реакция не была всеобщей. Критике, прежде всего со стороны консерваторов (и либертарианцев), подверглась отрицательная оценка влияния неолиберальной мысли на политику в США и Великобритании на протяжении трех десятилетий, предшествовавших финансовому кризису 2007—2009 гг. Основной упрек заключается в том, что в книге не обсуждается версия, согласно которой финансовый кризис был не столько кризисом рынков, сколько кризисом регулирования: несмотря на риторический дрейф в неолиберальном направлении, на практике господствующая парадигма экономической политики осталась уперто социалистической. Именно об этом говорил Милтон Фридмен незадолго до своей смерти в 2006 г.*

* Фридмен говорил об этом неоднократно, в том числе в интервью Чарли Роузу 26 декабря 2005 г. См. <http://www.youtube.com/watch?v=nPHs9Ln8QT8>.

Очевидно, что мнение о благотворности или пагубности влияния, оказанного неолиберализмом, это вопрос суждения. Первая половина книги посвящена изложению неолиберальной теории. Затем дается оценка влияния и последствий конкретных аспектов неолиберальной мысли, нашедших применение в политической борьбе и экономической политике. Однако некоторые критические замечания рецензентов вызваны неверным толкованием содержащихся в книге утверждений.

Ошибочные интерпретации вызваны сложностью описываемых процессов. В «Masters of the Universe» исследуется беспорядочное и несовершенное применение экономических и политических идей в мире социально-экономической политики. Центральный тезис состоит в том, что неолиберальное влияние на большую политику с 1970-х годов по настоящее время, поначалу нараставшее медленно и касавшееся весьма специфических сфер — денежно-кредитной политики и регулирования, — было одновременно локальным и глубоким. Поэтому в настоящем предисловии будет полезно кратко сформулировать основные утверждения этого тезиса.

Во-первых, влияние неолиберализма на политику США и Великобритании было очень медленным. Несмотря на популярность «Дороги к рабству», люди, определявшие социально-экономическую политику, игнорировали идеи Фридриха Хайека на протяжении 30 лет после окончания Второй мировой войны. Но в течение всего этого времени меры неолиберальной социально-экономической политики разрабатывались в других форматах — в рамках аналитических центров и усилиями интеллектуальных и идеологических предпринимателей. Для распространения неолиберальных идей и для оттачивания их политического посыла была создана трансатлантическая сеть исследователей и организаций. Конкретные идеи начали действовать в 1970-е годы, поскольку давали прямые ответы на насущные проблемы того времени. Прорывными неолиберальными идеями в этом отношении стали монетаризм и дерегулирование.

Во-вторых, в 1980-х годах воздействие идей, разработанных этим передовым отрядом интеллектуалов, обеспечило быструю и глубокую перенастройку политики от активизма государства к рынку, когда на смену Лейбористской и Демократической партиям пришли Консервативная и Республиканская. Произошла смена главных целей: вместо полной занятости

и построения государства благосостояния, достижения которых пытались добиться с помощью кейнсианского управления спросом и расширением государственного сектора, всеобъемлющей целью экономической политики стала борьба с инфляцией, безжалостно проводимая председателем Федерального резерва Полом Волкером. То же самое происходило в Британии, вначале при лейбористах, а затем при консерваторах. Правительства как Рейгана, так и Тэтчер стремились ограничить государство благосостояния, но не имели возможности сократить его более-менее значительно. Лейтмотивом микроэкономической политики обоих правительств, в особенности кабинета Тэтчер, была либерализация рынков путем дерегулирования и приватизации. В США, разумеется, имелось не так много объектов для приватизации, но общее направление реформ при Рейгане — монетаризм, экономическая теория предложения, дерегулирование — было кристально ясным.

В-третьих, и в-главных, после 1979 г. электоральные успехи политиков, являвшихся радикальными сторонниками рынка, подобных Тэтчер и Рейгану, наткнулись на пределы трансформации политической сцены. За гранью возможного осталось сколько-нибудь заметное посягательство на крупнейшие программы государства благосостояния — систему социального страхования и Медикэр в США и Национальную службу здравоохранения в Британии. Вместо этого, несмотря на частичный провал прорыночной неолиберальной программы реформ, возможно, наиболее устойчивым достижением обоих правительств стала успешная трансформация политической культуры по обе стороны Атлантики. «Большое правительство», «облагай налогами и трать», «зависимость от социальных пособий» стали восприниматься как пороки, коих следовало избегать любыми способами; а эффективность, выбор и рыночная предприимчивость — как добродетели, которые следует поощрять и поддерживать.

В конечном итоге, согласно истории, изложенной в «Masters of the Universe», эта культура создала питательную среду для катастрофического провала регулирования в ходе финансового кризиса 2007—2009 гг. Это был изъян в системе, о котором говорил Алан Гринспен в своем знаменитом выступлении перед Комитетом по надзору и правительственной реформе при Палате представителей (см. наст. изд., с. 440 прим. 31). Справедливости ради следует сказать, что это был

и провал государства, проявлявшийся вне зависимости от того, какие партии находились у власти, правые или левые. Клинтон, Блэр и Браун столь же активно занимались дерегулированием финансовых рынков, как и все остальные. Этот просчет совершили политики, представлявшие весь политический спектр, и, как говорится в книге, он был характерен для всего культурного сдвига, в котором доминировало представление о рынках как о непогрешимых и самокорректирующихся генераторах богатства. Недавний кризис показал, что для обеспечения конкурентности рынка и реализации его динамического потенциала требуется надлежащее регулирование. Не следует забывать ключевое положение разработанной Джорджем Стиглером теории экономического регулирования — о захвате регулятора регулируемыми (с. 169—170), следует также помнить о ранних неолиберальных архитекторах немецкого экономического чуда (с. 161 сл.) или идеях Генри Саймонса, принадлежавшего к первой чикагской школе (с. 128 сл.). Условия эффективной конкуренции на рынке должны поддерживаться прочным законодательным каркасом и надлежащим проведением в жизнь регулирующих норм.

*Дэниел Стедмен-Джоунз,
1 октября 2013 г.*

ОТ АВТОРА

^{IX*} Этот замысел я вынашивал многие годы, когда учился в Оксфордском университете и изучал проблемы государственной политики в лондонском аналитическом центре «Демос». Признательности всегда заслуживает большее количество людей, чем можно перечислить на паре страниц, но некоторые, безусловно, достойны особого упоминания. Я всегда хотел провести исследование по трансатлантической политике и вместе с моим большим другом и коллегой по «Демос» Рэйчел Джапп задумал проект по трансферу политики между США и Великобританией. Однако шанс осуществить эту идею появился лишь тогда, когда я продолжил обучение, чтобы получить степень магистра по политической теории и американской политике на факультете политологии Пенсильванского университета.

Реальная же возможность открылась тогда, когда я начал сотрудничать с профессором Майклом Кацем на историческом факультете Пенсильванского университета. Я очень многим обязан Майклу, который убедил меня перейти с факультета политологии и писать докторскую работу по истории. Своей ненавязчивой манерой руководства и умением вникать во все детали он оказал самое большое влияние на мое аспирантское образование в целом и на эту книгу в частности. Я хочу поблагодарить других моих наставников, профессора Уоррена Брекмана и профессора Томаса Сагрю, которые давали мне бесценные советы, оказывали помощь и поддержку в годы работы над этой книгой. Беседы с ними (и с Майклом) помогли мне сосредоточиться на самом главном и целенаправленно работать над проектом. Я чрезвычайно признателен двум моим ближайшим друзьям и коллегам по Пенсильванскому университету Дэниелу Амстердаму и Тиму Уиверу. Мы подбадривали друг друга в непростом процессе научной работы, где всегда чередуются успехи и неудачи. Особую благодарность я хотел бы выразить профессору Питеру Хеннесси из Колледжа королевы Марии в Лондоне; он любезно консультировал меня

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатели.

по английской литературе, связанной с темой этой книги. Без его советов спектр рассмотренных в ней идей и вопросов был бы, конечно, не таким широким. Также я весьма признателен профессору Дэниелу Роджерсу из Принстонского университета; его книга «Атлантические перекрестки» («Atlantic Crossings») служила одним из главных ориентиров в моей работе, а сам он выступал строгим, но справедливым экзаменатором моей докторской подготовки. Наконец, Крис Элсоп и Роберт Скидельски не пожалели времени на чтение глав рукописи, посвященных экономической политике. Ответственность за общую концепцию и все ошибки, которые могли остаться в тексте, естественно, несу я один.

Я благодарю всех тех, кто любезно согласился уделить время и дать мне интервью; своими размышлениями и воспоминаниями они очень помогли осуществлению моего проекта. Это Аннелиз Андерсон, Мартин Андерсон, Имонн и Стюарт Батлер, Джон Бланделл, Джим Богтон, Леон Бриттен, Эндрю Дагуйд, Питер Джей, Уильям Киган, Эд Крейн, Норманн Ламонт, Тим Ланкестер, Найджел Лоусон, Мадсен Пири, Джон Редвуд, Роберт Скидельски, Эд Фелнер, Дуглас Херд, Майкл Ховард, Джон Хоскинс, Джеффри Хоу и Джордж Шульц. Также я выражаю признательность сотрудникам Президентской библиотеки Рональда Рейгана, Гуверовского института войны и мира при Стенфордском университете, Архива Консервативной партии при Бодлеянской библиотеке и Архива Тэтчер при Колледже Черчилля в Кембридже; они оперативно и умело помогали мне в поиске нужных материалов. В частности, Дайан Барри и Эндрю Райли с неизменной готовностью откликнулись на мои просьбы и дали мне немало ценных советов. Профессор Мэри Чемберлен любезно снабдила меня диктофоном, который я использовал для записи интервью.

Я хочу выразить благодарность моим редакторам из издательства Princeton University Press, Йену Малколму и Элу Бертрану; без них эта книга никогда бы не вышла в свет. Также я признателен всем сотрудникам издательства, особенно Хане Пол и Дебби Терагден, которые подошли к публикации книги со всей аккуратностью и внимательностью.

Многие мои друзья и родственники оказывали мне содействие и предоставляли кров во время моих изысканий в Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Филадельфии, Калифорнии, Вашингтоне и Нью-Йорке. В их числе Кристофер Глас, Адам Соло,

Лаура Скарано, Дженни Сьюн, Алексис Сампьетро, Ларисса и Конрад Персонс, Джейк Стивенс, Клара Хейворт, Таня Напс, Верити, Элизабет и Марк Аллен, Кейт и Марк Стейер и Уильям Пул. Моя семья — Абигаль, Найджел, Майри, Джозеф, Молли и Тэлиа — щедро дарили мне свою любовь и поддержку; благодаря им я чувствовал себя счастливым и полным сил. Беатрис Райли оказала мне неоценимую помощь в окончательной шлифовке рукописи. Наконец, я благодарю моих родителей Салли и Гэрега Джонсов, которым посвящена эта книга.

*Дэниел Стедмен-Джоунз,
март 2011 г.*

Годы	США	Великобритания
1900-е	1900—1930 Взлет американского прогрессизма	1906—1914 Ново-либеральное правительство Герберта Асквита начинает социальные реформы
1910-е	1917—1918 США вступают в войну	1914—1918 Первая мировая война
1920-е	1929 Крах Уолл-Стрит	1926 Всеобщая забастовка
1930-е	1932 Рузвельт избран президентом; начало Нового курса 1933—1945 Демократическая администрация Рузвельта	Сентябрь 1939 Начало Второй мировой войны
1940-е	Апрель 1945 Смерть Рузвельта; его место занимает Гарри Трумэн 1945—1953 Демократическая администрация Трумэна 1945 Конец Второй мировой войны	Май 1945 Клемент Эттли занимает пост премьер-министра 1948—1951 Лейбористское правительство 1948 Най Бивен создает Национальную службу здравоохранения
1950-е	1950—1953 Корейская война 1953—1961 Республиканская администрация Эйзенхауэра 1957—1975 Вьетнамская война	1951—1964 Правительство консерваторов 1951—1955 Уинстон Черчилль на посту премьер-министра 1955—1957 Энтони Иден на посту премьер-министра 1956—1957 Суэцкий кризис 1957—1963 Гарольд Макмиллан на посту премьер-министра

<p>1960-е</p>	<p>1960 Президентом избран Дж. Ф. Кеннеди 1961—1963 Демократическая адми- нистрация Кеннеди 1963 Убийство Кеннеди 1963—1969 Демократическая адми- нистрация Джонсона 1968 Избрание Ричарда Ник- сона 1969—1974 Республиканская адми- нистрация Никсона</p>	<p>1963—1964 Александр Дуглас-Хьюм на посту премьер-министра 1964—1970 Лейбористское правительство На посту премьер-министра Гарольд Вильсон</p>
<p>XII 1970-е</p>	<p>1974 Уотергейтский скандал; Никсон подает в отставку 1974—1977 Республиканская адми- нистрация Форда 1976 Избрание Джимми Кар- тера 1977—1981 Демократическая адми- нистрация Картера</p>	<p>1970—1974 Правительство консерваторов; на посту премьер-министра Эдвард Хит 1974—1979 Правительство лейбористов 1974—1976 Гарольд Вильсон на посту премьер-министра 1976—1979 Джеймс Каллагэн на посту премьер-министра 1979 Избрание Маргарет Тэтчер 1979—1997 Правительство консерваторов</p>
<p>1980-е</p>	<p>1980 Избрание Рональда Рей- гана 1981—1989 Республиканская админи- страция Рейгана Ноябрь 1988 Избрание Джорджа Буша 1989—1993 Республиканская админи- страция Буша Октябрь 1989 Падение Берлинской стены</p>	<p>1982 Фолклендская война</p>

ВВЕДЕНИЕ

Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени. В области экономической и политической философии не так уж много людей, поддающихся влиянию новых теорий, после того как они достигли 25- или 30-летнего возраста, и поэтому идеи, которые государственные служащие, политические деятели и даже агитаторы используют в текущих событиях, по большей части не являются новейшими. Но к добру или худу рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными.

Джон Мейнард Кейнс «Общая теория занятости» (1936)*

В 1970-х годах неолиберальные идеи — монетаризм, дерегулирование и рыночные реформы — не были чем-то новым. Однако, как предполагал еще Кейнс, это были идеи, к которым политики и чиновники обращались для того, чтобы справиться с крупнейшим со времен Великой депрессии экономическим кризисом. Моя книга рассказывает о том, почему это произошло и как неолиберальная вера в могущество рынков приобрела доминирующую роль в политике Англии и США и сохраняла

* Цит. по: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 340. — Прим. перев.

ее на протяжении последней четверти XX в. вплоть до финансового кризиса 2008 г.

Кончину послевоенного экономического устройства ускорила череда катастрофических событий: Вьетнамская война, первый нефтяной кризис 1973 г. и почти полный коллапс трудовых отношений в Англии. Складывалось впечатление, что вдохновленная Кейнсом политика, на которую правительства полагались в надежде обеспечить послевоенному поколению золотой век процветания и высоких доходов, исчерпала себя. Последовавший в 1971 г. крах Бреттон-Вудской международной денежной системы ознаменовал собой конец эксперимента с фиксированными курсами валют. Предположение, что между инфляцией и безработицей существует простая и управляемая обратная зависимость, знаменитая «кривая Филлипса» (названная по имени новозеландского экономиста-кейнсианца Уильяма Филлипса), оказалось опасным заблуждением. Повторявшиеся кризисы платежного баланса были самым важным симптомом так называемой «английской болезни», промышленного упадка. И в Англии, и в США появление стагфляции — экономической депрессии в сочетании с инфляцией — означало, что жизнь заставляла правительства сменить курс.

На повестке дня стояла новая политика, призванная заменить Новый курс, „либерализм“* «Великого общества», англ-

* Здесь следует уточнить, что сегодня в США слова «либерализм», «либерал», «либеральный» означают комплекс идей и политических принципов, во всех отношениях противоположных классическому либерализму XVIII—XIX вв. Современный американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее регулирование, осуществляемое властями. Произошло не само собой, а в результате сознательной подмены понятий Франклином Рузвельтом, искавшим подходящий словесный ярлык для своей программы регулирования экономики. Для этого он выбрал не использовавшееся в США, но престижное и имеющее только благоприятные ассоциации слово «либеральный». Так получилось, что одновременно права на этот бренд предъявил Герберт Гувер и исход спора решился в ходе избирательных кампаний 1932—1940 гг. История борьбы за либеральный бренд рассказывается в книге Рональда Ротунды «Либерализм как слово и символ» (М.; Челябинск: Социум, 2016). Во избежание возникновения путаницы между европейским и американским значениями слов

лийскую социальную демократию и кейнсианскую экономическую политику. Стоявшим у власти кейнсовским «практическим людям» эти новые подходы к макроэкономическому управлению, к дерегулированию производства и финансовых рынков, к «проблеме» влияния профсоюзов, к снижению уровня жизни в городах и нехватке доступного жилья казались привлекательными и реальными ответами на экономический и политический кризис 1970-х годов. Поэтому когда развеялась химера стабильности, порожденная Бреттон-Вудским соглашением, политики правого и, что не менее важно, левого толка обратились к рецептам таких известных людей, как Фридрих Хайек, Людвиг фон Мизес, Милтон Фридмен, Джордж Стиглер и Джеймс Бьюкенен (все, кроме Мизеса, в разное время стали нобелевскими лауреатами). Эти мыслители стояли на позиции, которая получила название неолиберализма. Нарисовать точный исторический портрет неолиберализма достаточно трудно. Этот термин оторвался от своих сложных и разнообразных истоков. Его очень часто используют как весьма расплывчатое и условное обозначение ужасов глобализации и повторяющихся финансовых кризисов. Но в моей книге трансатлантический термин «неолиберализм» имеет следующее значение: это основанная на принципах индивидуальной свободы и ограничения полномочий государства идеология свободного рынка, которая связала человеческую свободу с действиями рационального и нацеленного на свою выгоду индивида в сфере рыночной конкуренции.

В Европе и США неолиберальные идеи медленно формировались на протяжении пятидесяти лет усилиями «академических писак». Неолиберализм возник в межвоенные годы из дискуссий в либеральной среде по поводу усиления профсоюзов, всеобщего избирательного права и методов управления экономикой в военное время, которые консолидировали наметившуюся в конце XIX — начале XX в. тенденцию к росту полномочий правительств и бюрократии. Такие новые политические течения, как Новый „либерализм“ Г. Г. Асквита

«либерализм», «либерал», «либеральный» в русском переводе настоящей книги эти слова окружены немецкими кавычками („...“), когда используются в американском значении. Исключение сделано для цитат: все кавычки внутри цитат принадлежат авторам соответствующих фрагментов. — *Прим. науч. ред.*

и Дэвида Ллойд Джорджа в Англии, рассматривали государство не как препятствие для свободы, а как способ предоставить гражданам больше свободы с помощью новых форм социального и пенсионного обеспечения. В США прогрессистские реформаторы полагались на новые научные подходы к социальным проблемам, разработанные в Европе. После свержения царизма большевиками в 1917 г. призрак коммунистической революции уже не исчезал. Тревожное политическое явление возникло и в виде чернорубашечников Муссолини. Во всех этих тенденциях либералы видели угрозу существующим свободам.

Привлекательность социализма и перспектива революции добавили злободневности дискуссиям, которые экономисты вели по поводу осуществимости экономического планирования. В 1920-х годах в Кембриджском университете Джон Мейнард Кейнс предложил решить проблему экономических спадов с помощью расширения государственных расходов в качестве антициклической меры. Тем временем в 1920 г. в Вене ведущий представитель австрийской экономической школы Людвиг фон Мизес анализировал главную проблему экономического расчета при социализме: можно ли эффективно размещать ресурсы в условиях плановой экономики. Позже ученик Мизеса, друг и идейный оппонент Кейнса, Хайек добавил завершающие штрихи; он считал, что механизм цен работает как генератор информации и посылает столь точные и понятные сигналы производителям и потребителям, что никакие плановики не способны их заменить. После краха Уолл-стрит капитализму, казалось, пришел конец. Хайек спорил с Кейнсом по поводу предложения последнего использовать налогово-бюджетную (фискальную) политику для ликвидации колебаний экономических циклов. Эта дискуссия завершилась публикацией работы Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), которая преобразовала экономическую политику, ибо, как тогда казалось, объясняла, за счет чего можно справиться с рецессиями¹.

Великая депрессия заставила многих ранних неолибералов австрийской школы, фрайбургской школы и Лондонской школы экономики признать, что для выполнения главной задачи государства — поддержания рыночного порядка необходимы некоторые формы государственного вмешательства и социального обеспечения. Так считал Хайек, так считали его друг

и впоследствии коллега по Лондонской школе Карл Поппер и лидер первой Чикагской школы экономики Генри Саймонс. В Германии фрайбургская школа, известная как «ордолибералы» (по названию журнала «Ordo», главному органу этого течения после 1948 г.), полагала нужным использовать возможности государства для поддержания рыночного порядка. В этом она отклонялась от доктрин *laissez faire** XIX в. и новейшего активистского „либерализма“ Ллойд Джорджа и Франклина Рузвельта. Она хотела воссоздать *неолиберализм*

* *Laissez faire* — первая часть классической максимы, предписывающей государству не вмешиваться в хозяйственную деятельность частных лиц: *laissez faire, laissez passer* (позволяйте делать, позволяйте двигаться (*фр.*)). Источником происхождения этого выражения считается ответ фабриканта Лежандра главе правительства Людовика XIV Жану-Батисту Кольберу, спросившему, что он может сделать для промышленности: «*Laissez nous faire*» («Позвольте нам действовать»). Впервые записана в 1736 г. в рукописных мемуарах пересказывавшего эту историю маркиза Рене-Луи д'Аржансона (1694—1757), экс-министра Людовика XV и руководителя внешней политики Франции в 1741—1747 гг. (Подробнее см. в: *Онкен А.* Максима *Laissez faire et laissez passer*, ее происхождение, ее становление: к истории теории свободы торговли. М.; Челябинск: Социум, 2017 (готовится к печати).)

Каково бы ни было происхождение этой фразы, сама доктрина возникла естественным образом на рубеже XVII—XVIII вв. как протест против избыточного регулирования промышленности со стороны правительства. Содержательно первая часть этой фразы означает требование *свободы предпринимательства*, вторая — требование *свободы торговли*. Влияние доктрины *laissez faire* на реальную жизнь достигло апогея около 1870-х годов (см. также комментарий о манчестерском либерализме на с. 31).

В первой трети XIX в. для обозначения экономического политики *laissez faire, laissez passer* появился подходящий термин — либерализм. Но уже к концу XIX в. он был присвоен противниками этой идеологии: почти все, кто называл себя «либералами» в конце XIX — начале XX в., выступали за ограничение частной собственности и отстаивали мероприятия частью социалистические, частью интервенционистские.

В связи с тем, что эта доктрина активно обсуждается на страницах книги Д. Стедмена-Джоунза без сколько-нибудь подробного изложения ее содержания, мы решили опубликовать в качестве Приложения к русскому изданию параграф «О смысле *laissez faire*» из главного сочинения одного из героев этой книги Л. фон Мизеса. — *Прим. науч. ред.*

4

в духе свойственной классическому либерализму преданности индивидуальной свободе. Таким образом, неолиберализм формировался в межвоенный период как совокупность точечных реакций на конкретные ситуации — опыт войны и экономической депрессии, наступление фашизма, нацизма и коммунистического тоталитаризма, — и эти ситуации сильно отличались от условий конца XX в., когда этот термин стал синонимом либерализации рынка и глобализации.

После 1945 г. Хайек и Фридмен сначала помогли разработать, а потом консолидировать программу неолиберальной социально-экономической политики и политическую стратегию. В 1947 г. Хайек собрал группу разрозненных интеллектуалов на встречу в Швейцарии, чтобы обсудить, как можно отстаивать либерализм перед лицом вызовов со стороны «коллективизма»; этот термин понимался очень широко и включал в себя нацистский и советский тоталитаризм, „либерализм“ Нового курса и английскую социальную демократию. Группа приняла название Общества Мон-Пелерен. Затем в статье 1949 г. «Интеллектуалы и социализм» Хайек сослался на успехи левых английских фабианцев в подтверждение своей мысли, что в рамках рыночной системы индивидуальную свободу можно защитить только с помощью стратегии формирования общественного мнения, которую продвигает и направляет элита. Как и Кейнс, Хайек считал, что идеи проникают в политику очень медленно. Поэтому для успеха свободной рыночной системы необходимо сосредоточиться на изменении умонастроения «торговцев поддержанными идеями», интеллектуалов. Стратегия была ясна: теоретики неолиберализма должны привлечь на свою сторону широкие круги интеллигенции, журналистов, экспертов, политиков и чиновников. Это было осуществлено с помощью трансатлантической сети финансовых спонсоров и возглавлявших аналитические центры идеологических предпринимателей, а также с помощью популяризации неолиберальных идей журналистами и политиками.

В последующие десятилетия неолиберальный центр тяжести сместился из Европы в США, прежде всего в Чикагский университет. Статус Хайека как теоретика-основоположника оставался незыблемым, а самым талантливым прозелитом неолиберализма проявил себя Милтон Фридмен, неутомимый «публичный интеллектуал» и поборник рыночной системы. Другие чикагские экономисты — Джордж Стиглер, Аарон

Директор, Рональд Коуз и Гэри Беккер — предложили новые направления анализа свободного рынка. Хайек в 1950-х годах тоже работал в Чикаго, в университетском Комитете по социальной мысли (на экономическом факультете его австрийские теории воспринимались не очень благосклонно). Он тоже неустанно пропагандировал свои идеи. Союзницей чикагской школы была виргинская школа Бьюкенена и Таллока с ее теорией общественного выбора. Теория рационального выбора, разработанная Уильямом Райкером в университете Рочестера, тоже, подобно чикагской и виргинской теориям, использовала экономические рационально обоснованные модели максимизации полезности для объяснения государственной политики и прочих сфер социальной и политической жизни. Эти обитавшие в США неолибералы сформировали интеллектуальные узлы в самой сердцевине трансатлантической сети, объединявшей аналитические центры, бизнесменов, журналистов и политиков, которые распространяли все более четкие идеологические сигналы о превосходстве свободных рынков.

Отточенную неолиберальную теорию, созданную этими усилиями, следует отличать от чисто научного вклада австрийской, чикагской и виргинской экономических школ. Фридмен сам утверждал, что специальные и эмпирические исследования, выполненные им как экономистом, относились к иной сфере, нежели его политическая теория и общественная деятельность. Он имел в виду, что его исследования были открыты для строгой эмпирической проверки и поэтому теоретически могли быть пересмотрены; если же говорить о защите достоинств рынка, то она, напротив, проистекала из глубоких и неизменных политических убеждений. Однако несомненно, что рыночные симпатии Хайека, Фридмена, Стиглера, Бьюкенена и Таллока снискали доверие благодаря научным достижениям этих людей. Их академический авторитет способствовал тому, что политики и чиновники с большей серьезностью воспринимали неолиберальные идеи, когда эти последние соответствовали новому набору проблем, — как предложения Кейнса соответствовали им в период Великой депрессии.

В середине 1970-х годов неолиберальные подходы к макроэкономическому управлению и регулированию впервые обладали в администрации президента-демократа Джими Картера и в окружении лейбористских премьер-министров Гарольда Вильсона и Джеймса Каллагэна. Картер начал

дерегулирование транспортного и банковского секторов и назначил Пола Волкера главой Федерального резерва. После 1975 г. Вильсон, его преемник Каллагэн и министр финансов Денис Хили предприняли резкое сокращение государственных расходов и отказались ради обуздания инфляции от долго лелеяемой послевоенной цели — полной занятости. Эти неолиберальные начинания были предприняты левыми политиками, поскольку „либерализм“, социальная демократия и кейнсианство выглядели беспомощными перед лицом стагфляции. Но уже в 1960-е годы у ведущих английских и американских политиков наметилась склонность к перемене позиции по целому ряду проблем, особенно по отношению к профсоюзам, социальному обеспечению, жилищному строительству и развитию городской инфраструктуры. Для тех сфер, где прежняя политика явно провалилась, — например, доступное жилье и реконструкция городов, — с большей готовностью проводился поиск решений, основанных на рыночных принципах.

Несмотря на то что политика менялась постепенно, неолиберальное наследие не следует рассматривать только как настоятельные рекомендации по постепенному переходу от государственного снабжения к рыночному экспериментированию. Напротив, изначальная привлекательность неолиберальных рецептов в конце концов, в 1980-х годах, привела к повсеместному и гипертрофированному господству философии свободного рынка. Это был перебор. Некоторые предложения неолибералов действительно отвечали проблемам 1970-х годов — стагфляции, ухудшению трудовых отношений, провалу стратегий по социальному обеспечению и борьбе с бедностью, снижению экономической конкурентоспособности. Но отсюда никак не следовало, что непременно атрибутом реализации этих предложений должно стать усиление веры в рыночную систему. Ведь именно безграничная вера в могущество рынка и возможности дерегулирования привела поколением позже, в 2007—2008 гг., к краху международной финансовой системы. Кроме того, радикальная рыночная философия вступила в противоречие с более умеренной первоначальной позицией самих неолибералов. Этот скачок сделали энергичные правые политики после избрания Маргарет Тэтчер в 1979 г. и Рональда Рейгана в 1980 г. О том, как неолиберальные представления — об индивидуальной свободе, свободных рынках и дерегулировании — трансформировались в электорально успешные программы

в Англии и США в период между 1940-ми и 1980-ми годами, и пойдет речь в этой книге.

Три фазы неолиберализма

В истории неолиберализма четко выделяются по крайней мере три фазы. Первая продолжалась с 1920-х годов примерно до 1950 г. В межвоенной Европе сам термин начал наполняться содержанием, по мере того как экономисты австрийской школы и немецкие ордолибералы пытались очертить контуры рыночного общества, которое, по их мнению, было наилучшим способом организовать экономику и обеспечить индивидуальные свободы. Термин «неолиберальный» одобрили участники коллоквиума Уолтера Липпмана, организованного в 1938 г. французским философом Луи Ружье в Париже для обсуждения книги Липпмана «Хорошее общество» (Lippmann «The Good Society», 1937). На этом термине остановились потому, что обозначал нечто большее, чем просто возвращение к экономической доктрине *laissez faire*. Чтобы справиться с вызовами 1930-х годов, неолиберализм должен был переформулировать идеи либерализма. В числе участников были Хайек, Александр Рюстов, Вильгельм Рёпке, Людвиг фон Мизес, а также французский экономист Жак Рюэфф и разносторонний венгерско-английский ученый Майкл Полани. Эти люди вместе с другими из Европы и Америки впоследствии, в 1947 г., создали Общество Мон-Пелерен под руководством Хайека и Рёпке и при финансовом содействии швейцарского бизнесмена Альберта Хунольда.

Влияние того либерализма, за который выступало Общество Мон-Пелерен, заметно уже в статье Милтона Фридмена «Неолиберализм и его перспективы», опубликованной в 1951 г.² Хотя эта статья прошла практически незамеченной и во многих отношениях не характерна для стиля мышления Фридмена, в ретроспективе ее можно рассматривать как важное переходное звено между первой и второй фазами неолиберализма, между интересами преимущественно европейских основателей течения, представлявших Австрию, Лондон, Манчестер, Францию, Швейцарию и Германию, и интересами следующего поколения, представители которого хотя и далеко не все были американцами, но группировались главным образом в Чикагском и Виргинском университетах. Конечно, «первая

Чикагская школа» экономики, к которой принадлежали Фрэнк Найт, Джейкоб Вайнер и Генри Саймонс, тоже сыграла роль в формировании неолиберализма, но большинство ранних неолбералов были все же европоцентричными.

Вторая фаза неолиберализма длилась с 1950 г. вплоть до кульминации политики свободного рынка при Тэтчер и Рейгане в 1980-х годах. Почти весь тот период, когда „либерализм“ Нового курса и английская социальная демократия находились в зените, когда торжествовали неокейнсианские рецепты экономической политики, обернулся для неолбералов, на первый взгляд, тощими годами. Если не считать Германию, в 1950—1960-х годах они не имели реальных политических успехов. Но зато неолберализм консолидировался идейно и мужал политически. Он превращался в узнаваемое идейное направление и политическое движение. Группа теоретиков, исследователей, бизнесменов и политиков приобретала все большую уверенность в себе, оттачивала выверенную программу рыночных рекомендаций и выдвигала ее на первый план. Любопытно, что именно в этот период пропагандисты неолберализма стали не так часто употреблять сам термин «неолберализм». Это было довольно странное время, потому что именно тогда американские теоретики неолберализма все чаще применяли это понятие к таким сферам, как отраслевая организация, денежная политика и регулирование. Но причина, возможно, в том, что в американском контексте этот термин в то время не имел значительной смысловой нагрузки.

Особенностью позиции чикагской школы была «методология позитивной экономики», из которой потом возникли фридменовское возрождение монетаризма и стиглеровская теория захвата регуляторов регулируемыи. Этому эмпирическому уклону сопутствовали новые теории и исследовательские проекты; эти разработки были осуществлены в 1950-х — 1960-х годах при финансовом содействии заинтересованных деловых кругов, и в них отмечалось, что монополия по природе своей сравнительно безвредна, а крупные корпорации играют положительную роль. Чикагская школа считала, что гораздо более опасным проявлением монополизма является власть, присвоенная профсоюзам. Однако мнение чикагской школы резко контрастировало с позицией европейского неолберализма и даже с позицией таких ее собственных предшественников, как Фрэнк Найт, Джейкоб Вайнер и особенно Генри Саймонс.

Немецкие ордолибералы, например, всегда придавали большое значение энергичной антимонопольной политике. Наряду с прикладными разработками чикагские экономисты поднимались и на более высокий уровень. В полемической книге Фридмана «Капитализм и свобода» (1962) — Филипп Мировски и Роб Ван Хорн назвали ее «Американской „Дорогой к рабству“»³ — рынок предстает как совокупность средств, доставляющих и социальные блага, и цели, т.е. саму хорошую жизнь.

Третья фаза в истории неолиберализма, начавшаяся после 1980 г., связана с активным внедрением принципов рыночной либерализации и финансовой дисциплины в политику развития и международной торговли. Неолиберализм вырвался за границы круга, ограниченного пределами преимущественно североатлантической и западноевропейской научной элиты и внутренней национальной политики, и проник во многие глобальные институты, особенно в бывших коммунистических странах и в развивающемся мире. Его принципы были восприняты экономистами и руководством Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), Евросоюза и вошли в состав Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА). 1980—1990-е годы примечательны пресловутой политикой «структурной реформ», которую продвигали все эти организации и соглашения. В 1989 г. английский экономист Джон Уильямсон подытожил основные ее положения, назвав это «Вашингтонским консенсусом»; последний включал налоговую реформу, либерализацию торговли, приватизацию, дерегулирование и гарантию прав собственности⁴. Решительность, с которой проводилась эта политика, резко критиковали такие экономисты, как Джозеф Стиглиц и Пол Кругман, а также бескомпромиссные оппоненты капитализма в движении антиглобалистов, громко заявившего о себе во время конгресса ВТО в Сиэтле в 1999 г.

Предметом настоящей книги является вторая фаза неолиберализма. В этот период первые дискуссии о правильном сочетании рынка с нарождавшимся социальным государством или о «совместимых» экономических интервенциях, предусмотренных концепцией «поэтапной социальной инженерии» Карла Поппера, выливались в полное отрицание экономического планирования, социальной демократии и „либерализма“ Нового курса. Более умеренная позиция характерна для таких работ, как «Дорога к рабству» Хайека (1944) и «Открытое

общество и его враги» Поппера (1945), или программ, наметенных в «Хорошем обществе» Липпмана (1936) и в «Экономической политике для свободного общества» Генри Саймонса (1946). В подобных работах признавалась необходимость систем социального обеспечения. Но после того, как Хайек в 1947 г. основал Общество Мон-Пелерен, неолиберальные теоретики начали отказываться от компромиссов, которые были наследием 1930—1940-х годов, и переходить на позицию, уже почти не обремененную сомнениями в достоинствах рынка⁵. Экономисты из Чикагского, Виргинского и Рочестерского университетов все настойчивее превозносили свободный рынок, дерегулирование и стимулирующее воздействие рациональных ожиданий. Эти идеи продвигались в 1950—1960-х годах такими аналитическими центрами, как британский Институт экономических дел (IEA) или Американский институт предпринимательства (AEI).

9

Хотя после 1950 г. чикагская и виргинская теории стали более прямолинейны, а перья Фридмена, Стиглера и Бьюкенена с большей энергией превозносили рынок, в политической сфере это привело к тому, что неолиберальные идеи стали четче и резче. Скажем, такие организации, как IEA и AEI, говорили о необходимости социального и экономического неравенства, поскольку оно служит двигателем социального и экономического прогресса. (Хайек в своих поздних работах тоже предпочел более «эволюционистский» подход к социальной и политической философии⁶.) Благодаря упрощению тезисов неолиберальные идеи стали пользоваться повышенным спросом во всякого рода дискуссиях, которыми сопровождалось многочисленные кризисы „либерализма“ и социальной демократии в 1960—1970-х годах. Поборники неолиберализма, в частности Фридмен, сразу подметили это обстоятельство. Простота сделала неолиберальные лозунги более энергичными, и это означало, что они попали в поле зрения ведущих политиков, — особенно когда экономическая ситуация по обе стороны Атлантики ухудшилась.

Добавочную привлекательность придавала неолиберализму его внешняя созвучность с традициями и мифами американского индивидуализма. Если такие фигуры, как Барри Голдуотер и Рональд Рейган, одобряли неолиберальную политику, это отнюдь не означало, что они считали себя неолибералами. В условиях Америки неолиберальные идеи прокладывали

дорогу тихо и незаметно, под видом грубого индивидуализма или либертарианства, — течения хотя и отличного от консерватизма, но имевшего с ним общее пространство. Рейган умело соединил эти две традиции с другими формами социального и религиозного консерватизма. Важный аспект этой фазы в истории неолиберализма состоял, таким образом, в том, как политические привлекательные, преимущественно экономические неолиберальные рекомендации сочетались с формами резкой реакции социального и культурного консерватизма на „либеральный“ прогрессизм 1960-х годов. Это была та идеология, которая в конечном счете снискала расположение политиков и общества США после 1968 г.

Некоторые наблюдатели, особенно политики, состоявшие в консервативном (Англия) и республиканском (США) правительствах в 1980-х годах, скептически относились к утверждению Кейнса, что «кабинетные писаки» оказывают воздействие на политику. Дело, говорили они, в другом: экономическая реальность Англии и США привела к победе на выборах Тэтчер и Рейгана. И их действия были успешными именно потому, что были правильными. Однако исторический процесс, о котором я сейчас говорю, процесс проникновения идей в программы политических партий, наглядно показывает, как идеи движутся, меняются, искажаются и порой смешиваются с полярными противоположностями в неприглядном мире электоральной и всевозможной прочей, в том числе государственной политики⁷. И настоящая книга, в отличие от тех исторических работ, личных суждений и комментариев, которые рисуют благостную картину неизбежности или триумфа политики новых правых, в значительной мере посвящена тому, чтобы показать, насколько непредсказуемыми, случайными и неожиданными путями проявлялось влияние неолиберальных идей. Но прежде чем приступить к этой истории, нужно сначала четко обрисовать место неолиберализма в истории идей и широком дискуссионном контексте; это позволит правильно позиционировать основные положения данной книги.

Неолиберализм и история

Как отметила политолог Рэйчел Тернер, и в широких дискуссиях, и в научной литературе термин «неолиберализм» исполь-

зуется в очень расплывчатом значении⁸. Общий абрис истории термина как будто не вызывает разногласий, но вот точное его содержание обычно ускользает от понимания. Это, наверное, неудивительно, поскольку историки только начали изучать происхождение термина и уточнять его действительное значение. Задача усложняется еще и тем обстоятельством, что на разных берегах Атлантики термины «либерализм», «неолиберализм», «новый либерализм», «новые демократы», «новые лейбористы», «неоконсерваторы» понимаются по-разному*.

Попытки уточнить значение термина, — например, изданный Филипом Мировски и Дитером Плеве сборник «The Road from Mont Pelerin» (2009), — сделали акцент на динамической природе неолиберализма. Статьи сборника посвящены «коллективу неолиберальных мыслителей», который сознательно ограничен учеными и теоретиками Общества Мон-Пелерен. Если исходить из того, в каком расплывчатом значении обычно используется этот термин, стремление уточнить его путем привязки к определенному обществу, его членам и их работам, конечно, можно счесть похвальным. Вместе с тем такое узкое понимание сопряжено с опасностью упустить из вида ряд более широких политических коннотаций, особенно во второй фазе истории неолиберализма. Я вкладываю в термин «неолиберализм» более широкое содержание. В моей книге он обозначает не одну лишь конкретную группу ученых и политиков, принадлежащих к одной определенной организации, но применяется как к мыслителям и организаторам исследований, которые развивали стратегию Хайека, так и к практическому воплощению неолиберальных идей после 1970 г. Таким образом, я выхожу за пределы теоретических дискуссий в Обществе Мон-Пелерен и дополняю их более широким политическим ракурсом.

Неолиберализм не был совершенно однородным и целостным политическим движением. Некоторые целесообразные с точки зрения государственного управления действия Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана вступали в противоречие с идеалом рыночного органицизма, особенно наглядно явленным в обращениях Хайека к Эдмунду Бёрку⁹. Такие политики, как Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган, Джек Кемп и Найджел Лоусон (никто из них не состоял в Обществе Мон-Пелерен),

* См. выше прим. на с. 14. — *Прим. науч. ред.*

утверждали, что их политика — это составная часть традиции, восходящей к классической либеральной политической экономии Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо и либералам манчестерской школы^{*},¹⁰, Ричарду Кобдену и Джону Брайту. А если брать более современных мыслителей, то она опирается

* Манчестерская школа (манчестеризм, манчестерство, манчестерский либерализм) — либеральная политическая и экономическая программа (идеология), сформулированная в ходе агитации за отмену хлебных законов в Англии в середине XIX в. и в последующие годы лидерами «Лиги за отмену хлебных законов» (прежде всего Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом).

Фразу «манчестерская школа» часто использовал британский политический деятель Бенджамен Дизраэли для обозначения движения за свободу торговли; в Германии социалисты и националисты использовали придуманный Фердинандом Лассалем термин «манчестерство» (*manchestertum*) в качестве синонима «бездушного капитализма» для оскорбления и высмеивания своих либерально настроенных оппонентов.

В ходе агитации в речах ораторов Лиги были сформулированы и обоснованы все основные принципы либеральной экономической и внешней политики. В значительной мере они были положены в основу деятельности правительств Великобритании во второй половине XIX в. Участники движения не оставили систематизированных трудов в этой области, их идеи разбросаны в многочисленных речах на митингах. Только собрание речей Кобдена состоит из трех томов общим объемом более 3000 страниц. Это был (и остается) в высшей степени практический либерализм.

Теоретической основой манчестерского либерализма послужили произведения Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо, Джона Стюарта Милля. В области внешней политики представители манчестерской школы выступали резко против войны и империализма, проповедуя мирные отношения между народами.

В 1927 г. Людвиг фон Мизес изложил основные положения манчестерской версии классического либерализма в своей книге «Либерализм», которая и сегодня остается единственным систематическим изложением принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики, демонстрируя тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием.

В настоящее время термин «манчестерская школа» иногда применяется для обозначения радикального либерализма/либертарианства в экономической политике: *laissez faire* (см. выше прим. на с. 17), свобода торговли, устранение государства из экономики

на идеи Хайека, Фридмана и Бьюкенена. Подобные заявления отражают вполне определенный взгляд на историю либерализма; они свидетельствуют об усвоении неолиберальной идиоматики. Перечисленным политикам, например, нравился либерализм Джона Стюарта Милля в статье «О свободе», но не нравился его «Утилитаризм».

Неолибералы как авторитарного, так и либертарианского толка с подозрением относились к «новому либерализму» Л. Т. Хобхауса* или Уильяма Бевериджа и Джона Мейнарда Кейнса, поскольку „либерализм“ этого типа уповал на вмешательство государства. Также им не нравились «Великое общество» Линдона Джонсона, английская социальная демократия Клементы Эттли и Ная Бивена и даже консерватор Рэб Батлер (тот самый «Бат» в «батскеллизме», как остроумно окрестил послевоенную английскую политику автор журнала «Economist» Норман Макрей**). Но больше всего они не любили Новый курс Франклина Рузвельта. Политическая неоднородность неолиберализма, как и разнообразие ученых и дисциплин, ассоциируемых с самим Обществом Мон-Пелерен, требует серьезного исторического объяснения. Как и почему термин «неолиберализм» действительно приобрел гораздо более широкое значение, чем то, которое, возможно, хотели сохранить за ним Хайек и его единомышленники на встречах и дискуссиях в своем обществе?

Неолиберальные идеи, несомненно, имеют немалое внешнее сходство с классическим либерализмом и либерализмом

и оптимистический акцент на «гармонизирующем» влиянии капитализма свободного предпринимательства.

См.: *Бастия Ф.* Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии. М.; Челябинск: Социум, 2017; *Мизес Л. фон.* Либерализм. Челябинск: Социум, 2014. — *Прим. науч. ред.*

* См.: *Хобхаус Л. Т.* Либерализм // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 83—182. — *Прим. науч. ред.*

** Батскеллизм — распространенный в Великобритании в 1950-е годы термин, составленный журналом «Экономист» из фамилий двух политиков, последовательно занимавших пост министра финансов — лейбориста Хью Гейтскелла (1950—1951) и консерватора Р. А. Батлера (1951—1955). Оба выступали за «смешанную экономику», мощную программу социального обеспечения и кейнсианскую систему контроля и регулирования спроса. — *Прим. науч. ред.*

laissez faire манчестерской школы. Вместе с тем им присущи важные особенности, не свойственные более ранним формам либеральной мысли. Как показывают последние исследования, ранние неолибералы — в Австрии, Париже, Швейцарии и Германии, в Лондонской школе экономики, Манчестере и Чикаго — были критически настроены и по отношению к классическому либерализму, и по отношению к тому, что они воспринимали как эксцессы *laissez faire*¹¹. Потом, в послевоенные десятилетия, неолиберальные ученые и политики начали распространять эту критику и на другие области, в том числе путем связывания свободной рыночной системы со свободой как таковой. Ряд важных расхождений и различий между ранними формами либерализма и неолиберальной мыслью будет подробно рассмотрен в главе 3.

Вплоть до последнего времени в описании неолиберализма преобладал мемуарно-журналистский подход, рассматривавший неолиберализм скорее как свершившийся политический и экономический факт, чем как историческое явление, которое еще ждет своего объяснения. Обсуждение неолиберализма сосредоточено на его нынешнем существовании в качестве категории текущей политики и обходит вниманием его происхождение, развитие и последствия (прошлые). Историческая перспектива почти полностью отсутствует. Лишь совсем недавно исследования таких историков, как Энгус Бёргин и Бен Джексон, начали восполнять этот пробел, особенно в отношении 1930—1940-х годов. Они существенно улучшили наше понимание того, чем вдохновлялись ранние либералы и, соответственно, понимание контраста между этими ранними годами и более поздним временем. Но несмотря на эти усилия, история неолиберализма по-прежнему находится во власти двух диаметрально противоположных интерпретаций, каждая из которых страдает крупными недостатками.

Первая — это миф об исторической неизбежности торжества неолиберализма. Этот миф подпитывают не только интеллектуалы и политики неолиберального толка; его укрепляют некоторые историки и политологи. Самый яркий и академичный образец этой концепции, в данном случае применительно к Англии, — книга Ричарда Коккетта «Мыслить немислимое» (Richard Cockett «Thinking of the Unthinkable»); в ней повествуется о центральной роли английских аналитических центров в разрушении послевоенного консенсуса по макроэкономи-

ческой политике в Англии¹². Что касается США, то Джордж Нэш рисует детальную картину консервативного интеллектуального влияния и, в частности, историю «фьюжионизма», слияния различных направлений консерватизма, которое одобрял и поддерживал Уильям Бакли и практически осуществил Рейган. Книга раскрывает невероятную сложность и внутреннюю противоречивость течения «новых правых»¹³. В том же духе выдержаны биографии таких видных политических фигур, как Барри Голдуотер, Энох Пауэлл, Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, их собственные мемуары и воспоминания их коллег, в частности Джеффри Хау, Найджела Лоусона и Алана Гринспена¹⁴.

Неолиберализм представляет собой призму, сквозь которую можно рассматривать трансформацию всего политического спектра, а не только отдельно взятых сегментов Консервативной или Республиканской партий. Правый крен политики в Англии и в США — это не просто история подъема или успеха какой-то новой версии консерватизма. Успех неолиберальных идей не был непосредственным побочным продуктом подъема «новых правых» или триумфа тэтчеризма. Изменение экономической политики в 1970-х годах стало возможным благодаря успеху предложений, которые стояли выше узкой партийной принадлежности. Ужасное экономическое положение привело к тому, что монетаризм, дерегулирование и профсоюзная реформа проникли в политику Картера и Каллагэна как троянские кони, наполненные спорной неолиберальной верой во всемогущество рынка. Важность этого обстоятельства — а именно того, что признание необходимости изменить политику в некоторых ее экономических аспектах совершенно не подразумевает абсолютизации господства свободного рынка, — в значительной степени недооценивалась. Во многих работах совершенно не прослеживается связь между политикой Рейгана и Тэтчер и ее предшественницами — соответственно политикой лейбористской и демократической партий; единственное, что говорится, это то, что им пришлось вынужденно, против воли, стать адептами чуждой идеологии. Консервативные авторы привыкли считать, что некоторые ключевые решения лейбористского и демократического правительств в 1960—1970-е годы были притворством; а левые и „либеральные“ авторы называют их постыдными. Эти оценки упускают из вида важные составляющие успехов и неудач неолиберального политического проекта.

Вторая основная интерпретация неолиберализма, известная своим критическим к нему отношением, считает неолиберализм монолитным и опасным проявлением влияния США на глобальную политику. С этой точки зрения неолиберализм, уже полностью сработанный в политической мастерской чикагских экономистов, вышел на сцену почти сразу после того, как в Чили генерал Аугусто Пиночет в 1973 г. сверг демократическое правительство Сальвадора Альенде. Цель неолиберализма состояла в том, чтобы причинить как можно больше вреда бедному населению развитого и, в особенности, развивающегося мира. По этой версии, «чикагские мальчики» в Чили — это первая группа, продвигавшая разрушительную программу рыночной либерализации, которую потом в виде «структурных реформ» стали навязывать такие организации, как МВФ, Всемирный банк и Министерство финансов США¹⁵. Фридмен и Хайек — теоретические основоположники, а Тэтчер и Рейган — образцовые практические политики западного неолиберализма. Этот термин включает в себе отрицательный оттенок смысла. Английский географ-марксист Дэвид Гарви, например, утверждает, что «неолиберализация» на самом деле представляла собой очень эффективную форму классовый борьбы со стороны финансового капитала, — как в Китае, так и на Западе¹⁶. Эндрю Глин полагал, что в 1970-х годах катализатором рыночных реформ в развитом мире стал кризис прибыльности бизнеса¹⁷. Наоми Кляйн, изыскающая более понятным для масс языком, назвала неолиберализм «шоковой доктриной ужасного капитализма», которую подпитывают такие катастрофы, как теракт 11 сентября [2001 г.], война в Ираке и ураган Катрина¹⁸.

В подобного рода концепциях содержится ряд ценных наблюдений, особенно по поводу неприглядных связей между бизнесом, финансовым капиталом и политической властью. Но в целом они оставляют желать много лучшего. Как отметил Миrowsки, ошибочно сводить неолиберальные идеи к неоклассической экономической теории, что склонны делать эти авторы¹⁹. С точки зрения общественного мнения неолиберальные идеи сформировались под преобладающим влиянием чикагской экономической теории. Но на самом деле они представляли собой коктейль, основой которого было не только убеждение в могуществе рынков или, говоря проще, корпораций, но и крайнее недоверие к власти государства, к его вмешатель-

ству и к бюрократии. Подобным же образом интеллектуальные и политические стратегии, реализуемые неолибералами в послевоенный период, установили новые точки соприкосновения между научным сообществом и политикой. Новый тип политической организации был подкреплен успешной работой аналитических центров, выступающих за свободный рынок, созданных в США и Англии, — таких как Американский институт предпринимательства (АЕИ), Фонд экономического образования (ФЕЕ), Институт экономических дел (IEA), Фонд «Наследие», Центр исследования социально-экономической политики, Институт Катона и Институт Адама Смита. Руководители этих организаций — Ф. А. Харпер, Леонард Рид, Ральф Харрис, Артур Селдон, Энтони Фишер, Эд Фелнер, Эд Крейн, Имонн и Стюарт Батлеры, Мэдсен Пири — были профессиональными идеологическими предпринимателями, распространявшими неолиберализм. Их успешная деятельность оказала долговременное устойчивое влияние на политическую деятельность, которая в каждой стране обычно имела разные результаты.

Но ни концепция «неизбежности», ни марксистский или неомарксистский подход нас, конечно, не удовлетворят. Если не считать достойных упоминания попыток политологов и социологов Пола Пирсона и Моника Прасад провести сравнительный анализ английской и американской политики при Рейгане и Тэтчер²⁰, практически отсутствуют исследования, рассматривающие становление неолиберализма в его подлинном трансатлантическом контексте. Литература крайне неоднородна и посвящена либо очень узким вопросам, либо очень широким. Эти историографические лакуны не позволяют правильно понять связь между Европой, Англией и США, которая сыграла важнейшую роль в становлении неолиберальных идей и их кристаллизации в послевоенный период. Несмотря на последующую «англизацию» и «американизацию» Хайека, Поппера и Мизеса, нельзя недооценивать влияние, которое оказали на их интеллектуальное формирование проблемы и традиции, характерные для континентальной Европы. Их воздействие — в частности, страх перед нацистским тоталитаризмом и сведение воедино под ярлыком «коллективизма» таких разных политических течений, как прогрессисты, „либералы“, социалисты и социал-демократы, — в свою очередь, влияло (порой косвенным образом) на то, как неолиберализм

развивался впоследствии усилиями американских теоретиков, например Фридменом и Бьюкененом.

Историкам еще предстоит подробно исследовать нюансы послевоенного неолиберализма, отношение его политических и организационных форм к теориям главнейших его академических представителей и те пути, которыми эти идеи распространялись с помощью идеологической инфраструктуры и международных организаций. Трансатлантический характер неолиберализма часто воспринимается как некая данность, не требующая тщательного исследования ее истоков и эволюции. Не придавалось серьезного внимания тому, насколько методы неолиберальной политики отличались от неолиберальной политической философии, и какими путями неолиберальные идеи встраивались в левое политическое течение. Желание критиков рассматривать неолиберализм как идеологию злокозненной глобализации препятствовало правильному пониманию истоков его широкой популярности, поскольку американским и английским избирателям он преподносился в риторическом облачении соответственно Республиканской и Консервативной партий.

Трансатлантическая неолиберальная политика

Ядром трансатлантической неолиберальной политики была экономическая составляющая, а именно монетаристская критика неокейнсианства и превознесение свободных рынков. Ей сопутствовала и сыграла решающую роль в успехе этой политики реакция на так называемое общество вседозволенности [permissive society], громко заявившее о себе беспорядками 1968 г. (в США она сочеталась с сильным противодействием со стороны правых движению за гражданские права чернокожего населения). Эта позиция неизменно присутствовала в программах неолиберальных политиков, находившихся у власти. Вторым измерением неолиберальной политики было решительное ведение холодной войны против советского коммунизма. Но в неолиберальной политике экономическая критика всегда имела особый вес. В разгар неурядиц 1970-х годов экономические доводы против явной неадекватности кейнсианского управления спросом и крупных расходов на социальные нужды и доводы в пользу борьбы с инфляцией и засильем

профсоюзов выглядели безоговорочно убедительными. Своим приходом к власти Тэтчер и Рейган обязаны в первую очередь экономическим идеям.

Некоторые аспекты истории неолиберальной политики, безусловно, хорошо изучены. И все же данная книга вносит свой вклад в трех различных историографических плоскостях. Во-первых, она дополняет существующую литературу по консерватизму, либерализму, подъему правых и самому неолиберализму за счет концентрации внимания на недооцененном реальном значении трансатлантической природы неолиберализма. Суть в том, что неолиберализм не просто появился в разных местах в одно и то же время; он появился как связующее их звено. В книге «Атлантические перекрестки» (1998) Дэниел Роджерс изображает трансатлантическую сеть прогрессистов эпохи *fin de siècle** и начала XX в., искавших способы обуздания «дикого» капитализма в Европе и США; он показывает, что корни Нового курса лежат в разысканиях и выводах, общих для американских и европейских реформаторов. Отчасти под влиянием этого подхода данная книга позиционирует неолиберализм в его корректном трансатлантическом контексте.

Появление «новых правых» в США и Англии в целом и политика Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана в частности порой преподносятся как случайные совпадения. Их схожесть объясняют непредсказуемым сочетанием времени, места и личных качеств. Некоторые из тех, кто дал интервью для моей книги, например Мартин Андерсон и Питер Джей, придерживаются той точки зрения, что вся значимость этого совпадения вполне проявилась лишь после того, как Тэтчер и Рейган заняли свои посты, и не в последнюю очередь благодаря их общему отношению к СССР и холодной войне. С другой стороны, наличие трансатлантической связи, которую часто объясняют просто хорошим личным знакомством Рейгана и Тэтчер, просто констатируется, без надлежащего выяснения ее подлинной природы. Эта узкий угол зрения оставляет без внимания глубинные взаимосвязи, параллели и, самое главное, различия неолиберальной политики в Англии и США.

Как сейчас представляется, действительные масштабы координации практической политики между правительствами

* Конец столетия (фр.) — Прим. науч. ред.

Тэтчер и Рейгана и их членами были хотя и заметными, но ограниченными²¹. История предпринимательских зон, рассмотренная в главе 7, служит важным примером очевидного трансатлантического трансфера политики. Идея прибыла через Атлантический океан в лице Стюарта Батлера. Он покинул Институт Адама Смита, который в 1977 г. основал вместе со своим братом Имонном и Мэдсеном Пири, чтобы после 1979 г. занять важное место в вашингтонском фонде «Наследие» Эда Фелнера. Пожалуй, удивительно, что таких наглядных примеров больше нет. Но несмотря на сравнительную скудость прямого обмена, связь идей двух администраций и их общая история принципиально важны для понимания политической влиятельности и воздействия неолиберализма. Различие приоритетов администраций Тэтчер Рейгана нередко придавало результатам неолиберальной политики сугубо самостоятельный и специфически местный характер.

17

Во-вторых, моя книга сосредоточена на интеллектуальной истории политического развития неолиберальной мысли. Она основана на обширной собственной работе в архивах Калифорнии, Вашингтона, Нью-Йорка, Лондона, Оксфорда и Кембриджа; я смог ознакомиться с бумагами Фридриха Хайека, Карла Поппера, Милтона Фридмана, Института экономических дел и Консервативной партии. Кроме того, она основана на ряде исследовательских интервью с политиками, консультантами, членами рейгановской и тэтчеровской администрации и представителями ведущих английских и американских неолиберальных аналитических центров. Эти интервью придают исследованию колорит, вскрывают некоторые мотивы и резоны интервьюируемых, а также обладают еще одним, пожалуй самым важным, достоинством: то, что не высказано открыто, но читается между строк, позволяет лучше понять всю сложность и противоречивость использования неолиберальной теории в политической борьбе и государственной политике. Неолиберальную политику поддерживали такие разные фигуры, как чикагский экономист Генри Саймонс, австрийский философ Карл Поппер, виргинский теоретик «общественного выбора» Джеймс Бьюкенен и даже лейбористский министр Эдмунд Делл. Неолиберальная политическая когорта объединила таких деятелей, как чилийский диктатор Аугусто Пиночет, консервативный политик Кейт Джозеф, бывший глава Федерального резерва Алан Гринспен и, по-видимому, даже демо-

кратический президент Билл Клинтон и английские премьеры-лейбористы Тони Блэр и Гордон Браун. Явная несовместимость столь разных участников сама по себе указывает на трудности, о которых я уже упоминал в связи с проблемой единообразного определения неолиберализма.

Всегда были и до сих пор сохраняются несколько версий неолиберализма, которые можно обсуждать как по отдельности, так и в различных сочетаниях. Эта сложность проявляется в отношениях между неолиберальной теоретической мыслью и классическим Просвещением, Французской революцией и консервативной реакцией на нее, Американской революцией и ее продуктом, Конституцией США, манчестерским и миллевским либерализмом, а также новыми политическими движениями XX в. Прояснение этих связей позволяет лучше понять, что противопоставляется неолиберализму: это марксистский и английский фабианский социализм, социальная демократия, группа «Одна нация» и патерналистский консерватизм, Новый курс, Великое общество и тоталитаризм левого и правого толка. Такой анализ вскрывает специфические особенности разных версий неолиберализма, их истоки и их ориентацию во власти. Сосредоточившись на идеях, мы можем точнее оценить пределы неолиберального влияния и решить проблемы, связанные с нестрогим использованием термина «неолиберальный» в качестве общего понятия.

18

Третий новый историографический аспект — это исследование неолиберализма как политического и вместе с тем интеллектуального движения. Оно показывает, какими методами определенный набор идей был не без искажений переведен на язык политического курса и в конечном итоге — политической борьбы. Процесс, в ходе которого идеи соединились с властными полномочиями, привел к компромиссу, но вместе с тем он привел к созданию широкой системы, которая приобрела значительное политическое влияние. В этом последнем смысле речь идет об истории системного сплетения неолиберальных организаций и идей с реальной властью. В результате (особенно в главах 6 и 7) возникает детальная картина социально-экономической политики. А история того, как теории австрийской, чикагской или виргинской школ применялись для решения конкретных социальных и экономических проблем, сталкивалась или конкурировала с традиционными, консервативными, „либеральными“ или популистскими электоральными

программами, позволяет воспроизвести живую картину уловок и приемов политической борьбы. Политики разных мастей и направлений могли выбрать и взять нужное им из меню неолиберальных предложений. Английский посол в США при Джеймсе Каллагэне в 1977—1979 гг. и экономический обозреватель газеты «Times» Питер Джей стал монетаристом с конца 1960-х годов, но он не считал, что экономическая свобода сводится к погоне за прибылью. Джей напоминает нам, что можно верить в эффективность рыночной конкуренции и при этом не желать демонтажа социального государства. Впечатляюще символический крах советского коммунизма после 1989 г. затемнил эту истину, побудив некоторых демократических и лейбористских деятелей поддержать политику, продолжавшую программу крайне правых²².

Безоговорочная поддержка, оказанная свободному рынку со стороны Тэтчер и Рейгана в период быстрой глобализации, обернулась побочными эффектами, особенно заметными в тех городских коммунах, которые понесли ущерб от спада производства, особенно в Англии в 1980-х годах. Экономическая политика Тэтчер часто оказывалась враждебна по отношению к тем затрагиваемым ею группам, которые традиционно поддерживали противников консерваторов из Лейбористской партии. В США Рейган сумел создать новую республиканскую коалицию, представлявшую собой взрывоопасную на вид комбинацию сочувствовавших Рейгану рабочих-демократов и крупных корпораций. Изучение идей, политических курсов и политической борьбы в единой трансатлантической перспективе проливает свет на эту запутанную неприглядную реальность, позволяя лучше представить историю неолиберальной политики. Совокупность этих трех элементов создает новую призму для оценки адекватности неолиберализма в разных его ипостасях и практических проявлениях в Англии и США.

В 1979 г. Маргарет Тэтчер стала премьер-министром, а в 1980 г. Рональд Рейган стал президентом. Несмотря на разные культурные интонации и национальные контексты — наследие рабства и сегрегации в США, иммиграции и империи в Британии, федеративная система в противоположность централизованному управлению, — и Тэтчер, и Рейган заняли свои посты с по существу одинаковым манифестом. Он был основан на идеологии свободного рынка и критике социальной демократии и „либерализма“ Нового курса, которые господст-

вовали в политической культуре обеих стран со времен войны. По известным словам Стюарта Холла, Тэтчер и Рейган предложили электорально мощную программу «авторитарного популизма», которая нанесла сокрушительный удар оцепеневшим противникам из Лейбористской и Демократической партий²³. Неолиберализм был как раз тем внятным, хотя и несколько широким набором идей, который лучше всего подходил, чтобы приобрести политический капитал на возможностях, созданных социальными и экономическими бурями 1970-х годов. Глубинные социальные и экономические тенденции обернулись кризисами дезорганизацией и упадком городской инфраструктуры. Но затем электоральные успехи Тэтчер и Рейгана в 1980-х годах вызвали всеобъемлющий политический и теоретический сдвиг в сторону неолиберальной рыночной идеологии. Последовал отказ от веры в эффективность и моральную силу государства в пользу опрометчивой веры в возможности индивида и свободного рынка как поставщика свободы.

Через 30 лет после этого прорывного движения в 1970-х годах стало ясно, что вера в рынки превзошла энтузиазм даже некоторых ведущих неолиберальных апологетов послевоенных десятилетий. Во время неистового финансового кризиса 2007—2008 гг. неолиберальные идеи, вдохновлявшиеся простодушной верой в могущество и добродетели рынков, подверглись порицанию за алчность, проявленную на Уолл-стрит и в лондонском Сити. Проповедовавшаяся такими людьми, как бывший глава Федерального резерва Алан Гринспен, и широко распространенная уверенность в безусловном превосходстве рынка и его способности к самонастройке привела к дерегулированию финансового сектора и в конечном счете поставила всю международную экономическую систему на грань полного краха. Хотя в начале 2009 г. и последовало кратковременное обращение к неокейнсианским рецептам ради исцеления от кредитного сжатия, творцы английской и американской политики в целом склонялись к тому, чтобы возвратиться к положению, существовавшему перед 2007 г., и не проводить никаких кардинальных реформ. Это намерение отчетливо проявилось в отказе английского и американского правительств серьезно заняться финансовым сектором после разительного провала нерегулируемого рынка. Вместо этого разгребать завалы поручили тем самым экономическим технократам, которые и были главными проводниками политики, послужившей

первопричиной кризиса. Например, такие бывшие члены экономической команды Клинтона, как Ларри Саммерс и Тимоти Гайтнер, стали при президенте Обаме после его избрания в 2008 г. соответственно директором Национального экономического совета и министром финансов²⁴.

Как отмечает в своей ретроспективной оценке жизни и достижений Милтона Фридмена другой нобелевский лауреат по экономике, Пол Кругман, «абсолютизация *laissez faire* [неолибералами вроде Фридмена] сформировала такой интеллектуальный климат, при котором вера в рынки и пренебрежительное отношение к государству часто попирают фактическую очевидность»²⁵. Эта фактическая очевидность, как мы увидим, имеет очень сложный и неоднозначный характер в тех двух областях, которые детально разбираются в моей книге, — в области макроэкономической стратегии и в области доступного жилья и городской политики. По верному замечанию экономического социолога Джеми Пека, идеал чистого свободного рынка никогда не был достижим, поскольку сам по себе столь же утопичен, как марксистская иллюзия бесклассового общества²⁶. Политические, теоретические и культурные перемены, вызванные неолиберальной политикой после 1970-х годов, привели к серьезным социальным и экономическим последствиям и не в последнюю очередь к тому, что сменявшие друг друга правительства так и не удосужились обратить внимание на то, как их политика ломала жизненный уклад городских сообществ. Столь радикальный сдвиг политической культуры и фокуса общественного внимания от социальной демократии к рыночному обществу не был чем-то заранее запланированным или предусмотренным. Решающую роль сыграли удача, умение пользоваться возможностями и ряд случайных обстоятельств. В любом случае это не было неизбежным.

В наше время эти экономические истины стали самоочевидными. Мы, можно сказать, приняли еще один «Билль о правах», на основе которого можно построить безопасность и благосостояние для всех, независимо от социального положения, расы и вероисповедания. Вот основные из этих прав:

- право на полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве страны;*
- право на доход, достаточный для покрытия потребностей в пище, одежде и отдыхе;*
- право фермеров реализовывать свою продукцию по ценам, обеспечивающим их семьям достойную жизнь;*
- право каждого предпринимателя — крупного или мелкого — вести бизнес в условиях, исключающих несправедливую конкуренцию или засилье монополий внутри страны или за границей;*
- право каждой семьи на достойное жилище;*
- право на полноценное медицинское обслуживание, на реальную возможность приобрести и сохранить хорошее здоровье;*
- право на достаточное экономическое обеспечение в старости и в болезни, страхование от несчастных случаев и безработицы;*
- право на хорошее образование.*

Все эти права можно объединить одним словом: безопасность. После победы в войне мы должны быть готовы двигаться вперед в осуществлении этих прав, к новым рубежам человеческого счастья и благосостояния.

Франклин Рузвельт, послание «О положении страны»,

11 января 1944 г.

В январе 1944 г. президент Рузвельт сообщил Конгрессу, как в основных чертах он видит послевоенное общество, основанное на социальных и экономических правах граждан. В то же самое время в Лондоне готовилась к выходу классическая полемика Хайека «Дорога к рабству». Там, где Рузвельт видел возможность ввести и расширить „либеральные“ достижения Нового курса, который только укрепился в ходе военных усилий, Хайек и его единомышленники видели угрозу экспансии социализма, коллективизма и тоталитаризма. Когда ярость войны утихла, стал заметен конфликт двух диаметрально противоположных мировоззрений: американского „либерализма“ Нового курса и английской социальной демократии, с одной стороны, и резко критической позиции по отношению к ним, которая легла в основу трансатлантического неолиберализма, — с другой. Однако было несомненно, что „либерализм“ Нового курса господствовал в США, а английский премьер-министр Клемент Эттли начал создавать послевоенное устройство, символическим выражением которого стала основанная в 1948 г. Национальная служба здравоохранения, детище министра здравоохранения Эньюрина (Ная) Бивена.

По мнению многих прогрессистов левого толка, программа Рузвельта на послевоенный период разворачивалась слишком медленно, и это было одним из самых прискорбных упущений в новейшей истории США. Но несмотря на то, что демократы не смогли выполнить все обещания Рузвельта (особенно в части всеобщего медицинского обеспечения; правда, это частично исправил президент Барак Обама в 2010 г.), Справедливый курс Гарри Трумэна, Солдатский Билль о правах, расширение социального страхования в 1949—1950 гг. задали тон подъему американского „либерализма“¹. В то же время в Англии так называемый «доклад Бевериджа» 1942 г. («О социальном страховании и сопутствующих услугах») выразил стремление к тому, чтобы послевоенное устройство основывалось на политике социального государства, которую проводили новолиберальные правительства Асквита и Ллойд Джорджа в начале XX в. И действительно, в мае 1945 г. неблагоприятные избиратели отстранили от власти Уинстона Черчилля и Консервативную партию, заменив их лейбористами Эттли. Будучи одним из великих реформаторских правительств, лейбористы воплотили предложения Бевериджа о социальном обеспечении с рождения до смерти и — опять же по инициативе Ная Бивена

на посту министра здравоохранения — развернули широкую государственную программу по восстановлению разрушенного бомбами жилого фонда.

Таким образом, в середине века две страны с очень разными системами и очень разными обстоятельствами ощутили влияние схожих социальных и либерально-демократических импульсов. Память о Великой депрессии 1930-х годов сделала устранение безработицы, бедности и нужды главным пожеланием избирателей. Они требовали от лидеров, чтобы общество «никогда больше» не испытало такого унижения и такого ухудшения жизни из-за краха на рынке². Либералы-реформисты и умеренные консерваторы в Англии, либеральные республиканцы и консервативные демократы Юга (во всяком случае, белые) в США были преданы этим целям не меньше, чем сторонники Лейбористской и Демократической партий³. В 1945 г. и в США, и в Англии в политической культуре, в общественном диалоге и на выборах доминировали мыслители и партии центристского и левого толка. 55 лет спустя, на заре нового тысячелетия, царило совершенно другое уmonoстроение, которое предприниматель и филантроп Джордж Сорос назвал «рыночным фундаментализмом»⁴. В числе творцов этой перемены было движение, впервые заявившее о себе в последние годы Второй мировой войны. Трансатлантический либерализм и течение, распространявшее его программу, возникли как критика того, что Хайек и другие называли «коллективистским» характером политики президента Рузвельта и премьер-министра Эттли. Эта критика была вызвана чувством сильного страха перед тоталитаризмом, угрозу которого Хайек и его единомышленники видели в безоглядном расширении функций государства и административного аппарата в первой половине XX в. Но для возникновения условий, при которых эти новые идеи смогли войти в политические программы республиканцев и консерваторов и, соответственно, повлиять на государственную политику, должны были произойти глубокие структурные сдвиги в экономике, сопряженные не только с определенной политикой, но и с целым рядом внешних событий и обстоятельств. А это случилось только в конце 1960-х годов и особенно в 1970-е годы.

Однако в данной главе необходимо вначале обрисовать картину политической ситуации в Англии и США в середине XX в. В какой мере можно говорить о консенсусе между

политическими элитами и обществом в обеих странах? В чем состояла политическая и интеллектуальная парадигма, по поводу которой неолiberaлы делали столь мрачные прогнозы? Политический и общественный облик Англии и США в корне изменился под воздействием двух мировых войн, прогрессизма, фабианского социализма, Великой депрессии и Нового курса.

В первой половине XX в. в Англии и США происходили серьезные экономические и политические перемены. В обеих странах роль государства росла в геометрической прогрессии. Например, в 1900 г. все расходы центрального правительства в США составили 521 млн долл.; в Англии они составили 193 млн ф. ст. В 1949 г. соответствующие расходы составили 39 млрд долл. в США и почти 3,5 млрд ф. ст. в Англии. В 1990 г. федеральное правительство США потратило 1,3 трлн долл., а правительство Англии 158 млрд ф. ст.⁵ Согласно принятой в 1913 г. 16-й поправке к Конституции в США был введен федеральный подоходный налог. Это быстро повысило налоговые доходы федерального бюджета. Если в 1900 г. государственные доходы составлял 567 млн долл., то в 1949 г. они достигли 41,5 млрд, из которых 26,7 млрд приходились на подоходный налог, а 3,8 млрд на отчисления в Фонд социального страхования⁶. В Англии в 1900 г. государственные доходы составляли 140 млн ф. ст., из которых 29 млн приходились на подоходный налог и налоги на имущество. В 1949 г. государство получило 4,1 млрд ф. ст., в том числе 1,85 млрд от подоходного налога и налогов на имущество⁷. Эти цифры наглядно показывают, насколько присутствие государства, его масштабы и влияние росли по мере того, как ведущие политики под давлением все более неблагополучного населения создавали всеобъемлющее социальное государство в ответ на экономический крах в 1930-х годах и в ответ на мировую войну в 1940-х.

Однако в конце войны, в 1945 г., экономическое положение двух стран было диаметрально противоположным. США вышли из войны небывало могущественными и богатыми, а Англию война отбросила назад, взяв с нее зримую дань в виде погибшего под бомбами гражданского населения и разрушенных городов. Финансовые затраты на разгром нацистов заставили Англию поступиться некоторыми имперскими владениями. Ситуация усугублялась еще и тем обстоятельством, что причиненное войной разорение наложилось на долговременные последствия экономического кризиса 1930-х годов. Чтобы справиться

со всеми этими бедами, нужен был новый экономический подход, и он тут же появился в виде идей экономиста Джона Мейнарда Кейнса, бывшего членом Либеральной партии. Теория Кейнса предусматривала использование макроэкономического управления налогово-бюджетной и денежно-кредитной политикой как ответ на Великую депрессию. С тех пор кейнсианские рецепты были приняты политиками Англии и США и стали главным течением профессиональной экономической науки. Макроэкономика занимается такими общеэкономическими феноменами, как уровень занятости, процентные ставки, фискальная и денежная политика в отличие от узкоспециализированной микроэкономической политики. Опубликованная в 1936 г. книга Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и его ведущая роль в послевоенных переговорах, завершившихся созданием Бреттон-Вудской международной денежной системы, установили правила, которыми руководствовались западные государства при стабилизации экономики в послевоенный период. После бедствий, пережитых в 1930-х годах, первой и главной целью экономической политики считалась полная занятость. Желание избежать очередей за пособием по безработице в равной мере овладело как истеблишментом Англии и США, так и местным рабочим классом.

Кейнс утверждал, что государство может преодолеть экономическую цикличность с помощью налогово-бюджетной политики или крупномасштабных государственных инвестиций в условиях, когда спрос в экономике ослабевает, или во время рецессии. Закачивание денег в экономику, государственное вмешательство путем дефицитных госрасходов или стимулирование потребления за счет снижения налогов — все это, как считали государственные деятели, и есть те самые инструменты, которые обеспечат высокую занятость и устойчивый экономический рост. Эти рецепты, казалось, предлагали и политикам, и обществу то, чего они больше всего желали: перспективу полной занятости и роста благосостояния. Последователи Кейнса зашли в развитии его идей настолько далеко, что сам Кейнс, пожалуй, не смог бы себе этого представить.

По мнению биографа Кейнса Роберта Скидельски, «Кейнс считал, что правительства могут регулировать общую покупательную способность лишь грубо и приблизительно, но все равно это будет лучше, чем *laissez faire*. Однако следующее поколение продвинуло этот проект гораздо дальше. Оно думало,

что проблема недостатка информации, стоящая перед центральным руководством, — это проблема временная и ситуативная и что когда статистические методы улучшатся, можно будет контролировать все. Эта идея достигла апогея в концепции „тонкой настройки“ в 1960-е годы»⁸.

Неокейнсианские рецепты вкупе с программой государства благосостояния (хотя эта последняя, конечно, не достигла в США такого размаха, как в Англии) составляли основу американской и английской экономической политики в 1950—1960-е годы. Это была эпоха «батскеллизма»; так ее окрестил сотрудник «Economist» Норман Макрей, составивший это слово из имен видного английского консерватора Рэба Батлета и преемника Эттли во главе лейбористов Хью Гейтскелла⁹.

В США Новый курс в 1930-е годы ознаменовал революцию во всей системе управления. Администрация Рузвельта, избранного в 1932 г., принялась за реформирование банковского сектора, поддержку фермеров и создание крупномасштабных государственных программ трудоустройства. Этими программами с целью преодоления депрессии занимались Управление общественных работ (PWA), Управление гражданских работ (CWA) и еще одно Управление общественных работ (WPA). Принятый в 1935 г. Закон о социальном страховании положил начало государству благосостояния, пусть и ограниченному в целом ряде важных отношений. Права профсоюзов были закреплены созданием Управления национального восстановления (NRA) и особенно принятым в том же 1935 г. Национальным законом о трудовых отношениях, известным как закон Вагнера. Принятый в 1933 г. закон Гласса—Стигелла создал систему биржевого и финансового регулирования (впоследствии отмененную): он запрещал коммерческим банкам заниматься операциями с ценными бумагами и учреждал две организации — Комиссию по ценным бумагам и биржам и Федеральную корпорацию по страхованию депозитов. Федеральное управление по жилищным вопросам и Управление жилищного строительства США представляли собой первичную структуру поддержки покупателей жилья и бездомных. Ипотечные кредиты должны были выдаваться под льготный процент, и в США впервые появилось государственное жилищное строительство.

Мероприятия Нового курса, взятые в целом, закрепили роль федерального правительства в американской жизни и утвер-

дили политику государственного вмешательства в экономику. Но достижения Нового курса были ограничены в целом ряде важных отношений¹⁰. Прежде всего, американское государство благосостояния, в отличие от английского, не распространялось на всех. По настоянию южных демократов в Конгрессе чернокожие, временные и сельскохозяйственные рабочие, а также женщины первоначально были исключены из системы социального страхования и страхования по безработице, а создание системы социальных пособий оставлялось на усмотрение штатов¹¹. В результате, например, чернокожие на Юге получали незначительные социальные пособия или не получали никаких. Программа всеобщего медицинского обеспечения, предусмотренная планами Комитета по экономической безопасности при Рузвельте, не получила развития, не говоря уже о ее внедрении, до тех пор пока администрация Обамы не придавала этой задаче приоритетный характер. Между тем многочисленная и шумная оппозиция никогда не смирялась с программой, которую считала противоречащей всем американским традициям индивидуальной инициативы и свободы. Из рядов этой оппозиции впоследствии вышли некоторые известные спонсоры неолибералов после Второй мировой войны, в том числе такие деятели, как Уильям Волкер и Лоренс Фертиг. Деньги противников Нового курса сыграли важнейшую роль в продвижении рыночной идеологии в послевоенных США.

«Английский Новый курс» (как это назвал Питер Хеннеси) представлял собой сочетание реформ либеральных правительств Герберта Асквита и Дэвида Ллойд Джорджа 1906—1922 гг. и реформ лейбористского правительства Эттли 1945—1951 гг.¹² Эта политика была подтверждена и продолжена в 1951—1964 гг. во время длительного правления консерваторов, которые не пытались изменить ее ключевые компоненты и тем более пойти принципиально иным курсом. Послевоенный консенсус, как это называлось в Англии, был сочетанием всеобщего социального обеспечения с национализацией «командных высот» экономики и предприятий коммунального хозяйства; к 1951 г. лейбористы поставили под контроль государства Банк Англии, железные дороги, автомобильные грузоперевозки, гражданскую авиацию, угольную, сталелитейную, электроэнергетическую и газовую отрасли.

Английское государство благосостояния создавалось поэтапно. Либеральные правительства Генри Кемпбелла - Беннермена

и Герберта Асквита в 1906—1916 гг. ввели пенсии для нуждающихся престарелых, страхование по безработице для нуждающихся, биржи труда для безработных и пособия по болезни для работающих¹³. Система, однако, была фрагментарной, и многие граждане остались за ее рамками. Если в США Новый курс ознаменовал появление новой формы либерализма, то в Англии эти ранние реформы стали водоразделом между викторианским либерализмом XIX в., воплощенном в политике правительств Гладстона, и новым прогрессивным либерализмом, сопряженным с активной ролью государства. Либерализм Гладстона основывался на принципах *laissez faire* и свободы торговли. Новые же либералы видели главные помехи для свободы в бедности, болезнях и неустроенности.

Послевоенное лейбористское правительство, ориентированное в том числе на фабианских социалистов и Уильяма Бевериджа, дополнило эти первые реформы всеобщим пенсионным обеспечением, обязательным страхованием по безработице и Национальной службой здравоохранения Ная Бивена¹⁴. Беверидж (как и Кейнс, член Либеральной партии) был главным архитектором реформ либералов и лейбористов, но при этом фигурой противоречивой. По словам его биографа Джоуза Харриса, «ни в коей мере не будучи последовательным «либеральным коллективистом», он колебался между почти абсолютной преданностью свободному рынку и столь же сильной тягой к полуавторитарному административному государству»¹⁵. В его личности нашла воплощение внутренняя противоречивость либерализма XX в., разрывавшегося между своим классическим наследием *laissez faire* и совершенно новым видом интервенционизма. Тем не менее идеи Бевериджа и Кейнса привели к возникновению тех явлений, которые вызывали у неолибералов опасение и неприятие.

И в основе „либерализма“ Нового курса, и в основе английских либеральных и лейбористских реформ лежало подспудное убеждение, что благополучие государства обеспечено, пока власть находится в руках просвещенной и квалифицированной политической элиты. Знаменитый «мозговой трест» при Рузвельте и прогрессивно-либеральные кадры, персонифицированные Бевериджем и Кейнсом, как нельзя лучше соответствовали концепции спускаемых сверху реформ на благо всего общества. Прогрессивно-либеральный проект не был революционным. Он родился из стремления сохранить и защитить

либеральную демократию и капиталистическую систему. При этом, однако, он был основан и на убеждении, что возможен «средний путь» (как называл это Кейнс). Когда экономический хаос 1930-х годов был вытеснен войной, либералы увидели луч света. И в Англии, и в США крепло убеждение, что полная военная мобилизация экономики и общества показывает, как можно решать социальные задачи в мирное время. Неолибералы, разумеется, резко протестовали против такого вывода.

По обе стороны Атлантики политические элиты — государственные служащие, политики, высшие должностные лица и ученые — имели общий набор представлений о многих ключевых элементах экономической и социальной политики. Они считали несомненным, что государство благосостояния необходимо, и государство должно активно вмешиваться в экономику. Однако это только часть картины. Особенно в США эта картина была слишком сложной, чтобы ее можно было описать просто как консенсус. Начавшаяся в конце 1940-х годов холодная война вызвала непрестанную идеологическую борьбу не только между коммунистами и капиталистами, но и между американскими консерваторами и „либералами“¹⁶. Кроме того, в крупных городах существовали глубокие противоречия между черными и белыми, которые нередко приводили к серьезным столкновениям¹⁷. Эта борьба велась и скрытно, и открыто агрессивно, о чем свидетельствуют столкновения по поводу десегрегации и постоянное смещение границ между собственно городом и пригородами¹⁸. На Юге был силен расизм, и в послевоенный период политики Юга стали одной из самых влиятельных политических сил США, поскольку перенесли свою поддержку с Демократической партии на Республиканскую. Это произошло после принятия Закона о гражданских правах (1964) и Закона об избирательных правах (1965) при Линдоне Джонсоне¹⁹. В 1930—1940-е годы консервативные южные демократы в силу нетерпимости к чернокожим стали причиной многих заметных законодательных изъянов Нового курса. Растущий и непреодолимый раскол в рядах Демократической партии был предрешен, когда в 1948 г. «диксикрат»* Стром Термонд выдвинул свою кан-

* Диксикраты — южные демократы, которые в ходе избирательной кампании 1948 г. выступили против кандидата своей партии на пост президента США Г. Трумэна и его программы гражданских

дидатуру на пост президента и повел против президента Трумэна пять штатов глубокого Юга*.

В Англии общество претерпело социально-экономические перемены, которые становились все заметнее на рубеже 1950—1960-х годов. Конец империи впервые повлек за собой массовую иммиграцию из бывших колоний в метрополию²⁰. Многочисленные выходцы из Вест-Индии и Южной Азии начали прибывать в Англию как раз в то время, когда английская экономика была истощена войной. Конец 1940-х годов Дэвид Кейнестон назвал периодом «аскетизма» и жертвенности²¹. Английским государственным деятелям и рядовым гражданам пришлось смириться с тем, что Англия утратила роль мировой державы. Это обстоятельство катастрофически проявилось во время Суэцкого кризиса в 1957 г. Без помощи американцев премьер-министр Энтони Иден ничего не смог бы поделать с генералом Гамаль-Абделем Насером. Это показало, что Англия больше не является самостоятельным игроком на международной арене, — горькая пилюля для политического истеблишмента.

Таково было положение США и Англии в середине XX в. Это был мир, который давал многим прогрессистам надежду на то, что поскольку наступил мир, можно преодолеть самые трудные социально-политические проблемы. Но нашлись критики, считавшие, что столь оптимистический взгляд на вещи утопичен и питается опрометчивой верой в благотворность вмешательства государства. Так, сложилась группа мыслителей, считавших своим долгом развенчать этот оптимизм. И сейчас мы перейдем к изложению позиции этих людей — Карла Поппера, Людвиг фон Мизеса и Фридриха Хайека. Именно они стали провозвестниками той системы идей, которая во второй половине XX в. преобразовала интеллектуальный ландшафт и радикально изменила практическую государственную политику как в Англии, так и в США.

свобод и выдвинули своего кандидата — губернатора Южной Каролины Дж. С. Термонда. — *Прим. науч. ред.*

* Понятие «глубокий Юг» охватывает шесть штатов: Алабама, Арканзас, Джорджия, Миссисипи, Флорида, Южная Каролина. — *Прим. науч. ред.*

Глава 2

1940-Е ГОДЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ КРИТИКИ

30

Но всякий, кто станет изучать историю общественной мысли, вряд ли пройдет мимо отнюдь не поверхностного сходства между развитием идей, происходившим в Германии во время и после Первой мировой войны, и нынешними веяниями, распространившимися в демократических странах. Здесь созревает сегодня такая же решимость сохранить организационные структуры, созданные в стране для целей обороны, чтобы использовать их впоследствии для мирного созидания.

Фридрих Хайек «Дорога к рабству» (1944)*

Когда Вторая мировая война близилась к концу и на горизонте уже был виден нелегко доставшийся мир, Фридрих Хайек начал разрабатывать интеллектуальную и организационную стратегию, призванную защитить и сохранить «свободное общество». Свою стратегию он изложил в статье «Интеллектуалы и социализм». Хайек указывал на влияние американских прогрессистов и английских фабианских социалистов в начале XX в. и считал, что защитникам свободы следовало бы создать похожую организационную и интеллектуальную стратегию. Во время войны Хайек работал в Лондонской школе экономики (ее в 1895 г. основали фабианские социалисты Беатрис и Сидней Веббы); из-за бомбежек школа переехала в Кембридж. Он по-прежнему общался со своим давним другом и идейным оппонентом Джоном Мейнардом Кейнсом и стремился дополнить идейную силу своей блистательной полемической книги «Дорога к рабству» путем создания сообщества ученых, которые могли бы защи-

* Хайек Ф. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 32. — Прим. перев.

щать основные принципы того, что Хайек вкладывал в понятие свободы индивидуума.

31

Благодаря усилиям Хайека под его руководством сложился своего рода неолиберальный интернационал — группа интеллектуалов-единомышленников из Парижа, Австрии, Швейцарии, Германии, Манчестера, Лондонской школы и Чикаго. (Термин «неолиберализм» был выбран участниками коллоквиума Уолтера Липпмана в 1938 г. для обозначения их общей позиции.) Группа назвала себя Обществом Мон-Пелерен по месту первого собрания, которое проходило в Веве, Швейцария*, с 1 по 10 апреля 1947 г. Но на какой теоретической платформе строилось это общество, созданное в Швейцарских Альпах? Что объединяло его участников? Что позволило неолиберализму выйти за рамки Общества Мон-Пелерен и превратиться в политический мейнстрим — сначала в Англии и США, а потом и во всем мире? В чем особенность неолиберального понимания свободы? Ответы на эти вопросы дает всесторонняя критика политической, экономической и социальной жизни, предпринятая в работах многих ученых в 1930—1940-х годах. Центральные ее положения были подытожены в трех первоначально важных книгах: «Открытое общество и его враги» (1945) Карла Поппера, «Бюрократия» (1944) Людвиг фон Мизеса и «Дорога к рабству» (1944) Фридриха Хайека.

Попытки наметить ориентиры предпринимались и до создания Общества Мон-Пелерен. Самая известная — парижский Коллоквиум Уолтера Липпмана, который в 1938 г. организовал французский философ Луи Ружье. Он хотел обсудить перспективы свободного общества, взяв за отправной пункт книгу Липпмана «Хорошее общество» (1937). Участники коллоквиума намеревались реконструировать теорию либерализма, поскольку понимали, что классический либерализм подвергается нападкам и дискредитирован. Именно на этом коллоквиуме Александр Рюстов предложил термин «неолиберализм», который и был принят для обозначения движения за возрождение рыночного либерализма. Этот термин никогда не считался безупречным, и в противовес ему предлагались другие: «индивидуализм», «позитивный либерализм» и даже «левый

* Город Веве расположен на берегу Женевского озера, между Лозанной и Монтрё у подножия горы Мон-Пелерен («Гора пилигрима»). — *Прим. науч. ред.*

либерализм». Но, как считает Франсуа Денор, он был выбран по стратегическим соображениям: «Быть “неолибералом” значило признавать, что экономическая теория *laissez faire* недостаточна и от имени либерализма должна проводиться современная экономическая политика»¹. Среди участников коллоквиума были многие из тех, кто впоследствии вошел в Общество Мон-Пелерен, — Хайек, Людвиг фон Мизес, Вильгельм Рёпке, Александр Рюстов, Майкл Полани, Раймон Арон, Бертран де Жувенель и Жак Рюэфф. Но их совместная деятельность была вскоре прервана войной.

А вот Обществу Мон-Пелерен удалось заложить прочные основы трансатлантического неолиберального движения. Детище Хайека во многих отношениях знаменовало собой переходный пункт от одной фазы истории неолиберализма к другой. Абрис первой, начальной фазы неолиберализма как интеллектуального течения, стремившегося переосмыслить либерализм, в межвоенные годы на некоторое время проявился в работах ученых из Австрии, Лондона, Германии и Чикаго. Они хотели выйти за рамки *laissez faire* и бороться с тоталитаризмом правого и левого толка. Неолиберализм следующей, второй, фазы, начавшейся с создания Общества Мон-Пелерен, — это уже зрелое и организованное интеллектуальное, а впоследствии и политическое течение. Общество помогло создать трансатлантическую неолиберальную систему связей, которая, как предполагали его члены, сможет противостоять политическому истеблишменту Нового курса и социальной демократии в США и Англии. Также оно стало центром притяжения для интеллектуалов-единомышленников всего мира, готовых бороться с силами коллективизма. (Хайек относил к коллективизму широкий спектр течений — от нацизма и советского коммунизма до „либерализма“ Нового курса и социальной демократии Эттли; в «Дороге к рабству» он охарактеризовал коллективизм как угрозу индивидуальной свободе.) Хайек возглавил это движение благодаря энергичной и ясной формулировке задач в его книге, а также благодаря своей энергии организатора и умению находить финансирование.

Объединившихся вокруг Хайека в 1947 г. ученых (а также одного необычного бизнесмена, одного журналиста и сотрудника аналитического центра) связало воедино глубокая убежденность в том, что существующее состояние мира несет угрозу свободе. Особенно их беспокоили тенденции, укрепив-

шиеся, по их мнению, в последние 50 лет в Англии и США, — в тех странах, которые Хайек и Мизес считали оплотом свободы. Заявление о целях общества, которое составил экономист Лондонской школы Лайонел Роббинс (тоже, как и Хайек, идейный оппонент Кейнса), было выдержано в апокалиптических тонах: «Основные ценности цивилизации в опасности. На обширных пространствах земной поверхности принципиальные условия сохранения достоинства и свободы человека уже исчезли. В других местах им постоянно грозят последствия нынешних политических тенденций. Положение отдельного человека и всякого добровольного объединения все больше подрывается произвольными действиями усиливающейся власти»².

Свобода, как ее понимали члены общества, равнозначна поощрению, сохранению и защите рыночного капитализма. Эту отличительную особенность западных демократий необходимо отстаивать, если идейное течение повернется вспять.

Три книги австрийских эмигрантов — Карла Поппера, Фридриха Хайека и Людвиг фон Мизеса — были задуманы как реакция на политическую и экономическую обстановку 1940-х годов, которая решительно не соответствовала взглядам этих авторов. Их идеям было суждено оказать глубокое влияние на интеллектуальную эволюцию неолиберализма в Англии и США в послевоенный период. Каждый из них предложил неолиберальную альтернативу дискредитированной экономической теории *laissez faire* XIX в., с одной стороны, и „либерализму“ Нового курса и английской социальной демократии — с другой. «Дорога к рабству» Хайека и «Бюрократия» Мизеса прямо обращались к событиям и катастрофам, которые потрясли Европу в 1930—1940-е годы. Книга Поппера «Открытое общество и его враги» была не столь злободневна, поскольку обращалась к истории политической мысли. Но в совокупности эти три книги представляли собой критику современной политики, и именно их критическая составляющая стала основой того, что мы сегодня могли бы назвать неолиберализмом. Они сформулировали вполне определенный взгляд на историческое развитие, на историю идей и политическую практику; совокупность этих идей систематически подрывала все опоры Нового курса в США и социально-демократического государства в Англии.

Однако мысли Хайека, Мизеса и Поппера еще не могли служить положительной альтернативной политической про-

граммой. Продуманный политический вызов кейнсианству, регулированию капитализма и социальному государству был брошен позже, когда благодаря усилиям других людей, усилиям членов трансатлантического сообщества ученых, аналитических центров, журналистов и политиков при финансовой поддержке сочувствующих бизнесменов сформировался менее компромиссный и более четкий набор неолиберальных идей. Но столь решительная и энергичная рыночная программа, какой она стала потом, — особенно в Чикаго и Виргинии в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах — не могла бы появиться без мощного теоретического основания, заложенного анализом трудного положения Запада в работах Хайека, Поппера и Мизеса. Поэтому «Дорогу к рабству», «Открытое общество» и «Бюрократию» можно рассматривать как истоки собственно неолиберального мировоззрения.

В тот момент, в середине 1940-х годов идеи этих книг мгновенно привлекли внимание прежде всего потому, что были созвучны страхам и тревогам мира, измученного призраком гитлеровского национал-социализма и угнетенного возведением «железного занавеса» в Европе в начале холодной войны. Но их воздействие на политическое сознание, особенно в США, нельзя объяснить одной только резкой критикой европейских форм тоталитаризма. Хайек и Мизес, в частности, апеллировали к глубоко укорененным в американском обществе стереотипам сугубого индивидуализма, опасения и недоверия по отношению к власти государства. «Открытое общество» Карла Поппера пользовалось вниманием по другим причинам. Его концепция «частичных социальных преобразований» отражает готовность ранних неолиберальных мыслителей в 1940-х годах пойти на компромисс с явно враждебным окружением, в котором они себя видели. Поппер наметил базовый уровень государственного вмешательства, особенно в сфере образования, которое могло бы способствовать развитию человечества путем инноваций, проб и ошибок. Он считал, что если не в отношении средств, то в отношении мотивов он солидарен с большинством социалистов, и причислял либералов, прогрессистов и социалистов к одному «гуманитарному лагерю».

О таких соглашениях с коллективизмом никогда не помышлял Мизес, отрицавший Новый курс безоговорочно. Не одобрял их и Хайек. Но несомненно, что позиция Поппера представляла собой крайний пример готовности пойти на определенные

компромиссы с нарождающимся социальным государством ради главной цели — рыночного общества (правда, такой примирительный подход почти совершенно не характерен для более поздних версий неолиберальной мысли)³. Таким образом, три главные работы, опубликованные одна за другой на протяжении года в конце войны, представляли собой расцвет раннего неолиберализма, перекрестно опыленного в межвоенный период в Австрии, Германии, Франции, Англии и США. Однако хотя этот ранний неолиберализм внешне вполне узнаваем, он существенно отличался от того, что стало считаться неолиберализмом в конце столетия. Для ранних неолибералов характерно стремление преодолеть недостатки как теории *laissez faire*, так и Нового курса. Позднейшие неолибералы были склонны абсолютизировать нерегулируемый рынок в духе чикагской школы и гораздо резче выражали свое неприятие социального государства и государственного вмешательства в экономику.

Вклад Хайека, Мизеса и Поппера основывался на научных дискуссиях в Европе и США в 1930—1940-е годы (Хайек и Мизес участвовали в них лично), главным предметом которых было сопоставление достоинств централизованного планирования и свободного рынка как организационных принципов экономической деятельности в обществе⁴. Своими выводами они подрывали концептуальные основы того, что впоследствии будет считаться послевоенным устройством, — веру прогрессистов и социал-демократов в коллективные решения социальных проблем, их оценки истории и политической мысли, превознесение организационной структуры, бюрократии, которая взялась решать такие проблемы, как бедность и нужда.

35 Поппер предпринял анализ истории политических идей, который показал, каким образом «коллективистская» мысль Платона, Гегеля и Маркса укоренилась в западной философии. В результате были утрачены подлинные основания западной цивилизации — индивидуальная свобода и индивидуальный разум. Мизес разоблачил бюрократический менталитет, который, по его мнению, разрушал источники человеческой инициативы, заключенные в индивидуализме и стремлении к прибыли. Хайек предложил исследование политической и экономической жизни, которое развивало темы, затронутые в работах Мизеса и Поппера, и показывало, на какой скользкий путь, по мнению Хайека, вступило западное общество, допустившее посягательства и вмешательства государственной

бюрократической машины. Индивидуальная свобода, считал Хайек, поставлена под угрозу.

Можно упомянуть еще ряд произведений того времени, которые тоже оказали влияние на формирование неолиберализма. «Хорошее общество» (1937) Уолтера Липпмана стало вдохновителем коллоквиума Уолтера Липпмана. Либертарианские романы Айн Рэнд «Источник» (1943) и «Атлант расправил плечи» (1957) оказали влияние в числе прочих и на будущего главу Федерального резерва Алана Гринспена. «Человеческая деятельность» (1949), *tagmit opus** самого Мизеса, статьи чикагского экономиста Генри Саймонса (о них речь пойдет в следующей главе) и «Экономика за один урок» (1946) Генри Хэзлита — всего лишь некоторые из возможных примеров. Но именно книги трех австрийских эмигрантов сыграли главную роль в организации согласованного нападения на прогрессистский „либерализм“ и социальную демократию.

Подобно многим другим интеллектуалам и ученым, Мизес и Поппер покинули Германию и Австрию в 1930-х годах потому, что нацисты пришли к власти и начали преследовать евреев. Мизес был евреем и в 1934 г. благоразумно уехал из Вены в Швейцарию. Поппер последовал его примеру в 1937 г.; сначала он уехал в Новую Зеландию, а потом с помощью Хайека перебрался в Англию и в 1946 г. начал работать в Лондонской школе экономики. Сам Хайек пришел в Лондонскую школу в 1931 г. как приглашенный лектор; потом он получил постоянное место благодаря успеху своих лекций и содействию профессора Лайонела Роббинса, идейного противника Кейнса (впоследствии Роббинс стал членом Общества Мон-Пелерен). В умах всех трех австрийских авторов доминировали бедствия, захлестнувшие Европу между двумя мировыми войнами. В этом отношении они, конечно, принимали во внимание главным образом те европейские, и прежде всего немецкие, реалии, которые, как они полагали, привели человечество к ужасам национал-социалистического тоталитаризма и мировой войны.

Все три автора считали коммунизм вновь усилившейся и столь же опасной угрозой, как нацизм и фашизм, — в первую очередь из-за того влияния, которое он оказывал на демократических политиков Запада. По их убеждению, чудовищную войну породили те глубинные черты европейской культуры

* Главный труд (лат.). — Прим. науч. ред.

и идеологии, от которых США и Англия были более или менее свободны. Мизес и Хайек возлагали на эти страны особую надежду. Поэтому Новый курс в их глазах выглядел явлением нежелательным. А Хайека, например, тревожило, что бежавшие из гитлеровской Германии евреи принесли с собой опасные тоталитарные взгляды, которые хотя и не имели отношения к нацистской расовой политике, но тем не менее могли причинить большой вред. Хайек полагал, что многие уехали именно из-за расовых гонений, а не по причине несогласия с немецким тоталитаризмом как таковым: «Мы не должны забывать, что люди, покинувшие Германию или ставшие ее врагами в результате проводимой там антисемитской политики, нередко являются при этом убежденными тоталитаристами немецкого типа»⁵. Многие видные немецкие ученые, полагал Хайек, по существу поддерживали нацистскую программу: «И то, что в конце концов ученые мужи этой страны (за исключением очень немногих) с готовностью пошли на службу новому режиму, является одним из самых печальных и постыдных эпизодов в истории возвышения национал-социализма»⁶. Европейские начала неолиберализма проистекали из этого крайне прискорбного опыта.

При участии Лайонела Роббинса Хайек в 1930-е годы вел интеллектуальные баталии с Кейнсом по поводу их разных подходов к денежно-кредитной политике и нарождавшейся сфере макроэкономики. Мизес в 1920-е годы руководил развитием австрийской экономической теории на своем частном семинаре. Поппер 20 лет писал и переписывал свою критику историзма, которая, наконец, вышла на свет в «Открытом обществе»⁷. Но настоящая битва между этими враждующими взглядами на общество началась лишь в последние месяцы Второй мировой войны. И первый удар в этой новой холодной войне идей нанесла как раз англо-австрийская критика. Ее объектом был не один лишь явный коллективизм, или, проще говоря, коммунизм, социализм и нацизм. Ее представители смотрели глубже: в агрессивных посягательствах государства на каждый аспект социально-экономической жизни они видели сползание к тоталитаризму. Тоталитаризм, утверждали они, незаметно, но неотъемлемо присутствует в безоговорочном признании коллективизма первопринципом решения социальных проблем. А трансформация этого подхода в политику уничтожает базовую индивидуальную свободу, эту основу свободного общества.

Карл Поппер и «Открытое общество»

Карл Поппер родился в 1902 г.; его родители принадлежали к среднему классу и перешли из иудаизма в христианство⁸. Он поступил в Венский университет, где изучал целый ряд дисциплин, в том числе физику, математику и психологию. Как и многие студенты того времени, Поппер поначалу симпатизировал социализму. Он помогал австрийской коммунистической партии, а потом вступил в союз студентов-социалистов и стал членом социал-демократической партии. В июне 1919 г. он видел расстрел венской демонстрации, что сильно повлияло на его формирующееся мировоззрение⁹. В конце концов он разочаровался в левых идеях и стал преданным сторонником либеральной демократии. В 1928 г. Поппер получил докторскую степень по психологии и в начале 1930-х годов работал школьным учителем в Вене. В 1937 г. он эмигрировал в Новую Зеландию и начал читать лекции по философии в университете Кентербери. В 1946 г., вскоре после публикации (при содействии Хайека) книги «Открытое общество и его враги», Поппер перешел в Лондонскую школу экономики.

При своих преимущественно философских интересах Поппер в течение всей жизни также много писал по социальной и политической теории. Поппер подчеркивал принципиальную важность рациональных методов в научном исследовании, и это сыграло большую роль в формировании неолиберального мировоззрения. В первой написанной им значительной работе «Логика и рост научного знания» (1934) он изложил главную свою идею, концепцию опровергаемости (фальсифицируемости): теория является научной не потому, что она полностью проверяема, верифицируема (поскольку это невозможно), а потому, что в принципе может быть опровергнута, фальсифицирована с помощью других гипотетически возможных теорий или экспериментов. Поэтому, согласно Попперу, критическая рациональная дискуссия и метод проб и ошибок — это первооснова научного прогресса. Идея Поппера легла в основу эмпирического подхода Милтона Фридмена и чикагской школы экономики; основные его принципы Фридмен изложил в известной статье «Методология позитивной экономической науки» (1953)¹⁰.

Позже, в 1975 г., Фридмен так описал Хайеку свою методологию: «Возьмем такое суждение: теория может быть вер-

ной, но при этом не поддаваться проверке. Я считаю его вполне корректным. Но теперь перейдем на следующий уровень. Один человек утверждает, что знает, что конкретная теория верна, но непроверяема. Допустим, другой с ним не согласен. Как разрешить возникшее противоречие? В праксеологическом контексте¹¹ только сменой убеждения или принуждением. Убежденность в правильности теории приобретает характер религиозной веры. Сравним с этим процедуру, предусмотренную тем методологическим подходом, который поддерживаю я. Вы считаете, что данная теория верна. Я считаю, что она ложна или что верна другая теория. Но в данном случае мы не обсуждаем доводы за и против. Мы договариваемся о том, какой набор фактов, если они наблюдаемы, убедит вас принять мою теорию и какой набор таких же наблюдаемых фактов убедит меня принять вашу теорию. Таким образом, мы получаем мирный метод примирения разногласий между нами»¹².

Фридмен не был согласен с позицией Хайека, который считал, что можно быть уверенным в истинности чего-либо, но не иметь возможности использовать это субъективное знание для надлежащей проверки истинности. По его мнению, Поппер был прав, и любая теория должна допускать собственное опровержение либо логическими доводами, либо путем эмпирической проверки, показывающей «несоответствие между наблюдениями и выводами»¹³. Поппер, сам получивший часть своего образования у австрийских экономистов, выступил против свойственного австрийской школе превознесения теории над практикой в экономических исследованиях.

Книга «Открытое общество и его враги» вышла в двух томах в 1945 г. Попперу не удавалось найти издателя, пока к делу не подключился Хайек. Издательства «Cambridge», «Longmans» и «Macmillan» отказались публиковать книгу. В конце концов, общий друг Хайека и Поппера, искусствовед Эрнст Гомбрих, смог договориться с лондонским издательством «Routledge». За оказанную Хайеком помощь Поппер был благодарен ему до конца своих дней. Во время нелегких поисков издательства они вели постоянную интенсивную переписку и обсуждали книгу Поппера и «Дорогу к рабству» Хайека, тематика которых во многом пересекалась. Эти письма замечательны тем, что наглядно показывают, какими мотивами руководствовались Поппер и Хайек при написании своих важнейших работ.

Поппер рассматривал свою книгу как вклад в «военные усилия», но сетовал, что не может подобрать «подходящее название»¹⁴. Он предложил на рассмотрение Хайека три варианта: «1) «Открытое общество и его враги», 2) «Социальная философия для рядового человека» (или, если это слишком претенциозно, «Для нашего времени»), 3) «Бегство от свободы» (или «От открытого общества»)»¹⁵. По поводу варианта «Открытое общество» Хайек высказался скептически: «Я задержался с ответом отчасти потому, что хотел поразмыслить над трудным вопросом названия, но, боюсь, мне не хватило времени. Я не думаю, что «Открытое общество» — это подходящий вариант. Оно не передает сразу того смысла, какой этот термин приобретает по ходу изложения. «Бегство от свободы» было бы хорошо, если бы недавно не появилась книга с почти таким же названием*. «Социальная философия для рядового человека» (или «Для нашего времени») звучит несколько безлико, но из трех вариантов это, пожалуй, самый подходящий. Сам я по-прежнему предложил бы «Конфликт политических (или социальных) идеалов», хотя это тоже не идеальный вариант»¹⁶. В конце концов Поппер настоял на своем и выбрал «Открытое общество и его враги». Хайека это название не слишком вдохновляло, поскольку, по его мнению словосочетание «открытое общество» имело слишком широкое значение. Гораздо больше, чем Поппера, его волновал образ индивидуальной свободы, воплощенный в свободном рынке.

Однако Хайек с готовностью согласился прочитать рукопись Поппера, поскольку, по его словам, «как мне представляется, это чрезвычайно близко к тому, что я сам сейчас пишу [в «Дороге к рабству»]»¹⁷. Попперу было важно мнение Хайека: он хотел убедиться, что не допустил существенных ошибок в экономических вопросах. «Я, — писал он, — ожидаю Ваше суждение со смесью надежды и страха. Ведь, в конце концов, в экономической области я обычный дилетант, и хотя в моей книге я не предлагаю и не пытаюсь предложить ничего нового в этом отношении, мне хотелось бы знать, согласится ли настоящий экономист с тем, что я говорю»¹⁸.

* Вероятно, Хайек имеет в виду книгу известного философа и психоаналитика Эриха Фромма «Die Furcht von der Freiheit» (1941). — Прим. перев.

В этой переписке проявился дух братства по оружию в борьбе против коллективизма. Но Поппер, в отличие от Хайека и Мизеса, не был склонен ставить свободный рынок превыше всего. Это совершенно ясно следует из «Открытого общества», в котором запечатлены опасения Поппера по поводу того, что западные демократии уже попали под влияние ложных коллективистских идей Платона, Гераклита, Гегеля и Маркса. Однако Поппер в гораздо большей мере, чем Хайек, видел свою задачу также и в том, чтобы вновь объединить либералов, прогрессистов и социалистов. Он подчеркивал, что хотел «преодолеть фатальный раскол в гуманитарном лагере», «объединить большинство либералов и социалистов (можно сказать, под знаменами Милля и Липпмана)». Милль символизировал слияние двух традиций — классического либерализма и утилитаризма, — а Липпман в 1930-е годы критиковал тоталитарные тенденции в американском обществе¹⁹.

Надежда Поппера на возрождение единства «гуманитарного лагеря» наглядно проявилась в его позиции, когда Хайек в 1946 г. начал собирать мнения по поводу устройства будущего Общества Мон-Пелерен. Поппер считал, что нужно пригласить некоторых социалистов²⁰. В этом он решительно расходился с Хайеком и особенно с Мизесом, которые желали видеть участниками только либералов-единомышленников. Поппер же всю жизнь считал, что рынок — лишь одна из целей открытого общества. Вот его размышления из интервью, данного незадолго до смерти: «Разумеется, свободный рынок так или иначе иметь нужно, но при этом я считаю, что обожествление принципа свободного рынка, — это, конечно, абсурд. Если у нас нет свободного рынка, тогда, понятное дело, то, что производится, производится, естественно, не для потребителя. Потребитель волен брать или не брать, но его потребности не учитываются в процессе производства. Но это обстоятельство не первостепенной важности. *Гуманизм* — вот что первостепенно важно. По традиции, главная задача экономической науки состояла в решении проблемы полной занятости. Примерно с 1965 г. экономисты от нее отказались, и это, по-моему, очень неправильно. Эта проблема не может быть неразрешимой. Она, конечно, трудная, но уж никак не неразрешимая! Первая наша задача — мир; вторая — сделать так, чтобы никто не голодал; третья — совершенно полная занятость. А четвертая, конечно, — образование»²¹. Из этих слов

ясно, что сложносоставной гуманизм Поппера не может считаться характерным даже для раннего неолиберализма.

В этот ранний период такие неолиберальные мыслители, как Генри Саймонс, Хайек и даже сам Фридмен были гораздо более терпимы к новшествам социального государства (и, учитывая интеллектуальный и политический климат, вероятно, были вынуждены занимать такую позицию)²². Несмотря на более положительное отношение к прогрессистской политике, в центр своей философии Поппер поставил индивидуализм, что позволяет причислить его к ранним неолибералам. А резкая критика историцизма предоставила интеллектуальный инструментарий для неолиберального критического анализа Платона, Гегеля и Маркса. Поскольку он состоял членом Общества Мон-Пелерен до конца жизни, его теоретические расхождения с Хайеком и Мизесом были сравнительно невелики. Оглядываясь назад, Хайек писал о Поппере в 1983 г.: «Мы стали близкими друзьями за те несколько лет, что работали вместе в Лондонской школе экономики, но я бы не хотел говорить о том, кто из нас двоих оказал большее влияние на другого (это закрытая тема!)»²³. Вплоть до смерти Хайека Поппер и Хайек переписывались и оставались близкими друзьями.

Первый том «Открытого общества» посвящен учению Платона, Аристотеля и других древнегреческих философов, в частности учению Гераклита, а второй — их, как считал Поппер, новоевропейским аналогам, Гегелю и Марксу. По мнению Поппера, традиция, созданная и укрепленная этими мыслителями, — он назвал ее историцизмом, — представляет угрозу для идеалов свободного общества, поскольку подрывает индивидуальную свободу. Труд Поппера показывал конфликт между открытым и закрытым, или племенным, обществами и представлял собой интеллектуальную защиту критического рационализма как основы социального развития и прогресса. Открытое общество, по мысли Поппера, возникло благодаря росту торговли и свободе международного обмена. Он выделил течения мысли, которые считал прародителями тоталитаризма. Поппер утверждал, что идеи этих теоретиков-историцистов до сих пор представляют угрозу, поскольку они породили интеллектуальное замешательство по поводу того, на чем именно основано свободное, или открытое, общество.

«Открытое общество» повествует о том, как группа мыслителей, превратно понявших основы либеральной демократии

и индивидуальной свободы, предала Западную цивилизацию: «В этой книге я пытаюсь показать, что наша цивилизация еще не полностью оправилась от шока, вызванного ее рождением, — переходом от племенного или «закрытого общества» с его подчиненностью магическим силам к «открытому обществу», освобождающему критические способности человека. В книге делается попытка показать, что шок, вызванный этим переходом, стал одним из факторов, сделавших возможным возникновение реакционных движений, пытавшихся и все еще пытающихся опрокинуть цивилизацию и вернуть человечество к племенному состоянию. В ней утверждается также, что то, что сегодня называется тоталитаризмом, принадлежит традиции столь же старой или столь же юной, как и сама наша цивилизация»²⁴. Главная мишень Поппера — историцизм. Согласно Попперу, историцизм исходит из того, что делами человеческими управляют неизменные законы исторического развития и если выявить эти законы, то можно предсказать судьбу человечества²⁵. Поппер считал, что эта теория начинается с Платона.

Платон, утверждал Поппер, как раз впервые и поставил коллектив над отдельным человеком. Воплощением коллектива служило государство, главный движитель развития или распада человечества. Для Платона любая перемена означала ослабление первоначального и совершенного государства. Понимая брэнность институций и государственных устройств, Платон создал фантастический идеал, утопический (или, по Попперу, дистопический) образ совершенного государства, которое невозможно поддерживать в актуальном состоянии. По логике Платона, совершенное государство есть нечто такое, что может только ухудшаться в рамках реального существования, т.е. изменений и реформ, а потому является глубоко консервативным понятием. Правящая аристократия и «цари-философы», считал Поппер, представляли собой типичный образец классовой власти. Рабство, разумеется, было неотъемлемым элементом платоновского идеала. Платон, считал Поппер, проявил себя не прогрессивным мыслителем, а тоталитаристом, поскольку его правящий класс, как и другие подобные классы, был построен на расовых, племенных и экономических интересах.

Поппер обратил особое внимание на платоновское определение различий между правителями и подданными, между

членами элиты и рабами. По его мнению, Платон тем самым предвосхитил понятие расы господ: «В результате Платоном была поставлена задача воспитания господствующего сословия и были указаны пути ее решения на основе анализа условий сохранения стабильного государства»²⁶. Таким образом, Платон придал совершенному государству биологическое измерение, явно предвосхищавшее требования фашизма и нацизма. Все индивидуальные цели или потребности должны быть подчинены расово и экономически привилегированной правящей группе. Ее мудрость торжествовала над всеми. С точки зрения Поппера, Платон нарисовал в высшей степени закрытое и племенное общество, препятствующее развитию у его граждан критического рационализма того типа, который позволяет отдельному человеку принимать ответственность за свой моральный выбор. Причина в том, что истина отделялась от разума в нижеследующей схеме: ««Для пользы своего государства», — говорит Платон. Вновь мы видим, что принцип коллективной пользы выдвигается в качестве основополагающего этического критерия. Тоталитаристская мораль подчиняет себе все, даже определение идеи Философа. Едва ли нужно упоминать, что согласно тому же принципу политической целесообразности, подданные обязаны говорить правду: «Если правитель уличит во лжи *какого-нибудь* гражданина... он подвергнет его наказанию за то, что тот вводит гибельный обычай, *переворачивающий* государство, как корабль». Только в этом несколько неожиданном смысле платоновские правители — правители-философы любят истину»²⁷. Истина становится эластичным понятием, поскольку обслуживает государство и повеления, отдаваемые мудрыми правителями от лица всего общества. С точки зрения Поппера, параллель с такими полицейскими государствами, как муссолиниевская Италия, гитлеровская Германия и сталинская Россия, совершенно очевидна.

По мнению Поппера, Платон стремился разрушить индивидуализм как убеждение, поскольку видел в нем величайшее препятствие для своей совершенной системы: «Почему Платон пытался нападать на индивидуализм? Я думаю, он хорошо знал, что делал, когда ополчился против индивидуализма, так как этот подход, вероятно, даже в большей степени, чем эгалитаризм, был оплотом защитников нового гуманистического кредо. В действительности освобождение личности было великой духовной революцией, приведшей к разрушению родового

строю и возникновению демократии. Сверхъестественная социологическая интуиция Платона проявляется в том, как безошибочно он распознает врага, где бы тот ни встретился»²⁸.

С точки зрения Поппера, основой Западной цивилизации стал индивидуализм, объединенный с альтруизмом²⁹. Платон разработал тоталитарную мораль, подчинявшую отдельного человека силе коллективной воли. Он стремился возродить племенной дух, который, как считал Поппер, был характерен для закрытого общества. Желание защищать и пропагандировать индивидуализм составляло самую суть той альтернативной теории, которую Поппер, Хайек и Мизес развивали в Новой Зеландии, Лондоне и Нью-Йорке, но предназначали для континентальной Европы и США. Они хотели противопоставить свою позицию „либерализму“ Нового курса и социал-демократии, которые, по их мнению, отнимали у человека способность свободного выбора. Они были убеждены, что индивидуализм — это основа англо-шотландско-американской просветительской традиции экономической и политической мысли и нечто такое, что можно лучше всего отстаивать в Англии и США. Именно эти соображения XX в. послужили той призмой, сквозь которую Поппер рассматривал и оценивал античную политическую философию.

Другим объектом критики Поппера были Гегель и Маркс, которые, с его точки зрения, основывались на традиции, заложенной Платоном и Аристотелем. По его словам, «гегельянство — это возрождение племенного духа»³⁰. Гегель был отцом современного историцизма и развивал античный тоталитаризм Платона: «Успех Гегеля положил начало «веку нечестности» (как охарактеризовал период немецкого идеализма А. Шопенгауэр) или «эре безответственности» (как К. Хайден назвал век современного тоталитаризма) — сначала интеллектуальной, а потом, как следствие, и моральной безответственности, новой эре, подчиняющейся магии высокопарных слов и силе жаргона»*.

По мнению Поппера, вследствие претензий диалектики и исторического материализма на научность исторические пророчества, вроде пророчеств Платона, Гегеля и Маркса, стали

* Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 37. — Прим. перев.

принимать за рациональные гипотезы: «Тщательное исследование этой проблемы привело меня к убеждению, что подобные безапелляционные исторические пророчества целиком находятся за пределами научного метода. Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость... Множество социально-философских учений, придерживающихся подобных воззрений, я обозначил термином *историцизм*. В другом месте, в книге «Нищета историцизма»*, я попытался опровергнуть эти аргументы и показать, что, вопреки их кажущемуся правдоподобию, они основаны на полном непонимании сущности научного метода и в особенности на пренебрежении различием между *научным предсказанием* и *историческим пророчеством*»³¹.

Вера в историческую неизбежность, считал Поппер, не только ложна, но и породила практическую проблему: она уничтожила стимул к ответственному поведению. Людям было проще вообще ничего не делать. Для защитника индивидуального выбора и свободы такая позиция была достойна проклятия, и, как считал Поппер, подобные идеи набирали особую силу во времена кризисов: «Складывается впечатление, что идеи историцизма легко приобретают популярность во времена социальных перемен... Я полагаю, вряд ли можно усомниться в том, что философия Гераклита — это выражение чувства человека, плывущего по течению, — чувства, которое, по-видимому, является типичной реакцией на разложение античных племенных форм общественной жизни. В Европе Нового времени историцистские идеалы возродились в период Промышленной революции и особенно под воздействием политических революций в Америке и Франции. Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что Гегель, воспринявший так много идей Гераклита и передавший их всем современным направлениям историцистов, выражал позиции противников Французской революции»³². Таким временем величайших социальных перемен Поппер, несомненно, считал и 1940-е годы. Они таили в себе большую опасность, поскольку за депрессией 1930-х годов последовали опустошение и дезорганизация, принесенные мировой войной. В такие моменты идеалы историцизма расцветали. В самом деле, они

* См.: Поппер К. Нищета историцизма. М.: Изд. группа «Прогресс», 19932. — Прим. науч. ред.

нашли отражение в национал-социализме, фашизме и Новом курсе: ведь все эти политические течения ставили во главу угла вмешательство государства и государственное управление экономикой и социальной жизнью.

Если гегелевская диалектика, снимавшая противоположности через синтез, предоставила интеллектуальную обертку для новых, опасных и жестоких форм тоталитаризма, то Маркс повел атаку на современный и открытый способ экономической организации — капитализм. Историзм Маркса Поппер назвал «экономизмом»; а именно это «утверждение, согласно которому экономическая организация общества, организация нашего обмена веществ с природой, является фундаментальной для всех социальных институтов, особенно для их исторического развития»³³. Часть книги, посвященная Марксу, была принципиально важна для всей концепции Поппера, но доставила неожиданные проблемы в плане публикации. Хайек написал Попперу, что раздел о Марксе — самый слабый, и по этой причине Лайонел Роббинс не берется рекомендовать книгу к публикации. «Если говорить обо мне, — писал Хайек, — то я тоже должен признаться, что читал эту часть с меньшим интересом, хотя мое впечатление — впечатление экономиста, которому в последние двадцать лет приходилось читать одно критическое изложение Маркса за другим, — конечно, не означает, что эта часть излишне длинная»³⁴. Поппер и сам чувствовал, что раздел о Марксе, который он писал и переписывал в течение многих лет, стал для него камнем преткновения. Он согласился с Хайеком, что этот раздел менее удачен, но заметил: «Я писал часть о Марксе с безусловно наивным, но сильным убеждением, что можно и полезно попытаться привлечь марксистов на нашу сторону и необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы наладить с ними посильный контакт (мне ведь на самом деле удалось переубедить некоторых весьма видных марксистов)». Но самое главное, добавил Поппер, «я уже просто не могу переписывать это в сотый раз... Пусть это уже будет окончательный вариант»³⁵.

Какую же альтернативу, какое противоядие от опасных историцистских идей предлагал Поппер? По его мнению, необходимы продуманные реформаторские усилия, способные смягчить наиболее явные эксцессы капитализма. Поппер был согласен с Марксом в том, что в основе новых типов политической идентичности лежит экономическая организация.

Но проблему неравенства, полагал он, нужно решать не с помощью классовой борьбы, а путем прагматических реформ. В принципе, это способно сделать государство, однако Поппер опасался, что такое вмешательство сосредоточит в руках государства непомерную власть³⁶. Концентрацию власти Поппер считал особенно опасной. Вмешательство государства он делил на два вида: «Первый — это метод проектирования «правовой структуры» защитных институтов (примером могут быть законы, ограничивающие власть собственников животных или собственников земли). Второй — это метод предоставления на некоторое время органам государства свободы действовать — в определенных пределах, — как они считают нужным для достижения целей, поставленных правителями. Мы можем назвать первую процедуру «институциональным», или «косвенным», вмешательством, а вторую — «личным», или «прямым», вмешательством. (Конечно, существуют и промежуточные случаи.)»³⁷ Первый тип вмешательства предпочтительнее, поскольку им труднее злоупотребить. Только он «позволяет проводить улучшения, опираясь на результаты соответствующих дискуссий и опыта»³⁸. Вторая же форма вмешательства чревата проблемами, поскольку поведение государства, располагающего возможностью принимать произвольные решения, сложно контролировать: «Использование дискреционной власти, как только оно начинает широко практиковаться, имеет тенденцию к быстрому росту, так как необходимы корректировки властных решений, а корректировки дискреционных краткосрочных решений вряд ли могут быть произведены при помощи институциональных средств. Эта тенденция должна в значительной степени повышать иррациональность системы, создавая у большинства людей впечатление, что за сценой истории действуют какие-то скрытые силы, и тем самым толкая людей к принятию конспирологической теории общества со всеми ее последствиями — охотой за еретиками, национальной, социальной и классовой враждой»³⁹. Как считал Поппер, люди не понимали всю важность различия между властью с точно определенными полномочиями в условиях верховенства права и дискреционной властью. Захват власти Гитлером — крайний пример возможных результатов такой дискреционной политики.

Люди должны брать на себя ответственность за собственные решения. Нельзя отдавать эти решения на откуп вождям,

политиканам или бюрократам. Но это, по мнению Поппера, может означать и иррациональный «скачок веры», подобный всякому акту веры, т.е. в данном случае переход к вере в критический разум. Однако иррациональный выбор ведет к бессилию и вызывает к жизни всевозможные тирании, которые, как считал Поппер, обосновывались разными течениями историзма: «Своим отказом от разума они разделяют человечество на друзей и врагов, на немногих вместе с богами наделенных разумом, и большинство (как утверждал Платон) не наделенных; на немногих ближних и большинство дальних; на тех, кто говорит непереводаемым языком наших чувств и страстей, и тех, кто говорит не нашим языком. Как только мы начинаем поступать так, политическое равенство становится невозможным»⁴⁰. Иррационализм подразумевает доводы типа «кто силен, тот и прав», ибо осуществление исторического пророчества и его стадии неизбежны, а индивид и его права в такой перспективе не имеют существенного значения. Индивид низводится на роль винтика в историческом механизме. Поэтому, считал Поппер, «необходима такая социальная технология, достижения которой могут быть проверены с помощью постепенной или поэтапной социальной инженерии», и с ее помощью рациональный индивид должен энергично заниматься решением практических проблем, используя метод проб и ошибок, а также метод выдвижения и критики гипотез⁴¹.

Противоположностью поэтапной инженерии была «утопическая инженерия» того типа, которая подразумевалась коммунистической, социалистической и тем более национал-социалистической революцией: «Критикуя утопическую инженерию, я на самом деле критикую проекты переустройства общества в целом, т.е. проекты весьма основательных изменений, практические последствия которых трудно предусмотреть, опираясь на наш ограниченный опыт. Утопическая инженерия претендует на рациональное планирование всего общества, хотя мы не располагаем эмпирическим знанием, необходимым для того, чтобы реализовать это честолюбивое намерение, так как не обладаем достаточным практическим опытом в такого рода планировании, а предвидение социальных фактов должно основываться именно на таком опыте. В настоящее время просто не существует социологического знания, необходимого для крупномасштабной инженерии»⁴². Эта критика утопических планов, как мы увидим, тождественна критике

планирования, с которой выступали Хайек и Мизес*. Плановый орган не может располагать такой информацией и таким знанием, которых хватит для составления жизнеспособного плана. Впрочем, Поппер допускал теоретическую возможность того, что когда-нибудь в будущем это станет осуществимым.

Согласно Попперу, принципиально мыслимы только два типа правления: тирания и такое правление, которое может быть легко реформировано без насилия. Реальным классическим вдохновителем того понимания рациональной свободы, которого придерживался Поппер, был Сократ. В его лице начинала обретать свою форму «новая вера открытого общества, вера в человека, в эгалитаристскую справедливость и в человеческий разум»⁴³. Эту альтернативную традицию, считал Поппер, и нужно возродить. Носителем полномочий должен быть автономный индивид: «Я пытался показать, что выбор, перед которым мы оказались, это — выбор между верой в разум человеческих индивидуумов и верой в мистические способности людей, посредством которых они объединяются в различного рода коллективы. Одновременно это — выбор между утверждением о единстве человеческого рода и утверждением, согласно которому люди должны быть разделены на друзей и врагов, господ и хозяев»⁴⁴. Главную задачу Поппер видел в том, чтобы Запад вновь обрел свою прочную философскую основу с помощью применения методов рациональной критики к социальным проблемам в рамках либеральной демократии и капита-

* Мизесова критика централизованного планирования никак не связана с проблемой знания. Более того, формулируя задачу, которая стоит перед верховным руководителем централизованно планируемой экономики, Мизес специально выводит проблему знания за скобки: «Мы предполагаем, что в распоряжении этого руководителя находится все технологическое знание его времени. Более того, он имеет полный список всех материальных факторов производства, имеющихся в наличии, и реестр всей наличной рабочей силы. <...> Мы предполагаем, что руководитель уже сформулировал свои оценки конечных целей. Мы не подвергаем сомнению его решение. Не поднимаем мы также вопроса о том, одобряют ли люди, его подчиненные, решения своего руководителя. Мы можем предположить в порядке дискуссии, что какая-то непостижимая сила заставляет всех соглашаться и друг с другом, и с руководителем в оценке конечных целей». См.: *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2012. С. 653. — *Прим. науч. ред.*

лизма свободного рынка и тем самым вновь утвердил принцип индивидуальной свободы. Как он написал Хайеку в 1944 г., после прочтения «Дороги к рабству», «мы обязаны последовательно рационализировать иррациональное»⁴⁵. Главной заботой Поппера была эрозия рациональной критической способности под влиянием историцистских идей. Главное опасение Хайека в «Дороге к рабству» — кумулятивный эффект внешне благовидных действий государства. Мизес же избрал своей мишенью практическую и теоретическую модель, тесно связанную с жестким бюрократическим способом организации, способом в равной мере неэффективным и губительным для индивидуальной свободы. Эта перспектива, считал Мизес, может стать опасной для свободного рыночного общества.

Людвиг фон Мизес и «Бюрократия»

Мизес был на 21 год старше Поппера. Он родился в 1881 г. в галицийском Лемберге (Львов), который тогда принадлежал Австро-Венгерской империи, потом Польше, а теперь входит в состав Украины⁴⁶. Как и его молодой друг и протезе Хайек, Мизес принадлежал к старинному австрийскому аристократическому семейству*. Его отец был инженером, а дядя — видным членом австрийской Либеральной партии. Подобно Попперу, Мизес в юности отдал дань левым идеям. Позже, когда Мизес изучал право в Венском университете, на него оказала влияние работа основателя австрийской экономической школы Карла Менгера. Австрийская школа верила** в могущество

* Дворянский титул был пожалован прадеду Л. фон Мизеса за несколько месяцев до рождения последнего. Так что Л. фон Мизес стал первым с его семье дворянином по рождению. См.: Хьюлсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 3. — *Прим. науч. ред.*

** В данном контексте слово «верила» не очень уместно. В экономической теории вообще и в австрийской школе в частности существование экономических законов доказывается. Эти доказательства можно попытаться опровергнуть с помощью тех или иных рациональных доводов, истинность которых также подлежит рациональной критике. См. также ниже прим. на с. 77, 96, 99. — *Прим. науч. ред.*

свободного рынка и в существование ряда непреложных экономических законов, в центре которых находился индивид. Государство может препятствовать полноценному проявлению этих законов, но если хочет достичь экономического успеха, не может действовать наперекор их логике. По этой причине, как считал Мизес, австрийская экономическая теория находилась в положении своего рода изгиба: «Отстаивать теорию о том, что существуют такие вещи, как экономические законы, считалось чем-то вроде бунта. Ведь если существуют экономические законы, государство нельзя считать всемогущим: его политика может оказаться успешной, только если она будет учитывать действие этих законов. Поэтому главной заботой немецких профессоров [представителей немецкой исторической школы политической экономии] было опровержение скандальной ереси, утверждавшей, что в экономических явлениях существует регулярность»⁴⁷. Австрийская школа, особенно в лице Мизеса и Хайека, придавала особое значение способности ценового механизма стихийно организовывать экономическую жизнь автономных индивидуумов. Типично австрийское понимание роли отдельного человека и свободного рынка Мизес усвоил от Менгера.

В 1906 г. Мизес получил степень доктора права. В это время он посещал лекции другого экономиста австрийской школы, Ойгена Бём-Баверка. Бём-Баверк был твердым сторонником золотого стандарта, ибо считал его гарантом стабильности валюты. Вера* в золотой стандарт стала своего рода визитной карточкой австрийской школы и важным ее отличием

* Здесь также нужно учитывать, что «вера в золотой стандарт» была не иррациональной, а основывалась на определенных аргументах. В частности, главным доводом Мизеса в пользу золотого стандарта было то, что в этом случае объем денежной массы не зависит от политических решений властей. Конечно, следует помнить, что призывы Мизеса вернуться к золотому стандарту относятся к тем временам, когда золото еще было деньгами. С тех пор достоинства золота как денежного материала не изменились, но после почти 50 лет господства международной валютной системы, основанной на декретных деньгах, вступает в действие еще одно положение разработанной Мизесом теории денег: правительство не в силах по собственному желанию объявить деньгами вещи, которые публика не рассматривает в качестве денег. См. также прим. на с. 76, 96, 99. — *Прим. науч. ред.*

от второй чикагской школы (чей признанный лидер Милтон Фридмен всегда выступал за плавающие курсы). В 1920-е годы Мизес вел в Вене регулярный частный семинар, на заседаниях которого регулярно участвовали видные экономисты, в частности Хайек (иногда присутствовал и его коллега по Лондонской школе экономики Лайонел Роббинс) и Фриц Махлуп⁴⁸. До 1934 г. Мизес преподавал в Венском университете, затем переехал в Швейцарию, а в 1940 г. эмигрировал в США. Там он жил вплоть до смерти в 1973 г. (в возрасте 92 лет) и с 1945 по 1969 г. преподавал в Нью-Йоркском университете. В 1949 г. вышло его классическое исследование по экономической теории, «Человеческая деятельность». Во время пребывания Мизеса в Нью-Йоркском университете его работа оплачивалась не самим университетом, а бизнесменами, выступавшими против Нового курса, такими как Лоренс Фертиг⁴⁹. Это показывает, насколько непопулярными были рыночные воззрения Мизеса.

«Бюрократия» — небольшая полемическая книга, изданная Йельским университетом в 1944 г. Она представляла собой прямой ответ на усиливавшееся на Западе явление, которое Мизес назвал «бюрократизмом». Мизесом двигало вполне понятное желание защитить способность США, страны, ставшей его домом, противостоять тенденции, которую он считал характерным элементом европейской политической традиции. *Obrigkeit*, т.е. властные структуры, «чи полномочия не исходят от народа», — это, считал Мизес, такое понятие, которое чуждо американцам. Американская форма правления, как сказал Авраам Линкольн в своей знаменитой Геттисбергской речи, — это «власть народа волей народа и для народа»⁵⁰. В XIX в. французский аристократ, историк и писатель Алексис де Токвиль, герой Хайека и Мизеса, писал о бьющей ключом гражданской жизни в общинах и коммунах США⁵¹. Европа же, по убеждению Мизеса, имеет долгую традицию авторитарного и автократического правления, особенно пугающим проявлением которой стали кризисы либеральных демократий в Северной и Западной Европе в межвоенный период.

В «Бюрократии» Мизес вскрывает противоположность между бюрократическим способом управления и теми ограничениями, которые накладывает система, ориентированная на получение прибыли. В рамках этой последней деловые предприятия и их операции в конечном итоге неизбежно

подотчетны потребителям. Бюрократическое же управление неподотчетно и руководствуется собственными внутренними побуждениями, весьма далекими от реальных потребностей и пожеланий людей. Эти побуждения, полагал Мизес, меняют природу властных полномочий и искажают их реализацию. Бюрократические организации приобретают все больше и больше обязанностей, но поскольку король, деспот или правительство, ранее делегировавшие им эти дополнительные полномочия, не хотят, чтобы их власть независимо использовалась местными, региональными или отраслевыми руководителями, они издают всевозможные кодексы, указы и постановления, которые ограничивают и видоизменяют полномочия бюрократических инстанций. В результате подавляется всякая продуктивная инициатива и «изменяется весь характер управления. Они больше не стараются как можно тщательнее рассмотреть каждый случай; они больше не стремятся найти наиболее подходящее решение для каждой проблемы. Их главная забота — соблюдать правила и предписания, независимо от того, разумны они или могут привести к результатам, противоположным тому, что было задумано. Главное достоинство должностного лица — исполнять законодательство и указы. Он становится бюрократом»*. Поэтому структура стимулов, управляющая бюрократической организацией, приводит к превратным результатам.

По мнению Мизеса, бюрократия набирала все большую силу в США, особенно из-за политики администрации Рузвельта и Нового курса. Однако, утверждал Мизес, перерождение американской системы управления имеет более глубокие корни, уходящие в конец XIX в., и прогрессистская эпоха социальных реформ лишь усилила эту тенденцию. Мизес опасался, что сдвиг становится всеохватным и необратимым: «Характерной чертой современной политики является тенденция к замене свободного предпринимательства государственным контролем. Влиятельные политические партии... пламенно призывают к общественному контролю над всеми видами экономической деятельности, всеохватывающему государственному планированию и национализации бизнеса. Они

* Мизес Л. фон. Бюрократия // Мизес Л. фон. Интервенционизм и бюрократия. М.; Челябинск: Социум, 2017. С. 339. — Прим. науч. ред.

стремятся к полному государственному контролю над образованием и к социализации медицины. Не существует такой сферы человеческой деятельности, которую они не были бы готовы подчинить строгой регламентации со стороны властей. В их глазах государственный контроль — это панацея от всех бед»⁵². Новый курс, конечно, был демократическим — в чисто электоральном смысле, — но, считал Мизес, «делегирование полномочий может быть использовано как квазиконституционное прикрытие для диктатуры»⁵³. В Рузвельте и его политике 1930—1940-х годов Мизес видел угрозу такой же узурпации власти, какую произвели нацисты в Германии; отличие было только в том, что эта политика проводилась постепенно и поначалу могла казаться вполне благотворной. Вместе с тем Мизес считал, что США с их преданностью индивидуальной свободе и демократии, которую впервые подметил Токвиль в 1830-х годах, имели гораздо больше возможностей сопротивляться этой угрозе, чем Германия, где преобладала традиция милитаризма и тоталитаризма.

Распространение бюрократии вредит не только государственному сектору. Порожденное ею растущее регулирование бизнеса в такой же мере угрожает частному сектору и влечет за собой опасность бюрократизации бизнеса: «Трудно сказать, был ли прав министр Иккес*, заявив: «Всякий большой бизнес — это бюрократия» (The New York Times Magazine, January 16, 1944, p. 9). Но если министр внутренних дел прав или в той мере, в какой он прав, это результат не эволюции частного бизнеса, а растущего государственного вмешательства в бизнес»⁵⁴. Мизес утверждал, что принципиально необходимо отделить бизнес, ориентированный на прибыль, от деятельности государственных служб, подотчетных демократическому обществу. Доля государства должна быть очень маленькой, а в частных руках нужно оставить как можно больше. В отличие от Рональда Рейгана, одного из реальных политиков неолиберализма, Мизес не считал, что лидеры бизнеса могут пригодиться в государственном секторе⁵⁵. По его мнению, это ничего не даст, потому что как только бизнесмен получит государственную должность, его роль изменится:

* *Иккес Гарольд Леклер* (1874—1952) — секретарь по внутренним вопросам (министр внутренних дел) в правительстве США с 1933 по 1946 г. — *Прим. перев.*

«Тщетно пытаться реформировать бюрократическое управление путем назначения бизнесменов на руководящие должности в различные ведомства. Способность быть предпринимателем не является неотъемлемым свойством личности предпринимателя; она является неотъемлемым свойством того положения, которое он занимает в структуре рыночного общества. Бывший предприниматель, поставленный во главе государственного учреждения, является уже не бизнесменом, а бюрократом. Его задача уже не получение прибыли, а соблюдение правил и предписаний»⁵⁶. Мизес *не считал* возможным смешивать рыночный механизм и задачи государства; в этом его позиция принципиально расходилась с политикой позднейших неолибералов 1980—1990-х годов, в частности Маргарет Тэтчер, которая перевела английскую службу здравоохранения на рыночную основу. «Никакая реформа, — утверждал он, — не может превратить государственное учреждение в нечто подобное частному предприятию»⁵⁷. Напротив, роль государства должна уменьшаться, и следует ожидать, что рынки сами удовлетворят «те нужды, которые потребители считают наиболее насущными»⁵⁸.

Таким образом, Мизес был классическим либералом, отстаивающим свободный рынок, и строго придерживался такой идеологической позиции, которая, вероятно, была бы неприемлемой для любого успешного политика конца XX в. Никакой политик не смог бы отменить подоходный налог или систему государственного образования. Законы бизнеса просты и суровы. Предприятие оценивают по тому, приносит оно деньги или, напротив, теряет, — по итоговому балансу. Но позволить бюрократическому менеджменту действовать при поддержке государства значит позволить им избегать ключевой проблемы. Как сказала Маргарет Тэтчер в интервью в 1993 г., это позволило бы руководителям государственных учреждений залезать в государственный кошелек, а это прямой путь к бездействию и неэффективности⁵⁹. Согласно Мизесу, проблема не в том, что руководители могут быть коррумпированными или проявлять преступную халатность, а в том, что «любая услуга может быть усовершенствована путем увеличения затрат»⁶⁰. Поэтому хороший руководитель учреждения всегда будет бороться за дополнительные ассигнования и ресурсы. И ограничить притязания такого руководителя можно лишь с помощью правил и предписаний: «Управляющие обязаны подчиняться определен-

ному набору инструкций; только это имеет значение. Управляющий не отвечает за результаты своей деятельности, если его поступки правильны с точки зрения инструкций. Его основной целью не может быть эффективность как таковая, ею является эффективность в рамках соблюдения определенных предписаний. Его положение не похоже на положение администратора предприятия, стремящегося к получению прибыли, он скорее напоминает государственного служащего, например начальника полицейского управления»⁶¹. Поэтому управлять государственными учреждениями может только бюрократия. Эта мысль была со всей определенностью высказана позже в интервью Милтона Фридмена и Найджела Лоусона (министра финансов в правительстве Тэтчер в 1980-е годы) и стала своего рода девизом неolibерального подхода к практической политике: руководителям государственных учреждений и бюрократам свойственно стремление обременить государственный бюджет, а это почти всегда (особенно с точки зрения Фридмена) плохо⁶². Эта идея также была отправным пунктом для виргинской школы теории общественного выбора, которую в 1960—1970-е годы возглавляли Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок⁶³.

Критику бюрократии Мизес строил на сопоставлении с тем, что он считал достоинствами частного предпринимательства. Он определял бюрократию не как особую институциональную форму, а как определенный способ мышления и организации, присущий управлению в государственном секторе, как «способ, которым управляются правительственные и муниципальные учреждения»⁶⁴. Не встречающее препятствий стремление к прибыли, считал Мизес, исключает бюрократические методы в руководстве частным предприятием. Общественное мнение и потворствующие ему политические партии склонны препятствовать стремлению к прибыли и замещать его «службой». Новаторский и экспериментаторский дух предпринимательства противоречит приоритетам бюрократической службы: «Сказать предпринимателю, у которого ограничены возможности получения прибыли: «Веди себя так, как поступают добросовестные бюрократы», — это все равно что приказать ему избегать каких бы то ни было реформ. Никто не может быть одновременно исправным бюрократом и новатором. Прогресс — это как раз то, чего не могли предвидеть правила и предписания; он всегда достигается за пределами сферы деятельности бюрократии»⁶⁵. Главное отличие частного предприятия от мотивов

бюрократической системы, основанной на государственном регулировании и вмешательстве, заключается в наличии мотива получения прибыли, обещающей высокую награду за новшества и улучшения. Без этого не будет прогресса⁶⁶.

Совсем иначе смотрели на вещи творцы английской социальной системы в межвоенный период, Уильям Беверидж, Сидней и Беатрис Веббы и Джон Мейнард Кейнс, или окружавшие Рузвельта в 1930-е годы политические эксперты: Гарри Гопкинс, Френсис Перкинс и Рексфорд Тагвэлл. С их точки зрения, государственная служба была долгом и привилегией, благородным призванием эрудированных экспертов и поприщем для их талантов. Корпоративный дух службы не требовал получать прибыль. Знания и разум тех, кого Кейнс называл здравомыслящей элитой, — вот что должно решить самые трудные проблемы, стоящие перед правительством и государством. По мнению Мизеса, «ответ, который следует дать этим бюрократическим радикалам, вполне очевиден. Гражданин может ответить: вы, возможно, превосходные и благородные люди, гораздо лучше, чем все мы, остальные граждане. Мы не ставим под сомнение вашу компетентность и ум. Но вы не являетесь наместниками Бога, которого зовут «Государство». Вы — слуги закона, надлежащим образом принятых законов нашей страны. В ваши обязанности не входит критика законов, а тем более их нарушение. Когда вы нарушаете закон, вы, возможно, ничем не лучше многих вымогателей, какими бы хорошими ни были ваши намерения. Ведь вы были назначены на должность, приняли присягу и вам платят за то, чтобы вы проводили законы в жизнь, а не нарушали их. Самый плохой закон лучше бюрократической тирании»⁶⁷. Закон должен главенствовать над свободным рынком, над небольшой, конституционно очерченной сферой государственной службы, и в рамки разрешенного не должны попадать те полномочия государственных учреждений и их руководителей, которые не имеют четкого определения и не закреплены законодательно. Эти рекомендации перекликаются с громкими сетованиями критиков Нового курса.

Критические аргументы привели Мизеса к заключению, что проблемной является вся политическая система, которая управляется бюрократией, отчуждающей и отторгающей власть от ее подлинного демократического источника: «Как совершенно верно говорят противники движения к тоталитаризму,

бюрократы вольны по своему собственному усмотрению решать вопросы, имеющие первостепенную важность для жизни частных граждан. Это правда, что должностные лица являются уже не слугами граждан, а своевольными господами и тиранами. Но в этом виновата не бюрократия. Это результат новой системы правления, которая ограничивает свободу индивида самостоятельно вести свои дела и возлагает всё больше и больше обязанностей на государство. Обвинять следует не бюрократию, а политическую систему»⁶⁸. Бюрократу как избирателю, полагал Мизес, присущ внутренний конфликт интересов, поскольку он является и нанимателем, и нанимаемым. Вследствие этого фундаментального конфликта большой государственный сектор всегда будет угрозой для демократии. Политические партии, стремясь переиграть друг друга и заручиться поддержкой государственных служащих, предлагают всевозможные посулы, например в виде казенной кормушки Конгресса⁶⁹. Однако, полагал Мизес, в Англии и США еще есть возможность с помощью свободных выборов противодействовать тенденции к росту государственного сектора.

Еще одно последствие бюрократизации Мизес усматривал в покровительственном отношении к «благонадежным» интеллектуалам и профессорам и в дискриминации тех, кто не согласен с господствующим ортодоксальным взглядом на государство и его всемогущество. Как и Поппер, он видел сходство между бюрократической ментальностью и платоновской утопией, в которой подданные служат правящему меньшинству. По мнению Мизеса, «все более поздние утописты, создававшие свои проекты земного рая по образцу, данному Платоном, также верили в неизменность человеческих отношений»⁷⁰. «Бюрократическая организация, — продолжал Мизес, — непременно должна быть жесткой, поскольку предполагает соблюдение установленных правил и процедур. Но в жизни общества жесткость равносильна окаменению и смерти. Весьма важен тот факт, что самыми любимыми лозунгами современных «реформаторов» являются стабильность и безопасность. Если бы первобытные люди руководствовались принципом стабильности, они никогда не обеспечили бы себе безопасности; их бы уже давно уничтожили хищные звери и микробы»⁷¹. Для Мизеса рынок и его стихийные силы представляли особую важность потому, что неолиберализм, в отличие от марксизма, был теорией, которая не обслуживает какой-либо класс

или его идеологию. Рынок дает каждому человеку возможность экспериментировать и улучшать свое положение: «Действующие на рынке анонимные силы постоянно заново определяют, кто должен быть предпринимателем и кто капиталистом. Потребители, так сказать, голосуют так, как будто они занимают высокие позиции, позволяющие регулировать экономическую структуру страны»⁷². Это обстоятельство, естественно, никому не гарантирует никаких определенных результатов, но служит фундаментальным залогом равенства при доступе на рынок и возможности добиться успеха.

Таким образом, для Мизеса рынок — это подлинно демократическая область деятельности. Он поощряет то, чего хотят люди и за что они голосуют ногами и кошельками. Неудачливые бизнесмены, производители, менеджеры и предприниматели должны покоряться беспощадной дисциплине рынка, и чем эффективнее и свободнее функционирует последний, тем эффективнее становится предложение социальных и экономических товаров и услуг. Именно по этой причине, полагал Мизес, везде, где только возможно, поставку необходимых обществу товаров нужно осуществлять за счет действия собственно рыночных механизмов: это будет дешевле и эффективнее. Конечно, это всего лишь теория, и среди неолибералов Мизес выделялся, пожалуй, самым не критическим отношением к рынку. Его представление о почти идеально-демократической природе рынков было по-настоящему радикальным. Он выделил новую базу легитимности массового волеизъявления, которая не зависит от выборов, политических процессов или прочих структур подотчетности. Рыночный механизм сам по себе действует как узел обратной связи, реагирующий на верховную волю потребителей. Для Хайека, студента и коллеги Мизеса, неолиберализм тоже не был «застывшим кредо»⁷³. Это, согласно Хайеку, одна из самых важных причин превосходства свободного рынка как способа организации экономической жизни.

Фридрих Хайек и «Дорога к рабству»

Если Карл Поппер ополчился против историчистских теорий, которые причинили столько вреда гуманистическому индивидуализму, а Мизес критиковал бюрократическую ментальность,

ставшую неотъемлемым свойством государственных учреждений и политических организаций, то Хайек повел полемическую атаку на сползание западной политики к коллективизму.

Фридрих Август фон Хайек родился в Вене в 1899 г. в достаточно состоятельной семье дворян-интеллектуалов. Его отец преподавал биологию и ботанику в университете, а перед Первой мировой войной состоял советником правительства Австро-Венгрии по вопросам социального обеспечения. Хайек пошел на войну добровольцем, по счастью, не был даже ранен и заслужил награду за храбрость. После войны он поступил в Венский университет, где изучал право и политическую экономию и получил докторскую степень по обеим дисциплинам (в 1921 и 1923 г. соответственно). В 1919 г. он навсегда изъял из своего имени дворянскую приставку «фон»*. По завершении учебы Хайек в течение года (1923—1924) работал ассистентом профессора Джереми Дженкса в Нью-Йоркском университете⁷⁴. Потом он вернулся и жил в Вене, а в 1929 г. Лайонел Роббинс предложил ему приехать в Лондонскую школу экономики (ЛШЭ) в качестве приглашенного лектора.

Будучи в ЛШЭ, Хайек скоро вступил в полемику с Кейнсом по поводу роли денежно-кредитной политики и осуществимости планирования в экономике. В 1931 г., в возрасте 32 лет, он стал профессором экономики и статистики и присоединился к группе убежденных сторонников свободного рынка, которую поначалу возглавлял Эдвин Кеннан (выпустивший образцовое издание «Богатства народов» Адама Смита), а потом его протееже Роббинс⁷⁵. К этой группе впоследствии присоединились Поппер и Рональд Коуз, еще один будущий член Общества Мон-Пелерен, который, как и Хайек, тоже получил Нобелевскую премию по экономике (1991). В 1951 г. Коуз уехал в США и с 1964 г. работал на экономическом факультете Чикагского университета, где стал коллегой Фридмена и Джорджа Стиглера. Хайек полюбил Англию и неизменно

* После упразднения монархии в ноябре 1918 г. новое республиканское правительство Австрии отменило все титулы и запретило использовать их в печати. Мизес тоже отказался от наследственного титула австрийского дворянина, но в зарубежных публикациях сохранил имя Людвиг фон Мизес в качестве литературного псевдонима. См.: Хьюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 22, 598 сн. 94. — *Прим. науч. ред.*

восторгался ее историей, традициями и институтами; Англия, считал он, это во многих отношениях родина свободы. Хайек сдружился с Роббинсом в ЛШЭ и с Кейнсом в Кембридже, получил английское гражданство и всю жизнь не порывал контактов с Англией: после того как Хайек в 1951 г. уехал в Чикаго, в Англии поселился его единственный сын Лоренс⁷⁶.

Из трех книг, о которых идет речь в этой главе, «Дорога к рабству» Хайека оказала наиболее сильное и продолжительное политическое влияние. Она была написана очень быстро — в то время, когда ЛШЭ из-за немецких бомбардировок переехала в Кембридж. Поппер, которому Хайек послал экземпляр рукописи, назвал «Дорогу к рабству» «откровенно политической книгой». При этом Поппер считал ее «безусловно одной из самых важных политических книг», которые он когда-либо читал⁷⁷. Книга вышла в Англии в марте 1944 г., в конце того насыщенного периода в 18 месяцев, в течение которого появились и широко обсуждались доклад Бевериджа о социальном страховании (1942), «белая книга» правительства по занятости и доклад Бевериджа о полной занятости (1944). В книге основной мишенью Хайек стала наметившаяся предрасположенность западных политиков к централизованному планированию.

Отношение Хайека к опасностям «коллективистского» централизованного планирования, которое он отождествлял с социализмом, сложилось на основе анализа развития человеческой мысли и свободы. Выводы Хайека близки к выводам Поппера в «Открытом обществе»: «Мы последовательно отказались от экономической свободы, без которой свобода личная и политическая в прошлом никогда не существовала... Мы демонстрируем удивительную готовность расстаться не только со взглядами Кобдена и Брайта, Адама Смита и Юма или даже Локка и Мильтона, но и с фундаментальными ценностями нашей цивилизации, восходящими к античности и христианству. Вместе с либерализмом XVIII—XIX вв. мы отмечаем принципы индивидуализма, унаследованные от Эразма и Монтеня, Цицерона и Тацита, Перикла и Фукидида»⁷⁸. Хайек отчетливо связывал эту идею западной цивилизации с иудео-христианской традицией. Эта связь сближает его с традиционными консерваторами, такими как Эдмунд Бёрк, взгляды которого Хайек во многом разделял⁷⁹: «Пока же достаточно будет сказать, что индивидуализм, уходящий корнями в христианство

и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией. Его основной чертой является уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и склонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования»⁸⁰. Во взгляде Хайека на человеческую природу соединились характерное для традиционного консерватизма признание греховности человека, вера Бёрка в совокупную мудрость человечества и современное политико-философское убеждение, согласно которому рациональный эгоизм есть наиболее сильный мотив человека.

При таком понимании человеческой природы Хайек весьма настороженно относился к тому, что Поппер, как считал Хайек, готов признать некоторые формы интервенционизма*. В частности, Поппер полагал, что «используем же мы определенные средства (суды, полицию) для борьбы с преступностью или детским трудом; и похожими средствами мы, наверное, сможем прекратить войны. Все это безусловно законно; и столь же оправданно стремление бороться с бедностью, односторонней эксплуатацией и стараться искоренить их»⁸¹. Эти допущения Поппера, считал Хайек, противоречили самой сути общества, основанного на свободе индивида преследовать свои экономические интересы. По его мнению, реализовать политическую доктрину (даже задуманную с самыми благими намерениями), подразумевающую государственное планирование и государственное вмешательство в экономику, будет невозможно по причине естественной ограниченности человеческого знания.

Когда Поппер и Хайек думали, как опубликовать «Открытое общество», Хайек послал Попперу несколько соображений по поводу понятия «поэтапной инженерии». Он не совсем понимал, почему его друг придерживается такого подхода к социально-экономическим проблемам, и выразил свое несогласие с ним: «Теперь я могу лучше объяснить мою сильную

* В том же неоднократно упрекали самого Хайека, начиная с положительной программы, намеченной в «Дороге к рабству». См., например: Хьюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013. С. 604—605, 605 сн. 9. — Прим. науч. ред.

антипатию к вашему термину «поэтапная инженерия». Если я правильно понимаю, что то свойство «инженерного типа мышления», которое имею в виду, служит причиной сильной склонности большинства таких инженеров к плановому обществу, то ваше понятие — это фактически «противоречие в определении». То есть, кратко говоря, природа инженерной деятельности такова, что все знание сосредоточено в одной голове, между тем как специфический характер всех подлинно социальных проблем состоит в том, что для их решения необходимо знание, которое никак не может быть сосредоточено таким образом»⁸². Как мы видим, Хайек здесь сопоставляет концепцию Поппера со своими доводами в пользу невозможности централизованного планирования. По его мнению, эта невозможность прямо следует из ограниченности человеческих возможностей: невозможно обладать такой информацией, чтобы принимать рациональные решения за всех остальных. Подобный интервенционизм также разрушит общество, которому свойственны свобода и стихийный порядок.

Поппер в своем ответе пояснил, какой смысл он вкладывал в термин «поэтапная инженерия», и постарался устранить все расхождения с Хайеком в том, что считал их общим подходом к социальному и экономическому прогрессу: «Ваши критические замечания по поводу моего термина «поэтапная инженерия» заставили меня задуматься. Я ведь тоже недолголюбиваю «инженерный тип мышления» и теперь лучше понимаю суть ваших возражений. Если бы я смог, я бы изменил терминологию. Ваше замечание, что в инженерии «все знание сосредоточено в одной голове» (или, во всяком случае, в очень немногих головах), а «специфический характер всех подлинно социальных проблем состоит в том, что для их решения необходимо знание, которое никак не может быть сосредоточено таким образом», — это одна из самых ясных и сильных формулировок, какие мне встречались по этим проблемам. Это действительно принципиальная разница. Ваша мысль в известной степени перекликается с одной идеей, которую я провожу в критической части моей работы, а именно что концентрация власти и обладание социальным знанием в определенной мере исключают друг друга. Ваши соображения необыкновенно интересны, но когда я говорил о поэтапной инженерии, я вовсе не связывал ее с этим «инженерным типом мышления». Я имел в виду другой тип мышления, а именно тот, который

осмотрительно и сознательно прибегает к методу проб и ошибок, т.е., с одной стороны, ищет возможности для институциональных реформ, а с другой — принимает во внимание неизбежные ошибки, которые в области социальной происходят именно потому, что мы можем узнать о наших ошибках только от тех, чьи интересы мы уже задели (а если мы сконцентрировали власть в своих руках, то и узнавать не будем)»⁸³. Такой подход, по мысли Поппера, был принципиально важен для его проекта объединения «гуманитарного лагеря» вокруг методологии критического рационализма.

В своей переписке Хайек и Поппер постоянно затрагивали тему языка и терминологии. Но суть их дискуссии затуманивается широтой понятия «свобода». Поппер, например, использует его, чтобы выделить то, в чем, по его мнению, они с Хайеком согласны: «Я тоже считаю, что наши приоритеты в принципе одни и те же: мы за индивидуализм (я употребляю термин в моем значении), за свободу как необходимое условие всего остального и против псевдонауки, догматизма и дилетантского радикализма. Думаю, я могу полностью присоединиться к вашим словам, что мы ведем общее сражение на разных фронтах, и высоко ценю ваше замечание, что мой подход (и терминология), возможно, привлекут внимание «определенной аудитории», рациональная дискуссия с которой прискорбно затруднена»⁸⁴. Современный читатель этих писем, будет, вероятно, удивлен тем, какое значение придается в них таким расплывчатым понятиям, как «индивидуализм» и «свобода». Не вполне понятно, действительно ли Хайек и Поппер вкладывали в них одинаковый смысл. Словно предвосхищая это недоумение, Хайек писал Попперу (когда они обсуждали варианты названия «Открытого общества»): «К сожалению, сейчас почти необходимо избегать в названии слова «свобода», — слишком уж много чепухи преподносили под ним в последние годы»⁸⁵. Если Хайека волновал общий сдвиг западной политики в сторону коллективизма, но Поппера больше заботило любое воспроизведение условий для появления тоталитаризма. Когда они обсуждали французского философа и социолога Огюста Конта, Поппер объяснил Хайеку, в чем он видит настоящую проблему: «Поборники науки, я думаю, встают в тупик отнюдь не перед той идеей, что человечество в какой-то мере способно контролировать собственную судьбу или самосовершенствоваться (как это делали многие люди,

особенно если мы будем толковать это понятие в духовном смысле). Скорее, они осознают свое бессилие перед холистическим гипертрофированием этой идеи, столь ошибочным и столь неприемлемым в силу своей истерической жажды власти. Я уверен, что мы согласны в этом вопросе»⁸⁶. Таким образом, согласно Попперу, неприемлемыми и опасными многие левые утопические проекты делает их тоталитарный потенциал. Убеждение, что человек способен улучшить свою жизнь, само по себе похвально и важно, но нужно умерить его притязания сообразно тем скромным средствам, которые имеются в нашем распоряжении для достижения подобной цели.

Несмотря на все эти нюансы позиций Хайека и Поппера, совершенно ясно, что в период 1940-х годов они были максимально близки, особенно если сравнить их взгляды с убеждениями Джона Мейнарда Кейнса, большого друга и идейного оппонента Хайека. Кейнс тесно сотрудничал с американцами в разработке планов послевоенного устройства, в том числе вместе с Гарри Уайтом готовил Бреттон-Вудскую денежную систему. Когда Кейнс прочитал «Дорогу к рабству», он с полной откровенностью написал Хайеку, что, по его убеждению, интеллектуально одаренные и морально безупречные специалисты могут создать «хорошее общество»⁸⁷. Кейнс считал, что представление Хайека о человеческой природе, по всей видимости, не оправдалось, — особенно в США, которые Кейнс рассматривал как величайший испытательный полигон для идей и реальной жизни после Второй мировой войны, как лидера развитого мира. Не желая расставаться с идеей эффективного государства, Кейнс суммировал свою позицию в следующих известных строках: «То, что нам нужно, это восстановление правильного морального мышления, возвращение к надлежащим моральным ценностям в нашей социальной философии. Если бы вы только смогли направить ваш крестовый поход в этом направлении, вы не выглядели бы и не ощущали бы себя таким Дон Кихотом. Наверное, я могу упрекнуть вас в некотором смешении моральных и материальных вопросов. В сообществе, которое думает и чувствует правильно, опасные действия можно совершать вполне спокойно, но если их совершают те, кто думает и чувствует неправильно, это будет дорога в ад»⁸⁸.

Взгляды Кейнса — типичный пример трансформации либерализма в XX в. в систему убеждений, которая превозносила

вмешательство государства и технические навыки просвещенных должностных лиц, вдохновленных государственной службой. Похожие идеи воодушевляли творцов Нового курса, но для Хайека и его единомышленников эти идеи были квинтэссенцией того, против чего они выступали. Хайек стоял на принципиально иной позиции. Если мы, писал он, примемся даже с самыми благими намерениями создавать общество, «ориентируясь на высокие идеалы, мы невольно создадим в реальности полную противоположность того, к чему стремимся»⁸⁹. Подобный пессимистический взгляд привлекал к Хайеку симпатии всех тех американских бизнесменов, политиков и других людей, которые так и не смирились с политикой Рузвельта. Неолиберальное движение возникло из этого духа противоречия, свойственного США в послевоенный период.

Отвергая активное вмешательство государства и централизованное планирование, Хайек хотел ограничить роль государства тщательно выверенными рамками. Особое значение он придавал верховенству правовых норм, обеспечивающих эффективную деятельность рынков и сохранение индивидуальной свободы. Верховенство права гарантирует базовую негативную свободу, и это должно быть основной функцией государства наряду с обороной и защитой граждан. Этим также подразумевалось принципиальное признание неравенства — отличительная черта неолиберализма на всех трех фазах его истории. Признание неравенства обстоятельством неизбежным и даже желательным — центральный пункт конфликта между неолиберальными идеалами и идеалами „либералов“ Нового курса и социал-демократов. Неолиберальные мыслители считали совершенно правильным, что разные люди добиваются разных результатов. Для них любое представление о возможности большего равенства, достижимого с помощью перераспределения доходов или ресурсов, было чистой утопией, которая не имела четкого рационального содержания и потому была уязвима для манипуляций со стороны деспота или государства.

Напротив, в свободной рыночной системе ключевую роль играет автономная личность. У разных людей разные способности, которые по-разному оцениваются на рынке. Такое неравенство результатов — положительное обстоятельство, поскольку, согласно Хайеку, все люди как минимум имеют равный доступ на рынок. Неравенство не имеет значения, потому

что имеет место социальная мобильность, и у каждого, кто потерпел неудачу, есть возможность благодаря личной инициативе добиться успеха в последующих попытках. Если человек не может или не хочет предпринимать попытки, то не дело государства проявлять неодинаковое отношение к людям и компенсировать неудачнику отсутствие успеха: «Из всего сказанного вытекает неизбежный, хотя на первый взгляд и парадоксальный, вывод: формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, нацеленными на обеспечение материального равенства различных людей, и всякий политический курс, основанный на идее справедливого распределения, однозначно ведет к разрушению верховенства права. Ведь чтобы политика давала одинаковые результаты применительно к разным людям, к ним нужно относиться по-разному»⁹⁰. Таким образом, одним из важнейших измерений неолиберальной мысли выступает убеждение, что перераспределение и большее равенство не только подрывают инициативу к активной деятельности, но и оказывают морально-разлагающее влияние. (Позже к этому мнению присоединились некоторые ученые, например политолог Чарльз Мюррей в своей книге «Погружение в трясину» (1984), и даже такие „либеральные“ политики-демократы, как Дэниел Мойнихен в своем противоречивом докладе об афроамериканской семье (1965). Они воскресили старое различие между бедняками, заслуживающими или не заслуживающими помощи⁹¹. С 1960-х годов убеждение в неизбежности неравенства составляло суть отношения неолиберальных социальных реформаторов к эгалитарной социальной политике и культуре зависимости, которую эта политика, по всей видимости, порождает. Одни люди заслужили свой шанс на успех, а другие нет; разграничительная линия обычно проводилась между теми, кто работал, и теми, кто не работал, — как пресловутые «мамаши, живущие на детское пособие». Poleмика на эту тему происходила по обе стороны Атлантики, достигнув кульминации в реформе государства благосостояния при Билле Клинтоне в 1996 г. и многочисленных попытках реформ при Маргарет Тэтчер, Джоне Мейджоре и Тони Блэре в 1990-х годах.)

Таким образом, по Хайеку, коллективные проекты нужно свести к минимуму, чтобы устранить опасность порабощения индивидуума, его желаний и ценностей. При плановой системе неизбежно возникнут проблема шкалы ценностей и вопрос

о том, кто будет эти ценности ранжировать. При капиталистической системе свободного рынка такие решения принимает не государство и не правящая группа от лица всех людей; напротив, «коллективная деятельность ограничивается... сферой действия общей цели. Часто случается, что общая цель не является собственно целью деятельности индивида, а представляет собой средство, которое разными индивидами используется для достижения разных целей»⁹².

Для Хайека «вовсе не источник власти, а ее ограничение является надежным средством от произвола»⁹³. Иными словами, общий демократический контроль, на который полагался Мизес, не предотвращает злоупотребления принудительной властью*. Привлекательность социализма Хайек считал

* В некоторых работах Мизес различал государство как аппарат сдерживания и принуждения (включающий в себя суды, полицию, тюрьмы и вооруженные силы), обслуживающий правительство, и собственно правительство (правда, чаще всего использовал эти термины как синонимы). При этом функцию ограничения власти силового государственного аппарата (который он обозначал термином «аппарат сдерживания и принуждения»), по мысли Мизеса, выполняют как раз законы, т.е. наборы правил, ограничивающие полномочия должностных лиц по применению силы к гражданам, а вообще говоря, все «современные политические и юридические институты». Вот несколько цитат из его работ разного времени (курсив везде добавлен): «Государство — аппарат насилия, обслуживающий правительство, — не опасно для свободы только тогда, когда его действия подчинены ясным, однозначным, универсальным *правилам* или когда они следуют принципам, которые управляют всякой работой ради прибыли» («Социализм» (1922; М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 169)); «Мир — отсутствие бесконечной войны всех против всех — может быть достигнут только путем установления системы, в которой власть прибегать к насильственным действиям монополизирована общественным аппаратом сдерживания и принуждения, а применение этой власти в каждом отдельном случае регулируется *правилом* — созданными человеком законами...» («Человеческая деятельность» (1949; Челябинск: Социум, 2012. С. 265)); «Чтобы не допустить этого, необходимо ограничивать власть правительства. Это задача всех *конституций, биллей о правах и законов*. В этом смысл всех сражений за политическую свободу, которые вели люди» (Там же. С. 268); «Цель всех современных политических и юридических институтов — оградить свободу индивидуума от посягательств со стороны правительства. Представительное правление и правовое

опасной. Социализм, по мнению Хайека, был противоположностью свободы, но его ошибочно отождествляли со свободой и равенством, поскольку он отвечал оптимистическому взгляду на социальный, технологический и экономический прогресс. Хайек считал такой утопический взгляд на предназначение социализма опасным заблуждением: «Что же касается свободы, то основатели социализма высказывались о ней совершенно недвусмысленно. Корнем всех зол общества XIX столетия они считали свободу мысли. А предтеча нынешних адептов планирования Сен-Симон предсказывал, что с теми, кто не будет повиноваться указаниям предусмотренных его теорией плановых советов, станут обходиться «как со скотом»»⁹⁴.

государство, независимость судов и трибуналов от вмешательства со стороны исполнительной власти, habeas corpus, судебное разбирательство и возмещение ущерба в случае незаконных действий исполнительной власти, свобода слова и прессы, отделение церкви от государства и многие другие институты преследовали всегда одну и ту же цель: ограничить всеислие должностных лиц и оградить индивидуума от произвола» («Идея свободы родилась на Западе» (1950; см.: *Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2013. С. 235*). Функция демократии, по Мизесу, состоит в мирной смене собственно правительства (правлящей группы, отдающей приказы аппарату сдерживания и принуждения), обеспечивая согласие между волей государства и волей сложившегося в данный момент большинства. При недемократических режимах используются другие средства, чтобы сделать правительство зависимым от воли управляемых, — гражданская война, революция, восстание. Именно таких форм смены властной верхушки помогает избежать демократия: «Демократия — это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособлять правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы. Если в демократическом государстве правительство больше не проводит ту политику, которую хотело бы видеть большинство населения, то, для того чтобы посадить в правительственные кабинеты тех, кто желает работать в соответствии с волей большинства, нет необходимости начинать гражданскую войну. Посредством выбором и парламентских процедур смена правительства происходит гладко и без трений — насилия и кровопролития» («Либерализм» (1927; Указ. изд., с. 45). См. также работы Мизеса: «Социализм» (Указ. изд., с. 52—56); «Всемогущее правительство» (1944; М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 69, 161); «Человеческая деятельность» (Указ. изд., рубрика «Демократия» в Предметном указателе)). — *Прим. науч. ред.*

Социалисты, считал Хайек, присвоили термин «свобода» и использовали его для обозначения того, что на самом деле было экспроприацией богатства: «Тем более жестокой будет трагедия, если окажется, что обещанный нам Путь к Свободе есть в действительности Столбовая Дорога к Рабству. Именно обещание свободы не дает увидеть непримиримого противоречия между фундаментальными принципами социализма и либерализма. Именно оно заставляет все большее число либералов переходить на стезю социализма и нередко позволяет социалистам присваивать себе само название старой партии свободы. В результате большая часть интеллигенции приняла социализм, так как увидела в нем продолжение либеральной традиции. Сама мысль о том, что социализм ведет к несвободе, кажется им поэтому абсурдной»⁹⁵. Поэтому для Хайека предусматриваемое Поппером воссоединение социализма и либерализма было принципиально неприемлемым, поскольку социалисты пренебрегали личностью. Конечные цели социалистического общества можно реализовать только в ущерб потребностям и желаниям отдельного человека, а для либералов отдельный человек был неприкосновенной святыней*. Две позиции находились в непримиримом конфликте. По убеждению Хайека, социализм был порождением коллективизма.

Для Хайека коллективизм, как бюрократизм для Мизеса и платоновский или гегелевский историцизм для Поппера, был сопряжен с моральной проблемой, проблемой «конца истины». Все индивидуальные стремления и действия должны быть

* На протяжении всей книги автор последовательно представляет интеллектуальные позиции как предмет иррациональной веры, а не как плод тщательных эпистемологических, методологических и теоретических рассуждений, а также анализа социальных последствий реализации того или иного принципа. Между тем, например, традиция обоснования принципа методологического индивидуализма (в противовес методологическому холизму) насчитывает уже более 100 лет, начиная с Й. Шумпетера, предложившего этот термин в 1908 г., и М. Вебера, в 1920-х годах рекомендовавшего придерживаться этого методологического принципа в социальных науках. Более того, под другими именами методологический спор между индивидуализмом и коллективизмом восходит к «спору о методах», развернувшемуся между основателем австрийской школы и представителями немецкой исторической школы в политической экономии в 1880—1890-х годах. См. также прим. на с. 76, 77, 99. — *Прим. науч. ред.*

подчинены высшей общественной цели, провозглашенной коллективистским государством: «Осуждение любой деятельности, не имеющей очевидной практической цели, соответствует самому духу тоталитаризма. Наука для науки или искусство для искусства равно ненавистны нацистам, нашим интеллектуалам-социалистам и коммунистам. Основанием для всякой деятельности должна быть осознанная социальная цель»⁹⁶. Реальность теряет свою эмпирическую основу и становится чем-то таким, что официально устанавливается и определяется властью имущими в соответствии с их социальными планами — их монополией на истину. Интеллектуальную свободу недопустимо подрывать и разрушать хотя бы потому, что, как саркастически заметил Хайек, люди в большинстве своем «не способны мыслить самостоятельно»⁹⁷.

В этот период своей деятельности Хайек пытался также сформулировать альтернативу характерной для XIX в. расплывчатой экономической теории *laissez faire*. Стремление преодолеть ограниченность теории *laissez faire* и вместе с тем что-то противопоставить новым формам интервенционизма, которым были привержены английские новые либералы эдвардианской эпохи*, а также „либерализму“ Рузвельта и Нового курса, составляет отличительную черту исследований ранних неолибералов. Этими вопросами занимались немецкие неолибералы Вальтер Ойкен и Франц Бём (а также Вильгельм Рёпке и Александр Рюстов, который в числе первых предложил сам термин «неолиберальный»; эта группа была известна под названием ордолибералов, и речь о ней пойдет в следующей главе), Генри Саймонс и Фрэнк Найт в Чикагском университете (тоже персонажи следующей главы), Хайек, Поппер и Роббинс в Лондонской школе экономике в 1930—1940-е годы⁹⁸. По мысли Хайека, несогласие с социалистическим и коллек-

* Эдвардианская эпоха, или Эдвардианский период, в истории Соединенного Королевства — период правления короля Эдуарда VII с 1901 по 1910 г., в который также иногда включают и несколько лет после его смерти, предшествовавшие началу Первой мировой войны. Две наиболее известные работы новых либералов того времени переведены на русский язык: Сэмюэл Г. Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма. М., 1905; Хобхаус Л. Т. Либерализм // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 83—182. — Прим. науч. ред.

тивистским планированием не следует путать с «догматической приверженностью принципу *laissez faire*»⁹⁹. Государство необходимо для того, чтобы гарантировать условия свободной конкуренции. Вместе с тем Хайек, как и Мизес, подчеркивал, что рынок — это саморегулирующийся организм. Ценовой механизм организует свободных индивидов в функциональную систему, управляемую спросом и предложением. Это избавляет от необходимости прибегать к принуждению, которое подразумевается планированием: «Именно таким механизмом является в условиях конкуренции система цен, и никакой другой механизм не может его заменить. Наблюдая движение сравнительно небольшого количества цен, как наблюдает инженер движение стрелок приборов, предприниматель получает возможность согласовывать свои действия с действиями других людей. Существенно, что эта функция системы цен реализуется только в условиях конкуренции, т. е. лишь в том случае, если отдельный предприниматель должен учитывать движение цен, но не может его контролировать»¹⁰⁰. Тем не менее, как и Поппер, Хайек считал, что преимущества конкуренции можно дополнить определенными правилами и ограничениями, например, в области охраны здоровья и безопасности, и даже такими мерами, которые приводят к конкретным социальным последствиям.

Но где провести разграничительную линию? Какие социальные последствия в достаточной мере оправдывают вмешательство государства, а какие нет? В этом состояла суть критических замечаний Кейнса, когда он читал «Дорогу к рабству»: «Вы несколько раз замечаете, что вопрос в том, где провести границу. Вы признаете, что где-то ее нужно провести, но логически этот предел установить невозможно. При этом вы никак не объясняете, где же все-таки ее провести, и в известном смысле избегаете практического ответа. Понятно, что вы и я, по всей вероятности, провели бы ее в разных местах. По моим представлениям, вы сильно недооцениваете практическую целесообразность среднего пути. Но коль скоро вы признаете, что логически предел установить невозможно, а линию провести все-таки нужно, вы своим рассуждением опровергаете сами себя, поскольку стараетесь убедить нас, что стоит нам только пойти в запланированном направлении, как мы тут же вступаем на скользкий путь, который неизбежно ведет к пропасти»¹⁰¹. По отношению к Хайеку эта беспощадная критика

не совсем справедлива, потому что он все же очертил пределы применимости теории *laissez faire*¹⁰². Например, он считал, что государство несомненно должно регулировать денежную систему, не допускать возникновения частных монополий и осуществлять контроль за естественными монополиями. Это отличало Хайека от членов второй чикагской школы, в частности Аарона Директора или Милтона Фридмена, которые после 1950 г. пересмотрели антимонополистическую позицию ранних неолибералов¹⁰³. * Как он писал в «Дороге к рабству», «вопрос только в том, окупают ли в каждом таком случае полученные преимущества социальные издержки. Совместима конкуренция и с разветвленной сетью социальных услуг, если только сама эта сеть не организована так, чтобы снизить

* Этот факт неоднократно подчеркивается на страницах этой книги, однако автор нигде не упоминает причины этого и аргументов, приводимых Фридменом, Стиглером и др. в поддержку своей позиции. Возможно, стоит отметить, что на отношение послевоенных экономистов к антимонопольному регулированию повлияли исследования Стиглера в области теории регулирования, исследования в рамках теории общественного выбора и школы права и экономики. Добавим, что в послевоенные годы Фридмен и Стиглер фактически создали неоклассическую теорию цены, написав первые современные учебники в этой области. Правильнее было бы сказать, что новое поколение чикагской школы подвергло антитрестовскую позицию своих предшественников тщательному анализу и обнаружило ее несостоятельность. В частности Фридмен считал, что «восстановить конкурентный ландшафт XIX в. можно очень простым способом: достаточно прекратить текущее регулирование частных монополий. Фридмен призывал упразднить антитрестовский закон Шермана за исключением тех статей, отмена которых может привести к невыполнению контрактов. В подкрепление своей позиции он указывал, что «вряд ли когда-нибудь существовала частная монополия, способная поддерживать свое монополистическое положение без помощи государства». По его твердому убеждению, с отменой таможенных пошлин, существенным пересмотром корпоративного налогового кодекса и прекращением целевой государственной поддержки все основные проблемы, связанные с монополией, будут решены. Само понятие «чистая монополия» он считал сбивающим с толку, поскольку «у всего есть заменители», даже если эти заменители имеют совсем другую форму» (Бёртин Э. Великая революция идей: возрождение свободных рынков после депрессии; М.: Мысль, 2017). См. также выше прим. на с. 76, 77, 96. — Прим. науч. ред.

эффективность конкуренции в какой-то широкой области»¹⁰⁴. Однако в реальных обстоятельствах ответ на вопрос, когда вмешаться, а когда нет, зависел от субъективного решения государства, желавшего вмешаться, да и не мог быть иным, поскольку каждое правительство и тем более каждый отдельный человек провели бы эту линию по-своему. Непредсказуемость решений и была той фундаментальной проблемой, которую подметил Кейнс. По мнению Хайека, в принципе можно представить оправдание для Нового курса или для реформы здравоохранения Ная Бивена. Таким образом, хотя Хайека не устраивала концепция среднего пути, связанная с Рузвельтом, Кейнсом и смешанной экономикой, в конце концов он стал говорить так, словно мог ее поддержать. В связи с этим следует учесть, что главной мишенью ранних неолибералов, особенно австрийских, таких как Хайек, был тоталитаризм. Тоталитаризм советского типа, полагал Хайек, мало чем отличался от нацистского. Главное свойство тоталитарных систем состоит в том, что они стремятся к полному отрицанию индивида, его желаний, чаяний и нужд: «Различные виды коллективизма, коммунизма, фашизма и т.д. расходятся в определении природы той единой цели, к которой должны направляться все усилия общества. Но все они... стремятся организовать общество в целом и все его ресурсы в подчинении одной конечной цели и отказываются признавать какие бы то ни было сферы автономии, в которых индивид и его воля являются конечной ценностью»¹⁰⁵. С тоталитаризмом не может быть никаких компромиссов. А вот с некоторыми аспектами социального государства примириться вполне возможно, — особенно если учесть еще свежую память о Великой депрессии.

Критические замечания Кейнса сильно задели Хайека. Много лет спустя в переписке с американским кейнсианцем Полом Самуэльсоном Хайек выразил свое неудовольствие в связи с публичным искажением, как он считал, его идей, изложенных в «Дороге к рабству». Он упрекнул Самуэльсона за то, что тот в своем известном учебнике по экономике утверждал, что Хайек считал дорогу к рабству неизбежной: «Кажется, я обнаружил источник голословных утверждений, которые постоянно встречаю, о моей книге «Дорога к рабству»; мне они крайне неприятны, и я не могу воспринимать их иначе, как злонамеренное искажение, которое в значительной мере дискредитировало мои идеи»¹⁰⁶. Далее Хайек писал: «Полагаю, что

если вы освежите в памяти мою книгу, Вы, несомненно, признаете, что ваше утверждение голословно и, вероятно, стало главной причиной того предвзятого отношения, которое многим мешает отнестись к моим доводам с полной серьезностью. Боюсь, я не смогу оставить этот случай без последствий. Созданием этого мифа вы причинили такой вред в плане формирования общественного мнения, что я вынужден настаивать на публичном опровержении и извинении, сделанном в такой форме, которая будет соразмерна распространенности вашей книги»¹⁰⁷. Хайек был возмущен тем, что он считал искажением его базовой концепции, одну из основ которой составляла способность свободных индивидов в обществе менять курс. Институт выборов подразумевал, что общество может не только предоставлять властные полномочия, но и отбирать их¹⁰⁸.

Еще один важный момент, волновавший Хайека, — это пределы самоуспокоенности демократической общественности. В частности, широко бытовало убеждение, что планирование и регулирование экономики ничем особенным не грозят, поскольку затрагивают исключительно экономическую сферу. С точки зрения Хайека, это миф чистой воды. Усиление государственного контроля над экономикой как раз и есть первый шаг, чреватый дальнейшей опасностью. В своем убеждении, что никакая свобода невозможна без экономической рыночной свободы индивида, Хайек опять же близок к Мизесу. Растущее вмешательство государства в экономику, считал Хайек, разрушало самые основы свободы, как она им понималась в парадигме западной цивилизации. В этом плане неолибералы чувствовали себя очень неуютно. В своей неудачной речи во время предвыборной кампании 1945 г., в самый канун выборов, которые Уинстон Черчилль с треском проиграл, он заявил, что лейбористам, возможно, понадобится «своего рода гестапо», чтобы ввести социализм в Англии. Но на избирателей это не произвело совершенно никакого впечатления, поскольку они просто не воспринимали всерьез нападки на демократические левые партии¹⁰⁹. (Умеренность Эттли тоже не помогла Черчиллю.)

С точки зрения Хайека и Мизеса, экономика неотделима от других областей социальной и политической жизни. Экономическая свобода создает условия для остальных свобод. По словам Хайека, «власти, управляющие экономической деятельностью, будут контролировать отнюдь не только материальные

стороны жизни. В их ведении окажется распределение ограниченных средств, необходимых для достижения любых наших целей. И кем бы ни был этот верховный контролер, распоряжаясь средствами, он должен будет решать, какие цели достойны осуществления, а какие — нет. В этом и состоит суть проблемы. Экономический контроль неотделим от контроля над всей жизнью людей, ибо, контролируя средства, нельзя не контролировать и цели»¹¹⁰. Это принципиально важный тезис. Экономическую свободу невозможно отделить от политической и гражданской свободы. Не может быть никакой свободы, если нет экономической свободы. Это представление наряду с концепцией Мизеса, считавшего, что общество *laissez faire* построено на «демократической» власти потребителя, легло в основу позиции Милтона Фридмена в книге «Капитализм и свобода» (1962); по его утверждению, человеческая свобода основана на рынке. Обо всем этом речь пойдет в следующей главе.

70

Есть еще одна любопытная параллель, о которой здесь стоит упомянуть. И „либералы“ Нового курса, и английские социал-демократы основывали свои эгалитарные идеи на том соображении, что политическая свобода неполноценна без определенной экономической защищенности; эта базовая предпосылка имеет долгую историю в левой мысли. Экономическая свобода, как ее понимали неолибералы, — чисто формальное понятие, поскольку для очень многих людей такая свобода недостижима. Как считает Кейт Трайб, Хайек, рассуждая о пагубном влиянии немецкой эгалитарной традиции (восходящей к Бисмарку и прусской доктрине *Rechtsstaat**), не признавал, что во времена Промышленной революции политические реформаторы пытались решать тяжелые проблемы реальной жизни¹¹¹. Во второй половине XIX в. либералы стали меньше беспокоиться о возможном вреде государственного регулирования и вмешательства; они пришли к убеждению, что необходимые социальные реформы действительно улучшают жизнь большого числа людей, страдавших от вызванного промышленным капитализмом сильного неравенства. Без экономической свободы политические и гражданские права мало что значат. Неолибералы тоже считали, что одних только политических и гражданских свобод недостаточно. Но для них связующим звеном была свобода покупать и продавать, которой

* Правовое государство (нем.). — Прим. науч. ред.

обладает индивид на рынке. Здесь мы видим еще одно фундаментальное различие между превознесением достоинства рынка как поставщика свободы и убеждением, что рынок представляет собой препятствие для свободы, и чтобы свобода стала возможной, необходимо смягчить самые резкие негативные последствия его воздействия. Иными словами, по известной формулировке Исаяи Берлина, это различие между негативной и позитивной свободой^{112, *}.

Конфликт между свободным рынком и государством Хайек рассматривал как выбор, от которого зависит будущее свобод, выпестованных западными демократиями: «Выбор, перед которым мы сегодня стоим, — это не выбор между системой, где все получают заслуженную долю общественных благ в соответствии с неким универсальным стандартом, и системой, где доля благ, получаемых индивидом, зависит в какой-то мере от случая. Реальная альтернатива — это распределение благ, подчиненное воле небольшой группы людей, и распределение, зависящее частично от способностей и предприимчивости конкретного человека, а частично от непредвиденных обстоятельств»¹¹³. Таким образом, по мысли Хайека, негативная свобода — это максимум того, что может быть обеспечено государством с помощью верховенства права и надзора за порядком конкуренции. Но эта негативная свобода подкрепляется меритократией. Попытка же сконструировать позитивную свободу влечет за собой угрозу порабощения. Проявленное политиками и обществом после войны и депрессии общее желание установить какую-то степень экономической защищенности вполне понятно. Однако, считал Хайек, опасности непреднамеренных последствий расширения власти государства (а это необходимо для обеспечения позитивной свободы) перевешивают выгоду от защиты, которое всеобщее социальное государство способно предоставить нуждающимся. По его мнению, есть два типа защищенности: «Речь идет, во-первых, о защищенности от тяжелых физических лишений, о гарантированном

* Л. фон Мизес критиковал корректность самого этого различия между негативной и позитивной свободой, впервые введенного немецкими катедер-социалистами в конце XIX в. См.: *Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции*. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 19—20. — *Прим. науч. ред.*

минимуме для всех и, во-вторых, о защищенности, определяемой неким стандартом, уровнем жизни, о гарантированном относительном благополучии какого-то лица или категории лиц. Иными словами, есть всеобщий минимальный уровень дохода и есть уровень дохода, который считается «заслуженным» или «положенным» для определенного человека или группы»¹¹⁴.

Кейнсианский же подход к экономическому управлению, изложенный в книге «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), по мнению Хайека, предусматривал привилегированное положение одних групп по сравнению с другими¹¹⁵. Скажем, инфляция и ее последствия выгодны потребителям*, но затрудняют сбережение и инвестирование. Экономическую защищенность можно приобрести лишь ценой утраты эквивалентной, в попперовском смысле, свободы, т.е. равенства всех людей перед законом и свободы доступа на рынок для каждого. Если мы хотим сохранить свободу, считал Хайек, нам нужно «вновь вспомнить слова Бенджамина Франклина, выражающие кредо англосаксонских стран и равно применимые как к странам, так и к людям: «Те, кто в главном отказываются от свободы ради покупки временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности»»¹¹⁶.

Таким образом, моральные результаты «коллективизма» более важны, чем его «моральные основы» или вдохновляющие его мотивы¹¹⁷: «Теперь мы должны ненадолго вернуться

* Трудно сказать, является ли это утверждение изложением точки зрения Хайека или выражением собственных представлений автора. По крайней мере в «Дороге к рабству» не удалось обнаружить мест, которые можно было бы интерпретировать подобным образом, зато имеется следующий пассаж: «Следует отметить, что денежная политика не сможет стать средством преодоления этих затруднений, ибо она не приведет ни к чему, кроме общей и значительной инфляции, необходимой, чтобы поднять все заработки и цены до уровня тех, которые невозможно снизить. Но и это принесет желаемые результаты только путем снижения реальной заработной платы, которое произойдет при этом не открыто, а «под сурдинку». А кроме того, поднять все доходы и заработки до уровня рассматриваемой группы означает создать такую чудовищную инфляцию, что вызванные ею рассогласования и несправедливости будут значительно выше тех, с которыми мы собираемся таким образом бороться» (Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2006. С. 200–201). — Прим. науч. ред.

к той важнейшей мысли, что свобода личности несовместима с главенством одной какой-нибудь цели, подчиняющей себе всю жизнь общества. В свободном обществе единственным исключением из этого правила является война или другие локализованные во времени катастрофы. Мобилизация всех общественных сил для устранения такой ситуации становится той ценой, которую мы сознательно платим за сохранение свободы в будущем. Из этого ясно, почему бессмысленны модные ныне фразы, что в мирное время мы должны будем делать то-то и то-то так, как делаем во время войны. Можно временно пожертвовать свободой во имя более прочной свободы в будущем. Но нельзя делать этот процесс перманентным»¹¹⁸. Вся надежда на США и Англию, где, считал Хайек, традиции человеческой свободы сохранились лучше всего. В то же время Хайек очень беспокоил ущерб, нанесенный традициям индивидуализма и свободы даже в этих двух странах¹¹⁹: «Этими качествами (присущими в такой же степени, пожалуй, еще только нескольким малочисленным нациям, таким как голландцы или швейцарцы) были независимость и самостоятельность, инициативность и ответственность, умение многое делать добровольно и не лезть в дела соседа, терпимость к людям странным, непохожим на других, уважение к традициям и здоровая подозрительность по отношению к властям. Но наступление коллективизма с присущими ему нейтралистскими тенденциями последовательно разрушает именно те традиции и установления, в которых нашел свое наиболее яркое воплощение демократический гений и которые, в свою очередь, существенно повлияли на формирование национального характера и всего морального климата Англии и США»¹²⁰. Хайек считал, что отстаивать эти ценности нужно прежде всего в сфере идей. Немаловажно иметь в виду, что Хайек был эмигрантом из Австрии (в политической культуре которой доминировал немецкий этатизм) и удачно обосновался в Англии, где получил гражданство. Личный опыт, несомненно, укрепил его в убеждении, что Англия и США — это оплоты свободы. Хайек прекрасно сознавал достижения социалистов, особенно благодаря деятельности Фабианского общества, в развитии социал-демократической политики, которая была принята консерваторами, либералами и лейбористами. Политическими успехами социалистов он восхищался почти так же сильно, как английской и американской политической

культурой. Он считал, что такое же движение нужно создать и для защиты свободного рынка и индивидуальной свободы. Это привело его к мысли создать организацию, которая объединила бы ученых-единомышленников из Европы и США.

*Общество Мон-Пелерен
и «Интеллектуалы и социализм»*

Сразу же после выхода в свет книга «Дорога к рабству» привлекла широкое внимание и стала бестселлером как в Англии, так и в США. Ни одна другая работа Хайека не встретила такого восторженного приема. Ее популярности у массовой аудитории способствовала публикация сокращенной версии, которая вышла в США в журнале «Reader's Digest» (апрель 1945 г.). После публикации последовала презентационная поездка по США. Когда Хайек приехал в Нью-Йорк, его приветствовали как знаменитость¹²¹. Книга обрела американских почитателей, в числе которых был и Леонард Рид, основатель исследовательской экономической организации «Фонд экономического образования» (ФЕЕ, Ирвингтон, штат Нью-Йорк; речь о ней пойдет в главе 4). Их привлекало критическое отношение Хайека к „либералам“ и консерваторам-коллективистам. Это помогло Хайеку реализовать его планы по созданию трансатлантической группы для защиты «свободного общества»¹²².

По мнению историка Макса Хартуэлла, который сам состоял членом Общества Мон-Пелерен, решение Хайека создать общество выросло из убеждения, что западной цивилизации угрожают коллективистские тенденции, очерченные в «Дороге к рабству». Хайек считал, что его идеи и им подобные следует подкрепить организацией группы единомышленников, которые объединятся перед лицом господствующих в научных кругах оппонентов — сторонников планирования, социализма и государственного вмешательства. Другим мотивом было опасение нового наступления тоталитаризма, уже заметного в продвижении сталинской России в Восточной и Центральной Европе. В «Дороге к рабству» Хайек не критиковал советский коммунизм открыто, поскольку Россия тогда еще была союзницей Англии и США в борьбе с Гитлером. Теперь главным предметом тревоги Хайека и его единомышленников становилась коммунистическая угроза, скрывавшаяся, как выразился

Черчилль в 1946 г., за «железным занавесом». Воинственное наступление коммунизма делало вполне реальными опасения по поводу коммунистического влияния на западные демократии. Задуманная Хайеком неолиберальная организация создала бы дополнительные возможности и связи, которые могли содействовать изменению интеллектуального и политического климата на Западе в направлении, более благоприятном для свободного рынка и индивидуальной свободы. Появлялся и общественный форум, способный противостоять интеллектуальным соблазнам социализма.

Как считает Хартуэлл, основой Общества Мон-Пелерен на первом этапе послужили пять групп: четыре в Европе и одна в Америке. Первую группу составляли те, кто находился в Англии, — в Лондонской школе экономики и в Манчестере. Помимо Хайека в нее входили Лайонел Роббинс, Эдвин Кеннан, Арнольд Плант, Уильям Хатт, Рональд Коуз, Карл Поппер, Джон Джукс, Т. С. Эштон, Сесили Веджвуд и Майкл Полани. Эта группа представлена преимущественно экономистами, но в ней были также историки, философы и журналисты. Вторую группу составляли австрийцы в США, бежавшие от нацистов: Готфрид Хаберлер (с середины 1930-х годов преподавал в Гарварде), Фриц Махлуп (сначала преподавал в университете Буффало, затем в университете Джона Гопкинса в Балтиморе, а потом в Принстоне, где оставался вплоть до своей смерти в 1983 г.) и Людвиг фон Мизес (в то время преподавал в Нью-Йоркском университете). Третья группа, сосредоточенная в Париже, сформировалась вокруг Коллоквиума Уолтера Липпмана в 1938 г. В нее входили французские либеральные социологи, экономисты и философы, в том числе Луи Ружье, Раймон Арон, Жак Рюэфф, М. Буржуа и Э. Манту. Коллоквиум Уолтера Липпмана до известной степени предвосхитил цели Общества Мон-Пелерен, особенно в плане насущной необходимости защищать классические либеральные принципы индивидуальной свободы. В четвертую группу входили преимущественно те, кто оставался в гитлеровской Германии: ученые из Фрайбургской школы и Мюнхена, известные как группа ордолибералов, которая в 1920—1930-е годы продвигала идею социального рынка (см. главу 3). К ней относились будущий канцлер Германии Людвиг Эрхард, А. Вебер, Вальтер Ойкен, Вильгельм Рёпке и Франц Бём. Последнюю группу составляли американцы, главным образом из Чикагского

университета: Фрэнк Найт, Милтон Фридмен, Джордж Стиглер, Аарон Директор и Генри Саймонс (см. главу 3)¹²³.

75

Хайек хотел видеть состав организации достаточно представительным, чтобы обеспечить широкую заинтересованность в ее деятельности и создать площадку для дискуссий, — но, как мы уже знаем, все же менее обширным, чем предпочел бы Поппер. В ходе консультаций перед первым собранием, которое состоялось в швейцарском местечке Мон-Пелерен в 1947 г., проявились некоторые расхождения во мнениях. Условием членства была названа никак более не уточненная готовность бороться за защиту свободы; такая формулировка, естественно, допускала разные толкования. Как мы уже видели, Поппер считал необходимым «достижение мира и взаимного доверия в гуманистическом лагере, учитывая, что большинство социалистов принадлежат к этому лагерю». Другие с этим не соглашались. Мизес, например, написал Хайеку из Нью-Йорка в конце 1946 г. относительно планов на первое собрание общества, что не стоит приглашать слишком много людей, симпатизирующих социализму: «Причина этого прискорбного провала [защиты свободы от тоталитаризма] заключается в том, что основатели этих движений [либеральных и социал-демократических реформистов] так и не смогли внутренне дистанцироваться от идеологии врагов свободы. Они не поняли, что свобода неразрывно связана с рыночной экономикой. Они, в общем и целом, приняли критическую часть социалистических программ. Они привержены принципу среднего пути, интервенционизму»¹²⁴. С точки зрения Мизеса, такие взгляды были опасны. Общество не должно принимать подобные идеи; оно должно с ними бороться. Самая главная опасность, считал Мизес, это «размывание» четкой прорыночной платформы: «Слабый пункт плана профессора Хайека состоит в том, что он предполагает сотрудничество со многими из тех, кто известен своей приверженностью к интервенционизму. По этому вопросу нужно занять совершенно четкую позицию до того, как все в первый раз соберутся. Как я себе это представляю, не дело на первом же заседании опять обсуждать, от указов государства или от диктата профсоюзов зависит повышение уровня жизни масс. Если кто-то хочет поднять подобные вопросы, ему нет необходимости затруднять себя поездкой в Мон-Пелерен. Он может с полным удобством обсудить их в своем ближайшем окружении».

Главная задача учредительного совещания и нового общества, считал Мизес, принять такую программу, которая констатирует заведомую вредоносность государственного вмешательства и намечает возможную альтернативу ему.

Хайек по многим вопросам занимал менее жесткую позицию, чем его друг. В «Дороге к рабству», как мы видели, он вполне допускал некоторые формы государственного вмешательства ради предоставления социальных услуг или прожиточного минимума. Из переписки Хайека с Леонардом Ридом из Фонда экономического образования явствует, что, по его мнению, рыночные силы не должны превалировать над императивами послевоенной реконструкции. В частности, весьма показательно суждение Хайека о книге американского журналиста Генри Хэзлита «Экономика за один урок»* (это введение в экономическую теорию свободного рынка вышло в 1946 г. и стало бестселлером). Оценивая послевоенное экономическое положение, Хэзлит выражал недоумение по поводу того, что американские займы предоставляются Европе при отсутствии необходимых для этого условий, и предлагал приостановить их до тех пор, пока условия не будут созданы. «Почти с каждым словом в его выводах можно согласиться, — писал Хайек, — но все же вряд ли стоит создавать впечатление, что полное прекращение американской помощи в настоящий момент способно привести к чему-то иному, чем широкомасштабное бедствие. В частности, верно, конечно, что в первую очередь важно не допустить, чтобы эти займы вызвали серьезную инфляцию в Америке, и что сами американцы (это не менее важно) должны подать пример здоровой политики. Но самое важное, конечно, что займы помогут лишь в том случае, если правительства используют полученную возможность для приведения своих экономик в порядок. Все это, вероятно, правильно. Но все же, мне кажется, крайне опасно оглашать это публично и утверждать, что “помощь в создании нормальных условий гораздо важнее самих займов”»¹²⁵. Таким образом, Хайек считал нежелательным широкое обсуждение условий американских займов (помощи по плану Маршалла), поскольку страны-получательницы воспримут такое вмешательство в их дела как политическую бестактность. Иными словами, Хайек

* См.: Хэзлитт Г. Экономика за один урок. Киев: Вильямс, 2015. — Прим. науч. ред.

решительно отстаивал независимость великих европейских держав, когда находил это нужным. В подобных вопросах он был гораздо прагматичнее многих его сторонников и коллег. Кроме того, в обсуждениях и дискуссиях с американскими коллегами он очень часто становился на сторону Англии и других европейских стран.

77 Но когда вставал вопрос о финансировании, американцы приобретали большое значение¹²⁶. Поначалу помощь была достаточно скромной и в основном сводилась к оплате поездок американских членов общества в Швейцарию. В частности Леонард Рид предложил, чтобы Мизес ездил в Мон-Пелерен как представитель его фонда, а также в мае 1946 г. устроил обед в Нью-Йорке, в Канадском клубе при отеле «Уолдорф-Астория», для «беседы в узком кругу» с участием Мизеса, Хайека, Рида и Хэзлита¹²⁷. Фонд экономического образования предложил помощь Хайеку, и тот отправил длинный список американских книг, которые просил прислать, причем «каждую отдельно», чтобы не платить ввозную пошлину¹²⁸. Исполнительный вице-директор фонда Г. Корнуэлл ответил Хайеку: «Запрошенные Вами книги заказаны, и мы отправим каждую по отдельности, как только сможем. Мы рады оказать Вам услугу и надеемся, что книги будут полезны для Вас. Пожалуйста, обращайтесь к нам и впредь, если у Вас возникнут такого рода просьбы. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, Г. Корнуэлл»¹²⁹.

В последующие годы помощь стала более обильной. Такие крупные организации, как Фонд Уильяма Волкера и Фонд Эрхарта, оказывали значительную финансовую поддержку ученым и выделяли деньги на исследования по свободному рынку (см. главу 4). Во многих случаях спонсоры оказывали значительное влияние на сами следования. Это относится, например, к проекту «Исследование свободного рынка» в Чикагском университете; он осуществлялся при поддержке Фонда Волкера и под руководством Хайека, которому далеко не всегда удавалось противостоять стремлению фонда контролировать реальную работу над проектом. Ван Хорн и Мировски сообщают, что бизнесмен Гарольд Ланау и сотрудники фонда были «не просто финансовым аксессуаром подъема Чикагской школы. Они были активными участниками, они решительно и настойчиво следили, чтобы каждый доллар был потрачен с толком, вникали и в методологию, и в организацию»¹³⁰.

Но поначалу мысли Хайека занимала организация интеллектуалов. Как мы видели, он был убежден в важности битвы идей. В 1949 г., после успеха «Дороги к рабству» и основания Общества Мон-Пелерен, Хайек выпустил важную статью, в которой изложил доводы в пользу создания трансатлантического сообщества защитников индивидуальной свободы и свободного рынка, которое могло бы противодействовать влиянию левых идей. Во всех демократических странах, считал Хайек, «а в США даже больше, чем где бы то ни было, существует прочное убеждение, что влияние интеллектуалов на политику ничтожно. Это без сомнения так, если говорить о возможности интеллектуалов навязывать свое, отличное от массового мнение при принятии текущих решений. Но на длительных промежутках времени они никогда не были более влиятельны в этих странах, чем сегодня. Источником их власти является влияние на формирование общественного мнения»¹³¹. Хайек был глубоко впечатлен тем влиянием, которое английское Фабианское общество оказало на формирование социальной политики в Англии посредством своих книг, Лондонской школы экономики и внедрением образованной элиты государственных служащих в правительственные учреждения и общественные организации. Как он писал Попперу, движение, всерьез воспринимающее успех фабианцев, должно строиться все же не по планам «либерального интернационала»: «Поэтому наше дело отличается от любой политической задачи тем, что по сути своей должно быть долгосрочным проектом, нацеленным не на то, что можно осуществить немедленно, а на идеи, которые необходимо возродить, если мы хотим предотвратить опасности, в данный момент угрожающие индивидуальной свободе»¹³². Это и было главным мотивом Хайека при организации Общества Мон-Пелерен. Он считал, что победа в интеллектуальной борьбе приведет в долгосрочной перспективе (но не раньше) и к политическому успеху.

Хайек утверждал, что новые идеи внедряются в господствующее общественно-политическое течение благодаря влиянию интеллектуалов, которых он называл «торговцами подержанными идеями»¹³³. Под интеллектуалами он понимал весьма неоднородную группу людей, чьи *реальные* познания в той или иной конкретной области, как правило, по меньшей мере ограничены, но чье умение толковать и красиво излагать самый широкий круг вопросов признается всеми: «Этот класс состоит

не только из журналистов, учителей, священников, лекторов, публицистов, радиокомментаторов, беллетристов, карикатуристов и артистов, которые могут мастерски владеть техникой передачи идей, но, как правило, любительски владеют тем содержанием, которое они излагают. Сюда входят и такие профессионалы, как ученые и врачи, которые благодаря навыкам общения с печатным словом делают носителями новых идей, не относящихся к сфере их профессиональной деятельности. Благодаря профессиональной репутации этих специалистов в их собственной области их с уважением выслушивают и по всем остальным темам. Наш рядовой современник мало что знает о событиях и идеях, не считая того, что он черпает из работ таких посредников»¹³⁴. Хайек считал, что мировоззрение этого класса интеллектуалов отличалось откровенно „либеральным“, социалистическим или прогрессистским уклоном.

Предрасположенность интеллектуалов к идеям интервенционизма повышала их общественный статус, пока эти идеи пользовались широкой популярностью, и наоборот. Эта конформистская культура создала своего рода порочный круг взаимозависимости, что крайне негативно сказалось на разнообразии интеллектуальных позиций и остроте общественного внимания, необходимых для результативных дискуссий: «Для нашей проблемы особенно важно то, что каждый ученый может назвать хотя бы несколько примеров из своей области, когда люди незаслуженно получают репутацию крупного ученого, потому что, по мнению интеллектуалов, придерживаются «прогрессивных» политических взглядов. Но я еще ни разу не сталкивался со случаем, когда ложная репутация была бы заслужена благодаря консервативной политической ориентации ученого»¹³⁵.

Согласно Хайеку, специалистов-экспертов слишком часто оценивают по их политическим симпатиям, а не по достижениям на собственном научном поприще. Эти достижения и заслуженная благодаря им репутация в определенной профессиональной области значат меньше, чем приверженность «модным общим идеям»¹³⁶. Своей общественной и политической деятельностью интеллектуалы помогают пропагандировать эти общие идеи. Специальное знание выводится за рамки общественного обсуждения, поскольку оно уже адаптировано и отфильтровано для публики интеллектуалами социалистического и коллективистского толка. В результате общественное обсуждение превращается в пережевывание тем, которые

считаются важными потому, что были предложены и неоднократно повторены интеллектуалами: «Можно без преувеличения утверждать, что как только самая активная часть интеллектуалов принимает некоторый набор убеждений, их дальнейшее распространение в обществе становится почти автоматическим и неостановимым. Они служат органами, которые нужны современному обществу для распространения знаний и идей, а их мнения и убеждения являются тем фильтром, через который должны пройти все новые концепции, чтобы дойти до широкой публики»¹³⁷. Защитники индивидуальной свободы и рынка, считал Хайек, должны противодействовать этой тенденции и оказывать долговременное влияние на идейный климат. Тем самым законодательство, политические курсы и политическая борьба в будущем примут более адекватный вид, соответствующий правильному взгляду на свободное общество.

Статья Хайека произвела большое впечатление на тех, кто окружал его в то время. Но это был довольно странный манифест, потому что он декларировал утопическую мечту, именно такую иллюзию, за которые Хайек упрекал самих социалистов. Кроме того, английский Хайека, второй его язык, оставал желать лучшего. В частности, Леонард Рид, устроивший публикацию статьи в журнале «University of Chicago Law Review» в 1949 г., считал, что ее содержание затуманено не совсем внятным стилем Хайека: «Правильному восприятию статьи, как мне кажется, несколько препятствует стиль изложения. В ней слишком много мест, где то, что Вы хотели сказать, не вполне ясно именно по причине фразеологических особенностей выражения смысла. Но статья слишком важна, чтобы быть доступной пониманию лишь тех, кто способен с помощью значительных мыслительных усилий дедуцировать Ваши блестящие соображения»¹³⁸.

В социалистических симпатиях интеллектуалов Хайек видел умственную леность, угрожающую самым основам свободы. Его послание заключало в себе такой заряд энергии, что стилистические недочеты не имели никакого значения. Именно этот почти мессианский пыл, который почувствовали неолиберальные и симпатизировавшие Хайеку читатели, и сделал статью важным стратегическим заявлением. Я позволю себе привести ее заключение целиком, ибо оно звучит как призыв к оружию для трансатлантического неолиберального движения, которое начало формироваться после 1945 г.:

«Означает ли это, что свободу начинают ценить только утратив ее, что весь мир должен пройти через мрак социалистического тоталитаризма, чтобы стремление к свободе опять окрепло? Может быть, и так, но я надеюсь, что это необязательно так. Эта тенденция будет сохраняться до тех пор, пока те, кто направляет и формирует общественное мнение, будут симпатизировать идеалам социализма. Чтобы избежать этого, нам следует предложить новую программу либерализма, программу, вызывающую к воображению. Нужно внести в работу создания свободного общества дух интеллектуального приключения и отваги. Нам нужна либеральная утопия, нужна программа, которая не будет ни простой апологией сложившегося порядка вещей, ни разновидностью социалистического безумства; нужен истинно либеральный радикализм, который не пощадит чувствительность властей предрержащих (в том числе профсоюзов), не будет чрезмерно практичным и не ограничит свои задачи только политически реализуемым. Нам нужны интеллектуальные лидеры, способные устоять против искушения властью и влияния, готовые трудиться для воплощения идеала при малых шансах на быстрый успех. Нужны люди, приверженные принципам, готовые сражаться за их полную реализацию даже в отдаленном будущем. Практические компромиссы они должны будут предоставить политикам. Свободная торговля и свобода возможностей — это идеалы, которые все еще способны воспламенить воображение многих, но лозунги «умеренной свободы торговли» и «ослабления контроля» не могут претендовать ни на интеллектуальное достоинство, ни на ответный энтузиазм.

Успех социалистов должен научить нас тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им поддержку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось недостижимым. Те, кто ограничивал себя только практически возможным (при данном состоянии общественного мнения), постоянно обнаруживали, что их усилия делаются политически нереализуемыми из-за изменения общественного мнения, которое они и не пытались направлять. Если мы не сумеем еще раз сделать философское обоснование свободного общества животрепещущим вопросом интеллектуальной жизни, если не сумеем привлечь к этому наши лучшие и самые энергичные умы, перспективы свободы безрадостны. Но битва еще не проиграна, если

мы сумеем возродить ту веру во власть идей, которая отличала либерализм в его лучшие дни. Интеллектуальное возрождение либерализма уже началось во многих частях мира. Придет ли оно вовремя?»¹³⁹

Как показали события последующих десятилетий, это было еще не поздно. Но понадобилось целое поколение, чтобы предложенная Хайеком стратегия идеологической чистоты принесла плоды.

Утопические элементы программы Хайека не были воспроизведены в политических стратегиях неоллиберальных интеллектуалов и аналитических центров, которые способствовали возрождению рыночной идеологии в послевоенный период. Напротив, по мере созревания неоллиберализма рынок выступал в облике чистого здравого смысла, обладающего непреодолимой логикой. Это представление, конечно, тоже было иллюзорным. Одни рынки добились успеха, другие провалились. Идеологическое обоснование превосходства рынка во всех сферах экономической и социальной жизни всех времен превратилось в политическую веру, столь же утопическую, как и любая другая. И тогда и сейчас самые трудные вопросы сводились и сводятся к тому, когда рынок работает лучше всего и когда он не работает совсем. Но просто удивительно, до какой степени чисто идеологические элементы программы Хайека нашли воплощение в Англии и США после 1980 г. Свободный рынок стал организационным принципом для микроэкономических реформ, особенно в форме приватизации государственных активов, национализированных промышленных отраслей, государственных предприятий и коммунальных служб. Профсоюзы были усмирены, и их влияние сошло на нет. Валютный контроль был отменен, а финансовые рынки последовательно дерегулированы. Рыночные механизмы стали моделью для организации здравоохранения. Разумеется, институты социального государства, прогрессивное налогообложение и всеобщее государственное образование сохранились, но даже и в этих сферах к концу XX в. государственное финансирование и государственная поддержка заметно снизились. Трудно представить другую «утопию», которая нашла столь полное воплощение. Чистота, за которую ратовал Хайек, воспринималась не как абстрактный план, а как оптимистическая идеологическая и интеллектуальная тактика. Результаты были ошеломляющими.

83

Сторонников же неолиберальной теоретической платформы привлекала не утопическая составляющая, а убедительная аргументация Хайека в пользу альтернативной идеологической инфраструктуры, способной изменить «климат мнения». Статья Хайека оказала мощное гальванизирующее воздействие на создателей и лидеров трансатлантического неолиберального сообщества — либералов «в старом смысле слова» — того сообщества, которое Хайек и его идеи помогли вызвать к жизни в послевоенный период¹⁴⁰. Оставалось только облечь плотью костяк, составленный первыми членами Общества Мон-Пелерен. Эти люди были интеллектуалами и учеными; после заседаний общества они, естественно, возвращались в свои университеты и к своей работе. Движение нуждалось в такой группе сторонников, которая смогла бы популяризировать и распространять неолиберальные идеи на более широком пространстве, выходящем за пределы разрозненных и изолированных академических очагов. Идеи, изложенные в «Дороге к рабству», уже привлекли внимание многих представителей деловой элиты, которые играли видную роль в коалиционной оппозиции Новому курсу, — таких, например, как Джаспер Крейн из DuPont Chemicals. Этому сообществу посвящена глава 4. А в конце 1940-х годов были уже намечены основные пункты программы и основные элементы интеллектуальной и политической стратегии.

Поппер, Мизес и Хайек подвергли резкой критике отличительные черты (как они их понимали) „либерализма“ Нового курса и английской социальной демократии. Поппера в наименьшей мере устраивала радикальная рыночная программа; поэтому он не играл столь видной роли в зарождении и созревании неолиберальной политики после 1945 г. Однако Поппер предпринял мощную критику Платона, Гегеля и Маркса, которая послужила интеллектуальным оружием неолиберализма. Хайек стал интеллектуальным и организационным лидером нового движения. В статье «Интеллектуалы и социализм» он решительно отказался идти на теоретический компромисс в вопросе о превосходстве рынка; его примеру последовали Милтон Фридмен и другие чикагские экономисты. За ним последовали и многие из пылких идеологических предпринимателей, которые руководили неолиберальными аналитическими центрами и пропагандировали свободный рынок. Мизес тогда не пользовался такой известностью, но, вероятно, именно его бескомпромисс-

ное видение рынка восторжествовало в конечном итоге. Взгляды Мизеса на бюрократию оказали влияние на чикагских экономистов, виргинских теоретиков общественного выбора и, что самое важное, на бизнесменов, которые оказывали финансовую поддержку трансатлантической неолиберальной политике*. Мизес пользовался особым расположением бизнесменов, поскольку считал корпорации двигателем социального и экономического прогресса. Без поддержки богатых людей и фондов движение никогда не встало бы на ноги. Он прозорливо определил потребление как по природе своей демократический акт, а рынок как форум для выражения этого волеизъявления**. Выводы Мизеса стали ключевым компонентом доводов в пользу рынка, которые в 1980-х годах приводили сторонники Тэтчер и Рейгана.

Поппер и Хайек сформулировали первопринципы альтернативной позиции, суть которой состояла в приоритете индивидуальной свободы при сохранении за государством строго определенных полномочий — сильно ограниченных, но достаточных для поддержания правил конкуренции и свободного рыночного капитализма. Мизес был еще менее расположен к любой государственной власти***. Однако на этой стадии в тех трех их рабо-

* На самом деле поддержка финансовых спонсоров именно Мизеса и его проектов резко активизировалась спустя пять лет, после выхода его главного сочинения «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории». В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. «Фонд экономического образования», являющийся одним из главных героев этой книги, был создан в самом начале 1946 г., и с первых дней Мизес был постоянным лектором этой организации. Однако ни ФЭО во главе с Леонардом Ридом, ни какая-либо иная из новых либертарианских организаций не уделяли особого внимания Мизесу и той традиции, которую он представлял. Самый выдающийся американский последователь Мизеса Мюррей Ротбард узнал о ФЭО в сентябре 1946 г., когда ему в руки попала брошюра «Крыши и потолки». А впервые узнал об австрийской школе только весной или летом 1948 г., т.е. где-то через полтора года. После выхода «Человеческой деятельности» ситуация резко изменилась. См. ниже прим. на с. 220. — *Прим. науч. ред.*

** См., например: Мизес Л. фон. Социализм. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 392–393, 466–467; Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2016. С. 255–257. — *Прим. науч. ред.*

*** Это несколько противоречит утверждению автора на с. 152. См. также прим. на указанной странице. — *Прим. науч. ред.*

тах, которые мы рассмотрели, пока не было никакой детальной и целостной альтернативной политической или экономической программы*. Поппера, Хайека и Мизеса по-прежнему слишком занимали события, происходившие в континентальной Европе, из которой они эмигрировали. Они не смогли предвидеть будущее богатство и общее благополучие послевоенного периода. Формулирование работоспособной альтернативной политики — это главным образом заслуга второй чикагской школы в лице Милтона Фридмана и Джорджа Стиглера. А заслуга Поппера, Мизеса и Хайека состояла в том, что они издали глас сирены, предупреждавший о возможных трагических последствиях движения в том направлении, которое, как им представлялось, было избрано политикой, экономикой и обществом Запада. Но их критика положила начало движению, которое возглавил Хайек. В следующих двух главах я подробно рассмотрю особенности трансатлантического неолиберализма и того сообщества, которому он обязан своим успешным распространением. Однако начальные его проявления, заключенные в идеях Поппера, Мизеса и Хайека, стали теми первыми шагами, которые в конце концов приведут трансатлантический неолиберализм из кабинетов ученых в государственную политику и политическую борьбу.

* Здесь следует сделать уточнение относительно Мизеса. Он радикально отличался от всех остальных героев этой книги тем, что к середине 1940-х годов он имел в активе завершенную систему обществоведения собственной разработки, включающей в себя эпистемологические основы и методологические принципы, цельную систему экономической теории, переформулированную на основе нового, прагматического подхода, социально-экономический анализ трех мыслимых систем устройства общества — социализма, чистой рыночной экономики (капитализма, либерализма) и смешанной экономики (интервенционизма). При этом в написанных в 1940 г. воспоминаниях он отмечал: «Думаю, что представленные в этих работах теории являются неоспоримыми. Сталкиваясь с определенными проблемами, я разработал новую методологию, незаменимую для проведения научного анализа серьезных политических проблем». Кроме того, он имел тридцатилетний опыт участия в разработке экономической политики и был одним из двух-трех человек, которым удалось спасти денежную систему Австрии от уже маячившей на горизонте гиперинфляции. — *Прим. науч. ред.*

Глава 3

ПРИЛИВ ПОДНИМАЕТСЯ: НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Сейчас сложились все условия для того, чтобы заменить старую систему взглядов новой, чтобы создать стратегию, которой будут руководствоваться законодатели будущего поколения, — хотя на представителей нынешнего поколения она вряд ли окажет воздействие.

Милтон Фридмен «Неолиберализм и его перспективы» (1951)

Критика „либерализма“ Нового курса и социальной демократии, в совокупности представленная работами Людвига фон Мизеса, Фридриха Хайека и Карла Поппера, послужила той основой, на которой после 1945 г. начало формироваться специфически неолиберальное мировоззрение. За 30 лет, прошедшие после публикации статьи Хайека «Интеллектуалы и социализм» в 1949 г., трансатлантическое движение набрало ход и заняло господствующие позиции. Основные его положения — философские, политические и экономические — были детально разработаны такими учеными, как Милтон Фридмен, Джордж Стиглер, Гэри Беккер, Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок, а также Хайек и Мизес. Центр исследовательской деятельности — хотя, конечно, не вся эта деятельность — переместился из Англии и континентальной Европы в США, главным образом в Чикаго и Виргинию. В тот же период целая система, располагавшая людьми, организациями и деньгами, распространяла новую весть по обе стороны Атлантического океана. В 1970-е годы свод диагнозов и политических рекомендаций был дополнен институциональной инфраструктурой, которая впрыскивала неолиберализм в политический кровоток США и Англии. Адреналин, выработанный этим течением у Консервативной и Республиканской партий, радикально

изменил политическую и экономическую жизнь обеих стран. Эта и следующие главы посвящены идеям и организациям, которые составляли ядро трансатлантической неолиберальной политики.

1940-е годы во многих ключевых отношениях знаменовали собой начало неолиберализма. В это десятилетие к мощной критике интервенционистской ориентации английского и американского общества присоединились концепция превосходства свободного рынка и стратегия возрождения рыночной политики. В 1930—1940-е годы ранние неолибералы полагали, что они переосмысливают либерализм, дабы поднестись и над старой экономической доктриной *laissez faire*, принадлежавшей XIX в., и над интервенционистским „либерализмом“ Рузвельта, Кейнса и Бевериджа. Наследие безработицы 1930-х годов и Второй мировой войны укрепило прогрессистскую и социал-демократическую направленность английской и американской политики после 1945 г. Господство этой политики ставило неолиберальных мыслителей в положение обороняющихся.

Однако для нарождавшегося неолиберализма и оппонентов Нового курса и социальной демократии послевоенный политический ландшафт вовсе не был настолько безнадежным, как может показаться. Многие признаки указывали на зарождение обратного течения. Критические выступления Хайека, Мизеса, Поппера и возникновение Общества Мон-Пелерен были показательным явлением. В США нарастала готовность новых консерваторов оспорить господство демократов. Она проявлялась во всплеске антиколлективистской риторики, сопровождавшей начало холодной войны, в появлении диксикратов (южных консервативных демократов, выступавших за расовую сегрегацию), и в успешном противодействии, которое Конгресс оказал Справедливому курсу Трумэна в конце 1940-х годов. В Англии в 1951 г. выдохшиеся (хотя и добившиеся почти всех своих целей) лейбористы уступили власть консерваторам. Неолиберализм был только одним из притоков этого мощного оппозиционного течения, которое, особенно в США, брало начало на низовом уровне, не затрагивая пока политические элиты и ведущих политиков. В конце 1940-х годов и в 1950-х годах неолиберализм тек в одном русле с антикоммунистическим, антииммиграционным и традиционалистско-консервативным потоками. Но к концу 1970-х годов трансатлантический нео-

либерализм стал идейной основой альтернативной социально-экономической программы для республиканцев и консерваторов (а нередко и для лейбористов и демократов).

В этой главе я показываю, как неолиберальные идеи обрели отточенность и ледяную логичность. В 1970-х годах ни интеллигентное красноречие Милтона Фридмена, ни эмоциональная открытость Рональда Рейгана уже не могли скрыть того, что за ними стояла философия, построенная на холодном и абстрактном индивидуализме, стояла теория, в такой же мере опиравшаяся на жесткие принципы дисциплины свободного рынка, в какой могла бы опираться на любое более позитивное понятие прогресса. Тем не менее это мировоззрение было по-прежнему очень утопическим, исходившим из иллюзорного представления об идеальном свободном рынке. Кроме того, основа этой альтернативной политической философии была заложена в 1950-е годы. Зрелый неолиберализм отличался гораздо большей агрессивностью в отстаивании рыночных моделей как рецептов для решения любых проблем политики; он гораздо меньше соглашался на компромиссы с господствовавшим „либерализмом“ Нового курса или Великого общества и с социальной демократией. Анализ политических концепций ведущих его представителей — Милтона Фридмена, Генри Саймонса, Джеймса Бьюкенена и Джорджа Стиглера — позволяет точнее определить и описать позицию трансатлантического либерализма в отношении к другим политическим и экономическим теориям. Неолиберализм отличался от классического либерализма Адама Смита. Его специфическая особенность состояла в акцентировании того, в чем эти мыслители видели главную связь между экономической и политической свободой, ту связь, которая выдвигала неолиберальные идеи также в центр дебатов о природе свободы, — шла ли речь о гражданских правах или о холодной войне.

Трансатлантическая неолиберальная политическая доктрина брала начало в мощной критической кампании 1930—1940-х годов, которая развивалась в дискуссиях о будущем либерализма, происходивших в Вене, Фрайбурге, Швейцарии, Париже и в Лондонской школе экономики. Но это только часть картины. Для большей полноты нужно учесть как минимум еще три важных течения; без них невозможно понять развитие послевоенного неолиберализма. Первое течение — это ранняя, до 1950-х годов, чикагская школа, объединявшая важных

прародителей неолиберализма, в идейном отношении весьма близких к ученым из ЛШЭ — Эдвину Кеннану, Лайонелу Роббинсу и самому Хайеку. Хотя лидером ранних чикагцев обычно считается Фрэнк Найт, в плане истории неолиберализма центральной фигурой был, несомненно, Генри Саймонс. В 1930—1940-е годы он высказывал примерно такие же мысли о будущем либерализма, как и его неолиберальные европейские коллеги, включая Хайека. Саймонс также сыграл важную роль в развитии денежной теории Фридмена.

Далее, в Западной Германии в 1950-е годы, в эпоху «социальной рыночной» экономики существовало политическое течение с отчетливым неолиберальным самосознанием. Эта группа, которой раньше других довелось участвовать в реальной государственной политике, была связана с Обществом Мон-Пелерен через министра финансов Западной Германии Людвиг Эрхарда и главных своих теоретиков, Вальтера Ойкена и Вильгельма Рёпке. Интеллектуалы, которые создавали в 1920—1940-х годах концепцию специфически немецкого неолиберализма и к которым был близок Хайнек, были известны под названием ордолибералов, поскольку группировались вокруг журнала «Ordo». Для немецкого неолиберализма, как и для концепции Саймонса, характерно требование строгого государственного надзора за соблюдением правил конкуренции. Признавая, что результаты деятельности рынка могут быть дестабилизирующими и проблемными, ордолибералы отводили государству важную роль: оно должно смягчать нежелательное в социальном плане воздействие рынка и обеспечивать надлежащее функционирование рыночных механизмов. Тем самым они признавали необходимость социального государства и строгого антимонопольного законодательства в рамках *Soziale Marktwirtschaft* [социальной рыночной экономики]. Эти элементы совершенно отсутствовали в чикагской доктрине. Ордолиберализм снискал благосклонность христианско-демократических правительств Конрада Аденауэра и самого Эрхарда.

Наконец, проникновение чикагской теории в различные политические сферы в США привело в 1960-х годах к возникновению теории общественного выбора и концепций рационального выбора. Оба направления базировались на наработках неоклассических экономистов и, в частности, рассматривали индивида как рационального максимизатора полезности.

Критики неолиберализма — такие, например, как Наоми Кляйн, Дэвид Гарви и Эндрю Глин, — вообще были склонны считать, что неолиберализм представляет собой не более чем отражение доминирования неоклассической экономической доктрины¹. Действительно, во многих известных публикациях неолиберальных экономистов — ориентировались ли они на Леона Вальраса, Альфреда Маршалла или Кеннета Эрроу — рациональные индивиды, максимизирующие полезность в рамках модели общего равновесия, присутствуют как нечто само собой разумеющееся. Неолибералы обычно не задавались вопросом, как можно было бы доказать такие неоклассические модели и работают ли они. Вместо этого теории рационального и общественного выбора просто приняли в качестве допущения полезность модели рационального агента, которая составляла основу неоклассических разработок, а затем применили эти разработки к еще не затронутым сферам политики, регулирования и государственного управления. Эти новые подходы развивались как внутри чикагской школы, в виде, например, предложенной Джорджем Стиглером концепции захвата регуляторов, так и вне ее, — Уильямом Райкером в университете Рочестера и его последователями из политологической школы рационального выбора. Те же самые тенденции характерны для Джеймса Бьюкенена, который получил докторскую степень по экономике под руководством Фридмена в Чикагском университете, и для Гордона Таллока, тоже учившегося в Чикаго; оба они потом стали лидерами виргинской школы общественного выбора. Это важное взаимодействие распространило предполагаемый объяснительный потенциал неолиберальной мысли на те новые значительные сферы, которые ранее не были предметом внимания экономистов. Поэтому работа этих ключевых экономистов, формально не принадлежавших чикагской школе, тоже принципиально важна для правильного понимания развития трансатлантической неолиберальной политики.

Во многих из этих событий и явлений послевоенного периода центральную роль играл Милтон Фридмен. Наряду с Хайеком он стал самым значительным деятелем и теоретиком неолиберализма, а также возглавил чикагскую экономическую школу (правда, как мы увидим, этих школ было по меньшей мере две). Идеи Милтона Фридмена, высказанные им публично и в частном порядке, являют собой детальную картину того, как научные дискуссии вокруг разных неолиберальных концеп-

ций кристаллизовались в целостную и убедительную программу политической и экономической реформы. Анализ работы Фридмена и той роли, которую играли в Чикаго в 1950-е годы другие важные фигуры, — шурин Фридмена Аарон Директор, Стиглер, Эдвард Леви, Коуз и сам Хайек, — помогает понять, как неолиберализм срастался с учеными кругами в США.

Значение отдельных мыслителей, конечно, не подлежит сомнению. Но не менее важен тот дух сотрудничества, который различные неолиберальные группы внесли в трансатлантические дискуссии, происходившие на междисциплинарном, международном и межконтинентальном уровне. Это был не просто проект, задуманный одним или несколькими учеными, и ни один представитель неолиберализма не может считаться канонической фигурой². Тем не менее более четкое и энергичное продвижение идей свободного рынка и дерегулирования, инициированное чикагской и виргинской школами, начало брать верх над менее радикальными и решительными соображениями о роли рынка, которые доминировали в Европе и в Чикаго до 1950 г. В этой более энергичной позиции, по всей видимости, отразилось и то обстоятельство, что американцев после войны занимали одни проблемы, а европейцев другие. В США на первом плане стояли такие вопросы, как расовая политика, антикоммунизм и обязанности единственной в своем роде сверхдержавы. Европейцы больше всего думали об экономическом возрождении и ликвидации последствий войны. Фридмен и его коллеги считали себя полноправными участниками общественной дискуссии о роли США в мире и об экономической свободе внутри страны; видимо, они в какой-то мере даже ощущали себя главными действующими лицами в идеологической холодной войне.

*Две чикагские школы: Генри Саймонс,
Милтон Фридмен и неолиберализм*

Если пик влияния австрийской школы и группы ученых из Лондонской школы экономики пришелся на 1940-е годы, то в 1950—1960-х годах наиболее влиятельной группой в плане развития трансатлантической неолиберальной политики была, вероятно, чикагская школа экономической теории³. На самом деле существовало две чикагских школы, состоявших

из экономического факультета и экономистов, которые получили там образование: первая относится к межвоенному периоду, а вторая возникла после 1946 г. и складывалась в течение 1950—1960-х годов. Различие между ними больше темпоральное, чем доктринальное, хотя некоторые заметные расхождения в плане методологии действительно имели место. Первую школу в 1920—1930-е годы возглавляли Фрэнк Найт, Джейкоб Вайнер, Ллойд Минтс и Генри Саймонс⁴. В отличие от своих интеллектуальных потомков эти мыслители отдавали предпочтение чистой экономической теории с упором на неоклассический маржинализм Маршалла. «Маржиналистскую революцию», кодифицированную кембриджским учителем Кейнса Альфредом Маршаллом, почти одновременно начали французский математический экономист Леон Вальрс, итальянский инженер и экономист Вильфредо Парето и английский логик и экономист Уильям Стенли Джевонс. Суть ее состояла в том, что потребители максимизируют свою пользу, соразмеряя потребление с ценами нужных им товаров согласно рациональному порядку предпочтений. Эта концепция оказала глубокое влияние на экономическую теорию в целом и стала главным принципом ранней чикагской доктрины.

Однако точно классифицировать позицию чикагской школы оказалось трудно даже тем, кто в ней учился и преподавал. Согласно одному из светил второй школы, Джорджу Стиглеру (он получил докторскую степень в Чикаго, но пришел преподавать на экономический факультет из Колумбийского университета в 1958 г.), «точность термина “чикагская школа” всегда была обратно пропорциональна широте его содержания. Ведущие представители школы конца 1930-х годов — люди очень разные: Найт — отвлеченный философ и теоретик почти марксистского толка; Вайнер старательно избегал любого догматизма; Минтс усердно занимался историей денег и больше ни на что не отвлекался; Саймонс был утопистом. Никто из них не имел склонности к подсчетам и вычислениям, и добавок — как это вообще свойственно профессиональным экономистам — никто (за исключением Вайнера) не допускал и мысли, что он понимает экономическую жизнь недостаточно или неправильно»⁵.

Язвительное замечание Стиглера, пожалуй, действительно, по его словам, применимое к экономистам в целом, позволяет передать ту интеллектуальную уверенность, исходившую

от Великих озер⁶. Значение этих ранних чикагских экономистов для развития неолиберальной мысли заключалась в том, что они учили ведущих представителей второй чикагской школы, — Фридмена, Аарона Директора, Стиглера, Гэри Беккера, Рональда Коуза (который начинал карьеру в АШЭ вместе с Хайеком и Роббинсом) и Эдварда Леви⁷. Эти последние создали напористую прорыночную исследовательскую программу, а она сочеталась с маркетинговым талантом, свойственным ряду самых известных публичных интеллектуалов послевоенной Америки. Этот промоутерский талант нашел отражение в том обстоятельстве, что Фридмен, Стиглер, Коуз и Беккер получили Нобелевскую премию по экономике.

Хайек в 1950-х годах тоже работал в Чикаго; в 1950 г. он перебрался туда из АШЭ, чтобы занять должность профессора в Комитете по социальной мысли. Таким образом, места на самом экономическом факультете он не получил, и, по-видимому, прежде всего потому, что руководящая часть преподавательского состава настороженно относилась к столь яркому представителю австрийской традиции⁸. Для австрийской и чикагской традиций характерны разные методологические установки. Австрийская традиция исходила из того, что экономика — это наука, основанная на аксиоматических истинах. Чикагская школа, особенно вторая, считала, что гипотезы необходимо подтверждать эмпирическим исследованием. Далее, выбор Хайека отчасти объяснялся его желанием отойти от полемики по поводу Великой депрессии и достоинств планирования, которую он вел с Кейнсом в 1930-х годах. Хайек переключил свое внимание на проблемы политической и моральной философии. Его позиция в Чикаго была очень важной, поскольку он служил связующим звеном между учеными коллегами и крупными финансовыми спонсорами, — такими как Фонд Уильяма Волкера. Если рассматривать годы, проведенные Хайеком в Чикаго, с этой точки зрения, то ему удалось контролировать и развивать политическую стратегию, которую он изложил в статье «Интеллектуалы и социализм».

Роб Ван Хорн и Филлип Миrowsки утверждали, что Хайек сыграл в формировании второй чикагской школы значительно более важную роль, чем считалось раньше. В пользу такого вывода, по их мнению, говорит то обстоятельство, что Хайек в конце 1940-х — начале 1950-х годов координировал в Чикаго проект «Исследование свободного рынка» и по совету

Генри Саймонса настоял, чтобы руководил проектом шурин Фридмена Аарон Директор⁹. Они показали, что решающим толчком к развитию второй чикагской школы стал задуманный президентом Фонда Волкера Гарольдом Ланау и Хайеком проект исследования свободного рынка, который должен был привести к появлению американской версии «Дороги к рабству». Итог проекта в конце концов материализовался в работе Фридмена «Капитализм и свобода».

Как показали события, спонсоры могли неявно влиять на научную составляющую проекта. Сначала предполагалось, что проект будет выполняться силами Принстонского университета под руководством монетариста Фридриха Лутца. Но Хайек обосновался в Чикаго, потому что там были Генри Саймонс и другие экономисты-единомышленники, выступавшие за свободный рынок. В результате Фонд Волкера стал оплачивать университетскую ставку Аарона Директора и саму исследовательскую программу, посвященную проблемам монополии, труда и роли корпораций: «Корпорации в итоге были сочтены пассивными реципиентами внешних воздействий. В этой экономической схеме единственным рыночным деятелем, которого обвиняли в злоупотреблении силой, были профсоюзы, и вся их деятельность считалась равно недопустимой. Все остальные источники рыночной власти, например монополия или олигополия, рассматривались как безвредные и временные или приписывались той или иной вредоносной политике государства»¹⁰. Согласно Ван Хорну и Мировски, «важно понимать, что для Хайека эти переговоры [с Ланау, Директором и Саймонсом (перед тем как он покончил с собой в 1946 г.)] по поводу Чикаго и создания будущего Общества Мон-Пелерен были частями одного общего замысла»¹¹. Подобный взгляд упрощает различия между Хайеком и чикагской школой по таким вопросам, как экономический цикл (см. главу 4). Эти дебаты постоянно грозили расколоть Общество Мон-Пелерен на соперничающие фракции «фридменистов» и «хайекианцев». Вместе с тем не подлежит сомнению, что в 1950-е годы Хайек Фридмен играли ключевую роль в становлении Чикагского университета как центрального узла неолиберальной мысли¹².

В 1950—1970-е годы вторая чикагская школа выпустила множество работ, пропагандировавших свободный рынок. Она проводила успешную политику своего рода экономического империализма, колонизируя новые политические поприща

с помощью идей рыночной либерализации. Этот империализм сочетался с глубокой преданностью методологическому индивидуализму и эмпирическому исследованию. Чикагские экономисты считали, что исследования свободного рынка нужно распространить на новые владения — право, регулирование, семью, социальное обеспечение и отношения полов, которые до тех пор не причислялись к рыночной сфере. Чикагские экономисты нарисовали благостный портрет монополий и отталкивающий портрет рабочего движения и профсоюзов. Эти последние, по их мнению, представляли для свободной рыночной экономики гораздо более серьезную опасность, чем вертикально интегрированные корпорации. Своим идейным единством второе поколение чикагцев сильно отличалось от первого, чей идеологический плюрализм был отражением различия теоретических позиций. Среди тех, кто составлял первую чикагскую школу, особенно важное значение для истории американской неолиберальной мысли имел Генри Саймонс. Он был учителем Фридмена, другом Хайека и, по словам Стиглера, своего рода «наследным принцем этого гипотетического королевства, чикагской экономической школы»¹³.

Генри Калверт Саймонс родился в Иллинойсе в 1899 г., в семье, принадлежавшей к верхнему слою среднего класса; отец его был адвокатом, а мать — «властной южной красавицей»¹⁴. В 17 лет он начал изучать экономику в Мичиганском университете. Блестящие закончив курс, Саймонс сначала учился в аспирантуре в университете Айовы; там он познакомился с Фрэнком Найтом, который стал руководителем его докторской диссертации и предложил перевестись в Чикаго. В 1930—1940-е годы Саймонс преподавал в Чикагском университете и в 1945 г., за год до самоубийства, получил звание профессора экономики¹⁵. Основное внимание Саймонс уделял Великой депрессии, денежной теории и экономическим циклам. Саймонс был непримиримым критиком Нового курса, который, по его мнению, только усугубил депрессию и привел к ничем не оправданной государственной экспансии. Мысли Саймонса оказали решающее влияние на денежную теорию Фридмена (о ней речь пойдет в главе 5). Как и большинство экономистов, в 1930-е годы Саймонс отстаивал программу, которая позволила бы предотвратить такой экономический коллапс, который произошел после биржевого краха 1929 г. Однако у Саймонса было немало взглядов, которые не разде-

лял Фридмен, а именно убеждение, что прогрессивное налогообложение сделает людей более равными, что «естественные» монополии должны находиться в государственной собственности, что следует ограничить рекламу и гарантировать «многие функции социального обеспечения»¹⁶. Вместе с тем Саймонс выступал за правила, предотвращающие применение дискреционной власти в денежно-кредитной и экономической политике; нечто подобное потом предлагал Фридмен¹⁷.

Ученик Саймонса Милтон Фридмен был одним из двух ведущих представителей второй чикагской школы (вторым был Джордж Стиглер). Он родился в Бруклине в 1912 г. в семье еврейских эмигрантов из Венгрии¹⁸. Родители держали бакалейный магазин. Детство и юность Милтона прошли в Нью-Джерси. Он получил степень бакалавра по математике в Рутгерском университете. В числе его преподавателей был Артур Бёрнс, который возглавлял Федеральный резерв во время экономических неурядиц 1970-х годов. Магистерскую степень Фридмен получил в 1933 г. в Чикагском университете, где испытал влияние Найта, Вайнера и Саймонса. Женой Фридмена стала Роза Директор, сестра его будущего коллеги Аарона Директора. В течение года Фридмен стажировался в аспирантуре Колумбийского университета в Нью-Йорке. Поначалу Фридмен не мог найти постоянную работу в университете (впоследствии он объяснял это антисемитскими настроениями); в то время он был сторонником Нового курса и в 1935 г. устроился в Комитет по национальным ресурсам в Вашингтоне. В тот период Фридмен был убежденным кейнсианцем и до 1943 г. состоял на государственной службе, если не считать недолгого срока, в течение которого он занимал должность старшего преподавателя экономики в университете Висконсин-Мэдисон. Затем он некоторое время работал в Колумбийском университете и университете Миннесоты, в 1946 г. получил докторскую степень в Колумбийском университете и в конце концов стал профессором экономики в Чикагском университете.

Вся дальнейшая научная карьера Фридмена связана с Чикаго, хотя он также сотрудничал с Национальным бюро экономических исследований. В 1954—1955 гг. он провел год в качестве приглашенного сотрудника в колледже Гонвиид-энд-Киз Кембриджского университета в Англии, где в числе прочих обучал английского экономиста Сэмюэла Бриттена. Там

он подружился со Стенли Деннисоном, одним из считанных антикейнсианцев, оставшихся в Кембридже в 1950-е годы, и членом Общества Мон-Пелерен. Вся жизнь Фридмен сотрудничал с занимавшихся экономической политикой аналитическими центрами и научными институтами во многих странах, особенно в Англии; в частности, в 1960—1970-е годы он написал ряд статей и докладов для Института экономических дел (IEA), главным образом по денежной политике и инфляции. Кроме того, он писал для Центра исследований социально-экономической политики (CPS) и Института Адама Смита (ASI). В 1977 г. Фридмен вышел в отставку с должности профессора и вплоть до смерти в 2006 г. состоял сотрудником Гуверовского института войны и мира, аналитического центра при Стэнфордском университете.

Сильное влияние, которое сам он неизменно признавал, на молодого Фридмена оказал Генри Саймонс¹⁹. В самой важной своей работе, опубликованной в 1934 г., Саймонс в ответ на Великую депрессию и вместо Нового курса Рузвельта предложил бескомпромиссную программу *laissez faire* и выступил за «свободу предпринимательства»²⁰. Он считал *laissez faire* той политикой, которая гарантирует все экономические и политические свободы, которые дороги людям: «Существование (и сохранение) конкурентной системы в частном производстве позволяет минимизировать сферу ответственности суверенного государства. Это освобождает государство от обязанности улаживать постоянные острые конфликты между людьми как представителями различных производственных отраслей и между собственниками разного рода производственных услуг. Одним словом, это делает возможной политическую программу *laissez faire*»²¹. Чтобы капитализм работал нормально, считал Саймонс, государству не следует вмешиваться в экономическую жизнь за пределами четко определенных задач. С его точки зрения, во время Великой депрессии провал потерпело государство, а не рынок. И произошло это именно в результате расширения функций государства за счет наращивания регулирования и вмешательства с целью повышения занятости, а также создания множества новых учреждений, апофеозом которых стало Управление общественных работ. Кроме того, администрация Нового курса, взявшаяся регулировать ценообразование, не смогла защитить конкурентную среду. По мнению Саймонса, «так называемый

провал капитализма (системы свободного предпринимательства и конкуренции) можно с полным основанием считать прежде всего провалом политического государства, которое не смогло ограничиться своими минимальными обязанностями в условиях капитализма»²².

Взгляд Саймонса на Великую депрессию как на проблему, порожденную действиями государства, предвосхитил упреки самого Фридмена в адрес Федерального резерва. В книге «Монетарная история США» (1963, в соавторстве с Анной Шварц)^{*} Фридмен утверждал, что Федеральный резерв своей неумелой денежной политикой превратил небольшую рецессию в депрессию. Саймонс, однако, считал несомненным, что государство должно следить за соблюдением правил конкуренции и, следовательно, бороться с монополией во всех ее видах: «Поэтому политика [*laissez faire*] должна иметь положительное определение, а именно: в ее рамках государство стремится установить и поддерживать такие условия, чтобы оно могло избежать всякой необходимости регулировать «ядро контракта», — иными словами, необходимости регулировать относительные цены. При таком «разделении труда» государство принимает на себя важные обязанности и широкие «контрольные» функции: поддержание условий конкуренции в производственной сфере; контроль за денежным обращением (регулирование количества и ценности эффективных денег [денежной базы. — *Ред.*]); определение института собственности (особенно в плане налоговой практики), — не говоря уже о многочисленных функциях социального обеспечения»²³. Эти соображения нашли живой отклик в статье Фридмена 1951 г., которая явно опиралась на работу Саймонса, хотя после работы над проектом исследования свободного рынка у второй Чикагской школы почти совершенно исчез первоначальный антимонопольный настрой²⁴.

В статье 1951 г. «Неолиберализм и его перспективы» Фридмен одним из первых в Америке использовал термин «неолиберализм» (хотя, как мы знаем, у европейских неолибералов он был в ходу уже в 1930-е годы). Таким образом, статья отмечает тот рубеж, после которого неолиберализм стал в США политической и экономической позицией

* Фридмен М., Шварц А. Монетарная история США, 1867—1960. Киев: Ваклер, 2007. — Прим. науч. ред.

с четким самосознанием²⁵. В статье сформулированы ключевые функции жизнеспособного государства, задача которого, как и в статье Саймонса «Положительная программа *laissez faire*», состоит в создании и поддержании «конкурентного порядка»²⁶. Фридмен утверждал, что роль государства при всей ее принципиальной важности должна быть ограничена и ее нельзя расширять до пределов, предусмотренных регулятивными и законодательными мерами „либерализма“ Нового курса. Что же касается теории *laissez faire* (как понимал ее Фридмен в начале 1950-х годов), то ей не хватает компонентов, необходимых для нормального функционирования свободного рынка. В критике *laissez faire* Фридмен явно опирался на идеи ранних неолибералов первой фазы этого интеллектуального течения 1930—1940-х годов. Основной набор идей, сформулированных и изложенных в работах Хайека, Поппера и Мизеса, представлял собой картину, выходящую за пределы известной концепции государства, ограниченной функцией «ночного сторожа». Фридмен рисует государство, которое играет центральную роль в создании и сохранении свободного рынка²⁷.

В этой короткой статье Фридмен утверждал, что подъем коллективистских идей в первой половине XX в. выявил основную слабость концепции *laissez faire* таких манчестерских либералов XIX в., как Ричард Кобден и Джон Брайт. Их доктрина, считал Фридмен, «не отводила государству практически никакой роли, кроме поддержания порядка и надзора за исполнением соглашений. Это была негативная теория. Государство способно только вредить. *Laissez faire* — вот главное правило. Сторонники этой позиции недооценивали опасность того, что частные лица могут путем сговора и объединения узурпировать власть и сильно ограничить свободу других людей. Они не понимали, что есть такие функции, которые система цен выполнять не может, и что если выполнение этих функций не будет тем или иным образом обеспечено, сама система цен не сможет эффективно решать те задачи, для которых прекрасно приспособлена»²⁸.

Коллективистские идеи — а их Фридмен, как до него Хайек и Мизес, связывал с социализмом и Новым курсом — тоже потерпели провал, поскольку социализм был порочен в целом ряде принципиальных отношений: «Сейчас уже совершенно очевидно, что национализация не решает никаких важных

экономических проблем, а централизованное планирование приносит с собой свой собственный вид хаоса и дезорганизации. Кроме того, централизованное планирование способно создать гораздо больше препятствий для свободного международного взаимодействия, чем когда-либо создавал нерегулируемый капитализм. Не менее важно и то, что растущая власть государства привела к широкому одобрительному признанию масштабов, в которых централизованный экономический контроль может угрожать индивидуальным правам и свободам»²⁹. Фридмен предлагал «новый символ веры» неолиберализма, который избежит ошибок и коллективизма, и *laissez faire*. Возможно, не без оглядки на Кейнса он предложил «средний путь». (Фридмен сознавал силу кейнсианских идей и понимал, как нужно их продвигать; свою способность продвигать идеи он продемонстрировал, когда стал выдающимся политическим пропагандистом.) Центральная мысль статьи, высказанная с предельной ясностью, состоит в следующем: и политика *laissez faire*, и коллективизм потерпели неудачу, а потому необходима новая теория либерализма — теория *неолиберализма*, которая «принимает свойственное либерализму XIX в. признание принципиальной важности индивида, но заменяет основную для XIX в. цель, *laissez faire*, новой целью — конкурентным порядком. Она исходит из того, что конкуренция между производителями защищает потребителя от эксплуатации, конкуренция между нанимателями защищает работников и владельцев собственности, а конкуренция между потребителями защищает сами предприятия. Государство должно охранять весь порядок в целом, создавать благоприятные условия для конкуренции, препятствовать возникновению монополий, обеспечивать стабильность денежной системы, а также оказывать помощь в случаях крайней нужды или бедственного положения. От государства граждан защищает само существование частного рынка, а друг от друга их защищает сохранение конкуренции»³⁰. Очерченный в этой статье общий абрис неолиберального мировоззрения, несомненно, носит на себе печать влияния Саймонса. Прежде всего, в приведенном выше отрывке Фридмен, перечисляя основные элементы неолиберальной концепции государства, сознательно воспроизводит идеи Саймонса. Но он идет дальше Саймонса и других ранних неолибералов, когда явно намекает на веру в органическую способность рынка

к саморегулированию и самокоррекции³¹. Далее, Фридмен подчеркивает связь между экономической свободой и другими видами свободы, особенно индивидуальными демократическими и политическими правами, которые составляют самую суть его представления об обществе.

Статья Фридмена может показаться в каком-то отношении радикальной. Она выражает уверенность в необходимости «новой» теории неолиберализма, и это отличает Фридмена от тех, кто говорил о возрождении классического либерализма. Но по большому счету Фридмен разделяет установки более умеренного направления неолиберальной мысли. Это сходство заметно в значительной роли, которую он отводит государству как гаранту правил конкуренции. От этого Фридмен, как и многие его чикагские коллеги, впоследствии откажется. Однако на данном этапе он занял компромиссную позицию, близкую к позиции Хайека и Поппера, а также Саймонса, которая отражает влияние группы мыслителей, входивших в Общество Мон-Пелерен (в числе основателей был и сам Фридмен). К 1950 г. Фридмен принял участие в трех собраниях общества — в Мон-Пелерене, в Зеелисберге (Швейцария) и Блемендаале (Голландия). Обсуждались доклады «Свободное предпринимательство или конкурентный порядок» Хайека, «Будущее Германии» Вильгельма Рёпке, «Профсоюзы и система цен» Уильяма Хата и «Работники и управляющие» Стэнли Деннисона³².

После статьи «Неолиберализм и его перспективы» Фридмен редко использовал термин «неолиберальный». Поэтому она отмечает важный момент интеллектуальной эволюции самого Фридмена и может рассматриваться как символическая граница, отделяющая ранний неолиберализм от его более радикальных последователей. Она знаменует собой тот момент, когда влияние более умеренного, более компромиссного настроения раннего неолиберализма Генри Саймонса с его молчаливым признанием «многих функций социального обеспечения» и тому подобного явно достигло апогея в Обществе Мон-Пелерен и во всем неолиберальном направлении, находившемся тогда в стадии формирования. В своей статье Фридмен изложил позицию, которую публично больше никогда не поддерживал.

Еще одна отличительная особенность концепции Саймонса, на которую, как я полагаю, Фридмен тоже указал в своей

статье, состояла в обосновании связи между экономической и политической свободой. В статье «За либерализм свободного рынка» Саймонс утверждал: «Смит и особенно Бентам, я считаю, выделяются как великие политические теоретики современной демократии. Специфика их позиции состояла в том, что в подлинно свободном мире политическая и экономическая власть должна быть широко рассеяна и децентрализована. Для этого экономический контроль следует практически полностью изъять у государства и осуществлять его посредством процесса конкуренции, участники которого сравнительно малы и анонимны. Государство же должно бдительно охранять свои исключительные права в области контроля за ценами (и заработной платой), но не для того, чтобы непосредственно их применять, а для того, чтобы не позволять организованным меньшинствам узурпировать эти права и использовать их против общих интересов»³³. Причисление Адама Смита (и тем более Бентама, который в своей теории утилитаризма искал чего-то среднего между автократическими и демократическими средствами) к теоретикам современной демократии анахронично и ошибочно. Но выявление параллели между рассредоточением политической власти при демократии и экономической власти при рыночном устройстве, несомненно, помогает понять, где неолибералы ощущали свою близость смитовскому либерализму эпохи Просвещения.

Подобно Хайеку, Попперу и Мизесу, Саймонс тоже старался разделить традицию англо-шотландско-американскую традицию Просвещения от немецкой традиции XIX в.: «Германия никогда не принимала английский либерализм, и даже лучшие ее ученые редко понимали Адама Смита, Иеремию Бентама и вообще всю традицию, которую с ними связывали. С другой стороны, немецкие убеждения всегда были созвучны намерениям наших собственных влиятельных меньшинств, которые требуют у государства особых привилегий, и намерениям политиков, которые держатся у власти за счет распределения таких привилегий. Склонность к социальному законодательству отвечала самым прекрасным чувствам и влекла нас, обеспеченных нашей так называемой «отсталостью», к принятию мер, внешне не очень заметно, но по сути глубоко несовместимых с нашей демократической традицией»³⁴.

Саймонс также осуждал характерные для немцев этатизм, бюрократизм и политику социального обеспечения, дурно, по

его мнению, влиявшие на англо-американский либерализм. Главный упрек состоял в том, что немецкая традиция, прихотливо объединявшая такие разные фигуры, как Гегель и Бисмарк, была чрезмерно сосредоточена на коллективных целях (воплощенных в прусском *Rechtsstaat*) и подчиняла индивидуальные интересы интересам нации³⁵. Подобно Хайеку и Мизесу, Саймонс считал, что похожая тенденция в 1930—1940-е годы наметилась и в США, в первую очередь под воздействием политики Нового курса.

Просвещение, Адам Смит и неолиберализм

Теоретики и политики неолиберального толка всегда хотели считать классический либерализм своим собственным достоянием. В пику традиции немецкого этатизма, которую резко критиковали Хайек, Саймонс и Поппер, они объявили, что унаследовали традицию англо-шотландского либерализма эпохи Просвещения. Это мнение разделяли Хайек, Роббинс, Саймонс, Мизес, Поппер, Фридмен, Стиглер, Коуз, Бьюкенен, Хартуэлл, их коллеги, последователи и сторонники. И все же неолиберализм в силу своего однозначного взгляда на свободный рынок и его деятельность отошел от классической политической экономии шотландского Просвещения. Это различие делает обманчивым любой тезис о тесном союзе между классическим либерализмом эпохи Просвещения и неолиберализмом.

Отношение между неолиберальными идеями и, в особенности, Адамом Смитом — принимая во внимание его репутацию консерватора и отца новой экономической науки — весьма существенно, поскольку позволяет точнее представить специфику неолиберализма и его программных заявлений. Экономические теории всех авторов, о которых мы до сих пор говорили, порой расходились друг с другом в нюансах и деталях, тем не менее в послевоенные годы сложилась целостная интеллектуальная и политическая стратегия, облеченная в энергичные и четкие формулировки. Неолиберальные политические программы концентрировались вокруг ряда базовых тем, которые сами менялись под влиянием событий середины XX в. Скажем, холодная война идей начиналась параллельно с военными приготовлениями и шпионажем, которыми США и СССР

занялись почти сразу после окончания Второй мировой войны. Это противоборство трансформировало представления о соотношении экономической и политической свободы в умах многих ведущих мыслителей как правого, так и левого толка. Для таких неолибералов, как Фридмен, холодная война означала необходимость бескомпромиссной защиты превосходства рыночной системы. Возникло убеждение, что самое главное — это мощная историческая традиция экономической свободы, которую внезапно отождествили с промышленным капитализмом американского типа. Потребность в хорошо узнаваемой исторической традиции побудила неолибералов обратиться к авторитету Смита и других видных представителей Просвещения, — таких, например, как Давид Юм.

Подобная связь представлялась весьма привлекательной, поскольку переносила интеллектуальный акцент на теории, которые противоречили политическим установкам послевоенного периода³⁶. Непрерывная линия преемственности от Смита к Хайеку и Фридмену стала поэтому возвышенной стратегией наряду с верой в само наследие. Встраивание неолиберальных идей в рамки традиции, восходившей к Просвещению, помогало замаскировать расхождения между самими неолибералами, — например, в случае с чикагцами, которые настаивали на почти повсеместной пагубности государственного вмешательства. Для Смита и Юма рынок был центральным измерением коммерческого общества XVIII в., источником динамизма, источником социальных и экономических перемен. Но шотландские мыслители относились к этим явлениям неоднозначно. Необходимым связующим элементом цивилизованного общества в процессе экономического преобразования Смит и Юм считали добронравие и прочные моральные устои. «Невидимая рука рынка» тоже не казалась им простым и совершенно ясным понятием, хотя более поздние консервативные описания рисуют его именно таким. Люди, считал Адам Смит, руководствуются стремлением к безопасности и наличию хорошего правительства, каковое стремление не может быть сведено к преследованию чисто эгоистических интересов. Напротив, как показал Николас Филлипсон, Смит выделял в людях «эстетическое чувство», которое побуждало стремиться к порядку и удобству ради них самих, и именно такое «поведение Смит в один из моментов поэтического вдохновения приписал действию невидимой руки»³⁷.

Однако Хайек, Мизес, Фридмен, Коуз и Стиглер постоянно подчеркивали необходимость восстановить утраченные или забытые истины — ценность индивидуальной свободы, невидимую руку свободного рынка и достоинства ограничения полномочий государства — истины, отвергнутые в безрассудном стремлении к коллективизму. В начале введения к своему *tagnum opus* «Конституция свободы» (1960) Хайек писал: «Чтобы старые истины сохранили свое влияние на умы людей, их нужно переформулировать заново, используя язык и понятия очередного поколения»³⁸. Поэтому неолiberaлы настойчиво повторяли то, что (как они считали) неизменно утверждал Адам Смит: свобода состоит в нестесненной возможности каждого человека добровольно принять участие в деятельности рынка. Именно у Смита, полагал Фридмен, и нужно искать истоки фундаментальной взаимосвязи экономической и политической свободы. Кроме того, в «Богатстве народов» (1776) представлена новая дисциплина, политическая экономия. Государству и рынку еще предстояло стать полярными противоположностями.

Хорошим примером неоллиберальных оценок классического либерализма Смита можно считать серию статей, подготовленных к 200-летнему юбилею «Богатства народов» в 1976 г. Некоторые из них были зачитаны на конференции, которую Общество Мон-Пелерен провело в университете Сент-Эндрюс в Шотландии (в числе прочих участников тексты представили Милтон Фридмен, Джордж Стиглер, Рональд Коуз и Макс Хартуэлл). Взгляд Фридмена на Смита находится в разительном контрасте с тем, что он говорил в статье о неоллиберализме 25 годами ранее. В более поздних текстах неоллиберальная позиция Фридмена гораздо более радикальна, чем та, которой он придерживался в начале 1950-х годов: «Адам Смит был революционером. Он выступил против укоренившейся системы государственного планирования, контроля и вмешательства. Его мысли, подкрепленные социально-экономическими переменами, в конце концов одержали победу, но ее хватило лишь примерно на 70 лет. К сегодняшнему дню мы прошли полный круг назад и вернулись к тому положению, которое Адам Смит критиковал в 1776 г. И его книга в такой же мере направлена против существующей сейчас системы государственного контроля и вмешательства, в какой была направлена против системы, существовавшей в его время. Мы вновь

стоим перед необходимостью уйти от сложившегося положения вещей и двинуться к той системе естественной свободы, за которую выступал Адам Смит»³⁹. Смит, утверждал Фридмен, был «радикальным и революционным для своего времени, столь же радикальным, как те из нас, кто сейчас проповедует принцип *laissez faire*». Примечательно, что в 1976 г. Фридмен позиционирует себя как сторонника *laissez faire*, — теории, которую в 1951 г. он считал ущербной⁴⁰. Такое желание использовать *laissez faire* отражало перемену в политической и экономической атмосфере 1970-х годов. К тому времени искоренение безработицы как главная цель уступило место борьбе с инфляцией как основной задаче в деле преодоления стагфляции. Поэтому Фридмен больше не чувствовал особой необходимости утверждать, что его проект заключается в модифицировании либерализма. В 1970-е годы в глазах многих „либерализм“ в США был скомпрометирован; к этому привели «эксцессы» 1960-х годов и разочарование экономической ситуацией. Таким образом, хотя термин «*laissez faire*» и скрывал новые элементы экономической и политической доктрины Фридмена, — более четкое представление о необходимости использовать государство для обеспечения условий деятельности свободного рынка и передачи экономической власти от государства к корпорациям, — Фридмен вновь чувствовал себя вполне комфортно, используя этот термин для краткого обозначения дерегулирования, снижения налогов и внедрения рыночных механизмов новые сферы, например в образование.

Фридмен характеризует Смита как «радикала и революционера»; эта характеристика отражает особенности позиции самого Фридмена, выступавшего за немедленные и энергичные социальные и экономические реформы. Фридмен резко расходится с консервативными толкователями Смита, которые присвоили его теорию себе и к 1800 г. ошибочно скрестили ее с идеями Эдмунда Бёрка. В конце XIX в. хрестоматийная оценка Смита, которую Беатрис Веббы в 1886 г. названа «евангелием от работодателей», состояла в причислении Смита, наряду с Бёрком, к экономическим консерваторам⁴¹. Этот консервативный взгляд до сих пор придает репутации Смита вполне определенный колорит, когда консервативные политики объявляют его убежденным проповедником господства эгоистических интересов на рынке. Популярное мифическое

представление о Смите как о консервативном мыслителе и еще более мифическое представление о нем как о протонеолиберале, побудило ряд исследователей — Иштвана Хонта, Майкла Игнатъеффа, Эндрю Скиннера и Эмму Ротшильд — вернуть Смита в подобающий ему контекст XVIII в.⁴² В отличие от Бёрка отношение Смита к Французской революции, этот безошибочный показатель политической позиции в конце XVIII в. (и далее), не столь ясно. Есть сведения, что он в основном симпатизировал программе жирондистов, но она была похоронена реакционерами после хорошо известных эксцессов Революции⁴³.

Взгляды Смита на государство и рынок чужды большинству современных читателей. По мнению Ротшильд, Смит полагал, что рынки «созданы государствами или навязаны ими непокорным торговцам. Государства были большими беспорядочными обществами, включавшими в себя местные власти, гильдии, корпорации и государственные церкви»⁴⁴. Принимая во внимание кругозор Смита, невозможно представить, чтобы он понимал рынок как нечто отдельное от деятельности государства, и любая оценка Смита должна учитывать его общий взгляд на человеческую мораль. Об окончательной редакции его книги «Теория нравственных чувств» Ротшильд пишет: «В этих исправлениях и дополнениях порой заметен негодующий тон, — когда, например, Смит говорит о «низких и презренных национальных предрассудках» или о «повреждении наших нравственных чувств», которое проистекает из склонности почти что поклоняться богатым и могущественным»⁴⁵. Воскрешение Смита в XIX в. в облике хрестоматийного консервативного экономиста послужило примером для неолибералов XX в., которые заявили, что Смит безоговорочно принадлежит им⁴⁶.

Для неолиберализма были важны три основных и взаимосвязанных элемента доктрины Смита. Прежде всего, доводы Смита в пользу могущества свободного рынка были основаны, как считалось, на свойствах человеческой природы. Первостепенное значение имела опора Смита на конкретную реальность, на людей, какие они есть в действительности. Описание экономической жизни в «Богатстве народов» не было утопическим и представляло собой описание экономической истории. Джеймс Бьюкенен, глава школы общественного выбора (см. ниже), например, воспринимал Смита как создателя

науки о *сущем*, в отличие от теории, трактующей о *должном*. В 1966 г. он писал Хайеку о Смита: «Я всегда стараюсь рассуждать, опираясь на конкретные примеры, и Ваши замечания заставили меня задуматься об основании нормативной этики Смита; этот предмет, насколько я знаю, еще по-настоящему не обсуждался. С точки зрения Адама Смита, человек ведет себя определенным образом, и именно на этом основании Смит построил свою теорию. Если в определенном смысле переформулировать Вашу позицию, то можно сказать, что для Смита констатация данности на самом деле мало отличалась от утверждения, что человек «должен» вести себя именно так, если он преследует определенные социальные цели»⁴⁷. Наука политической экономии, полагал Бьюкенен, для Смита была равнозначна политической и моральной философии, а первичное «есть» означало то же самое, что «должно быть». Специфический акцент формулировок Смита придавал убедительность весьма распространенному среди его сторонников мнению, что капиталистическое общество является гораздо более точным отражением реального человеческого поведения, чем фантазии и иллюзии социалистов и коммунистов по поводу доброты, альтруизма и великодушия людей.

Рональд Коуз поднял тему человеческой природы в докладе, прочитанном в 1976 г. на конференции Общества Мон-Пелерен, посвященном пониманию человека у Адама Смита. По мнению Коуза, представление о человеке у Смита не содержало того внутреннего противоречия, на котором настаивали немцы, создавшие даже специальный термин «Das Adam Smith Problem», — проблема согласования «Богатства народов» и «Теории нравственных чувств». Последние исследования показали, что две работы полностью согласуются. «Теория нравственных чувств» и «Богатство народов» представляли собой две основы того, что, как показал Филлипсон, должно было стать задуманной Смитом работой «Наука о человеке», — характерным для эпохи Просвещения всеобъемлющим проектом небывалой широты, обнимающим собой историю, эстетику, право, этику и экономику⁴⁸. Коуз, подходя к вопросу несколько иначе, тоже утверждал, что изложенный в «Теории нравственных чувств» многоплановый взгляд на человека вполне совместим с рыночной экономикой «Богатства народов». Правда, в изображении Коуза Смит представлял человека существом откровенно самовлюбленным. Коуз хотел показать, что хотя представление

Смита о человеческой природе и не порождает «проблему Адама Смита», оно принимало во внимание не только сочувствие и благожелательность, но и эгоизм. Обоснованием рынка служили эти три составляющие вместе взятые: «Как часто говорят, Адам Смит признает, что люди руководствуются только эгоистическим интересом. Этот интерес, с точки зрения Смита, безусловно, выступает сильной мотивацией человеческого поведения, но ни в коем случае не единственной. На мой взгляд, очень важно учитывать это обстоятельство, поскольку признание Адамом Смитом других мотивов не только не ослабляет, но, напротив, подкрепляет его доводы в пользу рыночной системы и ограничения полномочий государства в экономической сфере»⁴⁹. По мнению Коуза, Смит считал благожелательность ограниченной, ибо в его понимании сочувствие основано на себялюбии. Таким образом, полагал Коуз, хотя для Смита благожелательность и может быть побуждением, мотивирующим человеческие действия, «с наибольшей силой она проявляется в рамках семьи, а по мере того, как мы выходим за пределы семьи, в круг друзей, соседей, коллег, а потом и тех, кто не относится ни к одной из перечисленных категорий, благожелательный настрой слабеет прямо пропорционально отдаленности и случайности этих отношений»⁵⁰.

С другой стороны, рынок требует взаимодействия и сотрудничества «множеств» совершенно незнакомых людей, от которых нельзя ожидать заведомо благожелательного отношения друг к другу. Поэтому на благожелательность рассчитывать не приходится, и главное значение приобретает эгоистический интерес, который и служит гарантией того, что необходимого рода сотрудничество осуществляется на благо всех участников: «В таком ракурсе доводы Смита в пользу использования рынка для организации экономической деятельности гораздо сильнее, чем принято считать. Рынок — это не просто искусный механизм, подогреваемый эгоистическим интересом и обеспечивающий сотрудничество индивидов в деле производства товаров и услуг. Во многих обстоятельствах это единственный способ установить необходимое сотрудничество»⁵¹.

Таким образом, считает Коуз, человек устроен почти по Свифту: его самовлюбленность проявляется в расположении к тем, кто в наибольшей мере походит на него самого и на его семью, а также проявляет сходную эгоистичность в преследовании собственных экономических интересов. И в этом

заключено подлинное благо. Все составляющие элементы человеческой природы совместно работают на обеспечение надлежащей эффективности свободной рыночной экономики.

Доклад Коуза — это тонко задуманная попытка согласовать детализированную картину учения Смита с неолиберальными взглядами. Коуз признает, что представление Смита о человеке нельзя свести к рациональной максимизации полезности. Вместе с тем он полагает, что даже при очень невысоком мнении Смита о человеческой благожелательности его учение не подразумевает возможности решать социальные или политические проблемы за счет государственных или коллективных действий: «Государственное регулирование или иные государственные меры — это не выход. Когда политиком движет благожелательность, он склонен действовать ради пользы своей семьи, своих друзей, членов своей партии, жителей своей области или страны (вне зависимости от того, был ли он избран демократическим путем). Такая благожелательность необязательно способствует общему благу. Но когда политики руководствуются эгоистическим интересом, никак не связанным с благожелательностью, результаты, как легко заметить, могут быть менее удовлетворительными». В отличие от этого логика свободного рынка, по мнению Коуза, находится в полном созвучии с человеческой природой, такой как она есть, — ограниченно-благожелательной. Коллега Фридмена по Чикагскому университету Джордж Стиглер, занимавшийся проблемами государственного регулирования, в своем докладе о достоинствах и недостатках экономической теории Смита тоже отметил, что Смит «положил в основу экономической теории систематический анализ поведения индивидов, преследующих эгоистические цели в условиях конкуренции»⁵². Такое экономическое поведение является отражением человеческой природы, но свойственное нам несовершенство не оказывается губительным для нас, а, напротив, приводится в порядок, пропускается сквозь фильтр свободного рынка и направляется на конструктивные экономические цели. Возникает впечатление, что Стиглер и Коуз намеренно игнорируют тот факт, что Смит определенно выступал за государственное вмешательство для обеспечения образования и основных социальных нужд; видимо, они вычитывали у Смита лишь то, что их устраивало.

Второй элемент учения Смита, значимый для использования в неолиберальной системе, — это концепция прогресса,

порождаемого свободными действиями своекорыстных индивидов, направляемых на рынке словно некоей «невидимой рукой». Знаменитый образ «невидимой руки» появляется во второй главе четвертой книги «Богатства народов». Человек, говорит Смит, «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества»⁵³. Непреднамеренные результаты деятельности своекорыстных индивидов и цели, преследуемые ими на рынке, — это ключевой пункт неолиберальной интерпретации Смита и вместе с тем главное основание для критики государственного вмешательства. Опираясь на Смита, неолибералы могли заявить, что великие утопические цели социалистов, социал-демократов и „либералов“ Нового курса с большей вероятностью осуществимы за счет индивидуальной деятельности. Рынок сам собой обеспечит наиболее эффективное размещение ресурсов.

На «невидимую руку» Смита опирались теория Хайека о стихийной силе рынка и всевозможные излияния Фридмена по поводу благотворности капиталистического обмена. Коуз, как мы видели, тоже взывал к незримой логике, в силу которой различные элементы человеческой природы гармонически взаимодействуют со свободной рыночной экономикой. Выводы Стиглера идут еще дальше, ибо он полагал, что концепция «невидимой руки» служит основой всей экономической науки как таковой: «Утверждение о том, что ресурсы ищут наиболее эффективный способ использования, так чтобы при разных направлениях использования уровень доходности на ресурс был равным, — это важнейшее фундаментальное положение всей экономической науки». (Мнение Стиглера до некоторой степени объясняет ту легкость, с которой неолиберализм иногда сводили к чисто неоклассической экономической теории.)

Могущество «невидимой руки» Смита, с точки зрения неолибералов, подразумевало, что для обеспечения «хорошей жизни» государство по большому счету не нужно, так как рынок, предоставленный сам себе, сделает это лучше. Этот вывод также стал центральным идеологическим аргументом

в пользу свободного рынка в холодной войне против тоталитарного коммунизма и его западных коллективистских сородичей. Как писал Фридмен в 1976 г., «[невидимая рука] действует весьма сложным и тонким образом. Рынок, куда каждый приходит своим путем, при отсутствии центральной власти, определяющей приоритеты, предотвращающей дублирование задач и координирующей действия, неискушенному взору представляется хаосом. Но если взглянуть на рынок глазами Смита, мы увидим, что это четко организованная и тщательно отлаженная система, — система, возникающая из самих человеческих действий, но не является сознательным творением людей. Это система, обеспечивающая упорядоченное объединение разрозненных знаний и умений миллионов людей ради общей цели»⁵⁴.

В этом отрывке проявляется несомненное влияние Хайека и Мизеса. Фридмен считает, что только механизм цен способен предоставить эффективные и реальные средства организации информации без принуждения. Как и Хайек, Фридмен был убежден, что рынок, эту организационную основу свободного общества, невозможно заменить государственным планированием. Например, в своем докладе о Смите он с издевкой адресует цитату из «Богатства народов» вице-президенту при Линдоне Джонсоне и демократическому кандидату в президентской кампании 1968 г. Губерту Хэмфри: ««Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть». Найдется ли среди нынешних политологов тот, кто дал бы Губерту Хэмфри более точную и более беспощадную характеристику?»⁵⁵ Фридмен намекал на законопроект Хэмфри—Хоукинса, подписанный в 1978 г. президентом Картером; этот закон знаменовал собой возврат к кейнсианским методам экономического управления в ответ на кризисы 1970-х годов (см. главу 6). Критицизм Фридмена вполне понятен, ибо исходил от человека, который в 1960—1980-х годах был экономическим советником Барри Голдуотера и президентов Никсона, Форда и Рейгана. Подобно

Хайеку и Мизесу, Фридмен считал одинаково самонадеянными претензии социалистов, „либералов“ и прогрессистов на то, что они лучше всех знают, как обеспечить социальный прогресс и удовлетворить экономические нужды. Дискуссия по поводу экономического расчета при социализме, в которой участвовали Хайек и Мизес*, выявила общую концептуальную позицию, которую разделял и Фридмен. С точки зрения австрийцев, любое планирование — будь то дирижистское или социалистическое — требовало от планового органа принципиально недостижимого уровня информированности о социальных и экономических предпочтениях**. Кроме того, чтобы плановые решения были успешными, необходима достаточно статичная обстановка, позволяющая избежать непредвиденных последствий. Такое сочетание условий представлялось Хайеку, Мизесу и Фридмену мешаниной заведомо ложных допущений.

Третий элемент доктрины Смита, важный для неолибералов, — это ограничение полномочий государства. В этом пункте Фридмен вновь апеллирует к образу невидимой руки. Если рынки, говорит он, создают общее благо вопреки индивидуальным намерениям участников рыночного процесса, то в политике все обстоит наоборот. В политической жизни роль невидимой руки зловредна, ибо благие намерения интервенционистов приводят к ужасным результатам. Смит, указывает Фридмен, нашел виновного в лице «человека, пристрастного к системам», который играет людьми так, словно передвигает фигуры на шахматной доске: «[цитируется «Теория

* См.: *Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ.* М.; Челябинск: Социум, 2016. Часть II, раздел I; *Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.* Челябинск: Социум, 2012. С. 646—669; *Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок.* М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 145—248. Общий обзор дискуссии об экономическом расчете при социализме см. в: *Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция.* М.: ИРИСЭН, 2008. С. 177—382. — *Прим. науч. ред.*

** Нельзя говорить о некой единой точке зрения представителей австрийской экономической школы на основные проблемы централизованного планирования. Подходы Мизеса и Хайека к обоснованию невозможности экономического расчета при социализме существенно различались. См. также выше прим. на с. 75. — *Прим. науч. ред.*

нравственных чувств»] «При этом он забывает, что ходы фигур на шахматной доске зависят единственно от руки, переставляющей их, между тем как в великом движении человеческого общества каждая отдельная часть целого движется по своим собственным ей законам, отличным от движения, сообщаемого ей законодателем. Если оба движения совпадают и принимают одинаковое направление, то и развитие всего общественного механизма идет легко, согласно и счастливо. Но если они противоречат друг другу, то развитие оказывается беспорядочным и губительным и весь общественный механизм приходит вскоре в совершенное расстройство»*. Неспособность понять этот глубокое наблюдение породило невидимую руку в политике, совершенно противоположную невидимой руке на рынке. В политике люди, действующие исключительно в интересах общественного блага (как они его представляют), «невидимой рукой направляются к цели, которая совсем не входила в их намерения». Они становятся проводниками особых интересов, которым сознательно никогда не стали бы служить. В конечном счете они приносят общественный интерес в жертву особому интересу, интерес потребителей в жертву интересу производителей, интерес масс, не получивших высшего образования, в жертву интересу тех, кто получил его, интерес бедного класса наемных работников, обремененного налогом на занятость, в жертву интересу среднего класса, получающего непропорционально большие выгоды в плане социального обеспечения, и так далее по всем направлениям»⁵⁶. В этом отрывке Фридмен рассуждает с явной оглядкой на теорию регулирования, предложенную его другом Джорджем Стиглером, и, в частности, на идею Стиглера, согласно которой регуляторы «захватываются» регулируемыми (о чем речь пойдет ниже).

Фридмен тоже придавал важное значение феномену, суть которого сформулировал Стиглер: рациональное взаимодействие администраторов с носителями особых интересов приводит к иррациональному результату захвата первых вторыми. Это отразилось в убеждении Фридмена, что государство как коллективное целое не должно принимать никаких решений кроме тех, которые абсолютно необходимы в интересах индивидов. Трудность состояла в точном определении

* Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 230. — Прим. науч. ред.

подходящего момента и крайних пределов государственного вмешательства; именно на нее указал Кейнс, когда ознакомился с «Дорогой к рабству» Хайека. Но даже самое мягкое вмешательство, с точки зрения Фридмена, в лучшем случае приводит к беспорядку на рынке, а в большинстве случаев вызывает коррупцию. Поэтому он всегда выступал за снижение любых налогов, например за поправку о снижении налогов согласно Положению № 13 в Калифорнии в 1970-х годах*, поскольку это ограничивало возможности властей распоряжаться чужими деньгами. Согласно Фридмену, «враги свободы относят все недостатки мира на счет рынка, а все достоинства — на счет благотворного вмешательства государства. Как подчеркивает Смит, перемены к лучшему происходят не благодаря государственному вторжению в сферу рынка, а вопреки ему»⁵⁷. Однако, по мнению Ротшильд, Фридмен и Хайек толкуют действие невидимой руки несколько упрощенно, упускают из вида сложный набор смыслов, присутствующий в теории Смита, а также ироническую отстраненность его позиции, и в конечном счете неверно понимают тот резонанс, которого хотел добиться сам Смит. Для Смита эгоизм (*self-interest*) не подразумевает себялюбия (*selfishness*), хотя он прекрасно понимал, как себялюбивые люди представляют себе свои эгоистические интересы. Далее, с точки зрения Смита, просвещенный эгоизм неразрывно связан с моральным воспитанием и сочувствием. Изъян неолиберальной интерпретации этих трех компонентов теории Смита состоит в том, что она упускала из виду главный настрой всего корпуса его работ, а потому неолиберальные идеи возводились на превратно понятом основании. Неолибералы рассматривали Смита в отрыве от его времени, места и политической ситуации и сводили широкий спектр его замысла всего к трем положениям.

* Положение № 13 (Proposition 13, официальное название «Народная инициатива по ограничению налогообложения имущества») — принятая в 1978 г. поправка к Конституции штата Калифорния; ограничивала ставку налога на недвижимость одним процентом оценочной стоимости объекта недвижимости, понизила величину налога путем установления базы налогообложения в ценах 1975 г. и ограничила индексацию оценочной стоимости недвижимости в связи с инфляцией потолком 2% в год. См. также ниже с. 223. — *Прим. науч. ред.*

*Экономическая и политическая свобода:
Милтон Фридмен и неолиберализм эпохи
холодной войны*

Фридмен отдавал себе отчет в том, что неолиберализм испытывает определенные трудности со Смитом, и признавал, что Смит отводил государству роль более существенную, чем та, которую считал оправданной сам Фридмен. В частности, Смит выделял три свойственные государству обязанности. Первые две — защита от иностранного вторжения, беспристрастное обеспечение правосудия, защиты и безопасности граждан — были вне вопросов. А вот третья, по мнению Фридмена, их вызывала: «Вся проблема в третьей, а именно в “обязанности создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу”. Эта третья обязанность потенциально опасна. При правильном истолковании она, конечно, является обоснованной функцией государства. С другой же стороны, ее можно использовать для оправдания совершенно безграничного расширения полномочий государства. Обоснованность ее состоит в целесообразности вмешательства государства для нейтрализации последствий для третьих сторон, или, как это называется на техническом экономическом языке, последствий «внешней экономии и внешних потерь». Если действия того или иного лица причиняют убытки или приносят выгоду другим лицам, которые в этих действиях не участвуют, то эти последствия равнозначны принудительному обмену, навязанному другим лицам»⁵⁸.

Фридмен считал, что Смит неверно оценил природу «последствий для третьих сторон» и потенциальный вред, который они способны причинить рыночным процессам. Подобно своему наставнику Саймонсу, а также Хайеку в «Конституции свободы», Фридмен видит главную задачу правительства и государства в надзоре за соблюдением правил честной конкуренции. Однако, с его точки зрения, деятельность рынка и государства оценивалась по двойным стандартам: «Основное соображение, придающее важность последствиям для третьих сторон от частных действий, — это трудность определения

вызванных извне убытков и выгод; будь это легко, можно было бы подвести все под добровольный обмен. Но то же самое соображение служит аргументом против действий государства, поскольку очень трудно оценить чистые конечные потери и выгоды от его предположительно правильных действий. Кроме того, эти действия влекут за собой и дополнительные внешние эффекты в силу специфики их финансирования и в силу опасности для свободы, которую таит в себе расширение полномочий государства. Возможно, самая крупная интеллектуальная ошибка в этой области, совершенная в прошлом веке, — это применение двойного стандарта к рынку и политическим действиям. «Дефект» рынка, вызванный отсутствием конкуренции либо влиянием внешних воздействий (равнозначным, как показано в новейших исследованиях, транзакционным издержкам), считался безусловным оправданием государственного вмешательства. Но у политического механизма тоже есть свои «дефекты». Сравнить реальный рынок с идеальной политической структурой нельзя. Корректно сравнивать реальное с реальным или идеальное с идеальным. К сожалению, Смит во многом способствовал укоренению этой ошибки»⁵⁹.

Но Смит не мыслил категориями успехов и неудач государства Нового курса в XX в., — хотя определенно пошел дальше Фридмена в признании необходимости государственного администрирования. В частности, он утверждал, что государство должно отвечать за образование и инфраструктуру, тогда как Фридмен считал, что с этими задачами вполне справится рынок, располагающий обязательствами и конкуренцией альтернативных поставщиков услуг⁶⁰. Принципиально важное для всей системы Смита понятие нравственного индивида Фридмен тоже не принимал. Смита беспокоило то, что привычка «восхищаться богатыми и знатными людьми и презирать людей бедных или незнатного происхождения или пренебрегать ими», ведет «к искажению наших нравственных чувств»⁶¹. А Фридмена интересовали условия, при которых наилучшим образом обеспечена индивидуальная свобода. Иными словами, в той мере, в какой свободное рыночное общество ни для кого не создает препятствий, люди в нем получают наибольшие возможности для удовлетворения своих желаний.

В работах Хайека, Фридмена и Бьюкенена моральные проблемы почти не затрагиваются. В этом плане неолиберальная мысль как политическая философия принимает в расчет

не ценности, а лишь чистые экономические процессы. В «Конституции свободы» Хайек определяет свободу негативным образом — как «такое внешнее состояние людей, при котором принудительное воздействие одних на других сведено к достижимому минимуму»⁶². Хайек, несомненно, с восхищением отдавал должное англо-американским традициям конституционализма и верховенства права, но в целом индивидуальное поведение человека не привлекало его внимания. Фридмен выстроил концепцию радикального индивидуализма, рассматривавшую рынок как питательную среду для индивидуальных демократических и человеческих прав. Этот срез его идей знаменует решительный разрыв с классической традицией Смита и Юма, которые по своим глубинным убеждениям были республиканцами, а не демократами.

Как мы видели, неолиберальная мысль начала с упрощенного прочтения главной посылки Адама Смита, гласившей, что человек есть рациональное существо, действующее в собственных интересах. Человеческая свобода зиждется на экономическом индивиде, чья свобода на рынке, с точки зрения неолибералов, равнозначна человеческой свободе в общем смысле⁶³. Из этого главного тезиса вытекали все остальные утверждения. По существу же, представление о человеческой природе, которого придерживались Фридмен, Хайек, Мизес, Бьюкенен и другие неолиберальные мыслители 1940—1970-х годов и более позднего времени, было довольно ограниченным, хотя в нем и присутствуют (особенно у Хайека) отдельные элементы консерватизма Бёрка. Неолибералы считали, что единственно достоверным и наблюдаемым свойством этой природы являются действия людей в собственных интересах с целью максимизации личной пользы. По утверждению Фридмена, «либерал считает, что люди несовершенны. Для него проблема социальной организации является в такой же степени негативной проблемой удержания «плохих» людей от причинения зла, в какой она является проблемой помощи «хорошим» людям в совершении добра; разумеется, «плохими» и «хорошими» могут быть одни и те же люди: все зависит от того, кто о них судит»⁶⁴. Сказать, что неолибералы понимали человека как существо сугубо эгоистическое, было бы карикатурным упрощением их действительной позиции. Но в позднейших популярных интерпретациях она представляла именно такой, — как «культ алчности», блестяще изображенный

в фильме Оливера Стоуна «Уолл-стрит» (1987). На самом же деле Хайек и Фридмен считали, что люди могут быть и хорошими, и плохими.

Точнее было бы сказать, что для неолиберала рынок есть тот институт, который наиболее эффективно обеспечивает благополучие. В письме к Хайеку по поводу планов последнего создать Общество Мон-Пелерен Мизес писал: «*Laissez faire* не означает: пусть зло продолжается. Это означает: пусть потребители, т.е. люди, совершая покупки или воздерживаясь от них, решают, что и кому следует производить. Альтернатива *laissez faire* — передача этих решений патерналистскому государству. Никакого среднего пути нет. Либо властвуют потребители, либо властвует государство»⁶⁵. (Этот пассаж типичен для Мизеса, решительно отвергавшего любую попытку изобразить неолиберализм неким «средним путем», как это допустил Фридмен в статье 1951 г.) Здесь Мизес изложил важнейшую для неолибералов идею: рынок есть та первичная сфера, в которой осуществляется и выражается свобода. Кроме того, в этой сфере потребители заявляют о своих желаниях: те вещи, на которые есть спрос, производятся и поставляются, а те, которые не пользуются спросом, сходят на нет и исчезают. Функция государства (помимо его основной задачи — защиты физической безопасности граждан) должна быть ограничена надзором за соблюдением правил конкуренции и здоровым состоянием рынков*. Ведь именно на рынке люди совершают самый *подлинный*, не искаженный благими намерениями выбор. Связь между политической и экономической свободой выражена здесь максимально четко и является связью иного порядка, чем та связь, которую имел в виду Смит. Последний всегда допускал возможность того, что *по крайней мере в некоторых случаях* люди могут и не знать, чего на самом деле хотят, а в других случаях рынок, предлагая то, чего люди хотят, поддерживает неуместные и нежелательные стадные чувства.

Вместе с тем Людвиг фон Мизес имел более корректный взгляд на Смита в плане связи последнего с неолиберальными

* По крайней мере в опубликованных работах Мизес нигде не пишет о том, что государство должно заниматься надзором за соблюдением правил конкуренции и здоровым состоянием рынка. Кроме того, это утверждение несколько противоречит утверждению автора на с. 117. См. прим. на указанной странице. — *Прим. науч. ред.*

идеями. Он признавал, что Смит был важной фигурой, наследие которой было воспринято и использовано неолибералами. Но он не питал иллюзий в отношении действительных масштабов значимости Смита для середины XX в. (в нижеследующем отрывке заметно также острое разочарование самого Мизеса по поводу того, что его собственные идеи игнорируются профессиональным экономическим истеблишментом). Во введении к «Богатству народов» (издание 1952 г.) Мизес предупреждал: «Не нужно думать, что в исследовании Смита можно найти ключ к современным экономическим теориям или современным проблемам экономической политики. Изучение экономической науки можно заменить чтением Смита не больше, чем изучение математики чтением Евклида. В лучшем случае оно может служить историческим введением в изучение современных идей и мер экономической политики. Не найдет читатель в «Богатстве народов» и опровержения теорий Маркса, Веблена, Кейнса и их последователей. Социалисты пытаются обманным путем убедить людей, что экономическую свободу защищали только авторы XVIII в. и что социалисты, опровергнув Смита (что, естественно, им не удалось), сделали все необходимое для доказательства правильности своих собственных идей. Социалистические профессора — не только в странах за железным занавесом — не говорят студентам ни слова о современных экономистах, которые объективно рассматривают главные экономические проблемы и не оставили камня на камне от ложных теорий всех направлений социализма и интервенционизма. Если их упрекают в предвзятости, они настаивают на своей невиновности: «Разве, — возражают они, — мы не разбирали на семинарах несколько глав Адама Смита?» В их педагогической программе чтение Смита служит ширмой, позволяющей игнорировать все здравые экономические теории современности. Читайте великую книгу Смита. Но не думайте, что это избавит вас от необходимости серьезно изучать современные экономические труды. Смит развенчивал политику государственного регулирования XVIII в. и ничего не может сказать ни о государственной политике в 1952 г., ни о коммунистической угрозе»⁶⁶.

Контекст холодной войны, на который Мизес здесь прозрачно намекает, — это важная тема, и мы вскоре разберем ее подробнее — сыграл существенную роль в формировании трансатлантического неолиберализма.

Наследие Смита использовали и злоупотребляли им такие политики, как Маргарет Тэтчер. Активно распространялся миф о вечных истинах, которые впервые сформулировал Смит, после него подтвердил английский классический либерал и политик Джон Стюарт Милль (впрочем, только в трактате «О свободе»), затем подхватил и убежденно принял Хайек, а следом за ним и Фридмен. Миф этот подпитывался с двух сторон. Во-первых, он помогал политикам произвести впечатление философской глубины. Во-вторых, он льстил интеллектуальному самолюбию ученых-неолибералов, заявлявших свои права на Смита, поскольку внушал им ощущение собственной политической значимости и принадлежности к признанным традиционным ценностям. Но если взять реальное, а не мифическое, соотношение идей Фридмена, Бьюкенена, Хайека и Мизеса с идеями Адама Смита, то становится понятно, в чем состояло новшество неолиберализма. Неолибералов отличала неистовая и рискованная вера в индивида и свойство его естественного экономического поведения в условиях рынка. Они не придавали большого значения искусственно привитому поведению, цивилизованным манерам или смитовскому нравственному чувству и обычно не рассматривали моральное поведение в числе экономических и политических реалий (Рейган и Тэтчер в своей политике и политической риторике возродили некоторые старые нравственные метафоры, но они не имели никакого отношения к неолиберальной теории свободного рынка). С точки зрения неолиберальных теоретиков, рыночные процессы в изобилии порождают свободу и возможности для преуспевания, которыми индивиды могут пользоваться по своему усмотрению. В отличие от либерализма Смита трансатлантический неолиберализм был порожден другим сочетанием политических реалий — холодной войны, Нового и Справедливого курсов, послевоенных лейбористских правительств Клементы Эттли и опасений подъема коллективизма. Эти тревожные обстоятельства побудили неолиберальных авторов признать недостаточность простой констатации связи между свободным рынком, демократией и человеческой свободой. Неолибералы выразили свою преданность индивидуальной свободе в апокалиптической картине борьбы между свободным обществом и коммунистическим тоталитаризмом.

Существенным вкладом Фридмена в неолиберальную доктрину стало обоснование им в книге «Капитализм и свобода»

(1962) связи между экономической и политической свободой. Фридмен пошел дальше Мизеса, видевшего арену самовыражения людей в рынке, и утверждал, что общепринятое разделение экономической и политической сфер ошибочно*: «Широко распространено мнение, что политика и экономика — вещи разные и между собой почти не связанные, что лич-

* В «Человеческой деятельности», увидевшей свет в 1949 г., Мизес посвятил разбору этого заблуждения несколько страниц. В частности, он прямо писал о «ложном разграничении двух областей человеческой жизни и деятельности, абсолютно отделяемых друг от друга, а именно “экономической” и “неэкономической сферы»» и подчеркивал, что «как только экономическая свобода, даруемая рыночной экономикой своим членам, устраняется, все политические свободы и билли о правах становятся бессмысленными». Имеет смысл воспроизвести здесь ключевую мысль Мизеса о соотношении политической и экономической свободы: «Свобода, которой люди пользовались в демократических странах западной цивилизации в годы триумфа старого либерализма, была продуктом не конституций, билля о правах, законов и кодексов. Единственная цель этих документов состояла лишь в защите личной и политической свободы, прочно установленной действием рыночной экономики, от поползновений со стороны чиновников. Никакое государство, никакой закон не может гарантировать или быть причиной свободы иначе, как поддерживая и защищая основополагающие институты рыночной экономики. Государство всегда подразумевает сдерживание и принуждение, неизбежно противостоит политической свободе. Государство служит гарантом политической свободы и совместимо с политической свободой только в том случае, если круг его задач соответствующим образом ограничен сохранением того, что называется экономической свободой. Там, где нет рыночной экономики, любые самые благие пожелания, оформленные в виде положений конституций и законов, остаются пустыми декларациями» (*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012. С. 269—270*). Утверждение Д. Стедмена-Джоунза о том, что «Фридмен пошел дальше Мизеса» тем более странно, что в той же самой первой главе «Капитализма и свободы», первый абзац которой цитирует Д. Стедмена-Джоунз, тремя страницами ниже Фридмен пишет буквально следующее: «... Дайси, Мизес, Хайек и Саймонс в числе многих других... опасались, что продолжение движения к централизованному контролю над экономической деятельностью окажется “Дорогой к рабству”... Они подчеркивали экономическую свободу как средство достижения свободы политической» (курсив мой. — *Науч. ред.*). — *Прим. науч. ред.*

ная свобода — это вопрос политический, а материальное благополучие — экономический и что любое политическое устройство можно совместить с любым экономическим. Главными современными выразителями этого представления являются многочисленные проповедники «демократического социализма», безусловно осуждающие ограничения на личную свободу, навязываемые «тоталитарным социализмом» в России, но убежденные, что страна может взять на вооружение основные черты тамошнего экономического строя и тем не менее обеспечить личные свободы благодаря устройству политическому»⁶⁷. Книга Фридмена, наконец, осуществила пожелание Гарольда Ланау из Фонда Волкера получить американскую «Дорогу к рабству».

По убеждению Фридмена, свобода экономики от государственного вмешательства означает, что политическая власть отделена от экономической. Рынок сам по себе служит гарантией возможности несогласия: «В капиталистическом обществе надо лишь убедить нескольких богачей, чтобы заручиться средствами на пропаганду какой угодно идеи, пусть даже самой необычной, и таких людей, таких независимых источников поддержки находится немало. И вообще, необязательно даже убеждать людей или финансовые учреждения, обладающие соответствующими средствами, в разумности идей, которые вы планируете пропагандировать. Нужно лишь убедить их в том, что ваша пропаганда будет иметь финансовый успех, что соответствующая газета, журнал, книга или новое предприятие окажутся прибыльными. Например, издатель, конкурирующий с другими издателями, не может позволить себе печатать только то, с чем согласен он лично: он должен исходить из единственного критерия — вероятности того, что рынок окажется достаточно широк, чтобы обеспечить достаточную прибыль на вложенный капитал»⁶⁸. Чисто коммерческие мотивы позволяют любому продвигать любую политическую программу независимо от того, согласен ли обладатель средств с ее содержанием. Для него существенно лишь одно: будет дело прибыльным или нет. Рынок гарантирует основные политические свободы уже в силу того, что в каждом случае обеспечивает альтернативу. В частности, указывал Фридмен, существование частнорыночной экономики обеспечивало защиту в период маккартизма, поскольку подвергавшиеся гонениям государственные служащие имели альтернативную

возможность перейти в другую сферу, где им не грозило преследование по политическим мотивам⁶⁹.

Свободный рынок также служит защитой от худших видов дискриминации и предубежденности. Рынок — безличная сила, которая гарантирует равенство для всех, поскольку «отделяет экономическую деятельность от политических взглядов и ограждает людей от дискриминации в их экономической деятельности по причинам, не имеющим никакого отношения к их производительности, вне зависимости от того, связаны ли эти причины с их взглядами или с их цветом кожи»⁷⁰.

Как уже отмечалось, Фридмен считал, что некорректно сравнивать недостатки свободного рыночного капитализма с утопическим идеалом социалистической или коммунистической альтернативы. А происходило это, по его мнению, из-за настроений, преобладавших в 1920—1930-х годах, когда „либеральные“ и прогрессивные интеллектуалы в США были охвачены оптимизмом по поводу построения советского коммунизма в России, — в то самое время, как крах фондового рынка, казалось, знаменовал собой кончину капитализма. Согласно Фридмену, «настроения тех лет живы до сих пор. По-прежнему сохраняется тенденция считать желательным любое вмешательство государства, приписывать все зло рынку и оценивать любые новые предложения о государственном контроле с помощью идеальных мерок, предполагая, что осуществлять эти предложения будут способные и беспристрастные люди, свободные от влияния конкретных заинтересованных групп. Сторонники ограниченного правительства и свободного предпринимательства по-прежнему вынуждены обороняться»⁷¹. Фридмен не утруждал себя размышлениями о каких-либо предполагаемых провалах рынка. Напротив, значительную долю своих научных усилий и ученой репутации он посвятил освобождению рынка от обвинений в разорении, вызванном Великой депрессией. Этому посвящена «Монетарная история США», написанная совместно с Анной Шварц и опубликованная в 1963 г., год спустя после «Капитализма и свободы» (см. главу 5).

Ключевой пункт «Капитализма и свободы» — опыт ошибочных государственных решений США и стран Запада. Позиция Фридмена отражает характерное для чикагской школы стремление подкреплять теорию эмпирическими доказательствами. Провалы государственного вмешательства,

засвидетельствованные, согласно Фридмену, в десятилетия, последовавшие после Нового курса, позволили людям сравнивать «реальное с реальным». Каждый доказанный провал государства, считал Фридмен, служил призывом к оружию в холодной войне: «Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии»: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Кто может сегодня сказать, что цепи пролетариев в СССР слабее цепей пролетариев в США, в Англии, во Франции, в Западной Германии или в любом западном государстве?»⁷² Но Фридмен не ограничивал свою критику Советским Союзом. В его список вошло все, что он считал явными упущениями прогрессистов, Нового курса, послевоенной политики демократических и республиканских правительств: регулирование деятельности железных дорог, подоходный налог, денежная реформа, сельскохозяйственные субсидии, государственное жилищное строительство, трудовое законодательство и система социального страхования.

Помимо этого Фридмен называл программу помощи иностранным государствам, программу энергетического строительства и программу переустройства городов. В указанных областях, по его мнению, государство в лучшем случае не добилося поставленных целей, а в худшем нанесло большой вред: «Большая часть новых программ, развернутых правительством за прошедшие несколько десятилетий, не достигла своих целей. США продолжали двигаться по пути прогресса; американские граждане стали лучше питаться, лучше одеваться, улучшились их жилищные условия и средства транспорта; сгладились классовые и социальные различия; стало менее неблагоприятным положение национальных меньшинств; культура населения развивалась стремительными темпами. Все эти плоды принесли частная инициатива и предприимчивость людей, действовавших сообща через посредство рынка, свободного от ограничений. Правительственные меры тормозили этот прогресс, а не способствовали ему. Пойти на эти меры и преодолеть их мы смогли только благодаря исключительной производительной способности рынка. Невидимая рука, направляющая прогресс, оказалась более могучей, чем рука видимая, тянущая в сторону регресса»⁷³.

Но чтобы обеспечить прогресс и в будущем, нужно укрепить настрой против вмешательства государства и усиления его

активности. Ради неприкосновенности политической свободы и прочих свобод необходимо обеспечить экономическую свободу: «Сохранению и распространению свободы ныне угрожает опасность с двух сторон. Одна опасность — ясная и очевидная. Это опасность внешняя, исходящая от злонамеренных кремлевских властителей, которые грозятся нас «похоронить». Другая — гораздо более незаметная. Это внутренняя опасность, исходящая от людей с благими намерениями и доброй волей, которые хотят нас переделать»⁷⁴. В «Капитализме и свободе» Фридмен, как и Хайек в «Дороге к рабству», стремится убедительно и ясно провести параллель между благими намерениями западных политиков и поползновениями восточного советского тоталитаризма. Стратегия борьбы на два фронта последовательно отождествляет Новый курс с социализмом и даже с коммунизмом, а его собственные идеи представляет как органическую часть традиции классического либерализма. Холодная война идей ведется посредством привлечения союзных идей; для нее годились даже такие, как маккартизм, к которому Фридмен относился более или менее равнодушно.

Говоря о решении самых трудных проблем, Фридмен (в «Капитализме и свободе») и Хайек (в «Конституции свободы») призывали заменить государственное вмешательство действием рыночных механизмов. В «Конституции свободы» (1960) Хайек разбирает главные социальные и экономические проблемы: социальное обеспечение, профсоюзы, налогообложение, денежно-кредитная политика, жилищное строительство и городская инфраструктура, сельское хозяйство и природные ресурсы, образование и наука⁷⁵. В частности, он выступает за отмену сельскохозяйственных субсидий и законов о праве на труд. Фридмен обсуждает такие проблемы, как деньги, международные финансы, налогообложение, монополии, бизнес и труд, образование, социальное обеспечение и бедность. В числе прочего он предлагает приватизировать программу социального страхования и отменить таможенные пошлины. Кроме того, Фридмен всегда был самым активным и неуклонным сторонником программы школьных ваучеров и создания рынка начального и среднего образования. Он полагал, что это снизит расходы на школьное обучение, сделает его в целом более эффективным и более доступным для тех, кого не устраивает государственная система образования.

Свойственный идеям Фридмена воинственный оттенок, чувство того, что война идей между социализмом и рыночным капитализмом ведется не на жизнь, а на смерть, очевидным образом объясняется напряженной политической атмосферой холодной войны. Ученые были активными участниками битвы, которая воспринималась как глобальное и решительное столкновение двух противоположных общественных мировоззрений. Весьма показателен случай, когда Джеймс Бьюкенен, один из студентов Фридмена в Чикагском университете в конце 1940-х годов, подал заявление на должность экономиста Федерального резерва. Фридмена попросили дать характеристику. В числе интересовавших Федеральный резерв был и такой типичный для того периода вопрос: «Располагаете ли вы сведениями, что соискатель должности состоит или когда-либо состоял в организации, призывающей к свержению конституционной формы правления в США, и есть ли, на ваш взгляд, какие-либо иные основания сомневаться в его лояльности США?» Фридмен ответил: «Мне не известно, в каких организациях он состоит. Но я совершенно уверен, что он полностью и безусловно лоялен по отношению к США и американскому образу жизни. Он является убежденным приверженцем свободного рынка, свободного предпринимательства, экономики со свободным ценообразованием и вместе с тем является убежденным противником любого расширения государственного вмешательства в деятельность индивидов. Эти убеждения, естественно, прямо противоположны социалистическим и коммунистическим идеям. Бьюкенен — один из самых способных студентов, которые у нас были с тех пор, как я работаю в Чикагском университете. Ваша организация получит ценное приобретение в его лице, если вы сможете убедить его стать вашим сотрудником»⁷⁶. Интеллектуалы неолиберального толка, особенно экономисты и политологи, ощущали себя активными бойцами в сражении против коммунизма. «Капитализм и свобода» свидетельствует о сознательном намерении Фридмена вступить в схватку.

Здесь уместно добавить, что это измерение неолиберальной мысли — утверждение, что экономическая свобода является условием демократической и политической свободы, — стало основой неоконсервативной внешней политики США по отношению к Восточному блоку, особенно по отношению к Польше и СССР. Таковую политику, в частности, проводил Рейган

в 1980-е годы, последние годы холодной войны. Похожими идеями руководствовались такие видные деятели, как помощник министра обороны Пол Вулфовиц и представитель США в ООН Джон Болтон, когда во время второй войны в Ираке (2003) заявляли, что демократический Ирак послужит маяком свободы для всего Ближнего Востока. Можно упомянуть и другой весьма неоднозначный пример. Фридмен осудил кровавую расправу на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., но не обратил внимания на проблему, которую могли создать для его концепции политической силы свободного рынка политические репрессии и практическое отсутствие демократии в Китае. Он считал, что после рыночных реформ Дэн Сяопина коммунистический Китай стал значительно более свободной страной. В экономических успехах восточноазиатских «тигров» и восточноевропейских стран бывшего советского блока Фридмен усматривал подтверждение тесной связи между капитализмом и свободой: «Во всех этих случаях в соответствии с темой книги рост экономической свободы шел рука об руку с ростом политической и гражданской свободы, в результате чего повысилось благосостояние. Оказалось, что конкурентный капитализм и свобода неотделимы друг от друга»⁷⁷.

На Западе после 1970 г. подобные идеи пользовались большим авторитетом — как в плане научных дискуссий, так и в плане экономической и внешней политики. Они являют собой отличительную черту радикальной природы получившего международное признание неолиберализма третьей фазы. Свободный рынок и либеральная демократия шли рука об руку, и их, согласно Фридмену, невозможно было отделить друг от друга. Это обстоятельство самым торжественным образом констатировал Фукуяма после падения Берлинской стены⁷⁸. Эти тезисы помогают объяснить сдвиг в отношении к государству и рынку, который изменил мир в последней трети XX в.

Немецкое экономическое чудо: неолиберализм и социальная рыночная экономика

Вторым источником подъема неолиберализма была политическая философия, практически примененная в Германии после Второй мировой войны. В основе экономической политики двух христианско-демократических канцлеров, Конрада Аденауэра

и Людвиг Эрхарда (при Аденауэре он был министром финансов), лежали идеи группы мыслителей, которую собирательно называют фрайбургской школой. Эта группа (одни ее участники при Третьем рейхе покинули Германию, другие остались) называла свою платформу, сложившуюся в межвоенный период, неолиберальной⁷⁹. Более или менее очевидный успех предложенного этой группой проекта возрождения немецкой экономики в сочетании с американской помощью по плану Маршалла стал весомым пропагандистским аргументом Запада — США и Западной Европы — в холодной войне.

При Аденауэре и Эрхарде разоренная войной Германия приступила к эксперименту со свободным рынком; в нем видели альтернативу правому и левому тоталитаризму, который разрушил Германию, а потом разделил Европу. Политика «социальной рыночной экономики», создавшая немецкое «экономическое чудо» в 1950-х годах, содержала многие элементы программы, которую наметил Фридмен в статье 1951 г. И это было неслучайно, если принять во внимание контакты чикагцев с немцами в Обществе Мон-Пелерен после 1947 г. Но при всей своей готовности делом доказать полезность и эффективность свободного рынка немецкие неолибералы придавали большое значение социальной справедливости и желали ее обеспечить. В этом последнем плане их идеи были близки к идеям Генри Саймонса, которые тот продвигал в Чикагском университете в 1930-х годах. Вторая чикагская школа после 1950 г. уже не настаивала на необходимости системы социального обеспечения, — разве что такое обеспечение можно осуществить более эффективно и с прибылью посредством частного рынка.

Своим происхождением *Soziale Marktwirtschaft* обязана таким немецким экономистам и правоведам межвоенного периода, как Вильгельм Рёпке, Вальтер Ойкен, Франц Бём и Альфред Мюллер-Армак (который и предложил термин «социальная рыночная экономика»⁸⁰). Как отметил в то время Карл Фридрих, гарвардский политолог, бежавший от нацистского режима, «главный лозунг — это «социальная рыночная экономика» (*Soziale Marktwirtschaft*), экономика безусловно «свободная» по сравнению с директивной и плановой экономикой, но подлежащая контролю, желательна законодательному, призванному предотвратить концентрацию экономической власти в руках картелей, трестов или гигантских

предприятий»⁸¹. Немецкий неолиберализм, известный также как ордолиберализм (по журналу «Ordo», основанному в 1948 г. Вальтером Ойкеном и Францем Бёмом), отличал себя как от классического либерализма, так и от позиции *laissez faire* XIX в.⁸² Как и Саймонс, они отводили государству центральную роль в создании условий для честной экономической конкуренции. Государство, считали немецкие ордолибералы, теснейшим образом сплетено с экономической жизнью. Предоставим еще раз слово Фридриху: «Неолибералы рассматривают экономическую науку как «встроенную» в политику и убеждены, что экономическая и политическая системы взаимосвязаны. В замечательном исследовании, посвященном этой взаимосвязи, Франц Бём, один из ведущих мыслителей неолиберального направления, приходит к выводу, что рынок — это экономическая форма политической демократии»⁸³. Этот вывод поразительно напоминает суждения Мизеса о роли потребителя на рынке*. Но немецкие неолибералы считали Мизеса палеолибералом, поскольку воспринимали его как неизменного сторонника *laissez faire*⁸⁴. Главное отличие состояло в том, что, с точки зрения немцев, экономические выгоды конкуренции, поддерживаемой государством, должны иметь контрбаланс в виде социальной политики. Тем самым подразумевалось создание мощного социального государства, что позволило социал-демократам включить предложения неолибералов в Годесбергскую партийную программу, принятую в 1959 г.⁸⁵

Отношения Хайека с немецким неолиберализмом были более сложными, и это, пожалуй, удивительно, если учесть его близость к Мизесу** . Хайек писал для журнала «Ordo», состо-

* См. выше с. 152. — Прим. науч. ред.

** Отношение Мизеса к ордолиберализму и его отношения с ордолибералами тоже были непростыми. См. его развернутый критический комментарий, посвященный немецким реформаторам, в «Человеческой деятельности» (с. 677 рус. изд.). Как пишет биограф Мизеса Г. Хюльсманн, «до середины 1950-х годов Мизес, видимо, даже не хотел встречаться с Эрхардом»; «после личного знакомства с представителями немецкой школы ордолиберализма... в частной переписке он утверждал: «У меня появляется все больше и больше сомнений в возможности сотрудничества Общества Мон-Пелерен с ордоинтервенционистами»» (Хюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. Челябинск:

ял в его редколлегии и порой казался членом Фрайбургской школы. Вместе с тем он оценивал роль государства в экономике гораздо критичнее, чем немецкие неолибералы. Другим каналом связи было Общество Мон-Пелерен, в котором на 1951 г. состояли такие теоретики социальной рыночной экономики, как Рёпке, Ойкен, Эрхард, Мюллер-Армак, Бём, Г. Илау, Фридрих Майер и А. Рюстов⁸⁶. Как свидетельствует историк Макс Хартуэлл, который тоже был членом этого общества, «Хайек считал, что именно благодаря влиянию Рёпке неолиберальное движение в немецкоязычной части Европы вышло за пределы узкого круга университетских ученых»⁸⁷.

В США немецкий неолиберализм привлекал внимание не только Карла Фридриха, но и других наблюдателей. Например, в специальном бюллетене Американского института экономических исследований (он располагался при Массачусетском технологическом институте) за 1959 г. был отдельный раздел по «социальной рыночной экономике». Этот доклад читали в администрации Никсона, и он содержится в документах центрального аппарата Белого дома⁸⁸. Авторы бюллетеня, имевшего подзаголовок «Отчет об исследовании достижений Людвига Эрхарда», характеризуют немецкий неолиберализм как доктрину «Ойкена, Рёпке и Эрхарда», а также отмечают значительную роль, отведенную государству в плане надзора за рынком, и новаторскую политику Эрхарда на посту министра финансов: «Таким образом, “новизна” неолиберализма состоит преимущественно в новой оценке положительной роли государства как создателя законодательной, правовой и денежной системы, необходимой для жизнеспособной рыночной экономики»⁸⁹. Отождествляемая с Эрхардом политика — упразднение регулирования цен; стабилизация валюты и победа над инфляцией, антитрестовские законы и «война против особых интересов» — в равной мере может считаться политикой Хайека и Фридмена (если не считать того, что Фридмен всегда выступал за плавающий курс и пришел к выводу о ненужности антимонопольного законодательства)⁹⁰.

Социум, 2013. С. 630, 718). Как показывает исторический опыт, Мизес оказался прав, считая, что сам успех Эрхарда может быть использован против рыночной экономики, из-за того что реформы преподносились общественности в интервенционистских терминах (см.: Там же. С. 629). — *Прим. науч. ред.*

В отчете МТИ ошибочно утверждается, что немецкие неолибералы отвергали социальное государство; на самом деле немцы всегда считали социальное обеспечение очень важным. (Кроме того, Хайек и Фридмен вряд ли согласились бы с утверждением, что «государство в конечном счете должно контролировать не компании или отрасли, а экономическую политику в целом»⁹¹.) В отчете особо отмечен положительный взгляд на роль государства: «Неолибералы испытывают огромный пиетет перед рынком как единственным механизмом, с помощью которого развитое индустриальное общество может решить свои экономические проблемы и при этом сохранить свою свободу. Но они понимают, что границы *civitas humana** выходят далеко за пределы рынка и что рынок всего лишь средство для достижения цели. И если они преследуют собственные цели, то делают это ради человеческой свободы»⁹². К «социальному вопросу» ордолибералы подходили в консервативном духе, почти как Бисмарк, который в 1870-х годах ввел пенсии. Как показал Ральф Птак, их позиция «гораздо ближе к консервативной, чем к классической либеральной». Во всяком случае, цель формулировалась в классической консервативной манере: «...стабильное и защищенное положение рабочего класса — необходимое условие нормальной работы рыночной экономики», и эта программа «принципиально отличалась от призывов левых к эгалитарному перераспределению»⁹³.

Близость позиций немцев и Генри Саймонса, экономиста первой чикагской школы 1930—1940-х годов, наглядно показывает, что неолиберализм изначально формировался в ином историческом и полемическом контексте, чем тот, который сформировался в послевоенных Соединенных Штатах. Сходство Саймонса 1930-х годов с немецкими предтечами социальной рыночной экономики обнаруживает, что неолиберализм Фридмена, настаивавшего на том, что рыночные решения социальных проблем предпочтительнее организованного сверху социального государства, представлял собой более радикальное направление по сравнению с позициями многих его европейских друзей и коллег в Обществе Мон-Пелерен 1950—1970-х годов. Немецкие неолибералы, по мнению Птака, заслуживают признания прежде всего за то, что первыми подняли социальный вопрос, указали на связь между правовым и конкурентным

* Человеческое сообщество (лат.) — Прим. перев.

порядками и «приняли во внимание деструктивный потенциал рыночной экономики»⁹⁴. Ни Фридмен, ни Хайек почти никогда не затрагивали тему негативного влияния мощного разрушительного потенциала капитализма. Далее, Саймонс разделял с немцами стойкое убеждение в большой важности анти-монопольного законодательства, чего не признавали Фридмен, Аарон Директор и Эдвард Леви, декан юридического факультета, в конце 1940-х — начале 1950-х годов принимавший участие в финансирувавшемся Фондом Волкера проекте исследования свободного рынка по теме монополий⁹⁵. В противоположность Германии и другим частям Европы, специфические исторические, культурные и географические особенности США — особенно глубоко укоренившийся культ сугубого индивидуализма в духе «дикого Запада» — тоже сыграли роль в формировании особого интеллектуального климата и сделали страну благодатной почвой для более радикальной версии неолиберальной политической теории.

Пример Германии произвел глубокое конструктивное впечатление и на английских наблюдателей — прежде всего потому, что представлял собой первый успешный политический эксперимент с неолиберальными идеями. Будущий глава группы консультантов по экономической политике Маргарет Тэтчер в 1979—1982 г. Джон Хоскинс отмечал, что «великий Эрхард» отказался от валюты, навязанной союзными державами, и в июне 1948 г. ввел, вопреки возражениям оккупационных властей, немецкую марку. Правительство христианских социалистов Аденауэра стояло у власти с 1949 по 1963 г., а затем до 1966 г. пост канцлера занимал Эрхард. Политика Эрхарда, по мнению Хоскинса, стала настоящим источником вдохновения, поскольку он «создал эффективную экономику без какого бы то ни было экономического или торгового протекционизма»⁹⁶. Будущие министры финансов при Тэтчер Джеффри Хоу и Найджел Лоусон тоже высоко оценили немецкую модель. Хоу «получил представление» о том, что такое «социальная рыночная экономика», и был заинтригован сочетанием свободного рынка и социального рынка; этот принцип он отождествил с консервативной программой «одной нации», которая вновь была принята на вооружение в Англии и переформулирована в 1950-х годах радикальными молодыми консерваторами (см. следующую главу)⁹⁷. Лоусон назвал главными особенностями двух экономик, которыми он более всего

восхищался в 1950—1960-х годах, «динамизм» США и «систему Эрхарда» в Западной Германии⁹⁸. Эти мнения разделял еще один будущий министр финансов от консерваторов, Норманн Ламонт⁹⁹.

Захват регуляторов, теории общественного и рационального выбора

Эти разноплановые явления — подъем неолиберальных идей и практическое применение неолиберальных программ в США и в Германии в послевоенные годы — имели общую основу в виде наработок, сделанных в 1930—1940-е годы в Австрии, Германии, Швейцарии, Франции и Англии. В результате к концу 1950-х годов сформировалась отчетливо узнаваемая система идей. Связь свободы с рынком, рациональностью и личным интересом послужила питательной средой для других ученых, продвигавших неолиберальные идеи в новые сферы. Третье идейное направление в развитии политического неолиберализма в 1950—1960-х годах в США тоже возглавили ученые, испытавшие влияние чикагской школы.

В первую очередь следует упомянуть Джорджа Стиглера, сначала работавшего в Колумбийском университете, а с 1958 г. в Чикаго, Джеймса Бьюкенена и Гордона Таллока, которые получили экономическое образование в Чикагском университете и работали в Виргинском политехническом институте (а затем в Университете Джорджа Мейсона в Ферфаксе, так называемая виргинская школа политической экономии). Они приложили теорию человека как максимизирующего полезность индивида к сферам политики, государственной бюрократии и регулирования; так в 1960-е годы возникла теория общественного выбора и «конституционной экономики». Вторую группу ученых возглавлял Уильям Райкер в Рочестерском университете; в те же годы он предложил теорию рационального выбора в качестве новой политологической методологии. Общая позиция этих двух групп сводилась к тому, что политику, правительство и государственный сектор нельзя рассматривать в отрыве от собственно экономической сферы. С их точки зрения, государственная политика и политическая борьба представляли собой область, где действуют те же самые принципы и мотивы, которыми направляется работа рынка и экономики

в целом. Другие экономисты, в частности Питер Бауэр из Лондонской школы экономики и Гэри Беккер из Чикагского университета (нобелевский лауреат 1992 г. по экономике), распространили эту логику в числе прочего на политику международной помощи и развития и на социологические аспекты человеческого поведения, — такие, как семья¹⁰⁰. Эти новые разработки позволили продвинуть экономические принципы неолиберализма в те области, которые раньше рассматривались с совершенно других точек зрения. Одновременно с этим неолиберальная концепция свободного рынка укоренилась в господствующем направлении общественно-политического сознания.

По мнению Джона Бланделла, впоследствии возглавлявшего Институт экономики (IEA), в Англии Джордж Стиглер считался самым авторитетным неолиберальным мыслителем наряду с Фридменом и Хайеком. В нем видели общепризнанного лидера второй чикагской экономической школы¹⁰¹. Стиглер (род. в Сиэтле в 1911 г.) был почти одногодком Фридмена и его большим другом. Диссертацию он писал под руководством Фрэнка Найта и, кроме того, испытал влияние Саймонса. Докторскую степень получил в 1938 г. в Чикагском университете, но работать там начал только в конце 1950-х годов, а до того во время войны был сотрудником Манхэттенского проекта (разработка атомной бомбы) и затем преподавателем Колумбийского университета. Как и Фридмен, он постоянно сотрудничал с аналитическими центрами в Англии (в частности, с лондонским Институтом экономических дел) и в США, консультировал президентов и политиков. Нобелевский лауреат 1982 г., Стиглер приобрел наибольшую известность благодаря созданной им экономической теории государственного регулирования, которая в 1960-е годы стала важным аспектом теории общественного выбора.

Государство, считал Стиглер, это источник ресурсов, за контроль над которыми соперничают отрасли и фирмы. В аналитической записке, представленной президенту Никсону в 1971 г., он выразил мнение, что два основных положения, определяющие смысл государственного регулирования, ошибочны¹⁰². Первое — это убеждение, будто регулирование предпринимается в интересах всего общества. Второе «по существу сводится к тому, что политический процесс не поддается рациональному объяснению: «политика» — это неформализуемое, постоянно

и непредсказуемо меняющееся сочетание самых разнородных сил, обнимающее собой как акты величайшей добродетели (освобождение рабов), так и проявления самой низкой продажности (конгрессмены, набивающие себе карманы)»¹⁰³. Эти два общепринятых представления о регулировании, полагал Стиглер, лишены объяснительного потенциала, которым обладает методология «максимизации прибыли». С его точки зрения, проблема регулирования — это задача «выяснения того, когда и почему отрасль (или какая-либо группа людей, объединенных общим замыслом) приобретает способность использовать государство в своих целях или избирается государством для использования в целях, чуждых обществу»¹⁰⁴.

В любой отрасли, утверждал Стиглер, фирмы хотят от государственного регулирования четырех вещей, каждая из которых может повысить их прибыльность. Первая — это прямые государственные субсидии конкретному сектору в виде денежных дотаций или льгот. Вторая — регулирование (скажем, с помощью протекционистских таможенных пошлин) допуска на рынок новых конкурентов. Третья — поощрение производства дополняющих продуктов или сдерживание производства замещающих. Например, пояснил Стиглер, «производители сливочного масла заинтересованы в снижении производства маргарина и повышении производства хлеба»¹⁰⁵. «Четвертый аспект государственной политики», желательный для отрасли, — поддержание цен на высоком уровне¹⁰⁶. Эти четыре типа регулирования, полностью зависящие от милости государства, поскольку оно обладает монополией на принуждение, чаще всего вводятся законодательным путем или, в некоторых случаях, путем лицензирования того или иного вида деятельности, приводящего к появлению олигополистических, монополистических или исключительных прав. Суть теории Стиглера выражена в понятии «захват регуляторов», которое означает, что регулирование будет подчинено интересам регулируемых. Поэтому к представлению о нейтральном государственном управлении и правительстве, действующем в интересах всего общества, следует относиться скептически: «В профессиональной экономической мысли глубоко укоренился идеалистический взгляд на государственное регулирование. Например, Комиссию по межштатной торговле осудило за лоббирование интересов железнодорожных компаний такое количество экономистов, что это стало общим местом

в экономической литературе. На мой взгляд, критиковать ее за это столь же уместно, как критиковать фирму *Great Atlantic and Pacific Tea Company* за торговлю бакалейными товарами или упрекать политика за то, что он ищет популярности. Фундаментальный порок подобной критики в том, что она отвлекает внимание от сути дела. Она исходит из предположения, что получить комиссию, которая не будет зависеть от перевозчиков, можно путем осуждения ее членов или тех, кто этих членов назначает. Но получить другую комиссию можно лишь одним единственным способом: изменить ее политическую базу и вознаграждать ее членов на основе, никак не связанной с услугами, которые она оказывает перевозчикам. И пока остается в силе эта глубинная логика политической жизни, у реформаторов [системы государственного регулирования] не получится использовать государство для своих реформ, а жертвы групповых интересов, повсеместно пользующихся государственной поддержкой, не смогут себя защищать. Экономистам нужно срочно ввести лицензирование применения рациональной теории политического поведения»¹⁰⁷. Стиглер заканчивает шутивным пожеланием, но главная его мысль вполне серьезна и призвана изменить понимание процесса государственного регулирования. Она представляет собой одно из самых важных достижений в сфере теории общественного выбора и ставит под сомнение эффективность и полезность, на которые претендовал социал-демократический реформистский подход к капитализму.

Теория общественного выбора складывалась в 1940—1950-х годах. Важными ее составляющими стали теория среднего избирателя Дункана Блэка (1948), теорема невозможности Кеннета Эрроу (1951), «экономическая теория демократии» Энтони Даунса (1958) и проблема безбилетника Манкура Олсона (1965)¹⁰⁸. Теория рационального выбора была смежной областью и включала в себя многие положения, выдвинутые представителями школы общественного выбора, и, естественно, те, которые содержались в работах Уильяма Райкера и его последователей¹⁰⁹. Теория рационального выбора выросла из экономической теории, поскольку заимствовала базовый микроэкономический метод, исходящий из того, что индивиды стремятся максимизировать свою полезность при данных стабильных условиях. Связующим звеном всех этих концепций было признание преобладающей

роли рационального личного интереса в политической борьбе, на выборах, в работе центральных и местных властей. Такое понимание человеческой мотивации было гораздо проще того, которое предлагалось в экономических доктринах эпохи Просвещения или даже в ранних работах Хайека и Поппера.

Славу «отцов теории общественного выбора» Джеймсу Бьюкенену и Гордону Таллоку принесла совместно написанная книга «Расчет согласия» (*The Calculus of Consent*, 1962) и организованная ими в Виргинском политехническом институте исследовательская программа¹¹⁰. Книга была «формализацией структуры, которую имел в виду Джеймс Мэдисон, когда разрабатывал Конституцию США»¹¹¹. Бьюкенен, тоже нобелевский лауреат (1986), описывал «твердое ядро» общественного выбора как «1) методологический индивидуализм, 2) рациональный выбор и 3) политику-как-обмен»¹¹². Причину появления этой теории он объяснял так: «Сразу после Второй мировой войны государства, даже в западных демократиях, распределяли от трети до половины совокупного продукта не через рынок, а через коллективно-политические институты. Между тем экономисты сосредоточили усилия почти исключительно на разработке объяснительных моделей рыночного сектора. Механизм принятия коллективно-политических решений не привлекал почти никакого внимания. Политологи действовали не лучшим образом. Они не предложили никакой объяснительной базы или, скажем так, теории, из которой можно было бы выводить эмпирически фальсифицируемые гипотезы»¹¹³. Эту лагуну и заполнили теория рационального выбора и теория общественного выбора.

Бьюкенен и Таллок сосредоточили внимание на недостатках политических институтов и агентов, на конституционных механизмах и избирателях, которые, по их мнению, должны отстаивать свои интересы точно так же, как индивид на рынке. Они тоже входили в Общество Мон-Пелерен, активно участвовали в работе трансатлантического неолиберального сообщества и регулярно писали по вопросам английской политики. Бьюкенен сотрудничал с Институтом экономических дел в качестве автора и редактора-консультанта. Он публиковался в институтском журнале, был членом редколлегии и написал для института ряд докладов и аналитических статей. Следует упомянуть изданный институтом сборник «Экономическая теория политики» (1978); во введении к нему Бьюкенен

изложил для английской аудитории основные принципы подхода Виргинской школы к конституционной экономической теории. Потенциал этой области, как его понимал Бьюкенен, состоит в «конструировании или ре-конструировании политического порядка, который направит эгоистическое поведение участников на общее благо путем, наивозможно близким к тому, который описал Адам Смит применительно к экономическому порядку»¹¹⁴.

Политикам, принимающим решения, положительно необходимо исходить из сути человеческой природы — человеческого эгоизма; только так они могут избежать искаженных результатов, очень вероятных, по словам Фридмена, когда невидимая рука действует наперекор благим намерениям. Бьюкенена особенно интересовала связь между экономическими вопросами, например налогообложением, и Конституцией США, которая утвердила главным своим принципом разделение властей; излюбленной его темой было осуждение отсутствия всякого «подлинно конституционного анализа в Англии»¹¹⁵. Бьюкенен хотел сказать, что власть английской парламентской системы не была ограничена надлежащими сдержками и противовесами; фактически эта система представляла собой выборную диктатуру. Как ни странно, Бьюкенен и Таллок считали себя близкими к Джону Ролзу, „либеральному“ теоретику социальной справедливости. Но свою главную политическую задачу они видели в выяснении того, как использовать конституционные механизмы для ограничения государственного вмешательства, налогообложения и государственных расходов. Как писал Бьюкенен в письме Хайеку в 1965 г., «общественный выбор» — это «политика без прикрас»¹¹⁶: «Меня всегда интересовало, как расходились в этом отношении две части прежней политической экономии. Экономическая теория разрабатывалась в строгих рамках науки о сущем [о том, что «есть». — *Перев.*], как прогностическая теория. Политика, в полную противоположность ей, разрабатывалась как наука о должном [о том, чему «надлежит быть». — *Перев.*], о политическом долженствовании, об обязанностях индивида, о нормах, которым он должен следовать ради сохранения социального устройства. В последнее время некоторые из нас попытались распространить экономическую методологию на политику, но, вероятно, по причине взаимной недооценки важности обеих теорий, результат получился обратный. А именно произошло

внедрение представлений о должностовании в экономическую теорию или, по крайней мере, какое-то прояснение этих темных областей. Я не хочу этим сказать, что мы можем очень далеко уйти от правильного понимания того, как на самом деле ведут себя люди, когда сталкиваются с различными альтернативами. Но, думаю, следует признать, что поведение в известной мере обусловлено господствующими поведенческими стандартами, которые могут меняться внутри определенных пределов от одной социальной группы к другой. Личный интерес вписан в эти пределы: это органическая этика рынка. Не предполагает ли это некоторых затруднений сейчас, скажем, с Англией, где этика «справедливой доли» реально стала частью общей культуры? Здесь, мне кажется, можно сказать, что правилами поведения, которыми руководствуются индивиды, стали именно такие, которые не обеспечивают группового выживания, если подходить к выживанию со стандартными критериями экономической науки. Во всяком случае, это один из аспектов проблемы. Те правила, которые могли бы обеспечить достижение групповых целей, стали правилами тех, кто отклоняется от этих целей»¹¹⁷. Бьюкенен считал, что «конституционные принципы имеют своей центральной задачей ограничение пределов возможного использования политической власти»¹¹⁸. Этот подход теории общественного выбора к политике очень близок к представлению Саймонса, Фридмена и немецких неолибералов о роли государства как гаранта правил конкуренции на рынке. Задача состояла в установлении правил ограниченного правления.

В 1950—1960-е годы неолиберальная мысль приобрела отчетливый характер и внутреннюю целостность. Основные ее элементы — индивидуальная свобода, свободный рынок, стихийный порядок, механизм цен, конкуренция, ориентация на интересы потребителя, дерегулирование и рациональный личный интерес — сложились воедино в учениях группы европейских и американских экономистов и философов. Они приняли за точку отсчета радикальный индивидуализм, который разошелся со всеми предшествующими видами либерализма — будь то классический немецкий либерализм XIX в. или английский и американский либерализм начала XX в. * Неолибералы счита-

* Перечисленные автором «элементы» не были следствием того, что в качестве «точки отсчета» был выбран «радикальный индиви-

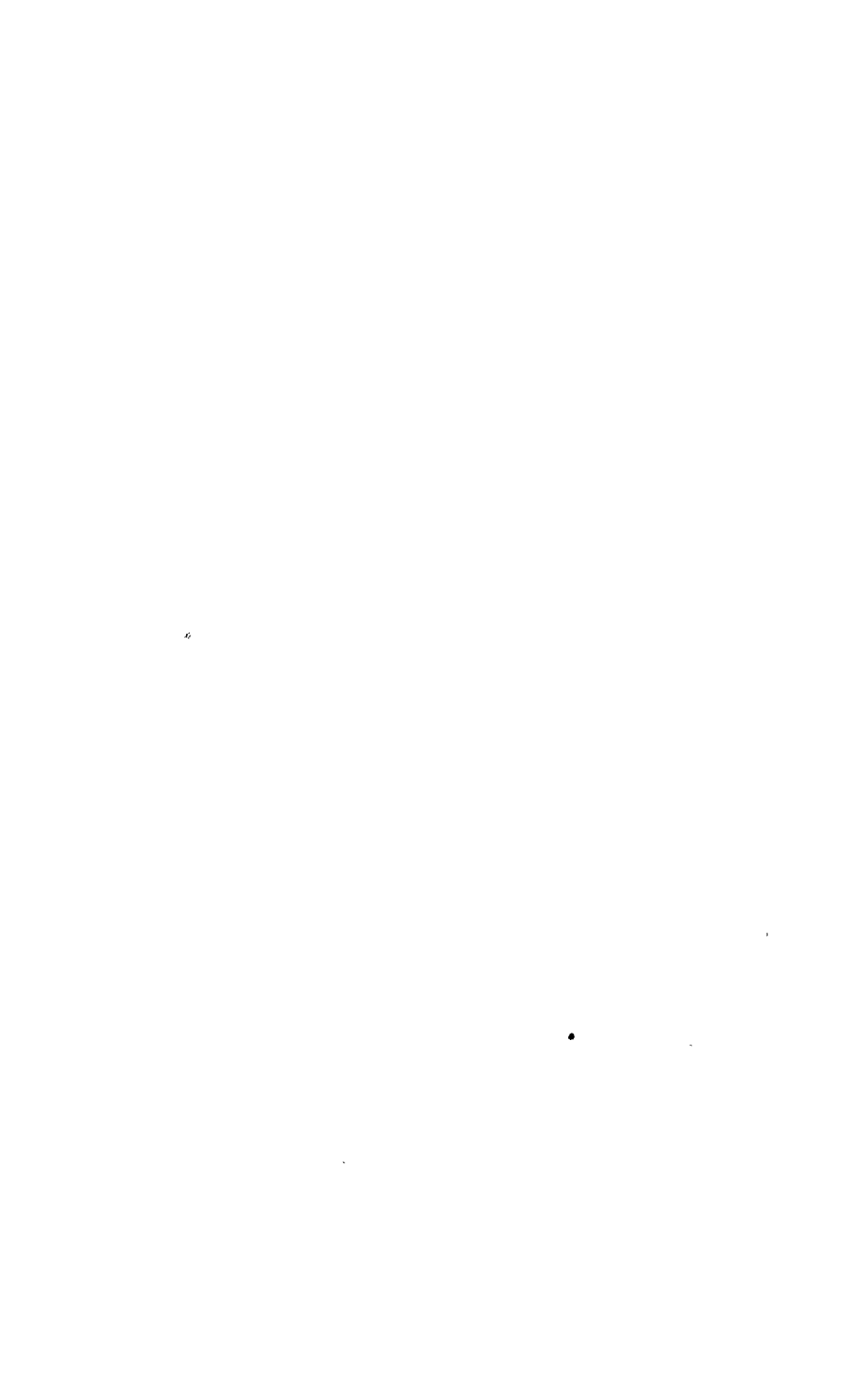
ли себя солдатами холодной войны, защитниками своего представления о свободном обществе. Кроме того, их взгляды представляли собой прямую противоположность господствовавшим в 1950—1960-е годы политическим установкам: Новым рубежам Джона Кеннеди, Великому обществу Линдона Джонсона и задуманному Гарольдом Вильсоном возрождению английской социальной демократии. Фридмен, Стиглер, Бьюкенен и Таллок станут интеллектуальными вождями нового политического и экономического течения 1970-х годов, трансатлантической неолиберальной политики.

Вместе с тем этой системе идей был присущ ряд проблемных моментов, которые усложнили ее интерпретацию, применение и обоснование в политической борьбе и государственной политике 1970—1980-х годов. Во-первых, конкуренция и равенство возможностей выглядели в неолиберальной теории более согласованными, чем оказывались на деле в сложных задачах распределения государственных ресурсов. Во-вторых, развенчание представления о доминировании общественных интересов или общественной сферы, вытекавшее из чикагской экономической теории и теории общественного выбора, возможно, и помогало понять особенности функционирования некоторых типов государственного управления, но при этом, перенося акцент на проблемы бюрократии, ставило под сомнение сами основания демократической власти. Получалось, что должностные лица совершенно не обязательно служат общему благу. Напротив, государственные и правительственные организации могут выработать собственные представления о своей природе и своих интересах. В-третьих, роль индивида на рынке как потребителя вступала в противоречие с его ролью как гражданина; это следовало из представлений Фридмена, Хайека и Мизеса о связи между рынком и демократией. Неолиберальное влияние нашло выражение в том, что политическая борьба и обеспечение коммунальных услуг все больше рассматривались не в категориях гражданских прав, а в кате-

дуализм». Эти элементы были результатом теоретико-экономических размышлений и исторических наблюдений. Точку зрения Хайека на типы индивидуализма см. в его статье 1945 г.: *Хайек Ф.* Индивидуализм: истинный и ложный // *Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 1—40. — *Прим. науч. ред.*

гориях рыночных процессов. Наконец, превознесение свободы и открытых возможностей, которое приобрело широкую популярность, в частности благодаря усилиям консервативных и республиканских политиков, испытавших влияние Хайека и Фридмена, плохо сочеталось с такими реальными явлениями, как неравенство, глобализация и деиндустриализация, вызванными конкурентным рыночным капитализмом. Беспорядочные несостыковки риторики успешной электоральной политики с реальными социальными результатами этой политики отчетливо заметны в практическом применении неолиберальных теорий на государственном уровне по обе стороны Атлантики после 1979 г.

Главы 5, 6 и 7 посвящены тому, как неолиберальные идеи утверждались в двух конкретных направлениях политики, — в экономической стратегии, в строительстве недорогого доступного жилья и программах городской реконструкции. Но прежде необходимо рассмотреть, как эти идеи проникли в главные политические партии Англии и США. Это было достигнуто с помощью высокоэффективного трансатлантического сообщества людей, организаций и финансовых спонсоров, которые потратили немало лет на размывание дамб, прежде чем прорвать их мощным потоком в 1970-х годах. Для внедрения своих идей авторы, о которых шла речь в данной главе, взаимодействовали с аналитическими центрами, занимающимися научными изысканиями и разработкой конкретных мер экономической политики, фондами и состоятельными людьми в США и Англии, а также со своей университетской и организационной средой. Это сообщество стало своего рода каналом, через который неолиберализм сливался с консервативным и в конечном счете с доминирующим политическим течением. К этому сообществу мы сейчас и обратимся. В следующей главе описывается формирование трансатлантического сообщества, коллективная деятельность которого запустила процесс, приведший к распространению неолиберальных идей вначале в кругу первых убежденных приверженцев, а затем и за его пределы. И происходило это в 1960-е — 1970-е годы.

Глава 4

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Историки, которые хотят понять значение событий второй половины XX в., должны будут обратить внимание на такие собрания, как это [в Фонде «Наследие» в 1983 г.] Среди вас они обнаружат лидеров интеллектуальной революции, которая усвоила и переосмыслила великие уроки западной культуры, революции, которая спланирует великие демократии в деле защиты этой культуры и человеческой свободы, революции, которая, как я верю, также вписывает сейчас последние печальные страницы в противополоственную главу человеческой истории под названием «коммунизм».

Рональд Рейган, речь в Фонде «Наследие», 3 октября 1983 г.

• В 1940—1970-е годы трансатлантическое сообщество близких по убеждениям людей — бизнесменов и организаторов финансирования, журналистов и политиков, политических экспертов и ученых-теоретиков — росло и распространяло неолiberaльные идеи. Эти люди добились успеха в продвижении своих идей с помощью нового типа политической организации, аналитического центра (*think tank*). Первое поколение неолiberaльных центров возникло в 1940—1950-е годы; к нему относились Американский институт предпринимательства (АЕИ) и Фонд экономического образования (ФЕЕ) в США и Институт экономических дел (IEA) в Англии. Второе поколение — детище 1970-х годов; в него входят Центр исследования социально-экономической политики (СРС) и Институт Адама Смита (АСИ) в Англии, Фонд «Наследие» и Институт Катона в США.

Впоследствии, в 1980-е годы, эти организации будут оказывать непосредственное влияние на политику правительств Тэтчер и Рейгана. Но в первые послевоенные десятилетия неолиберальная мысль могла бы и не выйти за пределы узкого академического круга, если бы не появилось сообщество, способное распространять по обе стороны Атлантики идеи индивидуальной свободы, свободного рынка, низких налогов, дерегулирования и ограниченного правления.

Люди, возглавлявшие эти организации, занимающиеся анализом социально-экономической политики, были идеологическими предпринимателями, делавшими неолиберальную мысль общедоступной¹. Они помогали превратить неолиберальную доктрину в политическую программу. При посредстве сочувствовавших журналистов они активно старались привлечь внимание прессы, столь же активно искали источники надежного финансирования для своих организаций и стремились оказать влияние на политический процесс с помощью умелой пропаганды свободного рынка. Движителем неолиберального сообщества наряду с Фридрихом Хайеком был Милтон Фридмен. Но именно идеологические предприниматели, такие фигуры, как Леонард Рид из Фонда экономического образования, Ральф Харрис из Института экономических дел и Эд Фелнер из Фонда Наследие, своей организационной деятельностью придавали сообществу целостную структуру и популяризировали трансатлантический неолиберализм. Важным объединяющим звеном служило Общество Мон-Пелерен.

Аналитические центры действовали как своего узловые пункты: они собирали неолиберальные идеи у Хайека, Фридмена, Бьюкенена, их коллег в Чикаго, Виргинии, Лондоне и других местах и предлагали этим людям обсуждать возможность приложения их идей к конкретному социально-политическому контексту в Англии, США или в международном масштабе. Штатные сотрудники центров, редакторы их журналов и других периодических изданий, местные эксперты, журналисты и пропагандисты разрабатывали вопросы практического применения абстрактных выводов австрийской, чикагской или виргинской теорий. В итоге у них получались готовые и убедительные предложения для политиков. Общая политическая среда, в которую эти центры старались внедриться, встречала их недружелюбно и подозрительно, ибо в ней господствовали кейнсианские представления, идеалы полной занятости

и социального государства. Но когда экономические кризисы 1970-х годов вынудили политиков и чиновников искать новые рецепты, трансатлантическое сообщество было уже вполне готово их предоставить.

Переписка между ведущими членами сообщества показывает, что они ощущали себя участниками идеологической войны с очень трудным противником. Вот, например, что написал Хайеку основатель Института экономических дел Энтони Фишер (в 1955 г. он пригласил Ральфа Харриса и Артура Селдона совместно возглавить институт), когда узнал, что Хайеку присуждена Нобелевская премия по экономике в 1974 г.: «Такую премию Вы менее всего могли ожидать, и поэтому произошло событие просто замечательное. Вообще мир находится в прискорбно ухудшающемся состоянии. Но некоторые вещи, откровенно могу сказать, поднимают мне настроение, и происходит это все чаще и чаще. Прилагаю экземпляр моей статьи, которая вышла не где-нибудь, а в «Financial Times»! <...> Я познакомился с новыми руководителями некоторых транснациональных корпораций, и они все яснее осознают опасность. Благодаря одному такому знакомству я надеюсь встретиться с финансовым управляющим *Esso of Indiana* или *Amoco* предположительно 2 декабря. Я делаю все возможное, чтобы освободиться от всех других дел и ежедневно отдавать все мое время налаживанию контактов между бизнесом и ученым миром»². Неолиберальные активисты, подобные Фишеру, считали коллективизм, социальную демократию, Новый курс и „либерализм“ Великого общества опасной угрозой для самого существования западной цивилизации. Их с полным основанием нужно считать по-настоящему предприимчивыми людьми, и не в последнюю очередь потому, что некоторые были успешными бизнесменами. Если же говорить о существовании дела, то они, встречая отторжение и насмешки со стороны политического истеблишмента, неустанно трудились, чтобы дать политике свободного рынка право голоса.

Энтони Фишер, Ральф Харрис, Леонард Рид, Уильям Бэруди, Ф. «Болди» Харпер, Эд Фелнер, Эд Крейн, Имонн Батлер, Мэдсен Пири — все они считали, что участвуют в борьбе за сохранение индивидуальной свободы, борьбе против царившей в Англии и США интеллектуальной и политической атмосферы, благосклонной к социалистическому коллективизму. С исключительным умением они наводили мосты между

теоретической работой неолиберальных ученых и сферой широких политических и общественных дискуссий. Но им пришлось ждать, пока их усилия принесут плоды. Им нужна была ситуация, которая заставит обратить на них внимание. В 1950—1960-е годы большинство политиков и журналистов воспринимали этих людей как аутсайдеров, чьи усилия — как попытки прошибить стену головой. Прорыв произошел лишь тогда, когда некоторые идеи Фридмена по поводу инфляции начали доходить до сознания тех, кто был обеспокоен казавшейся бесконечной инфляционной спиралью конца 1960-х — начала 1970-х годов. Собственный талант Фридмена как политического пропагандиста в полной мере раскрылся после его известной речи в Американской экономической ассоциации в 1967 г. (об этом речь пойдет в следующей главе).

В 1950—1960-е годы как в Англии, так и в США неолиберализму пришлось искать себе место в консервативной политике. Но на протяжении долгого времени это было попросту невозможно, равно как и не было очевидно, что Консервативная <в Великобритании> и Республиканская <в США> партии представляли собой самое подходящее пристанище для неолибералов. Если судить по официальным позициям республиканского президента Дуайта Эйзенхауэра и консервативных премьер-министров Уинстона Черчилля, Энтони Идена и Гарольда Макмиллана, в обеих партиях сохранялась видимость общего согласия по главным вопросам, таким как существование социального государства, конец империи, гражданские права, десегрегация и холодная война³. Но за этой мирной внешностью скрывались оппозиционные настроения рядовых членов партий и интеллектуальное разочарование консерваторов по обе стороны Атлантики. Рост влияния неолиберальной политики отражал ее способность в конечном счете компенсировать недовольство правых по поводу решений, которые были приняты в таких областях, как расовая политика, внешняя политика, иммиграционная и социальная политика. Каждая из перечисленных проблем вызывала громкие возражения в широком консервативном движении США и в возрождавшейся Консервативной партии Англии. Оппозиция создала атмосферу, которая позволила нарождавшейся неолиберальной политике присоединиться к антикоммунистам, антииммиграционным популистам, противникам десегрегации, защитникам традиционной семьи и традиционным

консерваторам. Это был причудливый конгломерат, персонификацией которого в американском контексте стал перекалифицировавшийся в политика второразрядный голливудский актер Рональд Рейган⁴. В Англии прототэтчеристским объединителем антииммигрантских, неоимпериалистических и прорыночных настроений был Энох Пауэлл⁵.

На первый взгляд, на политической сцене США в 1960-е годы безоговорочно доминировали Новые рубежи Джона Кеннеди и Великое общество Линдона Джонсона. В Англии политика левых тоже, казалось, приобретала все большую популярность. Руководители обеих политических партий увлеченно экспериментировали с индикативным планированием французского типа — вначале при Консервативном министре финансов Реджинальде Модлинге, а затем при лейбористских правительствах Гарольда Вильсона (1964—1970). После переизбрания Джонсона в 1964 г. и решительной победы Вильсона в 1966 г. стало казаться, что левые „либералы“ окончательно взяли верх в обеих странах. Однако в то же время заявили о себе такие проблемы, как холодная война, распад империи, гражданские права и десегрегация, а позже Вьетнамская война и культурная реакция на вседозволенность 1960-х годов. Совокупным их итогом стало разочарование в кейнсианской политике, социальном государстве и корпоративской социальной демократии. Снизилось доверие к тем способам решения социально-экономических проблем, которые применяли в 1950—1960-е годы „либеральная“ Демократическая партия и социал-демократическая Лейбористская партия. Эти принципы послевоенного политического устройства утратили поддержку из-за массовой низовой оппозиции по таким жгучим вопросам, как расовая политика, иммиграция и антикоммунизм.

Сложившаяся общая картина все больше убеждала неолиберальных мыслителей — Фридриха Хайека, Людвига фон Мизеса, Милтона Фридмана, Джорджа Стиглера, Джеймса Бьюкенена, Гордона Таллока, их учеников и коллег — в том, что неолиберальные идеи практически и политически пригодны для решения проблем послевоенного периода. Хайек и Фридмен стремились воздействовать на интеллектуальный климат таким образом, чтобы за изменением политического контекста последовало изменение реальной политики. Ведь Новый курс 1930-х годов в США и реформы правительств Эттли в Англии 1940-х годов были подготовлены разработками „либеральных“

прогрессистов, социал-демократов и левых социалистов первой половины XX в. Эти „либерально“ - прогрессистские и левые интеллектуалы накопили идеологический капитал на обстановке, порожденной Великой депрессией и Второй мировой войной. Неолиберальные теоретики и идеологические предприниматели, продвигавшие их идеи в политику, следовали призыву Хайека, высказанному в статье «Интеллектуалы и социализм». Они стремились так преобразовать интеллектуальный и идеологический ландшафт, чтобы стали возможными конкретные политические успехи и политические реформы. Тем самым трансатлантический неолиберализм стал политическим течением, которое обладало соответствующим самосознанием и вышло за пределы собственно научной теории.

Первая часть настоящей главы посвящена некоторым общим тенденциям консервативной политики 1950—1960-х годов; сначала речь пойдет о США, а потом об Англии. Далее я перейду к людям и организациям, которые сыграли ключевую роль в формировании трансатлантического неолиберального сообщества. Но вначале мы обратимся к политическому контексту 1950—1960-х годов. Неолиберальное сообщество возникло в этой среде и как реакция на нее; именно в процессе реакции на многие особенности этой среды впервые заявили о себе неолиберальные аналитические центры и руководившие ими идеологические предприниматели.

США в 1950-е годы: политика коалиций и холодная война

Следует отличать трансатлантическую неолиберальную политику от других течений американского консервативного движения и британского Консерватизма 1950—1960-х годов⁶. И в США, и в Англии прорыночная экономическая теория (а также и политическая, как утверждали теоретики общественного выбора Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок) так или иначе была ответвлением правых убеждений, представлявших собой идеологическое (а в ряде случаев электоральное) неприятие большинства послевоенных реалий.

В 1952 г. Дуйат Эйзехауэр <победив Эдлая Стивенсона> забрал, наконец, Белый дом у Демократической партии, которая владела им 20 лет, — вначале при Франклине Рузвельте

(1932—1945), а потом при Гарри Трумэне (1945—1952). Годом раньше Консерватор Уинстон Черчилль вернулся к власти после победы над лейбористским премьером Клементом Эттли, правительство которого к 1951 г. выполнило намеченные задачи и утратило энергию. Спокойная атмосфера 1950—1960-х годов при правительствах Черчилля, а потом Идена и Макмиллана, была нарушена лишь однажды, во время Суэцкого кризиса (1956—1957): с ним пришло шокирующее осознание того, что Англия больше не играет прежней роли в мире⁷.

Правительства обеих стран, которыми руководили ветераны мировой войны (а иногда даже двух), были по своему характеру центристскими. Их покрывали все еще болезненные шрамы войны и экономической депрессии. Ни в одной из двух стран республиканские и Консервативные лидеры не подвергали серьезной критике деятельность своих демократических и лейбористских предшественников и уж тем более не считали ее неприемлемой. Однако, как показывают недавние исследования, за этой благостной внешностью национальной политики 1950—1960-х годов в обеих странах нарастал недовольный ропот правых. Все они, начиная с низового уровня и до интеллектуалов, напоминали растревоженный улей; становилась очевидной широкая неудовлетворенность официальной политикой Республиканской и Консервативной партий. В США возбужденные, подчас остропротестные настроения, подогреты антикоммунизмом и сопротивлением движению за гражданские права, способствовали подъему консервативного движения. В Англии это явление не носило столь массового и впечатляющего характера, но там зрело недовольство среди бедных белых представителей рабочего класса, принимавшее острые и порой расистски окрашенные формы. Эти разрушительные эмоции вырвались наружу в 1958 г., когда в лондонском районе Ноттинг-Хилл произошли нападения на цветных иммигрантов и погромы. Яростные призывы к насилию раздалась в 1968 г. вслед за печально известной антииммигрантской речью Эноха Пауэлла «Реки крови».

Очень важно хотя бы кратко описать тот общий исторический контекст, в котором действовали неолибералы и их трансатлантическое сообщество. Экономические, религиозные, культурные приоритеты разных групп американских правых подчас конфликтовали друг с другом, и чтобы консерватизм не утратил целостность, их следовало как-то примирить.

Смесь экономических, религиозных и культурных вопросов, неизменно присутствовавшая в политических дебатах, отличалась в США особой взрывоопасностью, поскольку на нее накладывалась вездесущая расовая проблема. Экономические консерваторы хотели возродить политику свободного рынка и заменить ею государственную активность эпох прогрессизма и Нового курса. Социальных консерваторов сильно беспокоили неурядицы в социальной и расовой организации общества, вызванные совместным воздействием движения за гражданские права и институтов социального государства. Культурные консерваторы руководствовались своими религиозными убеждениями относительно превосходства христианской нравственности и вообще относительно иудео-христианской традиции. При этом религиозные правые в собственном смысле появились, чтобы распространять евангелическое влияние, позже, в 1970-х годах. Но и в 1950-е годы существовало мощное течение традиционной консервативной мысли; оно было не столь фундаменталистским, как то, которое пришло ему на смену, но весьма влиятельным. Отличительной особенностью консервативного возрождения 1950—1960-х годов можно считать способность разнородных элементов этого движения объединяться под лозунгами антикоммунизма и прав штатов. Последнее обстоятельство позволяло уважаемым нерасистским республиканским политикам зарабатывать капитал, например, на недовольстве десегрегацией в южных штатах.

Чреватое конфликтами объединение на основе разноплановых экономических, социальных и культурных мотивов консерваторам удалось сохранить во многом благодаря формированию альтернативного истеблишмента, призванного составить конкуренцию „либеральному“ влиянию. В своей классической книге «Консервативное интеллектуальное движение в Америке» Джон Нэш обращает внимание на то обстоятельство, что в США консерватизм руководствовался многочисленными и разнородными побуждениями. При этом, указывает Нэш, «сам поиск самоидентификации выступал в качестве одного из наиболее сильных мотивов для многих ветвей консервативной мысли после Второй мировой войны»⁸. В 1950—1960-е годы консервативное движение было еще недостаточно сплоченным для того, чтобы претендовать на существенное политическое влияние. Но залог его будущего успеха отчетливо намечался в теоретической работе консервативных интеллектуалов

и росте низовой активности, особенно заметной в пригородах Юга и Запада, населенных новым поколением преимущественно белых зажиточных людей⁹.

В 1950-е годы в американском консерватизме выделились три четко очерченные группы. Первая — «новые консерваторы» и традиционалисты, представленные такими фигурами, как Ричард Уивер, Рассел Кирк, Питер Вирек и Роберт Нисбет. «Шокированные тоталитаризмом, — пишет Нэш, — тотальной войной, и ростом атеистического, лишенного корней массового общества в 1930—1940-х годах, «новые консерваторы» испытывали потребность вернуться к традиционным религиозным и этическим ориентирам и решительно отвергали “релятивизм”, который, по их мнению, уже разрушил западные ценности и породил нетерпимую пустоту, тут же заполненную демоническими идеологиями». Ко второй группе принадлежали убежденные антикоммунисты, такие, как Уиттакер Чамберс, Джеймс Барнем и Фрэнк Мейер, «бывшие левые», которые, по словам Нэша, «привнесли в ряды послевоенных правых глубокое убеждение в том, что Запад вовлечен в титаническую борьбу с непримиримым врагом, коммунизмом, и этому врагу нужно не что иное, как завоевание всего мира»¹⁰. Третью группу составляли сами неолбералы (в Америке они предпочитали называть себя либертарианцами), испытывавшие наибольшее влияние Хайека, Фридмена и их коллег. В частности, в послевоенный период своего рода библией американских консерваторов стала «Дорога к рабству» Хайека (не без помощи его презентационного турне).

В 1950-х — начале 1960-х годов эти три притока вливались в реку интеллектуальной жизни правых и формировали основу для роста консервативного истеблишмента, призванного одержать верх на „либеральными“ оппонентами. В те же годы появился целый ряд организаций, периодических изданий и журналов, распространявших консервативные идеи в более широких кругах. Например, Фрэнк Ходоров в 1953 г. создал Межуниверситетское общество индивидуалистов (ISI); оно занималось тем, что предлагало студентам в кампусах по всей Америке дополнительное образование в таких областях, как свободный рынок и иудео-христианская традиция. Первый президент общества и большой друг Фридмена Уильям Бакли-мл. в 1955 г. основал журнал «National Review». Его книга «Бог и человек в Йеле» (1951), одно из самых плодотворных консервативных

сочинений того периода, порицала „либеральный“ академический истеблишмент (в частности, ставший хрестоматийным примером экономический факультет Йельского университета) за утрату веры в индивидуализм. По словам Бакли, эта книга написана для того «чтобы выставить на всеобщее обозрение то, что я считаю крайне безответственным подходом к образованию. Под прикрытием удобного лозунга «академической свободы» сложилась, пожалуй, самая нетерпимая ситуация нашего времени: учебное заведение [Йельский университет] получает моральную и финансовую поддержку от христианских индивидуалистов, а потом добивается того, чтобы сыновья этих благодетелей стали атеистическими социалистами»¹¹.

Целый ряд других важных книг опубликовали «новые консерваторы» и эмигранты из Европы — «отец неоконсерватизма» Лео Штраусс, философ Эрик Фёгелин, либертарианский критик и теоретик образования Альберт Нок¹². Американский критик и писатель Рассел Кирк предпринял в своей книге (написанной на основе его докторской диссертации «Консервативный разум» и вышедшей в свет в 1953 г.) самую всестороннюю переформулировку консервативных принципов. Рассматривая художественную литературу, философию и историю, книга описывает религиозные основания западной цивилизации и вновь обращается к доводам Эдмунда Бёрка о ценности обычая и традиции. Общим фоном всех этих проявлений консервативной мысли служило вновь окрепшее убеждение в непреходящем, освященном веками достоинстве иудео-христианской традиции — убеждение, которое в особенности разделял Хайек. На этом основании, утверждали консерваторы, выросли добродетели и истины, которые были необходимы для борьбы в холодной войне и тут же пали под ударами „либеральной“ Америки. Консерваторы считали, что „либеральный“ истеблишмент (политический и образовательный) не заинтересован в сохранении и распространении иудео-христианского наследия — первоисточника всех политических и экономических свобод, которые являются отличительным свойством Запада. Однако всей этой критике не хватало одной очень важной вещи: она не предлагала никакого способа слить отдельные выступления воедино, в некое целостное «движение», объединяющее традиционалистов, экономических и культурных консерваторов. Эту задачу предстояло решить Уильяму Бакли-мл.

Бытует мнение, что конвергенция культурной и экономической политики правых наметилась еще в довоенный период. Однако появление специфически новых форм консерватизма, безусловно, относится к 1950-м годам¹³. Одновременно складывался новый политический климат, отличавшийся резкой антикоммунистической направленностью; этому способствовали начало холодной войны и параноидальная истерия, инициированная и подогревавшаяся Джозефом Маккарти в начале 1950-х годов. Маккартизм был предельно широким выражением цели, способной объединить консерваторов самого разного толка. Кроме того, антикоммунизм Маккарти представлял собой важную подготовительную стадию в формировании политической терминологии и риторики правых. Термины «коммунизм» и «коммунистическое влияние» стали прикрытием для любого недовольства. Насколько можно судить, такая это началось еще в эпоху Нового курса, когда правые критики Рузвельта (часто называвшие себя подлинными либералами) клеймили многие политические решения как коммунистические или социалистические. В 1930-х годах обвинения с применением такой ассоциативной лексики стало излюбленной тактикой консервативных противников Нового курса, и эта тенденция получила пугающее развитие в первые послевоенные годы, когда главным жупелом вновь была объявлена «красная угроза»¹⁴.

Подобная риторика умело использовалась в протестных кампаниях против десегрегации и движения за гражданские права, которое в конце 1950-х — начале 1960-х годов возглавляли Мартин Лютер Кинг и «Конференция руководства христиан Юга». Поначалу победы в риторических схватках одерживали борцы за гражданские права и их белые либеральные сторонники; они умело использовали лексику Конституции США и зывали к универалистским понятиям свободы и всеобщего равенства перед законом. Но после таких законодательных побед, как Закон о гражданских правах (1964) и Закон об избирательных правах (1965), движение за гражданские права начало дробиться, и республиканцы получили возможность принять новую стратегию, чтобы использовать межрасовую напряженность, особенно острую в бедных районах городов Севера. В 1968 г. на смену неприкрытому расизму сторонников господства белых пришла более тонкая «южная стратегия» Никсона, рассчитанная на предположи-

тельно богобоязненное «молчаливое большинство», которое не хотело насилия и нестабильности.

По мнению Мэтью Лэсситера, эксплуатация расовой проблемы была глубинным последствием того обстоятельства, что на Юге и на Западе сложился сильный слой зажиточных обитателей пригородов, который стал доминировать на политической арене¹⁵. Лидеры республиканцев нашли нужный язык, отвечавший умонастроению и заботам недовольных белых; отчасти он был наследием мятежных президентских кампаний Джорджа Уоллеса в 1960-е годы¹⁶. Но не менее важно и то, что преимущественно белые, зажиточные пригороды Ричмонда, Шарлотты и Атланты сами вернулись к риторике гражданских прав, ибо их решительно не устраивала политика перевозки школьников из одного района в другой с целью социальной и расовой дегрегации. Как полагает Лэсситер, молчаливое большинство сплотилось на позиции «расово-непредвзятой презумпции невинности жителей пригородов; с их точки зрения, сегрегация по месту жительства была классовым последствием меритократического индивидуализма, а вовсе не антиконституционным продуктом сознательно-го расизма»¹⁷. Чтобы воспрепятствовать «интегрированию» своих школ, активисты антиавтобусного движения апеллировали к равным правам и Конституции, доказывали, что правительство должно оставить их в покое и не вмешиваться в жизнь местных сообществ. В результате границы расовой политики были переопределены таким образом, что язык гражданских прав стал средством, с помощью которого благополучные белые районы отстаивали воспроизводство сложившегося социального и расового неравенства.

Манипулирование языком обычно практиковали в своих нападках на Новый курс и Великое общество также и различные нелиберальные аналитические центры, в частности Институт экономических дел и Фонд экономического образования. Если говорить о мягком английском варианте такого использования терминологии, то политики-консерваторы обычно обзывали членов Лейбористской партии «социалистами», хотя в тот период Лейбористская партия по-прежнему считала себя социалистической, хотя и не марксистской. Многие из тех, кто финансировал аналитические центры, принадлежали к деловым кругам, настроенным против Нового курса. В их числе были, например, менеджер по рекламе Лоренс

Фертиг и производитель рамок для фотографий Уильям Волкер. Эти люди и организации осуждали программу Рузвельта как социалистическую. Как показали Элизабет Фоунс-Вулф и Ким Филлипс-Фейн, после войны коалиция враждебных Новому курсу бизнесменов провела ответные активные рыночные кампании¹⁸. Такие корпоративные руководители, как Джаспер Крейн из *Du Pont Chemicals* и Лемюэл Булвер из *General Electric*, приняли на вооружение новые стратегии для борьбы с рабочим движением и нападок на социальное государство. Финансовая помощь Крейна была жизненно важна для Общества Мон-Пелерен на начальном этапе его существования. В 1950-х годах это поколение оппозиционных Новому курсу бизнесменов-консерваторов стало одной из ветвей правого движения. Бизнесмены-консерваторы были наиболее близкими союзниками неолибералов, поскольку особенно хорошо осознавали важность свободной деятельности рынка и корпораций.

Маккратизм представлял собой самый крайний образец напряженной атмосферы 1950-х годов, но антикоммунизм отнюдь не был достоянием одних лишь фанатиков. Многие демократы тоже считали себя бойцами холодной войны, желавшими уничтожить «зло» коммунизма не меньше, чем их республиканские оппоненты¹⁹. Это не значит, что не было никакого различия между позициями разных антикоммунистов, например между антикоммунизмом труменовской политики сдерживания и антикоммунизмом тех, кто призывал бомбить Китай или выжить из США „либералов“ Нового курса как «коммунистических приспешников». Однако в данном случае для нас важно то, что антикоммунистическая патетика оказала сильное влияние на формирование американского консерватизма и привела к его подъему. В данном случае общий термин «коммунистический» получил новое содержание, отличавшееся даже от его исходного значения в эпоху Нового курса.

Исследование Лайзы Макгирр, посвященное калифорнийскому округу Ориндж, проясняет связь между эпохой Маккарти и проблемным десятилетием 1960-х годов. По ее мнению, откровенный махровый антикоммунизм послужил тем средством, с помощью которого активисты-консерваторы атаковали позиции „либерализма“ в целом: «В округе Ориндж этот вариант был общепринятой схемой, которая включала в себя не просто отрицание организации общества по советскому типу,

но и отрицание коллективизма в любых его формах, включая федеральные регулирующие органы, социальное государство и „либеральную“ политическую культуру»²⁰. Макгирр рассматривает обыденную жизнь небольшого поселения на американском Западе в 1950—1960-х годах и показывает, как на нее влияла деятельность таких организаций, как Общество Джона Бёрча, Школа антикоммунизма и Молодые американцы за свободу. Ревностные активисты проводили кампании против «прогрессистского образования» Дьюи, Американского союза гражданских свобод и посягательств федеральных властей. В 1950—1960-е годы антикоммунизм служил respectable прикрытием страхов и недовольства консерваторов по поводу того, что американское общество становится все более „либеральным“ и терпимым.

Макгирр проливает свет на некоторые противоречивые явления, самым непосредственным образом связанные с оживлением консерватизма после Второй мировой войны. Например, в среде консервативных активистов округа Ориндж отношения между традицией и современностью явно были весьма сложными: «Хотя многие активисты были выходцами из сельской местности или небольших городков Среднего Запада или пограничного Юга, неверно будет характеризовать их деятельность как арьергардные бои против «современности» (как часто утверждают современные обозреватели). <...> Эти люди не отвергали современность как таковую, но принимали ее избирательно. Они отвергали определенные вещи, обычно отождествляемые с современностью, — а именно секуляризм, релятивизм и эгалитаризм — в убеждении, что настоящая современная жизнь может и должна обойтись без этого; вместе с тем они одобряли безусловно современный образ жизни»²¹.

Та же самая проблема высвечена в исследовании Грегори Шнейдера, посвященном истории организации Молодые американцы за свободу (YAF). Основание организации провозгласил Стэнтон Эванс в доме Уильяма Бакли в Шароне, шт. Коннектикут, в 1960 г. Она стала важным каналом мобилизации молодых правых и сыграла очень важную роль в захвате консерваторами Республиканской партии²². Шнейдер считает, что Молодые американцы — это первое проявление почвенного консерватизма, которое вплоть до последнего времени не привлекало внимания. Согласно Шнейдеру, «то, чего историки долго не признавали, но теперь начинают признавать, — это

традиция консервативной политики в Америке: она, ее ключевые принципы и политические приемы в конечном счете и позволили ей активизировать свою политическую деятельность и захватить крупную политическую партию»²³. Эти научные работы показывают, что параллельно росту религиозных правых набирал силу низовой активизм, подпитывавший консервативное движение. Антикоммунизм и противодействие движению за гражданские права оставались самыми важными объединяющими мотивами консерватизма в США даже после всех эксцессов маккартизма в начале 1950-х годов.

Как показал журналист Э. Дж. Дионн в книге «Почему американцы ненавидят политику», основы будущих успехов консерваторов были заложены идеологическими дебатами, сформировавшими политику коалиций в 1950-х годах. По мнению Дионна, «первый политический прорыв консерватизма был именно интеллектуальным прорывом»; его подготовил успех Уильяма Бакли и его коллег, достигнутый «благодаря теоретическому компромиссу между теми консерваторами, кто почитал традицию и религию, и теми, кто превыше всего ценил свободную рыночную экономику»²⁴. Этот теоретический компромисс 1950-х — начала 1960-х годов стал возможен благодаря холодной войне и объединительному потенциалу антикоммунизма, которому удалось сплотить правых и консерваторов всех направлений.

Конвергенция культурного и экономического течений консерватизма на основе антикоммунизма стала предвестием последующих электоральных успехов Рональда Рейгана и отступления более интернационалистского „либерального“ республиканизма, самым недавним представителем которого был Джордж Буш-мл. Успешное слияние культурного и экономического течений консерватизма сопровождалось отходом Юга от Демократической партии после решения Верховного суда по делу «Браун против Совета по образованию Топики» (1954), подтвердившего незаконность сегрегации в государственных школах. Протестная политическая программа губернатора Алабамы и кандидата в президенты от сегрегационистов Джорджа Уоллеса вкупе с избранием Никсона привели к политической перегруппировке, выгодной для консервативного движения и Республиканской партии. Решение по «Делу Брауна», движение за гражданские права и реакция на него, как мы уже видели, способствовали «оужнению» аме-

риканской политики, опиравшемся на позицию обитателей состоятельных пригородов Юга и Запада. Правда, консерваторы смогли получить стабильное большинство голосов только в конце 1960-х годов, когда достаточное количество отдельных групп объединилось в оппозиции к явным провалам „либеральной“ Америки, которую возглавляли президенты Джон Кеннеди и Линдон Джонсон. Для того чтобы такое большинство, наконец, сформировалось, потребовалось полное слияние очень разных экономических, политических, культурных и особенно религиозных интересов. Кроме того, нужна была многообещающая политическая программа и список конкретных мер, которые можно было бы предложить американцам.

Неолибералы сделали свой вклад в эту альтернативную программу, а продвигавшее их идеи трансатлантическое сообщество варилось и кристаллизовалось в бульоне других оппозиционных направлений. Неолиберальная программа оказалась вполне совместимой со всеми активными группами консервативного спектра — антикоммунистами, традиционалистами, клерикалами и сторонниками широкой конвергенции, — которые на протяжении почти всего этого периода оставались вне господствующей политики. Радикальный индивидуализм, отличавший умонастроение Хайека, Фридмена и других неолибералов, служил своего рода выпускным клапаном обширного резервуара американских консервативных настроений. Выводы, вытекавшие из их критики государственного сектора, общественных интересов и государственного управления, были созвучны настроениям самых жестких оппонентов прогрессизма, Нового курса и Великого общества. Это совпадение существенно помогало находить в США финансирование для неолиберальных аналитических центров и их проектов по изучению социально-экономической политики.

147

Английский консерватизм в 1950-е годы

Британская Консервативная партия в 1950-е годы порой предпринимала похожие шаги, но общий социально-политический фон ее деятельности был иным. В Англии не было ничего подобного маккартизму или междоусобной борьбе по поводу десегрегации. Если говорить о политике, то лидеры Консервативной партии 1951—1964 гг. по большинству вопросов

достигли компромисса с программой Лейбористской партии 1945 г. Рэб Батлер, последовательно занимавший в 1950—1960-е годы посты министра финансов, министра внутренних дел и заместителя премьер-министра, суммировал эту позицию, оглядываясь на послевоенные политические заявления, следующим образом: «Мы выражали нашу глубокую веру в демократическую свободу и наше стремление правильно поддерживать баланс между личной независимостью и властью государства. Мы демонстрировали нашу решимость поддерживать и улучшать социальное обеспечение». Главную задачу Консервативной партии и страны в послевоенные годы он сформулировал так: «Самый насущный вопрос сегодня — это как отразить опаснейшую угрозу коммунистического империализма и как наилучшим образом сохранить то, чего мы уже достигли в плане благосостояния и социального обеспечения»²⁵. Консерваторы, подобные Рэбу Батлеру, гордились тем, что добились повсеместного роста уровня жизни и создали надежно финансируемую систему государственного обеспечения. Заявления Батлера отлично передают суть политической атмосферы «батскеллизма» — той по преимуществу социал-демократической политики, которой придерживались лидеры лейбористов Хью Гейтскелл и сам Батлер, который в 1944 г. провел закон о всеобщем государственном образовании, известный как Закон Батлера.

Однако в послевоенные десятилетия в Англии, как и в США, на фоне соглашений между политическими элитами происходили изменения в социальной и расовой структуре общества. Иммигранты из бывших колоний, из Азии и Вест-Индии, приезжали в Англию, создавая дополнительную нагрузку на систему социального обеспечения. Новое мятежное молодое поколение начало бросать вызов истеблишменту, менять массовую и политическую культуру. Эти процессы, конец империи, социальные и культурные революции 1950—1960-х годов вызывали у многих рядовых Консерваторов чувство глубокого разочарования в партийных лидерах, которые, как оказалось, не только не противодействовали происходившему, но порой даже способствовали ему. В это же время новая группа молодых членов парламента от партии тори и интеллектуалов — таких как Энох Пауэлл, Йэн Маклеод и Джеффри Хоу, — занялась пересмотром Консервативных установок, подвергнув сомнению вообще всю программу государства благосостояния

и национализации, которую осуществляли лейбористские правительства 1945—1951 гг.

В начале 1950-х годов в Консервативной партии возникли сразу несколько групп, предлагавших сформулировать новую политическую повестку. Появление таких групп, как «Одна нация» (1950) и Группа Бау (1951), ознаменовало собой попытку заставить партийное руководство принять более энергичную и самостоятельную политику, чем политика соглашения с лейбористами, которую проводили Черчилль, Макмиллан и Батлер. Как показал историк Ивен Грин, эти группы разделяли недовольство широких слоев среднего класса, связанное с инфляцией, профсоюзами, налогами и компромиссом с лейбористами по вопросам социального обеспечения и социальной политики. По мнению Грина, это широкое недовольство приобрело отчетливую форму в 1956 г., когда появились такие протестные организации, как Альянс среднего класса (МСА) и Народная лига защиты свободы (PLDF): «Обе они в высшей степени критически относились к послевоенным экономическим и социальным реформам»²⁶. На дополнительных выборах 1956 г. в Танбридж Уэлсе и 1957 г. в Торки, Эдинбурге и Ипсвиче Консерваторы получили меньше голосов. А выборы в Льюисхэм Норте в 1957 г. и Торрингтоне в 1958 г. они просто проиграли. Во всех этих избирательных округах была значительная прослойка среднего класса. И в Альянсе, и в Народной лиге состояли главным образом «естественные» Консервативные избиратели, которые выступали за более свободную рыночную политику и ограничение власти профсоюзов²⁷.

Группа «Одна нация», которую возглавляли Энох Пауэлл, Энгус Мод и Йэн Маклеод, стремилась внедрить рыночное мышление в самую сердцевину государственной политики тори. Основной настрой их пропагандистских брошюр с такими названиями, как «Одна нация» (1950), «Социальное обеспечение: нужды и средства» (1952), «Перемены -- наш союзник» (1954) и «Ответственное общество» (1959), отражал требования Альянса и Народной лиги. Предложенные программы почти не соприкасались с неолиберализмом в версии Хайека и Фридмена. В частности, члены «Одной нации» весьма скептически оценивали применимость идей Хайека в условиях Англии 1950-х годов. Как пишет Грин, «в брошюре “Ответственное общество” “Одной нации” правильно отмечено, что Хайек был “вдохновителем” речи о “гестапо”, которую

Черчилль произнес в 1945 г. [в ней он предположил, что приход лейбористов к власти может превратить Англию в полицейское государство], и вместе с тем сказано, что Хайек вдохновил «мало кого еще в то время» или с тех пор, поскольку доводы в пользу самостоянья (*self-help*)^{*} вышли из моды. Однако они чувствовали, что, по мере того как 1950-е годы подходили к концу, настроение менялось в более благожелательном к Хайеку направлении. В 1968 г. идеи Хайека вновь стали использоваться для либертарианской аргументации в рядах Консерваторов, и во многих отношениях показательным явлением стал возобновившийся рост уважения к Хайеку в Консервативных кругах»²⁸.

В отличие от Хайека, чья довольно фрагментарная социальная теория уделяла главное внимание значению экономических рыночных процессов, «Одна нация» приветствовала вклад Консервативной партии в построение английского государства благосостояния <т.е. системы социального обеспечения>. Вместе с тем она хотела дополнить этот социал-демократический элемент более радикальной экономической программой, основанной на рыночных принципах.

Основанная в 1951 г. Группа Бау была своего рода аналитическим центром внутри Консервативной партии; предусматривалось, что он будет «надфракционным», т.е. открытым для Консерваторов всех направлений. Хотя состав группы был довольно широким и разнообразным, ее председателями в 1950—1970-е годы были многие из тех, кто в 1980-е займет ключевые посты в правительствах Маргарет Тэтчер. В их числе будущие члены кабинета министров Дэвид Хоуэлл, Леон Бриттен, Майкл Ховард, Джон Макгрегор, Норман Ламонт и Питер Лилли. В 1950-е годы светилом группы был Джеффри Хоу; при Тэтчер, в 1979—1990 гг., он занимал посты министра финансов, министра иностранных дел и заместителя премьер-министра и подал в отставку, поскольку не был согласен со все более

* Во второй половине XIX в. в Англии и на рубеже XIX—XX вв. в России пользовались огромной популярностью работы Сэмюэла Смайльса, посвященные самовоспитанию. Одна из них называлась «Self-Help» (1859), в русском переводе «Самодетельность» (названия других: «Характер», «Долг», «Бережливость», «Жизнь и труд»). Русский перевод см.: *Смайльс С. Собрание сочинений* : в 6 т. (2 кн.) Петроград; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф, 6. г. — *Прим. науч. ред.*

авторитарным стилем руководства Тэтчер. Согласно Хоу, организаторы Группы Бау руководствовались примерно такими же мотивами, что и Хайек при создании Общества Мон-Пелерен, и, в частности, намеревались противостоять влиянию Фабрианского общества на политику Лейбористской партии²⁹. Группа выделила пять приоритетов: положение в стране, свободная рыночная экономика, традиция «Одной нации», мультирасовое Содружество и реалистическая оценка положения Англии в мире³⁰. По мнению Хоу, у Группы Бау было немало точек соприкосновения с «Одной нацией», Пауэллом и Маклеодом.

Группа Бау установила контакты с похожими группами в Америке. Общество Райпон при Республиканской партии было создано Эмилом Френкелем в 1961 г. как сознательное подражание Группе Бау³¹. Правда, Общество Райпон плыло против набиравшего силу в консервативной среде США радикального течения, поскольку громко выступало в поддержку движения за гражданские права. Группа Бау тоже занимала либеральную позицию по расовым вопросам. Первая ее брошюра «Цветные в Англии» (1951) была попыткой предложить решение проблем, связанных с иммиграцией в Англию из бывших имперских колоний. Трансатлантические контакты поддерживались и с помощью ежеквартального журнала группы, «Crossbow»³². Связи между этими двумя группами позволяют лучше понять разницу двух политических культур. Умеренная консервативная политика, сочетавшая социальный „либерализм“ со свободным рынком, все труднее находила себе место в Республиканской партии США. А в Англии социальный „либерализм“ и социальное государство шли рука об руку в политических программах Макмиллана и Батлера, почти не оставляя места для мер социально-экономической политики на основе свободного рынка. В Англии молодые Консервативные интеллектуалы, требовавшие обсуждения более радикальных мер внедрения свободного рынка, сталкивались с такими же трудностями, как и американские республиканцы, поскольку там в 1950—1960-е годы подобная позиция оставалась вне господствовавших партийных настроений. Но появление молодых лидеров «Одного общества» и Группы Бау показало, что в 1950—1960-е годы у нелиберальных идей появились шансы закрепиться в Консервативной партии, — по крайней мере в рамках экономической политики. Дело было только в том, что в целом эти возможности не

привели к смене ориентиров в сфере социально-экономической политики у партийного руководства.

Хотя волны иммиграции из бывших колоний порой накаляли обстановку, для политической ситуации в Англии не было характерно такое перманентное и сопровождавшееся насилием расовое противостояние, какое существовало в США. В Англии не происходило ничего подобного бойкоту автобусов в Монтгомери или событиям в Литл-Роке³³, но случались серьезные беспорядки, порожденные концом империи и ее превращением в Содружество, чему сопутствовала иммиграция. Конфликты по вопросам жилья, социального обеспечения и пособий обострялись по мере того, как ресурсы перераспределялись в пользу новых жителей. Иммиграция действительно провоцировала насилие на расовой почве и порождала возмущение, а также протесты против бессовестного поведения «домовладельцев-рахманистов», которые просто обирали бедных квартирантов в таких районах, как Ноттинг-Хилл (где обычно селились приезжие)³⁴. Типичной проблемой стала перенаселенность, которую в послевоенной Англии связывали с иммиграцией³⁵. Время от времени напряженность выливалась в погромы, которые обычно учинялись бандами белой молодежи; в качестве примеров можно упомянуть нападения на выходцев из Вест-Индии в Ноттинг-Хилле и Ноттингеме в конце лета 1958 г. Вспышки насилия шокировали тех, кто полагал, что в Англии не может быть ничего подобного расправам на расовой почве, происходившим на американском Дальнем Юге, или южноафриканскому апартеиду. По мнению историка Питера Хеннесси, «положение необратимо изменилось. <...> Общий акцент английской внутренней политики сместился, и очень скоро то же самое произошло в иммиграционной политике и иммиграционном законодательстве»³⁶.

Шок Ноттинг-Хилла обнаружил присутствие порожденного иммиграцией расового фермента. Расовые предубеждения сопровождали реальные опасения по поводу возможностей английской системы социального обеспечения, особенно сильные в перенаселенных и бедных городских районах. Для Консервативного правительства напрашивалось естественное немедленное решение: ограничить количество приезжающих. Оно и было в конце концов отражено в законе об иммигрантах из стран Содружества, принятом в 1962 г. Между тем данные потенциальным иммигрантам обещания, что они смогут

водить автобусы и мыть полы в больницах, был нарушены. Между 1958 и 1962 гг. в Англию въехали десятки тысяч уроженцев Карибского региона и Южной Азии, спешивших успеть до принятия закона. Иммиграция стала главным вопросом, вокруг которого в 1950—1960-е годы сплотились расисты и симпатизировавшие им малообеспеченные рабочие слои. Энох Пауэлл, вождь «Одной нации» и министр здравоохранения в кабинете Макмиллана, вдохновил противников иммиграции своей речью «Реки крови», которая, по его словам, была обращена ко всем женам и матерям³⁷. Хотя проблема расы и иммиграции действительно время от времени приобретала остроту для некоторых групп населения, историк Доминик Сэндбрук не без сарказма отметил, что Англия в этот период была «чистым экспортером людей»: из нее выезжало значительно больше, чем въезжало³⁸. Англию покидало большее количество людей, уезжавших главным образом в бывшие доминионы, — Канаду, Австралию, Новую Зеландию, — чем приезжало в нее из стран Содружества.

Однако негодование и недовольство по поводу расовых, иммиграционных и жилищных проблем, к которому примешивались конфликты по поводу социального обеспечения, не преобразовалось в Англии в торжество рыночных идей. Разницу позиций английских и американских консерваторов резюмировал Алек Дуглас-Хоум (в 1963—1964 гг. он ненадолго сменил Макмиллана на посту премьер-министра от Консерваторов). В представленной ему информационной записке говорилось, что последствия победы Голдуотера будут «настолько ужасны, что их невозможно предугадать». Хьюм приписал на полях такое резюме: «Просто ужасно, что при всем том, что он писал и говорил, его выдвинули кандидатом; кампанию он организовал превосходно. Думаю, это показывает, насколько же люди легковерны»³⁹. Лорд Харлех, английский посол в США при Хоуме, сообщал премьер-министру о митинге в поддержку Голдуотера примерно в таких же выражениях: «Это напоминало собрание религиозных фанатиков, чей кандидат заявляет, что США созданы Богом для выполнения некоего высшего замысла». По всей вероятности, добавил посол, победа Голдуотера приведет к «быстрой рецессии и большой безработице, а это, в свою очередь, повлечет за собой введение дополнительных протекционистских мер для американской промышленности»⁴⁰.

Презрительно-высокомерные отзывы патрицианской элиты о республиканизме Голдуотера весьма показательны для убеждений лидеров Консервативной партии в 1950—1960-е годы. Но недовольство низов правого крыла обнаружило всю ограниченность поддержки, которой пользовались возвышенные воззрения политического руководства. Настроения, окрепшие как среди молодых интеллектуалов Консервативной партии, так и среди рядовых ее членов, свидетельствовали о том, что возникло пространство для новой политической программы. Этот потенциал питали неудачи лейбористов при Гарольде Вильсоне. В частности, с треском провалился затеянный им эксперимент с национальным планом, для выполнения которого в 1964 г. было создано министерство экономики (под началом непоследовательного и плохо предсказуемого заместителя Вильсона Джона Брауна), действовавшее в пику казначейству. Экономическую политику правительства Вильсона окончательно дискредитировали регулярно повторявшиеся в 1960—1970-е годы кризисы платежного баланса. Именно к этой головоломной мешанине проблем и практических действий и приложило свои плодотворные усилия неолиберальное сообщество ученых, аналитических центров, фондов и журналистов.

Неолиберальная организационная структура в 1950—1960-е годы

Неолибералы были лишь одной из групп и аморфных ассоциаций, которые вливались в русло консервативной политики в Англии и США. Что касается Англии, то там к голосам адептов неолиберализма, — скажем, из Института экономических дел (ИЭД) — в лучшем случае не прислушивались. А в худшем их считали людьми неадекватными, поскольку они твердо выступали за рыночные решения политических проблем, — что, по мнению большинства, противоречило всей накопленной мудрости экономической политики. Именно с таким отношением сталкивались директор ИЭД Ральф Харрис (хотя он раньше читал лекции по экономике в университете Сент-Эндрюс) и главный редактор Артур Селдон (тоже журналист и ученый). В США убеждение в превосходстве рыночной экономики было гораздо ближе к политическому

мейнстриму. Но даже если индивидуалистическая политическая культура Америки делала ее более благоприятной средой для усвоения идей Милтона Фридмена и Фридриха Хайека, то американский политический истеблишмент 1950—1960-х годов не менее твердо придерживался общей логики разных видов кейнсианского управления спросом. Поэтому и в США неолибералы тоже плыли против течения.

153

Вторая идея, высказанная Хайеком в статье «Интеллектуалы и социализм», Милтон Фридмен со своего плацдарма в Чикагском университете тоже призывал к идейному перелому, который мог бы в конце концов изменить послевоенный идеологический ландшафт. Поскольку между изменением «господствующей системы взглядов» и законодательной реакцией на него проходит определенное время, нужно сосредоточить усилия на трансформации идей: «Сейчас сложились все условия для того, чтобы заменить старую систему взглядов новой, чтобы создать стратегию, которой будут руководствоваться законодатели будущего поколения, — хотя на представителей нынешнего поколения она вряд ли окажет воздействие»⁴¹.

И Хайек, и Фридмен работали над созданием сообщества, предназначенного именно для этой задачи. Между 1943 и 1980 гг. сформировалась целостная сеть организаций и людей, которая распространила и популяризировала неолиберальные идеи настолько, что в конце концов они стали выглядеть как естественная альтернатива „либеральной“ или социал-демократической политике. И в США, и в Англии складывалось то, что журналист Сидней Блюменталь назвал «контристеблишментом», — структура, способная стать интеллектуальной опорой неолиберальной политики, выступавшей на сцену после все более явных провалов традиционно-кейнсианской экономической политики в 1970-е годы⁴². В 1950—1960-е годы трансатлантическое сообщество расширялось благодаря росту аналитических центров — «торговцев поддержанными идеями», в терминологии Хайека⁴³. Американские центры находились в особом положении, поскольку получали финансовую поддержку от деловых кругов, причем нередко от таких солидных и почтенных корпораций, как *Du Pont Chemicals*, *General Electric* или *Coors Brewing Company*.

Как показала Ким Филлипс-Фейн, американский бизнес руководствовался важными стратегическими соображениями,

когда финансировал аналитические центры и организовывал кампании за свободное предпринимательство и против профсоюзов или против жесткого регулирования правил найма рабочей силы. И успехи экономической политики деловых кругов выглядели выдающимися по сравнению, например, с довольно безуспешными стараниями христианских консерваторов остановить сексуальную и культурную революции 1960-х годов. Как отмечает Филлипс-Фейн, «к началу XXI в. стоявшие у власти консерваторы реформировали налоговый кодекс, государственное регулирование бизнеса и отношения между федеральными властями и штатами; в частном секторе доля членов профсоюзов среди рабочей силы снизилась до уровня, невиданного со времен, предшествовавших Новому курсу»⁴⁴. Сложившаяся в 1930—1940-е годы коалиция противников Нового курса стала движущей силой послевоенного возрождения рыночной идеологии, отвечавшей интересам корпораций. Как показала Филипс-Фейн, победа во Второй мировой войне стала и пропагандистским успехом, позволившим бизнесу противостоять закону Вагнера 1935 г. (он гарантировал работникам широкие профсоюзные права) и оптимистическим грезам „либеральных“ демократов о всеобъемлющем социальном государстве. Но программа нового поколения деловых лидеров сама по себе не была антигосударственной: «Они не заявляли, что защищают социальный порядок от хаоса перемен; напротив, они сполна использовали потенциал трансформации. Они хотели дать бизнесу больше полномочий, а не гальванизировать ушедшую традицию, и некоторые даже хотели использовать государство для проведения политики, дружественной бизнесу или рынку, — совершенно в духе неолибералов»⁴⁵. Новое унастроение деловой элиты способствовало быстрому развитию консервативной идеологической инфраструктуры, необходимой для инициирования политических реформ в Вашингтоне.

В США первыми крупными аналитическими центрами были Американский институт предпринимательства (АЕИ, основан в 1943 г.) и Фонд экономического образования (ФЕЕ, основан в 1946 г.). Институт предпринимательства вырос из Американской ассоциации предпринимательства (АЕА), ключевой группы противников Нового курса, которую в 1938 г. основал в Нью-Йорке Льюис Браун. Ассоциацию предпринимателей угнетала перспектива сохранения регулирования цен

и в мирное время, когда война будет выиграна. Ее руководство решило открыть офис в Вашингтоне и оттуда вести агитацию за свободное конкурентное предпринимательство. Как сказано в ежегодном отчете Института предпринимательства по случаю 60-летия со дня его основания, «новый офис Ассоциации предпринимателей, который впоследствии превратился в штаб-квартиру и из «ассоциации» в «институт», был предвестником двух очень важных процессов, ставших в последующие десятилетия реакцией на рост размера и власти федерального правительства: переезда деловых и торговых ассоциаций из коммерческих центров в столицу страны и возникновения «think tanks» [аналитических центров], занимающихся исследованиями социально-экономической политики»⁴⁶.

После первого успеха, отмены регулирования цен после войны, институт занялся юридическим анализом и новых предложений по изменению социально-экономической политики, а также начал выпускать собственные материалы по вопросам консервативной философии и философии свободного рынка. В 1954 г. заместителем директора стал Уильям Бэруди-старший; он провел обширную реорганизацию и в 1962 г. занял пост директора. Бэруди смог повысить авторитет института и привлечь к сотрудничеству ведущих ученых. В начале 1960-х годов членами ученого совета института стали Милтон Фридмен, Готфрид Хаберлер и будущий руководитель экономических консультантов Никсона Пол Маккракен. Хаберлер, как и Фридмен, состоял в Обществе Мон-Пелерен. Бэруди был главным консультантом Барри Голдуотера во время президентской кампании 1964 г. После того, как Бэруди-старший в 1978 г. передал бразды правления своему сыну, для института наступили тяжелые времена. Но несмотря на упадок, многие его сотрудники работали в администрации Рейгана, а сам институт претендовал на звание одного из главных американских аналитических центров наряду с „либеральным“ Брукингским институтом.

Фонд экономического образования в Ирвингтоне, штат Нью-Йорк, в 1946 г. основал Леонард Рид, главный управляющий Коммерческой палаты Лос-Анджелеса. Как и Институт предпринимательства, Фонд получал поддержку от многих видных бизнесменов, таких как Дэвид Гудрич из *Goodrich & Co.*, Г. Ланау, президент *William Volker & Co.* (а впоследствии также руководитель Фонда Волкера), Чарльз Уайт из *Republic Oil*.

Corporation, Джаспер Крейн из *Du Pont* и Дональдсон Браун из *General Motors*⁴⁷. Главной целью организации было экономическое просвещение политиков и широкой общественности по проблеме важности свободного рынка; для этого использовались учебные курсы, научные публикации, пропагандистские материалы, брошюры и книги, радиопередачи, лекции и специальные стипендии.

Леонард Рид с самого начала установил тесный контакт с Хайеком и привлек к сотрудничеству с Фондом экономического образования других неолиберальных авторов. Одну из первых публикаций фонда под названием «Крыши или потолок» (1946) написали Джордж Стиглер и Милтон Фридмен; она была посвящена ошибочности регулирования арендной платы⁴⁸. Людвиг фон Мизес тоже сотрудничал с фондом со времени его основания и написал для него работу «Запланированный хаос» (опубликована в 1947 г.)⁴⁹. В 1956 г. организация приобрела «The Freeman» — основанный в 1950 г. журнал прорыночного направления с редакцией в Нью-Йорке*. По словам Эда Крейна, который впоследствии возглавил Институт Катона, «многие представители моего поколения [Крейн родился в 1944 г.] скажут, что к этим идеям [свободного рынка] их привел «Freeman»»⁵⁰. Генри Хэзлит, один из основателей и вице-президентов фонда, член Общества Мон-Пелерен и редактор «Freeman», оглядываясь назад, отметил в 1984 г., что фонд пользовался большим влиянием как один из самых первых аналитических центров неолиберального направления: «Просто удивительно, как быстро работа Рида стала приносить значимые результаты. Впечатленный деятельностью Рида, Фридрих Хайек (он тогда жил в Лондоне) в следующем, 1947 г., нашел деньги на проведение конференции в Веве, Швейцария; на нее были приглашены 43 классических либерала из полудюжины стран, главным образом экономисты. В американскую группу из десяти человек вошли такие видные люди, как Милтон Фридмен, Джордж Стиглер и сам Леонард Рид. Это было начало Общества Мон-Пелерен, которое до сих пор энергично работает, пользуется огромным влиянием и насчитывает уже несколько сотен членов из десятков

156

* Об истории журнала «The Freeman» см.: Хюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013. С. 645—653. — Прим. науч. ред.

стран*. Через некоторое время проявился еще один эффект инициатив Рида: возникли другие либертарианские организации, действовавшие по образцу фонда. Болди Харпер, работавший в фонде экономистом с первого года его существования, в 1958 г. покинул организацию и в 1963 г. создал в Калифорнии свой Институт гуманитарных исследований. Энтони Фишер основал подобные организации в Англии [Институт экономических дел], в Канаде, а потом и здесь»⁵¹. Благодаря умению Рида находить финансирование Фонд экономического образования мог издавать публикации массовыми тиражами и широко их распространять, причем во многих случаях бесплатно (например, в 1946 г. было распространено 36 тыс. экземпляров статьи Фридмена и Стиглера). Рид и его фонд пользовались авторитетом и в Англии. Однако главный английский проводник идей свободного рынка в 1950—1980-е годы, ИЭД, считал себя организацией совсем другого рода.

Среди всех аналитических центров, созданных после Второй мировой войны, самую важную роль в разработке трансатлантической неолиберальной политики, особенно в Англии, сыграл Институт экономических дел. Его основал Энтони Фишер в 1955 г. Фишер полностью разделял убеждение Хайека в том, что в конечном счете к политическим переменам приводят идеи. С Хайеком он познакомился в 1945 г., когда еще планировал для себя традиционную политическую карьеру в партии тори и ходил на лекции Хайека в Лондонской школе экономики; Хайек предложил ему совместно работать над преобразованием интеллектуального ландшафта⁵². После того как организацию в 1957 г. возглавили Ральф Харрис и Артур Селдон, а Фишер нашел для нее деньги (Фишер был успешным предпринимателем и в 1950-е годы зарабатывал миллионы на птицефабриках), институт превратился в настоящее научное учреждение, гораздо более серьезное, чем Фонд экономического образования.

Фишер безоговорочно принял убеждение Хайека в том, что идеи обладают преобразовательным потенциалом, — убеждение,

* Об истории создания и эволюции Общества Мон-Пелерен см.: *Бёрин Э.* Великая революция идей: возрождение свободных рынков после депрессии. М.: Мысль, 2017; *Хьюльсманн Й. Г.* Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013. С. 619—625. — *Прим. науч. ред.*

которое Хайек высказал на их первой встрече*. Главную задачу института задним числом кратко сформулировал Джон Бланделл, президент Фонда «Атлант» в 1987—1991 гг. и директор института в 1993—2009 гг.: «Институт экономических дел с самого начала специализировался на научных публикациях для интеллектуальной аудитории, на работах, единственным предметом которых была — как говорилось в первой брошюре института — «экономическая истина», не искаженная сиюминутными «политическими соображениями». Целью этих усилий, по мнению института, было такое общество, где люди приобретут правильное представление о свободной рыночной экономике «наряду с правильным представлением о моральных основаниях, которыми диктуется приобретение

* Успешный 30-летний предприниматель и боевой летчик-истребитель Энтони Фишер, служивший в конце войны в центре по подготовке пилотов, прочитал сокращенный вариант «Дороги к рабству» по пути в Лондон и сразу же разыскал Хайека в Лондонской школе экономики, чтобы встретиться и поговорить. По воспоминаниям самого Фишера, между ними состоялся такой обмен репликами:

Фишер: Я разделяю выраженные Вами в «Дороге к рабству» беспокойство и озабоченность, поэтому я иду в политику, чтобы все исправить.

Хайек: Нет! Направление развития общества можно изменить только путем изменения идей. Прежде всего с помощью разумных аргументов необходимо завоевать умы интеллектуалов, учителей и писателей. А уже их влияние на общество обеспечит торжество этих идей, и политики последуют».

(John Blundell «Hayek, Fisher and The Road to Serfdom», in John Blundell, *Waging the War of Ideas*, 3rd ed. London, IEA, 2007, p. 84).

Казалось бы, между этим разговором и созданием ИЭД прошло 10 лет. Но можно считать и по-другому. За эти десять лет Фишер пробовал силы в различных видах бизнеса, пока наконец в октябре 1952 г. не привез из США идею фабричного выращивания кур. Основанное на этой технологии предприятие Buxted Chicken Co. начало работать в 1953 г., и к сентябрю появилась первая прибыль. Предприятие обещало быть крайне прибыльным, так как себестоимость куриного мяса сократилось в шесть раз. (Как говорила вторая жена Фишера Дориан, «Энтони сделал больше для того, чтобы курица оказалась в кастрюле каждой семьи, чем любой король или политик.») И уже буквально через год, в ноябре 1955 г., Фишер с двумя друзьями учредили трастовый фонд и основали Институт экономических дел. См.: John Blundell, *Waging the War of Ideas*, 3rd ed. London, IEA, 2007, p. 18, 51. — *Прим. науч. ред.*

и сохранение собственности, право каждого человека иметь доступ на свободные конкурентные рынки и необходимость надежной и честной денежной системы»⁵³.

Люди, подобные Фишеру, Риду и Бэруди, были несгибаемыми бойцами в идеологической войне под началом Фридмена и Хайека. После торжественного обеда в честь 30-летия института Фишер изложил Хайеку свое мнение по поводу того, какую роль в создании института сыграл счастливый случай: «Вот вы упомянули «счастливый случай» [на обеде]. Удача, конечно, важна, но правильно ли говорить о счастливом случае, когда человек находит то, что целенаправленно искал? В 1949 г. Ральф [Харрис] попробовал распространять свои идеи на собрании. Я там присутствовал в качестве председателя ассоциации Консерваторов моего округа; это было в субботу днем. Потом я постарался найти Харриса и рассказал о вашем совете. Он проявил интерес. Я записал его имя и адрес, но связался с ним только через 7 лет, когда у меня появились кое-какие деньги [на самом деле это произошло через 6 лет]. Разве это было не взаимное сознательное намерение, за которым последовало действие? И правильно ли здесь говорить о счастливом случае? Это, конечно, предмет интересный, но для одного письма слишком обширный. Так или иначе, идея, которую вы внушили мне в 1945 г., до сих пор набирает силу и приносит гораздо более важные результаты»⁵⁴. Институт наладил связи между английскими и американскими учеными, политиками, журналистами и аналитическими центрами⁵⁵. Институт приглашал этих людей на конференции и другие мероприятия, где обсуждались идеи свободного рынка. В свою очередь, они публиковали и пропагандировали свои политические предложения в средствах массовой информации и продвигали их в политических кругах.

Создав институт, Энтони Фишер, которого президент Фонда «Наследие» Эд Фелнер охарактеризовал как «выдающегося организатора и источник вдохновения», неустанно трудился над развитием сети подобных организаций по всему миру⁵⁶. При содействии организации, которую Фишер назвал Фонд «Атлант»*, в Северной Америке по образцу Института экономических дел были созданы такие аналитические центры,

* В честь знаменитой книги Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». — *Прим. науч. ред.*

как Институт Фишера в Далласе, Институт Фрэзера в Ванкувере, Манхэттенский институт в Нью-Йорке и Институт Катона, который сначала располагался в Сан-Франциско, а затем переехал в Вашингтон. Еще больше подобных организаций появилось после 1980 г., особенно в Восточной Европе и в странах бывшего коммунистического блока. Джон Редвуд — он входил в группу экономических советников Тэтчер и был министром в Консервативном правительстве Джона Мейджора — считал неолиберальный прорыв в Восточную Европу в 1990-х годах, после падения Берлинской стены, «революцией»⁵⁷. В 1990-е годы стало ясно, что наследие Фишера способствовало реформам в странах Восточной Европы. Фишер был провидцем: он замыслил свой проект в международном масштабе и стремился распространить рыночные неолиберальные идеи по всему миру.

Фишер регулярно писал Хайеку и рассказывал об успехах в развитии глобальной сети институтов. Например, в тот год, когда Рональд Рейган победил на президентских выборах, Фишер написал: «Насколько мне известно, 11 институтов сейчас либо находятся в стадии организации, либо уже начинают вполне эффективно работать. Я поддерживаю контакты с коллегами на всех континентах, и будь у меня время и деньги, мы бы запустили много других институтов. Что касается лично меня, то я только начинаю трудный этап в создании того, что мы с Ральфом Харрисом называем Фондом «Атлант»; в Англии и США он имеет статус организации, освобожденной от налогов. Я рассчитываю, что он послужит базой, на которой я смогу работать, не пересекаясь с существующими институтами. Кроме того, мне нужно, как это понятно, постоянно находить деньги, чтобы содержать сотрудников и платить за все мои поездки. Это никогда не было легко, но я всегда как-то справлялся. Грустно, конечно, что приходится этим заниматься, но поскольку затея с черепаками* принесла огромные убытки, собственных средств у меня не осталось»⁵⁸. В переписке между членами трансатлантического неолиберального сообщества

* В начале 1970-х годов Фишер создал компанию, которая предполагала разводить морских зеленых черепах для использования в пищевой и фармацевтической промышленности; однако в силу ряда причин проект, в который Фишер вложил все свои деньги, завершился полным провалом. — *Прим. перев.*

такие люди, как Фишер, предстают решительными борцами, способными найти деньги и наладить дело. Свои организации они использовали для активного возрождения идей свободного рынка в Англии, США и других странах. С помощью конференций, журналов и газет они знакомили политиков и бизнесменов с идеями и их авторами, — хотя определить меру непосредственного влияния аналитических центров на конкретную государственную политику затруднительно. Они укрепляли связи, установленные Обществом Мон-Пелерен, — скажем, такие связи, как между Хайеком и Фишером. Многие центры также поднимали авторитет свободного рынка в глазах общественного мнения с помощью своих публикаций, учебных курсов и работы в студенческой среде.

Ф. А. «Болди» Харпер основал Институт гуманитарных исследований (IHS); он работал в Фонде экономического образования, а в 1958 г. ушел и организовал собственный аналитический центр. Институт, созданный в 1961 г. в Калифорнии, первое время располагался в Менло-Парк под Сан-Франциско, а в 1985 г. переехал в Ферфакс, шт. Виргиния, поскольку организационно объединился с Университетом Джорджа Мейсона (там же обосновалась группа теоретиков общественного выбора Бьюкенена и Таллока, после ухода из Виргинского политехнического института). В конце 1980-х годов институт возглавлял Джон Бланделл, явивший очередной из многих примеров перекрестного опыления между этими неолиберальными организациями. Главными направлениями своей работы институт считал предоставление грантов и стипендий, организацию конференций, формальное обучение, консультационные услуги, публикации, снабжение ученых книгами и комплектование своей библиотеки⁵⁹.

Институт тесно сотрудничал с Хайеком, который — как и Рассел Кирк, Лео Штраус, Эрик Фёгелин и Альберт Джей Нок — в своей «Конституции свободы» подчеркивал важность «иудео-христианской этики». Эта этика была тем, что институт «считал проверенной временем квинтэссенцией человеческих открытий и опыта»⁶⁰. Пристальное внимание института к религиозным основаниям западной цивилизации напоминало позицию Поппера и Мизеса и служило одной из главных тем, сближавших неолибералов с консерваторами в 1950—1960-е годы. Буклет 1960-х годов, посвященный истории института, прямо цитировал слова Хайека о необходимости

создания неолиберальной интеллектуальной и политической стратегии: «Процесс революции в мышлении — будь она позитивной или негативной — описан многими вздумчивыми исследователями-историками. Профессор Ф. А. Хайек суммирует его так: «Опыт показывает, что как только основная масса интеллектуалов усвоит какую-нибудь систему взглядов, завоевание этими взглядами господствующего положения в политике становится лишь вопросом времени»⁶¹. В 1977 г. Хайек приехал в Америку в качестве приглашенного институтом исследователя, и в том же году институт провел конференцию по австрийской экономической школе. В 1980 г. он учредил Фонд Хайека для ученых. Подобно Фонду экономического образования, институт рассматривал себя прежде всего как образовательное учреждение, призванное поддерживать жизнеспособность идеалов свободного рынка и индивидуальной свободы.

Другими важными организациями подобного профиля в США были Американский фонд экономических исследований (АФЭИ) и Фонд свободы. Первый был основан в 1939 г. в Кливленде Фредом Кларком с целью продвигать идеи свободного рынка. В 1940-е годы АФЭИ переехал в Нью-Йорк, и к 1963 г. в его совете состояли Хайек, Энтони Фишер, английский экономист Грэм Хаттон и английский специалист по рекламе Джон Роджерс (в те годы глава компании *J. Walter Thompson*). Америку представляли Фридмен, Мизес, Рассел Кирк, Ричард Скейф, Уильям Бакли-мл. и Генри Хэзлит. После смерти Кларка в 1973 г. организация стала слабеть, поскольку теряла членов. «Фонд свободы» был основан в Индианаполисе в 1960 г. другим американским бизнесменом, Пьером Гудричем; задача фонда состояла в пропаганде либертарианских идей с помощью публикаций, коллективных мероприятий, учебных курсов и финансовой поддержки студентов и ученых. Он организует пользующиеся высокой репутацией семинары и коллоквиумы по проблемам политической и социальной теории, главной темой которых обычно служат те или иные аспекты индивидуальной свободы или жизненный путь определенного теоретика свободы. Фонд специализируется также на выпуске новых изданий текстов классических авторов, таких как Джон Локк, Адам Смит, Давид Юм, Джеймс Мэдисон, Александр Гамильтон, лорд Актон, а также работ Хайека, Фридмена, Мизеса, Бьюкенена и Таллока. Кроме того, фонд выпустил серию DVD-дисков с интервью

и интеллектуальными портретами видных английских и австралийских неолибералов, в том числе Питера Бауэра, Ральфа Харриса, Артура Селдона и Алана Уолтерса. Аналитические центры, подобные Фонду экономических исследований и Фонду свободы, видели свою задачу в предоставлении консервативным и либертариански настроенным ученым того, чего им никогда не дал бы господствовавший и общепризнанный „либеральный“ истеблишмент (т.е. университеты, раскритикованные в книге Уильяма Бакли «Бог и человек в Йеле»), — источников финансирования, исследовательских ресурсов и институциональной базы, не зависевшей от университетов.

161 *Вторая волна: прорыночные
аналитические центры 1970-х годов*

Второе крупное поколение исследовательских центров появилось в 1970-е годы, когда послевоенное устройство уже отмерло. В 1974 г. в Англии был основан Центр исследования социально-экономической политики (ЦИСЭП), представлявший собой вспомогательное подразделение Консервативной партии, занимавшееся разработкой социально-экономической политики; это произошло сразу после провального премьерства Эдварда Хита. Центр, созданный Альфредом Шерманом под патронажем сэра Кита Джозефа и Маргарет Тэтчер, опирался на идеи Хайека и Фридмена и должен был продвигать новую программу экономической политики, нацеленную на решение «проблемы» профсоюзов и обуздание инфляции. В отличие от большинства других исследовательских организаций, которые позиционировали себя как независимые от политических партий, ЦИСЭП получил четкую задачу: разрабатывать новые идеи для руководства партии тори. Бывший коммунист, Шерман добился того, что центр наряду с Институтом экономических дел стал главной движущей силой той радикальной перестройки политики Консерваторов, которую провела Тэтчер в 1970-е годы, когда возглавила парламентскую оппозицию. Шерман был человеком прямым и бескомпромиссным. В конце концов он начал критиковать Тэтчер, считая, что на своем посту она ведет себя слишком робко. Но Тэтчер всегда признавала ключевую роль Шермана в успехах экономической политики, которую она проводила во главе парламентской

оппозиции и во главе правительства. Центр неизменно оставался важным генератором идей для Консервативной партии.

ИЭД и, в меньшей мере, ЦИСЭП проделали основную работу по представлению идей Хайека и Фридмена широкому общественному вниманию в Англии. Как писал в 1978 г. в газете «*Telegraph*» Джек Брюс-Гардайн, член Консервативной партии и журналист, они обеспечили «общественную платформу» для этих «ученых-диссидентов» и оказали влияние на таких известных журналистов, как Сэмюел Бриттен и Уильям Рис-Могг, и на будущего министра финансов Найджела Лоусона⁶². ИЭД, как впоследствии и ЦИСЭП, пользовался большим авторитетом среди видных политиков Консервативной партии. Джеффри Хоу, Найджел Лоусон, Норман Ламонт и Леон Бриттен, министр внутренних дел при Тэтчер и брат экономического обозревателя-монетариста Сэмюэла Бриттена — все они признают ведущую роль ИЭД в распространении рыночных идей в 1960—1970-е годы⁶³. На торжественном обеде по случаю 30-летнего юбилея ИЭД Маргарет Тэтчер высказалась примерно в том же духе, что и Рейган в выступлении в Фонде «Наследие» (отрывок из его речи приведен в начале главы): «Всякого, кто осмеливался бросить вызов господствовавшему умонастроению послевоенного консенсуса, осмеивали, осуждали, критиковали, порицали и презрительно называли человеком реакционным, жалким или невежественным. <...> ИЭД осмелился бросить такой вызов. Вы, в отличие от столь многих других, не стали говорить: «А что может сделать горстка людей посреди несметного большинства?» <...> Вы решили выступить, изменить общественное умонастроение. <...> И когда вы, проявив мужество, предложили другие взгляды, у вас появились последователи. <...> То, чего мы добились, ни за что нельзя было бы сделать, если бы Институт экономических дел не взял на себя роль лидера»⁶⁴. В 1960-е годы ИЭД был самой значимой организацией, пропагандировавшей неолиберальные идеи. Тогда его считали группой безумных фанатиков, «чокнутыми», по словам Леона Бриттена, английской политики⁶⁵.

В США самыми видными представителями новой волны аналитических центров, возникших в 1970-е годы, были Фонд Наследие и Институт Катона. Фонд Наследие считал себя проводником консервативных идей. Его основали в 1973 г. Пол Вейрих и Эд Фелнер. В 1977 г. Фелнер стал президентом фонда

и увеличил организацию благодаря связям с Республиканской партией и широким консервативным движением. Во второй половине 1960-х годов он учился в Лондонской школе экономики и стажировался в Институте экономических дел. Фелнер приехал в Англию в 1965 г., имея при себе рекомендательное письмо Милтона Фридмана, адресованное тогдашнему директору института Ральфу Харрису. Его взяли ассистентом в проект Джона Линкольна, посвященный анализу влияния Британского конгресса профсоюзов. По словам Фелнера, «это было время настоящего брожения умов, как в общей политике, так и в политической борьбе», и работа в институте оказалась просто подарком, потому что дала ему возможность участвовать в институтских мероприятиях и познакомиться с некоторыми из тех интеллектуальных звезд, которые окружали институт⁶⁶.

По воспоминаниям Фелнера, Хайек был «вполне доступен» и в то время, в середине 1960-х годов, готов вернуться в научный и интеллектуальный мейнстрим⁶⁷. В Лондонской школе экономики Фелнер познакомился с идеями Питера Бауэра, чья работа начинала «сокрушать [теорию стадийного экономического развития] Уолта Ростоу», и с его взглядами на международную помощь и экономическое развитие. Репутация Бауэра в действительности основывалась не столько на том, что он был блестящим экономистом, сколько на его выступлениях в защиту свободного рынка. Как полагает Кейт Трайб, «именно по этой причине он и стал любимым экономистом Тэтчер»⁶⁸. Бауэр утверждал, что международная помощь <слаборазвитым странам> контрпродуктивна, поскольку попадает не в те руки и потому препятствует введению свободного рынка. Чтобы развивающиеся страны получили надежный стимул повышать эффективность своей экономики рынки и создавать богатство, позволяющее приблизиться к более богатым странам, нужно, по его мнению, выпустить на волю рынки. Фелнер стажировался в ИЭП два срока; он впитывал идеи всех неолиберальных мыслителей и рассматривал приобретенный опыт как бесценный взгляд изнутри на работу аналитического центра. На этот опыт он смог опереться, когда возглавил Фонд «Наследие».

После получения докторской степени Фелнер перешел в политические структуры и поначалу работал на Капитолийском холме помощником конгрессмена-республиканца Филипа Крейна, а также занимал пост руководителя персонала

Республиканского исследовательского комитета. Этот исследовательский отдел снабжал конгрессменов и сенаторов от Республиканской партии информацией о законодательных разработках, с тем чтобы они могли выработать общую позицию. Там в середине 1970-х годов к нему присоединились Мэдсен Пири, а также братья Имонн и Стюарт Батлеры; все они только что закончили университет Сент-Эндрюс в Шотландии и позже, в 1977 г., создали в Лондоне Институт Адама Смита. Фонд «Наследие» ставил перед собой похожую, но уже не окрашенную партийной принадлежностью задачу: предоставлять информационные материалы и политические консультации конгрессменам, органам исполнительной власти, исследователям и журналистам. Финансировал фонд пивной магнат Джозеф Курс; Фелнер с самого начала входил в совет, а общее руководство в первые годы осуществлял Вейрик, ставший впоследствии неумолимым проводником и пропагандистом консервативной политики. Фелнера, который также стал членом Общества Мон-Пелерен, пригласили возглавить создававшийся тогда Манхэттенский институт, но по советам друзей он предпочел руководить Фондом «Наследие», уже сформировавшейся организацией⁶⁹.

По словам Фелнера, Фонд «Наследие» работал иначе, чем Институт экономических дел, в том отношении, что старался соответствовать критериям «портфельного теста»: его материалы предназначались для первичного ознакомления с конкретным вопросом и имели такую структуру и объем, чтобы конгрессмен мог усвоить содержание по дороге домой, и такой формат, чтобы помещались в портфель⁷⁰. Главное внимание фонд уделял темам, способным объединить консерваторов всех направлений, — либертарианцев, неоконсерваторов, религиозных и христианских консерваторов, консерваторов-традиционалистов, — и в этом отношении был верен принципу широкой коалиции, который предложил Уильям Бакли. В частности, фонд стал связующим звеном между Хайеком и Рональдом Рейганом. В 1984 г. Рейган послал Имонну Батлеру письмо, в котором благодарил за полученную книгу Батлера о Хайеке и отметил, что многим обязан Хайеку: «Будьте уверены, я разделяю Ваше восхищение д-ром Хайеком, который сыграл поистине выдающуюся роль в подготовке почвы для возрождения консервативного движения в Америке. В сущности, Эд Фелнер и я, как и многие, многие другие, — его наследники, и мне

доставляет большое удовольствие видеть, что в Вашей книге его идеям уделяется подобающее им пристальное внимание»⁷¹. На американской почве Фонд «Наследие» сыграл ключевую роль в объединении неолиберальных мыслителей и их идей с республиканскими политиками.

После победы Рейгана на выборах фонд снабдил его администрацию тысячестраничным томом под названием «Мандат на лидерство» (1980); в нем содержались детальные предложения по каждому крупному аспекту политики, разработанные сотрудниками фонда и приглашенными авторами. На своем сайте фонд объявил, что за время президентств Рейгана почти две трети этих предложений были осуществлены⁷². Кроме того, фонд собирал информацию о сочувствующих консерватизму американских и иностранных ученых, журналистах и активистах и формировал специальный банк данных. Идея заключалась в том, что превратить фонд в «связующий центр консервативного движения»⁷³. По словам Уильяма Саймона, министра финансов в администрациях Никсона и Форда, «фонд начал создавать банк данных, чтобы политические эксперты страны и мира могли играть более существенную роль в разработке вашингтонской политики». Изданный фондом «Справочник по экспертам в области государственной политики» содержал сведения о более чем 2000 политологов и 400 организациях⁷⁴. Благодаря правильному использованию своих ресурсов фонд сводил воедино консервативных и неолиберальных экспертов и теоретиков, способствуя консолидации и расширению трансатлантического сообщества.

Основанный Эдом Крейном в 1977 г. Институт Катона представлял собой организацию иного рода, организацию либертарианскую, а не консервативную. На Крейна, тогда молодого бизнесмена, оказали сильное влияние Хайек, Фридмен и три американские писательницы либертарианского толка — Айн Рэнд, Изабель Паттерсон и Роуз Уайлдер Лейн⁷⁵. Среди неолиберальных политиков, таких, например, как Алан Гринспен, особой популярностью пользовались романы Айн Рэнд «Источник» (1943) и «Атлант расправил плечи» (1957)⁷⁶. В 1974 г. Крейн, работавший в сфере инвестиционного бизнеса, выделил время, чтобы возглавить новую Либертарианскую партию. Помимо этого он руководил предвыборной кампанией либертарианского кандидата в президенты Роджера Макбрайда в 1976 г. и губернаторской

кампанией Эда Кларка в Калифорнии в 1978 г. Когда Крейн близко познакомился с миллиардером Чарльзом Кохом (он тоже участвовал в кампании Макбрайда), тот убедил его уйти с прежней работы и создать новый аналитический центр⁷⁷. Кох в 1961 г. возглавил убыточный отцовский бизнес, энергетический конгломерат *Koch Industries*, и вернул ему прибыльность. Он был крупным благотворителем, членом Общества Мон-Пелерен (как Макбрайд, а потом и Крейн) и поддерживал неолибералов. В Институте гуманитарных исследований Кох учредил свой именной грант. Крейн был осведомлен об успехах Американского института предпринимательства Брукингского института и полагал, что на рынке политических идей либертарианский аналитический центр получит «хороший кредит доверия»⁷⁸. Кох подкрепил свои идейные аргументы обещанием платить Крейну столько, сколько тот получал на прежней работе, и согласился с тем, что Крейн будет руководить Институтом Катона из Сан-Франциско.

В 1977 г. при содействии Мюррея Ротбарда (американского экономиста австрийской школы, бывшего студента Людвиг фон Мизеса и члена Общества Мон-Пелерен) Крейн основал Институт Катона в Сан-Франциско. «Чарльз [Кох], — рассказывал Крейн, — был куда прозорливее меня; он знал, что в конце концов я сам захочу перевести центр сюда [в Вашингтон], что я и сделал в 1981 г.»⁷⁹ Институт Катона создавался с оглядкой на английский Институт экономических дел и идеологические кампании Энтони Фишера. Хотя сам Фишер не принимал непосредственного участия в основании института, институт тесно сотрудничал с Фондом «Атлант», созданной Фишером международной зонтичной организацией для неолиберальных аналитических центров. Крейн считал Институт Катона «ближайшим подобием Института экономических дел и всех остальных центров, пропагандировавших свободный рынок» в США. С Крейном и институтом также тесно сотрудничали Хайек и Фридмен. Институт учредил присуждаемую раз в два года премию имени Фридмена «За вклад в распространение свободы в мире». В 2002 г. ее лауреатом стал английский экономист Питер Баур, специализирующийся на проблемах экономического развития. В 1985 г. Хайек стал почетным членом института, а с 1979 г. входил в редколлегия одного из журналов института, «Policy Report». Институт Катона переиздал две выпущенные Институтом экономических

дел работы Хайека, «Полная занятость любой ценой?» (1978) и «Держать тигра за хвост» (1979); для американской аудиторской организации название второй работы было изменено на «Безработица и денежная политика: государство как инициатор “экономического цикла”», и это изменение было согласовано с заместителем директора Института экономических дел Джоном Вудом⁸⁰. В 1980—1990-е годы Институт Катона и Фонд «Наследие» пропагандировали идеи Хайека, Фридмена и других неолибералов среди молодого поколения в Вашингтоне. Члены и руководство института расширяли неолиберальное сообщество и повышали его организационное и финансовое влияние в США.

Если говорить об Англии, то еще одним важным аналитическим центром, основанным в 1970-е годы, стал Институт Адама Смита в Лондоне. Мэдсен Пири, Имонн и Стюарт Батлеры вместе учились в университете Сент-Эндрюс, который в 1950—1970-е годы был чем-то вроде неолиберального инкубатора. Из него вышли будущие министры Тэтчер Джон Макгрегор, Майкл Феллон и Майкл Форсайт; там же преподавал и Ральф Харрис, который потом возглавил Институт экономических дел. Пири и братья Батлеры закончили университет в начале 1970-х годов, а чуть позже, в середине 1970-х, все работали в Вашингтоне вместе с Эдом Фелнером в исследовательском комитете Республиканской партии. Основатели института поначалу замыслили его как трансатлантическую научную организацию, которая будет устраивать обмен студентами и организовывать лекционные курсы по образцу, например, Фонда свободы⁸¹. Но эти планы быстро изменились. Пири и теперь уже один Имонн Батлер (Стюарт уехал в США работать в Фонде «Наследие») осознали, что их идеи могут получить поддержку в английской прессе. Они находились под сильным влиянием теории общественного выбора Бьюкенена и Таллока и захотели «разработать политические предложения, которые найдут одобрение» у ключевых представителей политики и бизнеса и позволят заручиться их поддержкой в пользу реформ⁸². По словам Пири, институт должен был «перевести теорию общественного выбора в набор мер социально-экономической политики». Для этого предполагалось использовать разработанную институтом методологию «микropolitики», т.е. постепенного продвижения программы свободного рынка в такие сферы социально-экономической политики, как здравоохранение или государственное управление. Суть замысла

состояла в том, что если даже каждый комплекс небольших реформ лишь незначительно повлияет на общую направленность социально-экономической политики, он послужит более удобной стартовой площадкой для следующего цикла рыночных реформ, и т.д. Эта концепция основывалась на убеждении, что люди боятся радикальных революционных перемен и гораздо охотнее примут постепенный процесс улучшения⁸³.

Как и многие другие аналитические центры, Институт Адама Смита был создан при содействии развивавшего птицефабрики Энтони Фишера. Подобно Фонду «Наследие», институт целенаправленно формировал неолиберальное сообщество. В 1978 г. Имонн Батлер писал Хайеку о последних проектах института: «Ежемесячный бюллетень — это только начало долгосрочного проекта, создания Информационного центра Свобода при Институте Адама Смита. Центр создает электронную базу данных о лицах и организациях, содействующих развитию свободного общества, и когда она будет завершена, другие группы и лица смогут получать из нее сведения о коллегах по таким позициям, как специальность, область интересов, возможность контактов, и еще по многим другим полезным информационным разделам. <...> Как Вы понимаете (или уже знаете), институт не занимается проведением кампаний; это просветительно-образовательная организация, призванная направлять течение идей о свободном рынке и социальных институтах. Одной из его особых задач является передача Англии положительного опыта свободного предпринимательства в США и передача Америке опыта социализма в Англии»⁸⁴. В феврале 1978 г. Хайек вошел в состав международного консультативного совета института⁸⁵. В 1980-х годах институт оказывал влияние на политику правительств Тэтчер благодаря своим разработкам по приватизации и «контрактированию», т.е. привлечению частных подрядчиков для предоставления общественных услуг на местном уровне; эту идею институт заимствовал из практики властей штатов в США. Институт также был причастен к введению районного, или подушного, налога; эту схему местного налогообложения предложил его сотрудник Дуглас Мейсон в докладе «Пересмотр рейтинговой системы»⁸⁶.

Манхэттенский институт (первоначально он назывался Международным центром исследований экономической политики) тоже был основан в 1977 г. В 1980-е годы институт

приобрел известность благодаря изданию и продвижению книги Чарльза Мюррея «Погружение в трясины». Автор книги, посвященной социальной политике послевоенного периода, утверждал, что программы Великое общество и Война с бедностью оказались контрпродуктивными и привели к развитию культуры зависимости среди бедных и неимущих⁸⁷. Президент института Уильям Хэмметт послал книгу лидеру республиканцев в Конгрессе Бобу Доулу и на Даунинг-стрит, 10, в политический комитет при резиденции Тэтчер. Доул отреагировал довольно уклончиво: «Книга мне очень понравилась. Я согласен почти со всем, что сказано в начальных главах, но, по-видимому, не вполне понимаю, как он намерен решать некоторые проблемы»⁸⁸. В резиденции премьер-министра книгу получил Дэвид Уиллетс, впоследствии член Консервативной партии и министр; он похвалил ее как «побуждающую к размышлениям» и предложил обсудить содержание на неформальной встрече⁸⁹. Как и Институт Катона, Манхэттенский институт ориентировался на Институт экономических дел, и в его создании тоже принимал участие Фишер. Главной задачей институт считал объединение теоретиков, журналистов и экспертов с помощью публикаций и совместных мероприятий в Нью-Йорке. В первые годы с ним сотрудничали Хайек и Фридмен; институт проводит ежегодные Хайековские чтения.

Помимо директоров и президентов в аналитических центрах существовал еще один вид интеллектуалов, представлявший собой ценный актив. Эти люди занимались популяризацией идей, т.е. делали идеи понятными и применимыми в политике и политической борьбе. Наилучший образец такого рода фигур — Артур Селдон, руководитель издательства Института экономических проблем. Он решительно отстаивал позицию института, когда, по его мнению, ею пренебрегали. В 1975 г. Селдон направил Хайеку довольно резкое письмо, которое позволяет лучше понять некоторые особенности самосознания этих неолиберальных организаций: «[Позвольте мне внести ясность в] вопрос, по поводу которого, видимо, возникло недоразумение. Когда Вы были здесь несколько месяцев назад, Вы похвалили институт за успехи в публикации упрощенных версий либеральной экономической литературы. Но это только часть нашей работы. Главная же наша задача, как я полагаю, состоит в том, чтобы находить для решения текущих и будущих экономических проблем и для разработки экономической

политики лучшие достижения экономической мысли. А они, по нашему мнению, исходят от экономистов, которые высоко ценят микроэкономический анализ, но учитывают и макроэкономические аспекты, когда они имеют значение. Выполняя эту задачу, мы, естественно, поддерживаем экономистов, предлагающих новые методы применения экономической теории, и, я думаю, мы можем даже претендовать на роль инициатора исследований в тех направлениях, которыми ранее пренебрегали»⁹⁰. Хайек ответил, что очень сожалеет, «если сложилось такое впечатление, будто я считаю институт организацией, которая занимается только популяризаторской пропагандой». В подтверждение он привел сравнение с Фондом экономического образования Леонарда Рида: «Скажу откровенно, и в публичных выступлениях, и в частных беседах я всегда озабочен тем, как бы не обидеть такого старого друга, как Леонард Рид, т.е. не проговориться открыто, что в деле пропаганды идей я ставлю Ваш институт неизмеримо выше, чем ирвингтонскую организацию [фонд Рида], которая занимается дополнительным убеждением тех, кто уже и так перешел на нашу сторону, — делом, конечно, похвальным, но, с моей точки зрения, не слишком интересным и не слишком плодотворным. А институтом я восхищаюсь именно потому, что он поддерживает и выполняет оригинальные исследования великой важности»⁹¹. Затем Хайек коснулся личной роли Селдона в институте и еще раз выразил свое сожаление и свою глубокую симпатию как к Селдону, так и к организации: «В частных беседах я раз за разом почти дословно повторяю то, что сказано в Вашем письме. Сожалею, что никогда не говорил этого Вам; ведь я совершенно уверен, что научная сторона работы института — это прежде всего Ваш труд или, точнее, плод Вашей неустанной деятельности». Из этого письма совершенно ясно, что Хайек искал примирения и был искренне расположен к самому Селдону и институту. Именно Селдону институт был в первую очередь обязан своим интеллектуальным авторитетом и репутацией независимой организации — теми качествами, которые Селдон упорно отстаивал, когда критики ставили их под сомнение.

Другие, например Мюррей и Стюарт Батлер, были высококвалифицированными академическими исследователями социально-экономической политики. Батлер начинал в Англии, в Институте Адама Смита (который в первую очередь

стремился наладить обмен идеями между Англией и США), вместе со своим братом Имонном Батлером и Мэдсенем Пири, но переехал в Вашингтон, где, как мы видели, стал работать в Фонде «Наследие», опять с Эдом Фелнером. Батлер привез с собой идею Джеффри Хоу и английского социалиста, городского планировщика и географа Питера Холла о зонах предпринимательства; эта идея легла в основу политики развития городов при Рейгане (обзор см. в главе 6). Батлер получил американское гражданство, работал в Фонде «Наследие» и поселился в Вашингтоне. По мнению его брата Имонна, это типичный пример утечки мозгов из Англии в США в 1970-е годы⁹².

Наряду с аналитическими центрами действовали американские фонды, оказывавшие финансовую поддержку ученым и организациям, — в частности, фонды Джозефа Курса, Чарльза Коха и Ричарда Скейфа. К числу других значимых фондов относились Фонд Эрхарта, Фонд Уильяма Волкера и выросший из него Фонд Релма. Фонд Волкера организовал переход Хайека из Лондонской школы экономики в Чикаго в 1950 г. Его создал в 1932 г. Уильям Волкер, бизнесмен и противник Нового курса. С 1944 г. фондом руководил <племянник Фишера> Гарольд Ланау, который помог Хайеку запустить проект Мон-Пелерен⁹³. По его же инициативе фонд оплачивал ставку Мизеса в Нью-Йоркском университете и ставку Хайека в Чикагском университете. В 1950—1960-е годы Фридмана и Хайека регулярно просили порекомендовать кандидатов на получение стипендий и грантов от этих двух крупных фондов*. Хайек рекомендовал помочь Энтони Фишеру с его мно-

* Для полноты картины можно добавить, что эти фонды также обращались за рекомендациями к Мизесу, особенно после выхода в США в 1949 г. его главного сочинения «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории». С 1955 по 1969 г. Фонд Волкера выделял грант на годичное обучение в аспирантуре Нью-Йоркского университета по специальности «деловое администрирование», а стипендиата назначал Мизес; Фонд Эрхарта взял на себя расходы на поездки и стипендии для студентов, Национальная ассоциация промышленников стала организовывать и оплачивать семинары, а Говард Пью и др. финансировали журнал «Freeman». Мизес рекомендовал Фонду Волкера для издания книгу Гельмута Шёка «Зависть: теория социального поведения» (рус. изд.: М.: ИРИСЭН, 2010). «В течение нескольких лет, — пишет биограф Мизеса Й. Г. Хюльсманн, — финансирование Мизеса

гочисленными организационными и исследовательскими проектами. Помощь от Фонда Волкера получал Мюррей Ротбард. Английским ученым и политикам оплачивали проезд в США и работу в американских университетах. В 1955 г. Хайек предложил Фонду Эрхарта кандидатуру Ширли Летвин, американской консервативной исследовательницы, жившей в Англии. В 1958 г. Милтон Фридмен предложил Фонду Волкера кандидатуру английского экономиста Стенли Деннисона — единственного человека, которому Хайек разрешил прочитать верстку «Дороги к рабству» перед публикацией. В то время Деннисон был одним из считанных антикейнсианцев в Кембриджском университете⁹⁴. Фридмен написал сотруднику фонда Ричарду Корнуэллу (позже он станет советником Никсона и Рейгана), что Деннисон — «бесспорно, выдающийся человек как в интеллектуальном, так и в личном плане», но он «согласился пойти на административную работу, которая почти не оставляет ему времени и сил для научных занятий. <...> Деннисон — один из немногих в Англии, кто сохранил верность либерализму XIX в. в условиях враждебной общей интеллектуальной атмосферы. В этом плане он оказывает весьма важное влияние на кембриджское студенчество»⁹⁵. Это типичный пример рекомендаций, которые давали такие доверенные консультанты, как Фридмен и Хайек, когда их об этом просили.

170

Американские Фонд Релма и Фонд Эрхарта в 1950—1960-е годы регулярно выделяли деньги на проведение собраний Общества Мон-Пелерен⁹⁶. О существенном различии финансовых возможностей американцев и англичан позволяет судить письмо Леонарда Рида, в котором он приглашал Хайека выступить в Фонде экономического образования с лекцией об инфляции. Рид предложил Хайеку «ехать сюда и обратно, безусловно, первым классом»⁹⁷. Щедрость американцев объяснялась готовностью местных бизнесменов финансировать неолиберальные организации и проекты. К тому же Общество Мон-Пелерен свело воедино многих из этих людей и организаций, позволив им ясно ощутить себя частью единого широкого движения. По словам Джорджа

и его проектов считалось делом само собой разумеющимся. Его суждения о людях и проектах часто имели решающее значение» (Хьюльсманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса. Челябинск: Социум, 2013. С. 660—661). — Прим. науч. ред.

Шульца, общество объединяло «единомышленников, которые, однако, спорили друг с другом и нередко выступали с разных позиций»⁹⁸. В международном сообществе неолiberaлов возник дух содружества, который постоянно подпитывали Общество Мон-Пелерен и Фонд «Атлант», сложились постоянные связи между американскими и английскими аналитическими центрами.

В основе целей, программных заявлений и намерений этих фондов, организаций и аналитических центров лежало неолiberaльное представление о том, что свобода уходит корнями в свободный рынок. Эти организации, по мировоззрению своему космополитические, трансатлантические и международные, пребывали в процессе постоянного «перекрестного опыления», незаметного для широких политических или общественных кругов, но реально укреплявшего интеллектуальную инфраструктуру неолiberaлизма. Излюбленным средством аналитических центров было печатное слово в форме брошюр, исследовательских докладов и других изданий. В меморандуме Фонда экономического образования (не датирован, но, вероятно, относится к началу 1950-х годов), адресованном «либералам Британских островов и континентальной Европы», речь идет об «обмене либеральной литературой»: «Хотя мы работаем преимущественно с теми, кто живет в США, для нас очевидно, что либерализм не знает национальных границ. Обмен идеями и литературой между либералами всех стран сейчас насущно необходим. Валютный контроль препятствует “свободному приобретению либеральной литературы в той стране, где она выпущена”. Мы считаем, что цели и задачи нашего фонда требуют предоставлять, насколько это позволяют наши средства, выпущенные в Америке книги и другие издания либералам из других стран по их запросу. Мы располагаем возможностью предоставлять и другие услуги, способствующие распространению либеральных идей. Пожалуйста, не стесняйтесь обращаться к нам с просьбами. Взамен, — и это все, — мы рассчитываем, что вы будете информировать нас о тех работах, которые, по вашему мнению, могут быть важны для нашей деятельности или подходят для распространения в Америке»⁹⁹.

Еще один типичный пример трансатлантического обмена мы находим в письме Ральфа Райко (одного из бывших студентов Мизеса) Хайеку, в котором он рассказывает о выпуске нового журнала Института Катона: «[Новый «Inquiry» будет] дополнением к «The New Republic» и «National Review». Мы,

естественно, хотели бы наладить контакты с разными авторами в Англии и континентальной Европе, которые могут писать по конкретным местным вопросам или давать нам статьи более общего плана. <...> Как Вы поймете из прилагаемой аннотации, главная наша задача будет состоять в налаживании диалога между либертарианцами и теми, кого в США называют «либералами»; поэтому слишком ярко выраженные «тори» нам не подходят. Для нас наиболее привлекательны авторы, чьи убеждения прочно связаны с принципом личной свободы. Вряд ли мне нужно говорить, что любое содействие, которое Вы сможете оказать нам по этим направлениям, будет для нас бесценно. Кстати, у нас приличное финансирование, и мы платим авторам по весьма привлекательным расценкам»¹⁰⁰.

Идеологические предприниматели формировали интеллектуальные задачи своих аналитических центров, намечали результаты и предлагали детальные политические рекомендации, бросавшие вызов „либеральной“ и социал-демократической ортодоксии. Затем эти идеи продвигались с помощью трансатлантической сети организаций и индивидуальных участников. Хорошим примером может служить предложение о внесении в Конституцию США поправки, ограничивающей налоги. Многочисленные протесты против налогов, прокатившиеся по США в 1970-е годы, получили авторитетную и звучную поддержку со стороны Джеймса Бьюкенена и Милтона Фридмена, особенно в ходе калифорнийской кампании 1978 г. за «Предложение № 13»*. Для Фридмена налогообложение всегда было одной из центральных тем, и в 1970-е годы его идеи налоговой реформы — общее снижение налогов и введение отрицательного подоходного налога — привлекали большое внимание. Фридмен утверждал, что рост государственных расходов — самый нежелательный признак расширения полномочий государства. Поэтому, считал он, гораздо важнее снизить налоги, чем дефицит бюджета.

«Предложение 13» предусматривало введение законодательного ограничения налога на недвижимость в Калифорнии ставкой в 1%, а также необходимость большинства в две трети в законодательном собрании штата для повышения других налогов, включая подоходный. В 1978 г. журнал Фонда «Наследие» «Policy Review» опубликовал статью Фридмена

* См. выше прим. на с. 148. — *Прим. науч. ред.*

по проблеме налогообложения, в которой тот писал: «Тем, кто считает себя фискальными консерваторами, необходимо уяснить одну важную вещь. Сосредоточившись на неправильно выбранном предмете, <бюджетном> дефиците, вместо правильного, общих государственных расходов, фискальные консерваторы, сами того не сознавая, стали прислужниками крупных транжиров. Типичная историческая практика транжиров состоит в проведении законов, увеличивающих государственные расходы. Возникает дефицит. Фискальные консерваторы чешут головы и говорят: «Господи, это ужасно. Мы просто обязаны что-то сделать с этим дефицитом». А потом они в полном единодушии с транжирами выступают за повышение налогов. А как только новые налоги установлены и приняты, транжиры опять берутся за свое, государственные расходы в очередной раз подсакивают, и снова возникает дефицит <бюджета>»¹⁰¹. Из этих слов совершенно ясно, по какой причине Фридмен порицал фискальный консерватизм, избегавший снижения налогов. Его логика позволяла сторонникам Рональда Рейгана парировать упреки в бюджетной ответственности. Политика снижения налогов, за которую ратовал Фридмен, могла породить примирительное отношение к бюджетному дефициту, а это многие, особенно в Англии, считали неприемлемым. Найджел Лоусон, например, считал, что Фридмен «слишком беззаботно» относится к дефициту <бюджета>, и это опасно: ведь если признано, что дефицит <бюджета> не имеет значения, нагрузка на государственные расходы как раз сильно возрастет¹⁰².

Описанное выше трансатлантическое сообщество неолиберальных аналитических центров, фондов, сочувствующих бизнесменов и политических экспертов в эти неблагоприятные десятилетия упорно продвигало свою программу. И хотя его усилия пока не находили отклика в политическом истеблишменте и вообще в широких кругах, неолиберальные исследования, публикации и мероприятия все же провоцировали небольшие подвижки в идеологическом арсенале правых, и для внимательного наблюдателя этот процесс был заметен. Неолиберальные представления о могуществе свободного рынка и опасностях государственного вмешательства постепенно проникали в умы некоторых видных и влиятельных людей в сфере массовой информации и в политических партиях, а они, в свою очередь, распространяли эту весть. Ведущие

неолибералы и их идеи способствовали возникновению альтернативной идеологической инфраструктуры, заявившей о себе, когда в начале 1970-х годов ситуация в экономике и политике ухудшилась. Задел, наработанный этими организациями и людьми, позволил им набирать очки на начавшихся кризисах и предлагать заранее подготовленные рекомендации по изменению социально-экономической политики тем, кто стоял у власти и нуждался в новых ответах на экономические проблемы стагфляции.

Неолиберальные журналисты и политики

Многие видные журналисты и политики прониклись неолиберальными идеями, которые распространяли и пропагандировали аналитические центры. Одним из неутомимых журналистов в США был Уильям Бакли-младший, основатель и главный редактор журнала «National Review», которым он руководил в 1955—1990 гг. Бакли не был неолибералом в строгом смысле этого термина, но безусловно разделял многие главные неолиберальные представления, особенно преданность рыночным принципам. Великий мастер конвергенции, он стремился объединить в одном лагере традиционных и религиозных консерваторов с либертарианцами¹⁰³. Бакли презентовал многие неолиберальные идеи и предложения в своем журнале и многолетнем телешоу «Линия огня». Фридмен, который вел еженедельную колонку в «Newsweek», был хорошим другом Бакли и почитателем его многочисленных газетных статей. В ответ на письмо Бакли, в котором тот интересовался, как продвигается журналистская карьера Фридмена, Фридмен написал: «Мне это дело очень понравилось». Но, продолжил он, его журналистская нагрузка несопоставима с работой Бакли, поскольку она «довольно незначительна», а поразительная продуктивность Бакли действительно впечатляет, тем более что, по мнению Фридмена, все написанное Бакли «неизменно раз за разом отвечает самым высоким стандартам»¹⁰⁴. Стремление Бакли противостоять доминированию либерального политического истеблишмента принесло долговременные плоды в результате его деятельности как журналиста, а также политического советника и друга Барри Голдуотера и Рональда Рейгана.

В Англии в 1950—1960-е годы поистине выдающуюся работу делал Институт экономических дел, который продвигал неолиберальную политику почти в одиночку, пока в 1970-е годы к нему не присоединились Центр исследования социально-экономической политики и Институт Адама Смита. Институт экономических дел пропагандировал свободный рынок, дерегулирование, реформирование профсоюзного и трудового законодательства, изменение законодательства о контроле над арендной платой и жилищной политики. Ральф Харрис и Артур Селдон регулярно публиковали в национальной прессе статьи и отражали в них итоги исследований сотрудников института. Среди журналистов самыми видными пропагандистами неолиберальных идей, особенно монетаризма Чикагской школы, были Сэмюел Бриттен из «Financial Times», Уильям Рис-Могг из «Times» и Питер Джей, сотрудничавший с «Times» и BBC. Они были убеждены в провале кейнсианской политики управления спросом и «тонкой настройки». Питер Джей, сын лейбориста Дугласа Джея, министра торговли в правительстве Вильсона, консультировал премьер-министра Джеймса Каллагэна в кризисные 1970-е годы и в 1977 г. был назначен послом в США. Он готовил известную речь Каллагэна на конференции Лейбористской партии в 1976 г., которая прозвучала похоронным звоном для кейнсианского управления спросом как руководящего принципа экономической политики в Англии (подробно об этом рассказывается в главе 6). В 1960—1970-е годы симпатизирующие и убежденные журналисты играли особенно важную роль в изменении английского общественного климата в плане экономических вопросов. Они сформировали доверие к целому ряду идей, исходивших от неолиберальных аналитических центров, и без их содействия эти идеи, скорее всего, никто не стал бы воспринимать всерьез. Джей и Сэмюел Бриттен своими личными примерами показали, что партийная принадлежность не играла большой роли, когда вставал вопрос, принимать или не принимать те или иные идеи.

В числе первых политиков, продвигавших неолиберальные идеи в США, были две видные фигуры. Первая — Барри Голдуотер, сенатор-республиканец от Аризоны и соперник Линдона Джонсона в президентской кампании. Вторая — Рональд Рейган, бывший демократический активист Нового курса, профсоюзный лидер (глава Гильдии киноактеров),

республиканский губернатор Калифорнии и, наконец, президент США. Голдуотер хотя и проиграл Джонсону в 1964 г. с самым большим за несколько десятилетий отрывом (он набрал 39% голосов против 61% и победил лишь в шести штатах Дальнего Юга), но остался первопроходцем новых правых. В качестве экономического эксперта он пригласил Фридмена, а главным политическим консультантом у него служил Уильям Бэруди - старший из Американского института предпринимательства. Несмотря на сокрушительное поражение от Джонсона, Годуотер по-прежнему неуклонно стоял на либертарной и рыночной позиции, и его заслуга состояла в радикализации низовых настроений в Республиканской партии¹⁰⁵. Многие видели в поражении Голдутера высшее торжество „либерализма“ Нового курса и Великого общества. Но сам факт выдвижения его кандидатуры свидетельствовал о важных подвижках в политическом климате США. То обстоятельство, что выбор консерваторов пал на сенатора от Аризоны, а не на восточного „либерала“ Нельсона Рокфеллера, ознаменовало собой, по мнению Рика Перлштейна, «демонтаж американского консенсуса»¹⁰⁶. Оно показало, что Республиканская партия движется в направлении принципиально ином, чем примирительное президентство Дуайта Эйзенхауэра. В партии набирали вес люди, далекие от традиционных источников богатства и влияния на Восточном побережье; активность смещалась на Юг и Запад, и вскоре этот процесс нашел отражение в партийной политике. И не случайно, что на конференции республиканцев в том же 1964 г. главной сенсацией стал Рональд Рейган.

Подобно многим консерваторам - республиканцам и своему близкому другу, президенту Джону Кеннеди, Барри Голдуотер был фискальным консерватором, несгибаемым солдатом холодной войны и ястребом во внешней политике. Он поддержал ограниченное законодательство Эйзенхауэра 1957 и 1960 гг. в области гражданских прав, но голосовал против принятого Джонсоном в 1964 г. закона о всеобщих гражданских правах, хотя сам не был расистом и в своей родной Аризоне тесно сотрудничал с Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения. Голдуотер апеллировал к правам штатов, т.е. к правам штатов на автономное самоуправление, и протестовал против неприемлемого расширения полномочий федеральных властей. Мэри Бреннан тоже считает кампанию 1964 г. результатом того, что в начале 1960-х годов

многие консерваторы стали считать Республиканскую партию единственным надежным выразителем их желаний¹⁰⁷. В данном мне интервью Эд Крейн из Института Катона утверждал, что, несмотря на победу Эйзенхауэра в 1952 г., реальные перспективы для неолибералов открылись только тогда, когда книга Голдуотера «Совесть консерватора» (1960) стала самой популярной политической книгой в США. По мнению Крейна, «Хайек, судя по всему, предвидел» реакцию на чересчур самоуверенный „либерализм“ Рузвельта, Трумэна, Кеннеди и Джонсона: «Если вы существенно перекроили природу и культуру общества, которое изначально строилось на принципах индивидуализма, а потом жизнь людей во всех аспектах вдруг стала сильно зависеть от центральных властей, концептуальный отпор неизбежен. Вот такой настоящей атакой на Новый курс и стала «Совесть консерватора»; правда, ее написал не сам Голдуотер — он только согласился поставить свое имя»¹⁰⁸. Успех Голдуотера означал, что с этого момента программу Республиканской партии взяли под контроль консерваторы, а Республиканская и Демократическая партии разошлись в принципиальных вопросах и в оценках наследия Рузвельта и Джонсона. Правда, как покажут колебания и метания Никсона, произошло это не мгновенно. Однако Крейн, по всей видимости, не преувеличивает — во всяком случае, если иметь в виду политический аспект, — когда утверждает, что своей бунтарской президентской кампанией «Голдуотер положил начало процессу»¹⁰⁹.

Рональд Рейган впервые заявил о себе как политик в 1964 г. речью на конференции Республиканской партии в Коровьем павильоне в Сан-Франциско (на ней Голдуотер и был выдвинут кандидатом в президенты). Хорошо умея налаживать политические связи, в 1966 г. Рейган стал губернатором Калифорнии и начал разрабатывать политику собственного изготовления, основу которой составлял радикальный индивидуализм неолиберального толка. Бизнес, утверждал он, должен не уклоняться от политических вопросов, а, напротив, брать на себя больше ответственности, потому что «политика слишком важна, чтобы отдать ее на откуп политикам»¹¹⁰. Выступая в 1969 г. в лондонском Институте директоров, Рейган заявил, что добился успеха вопреки вмешательству государства «благодаря мужеству и энергии системы свободного предпринимательства». Цитируя Людвиг фон Мизеса, он призвал бизнес

«осознать свою обязанность участвовать в государственных делах», под чем он понимал «не только взносы на политические кампании и присутствие на съездах и митингах». Рейган хотел, чтобы правительственные структуры были насыщены «опытом и управленческими навыками частного сектора». Здесь уже заметны основы того, что Джордж Сорос назвал «рыночным фундаментализмом»¹¹¹.

Джордж Шульц при Рейгане возглавлял президентский консультативный совет по экономической политике в Белом доме, а также занимал пост государственного секретаря. В 1948 г. Шульц получил докторскую степень в Массачусетском технологическом институте, остался там преподавать и специализировался на проблемах экономики труда. Потом был перерыв, когда он занимал должность старшего экономиста в совете экономических консультантов президента Эйзенхауэра. В 1957 г. Шульц перешел в школу бизнеса Чикагского университета, где стал профессором отраслевой экономики. В Чикаго, вспоминал он, «была самая насыщенная интеллектуальная среда, какую я только встречал»¹¹². В 1962 г. Шульц стал деканом школы бизнеса, а затем начал политическую карьеру в администрации Никсона: занимал посты министра труда, директора административно-бюджетного управления президента и министра финансов¹¹³. Шульц был одним из первых членов Общества Мон-Пелерен, которые совмещали в своем лице сферы академической науки и политики, и его пример доказывает способность неолиберального сообщества сводить воедино влиятельных политиков и вовлекать их в обсуждение политических программ и идей.

В Англии убежденными сторонниками неолиберальных идей стали такие политики, как Кит Джозеф и Маргарет Тэтчер, которые, как мы уже говорили, вместе с Альфредом Шерманом основали в 1974 г. хайекианский Центр исследования социально-экономической политики. Их обращению в немалой степени содействовали журналистские усилия Питера Джея в «Times» и Сэма Бриттена в «Financial Times». Бывший журналист Найджел Лоусон и член Консервативной партии Норманн Дамонт (впоследствии министр финансов), тоже были обращены статьями Джея и Бриттена, работами Фридмана и Хайека, публикациями Института экономических дел, а также участием в мероприятиях ИЭД и ЦИСЭП¹¹⁴. Кроме того, мощный импульс этим настроениям придавал в Англии

очевидный экономический провал кейнсианства, ставший особенно заметным в начале 1970-х годов.

Джозеф, Тэтчер и Хоу болезненно переживали неудачи правительства Эдварда Хита в 1970—1974 гг. Противостояние чрезмерному влиянию профсоюзов, их способности продавливать повышение заработной платы в государственном секторе и тем самым раздувать инфляцию стало главным объединяющим лозунгом тех Консерваторов, которые считали, что правительство Хита предало радикальную программу партии. Эта рыночная программа была, как считается, принята на Селдсонской конференции — конференции теневого кабинета в 1970 г.¹¹⁵ Джозеф выступил с самой значимой речью того периода, когда Тэтчер возглавляла оппозицию, «Одного монетаризма недостаточно»¹¹⁶. Чтобы оздоровить Англию, утверждал он, необходимо провести реформу профсоюзов (т.е. сторону предложения на рынке труда), а также реформу институтов денежно-кредитной политики. Джозеф, имевший репутацию царя-философа нового Консерватизма 1970-х годов, вновь обратил внимание Тэтчер на работы Хайека и Фридмена (она утверждала, что уже читала их)¹¹⁷.

В своем выступлении в 1980 г. Найджел Лоусон, по-прежнему занимавший пост министра финансов, выразил мнение, что неолиберализм был прежде всего убеждением Консерваторов: «В той мере, в какой новые Консерваторы обращаются к новым мудрецам, — таким, как Хайек и Фридмен, — это происходит отчасти потому, что эти последние, в свою очередь, открыто обращаются к освященному традицией политическому и экономическому наследию Юма, Бёрка и Адама Смита и переосмысливают его применительно к текущим условиям. Отчасти же это происходит и потому, что как специалисты по экономической теории (хотя, например, Хайек, несомненно, есть нечто гораздо более значительное, чем просто экономист) они представляют собой особый интерес в наше время, когда, хорошо это или плохо, экономическая политика заняла в политических дебатах господствующее место, которого никогда не имела, скажем, в золотой век Дизраэли и Гладстона. <...> Главное в том, что мы сейчас наблюдаем поворот к более старой традиции в свете провала того, что можно было бы назвать новым Просвещением. В политическом плане этот поворот важен не в смысле некоей тяги к почитанию предков или соответствию неким священным предписаниям.

Он важен потому, что эти традиции даже сегодня гораздо глубже укоренены в сердцах и умах простых людей, чем общепринятые взгляды недавнего прошлого»¹¹⁸.

Сами же Фридмен и Хайек не были согласны с этим мнением. Хайек написал известную статью под названием «Почему я не консерватор», в которой объявил себя беркианским вигом¹¹⁹. Фридмен в 1979 г. писал английскому журналисту, пишущему на темы денежной-кредитной политики, и финансисту Тиму Конгдону примерно в том же духе: «Я не намерен терпеть такое положение; я хочу его решительно изменить». Либерализм, продолжал Фридмен, в его традиционном значении — «то, что принадлежит к свободе и к ней относится» — ближе к «сути нашей фундаментальной философии», отметив в конце: «...когда меня называют консерватором, я вздрагиваю, хотя и редко возражаю»¹²⁰. И Хайек, и Фридмен понимали, что в Англии их идеи нашли отклик в Консервативной партии, а в США — во всем консервативном движении, проводником которого была Республиканская партия.

Прорыв?

Как писал Хайеку в 1963 г. Джеймс Бьюкенен, один из основателей теории общественного выбора и Нобелевский лауреат, на протяжении большей части послевоенного периода экономический и политический истеблишмент воспринимал неолибералов как «эксцентричных правых». Но, добавил он, «это нас не особенно беспокоит»¹²¹. Однако в 1970-е годы политический климат изменился. Неолиберализм был готов совершить прорыв. Если в начале десятилетия неолибералы все еще составляли явное меньшинство, то в 1980 г. неолиберальные рецепты служили путеводными маяками для правительств Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. Экономические кризисы этих лет — крах Бреттон-Вудской международной денежной системы, стагфляция по всему Западнему миру, фактический коллапс трудовых отношений в Англии, два нефтяных кризиса и провалы политики контроля цен и доходов, — все это совершенно изменило виды на трансатлантическую неолиберальную политику.

Неолиберальную мысль умело пропагандировали интеллектуалы и предприниматели; они создали систему трансат-

лантических институтов и организаций, которые уже обрели способность влиять на политические решения в Лондоне и Вашингтоне. Весьма распространено мнение, что процесс проникновения эти идей в политические программы Тэтчер и Рейгана, а до них в правительства лейбористов и Демократической партии, был чем-то неизбежным. Его описывали как героическое торжество силы идей и торжество духа отдельных людей¹²². Но по большому счету успех всех усилий, описанных в этой главе, был исторической случайностью, результатом уникального стечения обстоятельств в 1970-е годы и в начале 1980-х. Неприглядная историческая реальность хорошо видна в том, как неолиберальные идеи прорывались в область экономической стратегии и в сферу строительства дешевого жилья и городской политики. К этим темам мы сейчас и перейдем.

Глава 5

КЕЙНСИАНИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОНЕТАРИЗМА, 1945-1971

Приливная волна начинает отступать — если, конечно, это так — не потому, что такие люди, как я, доказывали ложность кейнсианской системы или ошибочность отдельных ее элементов, а потому, что управление спросом оказалось реальным и очевидным провалом. Ведь вместо того чтобы достичь нирваны устойчиво высоких уровней занятости при стабильных ценах, оно добилось худшего в обоих планах: высокой инфляции и высокой безработицы. <...> Роль ученых-теоретиков, я полагаю, состоит прежде всего в том, чтобы поддерживать возможность выбора, иметь наготове запасные варианты, чтобы в тот момент, когда грубая сила событий делает перемены неизбежными, альтернативный вариант изменения уже существовал.

Милтон Фридмен, «Денежная программа», 21 апреля 1978 г.

Неолиберальный прорыв произошел там, где его мало кто ожидал, — в сфере макроэкономической политики. Длительный послевоенный бум, который часто называли «золотым веком капитализма», продолжался до 1960-х годов. Политики, а вместе с ними и общество, были убеждены, что поняли, как можно эффективно манипулировать капитализмом с помощью инструментов управления спросом, которые разработал Джон Мейнард Кейнс, особенно в том усовершенствованном виде, какой придало им следующее поколение экономистов-кейнсианцев. Течение пока еще не повернуло вспять, к свободному рынку. Это случится лишь после того, как кризисы 1970-х годов вынудят изменить общую направленность экономической политики. Но именно в 1950—1960-е годы трансатлантическое неолиберальное сообщество создавало важную

систему идей, которая позволит неолиберальной рыночной философии бросить гораздо более мощный вызов господству „либерализма“ Нового курса и социальной демократии¹.

Этот комплекс идей формировался вокруг основных положений количественной теории денег Милтона Фридмена. Фридмен стал воплощением резкой критики кейнсианских идей, которые в послевоенные годы служили путеводной звездой для американской и британской экономической политики. Собственные взгляды Фридмена, с предельной ясностью изложенные им во время выступления в Американской экономической ассоциации в 1967 г., оказали влияние на многих критиков экономического порядка, который рассыпался на глазах в результате краха международной денежной системы. Международная валютная система, основанная на фиксированных курсах, которая была разработана в Бреттон-Вудсе в 1944 г. Гарри Уайтом и Кейнсом, фактически прекратила существование в 1971 г. Но монетаристское объяснение того, почему перестала работать кейнсианская экономическая политика, — т.е., простыми словами, признание инфляции денежным феноменом — после событий 1970-х стало годов хорошим предлогом для огульного признания принципов свободного рынка при Тэтчер, Рейгане и их преемниках.

В социально-экономических программах Консервативной и Республиканской партий — и, что не менее важно, в социально-экономической политике Лейбористской и Демократической партий — трансатлантическое неолиберальное идеологическое и политическое движение впервые нашло себе место в, на первый взгляд, узкой и технической сфере экономической стратегии. Первое политическое вторжение монетаризма началось в Англии в конце 1950-х годов, причем не благодаря Фридмену, а по замыслу тогдашнего консервативного министра финансов Эноха Пауэлла. В США Фридмен и другие экономисты чикагской школы бросили вызов в 1960-е годы, и к концу десятилетия монетаристские идеи обретали поддержку все большего числа представителей политической и технократической элиты, встревоженной первыми признаками кризиса денежной системы, инфляции и, в Англии, роста рабочих волнений. На заре 1970-х годов Фридмен и его сторонники, похоже, уже могли предложить целый ряд убедительных рецептов, в то время как вера в кейнсианские инструменты была готова рассыпаться под гнетом многих годов стагфляции.

Чистая теория нелегко совмещалась ситуативными императивами политики и выборов. По словам бывшего министра финансов Великобритании Найджела Лоусона, экономическая история порой бывала «полезнее экономической теории»². К этому добавлялся целый ряд недоразумений по поводу того, что собой на деле представлял монетаризм, как измерять деньги, как отличить работоспособные элементы теории Кейнса от неработоспособных и, наконец, по поводу того, не входит ли монетаризм в конфликт с реформами стороны «предложения», — например, снижением налогов, реформированием рынка труда и рыночными стратегиями борьбы с бедностью. В конце концов, выяснилось, что кейнсианство и монетаризм страдали от многих одинаковых проблем, прежде всего от недостатка корректной экономической информации и средств измерения. Но в конце 1960-х годов и в 1970-х годах казалось, что монетаризм Фридмена и его варианты представляют собой самую очевидную альтернативу явным провалам экономического управления, вскрытым бедствиями 1970-х годов. Этому убеждению отчасти способствовали напористость и умение, с которыми трансатлантические неолибералы доказывали и пропагандировали свою правоту как в Англии, так и в США.

Кейнс и кейнсианство

Джон Мейнард Кейнс господствовал в экономической политике XX в. Однако важно отличать самого Кейнса и его идеи от идей его последователей в послевоенный период³. Кейнс скоропостижно скончался в 1946 г. от инфаркта, подорвав свои силы трудными переговорами с американцами о предоставлении займа. Его теоретическое наследие отличается гибким подходом к экономической теории и практической политике. В свою знаменитую фразу «в долгосрочной перспективе все мы мертвы» он вкладывал такой смысл: экономическая политика должна служить людям и их нуждам, а не подлаживаться под долгосрочные требования экономической теории. По словам Кейнса, «экономисты ставят себе слишком легкую и совершенно бесполезную задачу, если в период бурь могут сказать нам лишь одно: когда буря утихнет, океан снова успокоится»⁴. Это убеждение лежало в основе его споров с Хайеком в 1930-е годы⁵. Кейнс считал, что демократии не смогут

долго выдерживать повторение бедствий массовой безработицы, — более того, могут даже не выжить, как показал опыт 1930-х годов. Поэтому все свои интеллектуальные усилия он направил на разработку системы экономических мер, способных прекращать и предотвращать экономическую депрессию. Как для сторонников Кейнса, так и для его критиков большой вопрос состоял в том, способны ли его идеи работать в иных условиях, чем существовавшие в 1930—1940-х годах. (Некоторые, разумеется, не признавали, что они работали даже и этих условиях.) Сам Кейнс, подобно хамелеону, постоянно менял позицию и солидаризировался только с тем, что работало (в частности, когда Хайек подверг детальной критике «Трактат о деньгах», Кейнс ответил, что эта работа уже никоим образом не отражает его мнение).

По мнению Роберта Скидельски, автора лучшей и наиболее авторитетной биографии Кейнса, Кейнс был «последним из великих английских либералов»⁶. Работа Кейнса представляла собой «попытку восстановить надежды на стабильность и прогресс в мире, который был сорван с якорей XIX в. и дрейфовал по течению». Кейнс, полагает Скидельски, «привлек государство для исправления дефектов общества не потому, что питал особую любовь к государству, а потому, что видел в нем последний шанс. Он сумел разработать такой способ анализа экономических неурядиц, который оправдывал все формы государственного вмешательства, совместимые с традиционными либеральными ценностями»⁷. Поэтому всю свою научную жизнь, политическую и служебную карьеру Кейнс посвятил созданию такой экономической политики, которая была бы одновременно и научно обоснованной, и прагматической.

В 1902 г. Кейнс перешел из Итона в Королевский колледж Кембриджского университета, где сначала предполагал изучать математику. Но Альфред Маршалл, один из отцов неоклассической экономической науки, убедил его обратиться к экономике. Маршалл был значимой фигурой в микроэкономике начала XX в., и его методология оказала влияние на Кейнса. По мнению Роджера Бэкхауса и Брэдли Бейтмена, Маршалл «использовал формальную теорию, но относился к ней достаточно скептически, поскольку исходил из эволюционного понимания человеческой природы и социальной организации, а потому считал, что мир слишком сложен для математических моделей». Его методы были ближе к методам историка в том

отношении, что они «формировались не столько на основе статистических данных, сколько на основе тщательного наблюдения», хотя в худших случаях напоминали «бессистемный эмпиризм». Бэкхаус и Бейтмен обратили внимание на важный парадокс у Кейнса: «Хотя его идеи безусловно способствовали формализации как макроэкономической теории, так и эконометрики, сам он относился к этим двум областям в высшей степени скептически»⁸.

Как мы уже видели в начальных главах, Кейнс верил в способность образованных и просвещенных специалистов (в противоположность Мизесу, который уничижительно характеризовал бюрократию) решать самые сложные социальные, экономические и политические проблемы. При наличии корректной информации наилучшие решения примет тот, кто лучше всех подготовлен к интерпретации данных. В этом отношении, как свидетельствуют его споры с Хайеком, Кейнс сохранял веру в технократическую элиту и видел в ней гаранта социального прогресса. Как следствие, он считал, что экономические теории должны корректироваться применительно к конкретным ситуациям и не являются чем-то неприкосновенным. По этому вопросу он резко расходился с австрийскими теоретиками, питавшими незыблемую веру в неизменный экономический закон. Вот почему неolibеральная критика экономической политики в послевоенный период была сосредоточена не только на государственно-административной практике Нового курса и социальной демократии, но и на Кейнсе, его теориях и его наследии. Бреттон-Вудская денежная система тоже подверглась критике. И хотя многие критические замечания в адрес того, что стало называться кейнсианством, можно было примирить с главными идеями самого Кейнса, многие другие примирить было нельзя.

Помимо общезначимой роли, которую Кейнс сыграл как экономист-теоретик и архитектор Бреттон-Вудского соглашения, его позиция сыграла ключевую роль в формировании неolibерального экономического анализа. Здесь можно выделить три основных пункта. Во-первых, убежденность Кейнса в благотворности государственного вмешательства; во-вторых, разработанный им метод макроэкономического анализа экономической политики; в-третьих, его наследие в том виде, как оно было истолковано и дополнено последователями Кейнса после его смерти. Первым и главным было теоретическое

обоснование того подхода к экономической политике, который приобрел популярность в 1930-е годы и нашел особенно яркое выражение в политике Нового курса при администрации Рузвельта⁹. Кейнс считал необходимым использовать правительство и возможности государственного кошелька для смягчения самых тяжелых последствий экономических спадов. Как сказано в его сочинении «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), при экономической депрессии принципиально важно стимулировать потребительский спрос, чтобы подстегнуть производство. Экономика получит начальный импульс благодаря тому, что государственные расходы и инвестиции заполнят — даже за счет повышения государственного долга — вакуум спроса, образовавшийся из-за снижения частных расходов. С точки зрения Кейнса, государственное планирование спроса — главное средство экономического выздоровления. В частности, важной формой государственного вмешательства Кейнс считал общественные работы и государственные проекты, которые еще в 1924 г. назвал важным методом снижения безработицы¹⁰. Ключевой элемент стратегии, с помощью которой Рузвельт намеревался справиться с Великой депрессией, как раз и состоял в создании рабочих мест за счет государства и государственном финансировании инфраструктурных и технических проектов. Самыми наглядными примерами стали Управление общественных работ и Управление работ в долине Теннесси.

По мнению Дэвида Лэйдлера, такой подход к экономическим преобразованиям резко контрастировал с идеями экономистов австрийской школы. Он полагает, что после 1929 г. идеи Кейнса восторжествовали над предупреждениями таких экономистов, как Хайек и Мизес (они указывали, что государственное вмешательство в форме фискальной и денежной экспансии вызовет инфляцию), по одной весьма важной причине: «Австрийская теория, как было известно, объясняла, к чему приводит безответственная политика. Она утверждала, что кредиты, щедро раздаваемые банковской системой, позволяют фирмам распоряжаться этим производством инвестиционных товаров без малейшего намерения сберечь хоть что-нибудь, что этот процесс можно поддерживать только за счет постоянно растущей инфляции, а когда он придет к неизбежному концу, кризису, экономика будет обременена массой незавершенных капитальных проектов и не способна

удовлетворять спрос на потребительские товары». «Этот дисбаланс, — продолжает Лэйдлер, — можно выровнять только со временем, за счет прироста рабочей силы и амортизации основных фондов». Попытки правительств ускорить процесс не приносили результата, поскольку «проблему создали в первую очередь избыточные денежные вливания и их дальнейшее увеличение было самой ненужной вещью, так как основные фонды и без того были чрезмерно раздуты» и «было бессмысленно принимать меры по стимулированию потребительских расходов, когда экономика не справлялась с удовлетворением текущего спроса»¹¹.

Австрийская теория интерпретировала Великую депрессию как провал государства и этим резко отличалась от господствовавшего мнения, считавшего депрессию результатом провалов капитализма 1930-х годов. Отголоски подобных дебатов о том, что является главной причиной рецессии — государство или рынок, слышались вновь и вновь, когда бум очередного экономического цикла завершался спадом. Австрийская теория имела немало слабых мест. По мнению Лэйдлера, она «оперировала логическими возможностями так, словно это были логические необходимости». Вместе с тем это была «строгая экономическая теория (по стандартам того времени), придававшая интеллектуальную респектабельность доводам в пользу политики «невмешательства» по отношению к депрессии, политики, которая пользовалась особой популярностью в финансовом сообществе и широких консервативных политических кругах по обе стороны Атлантики»¹². Кейнс позволил свободно вздохнуть тем оптимистам, которые хотели экономических и социальных перемен. Его идеи, как казалось, вооружали политиков и государственных чиновников работоспособным инструментарием, с помощью которого можно было желательным образом реформировать капитализм после его, на первый взгляд, несомненного коллапса. Они, казалось, давали власть и контроль. Как мы увидим, Фридмен предложил несколько иное объяснение Великой депрессии, которое принимало многие посыпки австрийской теории, но объявляло главной причиной ошибочную денежную политику руководства Федеральной резервной системы.

Второй аспект кейнсианского канона, важный в плане развития неолиберализма после Второй мировой войны, — это разработанная им теория макроэкономического анализа;

именно она создала почву, на которой монетаристы выстроили свою контртеорию. Классическая и неоклассическая экономические теории всегда исходили из того, что в долгосрочной перспективе спрос и предложение тяготеют к равновесию с полной занятостью. Кейнс, со своей стороны, считал, во-первых, что это неверно, а во-вторых, что это подразумевает использование принципа *laissez faire*, чреватого неприемлемыми социально-экономическими издержками. Экономикой, полагал он, следует управлять в соответствии со сложившимися и действующими крупномасштабными соотношениями, которые, в свою очередь, оказывают влияние на многие экономические решения индивидуальных агентов на рынке. Он имел в виду соотношения между деньгами, налогами, кредитом, долгом и расходами.

Кейнс начал развивать свои идеи об общеэкономических явлениях в «Трактате о денежной реформе», опубликованном в 1923 г. По мнению Скидельски, «центральная рекомендация трактата в области экономической политики сводилась к тому, что денежная политика должна проводиться с целью стабилизации уровня цен», а «центральный теоретический тезис состоял в том, что данная цель должна достигаться с помощью стабилизации «спроса на деньги» для нужд бизнеса». Иными словами, если предложение кредита можно регулировать, «тогда, согласно количественной теории денег, монетарные власти могут установить любой уровень цен». Позиция «Трактата о денежной реформе» отличалась радикальностью. Как полагает Скидельски, «банковская система, регулируя объем кредитования делового сектора, могла сглаживать колебания деловой активности». Кейнс «установил единственную регулируемую величину, предложение кредита, способную определять уровень цен и уровень активности в масштабах всей экономики», что «положило начало макроэкономике»¹³.

Кейнс полагал, что экономики могут находиться в состоянии равновесия, т.е. сбалансированности спроса и предложения, даже и без полной занятости. Такое утверждение считалось невозможным с точки зрения классических и неоклассических экономистов, считавших, что в результате совокупного воздействия экономической деятельности эгоистических индивидов, максимизирующих полезность, экономики всегда пребывают в равновесии с полной занятостью или движутся к равновесию. Как писала «Washington Post», «новизна

его позиции — во всяком случае на фоне тогдашнего научного истеблишмента — состояла в том, что, по его мнению, экономике свободного предпринимательства не присуща тенденция к достижению высокого уровня занятости»¹⁴. Напротив, считал Кейнс, в развитых экономиках заработная плата и цены негибки, т.е. медленно реагируют на такие экономические шоки, как изменения в совокупном спросе и предложении.

Это обстоятельство, по мнению Кейнса, создает проблему неполной занятости, поскольку подразумевает, что сокращение спроса с большей вероятностью приведет не к падению заработной платы (ввиду наличия профсоюзов), а к росту безработицы. Кейнс всегда хотел защитить капитализм. По словам Найджела Лоусона, «его позиция состояла в том, чтобы, с одной стороны, избавить идею свободного рынка от крупных проблем, возникших в 1930-е годы, а с другой стороны, защитить ее от социалистической идеи, в которую он не верил»¹⁵. Главной проблемой, которую он пытался решить с помощью регулирования и управления макроэкономической политикой, была безработица. Он считал, что помочь в решении проблемы может государство — путем снижения налогов или путем повышения государственных расходов, поскольку это окажет влияние на совокупный спрос. Как показал Скидельски, такой подход позволил Кейнсу точно подметить главную слабость австрийской школы, а именно отсутствие теории ожиданий. Хайек «утверждал, что в каузальном отношении значимы только субъективные оценки: общие величины не могут оказывать влияния на индивидуальные решения». В отличие от Хайека «Кейнс полагал, что коллективные ожидания служат мотивами индивидуальных оценок и что государство, контролируя совокупные величины, может воздействовать на индивидуальные ожидания».

С этой точки зрения Фридмен никогда не отрицал значения макроэкономики и руководствовался той системой координат, которую установил Кейнс. Как отметил Скидельски в статье о Кейнсе и Хайеке, в 1990—2000-е годы Федеральный резерв и Банк Англии устанавливали целевые уровни инфляции с расчетом на управление ожиданиями, что и предлагал Кейнс в «Трактате о денежной реформе»¹⁶. Разработанная Кейнсом теория макроэкономического управления спросом во многом повлияла на то, как экономисты и политики представляли экономическую стратегию. После 1945 г. его идеи в равной мере

служили точкой отсчета и для «кейнсианского», и для монетаристского подхода к экономической политике. Но монетаристы использовали его систему координат для получения иных выводов о принципах управления экономикой.

Наконец, третье и для этой книги наиболее важное изменение мысли Кейнса — это его наследие. И прежде всего нас интересует то, как экономисты и консультанты кейнсианского толка внедряли его идеи в английскую и американскую экономическую политику послевоенных лет. Как мы видели, сам Кейнс скептически оценивал возможности экономической информации и прогнозирования. Он считал, что государственное управление совокупным спросом никогда не будет точным, но вместе с тем полагал, что оно будет значительным «улучшением по сравнению с *laissez faire*»¹⁷. Однако последователи Кейнса пошли гораздо дальше. Для послевоенных кейнсианцев главным залогом успешного управления экономикой по заветам Кейнса служила уверенность в доступности адекватной экономической информации. Пользуясь ею, лица, разрабатывающие экономическую политику, могут вносить точные коррективы в свои планируемые меры и так настраивать экономическую политику, чтобы обеспечивать полную занятость с приемлемым уровнем издержек — более высокой, но управляемой инфляцией.

188 В 1958 г. новозеландский экономист Уильям Филлипс в статье о безработице и росте заработной платы в Англии впервые сформулировал обратную зависимость между безработицей и инфляцией (потом она получила название «кривая Филлипса»): если безработица удерживается на низком уровне, инфляция будет расти¹⁸. Но проявляется это только в долгосрочной перспективе. Применительно к американскому контексту эта зависимость была исследована в получившей большую известность статье Пола Самуэльсона и Роберта Солоу¹⁹. Выход, который они предлагали, состоял в том, чтобы проводить кейнсианскую политику: поддерживать полную занятость при заданном уровне инфляции за счет управления бюджетом и увеличения или уменьшения денежной массы соответственно ускорению или замедлению темпов экономического роста. Примирение с инфляцией характерно для кейнсианской политики в Англии и США в 1950—1960-е годы, — хотя, конечно, в тот период инфляция была сравнительно низкой благодаря устойчивому экономическому росту и полной занятости.

Сам Кейнс, однако, хорошо сознавал потенциальную и реальную опасность инфляции. В частности, во время войны он указывал, что если государство увеличит расходы, но не примет меры для ограничения индивидуального потребления, инфляция неизбежна. В работе «Как оплачивать войну»²⁰ и в проекте бюджета 1941 г., составлением которого он руководил, Кейнс искал возможности финансировать военные действия Англии неинфляционными способами. Чтобы сохранить стабильный уровень заработной платы и цен, в теоретической работе он, в частности, предлагал повысить налоги для богатых и отсрочить платежи для бедных. Фридмен оценил оба рецепта и посвятил этим идеям «значительное внимание в двух его первых статьях об инфляции (1942, 1943)»²¹. По словам Джорджа Педена, Кейнс считал бюджет 1941 г. революционным для государственных финансов. Более того, этот бюджет «стал образцом для последующих бюджетов», и Кейнс полагал, что «его логическая структура и ограниченное принятие принципа послевоенных кредитов [они должны сохраняться для использования после победы в войне]» были теми вещами, на которые он повлиял больше всего. Бюджет 1941 г. «ознаменовал принятие кейнсианской макроэкономики в плане сдерживания инфляции, но политическое признание его рецептов по обеспечению полной занятости пришло в последующие военные годы [«белая книга» 1944 г. по занятости]»²². Если принять во внимание направленность усилий Кейнса во время войны, полагает Педен, то нет никаких оснований считать его сторонником дефицитного финансирования. Перед лицом новых обстоятельств он проявлял несомненную гибкость в подходах. Это позволяет понять всю сложность проблемы, которую создало следующее поколение экономистов, считавших себя приверженцами теорий Кейнса, но старавшихся подавать их под своим собственным соусом.

Монетаристские идеи начали просачиваться позже, когда заявили о себе экономические проблемы, ассоциировавшиеся с кейнсианской тонкой настройкой, которую понимали как политику «стоп-вперед», т.е. как политику попеременного стимулирования и торможения экономики. Но в 1950–1960-х годах эти идеи циркулировали преимущественно на периферии. В частности, Рой Харрод, доверенный экономический консультант консервативного премьера Гарольда Макмиллана и официальный биограф Кейнса, в 1957 г. писал

Макмиллану о монетаризме следующее: «Идея снижения цен с помощью ограничения количества денег возникла до Кейнса. Кейнс приложил добрую половину своих усилий для опровержения именно этой идеи. Едва ли какой экономист моложе пятидесяти под ней подпишется. Если бы появился повод считать, что консерваторы разделяют подобную идею, многие умеренные экономисты перешли бы в ряды лейбористов, и, более того, [Хью] Гейтскелл [лидер лейбористов], возможно, смог бы направить их усилия на критику и осмеяние такой политики. Я искренне надеюсь, что ни один представитель правительства никогда не скажет ничего такого, из чего можно было бы заключить, что правительство поддерживает столь архаичную доктрину»²³.

Такова в то время была типичная позиция экономистов господствующего направления и позиция политиков, которых они консультировали. Эта позиция была порождена в том числе и практической необходимостью, поскольку кейнсианские идеи, как представлялось, давали стоявшим у власти надежду, что у них в запасе есть много способов справиться с экономическими проблемами. Мнение Харрода отражало также общую позицию просвещенной общественности в Англии и США, т.е. убеждение, что необходимо поддерживать полную занятость, даже если это вызывает инфляцию. Считавшиеся тогда предельно допустимыми уровни безработицы, 1—4%, сегодня кажутся микроскопическим²⁴. В Англии презумпция полной занятости как высшего приоритета впервые подверглась критике на политической уровне во время дебатов по бюджету 1958 г.; против нее выступили министр финансов Питер Торникрофт и его команда.

190 «Небольшое затруднение местного порядка»: монетаризм Эноха Пауэлла

Первой проверкой кейнсианского консенсуса на прочность стал кризис, который привел к тому, что консервативный кабинет покинули министр финансов Питер Торникрофт и его заместители, финансовый секретарь Энох Пауэлл и экономический секретарь Найджел Бёрч. Они предлагали заменить политику сдерживания безработицы на уровне менее 3% снижением государственных расходов и контролем за денежной массой.

Торникрофт кратко изложил свои доводы в пользу монетаризма (в правильности которого его убедил Энох Пауэлл) в записке, направленной кабинету в конце 1957 г.: «Я пришел к выводу, что постоянное повышение заработной платы и цен в конечном счете основано на царящей в стране уверенности, что правительство всегда даст достаточно денег на поддержание полной, а на самом деле чрезмерной занятости, как бы ни росли заработная плата и цены. И до тех пор, пока мы не покажем, что на это нельзя рассчитывать, мы не сдвинемся с места. Политика призывов к работодателям и профсоюзам соблюдать взаимную сдержанность, проводившаяся нашими предшественниками и нами самими в течение 10 лет, доказала свою неэффективность при существующем состоянии спроса»²⁵.

Макмиллан, со своей стороны, предпочитал традиционную кейнсианскую дефляцию. Он приводил в пример две теории инфляции: одна принадлежала Рою Хэрроду, а другая Лайонелу Роббинсу (некоторое время он был другом Хайека, но потом их теоретические позиции разошлись, поскольку Роббинс не принимал предложенную Хайеком интерпретацию Великой депрессии; личные их отношения тоже расстроились после развода Хайека с первой женой)²⁶. В своем меморандуме об инфляции Макмиллан, в частности, писал: «Сторонники противоположной точки зрения склонны считать, что нам нужно пойти на конфликт с профсоюзами». Но это, добавил он, «было бы борьбой с симптомами, а не с самой болезнью». Поэтому заключил он, «единственный практический выход — это снижение спроса» в типичной кейнсианской манере²⁷.

В январе 1958 г. Торникрофт, Пауэлл и Бёрч подали в отставку, поскольку считали, что государственные расходы нужно сократить еще на 50 млн ф. ст. против того, на что соглашался кабинет. 10 января 1958 г. журнал «Spectator» в передовой статье с издевкой отозвался о происшедшем: «Дело представили так, будто мистер Торникрофт и его заместители оставили свои посты совершенно неожиданно, всего из-за каких-то 50 миллионов, ибо из-за своей приверженности финансовому формализму желали сократить расходы на социальные услуги. Но такое объяснение их ухода внутренне противоречиво и ложно. Потому что, несмотря на все громкие заявления мистера Батлера [министра внутренних дел Рэба Батлера] и других, трудно не согласиться с мистером Бёрчем, который сказал о «битве с инфляцией»: «Мы стара-

лись ее победить, а они нет»»²⁸. Для правительства Макмиллана борьба с инфляцией отступала на второй план по сравнению с сохранением полной занятости. Макмиллан был типичным представителем того поколения тори, которое пережило кошмары Великой депрессии и войны, а потому было убеждено, что каждый по праву должен иметь экономическую безопасность. Его политическое кредо состояло в преданности «среднему пути», который подразумевал смешанную экономику и социальное государство²⁹.

Примечательно, что Торникрофт, Пауэлл и Бёрч предприняли свой демарш в то время, когда инфляция составляла около 3%, т.е. была низкой по последующим меркам 1970-х годов. Однако они, и в особенности Пауэлл, были убеждены в необходимости другой стратегии. Правда, тогда даже журнал «Economist» предполагал, что отставка объяснялась взывавшим административным «самолюбием», а вовсе не принципиальным стремлением снизить «долю национального дохода, поглощаемую государственными расходами»³⁰. «Самолюбие» заключалось в желании справиться с инфляцией, а оно шло вразрез с господствовавшим интеллектуальным и политическим умонастроением, при котором царило убеждение, что безработица не должна превышать 2—3%.

Непосредственные последствия отставки были незначительными. Правительство продолжало работать, как работало, — Макмиллан объявил отставку «небольшим затруднением местного порядка», — хотя после выборов 1959 г. ему пришлось заморозить заработную плату, что отразилось на его популярности³¹. После первого монетаристского демарша лейбористские и консервативные правительства еще почти 20 лет продолжали кейнсианскую политику. Вопрос стоял так: нужно ли идти на риск ускорения темпов безработицы, сопряженный с сокращением денежной массы и государственных расходов. Правительства обеих партий отвечали на него одинаково: нет. Сам Пауэлл в письме к своему бывшему начальнику Торникрофту (после того как они ушли из правительства) представлял общую картину так: «Сегодня Консервативная партия пребывает в почти маниакальной тревоге о безработице не выше 2,8% — хотя в данный период такая цифра вряд ли достижима, — а уровень государственных расходов ее абсолютно не волнует. Она почему-то уверена, что при любом уровне государственных расходов можно рассчитывать

на существенное снижение налогов, и единственное, что ее заботит в плане госрасходов, это достаточно ли тратит правительство. Что касается инфляции, то даже фондовая биржа и банки перестали о ней беспокоиться — во всяком случае, на данный момент»³².

Твердое намерение правительства держать безработицу на низком уровне свидетельствовало, что ведущие политики были убеждены в возможности тонкой настройки экономики. Общее настроение политической элиты в те годы хорошо передает история, которую рассказал мне Питер Джей: «Где-то в 1962 г., когда я был младшим сотрудником Казначейства, меня назначили секретарем небольшого комитета, который занимался программой повышения квалификации для старших помощников; это были молодые и амбициозные чиновники Казначейства, только начинавшие карьеру. В результате возникло учреждение под названием Центр административного обучения, располагавшееся в Риджент-парке. Меня тоже послали туда на первый курс в порядке эксперимента. В общем, у нас там была отличная компания энергичных молодых ребят и девушек (правда, не сказал бы, что девушек было слишком много, но все-таки...). И вот однажды к нам пришел главный составитель прогнозов и гуру Казначейства Уинн Годли и предложил поговорить на тему «что такое полная занятость». (Мы тогда, естественно, все выступали за полную занятость, каждое правительство со времен «Белой книги по политике трудоустройства» 1944 г. и закона о занятости 1946 г. в США.) Так вот, что же это такое? Поскольку ясно, что 0% тут быть не может, то чем еще, кроме чисто интуитивного представления о высокой безработице, можно руководствоваться, когда нужно принять бюджетные решения и установить, сколько денег необходимо потратить для достижения намеченной цели? Он назвал нам уровень. И я отчетливо, как сейчас, помню, все мы, восходящие звезды будущего, включая будущих министров кабинета всех сортов и мастей, набросились на него в гневе и ярости и кричали, что он предлагает вещь чудовищную и безнравственную, отвратительную и реакционную, подлую и жестокую и что у нас нет слов, чтобы выразить свое негодование. Для него желательным или целевым уровнем было $1\frac{3}{4}\%$. Мы, со своей стороны, установили $1\frac{1}{4}\%$. Мы считали это глубоким идеологическим расхождением, да и большинство тоже. Был такой профессор Фрэнк Пейш; так вот

он предложил $2\frac{1}{2}\%$, и за это его объявили ни много ни мало нацистом!»³³ Таковы были общее умонастроение и идеологический климат, которым бросил вызов Пауэлл во время монетаристского демарша 1958 г. Именно эти установки Фридмен полностью развенчает в глазах многих в 1970-х годах, когда инфляция станет явно малоуправляемой.

В течение всех 1960-х годов Пауэлл оставался законодателем мод для правого крыла Консервативной партии. Он твердо выступал на рыночную политику в решении социальных проблем и озвучивал мнение тех, кто не был согласен с широким консенсусом двух партий по вопросам социального государства и управления спросом. Кроме того, он был скандально известен своими предупреждениями о последствиях иммиграции из стран бывшей Британской империи и стран Содружества и приобрел репутацию союзника радикальных расистов. Вместе с тем Пауэлл состоял в Обществе Мон-Пелерен, и Милтон Фридмен высоко ценил его деятельность на этом поприще. Фридмену импонировала приверженность Пауэлла идеям монетаризма и свободного рынка. Например, в письме Уильяму Бакли Фридмен заметил: «Однако главный повод для написания этого письма был другим [перед этим Фридмен поздравил Бакли с прекрасным полемическим выступлением против Дж. К. Гэлбрейта на телепередаче «Линия огня»]. Я хотел высказаться по поводу вашей статьи “Энох Пауэлл”. Думаю, вас ввели в заблуждение английские интеллектуалы. Их представления о Пауэлле столь же далеки от реальности, как представления американских интеллектуалов о Никсоне и Агню. Я много раз встречался с Пауэллом, беседовал с ним и участвовал вместе с ним в разных мероприятиях. Он обладает более правильным и глубоким пониманием экономических принципов и яснее сознает связь между экономической и индивидуальной свободой, чем любой другой крупный политик из тех, с кем я знаком. Но, пожалуй, и этого будет мало. Если взять более общую перспективу, такую как у вас, я скажу, что редко встречал людей, которые разбираются в этих вещах столь же блестяще, как Пауэлл. Именно его умственные качества в сочетании с его непопулярными взглядами и настроили интеллектуалов против него. Я не разделяю его взгляды на иммиграцию, но я читал его речи по этому вопросу, и ни одна из них не оставила у меня впечатления расистской — в каком бы широком значении ни брать этот термин»³⁴.

Заключительную речь Пауэлла во время избирательной кампании 1970 г., писал Фридмен, «я считаю одной из самых выдающихся политических речей, какие я только слышал»³⁵.

Пауэлл пользовался огромным авторитетом среди английских консерваторов-тэтчеристов, и многие из них признавали, что его речи 1960-х годов (Пауэлл много ездил по стране и выступал перед избирателями со своей программой) сформировали их позицию. По словам бывшего министра финансов Джеффри Хоу, который в 1950-х годах возглавлял Группу Бау, Пауэлл «часто выступал на тех собраниях, куда мы ходили, например на собраниях местного совета Консервативной партии. Выражался он довольно сложно, и мы иногда слушали его с изумлением, не понимая, о чем он говорит, но это непонимание ничуть не мешало восхищаться его академическим стилем»³⁶. Пауэлл был убежденным сторонником свободного рынка, что шло вразрез с настроениями, господствовавшими в Консервативной партии. Норманн Ламонт, считавший, что в 1960-е годы он был «левоцентристским консерватором», вспоминал, как в Кембридже слушал Пауэлла, который «критиковал французское планирование. Помню, он критиковал и политику регулирования доходов, а еще помощь зарубежным странам». Тогда эти рассуждения показались Ламонту «несколько заумными и идущими против здравого смысла. Но, вы знаете, лет через десять я уже стал соглашаться с большинством из них»³⁷. По словам руководителя группы экономических консультантов Маргарет Тэтчер Джона Хоскинса, Пауэлл, конечно, отличался «эксцентричностью», но был «человеком блестящим», «по-настоящему оригинально мыслящим»³⁸. И тут, заключил Хоскинс, «начинаешь понимать, что он гадал на кофейной гуще лет на тридцать раньше любого другого»³⁹.

Как и Фридмен, Пауэлл громогласно критиковал Бреттон-Вудскую систему. Более того, он поднимал на смех саму идею денежной системы: «Звучит это величественно и внушительно. Ведь все, что именуется «системой», тут же начинает восприниматься как нечто систематичное, т.е. логичное и рациональное. Поэтому самые непочтительные иконоборцы обязаны благоговейно склониться перед так называемой мировой денежной системой. Но не говоря уже об имени идола, международное священство — это все люди в высшей степени достойные почтения, носители того, что у римлян называлось

*gravitas**. Когда они съезжаются со всех концов света, чтобы принести умиловительную жертву своему божеству, во всем мире люди трепещут»⁴⁰.

Пауэлл выступал против фиксированных валютных курсов и валютного контроля, которые, по его словам, превращали золото в «опасный наркотик». «Система, требующая абсурдных действий, сама абсурдна», — утверждал он⁴¹. В докладе на заседании Общества Мон-Пелерен Пауэлл объяснил, как он представляет последствия этой системы: «Таким образом, фиксированный внешний паритет фунта стерлингов [к доллару] стал мощным средством расширения государственного контроля над людьми. Механизм работает так. При фиксированном валютном паритете платежный баланс уходит в дефицит, хотя правительство уже подорвало собственную валюту и намерено заниматься этим и впредь [печатать слишком много денег]. Но вина возлагается на поведение граждан, а не на действия правительства. Поэтому «кризис» платежного баланса приводит к усилению контроля над гражданами. Однако через какое-то время платежный баланс опять оказывается дефицитным, — скорее всего (хотя и необязательно) потому, что правительство продолжает портить валюту. Отсюда делается вывод, что граждан контролировали недостаточно и контроль нужно усилить. Этот порочный круг — отнюдь не плод фантазии, не игра воображения. Это то, что англичане реально пережили шесть или семь раз с тех пор, как в 1955 г. было похоронено предложение отпустить фунт стерлингов в свободное плавание»⁴². Система фиксированных курсов, утверждал Пауэлл, подчинила Англию американской власти, власти доллара. «Сбой международного ценового механизма под влиянием фиксированных обменных курсов, — заключил он, — это самая серьезная угроза сохранению или восстановлению свободных институтов»⁴³. В начале 1970-х годов Институт экономических дел старался поддержать Пауэлла в политическом плане, поскольку считал его наилучшим кандидатом в премьер-министры при условии, что он сменит Эдварда Хита во главе Консервативной партии. Директор института Ральф Харрис считал, что Хит ведет страну к «краху», и предложил Пауэллу встретиться, чтобы обсудить «приоритеты политики, когда для нее наступит время»⁴⁴.

* Достоинство, величие (лат.) — Прим. перев.

Пауэлл не очень жаловал США и побывал там только в 1968 г., когда ему было 56 лет. К Фридмену душа у него лежала явно меньше, чем у того к нему. В 1974 г. на предложение Фридмена встретиться Пауэлл ответил: «Весьма сожалею, но наступающие здесь всеобщие выборы делают перспективу встречи с Вами в Брюсселе или Лондоне крайне неопределенной»⁴⁵. Возможно, Пауэлл действительно считал эту причину существенной, но в тех обстоятельствах — когда слава Фридмена достигла зенита, а до выборов оставалось еще два с половиной месяца — прохладный тон письма, видимо, действительно свидетельствовал о некотором равнодушии со стороны Пауэлла. Выступая перед представителями Торговой палаты США в 1965 г., Пауэлл говорил об Америке как о некоей абстракции и с ироническим подтекстом: «Хочу начать с одного признания. Я никогда не пересекал Атлантику. Поэтому для меня существование обитаемых земель по ту сторону океана всегда было информацией из вторых рук, знанием с чужих слов. Но поспешу добавить, что эти сведения я считаю вполне надежными, обстоятельными и для практических надобностей совершенно достаточными»⁴⁶. Затем он посетовал на влияние Джона Кеннета Гэлбрейта, кейнсианского экономиста из Гарварда, советника Кеннеди и Джонсона, а также на саму американскую идею. По его словам, Гэлбрейт поставлял аргументы для настроенных против капитализма англичан, которые могли сказать, что «вот ведь, даже американец» убежден в необходимости укрощать рынок: «Однако для некоторых из нас это означает, что если однажды нам и удастся развенчать миф об Америке как о безупречном образце свободного капиталистического общества, мы все равно сможем получать помощь и поддержку от ее примера и рассчитывать на солидарность и мужество ее граждан»⁴⁷. С конца 1960-х годов отношение Пауэлла к Америке начало смягчаться, поскольку он обнаружил, что может прилично зарабатывать на презентациях своих экономических идей, теперь вошедших в моду⁴⁸. Впрочем, его принципиальный антиамериканский настрой оставался неизменным до конца жизни. Тем не менее Пауэлл был важным членом трансатлантического сообщества, которое продуцировало и продвигало неолиберальные идеи через его каналы связи с Институтом экономических дел и Обществом Мон-Пелерен.

Пауэлл и его коллеги по кабинету выступили с монетаристскими предложениями в 1957—1958 гг., когда английская поли-

тическая элита еще не желала прислушиваться к их доводам. Макмиллан и большинство его министров были аристократами - тори, преданными идее социал-демократического устройства; смешанную экономику и всеобщее социальное государство они рассматривали как гарантию того, что бедствия 1930-х годов больше не повторятся. Тогда еще не пришло время для монетаристского и, соответственно, неолиберального прорыва.

Американская экономическая политика в 1960-е годы

В 1960-е годы американскую экономическую политику направляло декларируемое кейнсианство президентов Кеннеди и Джонсона и их экономических советников — Уолтера Хеллера, Джеймса Гобина, Гарднера Акли, Артура Окуна и Джона Кеннета Гэлбрейта. Их стратегия состояла в том, чтобы держать безработицу на уровне не более 4%, — т.е. чуть выше планки, установленной английскими консерваторами, — с помощью стимулирования или дефлирования экономики путем снижения налогов и регулирования денежной массы. 4% — знаменитое фискальное правило, выдвинутое Американским комитетом по экономическому развитию в авторитетном заявлении 1947 г.⁴⁹ Против этого подхода выступил Барри Голдуотер во время президентской кампании 1964 г., — но безуспешно. Как и в Англии, в США это было время наивысшего подъема кейнсианской экономической политики. Поэтому фискальный консерватизм Голдуотера и его органическая неприязнь к расходам на социальное обеспечение и увеличению государственных расходов резко контрастировали с господствующим американским умонастроением. В 1960-е годы американская экономика находилась на подъеме; программы Великого общества и Войны с бедностью вкупе с эскалацией Вьетнамской войны привели к резкому росту государственных расходов и потребления.

В центре экономических планов администрации Кеннеди было значительное снижение налогов ради стимулирования спроса. Несмотря на стабильный экономический рост (если не считать непродолжительного спада в самом конце президентства Эйзенхауэра) и сбалансированные бюджеты при Трумэне

и Эйзенхауэре в 1950-х годах, советников Кеннеди беспокоила перспектива возвращения рецессии или даже чего-то еще худшего. Повторения депрессии боялись с самых 1930-х годов. В качестве профилактики этой предполагаемой опасности они избрали мощный стимул, основанный на снижении налогов для частных лиц и компаний в сочетании с повышением государственных расходов. Важен был сам объем стимулирования, разъясняет Томас Кейриер: кейнсианская теория позволяла рассчитать «точный размер необходимого фискального стимула» с помощью «так называемых мультипликаторов, описанных к книге Кейнса [«Общая теория»]. Если мультипликатор равен двум, дополнительный 1 млрд долл. государственных расходов должен принести 2 млрд долл. в виде дополнительного национального продукта»⁵⁰. Таким образом, экономисты Кеннеди считали, что могут оценить уровень увеличения государственных расходов, необходимый для предотвращения любого возможного спада. Кейриер хорошо описывает этот метод: «Кейнсианцы считали, что денежно-кредитная политика должна подкреплять налогово-бюджетную политику, — когда, например, требуется подстегнуть экономику в период рецессии. Федеральному резерву нужно просто увеличить объем денежной массы в обращении, и процентные ставки упадут. А низкие ставки, в свою очередь, вызовут рост инвестирования и потребительских расходов. Если же необходимо притормозить экономику, чтобы сбить инфляцию, правительство должно сократить объем денежной массы, повысить процентные ставки и придержать государственные расходы. По их мнению, залогом успешной денежно-кредитной политики является такая ее координация с налогово-бюджетной (фискальной) политикой, чтобы та и другая либо совместно активизировали экономическую активность, либо совместно ее замедляли»⁵¹. Политика Кеннеди—Джонсона — это тонкая настройка в действии. Она была привязана и к работе международной денежной системы, поскольку США, как и Англия, должны были предотвращать угрозу кризисов платежного баланса. Например, в начале 1960-х годов золото утекало из США в таких пугающих масштабах, что Федеральному резерву пришлось искусственно поддерживать сокращавшийся спрос на доллары⁵².

Фридмен ознакомил Голдуотера со своим альтернативным вариантом, который позволил бы избежать этих перманентных проблем платежного баланса. Голдуотер занимал позицию

непреклонного фискального «ястреба», и его кампанию можно рассматривать как момент зарождения консервативного движения в США. Конференция республиканцев в Сан-Франциско в 1964 г. стала началом политической карьеры Рональда Рейгана, который произнес восторженно встреченную речь в поддержку кандидатуры Голдуотера. Фридмен был хорошо знаком с главным советником Голдуотера, Уильямом Бэруди-старшим; Бэруди возглавлял Американский институт предпринимательства, поддерживал постоянные контакты с Голдуотером и консультировал его по экономическим вопросам в годы, предшествовавшие номинации Голдуотера. Это был один из многих каналов, связывавших Фридмена с высшим руководством республиканцев.

Из советов, данных Голдуотеру, становится ясно, что Фридмена, как и Пауэлла, особенно тревожило негативное воздействие валютного контроля на индивидуальную свободу. В частности, в 1960 г. Фридмен высказался по поводу заигрываний Голдуотера с идеей ограничить продажу золота и количество долларов, которое туристы могут вывозить из США. Замечания Фридмена стоит привести целиком, поскольку они дают наглядное представление о его убежденности в том, что такой контроль — это первый шаг к тоталитарной и коммунистической практике (в этом плане он разделял страх перед тоталитаризмом австрийских неолибералов Мизеса и Хайека): «Такая мера [валютный контроль] — это прямое ограничение индивидуальной свободы, и ограничение ничуть не менее серьезное, даже если вводится ради спасения доллара, чем в том случае, если вводится, как это делают русские, чтобы лишить граждан связи с остальным миром. Это первый шаг к абсолютному валютному контролю, одному из немногих действительно новых средств, изобретенных для того, чтобы государство могло контролировать своих граждан. Насколько мне известно, полный контроль за сделками с иностранной валютой измыслил Шахт, и он был впервые введен в Германии в 1934 г. Почти в каждом случае такой контроль, где бы он ни вводился, был только первой стадией широкого комплекса ограничений, налагаемых на личные и деловые операции. Мало какой вид регулирования так коварно порождает столь же уродливое потомство. Такой вид лечения — если его вообще можно назвать лечением — гораздо хуже самой мнимой болезни. Предлагая его, Вы — невольно,

я понимаю — льете воду на мельницу врагов всего того, что нам с Вами особенно дорого»⁵³.

После этого увещевания Фридмен пояснил, что, с его точки зрения, приемлемы только такие варианты, которые совместимы с индивидуальной свободой в свободном демократическом обществе: «Для решения проблемы оттока золота есть лишь два способа, совместимых с принципами свободного общества. Первый — это полноценный золотой стандарт; тогда нашу внутреннюю денежную политику нужно будет подчинить его требованиям, включая даже запуск внутренней дефляции в случае необходимости. Это было бы идеальное решение, если бы ему последовали все крупные страны Запада. Но если принять во внимание политический интервенционизм, распространенный сейчас в остальном западном мире, США нежелательно идти на это в одиночестве.

200

Поэтому единственное подходящее решение — это применить к обменному курсу принципы свободного рынка, а именно отменить фиксированную цену на золото и перейти к плавающему курсу, т.е. к системе, при которой цена доллара в других валютах определяется на рынке совокупным результатом частных сделок и может изменяться каждый день (такую систему десять лет успешно применяет Канада). Наши проблемы с золотом и долларом — это проблемы того же сорта, какие раньше у нас были в связи с регулированием арендной платы и до сих пор существуют с пшеницей. Если правительство фиксирует цену, неизбежно возникает либо нехватка (как при регулировании арендной платы, а сейчас с золотом), либо излишек (возникший после фиксирования цены на пшеницу или цены на золото в 1934 г.). Чтобы решить проблему с пшеницей, да и с золотом, нужно перестать фиксировать цены»⁵⁴. (Применимость золотого стандарта — полной конвертируемости валюты в золото — к международной денежной системе была одним из принципиальных вопросов, по которым Фридмен расходился с Хайеком и австрийской школой.) Против валютного контроля Фридмен выступил и в книге «Капитализм и свобода» (1962), в которой отстаивал свободный рынок как противовес советскому коммунизму в холодной войне⁵⁵.

Столь же энергично Фридмен отстаивал перед Голдуотером свободу торговли. Тарифы и квоты он считал совершенно неоправданными: «Стратегической целью для нас, либертарианцев, является свободная международная торговля [за исклю-

чением, возможно, торговли с СССР]. Ссылки на так называемые практические препятствия и в первую очередь на то, что в других странах заработные платы ниже, — это, главным образом, результат непонимания того, как работает система цен. Их нельзя считать вескими доводами против свободной торговли ни в принципиальном, ни в практическом плане»⁵⁶. Фридмен считал, что США следует в одностороннем порядке отменить ограничения во внешней торговле, — как это сделала Англия в лучшую свою пору в XIX в., когда ее процветание, по мнению Фридмена, было результатом политики свободной торговли и *laissez faire* при Гладстоне и Дизраэли. Когда Голдуотер спросил, что лучше, если придется выбирать между таможенными пошлинами и квотами, Фридмен высказался за пошлины, поскольку они безличны и точно определены, а потому не требуют бюрократического вмешательства. Такое предпочтение твердых правил произвольным решениям отражает влияние идей Генри Саймонса и представляет собой еще один пример экономической политики, которой впоследствии придерживались такие политические технократы, как Пол Волкер в США и Джеффри Хоу и Найджел Лоусон в Англии⁵⁷.

К общей политике Кеннеди—Джонсона последний добавил две свои программы — Великое общество и Войну с бедностью. Поражение Голдуотера сохранило широкие возможности для широкомасштабных государственных экспериментов при решении главных общественных проблем. Им сопутствовала поначалу незаметная, а потом уже явная эскалация конфликта во Вьетнаме. Когда десятилетие подошло к концу, ткань кейнсианской политики начала расплываться. Важной вехой в общественной критике приоритетов Демократической партии стало появление на сцене Милтона Фридмена как влиятельного политического интеллектуала.

Монетаризм Милтона Фридмена

Монетаризм Милтона Фридмена был наиболее последовательной, систематичной и значительной экономической стратегией, выдвинутой в качестве альтернативы кейнсианской доктрине управления спросом и тонкой настройки⁵⁸. Фридмен предлагал обманчиво простой и безболезненный рецепт: если управлять денежным джойстиком твердой рукой, можно сгладить

наиболее болезненные крайности экономических колебаний. О рыночной неолиберальной теории Фридмена мы уже говорили. Но сам Фридмен всегда проводил различие между своей общей приверженностью индивидуальной свободе и рынку, с одной стороны, и своей научной работой по экономическим процессам — с другой. Именно этот второй аспект — технические разработки, которые предлагал Фридмен в своем анализе управления спросом и его провалов, — как раз и позволяет объяснить авторитет, которым он пользовался у людей, отвечавших за социально-экономическую политику в 1970-е годы.

У большинства экономистов мнение Фридмена встретило неоднозначный прием, но зато поначалу привлекло внимание представителей всего политического спектра, не только правых. Фридмен считал, что главной ошибкой кейнсианской политики была недооценка важности стабильной денежной массы. Если Кейнс делал упор на налогово-бюджетную (фискальную) политику и наращивание денежной массы как средство выхода из экономических спадов, то Фридмен и его последователи приводили впечатляющие доказательства того, что причиной длительных экономических спадов, в том числе и Великой депрессии, в большинстве случаев было именно ошибочное управление деньгами. Опираясь на свою концепцию естественного уровня безработицы, Фридмен, как и австрийцы, выступал за политику «невмешательства» в управление экономикой со стороны государства и его чиновников. И хотя большинство профессиональных экономистов приняли рамки кейнсианского консенсуса, именно Фридмен пользовался наибольшим авторитетом среди влиятельных политиков и чиновников, разрабатывавших экономическую политику, — в том числе и потому, что в 1967 г. правильно предсказал наступление стагфляции в своем выступлении в Американской экономической ассоциации.

Развернутое доказательство важности стабильной денежной политики Фридмен предпринял в книге «Монетарная история США», которую написал в соавторстве с Анной Шварц⁵⁹. В этой известной книге Фридмен и Шварц привели большое количество фактического материала, свидетельствующего, что именно превратности денежной политики стали первопричиной бумов и крахов в новейшей истории США. Авторы утверждали, что Великая депрессия 1930-х годов была вызвана политикой Федерального резерва, который слишком резко сократил

объем денежной массы после краха Уолл-стрит в 1929 г. Ситуацию обострило еще и то, что начиная с 1932 г. Рузвельт в стремлении смягчить самые тяжелые последствия кризиса ввел много видов экономического регулирования и регулирования цен. Эта концепция прямо противоречила доктрине Кейнса в «Общей теории» (хотя Кейнс изложил похожую концепцию в «Трактате о деньгах») и объясняла Великую депрессию не проявлением разрушительных сил капитализма, а ошибками правительства и политики регулирования.

Свое отношение к взглядам Кейнса, изложенным в «Общей теории», Фридмен обобщил в ярком и вызвавшем большой резонанс выступлении в Американской экономической ассоциации в 1967 г.: «Кейнс предложил несколько вещей одновременно: объяснение предполагаемой неспособности денежно-кредитной политики сдерживать депрессию, немонетарное объяснение депрессии и альтернативу денежно-кредитной политики для борьбы с депрессией. Все его рецепты были с готовностью приняты. Если предпочтение ликвидности абсолютно или близко к таковому — что, как полагал Кейнс, характерно для периодов высокой безработицы, — процентные ставки невозможно снизить монетарными мерами. Если инвестиции и потребление мало зависят от процентных ставок — на чем настаивали Хансен и многие другие американские ученики Кейнса, — то низкие ставки, даже если их можно добиться, пользы не принесут. Монетарная политика осуждена дважды. С этой точки зрения сжатие экономики, запущенное коллапсом инвестиций, нехваткой инвестиционных возможностей или просто упрямым желанием экономить, невозможно остановить монетарными мерами. Но есть другой выход — налогово-бюджетная (фискальная) политика. Недостаток частных инвестиций можно восполнить государственными расходами, а упрямую бережливость побороть снижением налогов. Широкое распространение этих взглядов среди профессиональных экономистов привело к тому, что примерно лет двадцать почти все, кроме горстки реакционеров, считали денежно-кредитную политику архаизмом с точки зрения новой экономической науки»⁶⁰.

Фридмен считал, что повсеместное признание идей Кейнса заставило экономистов забыть о принципиально важной роли денежно-кредитной политики. Эта политика, отметил он, пользовалась большим вниманием в 1920-е годы,

а в послевоенный период ею стали пренебрегать. Однако в своем выступлении Фридмен предостерег: «Возможно, сейчас маятник качнулся уже слишком далеко в противоположную сторону, и мы, как было когда-то, рискуем приписать монетарной политике ту роль, которую она не способна выполнять, а тем самым рискуем отнять у нее возможность приносить ту пользу, которую она действительно способна принести»⁶¹.

Так на что же реально способны деньги? Как и Пауэлл, Фридмен разделял «количественную теорию денег» Ирвинга Фишера. Теория эта на самом деле имеет длинную историю, ибо от польского эрудита Николая Коперника восходит к французскому теоретику политики XVI в. Жану Бодену, далее к философу эпохи Просвещения Давиду Юму и, наконец, к английскому теоретику либерализма и политическому экономисту Джону Стюарту Миллю. Несколько модернизируя теорию Фишера, Фридмен считал, что денежная масса — самый важный инструмент экономической политики в плане установления и поддержания стабильности на рынках. Но это достижимо лишь при условии, что будут правильно поняты пределы возможностей денежно-кредитной политики, на которые указывали прежде всего экономисты-кейнсианцы: «Из безбрежного моря ограничителей денежно-кредитной политики я выбрал для обсуждения следующие два: 1) она может фиксировать процентные ставки лишь на очень ограниченные периоды времени; 2) она может фиксировать уровень безработицы тоже лишь на очень ограниченные периоды времени. Я выбрал их потому, что было и даже сейчас широко распространено противоположное мнение, потому, что они относятся к самым невыполнимым задачам, какие только возлагаются на эту политику, и, наконец, потому, что, по сути, для обоих релевантен один и тот же теоретический подход»⁶².

С точки зрения Фридмена, недоразумения объясняются неверным пониманием соотношения краткосрочных и долгосрочных эффектов, которые приносит политика денежно-кредитного расширения или сдерживания в плане как процентных ставок, так и безработицы. Например, «начальное воздействие увеличения количества денег более быстрыми темпами, чем до этого, на некоторое время опускает процентные ставки ниже уровня, на котором они были бы в противном случае. Но это только начало процесса, а не конец»⁶³. Увеличение денежной массы приносит три результата: рост расходов,

увеличение доходов и повышение цен. Совокупное воздействие этих трех последствий изменяет тенденцию к снижению процентных ставок на противоположную и разгоняет инфляцию. Наконец, «когда вступает в силу четвертое последствие (если оно вообще проявляется), процесс идет еще дальше, и возникает ситуация, когда более высокому уровню денежной экспансии сопутствует не понижение, а повышение процентных ставок против уровня, который сложился бы в противном случае. Допустим, что высокие темпы роста денежной массы приводят к росту цен, а публика укрепляется в уверенности, что цены и дальше будут расти. В этом случае заемщики будут готовы платить, а кредиторы будут требовать более высокий процент, как это показал Фишер несколько десятилетий назад. Эффект ценовых ожиданий набирает силу медленно и столь же медленно исчезает. По оценке Фишера, для полного сглаживания нужно несколько десятилетий, и последние исследования разделяют его оценку»⁶⁴. «Чисто эмпирически, — продолжает Фридмен, — низкие процентные ставки служат признаком того, что денежно-кредитная политика *является жесткой*, — в том смысле, что количество денег растет медленно. Высокие процентные ставки служат признаком того, что денежно-кредитная политика *является мягкой*, — в том смысле, что количество денег растет быстро. Многочисленные эмпирические данные приводят к совершенно противоположным выводам, чем те, которые финансовое сообщество и ученые-экономисты принимают как нечто само собой разумеющееся»⁶⁵. (Кейнсианец сказал бы, что низкие процентные ставки указывают на слишком низкий спрос, а слишком высокие — на противоположную ситуацию.) В силу того что воздействие этих факторов проявляется с определенным лагом, процентные ставки, говорил Фридмен, предсказать особенно трудно, какая бы политика ни проводилась, — жесткая или мягкая: «Гораздо лучше отслеживать темпы изменения количества денег»⁶⁶.

205

Фридмен отметил, что точно то же самое относится и к уровню безработицы, и это, с его точки зрения, ставит под сомнение правильность кривой Филлипса и политики полной занятости в Англии и США. Согласно Фридмену, «увеличение количества денег, как принято считать, способствует росту занятости, а денежное сжатие сдерживает рост занятости. Но почему же тогда монетарные власти не могут наметить целевые уровни занятости или безработицы?» Причина тут та же самая,

что и в случае с процентными ставками, — различие между краткосрочными и долгосрочными последствиями такой политики: «Благодаря [шведскому экономисту Кнуту] Викселлю всем нам известно понятие «естественной» процентной ставки, а также то, что «естественная» ставка может расходиться с «рыночной». То, что я говорил о процентных ставках, можно совершенно свободно сформулировать и в терминах Викселля. Денежные власти могут сделать рыночную ставку ниже естественной только путем инфляции, а выше естественной только путем дефляции. К схеме Викселля мы добавили только одну деталь — предложенное Ирвингом Фишером различие между номинальной и реальной процентной ставкой. Допустим, что монетарные власти с помощью инфляции некоторое время держат номинальную рыночную ставку ниже естественной. Это, в свою очередь, будет поднимать саму номинальную естественную ставку по мере распространения инфляционных ожиданий и потребует дальнейшего ускорения инфляции для понижения рыночной ставки. Равным образом, в силу эффекта Фишера, поддержание рыночной ставки выше начальной «естественной» потребует не просто дефляции, а дефляции все более и более быстрой»⁶⁷.

Таким образом, Фридмен, в отличие от австрийцев, отталкивался от кейнсианской основы и вводил в свою макроэкономическую систему параметр ожиданий, а именно инфляционных*. Точно так же как и в процентных ставках, в безработице тоже существует «естественный» уровень. Это обстоятельство,

* Эту фразу можно понять двояко. Действительно, австрийцы не отталкивались от кейнсианской основы, но если эта фраза также означает отсутствие в теориях австрийской школы «параметра ожиданий», то это не соответствует действительности. «Ожидания» под другими названиями насквозь пропитывают австрийские теории начиная с прагматологических основ (всякое действие осуществляется в условиях неопределенности, направлено в будущее и предвосхищает будущие события), весь экономический расчет (фундаментальное понятие в австрийской теории рыночного процесса) ведется в прогнозируемых будущих ценах, а собственно инфляционные ожидания определяют динамику в Мизесовом анализе процесса инфляции (см.: *Мизес Л. фон. Теоретические аспекты политики стабилизации денежной единицы // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. С. 534—572; Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Указ. изд. С. 246—259*). — *Прим. науч. ред.*

полагал Фридмен, искусственно замалчивалось из-за неверного понимания долгосрочных последствий денежно-кредитной политики: «Во избежание недоразумения позвольте мне сделать одно уточнение: когда я говорю о «естественном» уровне безработицы, я вовсе не имею в виду, что это есть нечто неизменное и неизменяемое. Напротив, многие рыночные параметры, которыми определяется этот уровень, сами имеют рукотворную природу, обусловленную проводимой политикой. Скажем, в США такие факторы, как минимальная заработная плата, законы Уолша—Хили и Дэвиса—Бейкона* и мощь профсоюзов, привели к тому, что естественный уровень безработицы стал выше, чем был бы в их отсутствие. Улучшение работы биржи труда, повышение доступности информации о рабочих вакансиях, о предложении труда и т.д., — все это снижает естественный уровень безработицы. Сам же термин «естественный» я использую по той же причине, что и Виксель: чтобы принять во внимание и отделить друг от друга реальные рыночные процессы и денежно-кредитную политику». Главное затруднение с естественным уровнем безработицы состояло в том, чтобы выяснить его действительную величину. ««Рыночный» уровень будет отличаться от естественного по многим разным причинам, которые не относятся к денежно-кредитной политике». Поэтому если денежные власти решат реагировать на отдельные изменения, это будет случайное блуждание⁶⁸: «Можно сформулировать этот вывод иначе: компромисс между инфляцией и безработицей всегда есть нечто временное; постоянным он быть не может. Временный компромисс создает не инфляция как таковая, а инфляция непредвиденная, т.е., как правило, резкий ее скачок. Широ-

* Законом Уэлша—Хили (1935) была установлена нормативная продолжительность рабочей недели и минимум заработной платы для рабочих предприятий, которые выполняют заказы федерального правительства; оплата сверхурочной работы должна была обязательно производиться в полуторном размере, запрещалось принимать на работу мужчин до 16 лет, женщин — до 18 лет; Закон Дэвиса—Бейкона (1931) стал первым общенациональным законом, в котором рассматривался вопрос о минимальной заработной плате. Он требовал от федеральных строительных подрядчиков, проекты которых оценивались в более чем 2000 долл., платить оклад, который платят на большинстве предприятий в данном районе. — *Прим. науч. ред.*

ко распространенное убеждение в существовании постоянного компромисса — это несколько усложненный вариант смешения понятий «высокий» и «растущий», которое в простейших его формах мы легко распознаем. Растущий уровень инфляции может снизить безработицу, а стабильно высокий — нет»⁶⁹. Вместо того, считал Фридмен, чтобы с убежденностью Панглосса верить в способность правительства и чиновников регулировать экономику с точностью компьютерного программиста, экономистам и должностным лицам нужно ставить перед денежно-кредитной политикой гораздо более скромные задачи и считать ее в первую очередь гарантом стабильной рыночной экономики, а не средством обеспечения полной занятости.

Монетарный рост задает условия для всего остального в экономике. Самая важная и трудная экономическая задача, указывал Фридмен, это не достижение полной занятости, а победа над инфляцией, в которой он видел своего рода скрытое налогообложение, порождаемое бесконтрольным желанием правительства печатать больше денег. По его словам, «деньги обладают свойством, которого нет у других механизмов [обеспечивающих эффективное промышленное и сельскохозяйственное производство]. Деньги столь вездесущи, что, когда с ними происходят неполадки, они нарушают работу всех остальных механизмов. Великая депрессия — самый драматический тому пример, но далеко не единственный. В нашей стране все значительные экономические спады были либо вызваны беспорядком в денежно-кредитной сфере, либо сильно усугублялись таковым. Все сильные всплески инфляции были вызваны денежно-кредитной экспансией, особенно значительной, когда для удовлетворения неотложных военных нужд требовалось создать дополнительные деньги помимо поступлений от явно-налогообложения»⁷⁰. (Здесь мы имеем прозрачный намек на Вьетнамскую войну.) Фридмен считал, что правительства и центральные банки должны обеспечить стабильный и предсказуемый уровень роста денежной массы и тем самым «создать прочную основу для развития экономики»⁷¹: «Наша экономическая система будет работать наилучшим образом тогда, когда производители и потребители, наниматели и работники смогут заниматься своими делами в полной уверенности, что средний уровень цен и дальше будет вести себя предсказуемо и, желательнее, будет сохранять высокую стабильность»⁷². В частности, Фридмен подчеркивал, что надежда поддерживать полную

занятость ценой ограниченной инфляции, — это опасная химера. Напротив, утверждал он, такая политика снизит инфляцию лишь в краткосрочной перспективе, но потом вызовет высокую и длительную инфляцию, которая пагубно скажется на занятости, заработной плате и экономической стабильности.

Выступление Фридмена в Американской экономической ассоциации вызвало фурор и стало одним из самых важных экономических заявлений XX в. На него тут же обратили внимание по другую сторону Атлантики такие известные английские обозреватели и экономисты, как Питер Джей, Сэмюел Бриттен и Алан Уолтерс. Все они играли первостепенную роль в распространении монетаристских идей в Англии. В частности Норман Ламонт говорил, что ознакомился с идеями Фридмена благодаря статье Уолтерса «Денежный бум и спад» (публикация Института экономических дел, 1970), в которой идеи Фридмена примерялись к английскому экономическому опыту⁷³.

Выступление в Американской экономической ассоциации содержало острую критику ошибок кейнсианского управления спросом и собственный рецепт Фридмена, казавшийся простым и заманчиво безболезненным. «Монетарная история Соединенных Штатов» выполняла другую, хотя и параллельную задачу. В ней были собраны эмпирические данные, которые показывали значение денежной массы и ее регулирования монетарными властями в истории США. Книгу критиковали за то, что Фридмен и Шварц приводили данные выборочно, и за то, что Фридмен не ссылался на Кейнса. В частности, Гарри Джонсон, канадский теоретик денежного обращения и коллега Фридмена по Чикагскому университету (кроме того, он работал в Лондонской школе экономики) полагал, что Фридмен принял многие элементы кейнсианской революции, но не признал этого открыто.

Как показывает нижеследующая переписка, Фридмен в свое оправдание постарался объяснить, какие идеи Кейнса он воспринял, а какие нет, и в чем между ними разница: «Из сказанного выше следует, что ваше утверждение, будто «введение процентных ставок в функцию рыночного спроса на деньги означает признание кейнсианской революции и критики Кейнсом количественной теории» представляется мне просто ошибочным. Ведь очевидно, что Ирвинг Фишер прекрасно сознавал влияние процентных ставок на скорость обращения, и большинство экономистов классической школы тоже

это понимали. В моей теоретической работе «Количественная теория денег: новая формулировка» я безусловно признаю роль процентных ставок в функции рыночного спроса на деньги, но при этом совершенно не принимаю ни кейнсианскую революцию, ни выпады Кейнса против количественной теории. Думаю, вы смешиваете две вещи: признание роли процентных ставок и признание особой ловушкой ликвидности, с помощью которой Кейнс описывал функцию спроса в период глубокой депрессии. Признать последнее действительно означает принять кейнсианскую критику количественной теории. Признать первое ничего подобного не означает»⁷⁴.

В ответ Джонсон представил список своих возражений и высказал мнение, что Фридмен просто не хочет признать важность и значимость Кейнса для своей работы по макроэкономической истории и теории: «b) Это [введение процентных ставок в функцию спроса на деньги] как раз и можно считать основополагающим воздействием кейнсианской революции. Напротив, связывать имя Кейнса с ловушкой ликвидности, я думаю, просто безосновательно, потому что, насколько я помню, он говорил о ней только как о возможности. Насколько мне известно, все дискуссии об этой ловушке — это чисто американское явление 1930-х годов, и они были своего рода теоретическим полигоном или основным пунктом, на котором пробовали свои силы сторонники налогово-бюджетной (фискальной) политики и сторонники денежно-кредитной политики, или, если называть вещи своими именами, полемизировавшие друг с другом „либерально“ - кейнсианские демократы и радикально-антикейнсианские республиканцы. А главное достижение Кейнса, на мой взгляд, — это введение понятия простой макроэкономической системы общего равновесия, в которой денежная и реальная переменные взаимодействуют, а не разведены в классической дихотомии*. Я считаю, что эта модель особенно подходит для анализа краткосрочных процессов, и знаю, что при правильных посылаках она дает безукоризненные результаты. Тем не менее денежная теория, как

* Классической дихотомией называется точка зрения, согласно которой экономические переменные в реальном выражении определяются исключительно реальными, а не денежными факторами, а переменные в номинальном выражении определяются только денежными, но не реальными факторами. — *Прим. науч. ред.*

она сейчас обычно понимается и преподается, формулируется в терминах подобного рода системы, хотя после Патинкина и других мы формулируем ее не так, как Кейнс, а в терминах товаров, денег, облигаций и рынков труда»⁷⁵. Далее Джонсон писал: «d) Я не нуждаюсь в ваших наставлениях по поводу Ирвинга Фишера и других классических авторов; ваша новая формулировка количественной теории сделана так искусно, что в ней нет ни слова о вкладе Кейнса в теорию спроса на деньги и (насколько я помню) даже ни единого намека на то, что Кейнс вообще существовал. Но это равносильно избавлению количественной теории от ответственности за объяснение цен, что сами же сторонники количественной теории и дезавуировали, когда заявили, что она могла это делать в прошлом»⁷⁶.

Предметом разногласий был ракурс, в котором Фридмен интерпретировал Кейнса, т.е. важность различия между тем, что мог бы сказать сам Кейнс в обстановке 1960—1970-х годов, и огрубленной версией его идей, распространяемой кейнсианцами в США и в Англии. Именно эту версию и атаковал Фридмен. Концепция тонкой настройки была вольной экстраполяцией идей Кейнса, а отнюдь не его собственным предложением. Как мы видели, Кейнс скептически относился к адекватности экономической и финансовой информации и, соответственно, к возможности точных расчетов в экономической политике. Спор этот касался многих вопросов, и, пожалуй, можно предположить, что Кейнс — если принять во внимание бюджетные выкладки 1941 г., а также соображения Кейнса по поводу важности проблемы инфляции и его способность реагировать на новые реалии, — вполне вероятно, согласился бы с некоторыми положениями концепции Фридмена, но вряд ли согласился бы с его рецептами.

Кроме того, Джонсон раскритиковал методы Фридмена и Шварц и сформулировал общий упрек в адрес неолиберальных теоретиков, которые обычно строят свои рассуждения исключительно на презумпции рационального эгоистического интереса, словно у людей нет никаких иных важных источников мотивации: «Такой узконаправленный подход раздражает всех известных мне людей, которые привыкли считать, что модель должна быть настоящей моделью, т.е. что нужно учитывать и вносить в нее главные действующие отношения и нельзя строить ее на основе одного доминирующего или якобы доминирующего отношения, дополненного ситуативными

деталюми. <...> Во всем этом нам неприятна ваша привычка настаивать, что наипростейшие модели каждого типа нужно сопоставлять друг с другом именно в такой манере. Со своей стороны, мы (особенно люди с эмпирическим уклоном) придерживаемся того взгляда, что если уж для более полного объяснения реальности нужно выстраивать более сложную схему отношений, то этим и следует заниматься»⁷⁷. Фридмен (как и другие, например Джеймс Бьюкенен, Гордон Таллок и Джордж Стиглер) испытывали искушение преуменьшать или игнорировать то, что не вписывалось в их объяснительные модели. Питер Бауэр, английский экономист, член Общества Мон-Пелерен и сотрудник Института экономических дел, тоже задавался вопросом о том, насколько чикагские и виргинские модели можно применить к политике и государственной сфере (на чем, как мы помним, настаивали Стиглер, Бьюкенен и особенно Гэри Беккер в рамках их теории общественного выбора): «Еще один вопрос, по которому я очень хотел бы получить от вас пояснения, это использование экономических способов мышления для объяснения политического поведения. Я не ставлю под сомнение полезность этого метода в определенных контекстах политического поведения. Однако я думаю, что возможности его более скромны, чем считаете вы, Гэри Беккер и др.»⁷⁸

Как талантливый публицист Фридмен был мастером хлесткой фразы; так, например, он провозгласил, что инфляция всегда и везде была денежным феноменом. Имонн Батлер из Института Адама Смита считает, что трансатлантический прорыв нелиберальной политики во многом был плодом усилий Фридмена. По словам Батлера и его коллеги Мэдсена Пири (оба они были рьяными почитателями Фридмена):

«...в США были, к счастью, такие люди, как Эд Фелнер в «Наследии», и еще кое-кто, Американский институт предпринимательства, а у нас Институт экономических дел, и сами мы здесь [в Институте Адама Смита], которые упорно работали и продумывали свою политику в те времена, когда социализм был на подъеме. И знаете, некоторые наши идеи, а пожалуй, и большинство из них тогда воспринимались как чистая несуразица, а сейчас они самый мейнстрим...

[Мэдсен Пири:] Но альтернатива уже тогда была готова...

[Батлер продолжает:] Да, альтернатива была готова, это верно...

[Пири:] Мы, в отличие от других, не говорили: «Слушайте, а ведь либеральный консенсус распался, и что же нам теперь делать?» Нет, мы уже точно знали, что собираемся делать...

[Батлер:] Да, и я думаю, большая заслуга в этом деле по справедливости принадлежит Фридмену, потому что он работал не покладая рук, он был просто фантастическим лектором, все время выступал на всех этих собраниях и всевозможных мероприятиях, и именно ему мы многим обязаны [за перемены в интеллектуальном и политическом климате].

[Пири:] Да, он выступал в интеллектуальном плане просто и убедительно и в эмоциональном здорово»⁷⁹.

Фридмен неумоимо распространял свои идеи с помощью трансатлантического, действительно международного сообщества неолиберальных аналитических центров, в первую очередь таких, как Институт экономических дел в Англии, Американский институт предпринимательства, Фонд «Наследие», Институт Гувера и Институт Катона в США. Кроме того, его идеи транслировались ведущими средствами массовой информации; в частности, он выступал в телепередачах «Встреча с прессой» в США и «Денежная программа» в Англии (об этом речь пойдет в следующей главе). Обманчивая легкость, с которой усваивались его идеи и изречения, отчасти объясняется их политической привлекательностью. Но подобное упрощение таило в себе и риск превратного их понимания.

Умение Фридмена доступно излагать сложные экономические темы дает повод затронуть весьма интересный вопрос о соотношении экономической теории с политикой. Когда политик прибегает к теории, он делает это с оглядкой на необходимость быстро предлагать простые решения и учитывать пожелания своего электората. Теоретики, со своей стороны, убеждены, что их идеи будут работать лишь при условии, что их применяют в полном объеме и надлежащим образом. Неолиберализм был особенно убедительной теорией, почти предметом веры, для тех, кто искренне полагался на свободный рынок и его возможности. Когда экономика начала проседать под гнетом стагфляции, денежная теория и рыночные рецепты, которые предлагал Фридмен, охотно воспринимались как готовая к применению и убедительная альтернативная стратегия. Конечно, не один Фридмен считал первоочередной задачей экономической политики перенос внимания с полной занятости на подавление инфляции. Но поскольку кейнсианская

экономическая элита к тому времени утратила доверие публики и политиков, было неважно, осознают или нет эту задачу экономисты-немонетаристы или даже бывшие кейнсианцы. А Фридмен предлагал целый набор предписаний для экономической политики, которые тут же можно было начинать внедрять. Эти технические рекомендации пробили дамбу кейнсианского доминирования, и чикагская неолиберальная философия хлынула сквозь нее. Монетаристская макроэкономика Фридмена и другие концепции, например теория захвата регуляторов, выдвинутая Джорджем Стиглером, проложили путь и для случившегося в конце концов прорыва неолиберальной политики. Как в Англии, так и в США с 1980-х годов и далее происходил вброс рыночных идей во все сферы социально-экономической политики. Но почему долгому буму пришел конец?

Надвигающаяся гроза

Питер Джей объяснял это так: «После войны, во всяком случае в англосаксонском мире, шел реальный интеллектуальный процесс, складывалось самосознание такого кейнсианского консенсуса, гораздо более оптимистичного и уверенного в себе, чем сам Кейнс когда-либо считал возможным (хотя сам он был достаточно самоуверенным человеком). Кейнс никогда не повторил бы сделанных от его имени заявлений о том, на что способно управление спросом. Я думаю, события 1960–1970-х годов окончательно подорвали эту уверенность».⁸⁰ Стратегия Кеннеди–Джонсона забуксовала после 1968 г.⁸¹ По мнению Томаса Кейриера, этот год положил конец кейнсианскому эксперименту с экспансионистским стимулированием. Вину за внешний дефицит конца 1960-х годов «возлагали на растущие расходы на Вьетнамскую войну», но хотя это и сыграло важную роль, подверглась критике и внутренняя фискальная безответственность: не было ни сокращения государственных расходов, ни повышения налогов. «К 1968 г. влияние кейнсианских советников настолько упало, что их рекомендации в сфере экономической политики попросту игнорировались. Несмотря на несомненный успех их эксперимента, политика возвращала себе контроль над федеральным бюджетом»⁸². Кейриер считает, что кейнсианские методы в значительной мере обеспечили стабильный

рост американской экономики в 1960-е годы. Однако, отмечает он, приход к власти Никсона ознаменовал начало постепенного отказа от них.

В заключение уместно будет предоставить слово биографу Кейнса, Роберту Скидельски, который оценивает результаты кейнсианского эксперимента несколько иначе. Размышляя о закате золотого века 1950—1960-х годов, он видит его причину в «крахе кейнсианской стратегии управляемого бума, крахе, который оказался неизбежным»⁸³. США, полагает Скидельский, ответственны за то, что, пользуясь положением доллара как наиболее устойчивой валюты, задавали темпы инфляции всем остальным членам системы фиксированных курсов: «Поколение кейнсианцев, пришедшее во власть в 1960-х годах, называло фискальный консерватизм времен Трумэна—Эйзенхауэра некейнсианским. Но это было неверным толкованием кейнсианской революции. Собственный рецепт Кейнса состоял в том, чтобы устанавливать ставки налогов, обеспечивающие такой уровень безработицы, который совместим с низким уровнем инфляции. Он решительно отошел от докейнсианской фискальной ортодоксии, которая не обращала внимания на «состояние торговли». Следует отметить, что реальный вклад кейнсианской политики в золотой век состоял отнюдь не в стимулировании совокупного спроса. Он состоял в сдерживании инфляции такими методами, которые не приводят к прекращению вечного бума»⁸⁴.

Но по мере того как в 1960-х годах бюджетная дисциплина слабела, экономисты-кейнсианцы, консультировавшие президента Кеннеди, стали приходить к убеждению о приближении рецессии. Они считали, что нужны дополнительные стимулы, ибо страшились экономической и политической мощи Советского Союза. Сложилась благоприятные условия для снижения налогов при Кеннеди и Джонсоне, для программ Войны с бедностью и Великого общества середины и конца 1960-х годов: «Американский экономист Роберт Триффин сформулировал известный «парадокс Триффина»: мир нуждается в создании валютных резервов, основой которых может быть только доллар; вместе с тем правительство США, насыщая всю систему конвертируемыми долларами, не только провоцирует мировую инфляцию, но и подрывает доверие к собственной валюте. Развитие этой «парадоксальной» ситуации можно было бы оттягивать, если бы Америка не втянулась во Вьетнамскую войну.

Но содержание крупного военного контингента, наложившееся на программы «Великого общества», в конце 1960-х годов вызвало отток золота из Форт-Нокса». И как только, продолжает Скидельски, «инфляционные ожидания были встроены в глобальную систему, налогово-бюджетная политика стала бессильной. Для борьбы с инфляцией уже нельзя было использовать повышение налогов, поскольку профсоюзы потребуют повышения заработной платы для компенсации уменьшения оплаты труда за вычетом налогов; снижение налогов ради стимулирования экономики приведет только к росту цен. Когда в 1971 г. краткосрочный долг США превысил золотые запасы, правительство приостановило конвертируемость доллара в золото и отпустило доллар в свободное плавание. Бреттон-Вудская система рухнула, инфляция вырвалась на свободу, и долгий бум закончился»⁸⁵. В плане экономической стратегии в Англии и США главным последствием этого медленно-го процесса была дискредитация кейнсианских экономистов и советников. Сложилось стойкое впечатление, что их идеи продемонстрировали полную неспособность справиться с изъятиями системы. В результате была подорвана репутация кейнсианской политической элиты. Этот процесс медленно развивался в 1970-х годах, и в то время его итоги невозможно было предсказать.

Глава 6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ, 1971–1984 гг.

Те мнимые глубокие различия между правительствами и партиями, которые так любят изобретать политические обозреватели из школы «спортивных комментаторов», не имеют практически никакого отношения к реальности и сущностной преемственности политики и действий разных правительств. Следует отметить, что все добродетели финансового «реализма» и финансовой дисциплины, которые с некоторых пор стали ассоциироваться — либо как добродетели, либо как пороки — с [английским] правительством после 1979 г., на самом деле решительно, авторитетно и официально провозглашались ключевыми приоритетами прежних правительств.

Питер Джей «Кризис западной политической экономики»

В 1970-е годы экономический кризис predetermined грандиозный успех трансатлантической неолиберальной политики. В то время как Англия и США переживали стагфляцию — сочетание высокой безработицы, высокой инфляции и низкого или нулевого экономического роста, — политические лидеры и лица, отвечавшие за социально-экономическую политику, впервые после Второй мировой войны задумались об экономической политике, способной составить реальную конкуренцию кейнсианскому управлению спросом. Плачевный конец Бреттон-Вудской международной денежной системы, два скачка нефтяных цен в 1973 г. и в 1979 г., Вьетнамская война, Уотергейтский скандал с прослушиванием штаб-квартиры Демократической партии в Вашингтоне по распоряжению руководства администрации Никсона и с санкции самого президента, заем, запрошенный Англией у МВФ в 1976 г., фактический

крах трудовых отношений в Англии, провал политики регулирования цен и доходов, на которую Англия и США сделали ставку в борьбе с инфляцией, — все это привело к возникновению политического вакуума, и его начали заполнять неолиберальные идеи. В предыдущих главах я рассказал о том, как трансатлантическое сообщество людей, организаций и бизнеса насыщалось альтернативной системой диагнозов и рецептов, способной удовлетворить потребность политических лидеров в новом подходе. Подобно тому как это было в 1932 и 1945 г., в 1970-е годы возник тот редкий момент, когда фрагменты политического и экономического пазла были беспорядочно разбросаны, и требовалась кропотливая работа, чтобы вернуть каждый на свое место.

Успех монетаризма Милтона Фридмена и практическое использование его вариантов в экономической политике Англии и США, начиная со второй половины 1970-х годов, выходили далеко за пределы технических нюансов денежной и фискальной политики¹. Монетаристские идеи, как казалось, открывали альтернативный способ управления развитой экономикой — способ, основанный на возвращении к чистым принципам свободного рынка. Однако эта надежда основывалась на слиянии монетаризма с теоретически самостоятельной системой доводов в пользу превосходства рынка над государственным вмешательством в экономику. Теоретическую программу освобождения рынков — посредством либерализации, снижения налогов, дерегулирования и приватизации — стали называть реформой стороны предложения, чтобы противопоставить ее кейнсианскому управлению спросом. Одним из первых примеров использования рыночных решений на макроэкономическом уровне стал переход (после 1971 г.) от фиксированных курсов к плавающим, за что Фридмен агитировал с 1950-х годов. Другим примером, тоже на макроэкономическом уровне, стало растущее признание (вторившее идеям Джорджа Стиглера, изложенным в главе 3) провалов государственного регулирования. Равным образом, политики искали способы увеличить долю частного сектора и частной собственности в ключевых сферах социальной политики, прежде всего жилищной и городской политики. Это, как предполагалось в теории, открыло бы дополнительные рыночные возможности для бедных и неимущих групп населения как в плане предоставления услуг, так и в плане создания рабочих мест

(об этом речь пойдет ниже). Рыночные механизмы должны были создать альтернативу государственному социальному обеспечению, государственным пособиям и субсидиям. Обозреватели, оценивавшие программы консервативного правительства Тэтчер и республиканской администрации Рейгана, задним числом объединили эту политику активизации предложения с монетаристским анализом провалов управления спросом. Но на самом деле это были разные вещи.

В конце 1970-х годов склонность к новой макроэкономической стратегии в равной мере проявляли все партии. Лейбористская партия при премьер-министре Джеймсе Каллагэне и министре финансов Денисе Хили (и, по всей видимости, даже еще раньше, в конце 1960-х годов, в период кратковременного замещения должности министра финансов Роем Дженкинсом), пусть и неохотно, но перешла в 1976 г. к финансовой дисциплине, которую можно назвать монетаристской². Точно так же поступил и президент-демократ Джимми Картер: будучи по натуре фискальным ястребом, от отказался от политики бюджетной экспансии и в 1979 г. назначил главой Федерального резерва экономического технократа Демократической партии Пола Волкера вместо Уильяма Миллера, придерживавшегося более или менее кейнсианских убеждений (в 1983 г. Рональд Рейган назначил Волкера вторично). Волкер реформировал денежную политику Федерального резерва: ввел целевые ориентиры по денежной массе и в течение трех лет поддерживал высокие процентные ставки, чтобы победить «Великую инфляцию», свирепствовавшую в конце 1970-х годов. Кроме того, Джимми Картер предпринял первые значительные шаги по дерегулированию воздушного и наземного транспорта и частично финансового сектора. Первые ручейки дерегулирования позже превратятся в мощную волну, которая в последние два десятилетия XX в. сметет регулирование с крупных сегментов экономики. Но часто забывают, что начало было положено при Картере.

В 1970-е годы перемены в экономической политике были постепенными в силу сложившихся тогда особых условий. Окончательное доминирование рыночных принципов в социальной и экономической политике сложилось только после избрания Рейгана и Тэтчер, а в конце 1970-х годов эта тенденция еще не приобрела устойчивого характера. В то время руководство Лейбористской и Демократической партий уже

признало справедливость технических экономических доводов против кейнсианского управления спросом и тонкой настройки — по крайней мере в том виде этих последних, в каком их практиковали английские и американские политики. Лейбористская партия в 1969 г. даже попробовала (но неудачно) реформировать профсоюзы. Но то, что произошло после 1979 и 1980 гг., ни в коем случае не было неизбежным. Конец 1960-х — начало 1970-х годов принесли с собой целый ряд экономических потрясений, которые подорвали послевоенную международную денежную систему и вытолкнули мировую экономику в бурные воды. В силу этих обстоятельств и началась финальная стадия фундаментально сдвига экономической стратегии в Англии и США, и именно по этой причине неолиберальные идеи нашли радушный прием.

*Медленный крах послевоенного бума,
1964 — 1971 г.*

В Англии лейбористы Гарольда Вильсона обошли консерваторов Алека Дугласа-Хьюма (в 1963 г. Хьюм сменил Макмиллана на посту премьер-министра) и в 1964 г. с небольшим отрывом победили на выборах. Лейбористское правительство пошло дальше в направлении индикативного планирования по модели французского «дирижизма», к которой впервые обратился министр финансов — консерватор Реджинальд Модлинг³. В 1961 г. консерваторы учредили плановые органы — Национальный совет по экономическому развитию (NEDC, в просторечии «Недди») и его региональные подобию (маленькие «недди»). Вдохновленный образом французского Экономического и социального совета, Вильсон в 1964 г. создал Министерство экономики во главе со своим заместителем Джорджем Брауном; этому второму плановому органу предстояло бросить вызов власти казначейства. Согласно общему замыслу, правительство, промышленность и профсоюзы должны были общими усилиями решать экономические проблемы и планировать долгосрочный экономический рост⁴.

В письме английскому экономисту и члену Общества Мон-Пелерен Питеру Бауэру Милтон Фридмен выразил глубокое сожаление по поводу направленности английской политики и особенно по поводу тяги Модлинга и Вильсона

к усилению государственного планирования: «Происходящее в Англии просто удручает. У меня была надежда, что Англия как завела нас в тупик нынешней политики, так и возглавит выход из него, но сейчас для этой надежды, по-видимому, мало оснований»⁵. Бауэр ответил, что «результаты консерваторов [на выборах 1964 г.] были плачевными», что, по его мнению, партия, видимо, «полностью потеряла связь с миром идей» и что при встрече он охотно поделится своими соображениями о выборах и их последствиях⁶. Встреча произошла на очередном заседании Общества Мон-Пелерен. Этот обмен мнениями свидетельствует, что корреспонденты прекрасно знали мысли друг друга и положение в их странах; они ощущали идейную общность и причастность к совместной борьбе. Джордж Шульц прекрасно рассказал о том, как собрания Общества Мон-Пелерен укрепляли связи между его членами из разных стран и давали возможность проверить, «что работает, а что нет»⁷. Трансатлантическое сообщество работало почти как своего рода Неолиберальный интернационал.

Подобно тому как убедительная победа Линдона Джонсона в 1964 г. укрепила американский „либерализм“ Нового курса, победа лейбористов на выборах 1966 г., обеспечившая им дополнительные 96 мест в парламенте, ознаменовала собой продолжение успеха английской социал-демократии. Однако в 1967 г., как и в 1924 г., 1931 г. и 1949 г., лейбористское правительство столкнулось с экономическими неурядицами из-за финансового кризиса — на сей раз по той причине, что ему не удалось предотвратить девальвацию фунта стерлингов. Министр финансов Джейми Каллагэн не видел иного выхода, кроме девальвации, после атаки на фунт стерлингов на валютных рынках. Это был очередной из множества кризисов платежного баланса, которыми наполнены послевоенные годы⁸. И так уже сильно подмоченная экономическая репутация лейбористов пострадала еще сильнее, когда затрещало вообще все здание правительственной политики. Словно репетируя то, что произойдет в 1976 г., новый министр финансов Рой Дженкинс (Каллагэн подал в отставку, но его уговорили перейти в Министерство внутренних дел) после получения займа от МВФ в 1968 г. все три последние года лейбористского правительства поневоле проводил жесткую налогово-бюджетную политику. Жесткая финансовая и фискальная дисциплина Дженкинса позволила ненадолго добиться активного торгового балан-

са. Правда, небольшой дефицит вернулся к выборам 1970 г., которые неожиданно выиграли консерваторы Эдварда Хита.

Пожалуй, самой важной экономической проблемой конца 1960-х годов и в США, и в Англии была неустойчивость международной денежной системы. Среди членов Общества Мон-Пелерен не было полного единодушия относительно того, какая международная денежная политика наиболее целесообразна. Хайек выступал за золотой стандарт, считая его наилучшим внешним гарантом финансовой дисциплины, необходимой для поддержания бюджетной и денежно-кредитной умеренности (правда, позже в брошюре, написанной в 1976 г. для Института экономических дел, он предложил некую разновидность свободной банковской деятельности, основанной на конкуренции валют)⁹. Фридмен считал, что в принципе это хорошая идея, но практически реализовать ее можно только в том случае, если все крупные западные страны придут к согласию, что, по его мнению, было крайне маловероятно¹⁰. А Лайонел Роббинс не имел определенного решения. Он не возражал против ситуативной корректировки валютных курсов, заметив в письме к Фридмену: «В чем наши позиции явно расходятся — это в отношении к дилемме: полная свобода или фиксированные курсы». Роббинс сомневался, что плавающие курсы будут, как утверждал Фридмен, «истинно либеральным решением»: «Я, со своей стороны, не считаю, что принудительное внешнее вмешательство в частную свободу договора необходимо антилиберально. Мое понимание либерализма исходит из того, что судить об этих вещах нужно по их достоинству. Я только хочу сказать, что аргументы в пользу свободных обменных курсов нужно оценивать сами по себе, не подпирая их допущениями о благотворности свободного рынка»¹¹. Фридмен ответил, что аргументы в пользу плавающих курсов как раз и основаны на достоинствах, а не на либеральной идеологии.

Бреттон-Вудская система рухнула под бременем расходов на Вьетнамскую войну, сокращения американского золотого запаса и роста затрат на программы Линдона Джонсона по борьбе с бедностью. В 1971 г. президент Никсон вынужденно отпустил доллар в свободное плавание и приостановил обмен доллара на золото. Так начался эксперимент с регулированием заработной платы и цен, крайне непопулярный среди неолиберальных экономистов и обозревателей. Формально регулирование было введено ради борьбы с ускорением темпов

инфляции; но он давал Никсону электоральные выгоды, поскольку помогал формировать публичный образ президента, который крепко держит бразды правления в разгар международного экономического кризиса¹². В 1972 г. Англия последовала примеру США и отпустила фунт стерлингов¹³. Система фиксированных курсов, скреплявшая международную экономику с 1945 г., почилла в бозе.

Таким образом, в итоге было принято предложенное Фридменом для денежной системы рыночное решение, но не столько потому, что его предложил Фридмен, сколько в силу действия глобальных экономических факторов. Как сказал сам Фридмен, «более двадцати пяти лет я и мои единомышленники убеждали всех в преимуществах плавающих курсов. Но это решительно ни на кого не действовало — до тех пор, пока грубая сила событий не привела к валютному кризису. Бреттон-Вудская система фиксированных курсов очевидно устарела, поддерживать ее было невозможно. Но людям вообще свойственно цепляться за старое. Никто не любит перемен, все хотят жить по заведенному порядку и решаются поменять что-то только тогда, когда жизнь заставляет. Но когда приходит время перемен, когда старая система фиксированных курсов рушится, что мы видим? Мы видим, что уже давно есть готовая альтернатива, которой можно воспользоваться, а есть она потому, что мы постоянно твердили о плавающих курсах, обсуждали их преимущества, анализировали проблемы, которые это может принести, и как это будет работать. То же самое относится к росту налогового бремени, к негативной реакции на усиление регулирования, которые уже дают о себе знать. Здесь тоже нашлись теоретики, которые уже наметили рыночные альтернативы, и это значит, что эти альтернативы перешли сейчас в разряд реально возможного. Они готовы к использованию. Вот именно в этой подготовительной работе, а не в произведении фундаментальных перемен, по-моему, и заключается настоящая роль теоретика»¹⁴. Фридмен признавал, что менять политику заставляют события и кризисы. Но он считал обстоятельством принципиально важным, что альтернативные варианты экономической политики разрабатываются, пропагандируются и находятся наготове, чтобы политические лидеры могли воспользоваться ими под давлением обстоятельств.

Второй крупной проблемой конца 1960-х годов стала инфляция. В США Ричард Никсон, вступивший в должность

президента в январе 1969 г., применил эфемерную антиинфляционную стратегию, основанную на кейнсианской тонкой настройке¹⁵. Но борьба с инфляцией явно оставалась вторичной целью по сравнению с полной занятостью. Собственно, то же самое было и при английских консервативных правительствах 1950—1960-х годов, и при кратковременном премьерстве Эдварда Хита в начале 1970-х годов. Кеннет Коул, заместитель помощника президента по внутренним делам, писал Никсону в ноябре 1969 г.: «Наша стратегия должна быть сосредоточена на достижении полной занятости и стабильного экономического роста; мы должны без резких движений в экономической политике стремиться к сбалансированному бюджету или небольшому профициту при полной занятости. Базовая экономическая цель, полная занятость, не должна отступать на второй план перед задачей иметь умеренный профицит бюджета. Также важно решить, согласуется ли текущая денежно-кредитная политика с долгосрочным планом экономической политики. Текущий курс денежно-кредитной политики, как представляется, в высшей степени напоминает тот, который проводится по “старой” стратегии; он может создать такого рода нестабильность, которой мы стремимся избежать. Проще говоря, меморандум д-ра Маккракена [председателя совета экономических консультантов при Никсоне] предлагает более стабильную долгосрочную налогово-бюджетную и денежно-кредитную политику, тогда как наша денежно-кредитная политика все еще подвержена сильным колебаниям, характерным для политики последних нескольких лет. Поэтому очень важно хорошо продумать процесс, с помощью которого мы рассчитываем завершить переход от текущей политики к более сдержанной долгосрочной политике»¹⁶. При Никсона Белый дом жил по кейнсианским рецептам (президент как-то раз во всеуслышание заметил: «Все мы сейчас кейнсианцы»), хотя Милтон Фридмен и другие монетаристы настоятельно советовали избрать другую стратегию¹⁷. После неутешительных итогов промежуточных выборов 1970 г. Никсона беспокоили президентские выборы 1972 г., что побудило его проводить инфляционную политику, которая, подобно «Барбер-буму» в Англии (когда министр финансов Хита Энтони Барбер в 1972—1974 гг. проводил непомерно щедрую денежно-кредитную политику) имела далеко идущие последствия для будущего умеренной

политики в США, особенно в Республиканской партии. Как полагает историк Аллен Мейтьюсоу, Никсон отворачивался от проблемы инфляции и продолжал все больше тратить на Вьетнам и социальные программы Нового курса, Великого общества и Войны с бедностью, упустив возможность подстроиться к кардинальным изменениям экономического климата¹⁸. Поэтому в 1969 г. началась рецессия, а за ней последовало расширение денежной экспансии, подготовившее почву для стагфляции 1970-х годов.

Фридмен иногда консультировал Никсона. Например, в июне 1971 г. он и Джордж Стиглер приехали в Белый дом, чтобы обсудить экономическую ситуацию¹⁹. Также они вместе с Уильямом Бэруди из Американского института предпринимательства были приглашены на официальный обед в Белом доме, устроенный по случаю визита английского премьера Эдварда Хита в декабре 1970 г.²⁰ Но Фридмен, конечно, не мог оказать никакого заметного влияния на экономическую стратегию президентской администрации. Главными экономическими экспертами для Никсона были председатель совета экономических консультантов Пол Маккракен, Джордж Шульц, последовательно занимавший посты министра труда, директора Административно-бюджетного управления и министра финансов, и Герберт Стейн, в 1972 г. сменивший Маккракена (еще одной важной фигурой был председатель Федерального резерва Артур Бёрнс). Переписка Фридмена с сотрудниками Никсона оставляет впечатление, что Фридмен выступал в роли наблюдателя, к которому почти не прислушивались. Тем не менее в 1970-е годы он регулярно писал заметки об экономической ситуации и посылал их в аппарат Никсона, а затем Форда.

В 1970 г. Фридмен предупреждал Никсона об опасных последствиях непредсказуемой и непостоянной денежно-кредитной и бюджетной политики. Хотя Фридмен не имел влияния и был не согласен с инфляционной политикой президента, он, несомненно, считал своим долгом поддержать действующую администрацию: «Углубление рецессии очевидным образом неблагоприятно скажется на наших электоральных шансах на предстоящих осенних выборах. И чем это будет становиться очевиднее, тем сильнее будет (несомненно, уже ощущаемое) давление с целью устранить все препятствия в плане государственных расходов, значительно увеличить бюджетный

дефицит и убедить Федеральный резерв быстрее наращивать денежную массу»²¹. Но именно в этом направлении и пошли после выборов Никсон и его советники: к этому их подталкивали циничный оппортунизм и теоретическая путаница. При обсуждении экономической политики Фридмена рассматривали как рядового участника, но отнюдь не как носителя уникального авторитета. Соответственно, скромным был и его вклад. В частности, вот что писал Пол Маккракен Никсону по вопросу жесткой денежно-кредитной политики администрации в 1969 г.: «Милтон Фридмен опасается, что такой уровень жесткости чреват рецессией. С другой стороны, в деловых и финансовых кругах распространено мнение, что “Вашингтон” не будет упорствовать в подавлении инфляции и можно принимать решения исходя из того, что инфляция не ослабеет. Таким образом, любое открытое послабление в денежно-кредитной политике многими будет расценено как сигнал к тому, что мы опять вступаем в игру»²². Эти слова свидетельствуют о двух вещах: с одной стороны, администрация в первые годы достаточно серьезно относилась к инфляции, а с другой — придерживалась кейнсианских взглядов на дефляцию, противоположных идеям Фридмена о важности объема денежной массы. Как мы видели, Фридмен пропагандировал простую и оптимистичную мысль: стабильная денежная политика и контроль над ростом денежной массы излечат все болезни. А администрация Никсона практиковала кейнсианское сдерживание денежно-кредитной и бюджетной политики в зависимости от конкретных ситуаций и прогнозов. Но сами кейнсианцы пессимистически оценивали перспективы такой политики в плане безработицы; отсюда и возник «альтернативный вариант» в виде регулирования заработной платы и цен.

Фридмен писал Никсону, что «резкое ослабление [денежно-кредитной политики] приведет к катастрофе». По его мнению, «долгосрочные экономические последствия сделают 70-е годы еще более инфляционным десятилетием, чем были 60-е, с более высокими процентными ставками и почти неизбежным расширением и закреплением всевозможных мер государственного регулирования». «В политическом же плане, — считал Фридмен, — мы получим чуть более высокие шансы в 1970 г., но заплатим за это резким ухудшением шансов в 1972 г. [кто-то, возможно сам Никсон, подчеркнул эту фразу и написал «правильно»]»²³. Предсказание Фридмена

оказалось замечательно точным: 1970-е годы стали гораздо более инфляционным десятилетием, а Никсон предпринял те меры, которых опасался Фридмен. Сам же Фридмен советовал «придерживаться текущей политики умеренной денежно-кредитной экспансии, сосредоточить усилия на сдерживании инфляции и принять рецессию как неизбежную плату за прежние ошибки — инфляционную ошибку 1964—1968 гг. и дефляционную ошибку второй половины 1969 г.»²⁴

Фридмен выступал за жесткую денежно-кредитную политику, суть которой состоит в постепенном и предсказуемом наращивании денежной массы с целью взять инфляцию под контроль. Он признавал, что при таком курсе рост безработицы неизбежен, но считал свой подход принципиально правильным. Президенту он рекомендовал следующее: «Нужно заложить основу уже сейчас, нужно избегать заявлений, подобных тому, о котором сообщил сегодня «Wall Street Journal»: «Представители Белого дома твердо заявили, что администрация не допустит значительного или продолжительного повышения уровня безработицы». Ведь это обещание все равно выполнить невозможно. Упор нужно делать на решимости обуздать инфляцию даже высокой ценой, за счет роста безработицы, и на мерах, которые Вы уже предложили для смягчения положения безработных. Страна в большом долгу перед Вами за политическое мужество, которое Вы проявили в борьбе с инфляцией и особенно в противодействии легкому, но ошибочному решению — введению прямого регулирования цен и заработной платы. Успех не за горами, но чтобы пожать плоды проводимой до сих пор политики, потребуются неизменная решимость и политическое мужество»²⁵. Если отвлечься от экономических достоинств подобных советов, выслушивать их было неприятно любому политику, и в первую очередь Никсону.

Алан Гринспен, руководивший тогда собственной консалтинговой фирмой *Townshend—Greenspan*, был согласен с прогнозами Фридмена. Он тоже считал, что контролирование цен и заработной платы — а именно в нем политики и экономисты-кейнсианцы все больше видели решение проблемы инфляции — «не окажет никакого сдерживающего воздействия на инфляцию». «Кроме того, — продолжал Гринспен, — в той мере, в какой подобные меры приведут к временному сдерживанию цен и заработной платы», они «лишь создадут потенциал искусственного занижения ставок заработной платы и цен,

который когда-нибудь неизбежно заявит о себе, усугубив и без того сложную проблему»²⁶. Фридмен твердо стоял за строгую перезагрузку денежно-кредитной политики, даже если она повлечет за собой рецессию, тем самым снижая свои шансы оказывать влияние на экономическую политику администрации. Проект ответа Никсона, составленный Маккракеном, ясно показывает, что в администрации советов Фридмена сторонились: «Полагаю, вы понимаете, что допустимые отклонения, в пределах которых должна удерживаться наша экономическая политика, очень незначительны. Мы должны стремиться к несколько более экспансионистской комбинации мер, которая позволит нам сделать дальнейшие шаги к подавлению инфляции, но при этом не ослабит экономику настолько, что ответственная экономическая политика будет скомпрометирована политически»²⁷. Маккракен по-прежнему исходил из того, что администрация способна с помощью небольших и частых корректировок получать желаемые результаты в плане инфляции и экономического роста, т.е. управлять спросом, — что, с точки зрения Фридмена, было невозможно и опасно.

Стагфляция и политика в области заработной платы и цен

Между позициями администрации Никсона и правительств Гарольда Вильсона и Эдварда Хита в Англии было немало общего, — особенно после краха Бреттон-Вудской системы. И там и тут главной экономической целью считалась полная занятость. И там и тут применялось в той или иной форме регулирование заработной платы и цен (в Англии это называлось политикой регулирования цен и доходов). Наконец, повсеместно использовались кейнсианские инструменты фискального и денежного расширения и сжатия. Тем не менее те, кто в Белом доме наблюдал за английской политикой, без особого энтузиазма, а порой даже откровенно критически относились к опыту английских экспериментов по регулированию цен и доходов, предпринятых при министре финансов Джеймсе Каллагэне во второй половине 1960-х годов²⁸.

В меморандуме Белого дома от 1970 г. отмечалось, что английская политика регулирования доходов «в целом оценивается как ошибочная в тот период, когда она носила произволь-

ный характер», и хотя она была частично успешной в 1966—1967 гг., когда носила нормативный характер, эту политику «не удалось продолжить, и все достижения от замораживания доходов оказались кратковременными»²⁹. Помощник президента по иностранным делам Питер Питерсон в июне 1971 г. писал министру финансов Джону Коннэлли, что «Английская антиинфляционная стратегия... заслуживает изучения как пример неудачного решения»³⁰. Конвергенционист и «новый правый» журналист Уильям Бакли отзывался об экономической ситуации в Англии столь же неодобрительно: «Англия платит высокую цену за экономическую иллюзию, на которой зиждется химерический социализм. Мы в Америке не очень любим национализацию — прежде всего потому, что избежали индоктринации европейским социализмом. Но мы непонятно почему даем увлечь нас в том же направлении и как-то по-своему идем к кризису, похожему на английский»³¹. Но после 1971 г. администрация вынуждена была пойти на такие же шаги. 15 августа 1971 г. типичный приспособленец Никсон, объявив о прекращении размена доллара на золото, перечислил целый ряд временных экономических ограничений, в том числе 90-дневное замораживание зарплат и цен, а также валютный контроль. При Кеннеди регулирование цен и заработной платы вводилось на добровольной основе, а Никсон впервые подвел под него законодательную базу.

Фридмен полностью поддерживал решение отпустить доллар в свободное плавание и оставался непреклонным перед лицом слухов, что администрация не будет особенно считаться со «свободой» валюты. В письме Коннэлли в конце 1971 г. он объяснил, в чем видит опасности частичного или полного возвращения к фиксированному курсу. Это, по его мнению, все равно, что «упустить победу, когда она уже в руках». По мнению Фридмена, «европейские центральные банки, их «попутчики» в нью-йоркских финансовых кругах и симпатизирующие восточноевропейским социалистам журналисты пугают нас страшными картинами кризиса, мировой рецессии, торговой войны и всех прочих бедствий, якобы неизбежных, если в ближайшее время не будет достигнуто соглашение о новой структуре фиксированных курсов». Это, считал Фридмен, просто такая «тактика запугивания, чтобы одурачить нас и вынудить на неразумные обещания, которые дадут иностранным государствам ничем не оправданное влияние на нас».

Он безоговорочно поддержал то, «что США должны были сделать много лет назад: поставить иностранцев в то же положение по отношению к доллару, в каком находятся граждане США». Реакция валютных рынков, считал Фридмен, была «превосходной», поскольку «на смену жесткости пришла гибкость». И, заключил он, «нам не нужно и не следует требовать от других стран никаких конкретных обязательств по валютным курсам», а со своей стороны «мы тоже не должны брать на себя никаких подобных обязательств»³².

Как и Энох Пауэлл в Англии, Фридмен давно утверждал, что Бреттон-Вудская система не давала правильно работать свободному валютному рынку и вызывала мощный и пагубный эффект домино во всей экономике. По его мнению, система фиксированных курсов неизбежно влекла за собой неприемлемое и ненужное усиление контроля над человеческой свободой и оказывала негативное влияние на деятельность рынка. К экономическому регулированию ставок заработной платы и цен Фридмен относился иначе. Сначала он поддержал политику Никсона как целесообразный в краткосрочной перспективе метод, способный развеять инфляционные ожидания и улучшить политические перспективы президента. Подобно Фридмену, Джордж Шульц в целом выступал против регулирования, но в выступлении в Национальном пресс-клубе признал, что в политике администрации есть рациональное зерно. По его словам, «мы прибегли к регулированию в то время, когда оно скорее всего может принести пользу». «Сейчас, — утверждал Шульц, — налицо все основные предпосылки для того, чтобы сбить уровень инфляции и ускорить ее снижение»³³.

Меры Никсона предназначались для временной чрезвычайной ситуации, вызванной крахом международной денежной системы и, как следствие, дестабилизацией валютного рынка. В таком виде Фридмен неохотно их признал, хотя и полагал, что сопутствующее экономическое регулирование не окажет существенного влияния на инфляцию. Он продолжал предупреждать об опасности инфляционной спирали, которую может спровоцировать чрезмерная денежно-кредитная экспансия. Он писал Коннэлли: «Существование такого количества обзоров, дружно сетующих на то, что для стимулирования экономики не прилагаются достаточные усилия, просто немыслимо». Фридмен предостерегал, что любая попытка администрации проводить более экспансионистскую политику

«вызовет в 1972 г. инфляционную ситуацию, которая будет сильно мешать переизбранию Никсона и продолжению начатой нами политики»³⁴.

Но к его предостережениям не прислушались. Сэмюел Бриттен, авторитетный английский экономический обозреватель и журналист «Financial Times», писал Фридмену по поводу введенного Никсоном контроля за импортом: «Вы толкуете введенные Никсоном дополнительные сборы как тактический шаг назад с целью сделать два шага вперед. Возможно, так оно и есть. Но я присутствовал на заседании МВФ и должен сказать, что со стороны других стран наблюдается кризис доверия. Некоторые представители допускают, что дополнительные сборы — это переговорное оружие, но другие убеждены, что эти сборы и тому подобное пользуются внутренней популярностью и сомневаются в искренности заявлений Коннэлли. Я лично считаю правильным верить, что человек говорит то, что он действительно думает»³⁵. Однако вера Бриттена подверглась испытанию, когда администрация начала раз за разом продлевать регулирование заработной платы и цен и поощрять экспансионистскую денежно-кредитную политику Федерального резерва. В результате временные меры — замораживание ставок заработной платы и цен, — рассчитанные только на три месяца, растянулись с 1971 по 1974 г. Весной 1973 г. Фридмен окончательно убедился, что регулирование будет продолжаться, и призвал Шульца подать в отставку³⁶.

В 1975 г. он изложил Бриттену свои возражения против регулирования заработной платы и цен, комментируя английскую «дилемму»: «У меня нет сомнений, что в конечном счете регулирование гораздо опаснее инфляции. И я всегда утверждал, что открытая инфляция куда менее опасна, чем загнанная вглубь. Но сейчас я хочу сказать о другом. Я не уверен, что у вас есть альтернатива. Пока темпы инфляции быстро растут, отменить регулирование, боюсь, будет невозможно. Общественное давление с требованием восстановить его будет огромным. Поэтому, боюсь, единственно эффективной политикой может быть только сочетание мер по укрощению инфляции с мерами, ведущими к отмене регулирования. Как вы, вероятно, знаете, я не разделяю взглядов тех, кто рассматривает регулирование заработной платы и цен как эффективную шоковую тактику подавления инфляции. Поэтому если бы существовал реальный выбор, я, безусловно, высказался бы за отмену

регулирования даже при ускорении инфляции»³⁷. С точки зрения Фридмена, регулирование было принципиально неподходящим средством для борьбы с инфляцией, поскольку подразумевал неверную оценку краткосрочного и долгосрочного воздействия такой политики на макроэкономические факторы инфляции и занятости. Отвергая административное «фиксирование цен», он всегда считал, что только стабильная денежная политика способна подавить инфляцию при приемлемом уровне безработицы.

В 1974 г. президент Никсон подал в отставку после расследования (которое он пытался затормозить) незаконного проникновения в штаб-квартиру Демократической партии в вашингтонском отеле «Уотергейт». Его сменил Джеральд Форд, чье недолгое междуцарствие закончилось поражением от Джимми Картера на выборах 1976 г. Отставка Никсона наложилась на пик инфляции, отставку его вице-президента Спиро Агню (обвиненного в финансовых злоупотреблениях), первый нефтяной кризис 1973 г., а также крах Бреттон-Вудской системы. Летом 1973 г., незадолго до первого нефтяного кризиса, председатель Федерального резерва Артур Бёрнс так описал Никсону общее нездоровое положение: «Что беспокоит людей? Очевидно, что в первую очередь резкое ускорение инфляции. Большинство — американцы и иностранцы, бизнесмены и потребители, инвесторы и работники — не находят для себя ничего в III фазе [экономической политики Никсона после 1971 г.]. Насколько можно судить, они считают ее ошибкой, а некоторые даже настоящим бедствием. Мысли и чувства людей никогда не существуют по отдельности. Когда людям тревожно, одна тревога влечет за собой другую — вне зависимости от того, понимают ли и сознают ли они, что именно их беспокоит. Поэтому многих помимо инфляции заботят девальвация доллара, падение фондового рынка, рост процентных ставок, махинации на фондовых биржах, взлетающие до небес прибыли, недостаток прямоты и откровенности со стороны правительства, Уотергейтское дело и т.д. В последнее время в прессе все чаще звучат вопросы о вашем стиле управления, о том, действительно ли вы занимаетесь проблемами, которые волнуют людей, не слишком ли вы увлечены внешней политикой, какое внимание уделяете внутренним проблемам и т.д. Все это негативно сказывается на доверии. Более того, с моей точки зрения, стране угрожает настоящий кризис

доверия. Это проблема такого свойства, что для ее решения требуется четкий политический подход. Вы должны продемонстрировать твердое руководство. Американский народ должен получить зримое доказательство того, что вы заботитесь о его нуждах, делаете что-то реальное в его интересах, что вы намерены делать больше по мере необходимости и что если одна мера не сработает, вы перейдете к другой в непрестанном стремлении защищать и повышать благосостояние людей»³⁸. В письме точно передана нездоровая атмосфера, сложившаяся вокруг президента и его политики к концу его неудачного пребывания у власти. Такой взгляд на события и политику тем более примечателен, если принять во внимание, что позже республиканцы обвиняли Джими Картера в кризисе доверия и отсутствии четкого руководства страной.

После промежуточных* выборов в ноябре 1974 г. Фриден высказал свое отношение к Уотергейтскому делу, а также к событиям вокруг администрации в письме к конгрессмену-республиканцу Филипу Крейну: «Что там говорить, я искренне рад, что вы пережили недавний холокост, и, как и вы, опечален тем, что многие наши друзья его не пережили. Даже такому закоренелому оптимисту, как я, трудно найти повод для хорошего настроения в нынешней ситуации. Мне остается лишь уповать на то, что слишком самоуверенная власть, как и гордыня, до добра не доведет»³⁹. В то самое время, как вскрывались тягостные подробности участия Никсона в попытках замаять Уотергейтское дело, в 1973 г. разразился первый нефтяной кризис. Во время Войны Судного дня ОПЕК решила повысить цены и наложить эмбарго на поставки нефти союзникам Израиля, прежде всего США. Кризис породил повсеместные опасения в энергетической зависимости Запада от стран Ближнего Востока. Он вызвал скачок инфляции

230

* В США главными считаются президентские выборы, которые проходят раз в четыре года. Кроме того, каждые два года проводятся выборы в Конгресс, на которых избираются все 435 членов Палаты представителей (т.е. срок полномочий члена Палаты представителей — два года) и треть Сената (33 или 34 места из ста, т.е. срок полномочий сенатора — шесть лет). Кроме этого, в этот день проводятся выборы губернаторов многих штатов, депутатов штатных и иных законодательных собраний и т.д. Выборы в Конгресс, не совпадающие с президентскими, называются «промежуточными». — *Прим. науч. ред.*

из-за всплеска цен в тех секторах экономики, которые в наибольшей мере зависели от нефти. Решение ОПЕК было прямым результатом краха Бреттон-Вудской системы. Большинство валют перешло на плавающий курс и стабилизировались на новом, более высоком уровне по отношению к ослабевшему доллару. Это означало, что страны — производители нефти стали получать меньше, поскольку нефть котировалась в долларах. Последствия нефтяных кризисов (второй был в 1979 г.) до сих пор служат предметом обширной дискуссии, но ясно, что они усилили экономический спад и ускорение инфляции*.

Междоцарствие Хита и нелиберальная альтернатива

В 1970 г. на выборах победила Консервативная партия Эдварда Хита. Хит был консерватором старой закалки и верил в эффективность государства. Как вспоминал личный парламентский секретарь Хита Дуглас Херд (при Маргарет Тэтчер и Джоне Мейджоре он занимал посты министра внутренних дел и министра иностранных дел), Хит верил, что «эффективное, хорошо руководимое государство может сделать много важного в Англии»: «В 1970 г. он отверг принудительную политику доходов, а чуть позже, так сказать, влип в нее, что, однако, не шло вразрез с его базовыми принципами. Напротив, он со всей определенностью считал, что правильно проинструктированные, хорошо подготовленные государственные служащие

* Мнение о том, что рост нефтяных цен стал причиной (или одной из причин) инфляции 1970-х годов (и вообще вносит вклад в инфляцию), до сих пор является широко распространенным заблуждением даже среди экономистов. В октябре 1990 г. в издании Института экономических дел «Economic Affairs» была опубликована колонка Джеффри Вудса «Рост цен на нефть приведет к инфляции», в которой автор объяснял ошибочность этого утверждения, вновь начавшего активно циркулировать в средствах массовой информации на фоне Войны в Персидском заливе, начавшейся с вторжения Ирака в Кувейт (Geoffrey Woods, «An Oil Price Increase Will Cause Inflation», *Economic Affairs* 11, No. 1 (October 1990), pp. 34). В 1997 г. эта колонка была переиздана в: Geoffrey Woods, *Economic Fallacies Exposed* (London: Institute of Economic Affairs, 1997), pp. 47—48. — *Прим. науч. ред.*

могут правильно принимать решения даже за пределами своей формальной компетенции; поэтому, например, такой человек, как Джеффри Хоу, решал, сколько должна стоить зубная паста. То есть я хочу сказать, это было смеху подобно. Но при этом он все-таки был убежден, что... при опоре на свободное предпринимательство государство добивается хороших результатов... Ведь добивалось же оно их во Франции, и он не видел, по каким причинам такого не могло быть в Англии»⁴⁰. В позиции Хита слышны отголоски кейнсианства. Он считал, что просвещенная технократическая элита проводит наилучшую политику в широких общественных интересах. В то же время Хит заигрывал с более радикальной рыночной программой, и правые обвиняли его в целом ряде политических кульбитов — по вопросам регулирования цен и доходов, по приватизации (или «денационализации», как это тогда называли), по профсоюзам, по управлению финансами с целью борьбы с инфляцией, — которые были явным отступлением от программы, намеченной, как считается, на конференции теневого кабинета в Селдон-парке в 1970 г. По мнению историка политики Энтони Селдона, «правительство Хита любопытно тем, что продвигало элементы старого и нового миров, становясь в тупик всякий раз, как одна парадигма начинала сдавать позиции, а другой модели еще только предстояло заручиться интеллектуальным доверием или массовой поддержкой»⁴¹.

При Хите мнение элиты по экономической политике начало меняться. По свидетельству Селдона, «Дуглас Аллен [бывший секретарь кабинета министров и постоянный секретарь казначейства] сказал, что примерно до 1972 г. господствующие настроения в казначействе были кейнсианскими. А с 1973 г. мы уже начали думать, что нужно уделять больше внимания денежной массе»⁴². Между тем в конце 1960-х — начале 1970-х годов Фридмена в Англии считали чудачком и оригиналом. Получив предложение от своего друга, вице-директора издательства Longman Publishers, Р. Аллена устроить встречу с Фридменом Хит написал по этому поводу: «Было бы очень интересно послушать, что он думает, но если бы стало известно, что он приехал сюда, разве люди не сочли бы, что мы проявили слабость?»⁴³ Попыткам Хита взять экономическую ситуацию под контроль препятствовали регулярные кризисы платежного баланса, неспособность обуздать профсоюзы (несмотря на первую полноценную реформу трудового законодательства,

Закон об отношениях в промышленности 1971 г.) и мощный инфляционный бум. Совокупное влияние этих факторов привело к циклу бум—спад, хрестоматийным проявлением которого стало намеренное ослабление денежной политики в преддверии выборов, устроенное министром финансов Энтони Барбером (так называемый «Барбер-бум»). По словам экономиста и бывшего сотрудника казначейства Алека Кэрнкросса, «именно... функционирование денежной системы в начале 1970-х годов обратило многих в монетаризм»⁴⁴. Одновременно, несмотря на все старания Хита реформировать профсоюзы, воинственный настрой рабочих практически парализовал страну. По словам Херда, Хит хотел сделать профсоюзы уважаемыми и ответственными «со-участниками» английского общества⁴⁵. Но вместо этого ему пришлось ввести трехдневную рабочую неделю, поскольку экономика по всем признакам пикировала, и экономию электричества по причине шахтерских забастовок в 1973 г. Наконец, Хит объявил выборы в феврале 1974 г. и обратился к стране с вопросом: кто правит?

В 1974 г. Хит дважды потерпел поражение — на первых выборах в феврале и на следующих в октябре, назначенных уже Гарольдом Вильсоном, который в конце концов вторично стал премьер-министром с микроскопическим перевесом в три места. Политика, которую проводили в отношении цен и доходов и Хит, и Вильсон (чья Лейбористская партия победила за счет обещания, что лучше сможет заключить «общественный договор» между профсоюзами и правительством), демонстрировала все признаки банкротства. В письме Хайеку в начале 1973 г. Фридмен изложил свое видение накопившихся экономических проблем стагфляции в Англии и США: «Еще раз перечитав то, что вы написали, я вижу, что ваши предупреждения об ускорении инфляции были даже еще более актуальными, чем показались мне, когда я выслушал их в Мон-Пелерен. В Англии ситуация просто пугающая; там правительство, судя по всему, просто отказывается от своих обещаний отменить экономическое регулирование и восстановить работу системы цен. Оно движется в прямо противоположном направлении даже решительнее, чем это когда-либо делало лейбористское правительство. В США при поверхностном взгляде кажется, что мы идем к отмене регулирования, но при более внимательном изучении положения я очень и очень сомневаюсь,

что результат будет именно таким. Некомпетентная денежная политика, насколько можно судить, создала опасную перспективу ускорения инфляции, которое, боюсь, приведет к восставлению более широких и жестких мер регулирования. Как бы мне хотелось, чтобы мои опасения не оправдались»⁴⁶.

У Англии не было шансов избежать экономического спада. В 1975 г. лидерству Хита в Консервативной партии был брошен вызов, и его неожиданно победила Маргарет Тэтчер, занимавшая в правительстве Хита пост министра образования и науки (1970—1974). Сразу после победы над Хитом Тэтчер и ее ближайшие коллеги, Кит Джозеф и Джеффри Хоу, создали хайек-анский Центр исследования социально-экономической политики, дав понять, что собираются разрабатывать новую программу экономической политики. Первоочередной их целью должна была стать «проблема» профсоюзов. А пока они находились не у дел и наблюдали за потугами правившей Лейбористской партии.

В 1974 г. инфляция и безработица росли как в Англии, так и в США. Обозреватели считали вполне возможным, что stagflation приведет к политическому кризису. События начала 1970-х годов создали экономический климат, который поставил под вопрос фундаментальные допущения и политиков, и теоретиков. Альтернативные варианты наконец-то начали восприниматься всерьез после многих лет, в течение которых трансатлантическое неолиберальное сообщество, казалось, делало хорошую мину при плохой игре. Экономический кризис создал обстановку повышенной восприимчивости к новым идеям.

В Англии в 1960—1970-е годы главными проводниками монетаристских и рыночных идей трансатлантического сообщества были сочувствовавшие ему журналисты и политики. Благодаря их усилиям неолиберальная альтернатива стала известна широкой аудитории. Среди журналистов особенно выделялись Сэмюэл Бриттен и редактор «Times» по экономике Питер Джей; при Каллагэне (в 1976 г. он сменил Вильсона на посту премьер-министра) Джей в 1977—1979 гг. был послом в США. С середины 1960-х годов они шли против течения и пропагандировали экономические стратегии, предлагаемые Фридменом и чикагской школой.

В 1957 г. Сэмюэл Бриттен слушал лекции Фридмена в Кембридже, когда Фридмен преподавал там в качестве приглашенного профессора. Фридмен запомнил Бриттена «очень

хорошо» как «одного из тех немногочисленных кембриджских студентов, которых я смог разглядеть, так сказать, во всех подробностях»⁴⁷. Питера Джея ознакомили с монетаристскими идеями американские друзья; он тоже читал работы Фридмана, в частности речь в Американской экономической ассоциации 1967 г., и «Монетарную историю Соединенных Штатов» (в соавторстве с Анной Шварц, 1963)⁴⁸. К ним присоединились другие, например экономист Алан Уолтерс, который писал для Института экономических дел работу о значении денежной массы⁴⁹. Бывший государственный служащий и член группы экономических консультантов Маргарет Тэтчер Эндрю Дагуид вспоминал об этом так: «Я совершенно убежден, что оба они [Бриттен и Джей] сыграли очень важную роль. Питер Джей публиковал в “The Times” статьи, в которых заимствованные им в разных местах мысли и идеи излагались и разъяснялись другой аудитории. Он работал как канал связи, и Сэм тоже, потому что тогда он писал аналитические обзоры и все в правительстве их читали. Знаете, за обедом все только и говорили о том, что такого сегодня написал Сэм... Так что он пользовался большим вниманием. Они оба были самыми важными каналами передачи идей в Англию [из США]»⁵⁰. В беседах со мной Найджел Лоусон, Джеффри Хоу и Норманн Ламонт тоже отметили важный вклад обоих журналистов в процесс изменения настроений в Англии и последующего отхода от традиционных кейнсианских рецептов⁵¹.

Бриттен и Джей пришли к убеждению, что монетаризм способен решить проблему стагфляции и того, что тогда называлось «английской болезнью» «больного человека Европы»⁵². Ни того ни другого нельзя отнести к политическим консерваторам. Они были заняты поисками экономической альтернативы управлению спросом. Джей, например, считал вредным и ошибочным руководствоваться распространенной кейнсианской идеей, что нужно «нужно положить в карманы людей больше покупательной способности — за счет снижения налогов, увеличения государственных расходов или удешевления кредита с помощью денежной политики»⁵³. «К сожалению, — писал он, — экономические реалии этого совершенно не подтверждают. Убеждение, что вне узких пределов кривой Филлипса регулирование покупательной способности (так называемое «управление спросом») воздействует только на уровень цен или только на уровень занятости, — в зависимости

от того, находится ли давление спроса выше или ниже зоны полной занятости, — оказалось ошибочным в долгосрочной перспективе и опасно обманчивым в краткосрочной»⁵⁴. «На самом же деле, — продолжал он, — в краткосрочном периоде, первые год-два, управление спросом воздействует, главным образом, на реальный объем расходов, на выпуск и, следовательно на занятость, тогда как в более длительной перспективе оно воздействует только на уровень цен. Проистекающее из распространенной интерпретации Кейнса убеждение в том, что мощности экономики будут сильнее всего образом недогружены из-за низкого спроса, если в конце концов цены не будут сильно и принудительно снижены с целью расчистки рынков, включая рынок труда, — было опасным ошибочным истолкованием печального опыта 1930-х годов»⁵⁵. Тем самым Джей сформулировал основные доводы Фридмена против тонкой настройки.

235

В докладе, написанном для только что учрежденного Центра исследования социально-экономической политики, Бриттен тоже ратовал за монетаристскую политику, видя в ней ответ на провалы кейнсианского управления спросом. В то время он, наряду с Джемом и его коллегой по «Times» Уильямом Рис-Моггом, стал ведущим проповедником монетаристских идей как наилучшего решения для всех экономических бед Англии. Директор Центра исследований социально-экономической политики Альфред Шерман заказал Бриттену материал по проблеме управления спросом. Хотя Бриттен и писал для центра (главной задачей которого была разработка новой политики для Консервативной партии), сам он не был тори⁵⁶. Брошюра Бриттена «Дополнительные соображения по поводу политики полной занятости» вполне удовлетворила Шермана, который был явно доволен тем, что привлек к освещению проблемы столь авторитетного независимого автора.

В предисловии к брошюре Бриттена сам Шерман подчеркнул аполитичный и технический характер доводов против политики полной занятости: «Любое правительство, какова бы ни была его партийная принадлежность, должно сдерживать инфляцию в интересах национальной экономики и всех классов. Ввиду очевидности того обстоятельства, что дефицитное финансирование <бюджетных расходов> ради расширения спроса было главной причиной ускорения инфляции и, соответственно, в долгосрочной перспективе ослабляло экономику и еще дальше уводило от полной занятости, всякий, кому

дороги высокий уровень занятости, процветание и экономический прогресс, должен разоблачать эту политику. В желании иметь связную и последовательную социально-экономическую политику нет ничего специфически «правого». Вернее будет сказать, что в силу исторической случайности «левые» в этой стране оказались крепко спаянными с настроениями и методами, характерными для 1930-х годов. Их консерватизм, несомненно, зашел слишком далеко. Но рано или поздно они неминуемо освободятся от своих навязчивых идей и восстановят контакты с реальностью»⁵⁷. Если вернуться к самой брошюре, то, по словам Бриттена, Милтон Фридмен «раскрыл мне глаза — не только своей специальной теорией денег, но и анализом влияния управления спросом на безработицу». Бриттен остановился на выступлении Фридмена в Американской экономической ассоциации, а затем продолжил: «Но и без помощи Фридмена я понял, что связывает капитализм и свободу и почему истинные либертарианцы, решительные и независимо мыслящие люди, должны быть на стороне капитализма, — хотя и не обязательно на стороне капиталистов»⁵⁸.

Главное внимание Бриттен уделил последствиям попыток добиться главной цели Кейнса, полной занятости, и его убеждению, что это можно сделать с низкими инфляционными издержками. Взаимосвязь между международной денежной ситуацией, инфляцией и безработицей он описал так: «Один из факторов, сильнее всего влияющих на реальную покупательную способность номинальной заработной платы, — это «равновесные» условия торговли, т.е. условия торговли, преобладающие тогда, когда валюта не переоценена и не недооценена, а зарубежные платежи сбалансированы и не требуют расходования резервов или государственных займов за границей. Самый наглядный пример — существенное (и даже еще более значительное в плане равновесности) ухудшение условий торговли после бума на рынках биржевых товаров в 1972—1974 гг. и взрывного роста цен на нефть. Это привело к снижению реальной заработной платы, при которой можно поддерживать наличный уровень безработицы. Сопrotивление необходимому снижению реальной заработной платы неизбежно влекло за собой рост безработицы, как бы ни старались английские правительства отсрочить решение с помощью иностранных займов и перераспределения доходов от других групп в пользу работников физического труда. И практически

невозможно отрицать, что позиция профсоюзов усилила это сопротивление и, следовательно, способствовала росту безработицы»⁵⁹. Но главное внимание Бриттен посвятил не международному контексту, а порождающему многочисленным проблемам воздействию управления спросом на английский рынок труда.

И Джей, и Бриттен ясно видели связь между управлением спросом и позицией профсоюзов, влияние которых после ухода правительства Хита они считали главным экономическим фактором в проблеме инфляции. В 1973 г. Бриттен писал Фридмену, что «ультракейнсианский» интеллектуальный климат Англии дает профсоюзам «прекрасную отговорку, чтобы не заботиться об интересах безработных, поскольку высокий уровень безработицы всегда можно свалить на неправильную политику правительства»⁶⁰. Иными словами, профсоюзы, выдвигая все более высокие требования по заработной плате, безответственно раздували инфляцию и только закрепляли те самые условия, которые создавали для их членов повышенный риск остаться без работы⁶¹.

Профсоюзная проблема была одной из самых важных для Фридриха Хайека и не в последнюю очередь потому, что его, как английского гражданина, заботило происходившее в экономической и политической жизни страны. Норманн Ламонт, министр финансов при Джоне Мейджоре в начале 1990-х годов и член парламента с 1972 г., рассказывал, что именно Хайек в начале 1970-х годов сфокусировал внимание консерваторов на влиянии профсоюзов. До этого Ламонт думал главным образом о том, что делать с инфляцией. В беседе со мной он описал, как происходил сдвиг в экономическом мышлении Консервативной партии в начале 1970-х годов, и этот рассказ стоит привести полностью:

«Ламонт: Главная проблема была в том, как контролировать инфляцию, и, я думаю, сейчас ее тоже часто недооценивают. Тогда у нас и в Америке тоже (хотя и в меньшей степени) были убеждены, что для удержания контроля над инфляцией нужно регулировать цену на хлеб, вообще регулировать цены и заработную плату, а идея о том, что инфляцию можно контролировать с помощью процентных ставок и денежной массы, многим казалась просто невероятной, и, думаю, это была первая крупная схватка. Первая схватка, в которой я участвовал, была в начале 70-х, когда я был членом парламента и работал

в финансовой службе. Сам я был совершенно убежден, что действительной причиной инфляции стал наш отказ использовать средства денежно-кредитной политики. <...> Я постепенно усваивал идеи Фридмена. <...> Революция экономики предложения, приватизация, отмена валютного контроля и т.д., — об этом я тогда не думал, это все пришло позже. А то было первым, что я усвоил.

Джонс: А как Вы пришли к этому убеждению?

Ламонт: Я пришел к нему прежде всего потому, что с большой тревогой следил за очень высокой инфляцией; ведь при правительстве Хита она у нас взлетела чуть ли не до 20%, и мы отчаянно нуждались в активном управлении денежной массой. Но Консервативная партия, парламент резко выступали против, да и сам тогдашний премьер Эдвард Хит отказывался признавать, что это важная вещь, денежная масса. Нам твердили: да ведь она быстро оборачивается, за ней не уследишь и т.д., и т.п., не будьте наивными. Это была первая схватка в правительстве Хита, а позже, когда Хит проиграл выборы, Кит Джозеф поставил эту проблему принципиально. Он сделал это в Престонской речи [«Инфляция вызывается действиями правительств», выступление в Престоне 5 сентября 1974 г.], речи выдающейся, поистине эпохальной, опиравшейся на Хайека и Фридмена. И Хайек, конечно, много сделал по проблеме профсоюзов. Назревшая профсоюзная реформа — это была вторая крупная задача, к которой мы пришли. Хайек убеждал нас, что одного монетаризма недостаточно. Нужно принять меры, чтобы сбалансировать рынок труда, получить нормально работающий рынок труда. Это был второй главный вопрос»⁶². Речь Джозефа основывалась на идеях Хайека и Фридмена. Но именно Хайек, а не Фридмен, особенно остро поставил проблему рынка труда в Англии; ей специально посвящены две его работы, опубликованные Институтом экономических дел, — «Держать тигра за хвост» (1972, переиздана в США Институтом Катона) и «Полная занятость: любой ценой?» (1975).

Бриттен полемизировал с Фридменом по вопросу о возможных причинах инфляции в Англии в середине 1970-х годов. Фридмен считал инфляцию чисто монетарным явлением. Бриттен же полагал, что в Англии инфляция вызвана, по крайней мере отчасти, действиями профсоюзов и их влиянием. Фридмен писал Бриттену: «Я никогда не отрицал гипотетическую возможность того, что рост влияния профсоюзов приведет

к такому уровню безработицы, который — если правительство верно политике полной занятости, — в свою очередь, заставит обратиться к инфляционной денежной и фискальной политике в стремлении справиться с безработицей. Но это всегда представлялось мне именно гипотетической возможностью. Я думал о другом: как узнать, когда она становится реальной возможностью и становится ли вообще. Единственный известный мне случай, который я указал, это конец 1930-х годов США. Если не считать этот единичный случай, я полагаю, что при анализе политики в отношении общей инфляции и общего уровня занятости мы спокойно можем вывести профсоюзы за скобки. А вот при анализе эффективного использования ресурсов этого делать нельзя. Полагаю, вы понимаете, что профсоюзы приносят огромный вред тем, что лишают работников возможности найти работу, искажают относительные цены и ограничивают возможности потребителей. Но это, конечно, уже другой вопрос»⁶³.

Бриттен в своем ответе настаивал на том, что профсоюзы могут быть такой же причиной инфляции, как и роста безработицы, поскольку «в Соединенном Королевстве отношение к этим вещам определяется ультракейнсианским интеллектуальным климатом»: «По крайней мере до самого недавнего времени общепринятое здесь, даже среди большинства профессиональных экономистов, мнение состояло в том, что правительство способно устанавливать общий уровень безработицы и загрузки мощностей, — правда, вероятно, за счет определенного уровня инфляции. Это дает профсоюзному руководству прекрасную отговорку, чтобы не заботиться об интересах безработных, поскольку высокий уровень безработицы всегда можно свалить на неправильную политику правительства. А правительство обычно считает себя обязанным напечатать еще больше денег и еще больше увеличить бюджетный дефицит»⁶⁴. По мнению Бриттена, к началу 1970-х годов влияние профсоюзов выросло до такой степени, что правительства и премьеры убедились: профсоюзным боссам вполне по силам полностью парализовать экономическую жизнь страны. И этого, считал Бриттен, пока не происходило только потому, что профсоюзные лидеры лишь недавно полностью осознали свои возможности.

Фридмен усомнился в научной корректности такого рассуждения. С его точки зрения, утверждение, что могущество профсоюзов пока не проявилось, нефальсифицируемо

(в попперовском смысле), поскольку оно равнозначно утверждению «в любое время может случиться все что угодно»⁶⁵. Поэтому оно лишено всякого конкретного содержания и по сути является бессмысленным предположением. Пересказав это возражение, но несколько им не смутившись, Бриттен ответил на него: «Но ведь и вообще, и, во всяком случае, в нашей английской ситуации всегда присутствует значительная сфера неопределенности, в рамках которой «может случиться все что угодно», и это во многом зависит от случайных личных качеств и особенностей политического маневрирования. И то, что тогда происходит, подкрепляется денежной экспансией как раз таким путем, который вы сами описали»⁶⁶. Затем он высказался по поводу силы профсоюзов: «Самый интересный теоретический вопрос, видимо, в том, можно ли использовать понятие «неиспользованное, но потенциально наличное могущество». Допустимо предположить, что понятие могущества всегда будет определяться через само себя, как скажем, в примере с монополистом [английского экономиста Джона] Хикса: монополист использует свое могущество для того, чтобы вести «спокойную жизнь», а не для того, чтобы повышать уровень доходности. Правда, я сомневаюсь, что Вы, будучи эмпириком, захотите смотреть на вещи таким образом. Но ведь если монополярная сила всегда используется множеством способов, мы сможем дать ей научно значимое определение лишь при условии, что установим обстоятельства, при которых она будет использоваться именно таким, а не иным образом»⁶⁷. Бриттен и Хайек вступили в уже развернувшуюся дискуссию по отношениям в производстве и инфляции с намерением подчеркнуть связь между провалами управления спросом и влиянием профсоюзов в Англии. Фридмен был не столь убежден в наличии такой связи, хотя и сам всегда утверждал, что профсоюзы обладают своего рода монополярной властью, которая коверкает рынок труда тем, что устанавливает искусственно завышенный уровень заработной платы и повышает безработицу.

В порочном круге инфляции и безработицы в Англии 1970-х годов Джей, Бриттен и Фридмен видели реальную перспективу политического кризиса. Джей пришел «к печальному выводу, что функционирование свободной демократической системы, по-видимому, и заставляет правительства ставить перед собой такие задачи (обязательство добиваться полной занятости), которые не позволяют им принять меры (налогово-бюджетная

и денежно - кредитная умеренность), необходимые для нейтрализации опасности (ускорение инфляции), угрожающей подорвать условие (стабильное процветание), на котором основана политическая стабильность и, следовательно, сама либеральная демократия. Иными словами, демократия сама себя загоняет в безвыходное положение и сама себя быстро губит»⁶⁸. Сразу после избрания Тэтчер лидером Консервативной партии в 1975 г. Фридмен в письме Бриттену выразил озабоченность тем, сможет ли Англия избежать участи Чили, где Аугусто Пиночет в 1973 г. сверг демократию и установил военную диктатуру. Правда, он предположил, что «разрушение демократического общества», если таковое случится в Англии, будет инициативой «левых», а не авторитарных правых⁶⁹. Также Фридмен думал о том, не идет ли Англия в направлении новой формы диктатуры в силу того, что государство поглощает значительный объем национального дохода: «Поэтому я не знаю, не может ли даже в вашем нынешнем положении случиться так, что шоковые меры в настоящем или в скором будущем станут единственным эффективным решением вашей проблемы инфляции. Но, разумеется, даже если бы за проблему инфляции взялись как следует, даже если бы удалось вернуться к 2—3% в годовом исчислении и с приемлемым уровнем безработицы, основная проблема все равно останется: это доля дохода, изымаемая государством, и склонность этого государства вести вас в направлении тоталитаризма. Если вы дошли до того, что почти 60% национального дохода тратится правительством, можно ли вернуться назад? Вот основной вопрос будущего»⁷⁰. В 1975 г. вопрос о том, в каком направлении пойдет Англия и каков будет результат, для Фридмена, по всей видимости, оставался открытым.

Левые обращаются к монетаризму.

1: Каллагэн, Хили и кризис МВФ

Задним числом стало понятно, что опасения Фридмена по поводу нового тоталитаризма слева были преувеличены, но политический кризис в Англии, как и предполагалось, не заставил себя ждать; причиной его послужило принятое в декабре 1976 г. лейбористским правительством решение попросить займ у МВФ. Два года второго премьерства Гарольда Вильсона

(февраль 1974 г. — апрель 1976 г., когда он подал в отставку) были отмечены быстрым ростом инфляции и требованиями профсоюзов еще больше повысить заработную плату. К этому присоединились щедрые социальные обещания лейбористов, выданные на фоне роста прожиточного минимума и требований профсоюзов. Лейбористская партия была даже еще более уязвима перед лицом профсоюзной «проблемы», поскольку с трудом победила в феврале и октябре 1974 г. отчасти благодаря своим уверениям, что сможет лучше организовать социальный контракт между правительством и профсоюзами, чем Консервативная партия⁷¹. Кроме того, партия, находясь в оппозиции, приняла так называемую Альтернативную экономическую стратегию (АЭС). АЭС представляла собой амбициозную программу, предусматривавшую расширение полномочий рабочих советов социалистического типа, квоты и пошлины на импорт и усиление национализации в промышленности⁷². Хотя на партийной конференции, где доминировало левое крыло, эта программа была принята в качестве официальной политики Лейбористской партии, правительством она никогда не принималась к исполнению. Но нежелание Вильсона и сменившего его в мае 1976 г. Каллагэна предпринять сколько-нибудь серьезные усилия для введения АЭС было постоянным источником трений между руководством партии и ее левым крылом во главе с министром энергетики Тони Бенном.

Правительству лейбористов, как и предыдущему консервативному правительству Эдварда Хита, вскоре пришлось переключиться на другие проблемы. В 1975—1976 гг. инфляция поднималась выше 20%, а в августе 1975 г. достигла 26,9%. В 1975 г. министр финансов Денис Хили представил первый послевоенный бюджет, в котором полная занятость не считалась высшим приоритетом. В 1976 г. Хили впервые ввел ориентиры по денежной массе и лимиты наличности — фиксированные объемы наличности при переговорах об оплате — на государственные расходы; этот шаг можно расценивать как начало обращения лейбористского правительства к некоей разновидности монетаризма. Снижение инфляции заменило полную занятость в качестве важнейшей экономической цели, и, как считает Джеймс Кроунин в своем исследовании о Лейбористской партии в послевоенный период, «казначейство само находилось в процессе перехода от кейнсианского управления

спросом, уже не вызывавшего энтузиазма, к концентрации внимания на размере государственного долга, выраженной в регламенте «Потребность государственного сектора в заемных средствах» (PSBR), и, в конце концов, к монетаризму»⁷³. Высокая инфляция и рост количества безработных на фоне снижения налогов и принятия регламента о заемных средствах побудили Каллагэна и Хили обратиться к МВФ с просьбой о займе; они опасались, что правительство и страна стояли на грани финансового краха (правда, как потом выяснилось, эти опасения были сильно преувеличенными). Это стало последним шагом в медленном процессе отхода Лейбористской партии от заветов кейнсианского управления спросом. В дискуссиях внутри кабинета эту позицию заняли пять министров: Хили, Каллагэн, Жел Барнетт (главный секретарь казначейства и правая рука Каллагэна), Рег Прентис (министр по делам заморских территорий) и Эдмунд Делл (министр торговли)⁷⁴.

Поминальным звоном для кейнсианства в Англии прозвучала речь премьер-министра Джеймса Каллагэна на конференции Лейбористской партии в 1976 г. (в ней явно чувствуется влияние Питера Джея)⁷⁵: «Мы привыкли думать, что можем предотвращать рецессию, побуждая людей тратить больше денег, увеличивать занятость с помощью снижения налогов и раздувать государственные расходы. Говорю вам со всей откровенностью: такой вариант больше не проходит. А если он вообще когда-нибудь хоть как-то работал, то со времен войны это в каждом случае достигалось только за счет закачивания повышенной дозы инфляции в экономику, что на следующем такте приводило к росту безработицы»⁷⁶. Каллагэну и Хили удалось убедить сопротивлявшихся левых и умеренных (таких, как Тони Кросленд, чей голос оказался решающим) членов кабинета принять жесткие условия займа. Но консервативная оппозиция, как и следовало ожидать, всячески препятствовала усилиям Каллагэна. 2 ноября 1976 г. немецкий канцлер Гельмут Шмидт в телефонном разговоре спросил Каллагэна, знает ли тот, что Кит Джозеф, идеологический вдохновитель и политический партнер Тэтчер, «предпринимает серьезные попытки... настроить людей в Вашингтоне против вас». Деятельность Джозефа в Вашингтоне была еще одним свидетельством влияния трансатлантического неолиберального сообщества. Шмидт сказал, что Джозеф «имеет хорошо налаженные связи по всему Вашингтону, и к нему там прислушиваются»⁷⁷.

Возможно, Шмидт имел в виду Уильяма Саймона, министра финансов в администрации Форда и убежденного приверженца монетаристских и неолиберальных идей. О своей работе с Никсоном и Фордом Саймон написал популярную книгу под названием «Время правды» с предисловием Хайека и Фриденена⁷⁸. Книга, популяризовавшая неолиберальные рыночные идеи, была опубликована при участии «Reader's Digest» и в конце 1970-х годов стала бестселлером в США. Министр иностранных дел Тони Кросленд писал Каллагэну из Вашингтона, что американцы рассматривают две позиции по вопросу о содействии английскому запросу в МВФ: «Первая — максимально благоприятный ответ на послание премьер-министра президенту, подкрепленное только что сделанным мною заверением о твердой решимости правительства Ее Величества продолжать принятую политику. Вторая состоит в том, что США только укрепят [непоследовательную] английскую политику в долгосрочной перспективе, если сейчас сильно облегчат наши текущие затруднения [путем содействия в получении займа при меньшем сокращении расходов, чем требует МВФ]»⁷⁹. Вторую позицию Кросленд приписывал Саймону, который считал, что правительство лейбористов не рассматривает всерьез свои обязательства по сокращению расходов и обузданию инфляции.

По свидетельству участника дебатов в кабинете Эдмунда Дела, между радикально левыми министрами во главе с подерживавшим АЭС Тони Бенном и умеренными во главе с Крослендом развернулось настоящее сражение⁸⁰. Хили твердо выступал за бюджетные и денежно-кредитные ограничения, которых требовал МВФ. Бенн решительно выступал против и предлагал прибегнуть к протекционизму путем введения регулирования импорта. Кросленд считал, что пик кризиса пройден и требования МВФ чрезмерны. По его мнению, правительство уже сделало достаточно для восстановления экономического роста, и ему нужно только выдержать шторм в ожидании экономического подъема. Возможно, такая тактика и сработала бы. Как только займ был получен, экономические показатели засвидетельствовали, что экономика чувствовала себя лучше, чем считалось, — и это были результаты жесткой политики Хили в 1975—1976 гг.

Гарвардский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт строго придерживался кейнсианской линии. Он считал заем МВФ необ-

ходимым и сообщил Каллагэну, что, желая помочь англичанам, встретился в Вашингтоне с Генри Киссенджером. Он объяснил Киссенджеру, что «Англия сталкивается с проблемами, характерными для всех промышленно развитых стран, но, как обычно, несколько раньше других стран», и подчеркнул, что таковы «общие требования смешанной экономики»⁸¹. Гэлбрейт написал для Каллагэна аналитическую записку, в которой указывал, что «в общем плане правительству важнее всего занять более уверенную и активную позицию» и не просто реагировать на события, а начать «контролировать» их. Будущее, по его мнению, подавало надежды, поскольку «заем финансирования быстро подтолкнет к стерлингу тех, кто будет играть на долгосрочную перспективу, вместо того чтобы продавать по текущей низкой цене. Повышение косвенного налогообложения, сокращение бюджетного дефицита подкрепят эту тенденцию. Последующий переход от денежно-кредитной умеренности к налогово-бюджетной — к повышению налогов вместо ужесточения денежно-кредитной политики — будет способствовать инвестициям и повышению производительности труда, снизит особенно трудный вид безработицы, который порождает денежно-кредитная политика»⁸².

Ответ казначейства на записку Гэлбрейта показывает, насколько изменился образ мысли элиты, руководившей английской экономической политикой: «а) Как и следовало ожидать, рассуждения проф. Гэлбрейта выдержаны в «старом добром кейнсианском» духе. Денежно-кредитную политику как таковую он вообще не рассматривает. С другой стороны, из записки проф. Гэлбрейта никак не следует, что денежно-кредитная политика не имеет большого значения. Максимум, что в ней сказано (и с этим никто из нас не будет спорить), — это то, что опасно полагаться на жесткую денежно-кредитную политику в попытке исправить упущения слишком мягкой фискальной политики. б) Утверждение проф. Гэлбрейта о том, что в настоящее время имеет место «избыточное давление спроса» на имеющиеся ресурсы следует (я полагаю) понимать во вполне определенном смысле. Действительно, сейчас спрос по отношению к внутреннему производству избыточен (в том смысле, что есть дефицит платежного баланса). Но при этом значительная часть производственных мощностей не используется. Это, несомненно, свидетельствует не только о слабости управления спросом, но и о слабости на стороне

предложения — о неспособности английской промышленности к конкуренции на мировых рынках. Именно поэтому в наших последних стратегических планах мы сделали упор как на ценовую конкурентоспособность, так и (в долгосрочной перспективе) на помышленную стратегию»⁸³. В документе явно просматривается желание критиковать «старый кейнсианский дух», хотя в конце его выражено мнение, что «между общей позицией проф. Гэлбрейта и текущей стратегией казначейства много общего»⁸⁴. Правда, казначейство могло написать это специально, чтобы успокоить неспециалистов.

Каллагэн колебался и, решив подстраховаться, позволил провести в кабинете всестороннее обсуждение всех этих предложений. Однако монетаристский настрой против кейнсианства Гэлбрейта продолжал набирать силу. Чтобы заручиться поддержкой Джеральда Форда в переговорах с МВФ, Каллагэн указал на опасность прихода к власти совсем уж левых. По мнению Дела, перспектива того, что Англия попадет в руки радикальных левых Тони Бенна, проходила по разряду фантастики: «В Соединенном Королевстве на карту было поставлено выживание правительства лейбористов, а не выживание демократии, не говоря уже о западноевропейской демократии. Сохранить лейбористское правительство можно было совсем просто — убедить Каллагэна решиться хоть на что-нибудь. В конце концов это и удалось сделать, причем без особых хлопот»⁸⁵. Прогнозы экономического роста оказались чрезмерно пессимистическими. В 1978 г. рост составил 3%, а безработица снизилась. «Один из приемов успешного экономического управления — не обращать внимания на ошибочные прогнозы»; прогнозы вновь оказались ошибочными⁸⁶, а правота Кросленда выяснилась слишком поздно.

В своих мемуарах Хили размышлял о том, насколько трудно было ориентироваться в мутных экономических водах 1970-х годов. С его точки зрения, изъяны присутствовали и в кейнсианской, и в монетаристской стратегиях. По мнению Хили, отсутствие надежной экономической информации было главной причиной того, что в деле успешной реализации экономической политики экономические теории находили лишь ограниченное применение. В ноябре 1974 г. в своем заявлении о состоянии экономики Хили отметил: «Как и долгосрочные прогнозы погоды, [экономические прогнозы] — это лучше, чем ничего... Но они делаются на основе экстраполяции частично известного

прошлое через пока не известное настоящее на принципиально не известное будущее. И строятся они согласно теориям причинно-следственных связей между определенными экономическими переменными, которые являются предметом жарких дискуссий экономистов-теоретиков и на деле могут меняться от страны к стране и от десятилетия к десятилетию». И Хили пришел к такому заключению: «Самая модная реакция на эти неясности, которые так затрудняли выполнение кейнсианских предписаний по управлению спросом, состояла в том, чтобы отказаться от Кейнса в пользу Милтона Фридмена и просто положиться на контролирование денежной массы. Однако никто пока не нашел адекватного определения денег, никто не знает, как их регулировать, и никто, кроме самого Фридмена, не знает в точности, как регулирование денежной массы будет влиять на инфляцию, — а ведь это считается единственной задачей такого контроля».

Судя по этим словам, не очень похоже, что Хили питал большое доверие к новой монетаристской стратегии. По мнению Кевина Хиксона в работе о «кризисе МВФ», меры, принятые Хили, — введение ориентиров по денежной массе и ограничение расходов с целью снижения государственного долга, — были скорее «косметическими», призванными восстановить и повысить доверие на финансовых рынках, и уж во всяком случае не свидетельствовали о чудесном прозрении и обращении в новую экономическую философию⁸⁷.

Хиксон утверждает, что кризис и реакция правительства не носили монетарного характера, поскольку правительство по-прежнему полагалось на кейнсианские методы регулирования цен и доходов и увеличивало государственные расходы после кризиса, в 1977—1979 гг. Вместе с тем он считает, что экономическая стратегия изменилась до кризиса МВФ, а не после него. Кризис «не стал причиной нового подхода к налогово-бюджетной и денежно-кредитной политике, поскольку снижение государственных расходов, лимиты наличности и ориентиры по денежной массе были введены раньше декабря 1976 г. и уже было принято решение отказаться от исторической цели, полной занятости». Это было равнозначно «сдвигу общей политической парадигмы». Письмо-обязательство, которое Хили направил в МВФ, «имело символическое значение, ибо служило официальным подтверждением того, что правительство отказалось от идеи полной занятости

и от послевоенного консенсуса»⁸⁸. По словам Питера Джея, который, будучи советником Каллагэна, принимал непосредственное участие в этих событиях, правительство было вынуждено признать монетаристскую критику управления спросом: «Действительно, в экономической схеме был изъян, и левые, и правые уже начинали осознавать этот изъян, эту проблему, и пробовали как-то ее решить. И нетрудно убедиться — прежде всего на примере того, что предпринималось при Каллагэне и Джимми Картере, — что меры именно по этим вопросам были приняты раньше и были более основательными, чем все, что родилось впоследствии в результате неолиберального консенсуса. Поэтому пытаться рассказывать всякие сказки, будто это была какая-то идеологическая эволюция, революция или контрреволюция, это, я считаю, значит грубо исказить реальные факты, исказить саму историю, которая гораздо сложнее и прозаичнее того, что нам пытаются внушить»⁸⁹. Как отметил Джей, аналогичный процесс приспособления к новой экономической реальности разворачивался и в США при Джимми Картере.

Левые обращаются к монетаризму.

*2: Джимми Картер и Федеральный резерв
Пола Волкера*

Джимми Картер был избран президентом в 1976 г., в тот момент, когда все несомненные рецепты прошлых лет оказались под вопросом. Он оказался в невыгодном положении, поскольку вступил в должность после пришедшейся на президентство Форда рецессии, — худшей со времен Великой депрессии. Чтобы активизировать спрос и сбить инфляцию, Форд в рамках своей кампании «Побьем инфляцию сейчас» использовал такие традиционные методы, как возврат налогов и директивное замораживание цен. В 1975 г., когда банки перестали финансировать Нью-Йорк в долг, Форд отказал городу в экстренной федеральной ссуде, и Нью-Йорк постигло финансовое бедствие. Город пошел на жесткие условия банков и финансовых рынков, и ему пришлось сократить расходы на важные социальные службы. Дэвид Гарви считает это прототипом неолиберального подхода. В частности, по его мнению, политика «структурных реформ», которую МВФ в 1980—1990-х годах

проводил в отношении развивающихся стран, восходит к мучительному разрешению нью-йоркского бюджетного кризиса⁹⁰. «Эта практика удовлетворения требований банков и финансовых институтов за счет снижения уровня жизни страны-должника уже была апробирована в нью-йоркском долговом кризисе»⁹¹. Однако на эту марксистскую оценку Гарви можно возразить, что основы общественной поддержки в отношении уровней налогообложения, обеспечивающих корректное перераспределение доходов, и в отношении эффективного финансового регулирования упорно и систематически разрушались эффективной пропагандой и неустанной прорыночной политикой, которую с середины 1970-х годов проводили все администрации независимо от их партийной принадлежности и политической окраски⁹².

Тактика президента Форда не сработала, и инфляция продолжала расти. Как и в Англии в середине 1970-х годов, границы между кейнсианским и монетаристским подходами были несколько размыты, и определенно отсутствовало ясное понимание того, что из двух является лучшей политикой. Путаница возникла отчасти в связи с тем, что монетаризм Фридмена действовал в системе макроэкономических координат, установленной Кейнсом. Разногласия существовали между теми, кто делал упор на налогово-бюджетную политику, и теми, кто наилучшим решением проблемы инфляции считал денежно-кредитную политику. По мнению исследователя экономической политики Картера Карла Байвена, «Картеру не повезло, потому что он занял свой пост тогда, когда консенсус по макроэкономической политике начинал трещать по швам». Например, в 1977 г. два лауреата Нобелевской премии по экономике дали Картеру прямо противоположные советы⁹³. В течение всего президентства Картера его экономическая программа отражала этот раскол. Несмотря на многочисленные упреки консерваторов, он все же начал и продолжал дерегулирование, после робкого экспансионистского начала попытался сбалансировать бюджет, поставил Пола Волкера во главе Федерального Резерва и приступил к масштабной реформе макроэкономического управления.

Знаковым достижением президентства Картера и одной из первых предпринятых реформ «со стороны предложения» следует считать дерегулирование. Со стороны президента-демократа это была неожиданная инициатива. Картер направил

в Конгресс два законопроекта, по грузовым автомобильным перевозкам и авиалиниям. Закон о дерегулировании авиалиний был принят в октябре 1978 г. В 1980 г. Конгресс принял три закона: об автомобильных перевозках, закон Стэджерса о железных дорогах, либерализовавший железнодорожные грузоперевозки, и закон о депозитных учреждениях и денежно-кредитном контроле, расширивший полномочия ссудосберегательных ассоциаций и взаимосберегательных банков; также этот закон отменял потолок процентной ставки для банков. Усилия Картера по либерализации промышленности и финансов следует признать значительными. Они направили США по пути дерегулирования, которое последовательно проводилось политиками вплоть до финансового кризиса 2007—2010 гг., особенно в сфере финансовых рынков.

В данном мне интервью Джордж Шульц сказал, что Картер поставил на повестку дня «экономическое дерегулирование» в сфере авиаперевозок, автоперевозок и некоторых сегментах сектора финансовых услуг⁹⁴. Сильное и непосредственное влияние на эту программу оказал чикагский неолиберальный экономист Джордж Стиглер (его идеи рассматривались в главе 3). Политику дерегулирования проводили администрации обеих партий, и атмосфера, царившая в то время в Вашингтоне, распяла аппетит к реформам независимо от партийной принадлежности. Например, основные усилия по прохождению программы через Конгресс приложил „либеральный“ сенатор-демократ Тед Кеннеди, а сам президент Картер лично разъяснял общественности важность дерегулирования. Успешное принятие перечисленных законов в конце 1970-х годов стало еще одним примером успешного прорыва неолиберальных политических взглядов в политический мейнстрим. В данном случае источниками идей выступали Джордж Стиглер и авторы теории общественного выбора Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок.

Однако главной заботой экономической политики Картера оставалась инфляция. В 1977—1978 гг. она подобралась к 10%, и Картер попробовал несколько способов, чтобы сбить ее. Поначалу главные возможности Картера состояли в том, чтобы директивно регулировать заработную плату и цены, а также использовать мягкую силу администрации в призывах к производителям и потребителям снизить цены. Федеральный резерв, сначала при Артуре Бёрнсе (чьи полномочия не были

продлены в 1978 г.), а потом при Уильяме Миллере (он был первым председателем Федрезерва, которого назначил Картер) в 1977—1978 гг., проводил традиционную кейнсианскую политику денежной экспансии. Картер и его экономические консультанты — председатель совета экономических консультантов Чарлз Шульце, министр финансов Майкл Блюменталь и главный борец с инфляцией Альфред Кан — в течение 1978 г. с возрастающим беспокойством наблюдали за инфляцией. Процентные ставки были высокими, денежная масса быстро росла. Поэтому они решили убедить Федеральный резерв ужесточить денежную политику. В конце 1978 г. появились официальные директивы по зарплатам и ценам. Но очень скоро второй нефтяной шок привел к дальнейшему росту инфляции и снизил внутренний спрос в США, которым нужно было наращивать производство товаров и услуг, чтобы закупать достаточно нефти в странах Персидского залива⁹⁵. Вместе с тем американская экономика переживала длительное падение производительности; эта проблема обременяла администрации Никсона и Форда и сохранялась вплоть до конца 1990-х годов. Падение производительности стало второй важной причиной неудачи политики Картера.

Едва ли не самым важным шагом в экономической политике Картера оказалось назначение Пола Волкера главой Федерального Резерва: в августе 1979 он сменил Миллера, который стал министром финансов. Эту ротацию ускорила отставка Майкла Блюменталья с поста министра финансов в июле 1979 г. Демократ Волкер был экономистом-монетаристом с опытом финансового и экономического управления; он занимался финансовыми вопросами в администрациях Кеннеди и Никсона, а в 1975 г. возглавил Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Джеффри Хоу, министр финансов и министр иностранных дел при Тэтчер, описал Волкера лаконично и ярко: «Над ними обоими [консультанты Рейгана Дон Риган и Берил Спринкел] интеллектуально и физически возвышалась, подобно фонарному столбу, фигура Пола Волкера, всезнающего, с неизменной сигарой во рту. В качестве главы Федерального резерва (назначен Картером) он целое десятилетие был единственной надеждой Америки на экономическое выздоровление»⁹⁶. Картер хотел иметь на этом посту человека независимого и серьезно воспринимающего проблему инфляции. Волкер обладал обоими качествами, причем в избытке.

В США Федеральный резерв играет центральную роль в денежно-кредитной политике. Байвен объясняет связь между количеством денег и процентными ставками так: «Если процентные ставки высоки, обычно заключают, что Федеральный резерв ограничивает рост количества денег. Ставка, которую он постоянно регулирует, — это ставка по федеральным фондам, ставка, по которой банки кредитуют друг друга на одну ночь. Федеральный резерв не устанавливает ее в административном порядке, но может определять ее в силу своей роли поставщика банковских резервов. Он регулирует резервы путем покупки и продажи государственных облигаций на открытом рынке. Если он продает, деньги на покупку забираются из банков, и их резервы наличности снижаются. Если резервы снижаются из-за продаж Федерального резерва, банки должны выходить на рынок федеральных фондов, чтобы пополнить резервы. На фоне предложения, контролируемого Федеральным резервом, рост спроса приводит к росту ставки процента»⁹⁷.

251

6 октября 1979 г. Волкер анонсировал решительный поворот в проводимой Федеральным резервом денежной политике: он начал таргетировать рост денежной массы. Байвен разъясняет смысл этого заявления: «Федеральный резерв мог ориентироваться либо на процентные ставки, либо на количество денег, т.е., на профессиональном языке, на ставку по федеральным фондам или на «денежные агрегаты». Повышая процентные ставки, Федеральный резерв может замедлять создание новых денег, которые генерируются банковскими кредитами третьим сторонам. Также он может ограничивать кредитование и создание новых денег более прямым способом, путем регулирования банковских резервов. Традиционно Федеральный резерв предпочитал регулировать процентные ставки, и на то была особая причина. Если в качестве переменной денежной политики он использует процентные ставки, они становятся более стабильными. Непредсказуемое поведение ставок может создать критическую проблему для банков и других финансовых организаций, и Федеральный резерв стремился свести эту проблему к минимуму. Банки живут в мире процентных ставок; они ссужают деньги по одной ставке, а привлекают фонды в депозиты по другой. Волатильность ставок мешает сохранению прибыльной разницы между первой и второй. С помощью регулирования ставок Федеральный резерв может гасить

нестабильность на финансовых рынках. Но у такого подхода есть и обратная сторона. «Даже с лучшими в мире специалистами, — писал Волкер, — снабженными самыми мощными вычислительными машинами, мы все равно не сможем точно просчитать, какая ставка по федеральным фондам будет нужна, чтобы держать денежную массу в должных пределах и регулировать экономическую активность»⁹⁸.

Волкер выбрал денежные агрегаты: по его мнению, это позволяло наилучшим образом контролировать денежную массу, а к тому же убедить людей в том, что он намерен решительно бороться с инфляцией. Выбор Волкера имел преимущество и в политическом плане. По мнению председателя совета экономических консультантов при Картере Чарльза Шульце, «Волкер сделал гениальный ход. В период, когда нужно было, чтобы люди свыклись с новым положением вещей, он принял систему, нацеленную на тот же результат, но позволявшую ему сказать: это не мы повышаем процентную ставку, мы просто задаем неинфляционные координаты для денежной массы, а процентную ставку повышают рынки. Это позволило Федеральному резерву в тот переходный период проводить политику, которую ему трудно было бы отстоять, если бы он действовал более открыто»⁹⁹. Картер полностью поддержал Волкера. Он отклонил рекомендацию своих консультантов снизить налоги в преддверии выборов 1980 г. и, сохраняя веру в сбалансированный бюджет, отказался раздавать любые предвыборные подарки. Политика Волкера пагубно сказалась на электоральных шансах Картера, но зато «переломила хребет Великой инфляции»¹⁰⁰. Инфляция, достигавшая на пике, в марте 1980 г., 15%, к сентябрю 1983 г. снизилась до 3% с небольшим.

Любая попытка определить, действительно ли Картер и Каллагэн проводили монетаристскую стратегию, упирается в проблему корректного определения монетаризма. Достаточно ли сдерживать государственные расходы и проводить денежную политику в целях укрощения инфляции, чтобы эти меры назывались «монетаризмом»? Милтон Фридмен считал, что нет. Выступая в программе английского телевидения «Деньги» весной 1978 г., он негативно отозвался о политике Картера и Каллагэна: «Когда мы рассуждаем о том, не поворачивает ли течение [в направлении свободного рынка и монетаризма], необходимо не только четко отличать этот

общий поток коллективизма [в политике Картера и Каллагэна] от более поверхностной струи управления спросом, но выявлять разницу между тем, что политические лидеры говорят, тем, что правительство реально делает, и тем, как это воспринимается широким общественным и интеллектуальным мнением¹⁰¹. Что же свидетельствует о переменах? Если исходить из заявлений лидеров, то нет сомнений, что крупная перемена налицо. Мне нет необходимости пересказывать здесь замечательное заявление вашего премьер-министра на конференции Лейбористской партии в 1976 г., когда он решительно отверг политику управления спросом, которую после войны проводили и лейбористские, и консервативные правительства. Но такое заявление не единственное. В январе этого года наш президент, президент Картер, в своем Послании о положении в стране посвятил специальный абзац пределам возможностей государства. Он сказал, — я процитирую: «Нам нужно хорошо понимать, что роль и функции государства ограничены. Государство не может решать наши проблемы, не может ставить нам цели, не может определять нашу точку зрения». Это прекрасные слова, такие, с которыми, я думаю, все мы согласимся, но с которыми решительно расходится почти все остальное, что было сказано в Послании о положении в стране»¹⁰².

Фридмен считал, что громкие слова не были подкреплены делом. Мало заявить о приверженности новой экономической стратегии, когда общая направленность государственной политики совершенно другая. В Англии, отметил Фридмен, «замечательное заявление премьер-министра Каллагэна об отказе от тонкой настройки нисколько не помешало министру финансов Хили ею заниматься, не помешало заявить в Бюджетном послании, что небольшие изменения в налоговых поступлениях позволят ему добиться изменений в плане экономического роста в Великобритании. Так что слова — то хороши, а вот дела оставляют желать много лучшего». Следует иметь в виду, что Фридмен говорил это еще до назначения Волкера и последовавшего за ним изменения денежно-кредитной политики Федерального резерва. Но ее вполне можно рассматривать в отрыве от этого последнего обстоятельства. Политика Картера и Каллагэна — это пример действий левых правительств, которые применили технические рекомендации Фридмена и Стиглера в плане макроэкономической стратегии или дерегулирования, но не усвоили их неолиберальных теорий.

Вердикт Фридмена преуменьшает значение крупного сдвига, который все же реально произошел и был налицо, независимо от того, отвечал ли он чисто теоретическим стандартам Фридмена. Выступая в 1979 г. в Совете по международным отношениям в Вашингтоне, Хили сказал: «Почти единственное неоспоримое утверждение о денежной массе, относительно которого Кейнс и Фридмен были бы согласны, таково: «Продолжительная и значительная инфляция неизменно возникает в связи с тем, что темпы роста денежной массы существенно превышают темпы реального экономического роста». С этим мы все можем согласиться. Я думаю, большинство людей согласятся с тем, что, если увеличивать денежную массу настолько быстрее темпов экономического роста, как это два года делал мой предшественник лорд Барбер, галопирующая инфляция неизбежна. Но за этими рамками все неопределенно. Мы не знаем, как именно рост денежной массы влияет на инфляцию или с каким лагом. Мы не знаем, какой экономический рост является адекватным и как лучше им управлять. А некоторые экономисты по-прежнему считают, что волатильность скорости обращения может сделать рост массы ненадежным индикатором при всех обстоятельствах»¹⁰³.

Под давлением обстоятельств лейбористское правительство принципиально изменило свою экономическую стратегию и решило блюсти финансовую дисциплину: ввело строгий контроль над государственными расходами и ориентировало по денежной массе, а также серьезно занялось инфляцией. В США Картер назначил Волкера, которого почитатели президента Рейгана потом восхваляли как спасителя американской экономики. В уже упомянутом Послании о положении в стране Картер заявил, что государство больше не может решать проблемы людей. Реформы левых и осознание ими положения, сложившегося в обстановке 1970-х годов, имели не менее важное значение, чем идеи радикальных неолиберальных правых: экономические и политические кризисы потребовали новых решений от тех, кто с 1940-х годов составлял основу правительств. Это нечто совсем иное, чем согласие с тем, что партии правых и их идеи представляют собой естественную альтернативу. Неолиберальная философия, в конце концов нашедшая приют в правительствах Тэтчер и Рейгана, напротив, стремилась произвести идеологическую трансформацию, которая утверждала рынок в качестве первой

и последней инстанции для государственной политики последней трети XX в.

Экономическая стратегия при Тэтчер

После «зимы тревоги нашей» 1978/79 гг. правительство лейбористов само уготовило себе поражение. Все ожидали, что Каллагэн назначит выборы на сентябрь 1978 г., когда, по мнению большинства обозревателей, он мог бы победить. В то время, согласно опросам, лейбористы были впереди, но к зиме их лидерство сменилось существенным отставанием, поскольку Каллагэн решил продолжать свою политику и страну захлестнула волна забастовок и волнений среди рабочих — «Зима недовольства». Хили попытался установить 5%-ный лимит на повышение заработной платы в государственном секторе, думая тем самым подать пример частному сектору в борьбе с инфляцией. Это вызвало многочисленные протесты по всей стране, к которым присоединились даже кладбищенские рабочие в Ливерпуле и мусорщики в Вестминстере. К новому году лейбористы, судя по опросам, уже отставали, и Каллагэна ожидало неминуемое поражение. В 1976 г. лейбористы утратили абсолютное большинство в Парламенте, и для формирования правительства вынуждены были заключить ряд соглашений с малыми партиями, — либералами, националистами, ольстерскими юнионистами и т.д. После того как закон о делегировании полномочий не прошел в Парламенте, Каллагэн потерял поддержку Шотландской националистической партии, не получил вотума доверия и был вынужден назначить внеочередные выборы. Консервативная партия во главе с Маргарет Тэтчер одержала победу и 4 мая 1979 г. пришла к власти, имея весомое большинство в 43 места.

Пока консерваторы Тэтчер находились в оппозиции, они усердно работали над альтернативной программой правительства. К концу 1970-х годов были созданы два главных документа по экономической политике, за которыми стояли Джеффри Хоу, Кит Джозеф, Джеймс Прайор, Дэвид Хоуэлл, Джон Хоскинс, Норманн Страус и Альфред Шерман; эти документы легли в основу политики консерваторов, принятую сразу после 1979 г. Документ 1977 г. «Правильный подход к экономике» имел подзаголовок «Предварительный план экономической

стратегии следующего консервативного правительства»¹⁰⁴. Он открывался беспощадным анализом исторического опыта Лейбористской партии на поприще экономической политики: «Ретроспективный взгляд на 1950—1951 гг. — полезное упражнение, поскольку позволяет увидеть, что лейбористские правительства всегда создавали одни и те же проблемы и терпели одни и те же неудачи и что социалисты никогда не извлекали уроков из своих провалов в прошлом. Ход событий — или МВФ — иногда вынуждал их временно принимать политику, необходимую в периоды кризиса. Но их идеология остается неизменной — и следующее лейбористское правительство непременно ею руководствуется»¹⁰⁵. Авторы заявляли, что их философия основана на принципах индивидуализма и свободного рынка, а главная задача, стоящая перед страной, — это решение проблемы инфляции. Они утверждали, что совершенно необходимые оздоровительные меры, — это монетаризм, ограничение заработной платы в государственном секторе и жесткая финансовая политика. Предлагалось также сделать Банк Англии более самостоятельным; правда, Тэтчер, заняв пост премьер-министра, все больше охладела к этой идее, поскольку считала себя обязанной отстаивать интересы держателей ипотеки из нижнего среднего и среднего класса. Приоритетной целью считался контроль за денежной массой: «Страна убедилась, что правительство только раскручивает этот цикл [денежной экспансии, за которой следуют инфляция и безработица], если оно печатает слишком много денег и слишком много тратит. Если возобладает общее стремление держать денежную массу под жестким контролем и если в области государственных расходов мы сможем четко отделять то, что всего лишь желательно (а потому может быть отложено), от того, что совершенно необходимо, тогда мы совершим принципиально важный шаг к выходу из наших экономических трудностей»¹⁰⁶. Далее речь шла о ряде мер «со стороны спроса», в том числе об отказе от лейбористского «социального контракта», о замене его «усовершенствованными» соглашениями по заработной плате, о снижении налогов на корпорации и на физических лиц и об общем стремлении к «новым формам свободного предпринимательства»¹⁰⁷.

Второй главный политический документ намечал для консервативного правительства такую экономическую стратегию, которая позволила бы ему не отклоняться от избранного

курса в неизбежных политических баталиях. Этот проект возглавил Джон Хоскинс; раньше он занимался бизнесом, и неудачи на этом поприще побудили его пойти в политику. Также в нем приняли участие директор Института исследований социально-экономической политики Альфред Шерман и Норманн Страусс. Подобно многим, Хоскинс восхищался «Солнечным Джимом» Каллагэном и полагал, что сможет с ним сработать. Он подумывал о сотрудничестве с лейбористами, но вскоре пришел к выводу, что партийное руководство не будет всерьез заниматься необходимыми реформами¹⁰⁸. После выборов 1979 г. Тэтчер назначила Хоскинса руководителем своей группы политических консультантов на Даунинг-стрит, 10. В 1977 г. Хоскинс с коллегами разработал никогда не публиковавшийся стратегический план под названием «Опорные камни». Документ создавался в тайне, поскольку, согласно Хоскинсу, «считалось, что среди членов теневого кабинета и теневых министров за его пределами будет немало таких, кто отнюдь не сочувствует тому, что мы собирались сказать»¹⁰⁹. По его словам, было положительно необходимо «резко изменить» стратегию консерваторов, «изменить все, абсолютно все представления» о том, как работают экономика и экономическая политика¹¹⁰.

Несмотря на то что лидером консерваторов в то время была Тэтчер, в партии по-прежнему доминировали «мокрые», как их уничижительно называли, — люди, подобные Йэну Гилмору, Джиму Прайору и Фрэнсису Пиму; они преимущественно принимали и поддерживали послевоенный консенсус по социальному государству, кейнсианству и благотворности государственного вмешательства в социальную и экономическую политику. Изложенная в «Опорных камнях» новая стратегия, напротив, предполагала подчинить трудовые отношения верховенству права, покончить с незаконными забастовками и вторичным пикетированием, обуздать воинственность профсоюзов и, самое важное, запретить «закрытые предприятия», т.е. систему, при которой устроиться на работу в определенную компанию или организацию могут только члены соответствующего профсоюза. В США подобное законодательство уже было введено после Второй мировой войны в виде закона Тафта—Хартли 1947 г., но в Англии профсоюзная реформа не получилась, несмотря на усилия Барбары Касл в конце 1960-х годов. Большинство «мокрых» в партии тори были настроены против реформ.

Разработка альтернативной экономической стратегии предусматривала также заимствование лучших идей неолиберальных аналитических центров, в первую очередь Института экономических дел, Центра исследований социально-экономической политики и Института Адама Смита. Одобренная теневым кабинетом программа в некоторых пунктах была довольно радикальной, но никак не дотягивала до того революционного плана, с которым потом стали ассоциировать Тэтчер. Консерваторы точно указали на две самые очевидные и непопулярные политические проблемы Англии того времени, но не предложили никаких принципиально новых решений. Если говорить о монетаристской экономической политике, они хотели прибегнуть к более жестким и масштабным сокращениям, чем это было у предшественников. Кроме того, по сравнению с лейбористами они признавали экономическую теорию свободного рынка в настолько большей степени, что предполагали отменить валютный контроль. Но в центральной сфере макроэкономической стратегии они сначала заново сформулировали, а потом приняли те идеи неолиберальной политики, которые уже были в известной мере использованы их оппонентами.

Крупным исключением стала проблема профсоюзов. После «Зимы недовольства» она превратилась в самую серьезную политическую проблему. Хотя Барбара Касл и Гарольд Вильсон попытались провести профсоюзную реформу в 1969 г., Лейбористская партия была совершенно дискредитирована крахом социального контракта во время этой «зимы». Партия скатилась к внутренней междоусобной войне и деструктивному заигрыванию с левыми Бена. Дело кончилось расколом и созданием Социал-демократической партии, которую учредила так называемая «банда четырех»: Рой Дженкинс, Дэвид Оуэн, Ширли Уильямс и Билл Роджерс (все они входили в лейбористский кабинет при Каллагэне). Тем временем Либеральная партия, похоже, находилась в самом глубоком с 1920-х годов упадке. По всем этим причинам Консервативная партия оказалась единственной партией, способной выступить с инициативой профсоюзной реформы. Однако, как ни удивительно, в тот ранний период резкое изменение экономической политики не встречало поддержки даже у многих тори (включая Джима Прайора, первого министра труда при Тэтчер). Тэтчер и ее советники ждали вплоть до забастовки шахтеров 1984—1985 гг., и только потом выступили против профсоюзов.

Перед тем как столкнуться с их передовым отрядом, шахтерами (чьи забастовки решили судьбу правительства Эдварда Хита в 1974 г.), министерство энергетики и национальное управление угольной промышленности создали запас угля в расчете на долгую и упорную борьбу и в конце концов победили.

Из интервью с бывшими министрами Тэтчер становится ясно, что самые радикальные реформы 1980-х годов не планировались заранее. Вот что сказал Норман Ламонт: «Я думаю, чьи-то заслуги действительно нужно признать. Вот, например, Иэн Гоу или Ник Ридли: они действительно выступали за это [революцию на стороне предложения]. Но у меня такое впечатление, что г-жа Тэтчер поначалу хотя и хотела этого всем сердцем, но не было никаких признаков, что она намерена сделать это [провести радикальную реформу]. Я хочу сказать, Консервативная партия никогда не ставила перед собой такой задачи. Но она это сделала... Знаете, если уж начистоту, все это происходило постепенно. Г-жа Тэтчер, конечно, заслуживает всяческого уважения, но будет, можно сказать, самообманом, если теперь люди вроде меня будут делать вид, что тогда представляли, как все это произойдет. Нет, мы не представляли. Мы просто помогали, участвовали и поддерживали. Единственное, в чем я был совершенно убежден, — это в необходимости постоянно и жестко контролировать денежную массу. Я пришел к выводу, что это основа основ, это самое важное»¹¹¹.

Леон Бриттен, брат Сэмюэла и член кабинета в 1980-е годы, также подчеркивал постепенность развертывания экономической программы Тэтчер¹¹². Приватизация, впоследствии ключевой элемент правительственной программы реформирования стороны предложения, тоже отсутствовала в манифесте 1979 г. По словам Ламонта, «идея приватизации сначала вообще не фигурировала и только потом постепенно обрела очертания. Сначала была приватизирована неторговая*, недавно национализированная часть сектора, и эта идея выйти за пределы торгового сектора непосредственно в инфраструктурные отрасли, знаете ли, вызывала некоторую дрожь»¹¹³.

* То есть предприятия, продукция которых не является предметом международной торговли. Соответственно, упоминаемый ниже «торговый сектор» — это предприятия, производящие товары и услуги, являющиеся предметом международной торговли. — *Прим. науч. ред.*

В течение первого премьерства Тэтчер стратегия правительства развивалась по нарастающей. Но отправной точкой послужили умеренные монетаристские меры, принятые Лейбористской партией. По словам Ламонта, «случай сыграл тут более важную роль, чем иногда думают»¹¹⁴. Яркие примеры такого рода фортуны — Фолклендская война, случившаяся в период роста безработицы и рецессии, и слабость расколотых лейбористов после 1979 г.

Первой крупной битвой консерваторов стала попытка применить строгий монетаристский подход к государственным финансам. По инициативе министра финансов Джеффри Хоу правительство старалось углубить намеченный лейбористами поворот к жесткой финансовой политике. Финансовый секретарь казначейства Найджел Лоусон (после выборов 1983 г. он сменил Хоу на посту министра финансов) разработал «Среднесрочную финансовую стратегию», программу введения правил и ориентиров в денежную политику; она напоминала реформу денежной политики, проведенную Волкером в США. Общей целью была победа над инфляцией с помощью строгого контроля над денежной массой; такая постановка задачи прямо восходила к денежной теории Фридмена. При этом Лоусон не разделял убеждение Фридмена в достоинствах плавающего курса¹¹⁵. Лоусон и консервативное правительство также считали важным таргетировать лимит государственных заимствований (PSBR): «Разумеется, я знал, что пишет и что предлагает Фридмен, и с большей частью этого был полностью согласен, — я имею в виду его общий подход к вопросам свободного рынка. Но были две вещи, с которыми я не был согласен. Первая — это его вера в свободно плавающие валютные курсы, а вторая — его убеждение, что бюджетный дефицит не особо важен, что о нем не нужно сильно беспокоиться, не имеет значения, насколько он велик, об этом можно просто забыть. По поводу первого я думал, что в идеале свободное плавание — это наилучшая система. Но если принять во внимание, с чего мы начинали, нам на какое-то время была нужна внешняя финансовая дисциплина — при всех наших проблемах, при полном упадке финансовой дисциплины, — и это на какое-то время было целесообразно. А вообще, как я уже сказал, в принципе я был теоретически и практически за плавающие курсы. Просто я считал, что нельзя не использовать преимущества внешней дисциплины, чтобы протестировать и исправить

серьезные проблемы в британской экономике. По тем же причинам я считал, что без дисциплины нам с бюджетным дефицитом не справиться. Опять же в идеальных условиях, может быть, и можно относиться к дефициту бюджета гораздо спокойнее, но в реальности, я думаю, никто не мог или, во всяком случае, мало кто мог относиться к нему так спокойно, как советовал Фридмен. <...> Если не говорить о проблеме инфляции, то ведь на практике, ясное дело, стоит только сказать, что бюджетный дефицит ничего не значит, как тут же государственные расходы станут расти все больше и больше, а это очень нежелательно. Я думаю, бюджетная дисциплина как раз и нужна для того, чтобы снизить государственные расходы. Это объективная реальность, это практическая политика, а не экономическая теория. Так все работает на практике»¹¹⁶. Здесь Лоусон объясняет, какой, по его мнению, нужен якорь, чтобы экономика не уплыла в море избыточной денежной массы и неприемлемой инфляционной экспансии¹¹⁷.

Фридмен считал, что англичане придают лимиту государственных заимствований чрезмерное значение. В 1980 г. он направил в Казначейство и в Комитет по делам государственной службы записку, в которой одобрил монетарные целевые ориентиры, но скептически высказался по поводу роли целевых ориентиров для государственных заимствований¹¹⁸. Тем не менее общую позицию правительства он поддержал: «Большие государственные расходы вызывают сопротивление налогоплательщиков. Сопротивление налогоплательщиков побуждает правительство финансировать государственные расходы за счет создания денег; тем самым оно увеличивает количество денег, а следовательно, и инфляцию, которая, будучи побочным продуктом, очень удобным для законодателей, фактически поднимает налоговые ставки без всякого законодательства. Государственные расходы в сочитании с государственным вмешательством тормозят экономический рост, и при любых темпах роста денежной массы вместе с ней растет и инфляция. Замедление экономического роста возлагает дополнительную нагрузку на совокупные государственные расходы при любом данном их уровне, усиливая сопротивление открытому налогообложению»¹¹⁹. По мнению Фридмена, энергетический кризис 1970-х годов усугубил и инфляцию, и замедление экономического роста: «Сдерживание роста денежной массы — необходимое и достаточное условие для контроля инфляции.

В свою очередь, контроль над инфляцией — необходимое, но недостаточное условие для роста производительности в Англии, каковой рост и является главным признаком здоровья экономики. Для этого требуется широкий комплекс мер по восстановлению и улучшению стимулов, развитию продуктивного инвестирования и создания более широких возможностей для частного предпринимательства и частной инициативы»¹²⁰. По мнению Фридмена, инфляция и медленный экономический рост были связаны друг с другом, преимущественно в силу «слишком большого и слишком назойливого государственного вмешательства»¹²¹. Как обычно, Фридмен предлагал комбинацию монетаризма и реформы в духе экономической теории предложения. Он полностью поддержал решение правительства отменить валютный контроль и дерегулировать кредитные рынки, которое было неожиданно принято в 1980 г.¹²² По словам Хоу, этим шагом «мы дали миру понять, что твердо привержены либеральной экономической теории и видим в ней верное средство возродить Англию»¹²³.

Вскоре страна погрузилась в глубокую рецессию. Главной ранней битвой для консервативного правительства стало принятие комплекса жестких мер с целью взять дефицит под контроль и создать условия для экономического выздоровления в знаменитом бюджете 1981 г. Произошло одно из самых жестких в XX в. сокращение государственных расходов, а налоги были повышены. По мнению историка Ричарда Коккетта, это «был, несомненно, радикальный бюджет, составленный на основе предложений Хоскинса, Шермана и Уолтерса; он сместил основной упор антиинфляционной политики правительства с денежно-кредитной стороны на налогово-бюджетную»¹²⁴. Ведущую роль Хоскинса, Шермана и Уолтерса оспаривает Хоу, который неизменно заявлял, что самые важные бюджетные параметры исходили от Казначейства. Но вне зависимости от того, чьим детищем был бюджет — одной стороны или другой (или совместным), он вызвал разногласия среди монетаристов, которые спорили друг с другом по поводу того, не является ли политика ужесточения финансовых ограничений и резкого сокращения государственных расходов излишне жесткой и можно ли считать ее фискальную направленность в собственном смысле монетаристской¹²⁵. В 1980 г. Тэтчер предложила члену Общества Мон-Пелерен, английскому экономисту Алану Уолтерсу (он тогда работал

в Университете Джонса Хопкинса в США) стать ее советником по экономике. Уолтерс принес с собой чисто фридменовский подход к экономической и денежной политике. Он считал, что правительство, лишь недавно приступившее к работе, приняло слишком жесткую денежную политику, которая только усугубляла порожденную ею же рецессию¹²⁶. Его позиция напоминала позицию Фридмена в отношении Великой депрессии 1930-х годов в США. Правительство сочетало эти жесткие ограничения с планом восстановления конкурентоспособности английской промышленности, для чего нужно было переориентировать налоговую систему и создать больше стимулов для предпринимателей.

В основе экономической стратегии консерваторов лежал монетаризм. Но стратегия включала в себя многие другие меры, восходившие к неолиберальным теориям. Общую схему нового подхода Лоусон изложил в своей Мэйзовской лекции в 1984 г. (к тому времени он уже сменил Хоу во главе Казначейства): «Общепринятая в послевоенный период точка зрения сводилась к тому, что безработица — это следствие недостаточного экономического роста, а экономический рост нужно обеспечивать с помощью *макроэкономической* политики — с помощью фискального стимула в виде увеличенного бюджетного дефицита на фоне денежно-кредитной политики (в той мере, в какой вообще можно было говорить о ее существовании), в целом пассивно следующей за фискальной политикой. Проблему инфляции, напротив, всё больше рассматривали как предмет *микроэкономической* политики — совокупности регулирующих мер и субсидий, ассоциировавшихся с эпохой политики регулирования доходов. Экономическая политика действующего правительства исходит из того, что между задачами макро- и микроэкономической политики действительно существует четкая граница, что нужно применять обе этих инструментария, — но роль каждого из них прямо противоположна той, которая им обычно приписывалась в послевоенный период. Целью макроэкономической политики является борьба с инфляцией, а вовсе не обеспечение экономического роста и занятости. Задачей же микроэкономической политики должно быть не подавление роста цен, а создание условий, благоприятных для экономического роста и занятости. Нечего и говорить, что эта принципиально важная полная перестановка ролей подразумевает существенные изменения

в самой природе макро- и микромер экономической политики как таковых. Вместо того чтобы просто приноровлять денежную политику к росту бюджетного дефицита (за исключением тех периодов, когда кризисы стерлинга временно приостанавливали этот процесс), фискальная политика сейчас должна проводиться в соответствии со снижением роста денежной массы. И вместо того, чтобы рассматривать микроэкономическую политику как всевозрастающий набор методов вмешательства в деятельность рыночных сил, ей сейчас отводится задача устранения регулирования и создания условий для улучшения работы рынка»¹²⁷.

Лоусон описал, как изменилась экономическая стратегия к середине 1980-х годов, но важно не забывать о преемственности, которая существовала между позициями лейбористов и консерваторов в плане макроэкономической политики. Предшественник Лоусона Джеффри Хоу, исключительно непредвзято судит о применении монетаристской политики в Англии в 1970—1980-х годах. Она, по его мнению, «уже была неотъемлемой частью экономической политики Англии и некоторых других стран, когда Маргарет Тэтчер и я пришли на Даунинг-стрит». Просто, объясняет Хоу, это нельзя было «повторять слишком часто, особенно тем критикам в моей партии [«мокрым»], которые любят изображать наше вступление в должность как начало эпохи ни на чем не основанного догматизма и небывалой неумяемости»¹²⁸. Главные реальные различия в экономической политике между правительством Каллагэна и правительством консерваторов заключались в том, что консерваторы радикализировали микроэкономическую политику с помощью целого комплекса рыночных реформ, вытекающих из экономической теории предложения, и внедрили рыночные механизмы в сферу предоставления общественных услуг. После 1997 г. Лейбористская партия продолжила и углубила эти реформы.

Рейганомика

Президентская кампания Рейгана проводилась в обстановке экономического и внешнеполитического кризиса. Галопирующая инфляция и провал операции по освобождению заложников в Иране подорвали доверие к президенту Картеру. Со своей

стороны Рейган предлагал примерно такую же комбинацию монетаристской макроэкономической политики и реформ со стороны предложения, как Тэтчер в Англии. Однако между политикой республиканцев Рейгана и консерваторов Тэтчер имелись два существенных отличия. Первое было связано с тем, что в общеэкономической жизни США профсоюзы не играли такой роли, как в Англии. Их влияние ощущалось лишь в определенных секторах и отраслях; это было следствием Закона Тафта—Хартли (1947), который запретил действия, названные в законе «нечестной трудовой практикой»¹²⁹. Умеренное влияние профсоюзов в США объяснялось также специфическим характером американской системы социального обеспечения. Она сформировалась в результате послевоенной договоренности крупнейших отраслевых профсоюзов и АФТ—КПП* о привязке социальных пособий к рабочим местам — характерное для США частное государство благосостояния в отличие от английского, которое строилось на принципе всеобщности¹³⁰. В Англии же в 1970-х годах профсоюзы считались фактическими партнерами правительства, особенно при социальном контракте Вильсона. Второе существенное различие между политикой правительств Рейгана и Тэтчер заключалось в том, что большая часть экономики США оставалась в частных руках; это означало, что, с точки зрения консерваторов, проведение стратегии денационализации или приватизации было менее насущным или необходимым, чем в Англии. Тем не менее даже в этих областях администрация Рейгана придерживалась неолиберальной позиции, основанной прежде всего на идеях Хайека, Фридмена, Стиглера и Бьюкенена.

Рональд Рейган вступил в должность в январе 1981 г. с намерением решить четыре экономические задачи: усилить дерегулирование и либерализацию рынков, усилить контроль за денежной массой, снизить налоги, снизить государственные расходы. Многие главные принципы программы Рейгана были намечены исследовательским комитетом Республиканской партии в критическом анализе закона Хэмфри—Хокинса 1978 г., повторно подтвердившего приверженность

* АФТ—КПП — Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (AFL—CIO), крупнейшее в США объединение профсоюзов. — *Прим. науч. ред.*

государственной политики США кейнсианскому управлению спросом. В докладе комитета была представлена сводка индивидуалистической философии Хайека, изложены преимущества свободно действующего рынка по сравнению с планированием, а также монетаристский анализ стагфляции Фридмена¹³¹. Хайек и Фридмен поддерживали регулярные и частые контакты с комитетом и его членами¹³². Исполнительным директором комитета в середине 1970-х годов был Эд Фелнер, впоследствии возглавивший Фонд «Наследие».

Закон Хэмфри—Хокинса подтверждал преданность идее полной занятости, но вместе с тем требовал от Федерального резерва публиковать ежегодный отчет по инфляции и денежно-кредитной политике. В докладе комитета содержался ряд альтернативных антиинфляционных предложений:

- «1. Значительное и *постоянное* повсеместное сокращение налогов для всех физических лиц и компаний.
2. Сокращение государственной бюрократии и регулирования на всех уровнях.
3. Принятие денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, направленной на стабилизацию ценности денег. Это единственная гарантия *долгосрочной* занятости.
4. Устранение других конкретных препятствий для накопления капитала и инвестирования и, в частности, введение налоговых стимулов при налогообложении капитала. Налог на прирост капитала должен быть снижен до уровня 25% максимум или совершенно отменен. Убытки на капитал должны подлежать полному вычету из прироста»¹³³.

В докладе было отмечено, что «эти четыре меры сами по себе вызовут значительные подвижки в деле привлечения капитала, повышению производительности, сохранению рабочих мест в долгосрочной перспективе и, самое важное, приведут к *повышению реальных доходов на всех уровнях и к росту уровня жизни*». Общая мысль доклада сводилась к тому, что прилив поднимет все лодки — и маленькие, и большие. Она стала основой экономической философии Рейгана, и ее убедительность позволила считать неравенство существенным элементом экономического роста и социального прогресса.

Похожие стратегии были намечены в двух других важных политических манифестах. Первый — публикация Гуже-

ровского института войны и мира под названием «США в 1980-е годы» (1980)¹³⁴. В это издание входили экономические работы Милтона Фридмена и Розы Фридмен (жены Милтона, которая приходилась сестрой его коллеге по Чикагскому университету Аарону Директору) и Алана Гринспена, а также работа о международной помощи, написанная английским экономистом, членом Общества Мон-Пелерен Питером Бауэром. Многие авторы, — в частности, Фридмен, Мартин Андерсон и Гринспен, — потом сотрудничали с администрацией. По мнению Аннелиз Андерсон, книга представляла собой перспективный план внутренней политики Рейгана¹³⁵. Вторая книга была выпущена Фондом «Наследие» и называлась «Мандат на лидерство: управление социально-экономической политикой в консервативной администрации» (1980, обсуждалась в главе 4)¹³⁶. Это был гигантский тысячастраничный том, спешно составленный к инаугурации Рейгана. Он был задуман как политическое справочное руководство и включал статьи Эда Фелнера и еще 27 политологов из Фонда «Наследие». Администрация Рейгана впоследствии использовала многие их предложения, в том числе предложение по всеобщему снижению налогов (которое предлагал и исследовательский комитет Республиканской партии).

Поскольку денежно-кредитной политикой заведовал Федеральный резерв в лице Пола Волкера, администрация сосредоточилась главным образом на реформах стороны предложения. В число ведущих экономических советников Рейгана входили председатель совета экономических консультантов Мартин Фельдстейн, министр финансов Дон Риган, главный экономический консультант президентской кампании Рейгана Джуд Ванниски*, Милтон Фридмен, ставший членом президентского консультативного совета по экономической политике, и Билл Нисканен, член совета экономических консультантов, а впоследствии директор Института Катона. Важными советниками по экономическим вопросам были также Берил Спринкел, сменивший Фельдстейна в 1987 г., и Алан Гринспен, сменивший Волкера в 1987 г.¹³⁷

Как только Рейган занял Белый дом в январе 1981 г., он отменил регулирование производства нефти и моторного топ-

* Один из ведущих представителей экономической теории предложения. — *Прим. науч. ред.*

лива, сохранявшийся со времен Никсона, и снизил налоги на прибыль производителей этих продуктов, чтобы смягчить энергетический кризис. Но в первый год президентства Рейгана произошли два важных события, которые помогли ему окончательно определиться с экономической программой. Одним из этих событий стала забастовка авиадиспетчеров летом 1981 г.; администрация пересилила профсоюз и уволила всех забастовщиков. Второе событие — проведение через Конгресс серии крупномасштабных снижений налогов; оно стало началом законодательного прогресса, также начавшегося в 1981 г. Верхняя планка налогообложения была снижена с 70 до 50%, а позже, в 1986 г., до 28%.

Рейган снижал налоги из убеждения в необходимости ограниченного правления, за которое особенно ратовали Фридмен и другие неолибералы. Кроме того, он руководствовался идеями американского экономиста Артура Лаффера, чья знаменитая кривая показывала, что собираемость налогов повышается пропорционально снижению их уровня, поскольку больше людей будут готовы их заплатить и меньше людей будет стараться от них уклониться. Результатом, как предполагалось, должно было стать наращивание инвестиций со стороны богатых людей и, соответственно, расширение возможностей для всех слоев населения; такая причинно-следственная связь называлась эффектом просачивания или, как говорил Джордж Буш-старший, «экономикой вуду». Эта концепция — еще один пример обоснования (как принято считать, логически-безупречного) тезиса, согласно которому перераспределение богатства в пользу среднего класса и высокооплачиваемых работников способствует экономическому росту на благо всех прочих. Однако за снижением налогов стояла еще и практическая политическая потребность удовлетворить чаяния широкого движения за снижение налогов, возникшего в 1970-е годы. Эти меры стали основой того, что Мартин Андерсон назвал рейгановской «революцией» на стороне предложения¹³⁸. Жена Мартина Аннелиз Андерсон, которая тоже работала в Белом доме при Рейгане, отметила в беседе со мной, что перенесение упора на предложение стало свидетельством «признания важности стимулов»¹³⁹.

В августе, когда вспыхнула забастовка авиадиспетчеров, Рейган подписал закон, которым предусматривалось самое значительное в американской истории сокращение налогов.

Это был двухпартийный документ, поскольку его поддержали демократы, имевшие тогда большинство в Конгрессе. Закон привел к раздуванию федерального дефицита с 700 млрд долл. в 1981 г. до 3 трлн долл. к концу президентства Рейгана¹⁴⁰. По словам Аннелиз Андерсон, размер бюджетного дефицита на 1989 г. стал «самым большим разочарованием» его президентства¹⁴¹. Однако многие советники и сторонники Рейгана не испытывали никакого беспокойства по поводу дефицита, особенно если он был вызван снижением налогов. Главными проповедниками такого взгляда были Джек Кемп и Джуд Ванниски¹⁴². Фридмен всегда считал, что снижение налогов — хорошая вещь, поскольку увеличивает индивидуальную свободу и снижает роль государства. Многие консерваторы считали, что бюджетный дефицит имеет положительный побочный эффект в том отношении, что ограничивает государственные расходы на социальное обеспечение и социальную политику.

Другое крупное событие начала президентства Рейгана — забастовка Организации профессиональных авиадиспетчеров летом 1981 г. В течение многих лет условия работы диспетчеров ухудшались, а их и заработная плата не росла; поэтому 3 августа организация объявила забастовку. В предшествовавшие годы все больше внимания привлекала проблема влияния условий работы диспетчеров на их здоровье, и президент Никсон в 1971 г. даже создал специальную экспертную группу для изучения этого вопроса¹⁴³. В одном из первых внутренних кризисов — в «первом серьезном тесте», по словам Эда Фелнера, — своего президентства Рейган и его советники заняли жесткую бескомпромиссную позицию¹⁴⁴. Рейган тут же объявил, что диспетчеры должны приступить к работе в течение 48 часов либо в противном случае будут поголовно уволены, поскольку «забастовка угрожает национальной безопасности»¹⁴⁵. 6 августа президент уволил 11 345 работников на основании закона Тафта—Хартли*. Логика Рейгана была такова: одним из усло-

* Закон Тафта—Хартли 1947 г. — закон о регулировании трудовых отношений; существенно ограничил право на забастовки; незаконными были признаны политические забастовки, забастовки солидарности; при проведении экономической забастовки профсоюз обязан предварительно (за 60 дней) уведомить об этом предпринимателя и специальный административный орган — федеральную службу по посредничеству и примирению; судам было предоставлено право выносить решения о прекращении забастовок; ограни-

вий трудового соглашения диспетчеров было обязательство не бастовать, они его нарушили, и все дело сводится к вероломству диспетчеров и угрозе государственной безопасности.

Организация диспетчеров была побеждена благодаря жесткой позиции администрации. По воспоминаниям Джорджа Шульца, Рейган считал, что в ситуации с забастовкой строго придерживался конституционных принципов, и его поведение имело значительный международный резонанс, поскольку показало, что он твердо намерен проводить свою программу радикальных реформ¹⁴⁶. Такая оценка Рейганом его собственных действий опровергает упрощенное мнение, что президент будто бы специально ополчился на диспетчеров. Для его советников и сотрудников администрации (во всяком случае, для некоторых) исход забастовки имел важное политическое и идеологическое значение. Принятое Рейганом решение было тщательно продуманным заявлением о намерениях, а также примером его реакции на неожиданную ситуацию. По свидетельству Аннелиз Андерсон, Эдвин Миз, возглавлявший администрацию Рейгана вместе с Джеймсом Бейкером, понимал, что действовать нужно предельно жестко, потому что назрела забастовка почтовых служащих¹⁴⁷.

Исход забастовки диспетчеров действительно привлек внимание в других странах. Решительные действия администрации укрепили намерение правительства Тэтчер ослабить влияние профсоюзов в Англии. По словам Эндрю Дагуида, который тогда входил в группу политических консультантов на Даунинг-стрит, 10, успех Рейгана «ободрил» Тэтчер и ее советников и «вселил в них мужество» перед предстоявшим столкновением с шахтерами¹⁴⁸. Согласно Дугласу Херду, при Эдварде Хите Консервативная партия проводила в отношении профсоюзов «процесс урегулирования», т.е. хотела, чтобы профсоюзы стали уважаемой частью английской экономики. Правительство Тэтчер, напротив, вело «избавительный процесс»¹⁴⁹, или, если называть вещи своими именами, во время годовой забастовки шахтеров 1984—1985 гг. Тэтчер решила отнять у профсоюзов привилегированную позицию влияния в английском обществе. Вот как рассказывает о разработке тактики правительства в отношении шахтеров Норман Ламонт:

чил заключение коллективных договоров на условии «закрытого цеха». — *Прим. науч. ред.*

«[Джон Хоскинс] рассказывает, что как-то мы с ним завтракали, — я, правда, этого не припоминаю, — и я очень беспокоился, что мы пока ничего не достигли в плане профсоюзной реформы. Действительно, я и Майкл [Ховард, впоследствии министр труда в правительстве Тэтчер] горячо выступали за такую реформу. По словам Хоскинса, во время этого завтрака я слегка пожурил его за то, что нет никакого продвижения, что мы ничего не делаем и просто плывем по течению.

Джонс: А вы знали про Рейгана и забастовку диспетчеров?

Ламонт: Ну, конечно, знали, я это точно помню.

Джонс: И это как-то повлияло?

Ламонт: Разумеется, это была действительно жесткая позиция. Знаете, я был очень разочарован, когда Скаргилл [Артур Скаргилл, лидер Национального профсоюза шахтеров] первый раз пригрозил забастовкой, и г-жа Тэтчер отступила, хотя она была тогда права, а я нет. Я просто не мог в это поверить и, кажется, так ей и сказал. Я был совершенно расстроен. Но, знаете, она решила, что нам нужно закупить запас угля, она тщательно все продумала, шла к цели постепенно и последовательно, т.е., я хочу сказать, это была стратегия на очень длительную перспективу»¹⁵⁰. Поначалу попытки Тэтчер начать реформу профсоюзов натыкались на противодействие все еще сильных «мокрых» в Консервативной партии. Особенно возражал министр труда Джим Прайор, твердо стоявший на позиции Хита. Но когда дошло до столкновения с шахтерами, министром труда уже был решительный Норман Теббит, и шахтеры потерпели поражение. Намерение Тэтчер подорвать влияние профсоюзов было официально подкреплено беспрепятственным прохождением через парламент серии законов в 1980-х годах.

Рейган и Тэтчер строили свою политику на новых экономических стратегиях, которые в конце 1970-х годов были уже готовы и предлагали радикально новую экономическую философию, основанную на неолиберальном убеждении в превосходстве свободного рынка. Многие их ключевые советники, члены правительства и сторонники происходили из трансатлантического неолиберального сообщества. Политический эксперимент с этой философией принес в краткосрочной перспективе очень неоднозначные плоды даже по неолиберальным меркам — высокий уровень бюджетного дефицита, частые рецессии, повышение государственных расходов на социальное обеспечение и общественные услуги, — хотя сами

неолиберальные политические руководители заявляли о своей решимости их снизить. Долгосрочные же результаты оказались, вероятно, еще более проблематичными: это последствия финансового дерегулирования совершенно неуместное внедрение рыночных принципов в сферу общественных услуг — здравоохранение, образование, жилищное строительство. Эти сегменты политики стали классическими примерами провалов рынка. Оказывать качественные услуги бедным людям оказалось в большинстве случаев невыгодно. Собственно, именно по этой причине государство изначально и взяло на себя данные обязанности. Однако как политическая практика Тэтчер и Рейгана, так и теоретические обсуждения и исследования неолиберальных ученых и активистов свидетельствуют о нежелании признавать эти ошибки. Незрелость чикагской неолиберальной экономической теории оставила болезненный отпечаток на социальной ткани Англии и США после 1980 г., когда правительства Тэтчер и Рейгана начали проводить свою экономическую политику. По заслуживающим большего внимания словам Дугласа Херда, ни тому ни другому правительству не удалось решить «социальный вопрос»¹⁵¹. Более того, они совсем и не старались его решать.

269

Заключение

Интеллектуальная рыночная революция, которую произвело и пропагандировало трансатлантическое сообщество теоретиков и активистов, могла бы оказаться мертворожденной, если бы не череда экономических кризисов конца 1960—1970-х годов. Но вышло так, что неолиберальные идеи помогли сокрушить политику консенсуса, проводившуюся с первых послевоенных лет, и привели к смене экономической стратегии и политики. Норман Ламонт назвал политику и идеи правительств Рейгана и Тэтчер «героическими». Однако такая оценка с любой политической точки зрения некорректна, и это ясно дает понять Питер Джей (чьи слова служат эпиграфом к настоящей главе), указывая, что Лейбористская и Демократическая партии приняли новую экономическую стратегию до того, как Консервативная и Республиканская партии победили на выборах¹⁵².

Излагая в речи «Новый консерватизм» (1980) экономическую стратегию консервативного правительства, основанную,

естественно, на таргетировании денежной массы, Найджел Лоусон точно описал начавшийся при лейбористах переход от кейнсианства к неолиберальной экономической стратегии: «Экономическая политика нового консерватизма имеет две основные составляющие. На макроэкономическом уровне наш метод, известный как монетаризм, представляет собой противоположность так называемого кейнсианства, хотя эта последняя теория является превратным толкованием того, что говорил сам Кейнс. На микроэкономическом уровне мы делаем упор на свободный рынок в противоположность государственному вмешательству и централизованному планированию. Хотя обе эти составляющие легко и гармонично сочетаются друг с другом, — до такой степени, что их часто смешивают, — на самом деле это разные вещи. Вполне можно быть монетаристом и при этом сторонником централизованного планирования»¹⁵³. Эти слова ясно показывают, что некоторые неолиберальные рецепты управления экономикой — скажем, здоровые финансы и профсоюзные реформы — вполне совместимы с политическими платформами, отличающимися от тэтчеризма или рейганомики. В 1970-е годы Картер и Каллагэн дали понять, что левые тоже изменили свой подход к экономике. По словам Ламонта, «Денис Хили всегда открещивался от монетаризма, но сам-то его и ввел»¹⁵⁴. Нет сомнения в том, что в конце 1970-х годов экономические взгляды трансатлантических неолибералов уже были встроены в политические программы многих умеренных левых, равно как и новых правых.

Однако, как мы видели, существовали значительные различия между индивидуальными воззрениями Фридмена или Стиглера на социально-экономическую политику и более общей неолиберальной политической философией радикального рыночного индивидуализма, которую проповедовали Фридрих Хайек или Институт экономических дел. Чисто технические решения и в первую очередь критическая составляющая монетаризма, экономическая теория регулирования Стиглера или теория общественного выбора Бьюкенена, Таллока и Гэри Беккера выделялись на общем фоне широкого общерыночного подхода к государственной политике, который разделяли многие из перечисленных авторов. Поэтому некоторые теоретические выводы этих неолиберальных ученых можно рассматривать вне связи с тем, как они видели их практическое

применение. Весьма возможно, лучше отделять важные пункты критики управления спросом, регулирования и бюрократического управления от конкретных политических рекомендаций ее авторов и последователей. Политический успех Тэтчер и Рейгана способствовал распространению прорыночной идеологии. Широкое признание этой неолиберальной теологии принесло с собой целый ряд новых проблем, особенно в плане неолиберального сочетания экономической и политической свободы и превознесения рынка как высшего поприща человеческой деятельности, прогресса и экономического роста. Одержимость рынком исказила представление о государственной сфере и вгрызлась в самое ее основание; как мы увидим, это имело важные последствия для социальной политики¹⁵⁵.

Несмотря на все изменения, которые политика Лейбористской и Демократической партий претерпела в 1970-е годы, нет сомнения, что избрание Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана существенно изменило политический и экономический ландшафт. То, что могло бы остаться скромными коррективами государственной макроэкономической политики, дополненными некоторыми нужными микроэкономическими реформами, превратилось в мощное движение к новой политической культуре под эгидой господства свободного рынка. Но именно эта увлеченность и создала культуру, чреватую финансовыми бедствиями 2007—2010 гг. Возведение рынка почти на уровень божества было явлением, которое не следует считать плодом некоего генерального плана, принадлежавшего правительствам или политическим лидерам. Напротив, пространство, внутри которого могла проводиться и распространяться рыночная стратегия, было успешно и удачно выторговано с помощью рецессий и войн, — Фолклендской войны 1982 г. между тэтчеровской Англией и военной хунтой Аргентины и незаконного вторжения Рейгана в Гренаду в 1983 г. Равным образом, электоральные успехи Рейгана и Тэтчер не состоялись бы, если бы этому не способствовала относительная политическая и теоретическая слабость „либеральных“ и демократических левых в 1980-х годах. Задним числом и друзья, и враги ссылаются на некую идеологически цельную программу, которая никогда не существовала. Эта точка зрения присутствует в мемуарах участников тогдашних событий и в упрощенном виде распространяется журналистами и комментаторами¹⁵⁶. Так или иначе, в 1984 г. тенденция к радикализации

английской и американской политики наметилась уже со всей очевидностью, поскольку и Рейган, и Тэтчер были избраны повторно и получили существенно больше голосов. Неолиберальные идеи — свободный рынок, дерегулирование, низкие налоги, ограниченное правление, гибкие рынки труда — возобладали окончательно.

Неолиберальный вклад в политические перемены, происходившие в последней трети XX в. в Англии и США, был очень значительным. Неолиберальные теоретики и активисты содействовали формированию новой экономической платформы, олицетворенной правительствами Тэтчер и Рейгана. Новая система координат экономической политики, возникшая в 1980-х годах, потом направляла политику и амбиции Билла Клинтона, Тони Блэра, Гордона Брауна и Барака Обамы. Но два самых ярких, наделенных безошибочным чутьем и прагматичных политика пришли к власти без какого бы то ни было плана рыночной революции. Напротив, как полагает Джей, их политические победы позволили более изощренным политическим технократам — таким как руководитель экономических консультантов Рейгана Мартин Фельдстейн, министр финансов Найджел Лоусон, преемник Волкера во главе Федерального Резерва Алан Гринспен и руководитель Банка Англии в 1990-х годах Эдди Джордж, — заняться экономическим экспериментированием с новой формой макроэкономического управления, нацеленного на подавление инфляции. Можно считать, что новый консенсус по поводу успешного регулирования макроэкономической политики с помощью процентных ставок и той или иной версии монетаристского контроля за денежной массой был закреплен политикой Клинтона и Блэра и их министров финансов, Роберта Рабина, Ларри Саммерса и Гордона Брауна. Однако продолжительный триумф рынка и последовательное разрушение государственного сектора отнюдь не были неизбежными последствиями этого курса. Эти два подхода целенаправленно избирались сменявшими друг друга политиками, начиная с 1980-х годов, и продолжали воспроизводиться в программах политиков Лейбористской и Демократической партий, которые в течение 1990-х годов подтверждали их применимость. О том, к чему привел этот процесс в важных сферах социальной политики — жилищном обеспечении и политике городского развития, — и пойдет речь в заключительной главе.

Глава 7

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ДЕЙСТВИИ?

Трансформация жилищного обеспечения и политики городского развития в США и Англии, 1945–2000

Таким образом, государственное жилищное строительство (или субсидируемое строительство) в лучшем случае может быть инструментом помощи бедным — но с тем неизбежным последствием, что сделает тех, кто пользуется этим преимуществом, зависимыми от власти в такой степени, что возникнет серьезная политическая проблема, если они составят значительную часть населения. Как и любая помощь малоимущему меньшинству, подобная мера не вполне совместима с общей системой свободы. Но она создает очень тяжелые проблемы, которые нужно решать незамедлительно, чтобы они не привели к опасным последствиям.

Фридрих Хайек «Конституция свободы»

И в США, и в Англии в период между 1960-ми и 1990-ми годами происходила медленная трансформация в области доступного жилья и политики городского развития. Жилищное обеспечение и городская политика, рассчитанные на группы населения с низкими и скромными доходами, были одной из немногих областей социальной политики, где правительства Тэтчер и Рейгана имели позитивную программу борьбы с тем, что они считали культурой зависимости, порожденной социальным государством. Проблему помощи малоимущим людям и бедным коммунальным предпологалось решать за счет стимулов, дерегулирования, создания и поощрения новых возможностей на частном рынке. Государство должно было отвечать только за небольшую базовую часть услуг и жилищного фонда в самых неблагополучных кварталах и обеспечивать остаточную группу

наиболее малоимущих представителей общества. Зато большинство трудоспособных людей и семей должны были выиграть от высвобождения сил конкуренции и частного предпринимательства в бедных районах. Первоначально изменение политики обеспечения доступным жильем и регенерации бедных центральных городских районов отражало новый подход к городским проблемам со стороны специалистов по жилищному строительству и регенерации, которые искали наилучшие способы преодолеть свойственную таким районам бедность и создать новые экономические возможности для уязвимых и малоимущих групп в неблагополучных городских районах. Позднее применяемые подходы к городским проблемам стали отражать идеологическую бескомпромиссность неоллиберальной рыночной политики после избрания Тэтчер и Рейгана.

В США государственное жилье всегда оставалось не более чем последним прибежищем для самых бедных. В 1979 г., в год избрания Тэтчер и за год до появления Рейгана в Белом доме, в США лишь чуть более 1% домохозяйств имели государственное жилье, а еще 2—3% получали федеральные жилищные субсидии¹. Вопрос о надлежащей роли государственного жилья неоднократно поднимался уже в период Нового курса, но получение государственного жилья никогда не рассматривалось как важное социальное право². Проблема нехватки доступного жилья решалась в США с помощью субсидий на квартплату, а в 1970-е годы — с помощью развития широкомасштабной системы жилищных ваучеров, известной как Раздел 8 (дополнение к Закону о жилищном строительстве, принятому в 1937 г.). Затем, при Рейгане, предпринимались попытки заменить методiku городской реконструкции и ликвидации трущобных районов новой, заимствованной непосредственно в Англии, концепцией городской зоны предпринимательства.

В США поддержка государственного жилищного строительства и жилищных субсидий, никогда не бывшая значительной, в 1960—1970-х годах почти совершенно исчезла, особенно если говорить о среднем классе, который, в отличие от среднего класса Англии, никогда не пользовался государственным жильем. После 1960-х годов «молчаливое большинство» среднего класса президента Никсона было обеспокоено стагфляцией, воинственностью профсоюзов, насилием в неблагополучных городских районах, расовым конфликтом и явными

эксцессами „либерализма“ Великого общества³. В те годы государственный сектор, если говорить о расхожих представлениях, воспринимался в американской политике, экономике и обществе совершенно иначе, чем в Англии. Различие позиций объяснялось не только размером государственного сектора (в США он всегда был пропорционально очень небольшим по сравнению с Англией), но и принципиальными особенностями культурных и мировоззренческих стереотипов. Почувствовать эту разницу лучше всего позволяет идеал «американской мечты». В книге о социальных реформах Клинтона 1996 г. журналист Джейсон Диперл сформулировал его так: «Мы живем в стране, где каждый может добиться успеха»⁴. Эта общеамериканская вера подкреплялась убежденностью в преимуществах обладания собственным домом и частной собственностью.

В представлении многих американцев «успех» подразумевал обладание отдельным домом с садом в зеленом пригороде, удаленном от непривлекательных центральных районов. Были, конечно, и альтернативные идеальные концепции городской жизни. Например, основоположница нового урбанизма Джейн Джейкбс предложила широко известную сегодня идею городского пространства, где могли бы гармонично сосуществовать разные группы населения⁵. Но эта идея не нашла заметного отклика ни в американских средствах массовой информации, ни в научных работах по жилищному строительству, регенерации и развитию городов. Напротив, в традиционном восприятии жилища доминировало консервативное индивидуалистическое (и свойственное преимущественно белым) представление об идеальном жилье как об отдельном доме на одну семью в пригороде. Афроамериканцам было как минимум сложно усвоить это идеализированное представление, поскольку им систематически, всеми правдами и неправдами мешали его приобретать, что на практике приводило к совпадению границ сегрегации с границам демаркации город—пригороды⁶.

Совсем иначе обстояло дело в Англии; там «муниципальное жилье», т.е. жилье, построенное органами местной власти и остающееся в их собственности, считалось вполне подходящим для удовлетворения жилищных потребностей широких слоев рабочего и среднего классов в различные периоды их жизни. В 1979 г. в таких домах жили 25% населения Англии, а еще почти 5% имели социальное или субсидируемое

жилье, находившееся в ведении жилищных ассоциаций низко- и малообеспеченных групп⁷. Доля частных домовладений возросла с 55% в 1980 г. до 68% в 2003 г.⁸ Частное владение жилищем получило столь же значительную поддержку, какой всегда пользовалось в США. Англия достигла паритета с Америкой главным образом за счет продажи государственного жилья по льготным ценам. Это было сделано с помощью одной из самых длительных приватизационных программ Тэтчер — новаторской программы «Право на приобретение», которую после 1997 г. продолжило лейбористское правительство Тони Блэра. Благодаря ей более 2 млн семей приобрели жилье в собственность. Но лучшее муниципальное жилье продавалось тем, кто его снимал, а многое из оставшегося в государственной собственности пришло в ветхость: в середине 1970-х годов в период кризиса МВФ лейбористы начали сокращать финансирование муниципалитетов, а консервативные правительства 1980—1990-х годов ускорили этот процесс. Таким образом, хотя в Англии после ухода консерваторов количество пользующихся государственным жильем и осталось гораздо большим, чем в США, Англия сделала решительный шаг в сторону американской модели.

276

Главная причина в том, что, несмотря на разное отношение к проблемам доступного жилья и городского развития, и в США, и в Англии возобладала одна и та же тенденция: желание решать эти проблемы рыночными методами. В обеих странах начальный сдвиг в этом направлении происходил в 1960—1970-х годах. А после избрания Тэтчер и Рейгана неолиберальные идеи превосходства рынка уже явственно заявили о себе — например, в программе «Право на приобретение» и городских зонах предпринимательства. Новые рыночные методики возникли не на пустом месте. Их подпитывали сформировавшиеся еще во времена Джона Локка, а то и раньше, традиционные либеральные и консервативные представления о значимости нукlearной семьи, частной собственности и частного домовладения. К этому изначальному субстрату неолибералы добавили принципиально важный ингредиент: фактор наибольшей эффективности.

Неолиберальные теоретики и политики считали рыночные механизмы наиболее эффективными, способными принести значительно лучшие результаты в области жилищного обеспечения и городской политики. Не дело, считали неолибералы,

когда государство обеспечивает жильем все больше людей или правительство раздает все больше пособий; нужно, чтобы во главе нуклеарных семей стояли ответственные, самостоятельные люди, а семьи вливались в местные сообщества, объединенные общими интересами. Регулирование арендной платы следует отменить, а частный сектор арендуемого жилья сделать свободным. Все эти меры Джордж Стиглер и Милтон Фридмен предложили в одной из первых брошюр Фонда экономического образования, опубликованной в 1946 г. Позже, в 1970-х годах, английский консерватор Джеффри Хоу и городской планировщик Питер Холл утверждали, что неблагополучные и запущенные городские районы можно вернуть к нормальной жизни, если создать новые возможности для местных инициатив, а сделать это можно с помощью налоговых льгот, дерегулирования и привлечения частных инвестиций. Это и была та самая концепция городских зон предпринимательства, которую Стюарт Батлер в конце 1970-х годов привез с собой через Атлантику, когда перешел из лондонского Института Адама Смита в вашингтонский Фонд «Наследие».

Однако важно не забывать, что в этой области, как и в области экономической стратегии, поворот к рыночным методикам был в значительной мере подготовлен политикой левых партий, политикой Демократической и Лейбористской партий в 1960—1970-е годы. В частности, очевидные недостатки государственного жилищного обеспечения в Англии, ошибки при реконструкции и сносе трущобных районов в США побудили „либеральных“ и социал-демократических политиков искать альтернативные модели политики. В США демократическим администрациям принадлежит заслуга разработки и реализации программы жилищных ваучеров (Раздел 8). В Англии лейбористы начали эксперимент по продаже муниципального жилья и запустили Программы жилищных инвестиций, которые давали местным властям несколько большую «автономию» в распоряжении сокращавшимися бюджетами, и все это было до избрания Тэтчер. Но пока лейбористы и демократы предпринимали эти эксперименты в русле общей убежденности, что обеспечение доступным жильем лежит на государстве, они руководствовались совсем иными ценностями, чем консервативные и неолиберальные политики, которые по-другому смотрели на участие государства в реконструкции городов и жилищном обеспечении.

Таким образом, правительства Тэтчер и Рейгана получили фундамент, на котором смогли выстроить свою радикальную альтернативную политику дерегулирования, снижения налогов и рыночной либерализации для запущенных бедных районов. Ранние жилищные и городские новации Лейбористской и Демократической партий отличаются от последующей политики Консервативной и Республиканской партий прежде всего тем, что последние вдохновлялись радикальной индивидуалистической философией, которую проповедовали Фридмен, Хайек и увлеченное ими новое поколение разработчиков социально-экономической политики, работавших в аналитических центрах, таких как Фонд «Наследие», Институт Адама Смита (и других, о которых говорилось в главе 4), а также в самих правительствах. Уменьшение роли государства предполагалось проводить в рамках новых стратегий; классическими их образцами стали приватизация государственного жилья через программу «Право на приобретение», расширение программы жилищных ваучеров с целью резкого повышения роли частного сектора в предоставлении доступного жилья и, наконец, городские зоны предпринимательства.

Между США и Англией имелись различия в плане оформления, характера и структуры жилищной и городской политики, а также в плане влияния неолиберальной идеологии на две эти сферы. Однако уже начиная с 1960-х годов между обеими странами существовал ряд ключевых точек соприкосновения в подходе к проблемам. Прежде всего, базовая преемственность политики не позволяет считать победы консерваторов и республиканцев в 1979—1980 гг. вехой, знаменующей полный разрыв с прошлым. Новые политические платформы Тэтчер и Рейгана отвлекают внимание от того обстоятельства, что альтернативные рыночные решения уже нашли широкое признание в рамках всего политического спектра. Во-вторых, несмотря на эту преемственность, при Тэтчер и Рейгане возникло сильное идеологическое тяготение к применению радикальных рыночных решений для на первый взгляд неустрашимых городских проблем. В-третьих, характерные для консервативного и республиканского правительств методы — ваучеры, продажа муниципального и государственного жилья, зоны предпринимательства — свидетельствуют о неолиберальном влиянии на политику обеих стран. Английские политики, в частности такие фигуры, как Стюарт Батлер и Джеффри

Хоу, оказали влияние на правительство Рейгана. А потом программы новых демократов, в частности проект администрации Клинтона «Надежда VI» (предлагавший смешанные формы владения жилой недвижимостью), а также программа единовременных субсидий коммунального жилищного строительства оказали влияние на правительства новых лейбористов в 1990—2000-х годах. В результате этого трансатлантического обмена методиками английские программы доступного жилья и городской реконструкции по стилю стали ближе к американским. Государственное жилье теперь предназначалось для самых бедных, а главной целью жилищной политики стало повышение доли частного домовладения. На смену коллективному государственному жилищному обеспечению пришла новая политическая парадигма, сформированная рыночными принципами.

Обеспечение жильем малоимущих и городская политика в США в послевоенный период

В XX в. в США обеспечение жильем групп с крайне низкими и низкими доходами осуществлялось с помощью гибкой комбинации государственного и частного секторов, которая менялась в зависимости от политической окраски страны. В годы Нового курса Конгресс принял ряд законов, раз и навсегда определивших направление жилищной политики. Закон о жилье 1934 г. учредил Федеральное управление по жилищным вопросам и Федеральную национальную ипотечную ассоциацию (в просторечии «Фанни Мэй»), которая должна была помогать в финансировании ипотеки и облегчать выдачу кредитов под федеральные гарантии рисков неплатежеспособности покупателей домов. По закону о жилье 1937 г. было создано Управление жилищного строительства США; оно оказывало помощь местным властям в строительстве дешевого жилья, которое можно было бы сдавать бедным, а также предоставляло средства для сноса ветхой застройки. В 1930-е годы многие считали, что государственная помощь в обеспечении жильем и его строительстве должна быть широкомасштабной программой, гарантирующей базовый уровень жизни как работающим, так и нуждающимся бедным. Кратко говоря, предполагалось, что эта масштабная программа займется чем-то подобным

строительству муниципального жилья в Англии, обеспечит развитие городов и предотвратит нищету⁹.

279

Закон о жилье 1949 г. более четко разграничил формы федерального участия в жилищном обеспечении: определил различные типы налоговых стимулов, льготных кредитов, ипотечных договоров и развития инфраструктуры, с одной стороны, и условия финансирования государственных жилищных проектов — с другой. Закон был частью программы внутренней политики президента Трумэна, известной как Справедливый курс, и предусматривал государственное строительство 800 тыс. новых жилых единиц (квартир и домов). Но главной его целью было удешевление ипотечных кредитов для потенциальных домовладельцев. По мнению историка Делора Хэйдена, закон 1949 г. носил на себе печать влияния таких архитекторов, как Ле Корбюзье, которые представляли идеальный город в виде «совокупности жилых башен в парке». Такое видение города было популярно у жилищных чиновников¹⁰. Тем не менее, отметил далее Хэйден, «самые большие субсидии по линии Федерального управления по жилищным вопросам и Управления по делам ветеранов предоставлялись домовладельцам (это были преимущественно субсидии по пригородной ипотеке, налоговые вычеты и строительство дорог общего пользования, а не строительство самого жилья или субсидии на пользование общественным транспортом), тогда как государственное жилье во многих случаях строилось из дешевых материалов, было неприглядным и плохо продуманным»¹¹.

Недавние исследования показали, что особенности развития американских городов, описанные Хэйденом и в пространственном отношении определенные расовыми и классовыми различиями, были явлением далеко не случайным. Облик городов формировался под влиянием глубокого структурного неравенства, существовавшего между черными, белыми и испаноязычными американцами. Свое влияние оказывала и деятельность федеральных агентств, которые часто шли на поводу у предрасудков местного населения Чикаго, Детройта, Окленда, населения городов и пригородов Юга¹². Черные, как правило, концентрировались в самых бедных городских районах, а более состоятельные белые волнами переезжали в пригороды¹³. Одновременно государство через налоговую систему субсидировало домовладельцев из среднего и верхнего класса. Федеральное правительство помогало благоустраивать местность

и выделяло деньги на инфраструктуру и дороги; в результате центр экономической тяжести сместился со старого промышленного Севера на Юг и на Запад¹⁴. Власти штатов и округов, иногда при поддержке федеральных судей, формировали и применяли законодательную базу, которая ограничивала права бедных и меньшинств с помощью правил зонирования, устанавливавших социальный и расовый состав определенных районов; применялась и практика «красной черты» (проще говоря, исключение черных из числа тех, кто мог получить жилищную субсидию или ипотеку)¹⁵.

В результате всего этого процесс развития городов и пригородов доставил самые тяжелые проблемы афроамериканцам. В 1950—1960-е годы главным объектом жилищной и городской политики во многих случаях являлись бедные афроамериканцы, которые в ходе «Великого переселения» в больших количествах приезжали с Юга в города Севера, надеясь найти там работу и лучшие возможности. Тему афроамериканской миграции нельзя отделять от параллельной темы «белой пригородной мечты», которая в XX в. непрерывно присутствовала в истории американского городского пространства. Чернокожие, естественно, хотели участвовать в осуществлении этой мечты, вырваться из бедности и существования фактически в гетто, но в послевоенные годы встречали препятствия на каждом шагу. Они скапливались в трущобных городских районах, становились жертвами жилищной дискриминации, сегрегации, отсутствия частных инвестиций, загрязнения среды и махинаций с проведением границ избирательных округов. А белые уезжали из городов. По словам Эндрю Визе, уязвимость афроамериканцев перед этими завуалированными или откровенными формами предвзятости накладывала «тяжкое бремя на всякого, кто жил в черных кварталах, и ограничивала потенциал развития черных районов»¹⁶. Федеральные субсидии, выделенные в 1940—1950-е годы управлением по жилищным вопросам, усилили сегрегированность пригородов. По мнению Визе, дело было в «укоренившемся представлении о привилегированном пространстве, которое естественным образом предназначено для белых, и афроамериканском пространстве — ненормальном, опасном и вызывающем неприятные эмоции»¹⁷.

В США пик развития пригородов пришелся на середину XX в., когда федеральные власти избрали в качестве

приоритетной жилой единицы отдельный дом на одну семью. Важные политические решения, принятые в период 1930—1970-х годов, прочно закрепили тенденцию к безостановочному разрастанию пригородов, а это оказало влияние на политическую и демократическую культуру страны. Начиная с непоследовательной реакции Герберта Гувера на Великую депрессию и потом на протяжении Всего Нового курса федеральные власти создавали систему стимулов, которая поощряла развитие пригородов за счет других форм государственного жилищного строительства. В 1933 г. была создана Корпорация кредитования домовладельцев; ее задача заключалась в рефинансировании жилищной ипотеки и помощи тем ее держателям, которым грозила потеря права выкупа заложенного имущества. Управление по жилищным вопросам ориентировалось на Корпорацию в своей классификации жилой недвижимости, которая стала началом ныне печально известной практики зонирования и «красной черты». Как отмечает Хэйден, «высшие разряды были присвоены районам с полностью белым протестантским населением, а районам со смешанным населением они отказывали в кредитах»¹⁸. Управление разработало правила заключения жилищных сделок, требования к типам жилья, разрешенного в определенных районах, и предоставляло кредиты для небольшого ремонта, что делало покупку жилья более привлекательной. Конечной целью было поощрение роста семейных домовладений и белых пригородов.

Этому стремлению к развитию пригородов сопутствовала политика Нового курса в отношении сноса ветхого жилья, санации городов и государственного жилищного строительства. Закон Вагнера—Стиголла 1937 г. требовал, чтобы новое государственное жилье строилось только взамен снесенного в пропорции один к одному, хотя ощущалась значительная нехватка доступного жилья. Были предприняты попытки реализовать программы оздоровления городов (такие как создание «зеленых поясов»), которые разрабатывал и курировал специалист по экономике сельского хозяйства и советник Рузвельта Рексфорд Тагуэлл, но эти эксперименты имели весьма скромный масштаб. В конце концов, 1930-е годы ознаменовались победой сторонников идеи отдельного индивидуального дома над теми, кто, подобно Тагуэллу, выступал за районы с высокой плотностью заселения для бедных и неимущих слоев. Оппозиция широкому, даже всеобщему государственному жилищно-

му обеспечению носила идеологический характер и во времена Нового курса одержала верх в дебатах по поводу городского будущего. Как отмечает Хэйден, в результате сложилась «очень влиятельная коалиция, выступавшая против государственного жилищного строительства и за развитие пригородов; она была тесно связана с Республиканской партией и представляла собой такое лобби, с которым демократы не могли не считаться»¹⁹.

Маргарет О'Мейра проводит глубокий анализ связей между политикой холодной войны, научным истеблишментом и развитием пригородов и рассматривает несколько важных примеров воздействия этих специфических перемен в американской социальной политике. О'Мейра «выясняет, каким образом федеральные ассигнования на высшее образование и научные исследования в начальный период холодной войны содействовали переносу в пригороды передовой научной деятельности» за счет других групп²⁰. Она рассматривает три конкретных случая — Стэнфордский университет и полуостров Сан-Франциско, или Кремниевую долину; Университет Пенсильвании в Филадельфии; Технологический институт Джорджии в Атланте — и на этих примерах прослеживает, как переплетались в послевоенный период государственное вмешательство и научные исследования. По ее мнению, совершенно целенаправленно был создан специфический тип урбанизации, который она называет «городом знания». С 1940 по 1970 г. федеральные расходы на научные исследования и развитие их инфраструктуры выросли с 74 млн долл. до 15,7 млрд. О'Мейра показывает, каким образом решение федеральных задач в холодной войне, например создание эффективной гражданской обороны, воздействовало на «форму и содержание американского городского пространства»²¹. В частности, одной из задач, которые решала федеральная программа крупномасштабного дорожного строительства, была необходимость срочной эвакуации населения в случае ядерного нападения. Федеральные власти быстро поняли взаимодополняющий характер реконструкции городов и оборонных потребностей.

Раздел 112 Закона о жилье 1959 г., принятого администрацией Эйзенхауэра, предусматривал меры, стимулирующие участие университетов и колледжей в решении задач городского развития и расчистки районов ветхой застройки. Кроме того, было очень важно обеспечить относительную безопасность научных организаций, которые могли принести США

победу в холодной войне; в связи с этим возникла необходимость перевода их в пригороды. Закон об образовании для нужд национальной обороны 1957 г., закон о высших учебных заведениях 1963 г. и закон о государственных технических услугах 1964 г. решали общую задачу, имевшую приоритетный статус в политической повестке холодной войны: повысить значение и роль исследовательских университетов и пропагандировать культуру науки. Многие ученые и представители научно-технической элиты считали, что своими успехами они несколько не обязаны государству. Но в действительности именно централизованное государственное планирование сыграло решающую роль в формировании «привилегированного военно-промышленного комплекса» в 1960-е годы. Вместе с тем О'Мейра прослеживает долговременные последствия этой связи между научно-технической отраслью и государством. Отворачиваясь от меньшинств, малоимущих и прочих неудобных элементов, государственная политика направляла деньги и ресурсы в богатые оазисы, способствуя упадку центральных городских районов за счет сознательного продвижения интересов пригородов²².

Итак, после 1949 г. отношение к государственному участию в жилищном строительстве изменилось, поскольку — вопреки финансовым реалиям — сложилось убеждение, что жилищная политика проводится главным образом в интересах апатичных, «не заслуживающих», бедных и иждивенчески настроенных меньшинств, а не в интересах состоятельных получателей налоговых льгот²³. Как отметил политолог Пол Пирсон, в отличие от субсидирования состоятельных американцев с помощью налоговой системы или федеральных ассигнований на инфраструктуру с целью развития пригородов, «распространение государственной деятельности» в области жилищной политики на беднейшие слои населения «сталкивалось с резким неодобрением»²⁴. Яростные критики из стана консервативных политиков валили государственное жилье в одну кучу с федеральной программой Помощь семьям с детьми-иждивенцами, которая тоже считалась социальным обеспечением, и указывали, что социальное государство подрывает устои ответственности среди безработных в бедных районах. Но государственная политика также усилила разрастание городов, которые надвигались на пригороды и шли даже дальше, причем этот специфический процесс разрастания поддерживался

и сопровождался прогрессирующим снижением финансирования и поддержки системы общественного транспорта. Таким образом, в силу перечисленных структурных причин в США маргинализированные бедные, безработные черные в городах или черные и белые, балансировавшие на грани выживания в некоторых районах сельской Америки, оказались по другую сторону от остального населения. Здесь, безусловно, не было такой взаимной текучести, как в Англии между группами рабочего и среднего класса, которые сообща жили в государственных домах, нередко расположенных в тех же городских районах, что и более зажиточные кварталы.

В какой-то мере вопрос о месте государственного жилья в структуре американских типов владения жильем оставался открытым в течение 1960-х годов, когда Кеннеди, а потом Джонсон пытались продолжить и углубить реформизм Нового курса. Однако политические эксперименты этого десятилетия в конце концов привели к новой стратегии удовлетворения жилищных потребностей бедных слоев и поставили крест на перспективе широкого государственного жилищного строительства, которую намечали Тагуэлл и другие прогрессивные демократы. Вместо этого была принята ваучерная схема субсидирования аренды жилья, известная как Раздел 8 (закон о жилье 1937 г.). Появление и принятие этого жилищного закона свидетельствует о том, что в середине 1970-х годов было уже невозможно отстоять государственное обеспечение жильем малоимущих групп, поскольку широкая общественная поддержка исчезла. Переход от государственного жилищного строительства к целевым субсидиям и пособиям предшествовал почти полному прекращению такого строительства в 1980-х годах при Рейгане. Предложения ввести жилищные субсидии звучали еще в 1930-х годах, так что было бы ошибкой видеть в Разделе 8 революционный шаг. Скорее, он символизировал начало постепенного перехода к рыночным механизмам решения проблемы, считавшейся центральным измерением кризиса городской среды: сосредоточения бедных в ветхих кварталах государственных домов²⁵.

Прототип Раздела 8 можно усмотреть в успешной попытке Линдона Джонсона ввести пособия на аренду жилья и в Разделе 23 программы долгосрочной аренды 1965 г. Эти скромные начинания могли бы совершенно затеряться в то время, поскольку Никсон инициировал величайший бум жилищного

строительства в истории США. Здесь, как и во многих других областях, Никсон продолжал продвигать наследие Линдона Джонсона — Великое общество и Войну с бедностью. В частности, в 1967—1973 гг. было построено свыше полумиллиона государственных жилых единиц²⁶. Преимущество между экспериментами Кеннеди и Джонсона с государственно-частными партнерствами и уменьшением роли государства в жилищном обеспечении, с одной стороны, и общим сдвигом в направлении рынка, зафиксированом в Разделе 8, который был принят администрацией Никсона — с другой, выявилась в конце 1960—1970-х годов в новой волне двухпартийной критики по поводу способности государства решить самые трудные социальные проблемы. Формированию нового подхода во многом способствовало трезвое осознание жизненных реалий, отразившееся в этих проектах, а больше всего, вероятно, то, как осуществлялись программы министерства жилищного строительства и городского развития.

Закон о жилье, принятый администрацией Кеннеди в 1961 г., ознаменовал начало повышения роли частного сектора в обеспечении доступным жильем. Раздел 221 (d) (3) предусматривал прямые государственные ссуды под выгодные проценты на строительство арендного жилищного фонда для семей с невысокими доходами, а также другие льготы для частных застройщиков. На 1965 г. приходится три принципиально значимые инициативы. Первая и самая важная — создание по распоряжению Джонсона министерства жилищного строительства и городского развития; тем самым жилищное строительство вводилось в число приоритетов федерального правительства. Во-вторых, Джонсон предложил поправку к закону Кеннеди от 1961 г., в силу которой Раздел 221 (d) (3) стал больше учитывать интересы бедных и нуждающихся за счет государственной компенсации разницы между существующей арендной платой и 20% дохода арендатора жилья²⁷. Эти предложения были приняты после продолжительных и бурных дебатов в Конгрессе — белые южные демократы громко протестовали против ускорения десеграциации и смешанного расового проживания. Чтобы хотя бы отчасти успокоить эти опасения, Конгресс внес поправку, согласно которой новое министерство могло определять участки для строительства только с согласия местных властей; это была подачка для расистского Юга. На деле поправка означала, что расовая

интеграция ограничится районами, власти которых не имеют расовых предрассудков, а в де-факто сегрегированных пригородах нового строительства — и расового смешения — практически не будет²⁸. Наконец, в-третьих, Министерство жилищного строительства ввело Раздел 23, программу, которая позволяла жилищным властям брать в аренду жилплощадь частных владельцев и сдавать ее бедным квартиросъемщикам по субсидированным ставкам. Раздел 23 был предтечей «Программы по наличному жилью Раздела 8», ваучерной схемы, в 1980-х годах окончательно ставшей главным средством обеспечения жильем с государственной помощью.

В 1968 г., в конце срока работы администрации Джонсона, Конгресс принял еще один жилищный закон. Он представлял собой очередной экспериментальный шаг в плане новых методов стимулирования строительства доступного жилья. По словам историка Роджера Байлса, закон 1968 г. «добавил другие программы, направленные на приватизацию строительства дешевого жилья»²⁹. Раздел 235 предусматривал субсидирование частного строительства жилья, предназначенного для продажи семьям с небольшим доходом, а Раздел 236 поощрял строительство арендного жилья. Уровень дохода был установлен на 35% выше, чем для местного муниципального жилья. Как отмечают Гальстер и Дэниелл, люди с более низким уровнем доходов «по-прежнему должны были получать помощь косвенным образом, через инфильтрацию» (в ходе инфильтрации — процесса, противоположного джентрификации, — люди с невысоким уровнем дохода переселялись в более зажиточные кварталы). Значительно позже арендные субсидии были распространены на группы с более низкими доходами³⁰. Переход от прямых кредитов на покупку к субсидиям был вызван насущными политическими и бюджетными соображениями: такой тип помощи меньше обременял федеральный бюджет в краткосрочной перспективе, поскольку расходы в каждом году были сравнительно меньше, чем суммарный объем. Раздел 235 изначально был предложен республиканцами, а Раздел 236 — администрацией Джонсона; это означало, что между партиями сложилось общее согласие относительно повышения роли частного сектора в обеспечении жильем семей с низкими и скромными доходами.

После избрания Никсона в ноябре 1968 г. министром жилищного строительства стал бывший губернатор Мичигана

Джордж Ромни. Он выступал за более активное участие частного сектора в обеспечении жильем малоимущих групп и ускорил строительство новых жилищных единиц в соответствии с Разделами 235 и 236. В результате в 1970 г. было утверждено строительство 1,6 млн единиц. Однако по причине того, что министерство ослабило надзорные требования, вокруг новых программ произошел ряд скандалов. Согласно Байлсу, особенно «неприглядная ситуация сложилась в таких городах, как Детройт и Филадельфия, где недобросовестные риелторы навязывали покупателям скверно построенное или плохо отремонтированное жилье»³¹. В результате этих проблем политика администрации и реализация жилищных программ попали под наблюдение Конгресса, и контроль с его стороны постепенно создавал условия для Раздела 8.

Прежде всего, ввиду расходов на выполнение программ Раздела 235 и скандалов, связанных с их недостатками, председатель комитета Палаты представителей по банкам и валюте конгрессмен Райт Пэтмен в сентябре 1970 г. назначил расследование реализации этих программ в десяти крупных городах. В итоговом докладе отмечалось: «Выявлено тревожное количество случаев, когда спекулянты недвижимостью покупали жилье по минимальной цене и после чисто косметического ремонта (и даже без него) через несколько дней или месяцев продавали его по двойной цене покупателям согласно Разделу 235 с санкции Управления по жилищным вопросам»³². Постоянный рост расходов на ремонт и содержание жилья доставлял покупателям дополнительные сложности; поэтому Управление по жилищным вопросам было вынуждено снять с продажи много жилищных единиц. Примерно одна из каждых 15 единиц имела задолженность, и министерству жилищного строительства пришлось взять ее на себя³³. Также были выявлены случаи, когда агенты управления получали взятки от владельцев сдаваемых в аренду домов. 14 января 1971 г. Ромни приостановил программу. Раздел 236 тоже стал вызывать скептическое отношение, поскольку не решал застарелые проблемы бедных городских кварталов. Девелоперы хотели строить там, где могли рассчитывать на спрос; это приводило к дальнейшей концентрации малоимущего населения и усугубляло социальные проблемы концентрированной бедности. Правила зонирования в богатых районах приводили к тому, что строить там жилье для групп с низкими доходами было невозможно.

Поэтому программа вызвала такую же критику, как и государственное жилищное строительство.

В марте 1971 г. Джон Спаркмен, председатель сенатского комитета по делам банков, жилищному строительству и городскому хозяйству назначил расследование по поводу сокращения администрацией Никсона расходов на жилищное строительство и другие программы на 1 млрд долл. И хотя это сокращение было составной частью общей программы снижения государственных расходов, оно показало, что жилищная политика теряет поддержку в администрации. В 1970 г. Ромни публично заявил, что хотел бы видеть «принципиально новый подход к государственной жилищной помощи»³⁴. Летом 1972 г. в Сент-Луисе был снесен с помощью динамита социальный жилой комплекс Пруэтт-Айго. Это стало символическим поворотным пунктом в направлении новой политики. После того как дорогостоящая попытка спасти комплекс оказалась неудачной, здания показательно взорвали, и снос широко освещался национальными средствами массовой информации. Почти 5 млн долл. из государственной казны были откровенно пущены на ветер, и это еще больше дискредитировало жилищную политику администрации. После переизбрания Никсона в 1972 г. Ромни подал в отставку и, в частности, заявил: «Мой опыт государственной службы убедил меня, что внутренние ограничения в наших политических процессах делают проведение фундаментальной реформы слишком зависимым от кризиса»³⁵. В декабре 1972 г. Никсон объявил о прекращении новых проектов. Оно растянулось на 18 месяцев, и лишь в августе 1974 г. Конгресс выступил с законодательной инициативой по поводу жилищной проблемы. Результатом стала крупная реформа жилищной политики США.

В 1968 г. администрация Джонсона поручила Комитету Кейзера изучить положение с действующими жилищными программами, в том числе и в связи с городскими кризисами и волнениями середины 1960-х годов. Комитет предложил дальнейшее экспериментирование с жилищными субсидиями. Ключевые члены новой администрации Никсона приняли эту рекомендацию к исполнению, и в 1970 г. появились планы субсидирования. Первый эксперимент был проведен в Канзас-сити как совместный проект Министерства жилищного строительства и городского развития и управления по жилищным вопросам. Заместитель помощника министра

по обеспечению равных возможностей Малкольм Пибоди признал проект успешным. На основании этих предварительных результатов администрация выделила средства на проведение общенационального эксперимента, который был введен в закон о жилищном строительстве и городском развитии 1970 г. Раздел 501 предписывал министру жилищного строительства «реализовать на экспериментальной основе программу, демонстрирующую осуществимость предоставления семьям с низкими доходами жилищных субсидий, с помощью которых они могли бы снимать жилье по своему выбору в существующих стандартных жилых единицах»³⁶.

Осенью 1973 г. администрация, несмотря на то что данные о результатах демонстрационных проектов еще не были получены, продолжила реализацию планов перехода на жилищные субсидии. 19 сентября 1973 г. Никсон заявил Конгрессу, что «прямая денежная помощь» малообеспеченным семьям — это правильный подход. Он утверждал, что такое решение проблемы «даст бедным свободу и ответственность самим подбирать себе жилье и в конце концов снимет с федерального правительства жилищную задачу»³⁷. Эта схема перекликалась с предложениями Милтона Фридмена ввести прямые денежные пособия и ваучеры на образование. Вместе с тем Никсон, возобновив действие прежнего Раздела 23, продолжил программы субсидирования арендной платы, введенные еще Линдоном Джонсоном. Нужно сказать, что неожиданное выступление Никсона в поддержку жилищных субсидий отражало позицию обеих партий. Например, кандидат в президенты от демократов Джордж Макговерн во время президентской кампании 1972 г. тоже предлагал программу жилищных пособий. «План вспомогательных жилищных выплат», детище обеих палат Конгресса, впоследствии известный как «Программа по наличному жилью Раздела 8», был введен в действие с принятием закона о жилье 1974 г. За последующий год помощь по этой программе получили почти 300 тыс. семей. Принятие Раздела 8 обычно считают вехой, отмечающей отход федерального правительства от крупномасштабного финансирования государственного жилищного строительства. Но это событие свидетельствует также о возникновении двухпартийного консенсуса по поводу того, что жилищную проблему малообеспеченных слоев нужно решать по-другому. Этот консенсус стал очевидным до избрания Рейгана в 1980 г.

Итак, по целому ряду причин — федеральная поддержка развития преимущественно белых пригородов, отказ от крупномасштабного обеспечения государственным жильем после 1949 г., экспериментирование с разработкой новых форм государственно-частного партнерства в жилищном обеспечении в 1960-х годах и, наконец, создание Раздела 8 — линия жилищной политики, адресованной группам с низкими и небольшими доходами, отклонилась от прямого государственного обеспечения жильем в сторону государственного субсидирования аренды частного жилья с помощью пособий или ваучеров. На место масштабного строительства многоэтажных домов, которое, как считалось, ускорило и усилило кризис городов в конце 1960-х годов, пришел набор инициатив, по очереди выдвигавшихся демократическими и республиканскими администрациями начиная с Эйзенхауэра через Кеннеди и Джонсона к Никсону и Форду и направленных на поощрение частного жилищного рынка для бедных в центральных городских районах. Сколь бы благими ни были намерения архитекторов этой политики, ошеломительный провал рынка и структурное неравенство в обеспечении доступным жильем так и не позволили решить самые большие городские проблемы — концентрация афроамериканцев в изолированных районах (гетто), нищета и сегрегация.

Жилищное обеспечение малоимущих и городская политика в Англии в послевоенный период

После Второй мировой войны пик строительства муниципального жилья пришелся на 1950—1960-е годы; такой же всплеск наблюдался и после Первой мировой войны. Политики обеих партий рассматривали государственное жилищное строительство как важнейшее оружие в сражении с «бедностью и плохим здоровьем и в создании более однородного общества с более равными возможностями»³⁸. К концу столетия государственное жилищное строительство утратило поддержку в обществе. Главной причиной было усиление трений между коренными жителями и иммигрантскими сообществами; эту проблему раздувала пресса, на ней спекулировали политики популистского толка. Кроме того, сложилось убеждение, что в результате архитектурных просчетов и ошибок планирования возникли

«городские клоаки», где процветали алкоголизм, наркомания и безработица³⁹. Наконец, к этому после 1979 г. последовательно вели дело консервативные политики и их советники; многие из них руководствовались доводами Фридриха Хайека и Милтона Фридмана об опасностях культуры зависимости, порождаемой социальным обеспечением, а его центральным элементом в Англии как раз и было жилищное строительство. Программа «Право на приобретение» — продажа муниципальных домов арендаторам по льготным ценам — стала первым и самым популярным шагом новой приватизационной политики правительства Тэтчер. Начиная с 1980 г. сохранившаяся часть муниципального сектора рассматривалась как последнее прибежище для «стариков, безработных, неполных семей без отца и тех, у кого не было иного выбора»⁴⁰.

Значительность доли муниципального жилья в Англии отчасти была историческим наследием сильно централизованного государства. С самого начала XX в. считалось, что местные власти должны играть подобающую роль в планировании и предоставлении жилья. Так это и было после Первой мировой войны, когда либеральный премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж заявил о необходимости построить дома, «подходящие для героев», т.е. для возвращавшихся солдат. В Лондоне, например, в межвоенный период жилищное строительство было самым важным внутригородским вопросом, уступившим по значимости лишь проблеме безработицы в период Великой депрессии 1930-х годов. Значительное разрушение городского жилого фонда в результате немецких бомбежек в годы Второй мировой войны тоже потребовало массового строительства. Поэтому в 1945 г. жилищное строительство стало приоритетом для нового лейбористского правительства; особенно энергично за него выступал министр здравоохранения (тогда это министерство отвечало и за жилищное строительство) и организатор Национальной службы здравоохранения Эньюрин (Най) Бивен.

В 1950—1960-е годы широкомасштабное строительство продолжалось при сменявшихся друг друга лейбористских и консервативных правительствах. Будущий консервативный премьер Гарольд Макмиллан, занимавший в начале 1950-х годов пост министра жилищного строительства, например, предполагал строить 300 тыс. домов в год. Однако в отличие от лейбористских предшественников консервативные правительства

1950-х годов наряду с муниципальным строительством поощряли и привлечение частного сектора к жилищному строительству⁴¹. Тогда же, в начале 1950-х годов, произошло смягчение нормативных спецификаций для муниципального строительства — подробной регламентации, первоначально разработанной Комитетом Дадли в 1944 г.⁴² Политика привлечения частных застройщиков вместо муниципальных властей продолжалась после 1970 г. при консервативном правительстве Эдварда Хита. Кроме того, оно поощряло частных домовладельцев сдавать жилье малообеспеченным группам. С этой целью был принят закон о жилищном финансировании (1972), в соответствии с которым была разработана программа жилищных пособий для малоимущих арендаторов частного жилья. Как раз в то же время в США Конгресс одобрил экспериментальную программу жилищных пособий⁴³.

290

Жилищная проблема приобрела особую остроту в 1960-е годы по причине возросшей напряженности между коренным населением и мигрантами. В результате, как и в США, популярность государственного жилищного строительства в глазах общественного мнения начала падать. Хотя в Англии не было ничего подобного структурному расовому разделению, центральное положение государственного и социального жилья в английской системе социального обеспечения нередко приводило к резким конфликтам по поводу его предоставления и распределения среди разных групп общества⁴⁴. До 1960-х годов жилищные требования рабочего класса к государству, выдвигавшиеся через Лейбористскую партию, местные группы влияния и профсоюзы, как правило, не были связаны с расовыми проблемами. Но расовый антагонизм, несомненно, носил глубинный характер и порой проявлялся в виде вспышек насилия. Чернокожие и выходцы из стран Азии подвергались дискриминации со стороны домовладельцев, соседей и местных жителей. Новые волны иммиграции, сначала из бывшей империи, а затем из Европейского союза, порождали широкое недовольство и подрывали, а иногда парадоксальным образом укрепляли специфически «белое», или собственно английское, представление об «английскости» и порождали опасения, что страну ждет засилье иностранцев. Равным образом конструктивистский дизайн высоких муниципальных башен — таких как в лондонских районах Ноттинг-Хилл или Элефант-и-Касл, — в сочетании с внутриобщинными конфликтами негативно

сказался на общественной поддержке государственного строительства и широкого социального обеспечения в 1970-е годы.

Параноидальным страхам белых перед иммиграцией сопутствовало то, что английский историк Дэвид Фельдман назвал консервативным плюрализмом, преобладавшим в политическом и государственном истеблишменте. Эта позиция порождала чувство отчуждения между небогатыми белыми рабочими коммунами и элитами и обеспечила мощную поддержку Эноху Пауэлла после его знаменитой речи «Реки крови». Пауэлла воспринимали как одного из немногих видных политических лидеров, которые выражали настроения белого рабочего класса. Суть консервативного плюрализма, о котором говорит Фельдман, состояла в признании культурных различий как «стратегии инкорпорирования и доминирования»; эта стратегия наряду с другими неизменно использовалась в процессе ассимиляции как адекватная реакция на различия⁴⁵. По мнению Фельдмана, исторически политическая позиция британского государства в отношении отдельных национальностей — англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев, — в отношении разных религиозных групп, в том числе евреев, католиков и др., не относившихся к Англиканской церкви, и даже в отношении колоний, как правило, отличалась толерантностью, являвшейся «неотъемлемым свойством государственных институтов»⁴⁶. Если перевести речь в план жилищной политики, то эта целесообразная британская элитарная форма толерантности была впоследствии низвергнута — в тот момент, когда в Англии восторжествовал мультикультурализм, — политикой продажи муниципального жилья арендаторам. Поскольку оставшийся в распоряжении местных властей жилищный фонд, предназначенный для бедных, сильно сократился, да и само понятие «нуждающийся» применительно к государственному жилью заметно сузилось на фоне альтернативной политики, поощрявшей частное домовладение, трения между белыми, черными и цветными усилились. Разрушение общественного пространства толерантности, занятого муниципальным жильем, в 1980-е годы ускорилось и привело к таким неприятным и непредвиденным последствиям, как рост влияния крайне правых групп вроде Национального фронта или, несколько позже, Британской национальной партии.

В этом контексте послевоенной социальной и расовой политики приход к власти лейбористского правительства Гарольд-

да Вильсона в 1974 г. стал продолжением плавного дрейфа жилищной политики в Англии в 1970-е годы (как и в США) в направлении частного домовладения и жилищных пособий (о чем свидетельствует, например, закон Хита о жилищном финансировании 1972 г.). Лейбористские правительства 1960—1970-х годов не в меньшей мере, чем их консервативные оппоненты, ставили в центр государственной политики частное домовладение. Отчасти из фискальной необходимости лейбористы даже активизировали эту новую политику с помощью циничной децентрализации оскудевших муниципальных бюджетов.

Когда Вильсон в 1964 г. впервые занял пост премьер-министра, он заявил о намерении построить к 1968 г. полмиллиона домов. Но события быстро перечеркнули этот амбициозный план, поскольку лейбористские правительства 1960—1970-х годов, как мы видели в предыдущей главе, столкнулись с жестким финансовым давлением, вызванным девальвацией 1967 г., крахом международной валютной системы, ростом инфляции и безработицы. Снижение государственных расходов считалось принципиально важным условием экономической стабильности; поэтому в 1968—1969 гг. в рамках общей программы экономии было отменено финансирование строительства 16 500 домов, запланированных муниципалитетами. Сокращение расходов центрального правительства на жилищное строительство сначала при лейбористах, а потом при консерваторах Хита, имело кумулятивный эффект. В 1974 г. лейбористы приняли Закон о жилье, положивший начало экспериментированию с заявками и системой распределения средств на жилищное строительство⁴⁷. Выбранным для эксперимента муниципалитетам (в Англии за финансирование жилищного строительства отвечали местные власти) было поручено разработать детальные планы расходов и подать в правительство заявки на финансирование. Но кризис МВФ 1975—1976 гг. обострил проблему финансирования и вынудил принять ряд жестких мер экономии, которые еще более ухудшили положение с жилищным строительством, поскольку ассигнования муниципалитетам были урезаны.

В связи с кризисом МВФ лейбористское правительство в опубликованной в 1977 г. «Зеленой книге» представило новое направление жилищной политики. Правительство не без лицемерия упирало на тот факт, что в Англии существует

избыток жилых единиц. По его представлению, свободных домов несколько больше, чем людей, занятых поисками жилья. В 1977 г. Консультативная группа по жилищным услугам в своей оценке жилищных потребностей отметила: «Существовавшая на момент окончания Второй мировой войны серьезная нехватка жилья к 1976 г. сменилась избытком приблизительно в 0,5 млн единиц. Доля жилищ совместного пользования снизилась с примерно 14% до менее 6%; плотность заселения также снизилась, а качество жилья улучшилось. Количество непригодных для проживания домов снизилось с 1,8 млн в 1967 г. до приблизительно 0,9 млн в 1976 г., а количество пригодных жилищ, не имеющих одного или более удобств, снизилось с 2,4 млн в 1967 г. до 1,6 млн в 1976 г.»⁴⁸ Но эта благостная картина отражала реальность далеко не полностью. Как указывала группа давления «Кров» (основанная в 1966 г. преподобным Брюсом Кенриком), в каждый данный момент необходимо иметь 4—5% свободных жилищ, чтобы обеспечить в масштабах всей страны надлежащий уровень социальной мобильности между группами с разными доходами⁴⁹.

В 1960—1970-е годы муниципальное строительство начало терять общественную поддержку, — отчасти по причине нарастания трений между разными общинами, но также и по причине архитектурных просчетов, главным из которых считалась высокая этажность домов. По мнению социального историка Джона Бернетта, «квартиры в многоэтажках явно были отклонением от традиционной нормы; они не оправдали ожиданий их пропагандистов и никогда не вызывали ни широкой заинтересованности, ни даже простого одобрения пользователей»⁵⁰. На самом пике строительства, в 1966 г., высотные жилые здания составляли лишь 26% нового муниципального жилья. Тем не менее такие дома, как печально известная башня Ронан Пойнт в Ньюхэме, Восточный Лондон (она частично обрушилась в 1968 г. от взрыва газа), вызывали все более негативное отношение у широких слоев, у политиков и даже у архитекторов, — хотя среди этих последних жилые башни тогда считались воплощением идеала. На снижение поддержки муниципального строительства Лейбористская партия ответила, например, в заявлении своего Национального исполнительного комитета (руководящий орган партии) от 1978 г.: «Хотя такие здания составляют лишь малую часть всего государственного жилищного фонда, нет сомнений, что условия

проживания в них причиняют арендаторам значительные неудобства, и это можно использовать в политическом плане для дискредитации государственного жилищного строительства как такового»⁵¹. Высокие, с плохо освещенными дворами, бетонные здания, возведенные с самыми благими намерениями, часто превращались в жуткие бетонные джунгли и служили веским аргументом для противников государственного жилищного строительства.

Проблема высотных муниципальных домов полностью проявилась в конце 1960-х и в 1970-е годы, как раз тогда, когда состояние английской экономики ухудшалось. Наиболее уродливые здания (а их было немало) требовалось просто снести и построить вместо них что-то новое, но в разгар экономического кризиса и при наличии более важных социальных приоритетов на это не нашлось достаточного желания. В ответ на общественное недовольство муниципальными домами Лейбористская партия в 1977—1978 гг. разработала новую политику жилищного строительства. Правительство приняло стратегию, основанную на делегировании местным властям расширенных полномочий. Смысл был в том, чтобы люди, лучше всех знающие местные условия, располагали большей самостоятельностью и свободой выбора. Это было весьма многозначительное знамение времени. Например, «Зеленая книга» лейбористов 1977 г. по жилищной политике начиналась с деавуирования роли центрального правительства: «Полномочия членов центрального правительства, отвечающих за жилищное строительство, естественным образом ограничены. Они должны устанавливать законодательные рамки и распределять наличные ресурсы. Они могут предложить систему субсидирования... соответствующую национальной жилищной политике и учитывающую те местные нужды, о которых им будет известно. Но реальная действенность участия государственного сектора в решении наших жилищных проблем зависит от того, как национальная политика осуществляется на местах, — от энергии и дальновидности тех, кто принимает решения на муниципальном уровне»⁵². С этой целью лейбористы предложили муниципалитетам разработать жилищные инвестиционные программы, которые распространяли проводившийся с 1974 г. эксперимент по заявкам и выделению ресурсов на все капитальные расходы в сфере жилищного строительства. Это означало, что теперь всем муниципалитетам придется

конкурировать друг с другом за меньшие куски меньшего государственного финансового пирога.

Правительство в лице министра по охране окружающей среды Питера Шора заявило, что план с жилищными инвестиционными программами обладает четырьмя явными достоинствами: можно будет лучше контролировать расходы и более гибко использовать средства; муниципалитеты получают больше полномочий в выборе финансовых решений; программы создадут стимулы для повышения рентабельности; наконец, они позволят более полно учитывать местные жилищные нужды⁵³. Замысел состоял в следующем. Муниципалитеты готовят местные программы и подают конкурсные заявки на то количество денег, которые считают для себя необходимым. Центральное правительство выделяет ресурсы сообразно достоинствам программ и перераспределяет их в пользу наиболее нуждающихся. На словах лейбористы подчеркивали свою преданность жилищному равенству. Например, в программном документе 1978 г. с перечнем приоритетов говорилось: «Реформы, к которым мы стремимся, направлены на то, чтобы государственное жилье было доступно всем, кто хочет его арендовать, чтобы распространить на арендаторов государственного жилья права и свободы, имеющиеся у обладателей разных видов жилищной собственности, и добиться равного статуса для всех видов пользования жильем»⁵⁴. Но проблема, естественно, состояла в том, что выделялось меньше денег на строительство, ремонт и обслуживание жилищ. Поэтому на деле схема жилищных программ привела к росту влияния центрального правительства за счет усиления контроля над муниципальными властями, а также послужила предлогом для значительного снижения финансирования, которое при консервативных правительствах 1980-х годов продолжало снижаться еще быстрее⁵⁵.

Таким образом, и для США, и для Англии характерна преемственность между политикой 1970-х и 1980-х годов. Бывший сотрудник министерства промышленности и член группы политических консультантов на Даунинг-стрит, 10, Эндрю Дагвид считал, что жилищная политика Консервативной партии после 1979 г. не определялась в первую очередь идеологическими соображениями и скорее просто следовала тому, что продолжили бы и лейбористы, если бы опять победили⁵⁶. Конечно, это только личное мнение, потому что любое

лейбористское правительство, победы лейбористы на выборах, испытывало бы давление с самых разных сторон. Скажем, маловероятно, что программа «Право на приобретение» стала бы при лейбористах такой же флагманской политикой, какой была при Тэтчер. Но продажа муниципального жилья, вполне возможно, продолжилась бы. Радикализация жилищной политики после 1980 г. в Англии и США — несомненный факт. Вместе с тем в США новый подход заявил о себе уже в разработке «Раздела 8». Для Англии 1970-х годов характерны привлечение частного сектора к обеспечению доступным жильем и частичное сокращение государственного строительства, вызванное бюджетной экономией и зарождавшейся политикой продажи муниципального жилья. Таким образом, политика в отношении доступного жилья и городской реконструкции изменилась еще до Рейгана и Тэтчер.

Джимми Картер и ограничение роли государства

Эту тенденцию в США продолжила администрация Картера (1977—1981). Картер закрепил отход от государственного жилищного строительства; отчасти это объяснялось усугублением стагфляции, охватившей страну в конце 1970-х годов. «Раздел 8» изначально содержал три подпрограммы. «Программа по наличному жилью Раздела 8» открывала доступ к наличному жилому фонду с помощью ваучерной схемы (потом она стала программой жилищных пособий, которую обычно и отождествляют с названием «Раздел 8»). «Программа нового строительства Раздела 8» ведала собственно строительством, а «Программа капитального ремонта и реконструкции Раздела 8», как это понятно, ремонтом и реконструкцией. Администрация Картера начала резкое сокращение первых двух подпрограмм. Если в 1976 г. по программе нового строительства было построено около 170 тыс. жилых единиц, а по программе наличного жилья еще 175 тыс. семей получили жилищные пособия⁵⁷, то в 1980 г. построены 92 554 единицы и добавлены только 38 740 субсидированных единиц⁵⁸.

Картер не отказывался от принципа «достойное жилье для все» и, безусловно, признавал необходимость помогать также людям с низкими и скромными доходами. Но при его админи-

страции Министерство жилищного строительства (теперь его возглавила Патрисия Харрис, которая до этого была послом США в Люксембурге и стала первой афроамериканкой, включенной в список порядка преемственности президентских полномочий) стремилось направлять ресурсы в первую очередь на помощь самым бедным и на повышение эффективности использования наличного жилого фонда. Расширение нового строительства или широкомасштабная реконструкция не входили в число его приоритетов. Пределы федерального участия в программах доступного жилья были четко обозначены. По мнению историка Джона Баумена, «администрация Картера стала первой вехой отхода от неокейнсианских экономических решений». Неокейнсианцы «убеждали всех, что крупные программы государственного финансирования — такие как программа городской реконструкции или программа образцовых городов, — ускоряют экономический рост, а он способствует созданию рабочих мест и общему процветанию». Однако Картер «выступил против того, что считал «излишествами» Великого общества 1960-х, не отказываясь при этом от сочувственного отношения к неимущим»; он публично выступал за сокращение численности правительства примерно до такой, какую считал нужной в качестве губернатора Джорджии. Картер, подчеркивает Баумен, «сознавал, что государство не способно решить все наши проблемы. <...> Оно не может искоренить бедность, создать экономику всеобщего изобилия, снизить инфляцию, спасти города, устранить неграмотность или обеспечить всех энергией»⁵⁹. Однако новая сдержанность в отношении обязательств государства, тут же вылившаяся в бюджетную экономию с целью балансирования бюджета, вызвала новый кризис в сфере доступного жилья для семей с низкими и скромными доходами. Строительный бум, начавшийся при Никсоне, продолжался в первые годы администрации. Но рост инфляции и безработицы создал серьезную проблему для многих из тех, кто больше всего нуждался в помощи.

Объявленная Картером в 1978 г. программа «Национальная городская политика» предусматривала направление ресурсов в адрес самых бедных и снижение роли государства. В информационном бюллетене перечислялись руководящие принципы, в том числе повышение «гибкости» подхода к различным местным проблемам, приоритизация задач согласно «нуждам местных сообществ», «укрепление» и «поддержание»

существующей застройки и повышение роли частного сектора. Что касается роли федерального правительства, то о ней говорилось недвусмысленно: «Федеральные ресурсы ограничены. Для обеспечения дальнейшей работоспособности и эффективности существующих программ необходима полная их переоценка. Чтобы получить максимальную отдачу от имеющихся федеральных ресурсов, следует сделать все возможное, чтобы штаты и округа использовали их для привлечения дополнительных общественных и частных инвестиций в свои сообщества. Сама по себе федеральная помощь никогда не будет достаточной для удовлетворения потребностей местных сообществ. Но если она используется в сочетании с другими источниками финансирования, она может сыграть принципиально важную роль катализатора»⁶⁰. Таким образом, администрация Картера продолжила путь в направлении, намеченном при Никсоне, и создавала предпосылки для решительных действий Рейгана после 1980 г. Стратегия Картера была схожа со стратегией Лейбористской партии в Англии, где, как мы видели, эксперименты с жилищными инвестиционными программами преследовали двоякую цель: передать решение жилищных вопросов муниципалитетам и одновременно сократить им финансирование. Кроме того, стратегия администрации Картера создавала атмосферу, благоприятную для сотрудничества местных властей с частным сектором, и тем готовила почву для организации внутригородских зон предпринимательства при Рейгане.

В качестве контрапункта своего фискального аскетизма администрация Картера провела очень важную корректирующую реформу — закон о реинвестициях в местные сообщества. Этот закон, принятый в 1977 г., гарантировал малоимущим группам — в особенности афроамериканцам и другим меньшинствам — доступ к получению в банках льготных жилищных и ипотечных кредитов. В частности, закон запрещал неприглядную практику зонирования, когда банки ранжировали районы в соответствии с уровнем риска неплатежеспособности их населения⁶¹. Эта практика нередко становилась предлогом для продолжения расовой сегрегации в американских городах, поскольку районы, заселенные чернокожими, обычно получали низкий рейтинг и их жители практически не имели возможности получить кредит на приобретение жилья в других, особенно пригородных, районах. С точки зрения „либеральных“ реформаторов в администрации, эта практика была тем

более неприемлемой еще и потому, что рейтинги преимущественно белых районов понижались, если в них начинали селиться чернокожие. В результате напряженность только обострялась, и в связи с расовым смешением в разных районах дело доходило даже до волнений.

Закон о реинвестициях в местные сообщества обязывал банки выдавать кредиты физическим лицам и предпринимателям, зарегистрированным в городских районах с населением низкого и небольшого достатка, наравне с жителями зажиточных и преимущественно белых пригородов. Условием деятельности банков стала обязанность выдавать кредиты во всех районах, где они в соответствии с лицензией могли вести операции. Созданный законом новый порядок финансирования позволил успешно регенерировать такие районы, как Нортсайд Манчестер в Питтсбурге, где, по словам историка Томаса Ханчетта, «местные активисты использовали доллары закона о реинвестициях в местные сообщества, чтобы запустить процесс достойной внимания модернизации»⁶². Закон был примером усилий Демократической партии по увеличению доступности жилья для обитателей бедных районов, несмотря на федеральные бюджетные ограничения конца 1970-х годов. Он стал важной реформой, поскольку искоренил болезненную и неправомерную форму жилищной дискриминации, которая пятнала облик юридического равенства и гражданских прав в-послевоенной Америке.

*Демократия собственников
и индивидуальная свобода:
жилищное обеспечение и нелиберальные идеи*

На этом месте необходимо ненадолго вернуться к нелиберальным идеям и их связи с другими консервативными идеями — не потому, что они оказали воздействие на только что описанные политические решения и принятые меры, а потому, что работы, например, Фридриха Хайека и Милтона Фридмана сильно повлияли на некоторых ключевых архитекторов политики правительств Рейгана и Тэтчер. На фоне послевоенной жилищной политики возник новый комплекс идей по поводу дешевого жилья, городской политики и бедности. Он резко противоречил основным принципам Нового курса

в США и социал-демократического устройства в Англии, но остался тесно связанным с традиционными консервативными представлениями о частной собственности и городском пространстве.

Такие неолиберальные рецепты, как приватизация государственного жилья и зоны предпринимательства, применялись не изолированно. Напротив, они соседствовали с типичными консервативными убеждениями о важности частного домовладения, теми убеждениями, которые нашли отражение в концепции «демократии собственников» английского премьер-министра-консерватора Энтони Идена. Выступая на конференции Консервативной партии в 1946 г., он сказал: «В основе нашего подхода ко всем этим [социальным] проблемам лежит один принцип, принцип, который делает нашу позицию прямо противоположной социализму. Цель социализма — государственная собственность на все средства производства, распределения и обмена. Наша цель — демократия собственников в масштабе всей страны... Если наши оппоненты верят в государственный капитализм, то мы верим в максимально широкий индивидуальный капитализм. Я считаю это фундаментальным принципом нашей политической философии. Человек должен быть господином внешних обстоятельств, а не их рабом. В этом и состоит свобода. И именно в понятии частной собственности человек обретает власть над обстоятельствами. Полноценное развитие личности и сохранение индивидуальной свободы зиждятся на институте собственности»⁶³. Понятие демократии собственников было лейтмотивом жилищной политики Консервативной партии в послевоенный период. Этот лейтмотив несколько потускнел в правительствах 1950-х годов и стал скорее общим пожеланием, чем политической реальностью, поскольку Уинстон Черчилль, Энтони Иден и Гарольд Макмиллан поощряли муниципальное строительство в русле своего примирения с основными элементами английского социального государства. Идея возродилась при Хите, и с тех пор вплоть до сего дня сменявшие друг друга консервативные политики подтверждали свою верность ей. В частности, Маргарет Тэтчер и ее преемник Джон Мейджор (1990—1997) конкретизировали эту концепцию, и в их версии она стала демократией акционеров, появившихся в результате кампаний по приватизации *British Telecom* (1984), *British Gas* (1986), *British Airways* (1987), водоснабжения (1989), электроснабжения

(1990), *British Energy* (1996) и *British Rail* (1996). В этих усилиях заметно влияние неолиберального акцента на превосходство свободного рынка, но в них вновь заявило о себе и убеждение Идена, что становым хребтом успешного общества служит частная собственность.

В США президент-демократ Гарри Трумэн в послании «О положении в стране» не обошел вниманием приоритеты принятого в 1949 г. закона о жилье. Из его слов ясно, что даже на пике „либерализма“ Нового курса частному сектору отводилась ведущая роль. «Частное предпринимательство» неизменно считалось основным средством строительства доступного жилья: «Жилья по-прежнему остро не хватает. В качестве безотлагательного шага Конгресс должен принять законы о строительстве дешевого жилья, сносе ветхой застройки, строительстве сельского жилья и исследовании жилищных проблем. Все перечисленные законы я неоднократно рекомендовал. Количество дешевых съемных жилых единиц, предусмотренное в законе, должно быть увеличено до одного миллиона в ближайшие 7 лет. Но даже такое количество еще не начнет удовлетворять наши потребности в новом строительстве. Большинство нужных нам домов должны быть построены частными предпринимателями, без государственных субсидий. Производя слишком мало жилых единиц, предназначенных для сдачи в аренду, и непропорционально много дорогих домов, строительные компании быстро теряют рынок. Стоимость строительства необходимо снизить. В настоящее время правительство проводит кампанию, побуждающую все сегменты строительной отрасли сосредоточить усилия на строительстве дешевого жилья. Будет внесен дополнительный законопроект, поощряющий такое строительство. Управление, которому я поручил распределять дефицитные материалы и устанавливать потолок цен на такие материалы, может быть задействовано, если будет сочтено необходимым, для направления большего количества материалов на строительство домов, которые достаточно просторны для семьи, по ценам, доступным для работающих глав семейств»⁶⁴.

Однако этот закон, составная часть Справедливого курса Трумэна, вызвал непредвиденные последствия. Он облегчил строительство жилых многоэтажек, которые массово возводились в 1950—1960-х годах; это были аналоги домов, оказавшихся непопулярными в Англии. Как и в Англии, эти дома

после 1960-х годов стали мишенью для критиков социального обеспечения и государственного жилищного строительства, считавших такие кварталы очагами преступности, социального и семейного неблагополучия и социальной зависимости. Объяснение негативного влияния таких «проектов» содержалось в работах неолиберальных авторов, прежде всего Хайека и Фридмена. Другие, например эксперт по жилищной политике и будущий советник Рейгана Мартин Андерсон, ополчились на ключевые государственные программы, — такие как снос ветхой застройки и городская реконструкция. В книге «Федеральный бульдозер» (1964)⁶⁵ Андерсон утверждал, что программа городской реконструкции скорее вредит тем, кому должна была помогать в первую очередь, поскольку продвигается медленно, обходится слишком дорого и не способна решить главную свою задачу — обеспечить достойные жилищные условия для всех, — ибо неизбежно ставит кого-то в привилегированное положение. Первые критические выступления, подобные книге Андерсона, стали первыми ласточками волны критики, которая последовала после очевидного провала Великого общества и Борьбы с бедностью Линдона Джонсона в 1960-х годах, а идеи Хайека и Фридмена оказали влияние на следующее поколение политиков, — тех, кто займет видные места в правительствах Рейгана и Тэтчер.

Адепты неолиберальной рыночной альтернативы уже в 1940—1950-х годах недовольно роптали по поводу доминировавших подходов в области жилищного строительства, городской реконструкции и сноса ветхой застройки. В США, например, Милтон Фридмен и Джордж Стиглер написали для Фонда экономического образования брошюру под названием «Крыши или потолки» (1946), в которой выступали за отмену регулирования арендной платы⁶⁶. В Англии молодые консерваторы, входившие в «Одну нацию» и «группу Бау» (см. главу 4), начали выступать за возвращение к рыночным решениям в области социальной и экономической политики. К их числу принадлежал молодой Джефффри Хоу, который также высказался в пользу отмены контроля над арендной платой в брошюре, опубликованной Группой Бау в 1956 г.⁶⁷ Центральный вопрос Хоу сформулировал как выбор между государством и рынком: «Перед нами два основных взаимосвязанных вопроса, первый по преимуществу экономический, а второй по преимуществу политический. Первый

состоит в том, следует или нет регулировать обеспечение жильем с оглядкой на свободный рынок. А второй — в том, хотим ли мы решать проблему жилищных потребностей страны, опираясь в основном на частный или в основном на государственный сектор»⁶⁸. Хотя Хоу не рассматривал специально проблему дешевого жилья, он отметил, что ограниченная, т.е. искусственно заниженная арендная плата искажает структуру предложения жилья. Такая деформация рынка, по его мнению, отнимает у домовладельцев всякое желание содержать дома надлежащим образом, а это, в свою очередь, обостряет дефицит доступного съемного жилья и приводит к обветшанию наличного жилого фонда.

В «Конституции свободы» (1960) Фридрих Хайек наметил основные черты программы мер социально-экономической политики, отвечавшей тем строгим критериям, которые, по его мнению, должны соблюдаться ради защиты индивидуальной свободы. Наряду с главами по важнейшим социальным и экономическим вопросам — образованию, социальной защищенности, профсоюзам, налогам, денежной политике — он включил в книгу главу «Жилищное строительство и планировка городов». Важную роль в создании и содержании кварталов городского пространства Хайек отводил местным городским сообществам. «Полезность почти каждого объекта собственности в городе, — считал он, — на самом деле будет частично зависеть от того, что делают ближайшие соседи, а частично от коммунальных служб, без которых эффективное использование земли отдельными собственниками практически невозможно»⁶⁹. Но Хайек пошел еще дальше: он утверждал, что вмешательство государства в жилищный рынок с целью помощи бедным и малоимущим лишь сбивало с толку тех, для кого было предназначено, и последовательно порождало ряд все более серьезных проблем.

По мнению Хайека, любая попытка вмешаться в действие механизма цен непременно приводит к ошибочному инвестированию, которое оказывается нецелесообразным. Это, конечно, типичный неолиберальный критический троп, и без него не обходится ни одна критика политики, указывающая, что те или иные действия ошибочны и вредны. Но для Хайека и австрийской школы бездействие государства было гораздо предпочтительнее, если оно означало меньшее вмешательство в рыночные процессы. По его словам, «мы не должны забы-

вать о том, что рынок, в общем и целом, управлял развитием городов более успешно (хотя и не без недостатков), чем обычно считают, и что большинство предложений улучшить его достижения не за счет совершенствования работы самого рынка, а с помощью навязанной системы централизованного директивного развития, не позволяют понять, чего такая система должна добиться, чтобы хотя бы сравняться с рынком по эффективности»⁷⁰. Попытки помочь бедным и «справиться с конкретными бедами только усугубляли их»⁷¹. По мнению Хайека, гораздо лучше, чтобы рынок сам обеспечивал предложение доступного жилья за счет эффективного выделения ресурсов под действием механизма цен.

Особенно жесткую критику Хайек припас для того, что считал безрассудствами государственного жилищного строительства. Он утверждал, что нарушение работы рынка в результате строительства муниципального или государственного жилья создает порочный круг, вредно воздействующий на рынок в целом ряде отношений. Это приводит к постоянному росту государственных расходов и укреплению пресловутой культуры зависимости: «Попытки снизить расходы на жилье для бедных слоев населения с помощью государственного жилищного строительства или жилищных субсидий признаны неотъемлемой частью социального обеспечения. Но мало кто понимает, что подобные попытки, скорее всего (если не брать те случаи, когда они имеют незначительный масштаб и тщательно продуманы в плане исполнения), приведут к тем же результатам, что и регулирование арендной платы. Ограничить государственное предоставление жилья самыми бедными семьями принципиально возможно лишь при условии, что государство не старается предоставлять бедным жилище, которое будет одновременно и дешевле, и существенно лучше, чем то, что у них было раньше. В противном случае люди, получившие такую помощь, будут иметь лучшие жилищные условия по сравнению с теми, кто на ступеньку выше их на экономической лестнице. Эти последние тоже потребуют включить их в схему, и им невозможно будет отказать. Процесс будет раз за разом самовоспроизводиться и последовательно распространяться на все большее количество людей»⁷². Как свидетельствует эпиграф к настоящей главе, Хайек считал, что государственное жилищное строительство и жилищная помощь должны быть четко адресованы исключительно одним бедным. Только так можно избе-

жать расширения количества людей, подпадающих под действие социальных программ, подобных системе социального страхования в США. Хайек понимал, что как только средний класс включается во всеобщее социальное обеспечение (а это подразумевалось системой социального страхования или, скажем, английской Национальной службой здравоохранения), такое государственное вмешательство становится всеохватным, постоянным и, по мнению Хайека, несущим угрозу индивидуальной свободе. В этих рассуждениях Хайека отчетливо просматриваются истоки неолиберальной стратегии «изоляции» государственного сектора до такого уровня, чтобы он стал прибежищем самых бедных и уязвимых, тогда как остальное общество будет обслуживаться рынком.

В книге Фридмена «Капитализм и свобода» (1962) есть глава «Меры социального обеспечения», перекликающаяся с мыслями Хайека. Государственные строительные программы Фридмен предлагал заменить прямой денежной помощью: «Можно сказать, что создание социального жилого фонда предлагается не на основании внешнего эффекта (*neighbourhood effect*), а как средство оказания помощи лицам с низким доходом. Но если это так, то зачем же в таком случае субсидировать именно жилье? Если средства предназначены для оказания помощи неимущим, не будет ли больше пользы, если они будут выданы наличными, а не «натурой»? Очевидно, что семьи, которым оказывается помощь, предпочтут, чтобы деньги им были выданы наличными, а не в виде жилья. Они могут употребить их на жилье, если сами того пожелают. <...> Таким образом, социальное жилищное строительство не может быть оправданно ни на основании внешнего эффекта, ни на основании помощи неимущим семьям. Если его вообще можно оправдать, то только на основе патернализма: семьи, нуждающиеся в жилье больше, чем в чем-либо другом, и получающие эту помощь, либо не согласны израсходовать деньги на эти цели, либо способны истратить их неразумным образом»⁷³. Как и Хайек, Фридмен считал, что благие намерения и усилия государства тщетны, поскольку не улучшают ситуацию, а только усугубляют ее: «Социальное жилье не только не улучшило жилищного положения неимущих, как ожидали его сторонники, но оказало прямо противоположное воздействие. В ходе социального жилищного строительства количество разрушенных объектов жилья намного превысило число вновь

сооруженных. В то же время в результате создания социального жилого фонда как такового несколько не уменьшилось число лиц, нуждающихся в жилплощади. Таким образом, создание этого фонда привело к увеличению числа жильцов на единицу жилплощади»⁷⁴. Главная проблема государственного жилищного строительства состояла в том, что мотивация и поддержка этой политики были «слишком расплывчатыми и преходящими». В результате, полагал Фридмен, в ней стали доминировать групповые интересы⁷⁵.

Фридмен более ясно и решительно, чем Хайек, утверждал, что государственное жилищное строительство только обостряет худшие формы социального и семейного неблагополучия, характерные для бедных районов. Сторонники социального строительства считали, что более пристойные жилищные условия положительно скажутся на подростковой преступности. Фридмен, напротив, был уверен, что «осуществление этой программы во многих случаях привело к прямо противоположным последствиям, не говоря уже о том, что обещанное улучшение средних жилищных условий так и не состоялось. Лимит в зависимости от размера доходов, совершенно справедливо установленный для жильцов общественного сектора с субсидируемой квартплатой, привел к исключительной концентрации в нем «неполных» семей — прежде всего разведенных или овдовевших матерей с детьми. Дети в таких семьях в очень большом числе случаев «трудные», и их высокая концентрация в одном месте может только способствовать росту преступности несовершеннолетних. Одним из симптомов этого явления было чрезвычайно отрицательное влияние на школы, расположенные в районе жилых домов общественного сектора. Школа может с готовностью принять нескольких «трудных» детей, большое же их количество создает серьезные сложности. Тем не менее в отдельных случаях неполные семьи составляют одну треть или еще большую часть всех жильцов в домах общественного сектора, и дети из таких домов могут составлять большинство учащихся в данной школе. Если бы помощь этим семьям оказывалась в виде денежных пособий, они были бы более равномерно распределены среди населения данного района»⁷⁶. Хотя Фридмен не осуждал и не критиковал образ жизни бедных, нарисованная им картина стала в последующие десятилетия излюбленным примером для консервативных реформаторов социального обеспечения. Выражения

«культура зависимости», «мамаши на велфере»*, «разбитые семьи» и тому подобные не сходили с языка республиканских и консервативных политиков в Конгрессе и Парламенте. Идеи Фридмена, в частности предложение ввести ваучеры как лучшее средство помощи бедным, понемногу проникали в политические дебаты 1960—1970-х годов и проталкивались в политический мейнстрим усилиями неолиберальных аналитических центров и политиков.

Постепенное движение к замене социального жилищного строительства жилищными ваучерами в США началось в середине 1970-х годов с введения жилищных субсидий по «Программе наличного жилья Раздела 8». В более широком плане, как мы увидим, позиция Хайека и Фридмена оказала влияние на таких экспертов по городскому развитию, как Стюарт Батлер, которому принадлежит идея создания зон предпринимательства для регенерации центральных городских районов.

Администрация Рейгана

В 1980-е годы администрация Рейгана завершила выход федерального правительства из сферы жилищного строительства. Президент Картер продолжил курс на повышение роли частного сектора в удовлетворении жилищных потребностей. Рейган, подобно Тэтчер, пошел гораздо дальше. Как мы видели, в 1970-е годы выполнение жилищных программ министерства жилищного строительства вызывало все больше вопросов. Оценивая работу министерства по выполнению программы Раздела 8, Главное бюджетно-контрольное управление США (контрольный орган Конгресса) подвергло ее резкой критике. В докладе управления говорилось, что министерство работает неэффективно, не сознает в полной мере свою обязанность снижать расходы и, хуже всего, не в состоянии предоставить федеральную помощь тем, кто более всего в ней нуждается. Министерство решительно отвергло все обвинения и, в свою очередь, поставило вопрос, содержащий намек на возможный в 1980 г. новый вариант политики, а именно: «Не является ли программа, сочетающая субсидирование строительства жилья с пособиями на его аренду, позволяющими бедным семьям

* То есть на социальных пособиях. — *Прим. науч. ред.*

жить в этих новых домах, слишком дорогостоящей и обременительной, чтобы быть политически и социально желательной»⁷⁷. На этот вопрос новая администрация ответила громким «да». Политики с еще большим усердием стали взвешивать, насколько государственные расходы на строительство и субсидии приемлемы с точки зрения налогоплательщиков.

Самой важной и подробной формулировкой подхода президента Рейгана к жилищной проблеме стал доклад его Жилищной комиссии, опубликованный в 1982 г. В нем нашли отражение многие принципы политики Консервативной партии при Маргарет Тэтчер (см. ниже). Основные положения, перечисленные в начале доклада, таковы: бюджетная ответственность и денежная стабильность в экономике; поощрение свободных и дерегулированных рынков жилья; опора на частный сектор; признание необходимости государственной помощи в удовлетворении жилищных потребностей бедных; программы, нацеленные непосредственно на людей, а не на структуры; обеспечение максимальной свободы в выборе жилья⁷⁸. Здесь, как и в политических заявлениях английских консерваторов того времени, приоритет очевидным образом отдавался свободе выбора, частным рынкам, экономической и фискальной ответственности и субсидированию конкретных людей, а не организаций-посредников. Главным же политическим предложением стала программа жилищных выплат, или ваучеров. По мнению неолиберального политолога Стюарта Батлера, который в 1973 г. приехал из Англии, чтобы работать в Вашингтонском Фонде «Наследие», это были «технологии наделения людей рыночными возможностями, которых они не имели, чтобы действовать на рынке»⁷⁹.

Доступность жилья для бедных названа в докладе самой большой жилищной проблемой США, а программа нового строительства Раздела 8, действовавшая со времен закона о жилье 1974 г., подвергнута критике за неэффективность и дороговизну. В докладе отмечалось, что высококачественное жилье предлагается в более чем достаточном количестве, но люди не могут себе его позволить. Вместо расширения программы нового строительства Раздела 8 доклад ставил новую цель: «Главная национальная задача состоит не в массовом строительстве жилья для бедных, а в субсидировании самих этих людей, которое позволит семьям с низкими доходами подбирать уже имеющееся приемлемое жилье за ту цену,

которую они могут себе позволить... Главная цель федеральных жилищных программ должна состоять в прекращении строительства многоэтажек»⁸⁰. Теперь политику правительства определяли идеи Фридмена. В соответствии с этим бюджет Раздела 8 был переориентирован на программу помощи для существующего жилья, а для большинства арендаторов предусмотрены ваучеры⁸¹. Кроме того, администрация добавила жилищный компонент к действующей Программе целевых грантов на развитие местных сообществ, чтобы она могла лучше точнее адресовать ограниченные ресурсы самым бедным и нуждающимся. Официально задача целевых грантов состояла в децентрализации решений по жилищным вопросам, — примерно в том же ключе, как это делали программы жилищных субсидий, введенные английскими лейбористами. Однако, как отмечалось в аналитическом обзоре Главного бюджетно-контрольного управления, многие должностные лица на местах видели в этой политике скрытые ловушки: «Целевые жилищные гранты позволяют местным властям более свободно и гибко разрабатывать и выполнять жилищные программы. Многие местные чиновники, ведающие жилищными вопросами, не хотят принимать на себя эти дополнительные обязанности, если федеральное финансирование в целом уменьшается»⁸². Суть проблемы была в том, что именно это администрация и намеревалась сделать, — сократить финансирование. В 1981—1989 гг. доля министерства жилищного строительства в совокупном бюджете США снизилась с 4,59 до 1,31%⁸³.

В 1988 г. в рамках Проекта жилищной политики Массачусетского технологического института была опубликована подборка аналитических докладов, выявивших некоторые ошибки и провалы, произошедшие при Рейгане. Эксперт по жилищной политике Энтони Даунс, автор одного самых острых докладов, дипломатично раскритиковал администрацию и наметил контуры альтернативной жилищной политики. Если тон доклада был вполне политкорректным, то его смысл — совершенно безжалостным. В первую очередь Даунс выделил проблему недостатка финансирования: «Любая национальная жилищная политика, призванная эффективно решать главные жилищные проблемы страны, — особенно проблемы семей с низкими доходами, — требует крупных государственных расходов как на строительство жилья, так

и на пособия малоимущим. Не существует недорогих способов решения национальных жилищных проблем»⁸⁴. По его оценкам, для ликвидации хронической нехватки доступного жилья в США нужно каждый год строить на 200 тыс. больше таких жилищ, поддерживать 5 млн наличных единиц и обеспечивать обновление существующих контрактов по Разделу 8. Во-вторых, отметил Даунс, самой насущной проблемой по-прежнему оставалась доступность, которая, как мы видели, была главным приоритетом Рейгана шестью годами ранее. В-третьих, указал Даунс, число бездомных, которое постоянно росло в 1980-е годы, явно достигло критического уровня. Поэтому в условиях ограниченности государственных ресурсов политическим приоритетом должны стать пособия, ваучеры и единовременные выплаты самым бедным, а распределение ресурсов следует перенаправить в сторону от других типов потенциальных владельцев жилья, — таких, например, как первичные покупатели. Даунс также отметил сохранение расовой дискриминации и сегрегации в жилищной сфере. Для решения самых острых социальных и экономических проблем неравенства и бедности нужно с удвоенной энергией оказывать помощь малоимущим слоям населения.

В другом докладе Проекта жилищной политики Массачусетского технологического института эксперты по жилищной политике Лэнгли Кейес и Дениз Дипаскуале тоже подчеркнули, что республиканская администрация не уделяла должного внимания проблеме доступности жилья. По их оценке, лишь 28% тех, кто имел право на помощь по различным программам, эту помощь реально получили. Более того, кризис доступности стал гораздо острее, поскольку сроки действия ограничений на использование субсидированного жилья по Разделу 8 и другим программам истекали, а это порождало большой риск того, что жилищный фонд будет утрачен без замены. Тем временем ветшающее социальное жилье требовало больших расходов на ремонт, а дешевый частный съемный жилищный фонд подвергался «сносу и переводу в кондоминиумы»⁸⁵. В итоге администрация Рейгана сумела свернуть все, что еще оставалось от государственных программ обеспечения доступным жильем, но не смогла ликвидировать кризис доступности с помощью частного сектора. На самом деле она добилась противоположного.

*Приватизация муниципального жилья:
схема «Право на приобретение»*

При лейбористах и в 1970-е годы муниципалитеты имели право продавать жилищный фонд по своему усмотрению при наличии спроса⁸⁶. Первые случаи продажи муниципального жилья относятся к межвоенным годам, но к середине 1960-х годов сторонники этой практики уже громко заявили о себе⁸⁷. В 1970-е годы в связи с муниципальным жильем встали два главных вопроса. Первый был имиджевой проблемой, созданной очевидными просчетами при строительстве жилых башен. Второй, отчасти призванный ответить на первый, имел более общий политический характер и состоял в том, как лучше развивать частное владение жильем. В 1970-е годы политика консерваторов стала более радикальной, чем политика лейбористских правительств, которые просто тихо мирились с продажей муниципального жилья.

К тому времени, когда в 1975 г. Тэтчер возглавила Консервативную партию, эта последняя в целом уже начала выступать за продажу муниципального жилья арендаторам как за правильную политику. В частности, консервативный политический аналитик Анджела Киллик, сотрудничавшая с Группой Бау, аналитическим центром тори, писала в 1976 г.: «Многие социалисты яростно возражают против продажи муниципального жилья. Если, говорят они, арендатор такого жилья купит его, сдаваемый жилой фонд станет на единицу меньше. Но они почему-то не учитывают, что одновременно и спрос на сдаваемое жилье сократится на ту же единицу и конечный эффект сведется лишь к тому, что один человек теперь будет владеть собственным жильем, которое сам выбрал»⁸⁸. Киллик считала, что доля жилья в собственности должна составлять 70% и требуется децентрализация, предоставляющая местным сообществам больше полномочий. Проблема бездомности, по ее мнению, не заслуживала серьезного обсуждения, ибо была, как правило, явлением временным, а то и вообще несуществующим. В этих аспектах Киллик предвосхитила политику правительств Тэтчер. Кроме того, она в манере, типичной тогда для Консервативной партии, поставила «принципиальный и политический вопрос о том, какую роль местные власти должны играть в жилищной сфере и должна ли эта роль быть уменьшена или изменена»⁸⁹.

Работы таких представителей Консервативной партии, как Киллик, свидетельствуют, что правые все больше склонялись к идее продажи муниципального жилья. Вместе с тем они выступали за дальнейшую децентрализацию, и в этой позиции просматривается еще одна линия преемственности между лейбористской программой жилищных инвестиций 1977 г. и программой консерваторов. В программах социально-экономической политики консерваторов 1980-х годов регулярно присутствовали похожие предложения делегировать полномочия и право принятия решений от местных властей непосредственно местным сообществам или передать эти полномочия на усмотрение центрального правительства. Прежде всего, в 1980 г. консерваторы объявили о планах ввести кодекс арендаторов жилья, который устанавливает права арендаторов, снимающих государственное или социальное жилье. Во-вторых, частное домовладение оставалось центральным пунктом правительственной жилищной политики, как это и было начиная с 1960-х годов и при лейбористах, и при консерваторах. В-третьих, правительство Тэтчер действительно усилило контроль за местными властями путем установления предельной налоговой ставки (по которой в то время исчислялись местные налоги на имущество) и широкомасштабной передачи жилищной помощи ее непосредственным получателям через голову местных жилищных властей (для этого была разработана программа жилищных пособий). Так было завершено экспериментирование с жилищными пособиями, продолжавшееся в течение 1970-х годов при лейбористах. В итоге консерваторы расширили и консолидировали эти направления жилищной политики, а к тому же придали им сильное идеологическое звучание.

Политика Тэтчер по продаже муниципального жилья рассматривалась как ключевой элемент на пути к лелеемому идеалу бывшего консервативного премьера Энтони Идена — к превращению Англии в «демократию собственников». Тэтчер и ее министры восприняли этот лозунг, и он стал центральным символом, под эгидой которого рекламировались и представлялись парламенту и широкой общественности такие программы, как «Право на приобретение». Жилищная проблема занимала видное место в предвыборном манифесте Консервативной партии 1979 г. Хотя начальный абзац предисловия Тэтчер внешне и отвергал идеологическую мотивацию, он тем не менее свидетельствовал о бесповоротном разрыве Консервативной

партии с политикой социал-демократического консенсуса, на котором строились позиции консервативных правительств от Уинстона Черчилля и Гарольда Макмиллана до Эдварда Хита: «Для меня суть политики — это не политическая теория, а люди и то, как они хотят строить свою жизнь. Ни один из тех, кто жил в этой стране последние пять лет, не может не заметить, насколько сильно наш общественный баланс склонился в пользу государства в ущерб индивидуальной свободе. Эти выборы, возможно, последний наш шанс развернуть процесс вспять и восстановить баланс власти в пользу людей»⁹⁰. Полторы страницы в манифесте занимал жилищный раздел под заглавием «Помощь семье». В нем критиковалась лейбористская политика национализации и огосударствления промышленности и утверждалось, что «для большинства людей собственность в первую очередь означает собственный дом»⁹¹. Для повышения доли частного домовладения был предложен ряд мер. В контексте широкой экономической политики значительного снижения налогов партия планировала ввести схемы совместного приобретения, которые помогли бы покупателям, приобретающим дом и квартиру впервые, получать ипотеку при частичной оплате в ожидании роста будущих доходов.

Воспроизводя еще один ключевой догмат консервативной философии, снижение государственных расходов, манифест утверждал, что «субсидирование муниципального жилищного строительства обходится втрое дороже, чем предоставление налоговых льгот покупателям жилья, и на этом налогоплательщики могли бы сильно сэкономить»⁹². В манифесте подчеркивалась взаимосвязь между жилищной политикой и общеэкономической политикой. Жилищная политика должна быть увязана с программой снижения государственных расходов и государственных заимствований; это еще одно отступление от прежней политики, свидетельство преобладавшего влияния неолиберальной экономической ортодоксии на ключевые принципы Тэтчер в подходе к социальной политике. Как отмечают Питер Малпасс и Алан Мьюри, «социально-экономическая политика, выстроенная на идеологии и электральных соображениях, в широком плане оказывала содействие достижению целей правительства в области налогообложения и денежного обращения»⁹³. Наконец, манифест придавал особое значение расширению продажи муниципального жилья в рамках программы «Право на приобретение», флагманской

политики предвыборной платформы Консервативной партии в 1979 г. Консерваторы предлагали сделать эту схему практически универсальной и доступной со скидками, зависевшими от длительности срока аренды⁹⁴. Партия также предлагала сделать доступной стопроцентную ипотеку для арендаторов, желающих купить свое жилье. Еще одним важным нововведением был уже упомянутый кодекс прав арендатора, предоставлявший съемщикам муниципального жилья «новые права и обязанности». Наконец, жилищная программа консерваторов позволяла «лучше использовать существующий жилой фонд»⁹⁵. Жилищная политика консерваторов выделяла четыре приоритетных направления: повышение доли собственников жилья, поощрение ремонта и улучшения существующего жилья, субсидирование и стимулирование частного сектора, а также концентрацию государственных ресурсов на наиболее нуждающихся.

Во время парламентских дебатов по жилищному законопроекту 1980 г. министр жилищного хозяйства и строительства от консерваторов Джон Стэнли назвал его «самой многообещающей и фундаментальной жилищной законодательной инициативой послевоенного периода»⁹⁶. «Право на приобретение» и кодекс арендатора, продолжил он, это самые важные социальные достижения за все столетие⁹⁷. Однако эти заявления сопровождалась массивной атакой правительства на муниципальные органы власти, которые по большей части находились под контролем лейбористов. План заключался в том, чтобы покончить с засильем лейбористов в муниципальных жилищных органах и в случае удачи завоевать симпатии новых избирателей, которые будут поддерживать консерваторов. Правительство не просто приводило доводы в пользу законопроекта. Стэнли открыто нападал на лейбористов, которые считали необходимым выступить против законопроекта. Он старался дискредитировать доводы против программы «Право на приобретение» прозрачными намеками на то, что возражения исходят от приверженцев государственного социализма: «Я обратил внимание на недавние слова г-на Роуза, 60-летнего сторонника лейбористов, которому не позволили купить жилье в муниципальном доме в Бирмингеме. Он там живет с 1944 г. Я думаю, он выразил чувства многих людей, когда сказал: "Я поддерживал лейбористов с тех самых пор, как получил право голосовать, но сейчас меня воротит от этой

партии. Я совершенно в ней разочаровался. <...> Нет ничего плохого в том, что рабочий человек владеет собственным жильем". Г-н Роуз абсолютно прав. Нет ничего плохого в том, что рабочий человек владеет собственным жильем. Плохо то, что политика Лейбористской партии отнимает у людей возможность им владеть»⁹⁸. И в предвыборном манифесте лейбористское правительство и лейбористские местные власти тоже подвергались критике за то, что препятствовали людям «покупать свои собственные дома». Последняя формулировка очень показательна. Строго говоря, муниципальное жильё составляло основную часть активов и доходов государственного сектора на местах. Практически все дома сдавались внаем, и утверждение, будто жильё принадлежало арендаторам, было намеренным искажением истины. На самом деле жилищная программа правительства стала первой крупной приватизацией государственного сектора. Эта политика основывалась не столько на точных данных о количестве и качестве жилья или потребности в нем, сколько на теоретическом представлении о превосходстве рынка. Можно считать, что консерваторы активно проводили политику, направленную на ограничение государственного сектора в такой пропорции, какая существовала в США.

Общая тенденция состояла в том, что в области жилищной политики Англия шла по стопам США. Тем не менее наметились и две линии обратного влияния — программа «Право на приобретение» и программа развития зон предпринимательства. Администрация Рейгана поддерживала попытки конгрессмена от штата Нью-Йорк Джека Кемпа (при Буше-старшем он будет министром жилищного строительства) внести в Конгресс законодательную инициативу, напоминающую английское право на приобретение. Идею он привез из Англии, которую посетил в начале 1980-х годов. Как рассказал Мэдсен Пири, Кемп хотел посмотреть матч американского футбола, который до открытия сезона играла в Лондоне команда «Денвер Бронкос», и ему «нужен был какой-нибудь предлог, чтобы обосновать поездку». Поэтому к Пири и Имонну Батлеру, которые совместно руководили Институтом Адама Смита, поступила просьба о рабочей встрече для обсуждения жилищных проблем. Встреча оставила странное впечатление, поскольку, по словам Пири, «официально он приехал для изучения практики продажи муниципального жилья, но говорил, насколько я помню, о том, почему необходимо

помогать бедным в плане жилья». Поэтому «приглашенные эксперты были в некотором недоумении: все, о чем он говорил, было им, естественно, известно, они хотели узнать что-нибудь о конкретных методах и технических приемах, но так этого и не услышали»⁹⁹. Кемп полагал, что если применить политику Тэтчер, миллион человек купят свое первое жилье по этой схеме. Помимо продажи социального жилья законопроект Кемпа предусматривал (это еще одно эхо политики консерваторов) расширение местной автономии и прав арендаторов.

Программа «Право на приобретение» стала показательным примером неудачи трансатлантического импорта (который пропагандировали неолиберальные политики и аналитические центры) английских методик в США. По мнению вице-президента Фонда «Наследие» Стюарта Батлера, идея хотя и не прижилась по-настоящему в США, но в начале 1980-х годов вошла в контекст широкой дискуссии о том, что делать с государственным жильем. По словам Батлера, Фонд Наследие заказал «документальный фильм, специально на *British Telecom*, и там было показано, как продают государственное жилье, “Ягуар” и так далее, и мы показали его на Холме [на Капитолийском холме, в резиденции Конгресса США]». Руководство Фонда «Наследие» «очень хотело показать во всех деталях, как это делалось, и это, конечно, сильно повлияло на отношение к этой практике», так что в 1980-х годах между английскими и американскими политиками «завязался активный обмен мнениями» по жилищной политике¹⁰⁰.

По мнению Батлера, в американском контексте законопроект Кемпа о предоставлении арендаторам права управления имел больше шансов на успех. Дебаты по вопросу предоставления арендаторам расширенных контрольных полномочий и некоторых прав собственников в местах проживания, считал Батлер, выявили патерналистский и патронажный характер позиции „либеральных“ демократов: «В 1980-е годы существовал законопроект по правам арендаторов, его внесли консерваторы — Дик Арми, Кемп и т.д. Они хотели добиться изменения жилищного законодательства и дать арендаторам права собственности, и там, в Конгрессе, бились с демократами, которые, знаега, твердили, что жители центральных кварталов не могут следить за своим жильем, не могут управлять домами. Один раз, чему я сам был свидетелем, на слушания действительно пригласили жителей из таких государственных

домов, они сидели на галерее и смеялись над демократами. Все это было нацелено на изменение самой постановки вопроса о жилищном строительстве и политики городского развития, которая долгое время проводилась без помех. Потом были, конечно, некоторые отступления назад, ну, например, знаете, как привыкли считать [в плане городской реконструкции], что если вы в Вашингтоне, то строите бейсбольный стадион и так далее, конференц-центр. <...> Да, отступления бывали, но не до того, что считалось нормальным в 60-е годы, когда сносили все подряд... строили высотные отели и конференц-центр и считали, что квартал преобразился»¹⁰¹. Таким образом, с точки зрения Батлера, несмотря на то что схемы права на приобретение и управления арендаторов не прижились на американской почве, они помогли изменить вектор обсуждения политики городского развития, которая вплоть до того времени основывалась на удивительно безучастных к интересам реальных людей программах городской реконструкции и сноса ветхой застройки. Именно такую политику критиковал в «Федеральном бульдозере» (1964) Мартин Андерсон, ставший в начале 1980-х годов главным советником Рейгана по внутренней политике. После 1979 г. английская программа «Право на приобретение» была распространена на обширную и разнообразную группу арендаторов муниципального жилья из разных социальных классов; многие из них имели вполне приличные доходы и могли позволить себе покупку жилья. Среди муниципальных жилищ было немало добротных отдельных домов в привлекательных кварталах. Были в их числе и качественные квартиры в таких престижных жилых комплексах, как Тэчбрук и частично Черчилль-Гарденс в лондонском районе Пимлико. В США положение было совсем иным: там население государственных домов по определению имело ограниченные возможности, ибо в большинстве своем состояло из неполных семей, безработных и стариков, а сами эти дома были, как правило, зданиями высокой этажности в центральных районах. По мнению Стюарта Батлера, привлекательность схемы самоуправления арендаторов в США объяснялась сильной традицией создания организаций по месту жительства: «В Англии, если посмотреть на эти высокие башни, понастроенные в Лондоне в 50—60-е годы, я не думаю, что это [«Право на приобретение»] так уж успешно там сработало, и уж точно нельзя сказать, что изменило квартал в этом плане. А у нас тут таких

домов куда больше, и реализовать такую программу гораздо труднее. Но с самоуправлением арендаторов не совсем так. Это, конечно, не то, что делала Тэтчер. Это вещь несколько иная, и она гораздо больше согласуется с общими принципами работы организаций по месту жительства в США. По сути дела, это кооперативная модель, которая здесь имеет гораздо более прочную традицию в небогатых кварталах; это организации, созданные соседями, особенно церковноприходские, а для Англии, знаете ли, они вообще гораздо менее характерны. И в той мере, в какой схема самоуправления была успешной, она строилась вот на этом. Но у нас не было такого большого, как у вас в Англии, количества скромного, но приличного жилья, которое действительно можно быстро реализовать и получить большие перемены [в плане статуса домовладения]. Это никогда не было реально. У нас, к сожалению, почти все жилье такого рода непривлекательно. Но самоуправление — это другая стратегия. И она больше напоминает действия группы людей, направленные примерно на то, что вы смогли сделать в Англии путем льготной продажи муниципального жилья»¹⁰².

То обстоятельство, что в Англии по сравнению с США было гораздо больше привлекательного государственного жилья, в значительной мере результат строительных программ межвоенного периода и программ лейбористского правительства 1945—1951 гг. В рамках последних Най Бивен настоял на принятии высоких стандартов, предложенных для всего государственного жилищного строительства Комитетом Дадли еще в годы Второй мировой войны. На смену этим стандартам пришли новые, предложенные Комитетом Паркера Морриса в 1961 г. уже для всего жилья, — как государственного, так и частного. В 1967 г. лейбористское правительство сделало их обязательными для «новых городов»*, а в 1969 г. — для местных властей. Стандарты Паркера Морриса были отменены при Тэтчер в 1981 г. Английский опыт оказался поучительным также в плане комбинирования разных типов домовладения и социального состава жителей. Поэтому в Англии большим группам было сложнее маргинализироваться до такой степени, как в США. По всем перечисленным причинам, как отметил Майкл Катц, «в конечном итоге за все четыре года [1989—

315

* То есть городов, комплексно перепланированных и застроенных при финансовой поддержке государства. — *Прим. перев.*

1993], когда Кемп был министром, Министерство жилищного строительства продало арендаторам всего 135 жилых единиц»¹⁰³. Эта политика потерпела провал в стране, где государственное жилищное строительство само стало исчезающим видом.

*Трансатлантические обмены:
предпринимательские зоны Рейгана*

Зоны предпринимательства оказались примером более удачного трансатлантического обмена политикой, чем продажа муниципального жилья. Сама идея родилась в Англии, а Стюарт Батлер из Фонда «Наследие» успешно импортировал ее в США. Она стала центральным элементом городской политики Рейгана и позволила республиканцам реализовать программу борьбы с бедностью и неустроенностью наряду с планами администрации по снижению налогов и государственных расходов. Теоретическую основу зон предпринимательства составляла новая концепция дерегулирования, привлечения инвестиций и экспериментирования с новыми формами сотрудничества государственного и частного секторов. Ключевая задача состояла в том, чтобы стимулировать частные инвестиции в запущенные городские районы. Рынку предстояло подогреть стремление к извлечению прибыли и тем пробудить дух предпринимательства, который, как считалось, пока еще дремлет в самых неблагополучных центральных районах крупных городов Америки.

В Англии идею зон предпринимательства выдвинул в конце 1960-х годов специалист по городскому планированию Питер Холл. В 1969 г. Холл в соавторстве опубликовал в английском журнале «New Society» статью, в которой предлагалось отменить все директивы, мешавшие высвобождению энергии и восстановлению жизнеспособности «больных» районов¹⁰⁴. Авторы предлагали провести «хорошо продуманный и четко выполненный эксперимент по *непланированию*... взять несколько подходящих зон в стране, на которые особенно сильно давит груз проблем, и сделать их стартовыми площадками для антиплана. Как минимум мы выясним, чего же на самом деле хотят люди; как максимум, возможно, обнаружим скрытый стиль Англии середины XX в.»¹⁰⁵ На Холла произвел большое

впечатление опыт Гонконга и Сингапура; он считал, что такой подход может сработать как «попытка последней надежды» в определенных частях преимущественно постиндустриальных городов и городских агломераций¹⁰⁶. По мнению Холла, время для реализации идеи пришло в конце 1970-х годов, когда экономический рост уже давно сменился стагфляцией и хронической безработицей, особенно высокой в неблагополучных районах английских городов. Основные черты антиплана он перечислил в статье, в которой впоследствии размышлял об опыте создания зон предпринимательства в Англии: «Это радикальное решение будет включать три элемента. Во-первых, каждый такой район будет полностью открыт для иммиграции предпринимателей и капитала; это означает отсутствие любого контроля за иммиграцией. Во-вторых, он «будет основан на совершенно беззастенчивом свободном предпринимательстве»; «бюрократия будет сведена к абсолютному минимуму». В-третьих, местоположение будет предметом особого выбора, поскольку район фактически выйдет из сферы действия текущего законодательства Соединенного Королевства и существующих ограничений»¹⁰⁷. Свою идею Холл изложил в пространном выступлении в Королевском институте городского планирования в Честере в июне 1977 г.

Предложения Холла подхватила Консервативная партия, чье руководство было радо позаимствовать такую идею у человека явно левых взглядов. Изначально в поддержку зон предпринимательства высказывался ближайший союзник Тэтчер Кит Джозеф; когда консерваторы находились в оппозиции, он отвечал за разработку политики и исследования, а после 1979 г. вошел в правительство. Выступая на встрече в Институте Адама Смита в 1978 г., Джозеф заявил, что планируется серия пилотных «демонстрационных проектов», где «королевские приказы действовать не будут»¹⁰⁸. Однако реальный импульс идея получила от теневого министра финансов Джеффри Хоу, который с энтузиазмом поддержал концепцию зон предпринимательства, когда в том же году выступил с речью на Собачьем острове, бывшей зоне доков в восточной части Лондона. Хоу регулярно пропагандировал этот план в письмах к Маргарет Тэтчер, и партия включила его в свою политическую программу перед выборами 1979 г.¹⁰⁹ Зоны предпринимательства были введены в 1980 г. Питер Холл сухо описывает этот пакет законов: «Официальная схема,

определенная законом о местных полномочиях в сфере планирования и землеустройства 1980 г. и законом о финансах 1980 г., разрешала местным органам власти, новым городам и корпорациям городского развития использовать схему зоны предпринимательства в специально отведенном для нее районе в пределах подведомственной им территории. В границах этого района предусмотрен комплекс налоговых льгот и административных послаблений сроком на 10 лет с момента создания зоны. В частности, в этих зонах будет действовать упрощенный режим определения землепользования с минимальными требованиями к охране здоровья и безопасности; новые и существующие коммерческие и промышленные предприятия освобождаются от налога на имущество и налога на землепользование (впоследствии отмененного повсеместно); они имеют право возмещать расходы на строительство в рамках налога на корпорации. Сильно снижаются требования по производственному обучению и статистической отчетности»¹¹⁰. Однако многие наиболее радикальные элементы первоначального плана Холла не были учтены; это, в частности, «свободное перемещение рабочей силы, поощрение иммиграции предпринимателей, общее освобождение от требований текущего законодательства, включая все законы о поддержании занятости». На первом этапе, в 1980—1981 гг., были утверждены 11 зон, в том числе известный лондонский Район доков, а на втором этапе, в 1983—1984 гг., к ним добавились еще 13¹¹¹. Как считал Холл, это было упражнение по превращению радикальной идеи в нечто безобидное¹¹².

Как мы уже говорили, государственная политика, расистские махинации многих местных сообществ, государственных учреждений и частных организаций, а также отток бизнесменов и инвестиций низвели значительные городские районы США на уровень неприкасаемых. Состоятельные белые считали опасным для себя посещать такие кварталы, а зажиточные пригороды часто были — но по другим причинам — закрыты для чернокожих. В направленном Конгрессу докладе администрации Джимми Картера «Национальная городская политика» от 1980 г. отмечалось, например, что чернокожие непропорционально сконцентрированы в центральных городских районах, несмотря на общую тенденцию переселения в пригороды. В каждом регионе (Северо-Восток, Центральный Север, Запад и Юг) доля чернокожих в пригородах очень низка¹¹³.

В докладе Жилищной комиссии президента Рейгана от 1982 г. официальная позиция выражена наглядно и образно: «Государственные строительные программы, разработанные для помощи бедному населению больших городов, страдали ныне явно видимыми ошибками: огромные здания возвышаются на фоне городского ландшафта подобно безликим пакгаузам, а скученные в них обитатели со временем морально деградировали, начали преступать закон и приходили в отчаяние из-за крушения своих надежд»¹¹⁴.

Более предметную оценку того, к чему шло государственное жилищное строительство начиная с 1930-х годов, дает Делорс Хэйден: «Поскольку государственное жилищное строительство стало считаться средством удовлетворения нужд беднейших городских слоев за государственный счет, кварталы социальных домов тоже неизбежно стали восприниматься не как местные сообщества, а как некие отстойники»¹¹⁵. Эти социальные дома и их обитатели, в подавляющем большинстве бедные представители этнических меньшинств, были оплетены паутиной расизма, сегрегации, деловых и прочих групповых интересов, а также зачастую враждебного отношения государственных учреждений.

В США идею зон предпринимательства как нового средства решения этих, казалось бы, неразрешимых проблем привез Стюарт Батлер, перешедший в 1979 г. из лондонского Института Адама Смита в Фонд «Наследие». Эта идея представляла собой одно из средств решительно изменить саму направленность дискуссии по городским проблемам: «Зоны предпринимательства... изменили общепринятый взгляд на то, как нужно развивать города, полностью отошли от принципов таких программ, как «Образцовые города» и «Городская реконструкция», или, как они ее прозвали, «негритянская депортация». Да, именно так это называлось в начале 70-х годов, потому что по сути так оно и было, т.е. дома просто сносили, а людей отселяли. Именно это делали в Детройте... Вот что тогда происходило»¹¹⁶.

Как же возникли зоны предпринимательства в США? В Англии эти зоны рассматривали как способ вдохнуть новую жизнь в городские районы, которые по большей части потеряли практическую привлекательность и пришли в запустение, поскольку из них ушло прежнее промышленное и прочее производство. Применительно к США Батлер видел возможность

возродить с помощью таких зон «убитые» жилые кварталы. По его утверждению, сам он, думая о приложении английской версии к американскому контексту, руководствовался идеями Хайека и урбаниста-теоретика Джейн Джейкобс: «В Англии главная мысль состояла в том, чтобы взять запустелые районы городов, такие, например, как лондонский Ист-энд, где действительно было уже не очень много народа, почти полупустыня, все там убрать, в некоторых случаях в буквальном смысле убрать и сказать: а почему бы нам вообще не убрать еще и запреты, препятствия и налоги, а потом пригласить бизнесменов, чтобы они там все заново устроили. Вот это говорил Питер Холл, потому что был «планировщиком без плана»... Это привлекло большое внимание, эту идею усвоил Джефффри Хоу, а я сказал себе: отлично, и я возьму эту идею и попробую применить к чему-нибудь другому, к чему-нибудь не такому. Возьму-ка я какой-нибудь Южный Бронкс, который отнюдь не Ист-энд, не полупустыня... Куда там! Здесь еще масса народу»¹¹⁷. Батлер в первую очередь думал, как подключить к делу дух предпринимательства, который, по его убеждению, уже присутствовал в подобных районах. И замысел его был иной: вместо того чтобы создавать зону предпринимательства и приглашать извне бизнес, который ею займется, нужно стимулировать создание новых форм партнерства, условий, которые сделают местных жителей продуктивными производителями, а не, как нередко бывает, отъявленными преступниками.

«Речь не о том, чтобы налаживать там промышленное производство. Нет, подумаем о другом: что нужно сделать, чтобы использовать ту теневую экономику, которая там наверняка есть, — знаете, когда люди делают что-то по схеме «из кармана в карман», бывает, не очень приглядные вещи, иногда просто незаконные, — и давайте создадим условия, когда будет гораздо выгоднее — ну, скажем, если человек частным образом торгует машинами или держит нелегальную автомастерскую, — так вот, когда ему будет выгоднее официально зарегистрироваться, открыть легальную мастерскую и хорошо зарабатывать, поскольку он свое дело знает... Давайте возьмем цокольный этаж в социальном доме, сделаем в нем настоящий магазин, и пусть человек официально его держит. Но существуют правила, ну, например, что нельзя открыть магазин в жилом доме. Конечно, мы это изменим. Есть налоговое ограничение для этого дома, в котором никому ничего нельзя делать, пока

жильцы не выплатят сто тысяч долларов налога, а дом тем временем ветшает. Давайте все это отменим и просто начнем все заново. Вот то новое, что я предлагаю. Я взял идею, американизировал ее и, думаю, это отличная вещь, чтобы много чего сделать. То есть если берешь идею, она не остается в том же виде, как была. Ее нужно применять и корректировать». Батлер хотел создать в этих районах такую атмосферу, которая позволила бы людям раскрывать свой потенциал с помощью механизмов свободного рынка и поддерживалась за счет этого. Он опирался на идеи Хайека, критиковавшего планирование и верившего в жизненную силу рынка, и связывал их с урбанистическими теориями Джейкобс.

320

«Другая основа этой моей концепции зон предпринимательства — это Джейн Джейкобс с ее идеями об американских городах. Я прочитал ее книгу, и она меня полностью убедила. Я задумался о том, как же практически реализовать эту очень хайековскую, свободную от планирования, идею о волнах перемен в городах. Знаете, не стоит пытаться представить, как все это будет, и стараться с нуля построить в уме картину того, как все будет лет через двадцать. Нет, нужно просто запустить процесс. Нельзя ведь знать, кто будет держать вот этот продовольственный магазин через десять лет; нужно просто, чтобы этот магазин открылся. Поэтому в чисто концептуальном плане я сравнил это с американским движением на Запад. Если почувствуешь дух первопроходцев и узнаешь их историю, то поймешь, что такое движение к новым рубежам. Все меняется, когда люди сталкиваются с разными обстоятельствами, и со временем появляются новые вещи. Я ведь во многом американец, у меня докторская степень по американской истории, и поэтому у меня и возникло это представление, возникла эта идея, что, когда думаешь городе, нужно думать о волнах перемен, возникающих от того, как люди реагируют на новые рубежи. Поэтому в идейном плане у меня и хайековские корни, и американские». Идеи Батлера повлияли на таких консерваторов, как конгрессмен Джек Кемп. Но вообще они нашли широкое признание, поскольку их одобрял, например, конгрессмен-демократ Роберт Гарсиа и поддерживал целый ряд организаций по месту жительства, представлявших чернокожее население.

Идея зон предпринимательства пользовалась успехом в американских политических кругах. Батлер рассказал, как

его идея обрела поддержку за пределами узкого круга исследователей и политологов из Фонда «Наследие»: «В конце 1979 г. я написал для «Наследия» статью, просто чтобы объяснить, насколько это хорошая идея. Ею, в частности, заинтересовался [Джек] Кемп, и тогда я стал говорить с другими людьми, ездить по стране, установил контакты с администрацией и Рейганом, когда он пришел в 1980 г. Ведь жилищные ваучеры для бедных — это, в сущности, тоже его городская политика, тоже рыночный механизм, как и у меня. Помню, он приехал в Южный Бронкс и там его сфотографировали вместе Кемпом. Я работал с администрацией, они готовили законопроект, который был очень близок к принятию и потом, при Клинтоне, стал законом, — правда, в несколько разбавленном виде. Первые зоны мы создали в Коннектикуте при содействии властей штата, и опять же это не была чистая версия. Но главное, как бывает и со многими идеями относительно мероприятий в области социальной политики, это не просто некая мера, а то, что она меняет отношение людей к центральным районам, и американцам это было очень интересно, потому что консерваторы сотрудничали с организациями чернокожих из центральных районов и говорили: да, эти люди действительно могут что-то делать, — я имею в виду, что не нужно их оттуда выселять. То есть я хочу сказать, что это настроение шло вразрез с попытками отсрочить голосование по законопроекту в комитетах. А замысел был таким же элегантным, интересным и ярким, как продажа государственного жилья, поскольку перед нами стоял такой же вопрос»¹¹⁸. Администрация Рейгана поддержала законопроект Кемпа—Гарсии, но, несмотря на поддержку Белого дома, законопроект не прошел в Конгрессе, где тон задавали демократы. Он был отклонен незначительным большинством голосов. Однако многие штаты, начиная с Луизианы в 1981 г., приняли свои версии зон предпринимательства, а при Клинтоне одна из версий концепции стала федеральным законом под названием «Надежда VI».

«Надежда VI», программа городской реконструкции и «третий путь»

Жилищная программа «Надежда VI», запущенная в 1993 г., служит примером того, как новая, испытавшая неолиберальное

влияние жилищная политика, начатая при Рейгане, была продолжена Демократической партией под руководством президента Билла Клинтона. В Англии похожие эксперименты с развитием местных сообществ и смешанными формами владения недвижимостью, такие, например, как «долевое строительство», тоже свидетельствуют о подобном процессе; он нашел выражение в жилищной программе, которую в 1990-х годах осуществлял лидер лейбористов и премьер-министр Тони Блэр в рамках «третьего пути». «Третий путь» был попыткой левых или „либеральных“ политиков во главе с Клинтон и Блэром привлечь свободный рынок к решению проблемы социальной справедливости¹¹⁹. Их намерения часто критиковали за расплывчатость и невыразительность, но доступное жилье и городская политика — это вполне конкретные примеры действий политиков «третьего пути», пытавшихся использовать то, что в 1980-е годы считалось успехами свободного рынка.

В 1988 г. сформированная Конгрессом Национальная специальная комиссия по жилищному строительству представила доклад, обращавший внимание на огромный разрыв между имущими и неимущими в США. Выражая несогласие с общей политикой администраций Рейгана и Буша, доклад призывал к немедленным действиям. Америка очень богата, говорилось в нем, но неравенство уже перешло границы допустимого для цивилизованного и сострадательного общества. В докладе решительно отвергалась политика *laissez faire* 1980-х годов. «Жилищные проблемы бедных, — утверждал доклад, — не могут быть решены одной лишь рыночной системой и выпали из поля зрения общества»¹²⁰. Обращаясь к задачам Закона о жилье 1949 г., комиссия отмечала, что если большинство, две трети, американцев смогли воспользоваться значительной федеральной помощью при приобретении жилья, то оставшееся значительное меньшинство, особенно чернокожие, ее не получили. Комиссия рекомендовала принять «Программу жилищных возможностей», чтобы «подкрепить и стимулировать инициативы штатов и местных властей по строительству, обновлению и сохранению жилья для бедных»¹²¹.

Уже упоминавшиеся участники Проекта жилищной политики Массачусетского технологического института, Даунс, Кейес и Дипаскуале, в том же году, когда появился доклад комиссии, тоже выразили мнение, что социальная политика должна быть глобальной, объединяющей все измерения,

и только таким путем можно добиться того, чтобы появилось достойное и доступное жилье для каждого. В знак того, что политическая повестка в отношении дешевого жилья изменилась, и в ответ на выводы специальной комиссии Конгресс в 1989 г. создал Национальную комиссию по остропроблемному государственному жилью. Комиссия пришла к заключению, что государственное жилищное строительство «систематически создавало районы изоляции, отчуждения и страха, лишённые сколько-нибудь заметного социального взаимодействия по месту жительства»¹²². По оценкам комиссии, из 1,3 млн государственных жилых единиц около 86 тыс. являлись остропроблемными и требовали комплексных мер в целях решения проблем, специфически характерных для этих мест проживания. На основании выводов комиссии Конгресс осенью 1992 г., незадолго до избрания Билла Клинтона, принял Демонстрационную программу городской модернизации, известную как «Надежда VI». Программа предусматривала решение следующих основных задач: «Улучшение жилищных условий жителей остропроблемных государственных домов путем сноса, ремонта, перепланировки или замены таких строений (или их частей); реконструкция участков, на которых размещены эти дома, и улучшение общего состояния данного квартала; создание жилищных условий, которые препятствуют концентрации семей с очень низкими доходами или снижают ее; создание жизнеспособных коммун»¹²³. Конгресс ассигновал 5 млрд долл. на программу, которая должна была финансировать планы местных жилищных управлений, включающие 500 жилых единиц, путем выделения грантов в объеме до 50 млн долл. Общая задача состояла в том, чтобы снести самые плохие высокие и густонаселенные здания, заменив их застройкой, предназначенной для людей с разными доходами, менее плотно заселенной, способствующей укреплению соседских связей и наращиванию социального капитала. Тем самым предполагалось снизить концентрацию бедности, и при Клинтоне программа сформировала мировоззрение «нового урбанизма». По словам эксперта в области градостроительной политики Эдварда Гетца, «новый урбанизм предлагает комплексный подход к общей планировке и архитектуре жилых районов. В плане ландшафтной планировки предусматриваются более узкие улицы, а также тротуары, парки и места для общественных мероприятий; улицы располагаются

так, чтобы объединять жителей, а не разделять их. Узнаваемое, четко размеченное (а потому проще охраняемое) пространство (например, газоны и лужайки, окруженные живыми изгородями или заборчиками) облегчает задачу наблюдения за придомовыми участками»¹²⁴. Одним из главных приоритетов политики Министерства жилищного строительства в 1990-е годы стало определение правильного соотношения прав и обязанностей в местных коммунах, — ключевой аспект концепции «третьего пути»¹²⁵. Это создавало дополнительные стимулы решать некоторые культурные проблемы, связанные с бедностью и неустроенностью, путем повышения персональной ответственности, скажем в такой задаче, как изгнание наркомании и других форм преступности из государственных жилых домов и новых кварталов, созданных по программе «Надежда VI».

В дополнение к «Надежде VI» администрация Клинтона поощряла деятельность корпораций развития местных сообществ, которые появились в конце 1960-х годов. Это были некоммерческие группы, создававшиеся для оживления и модернизации бедных и небогатых районов путем предоставления рабочих мест и доступного жилья. В 1990 г. президент Джордж Буш-старший признал ценность вклада этих организаций: был принят закон о сохранении доступного жилья и о владении собственным жильем, предусматривавший выделение средств для этих некоммерческих групп. Корпорации обычно имели смешанный состав из «граждан, духовенства и бизнесменов» и действовали при поддержке государственных учреждений и местных организаций. Историк-урбанист Александр Фон Хоффман пишет о них так: «Небольшие организации в центральных районах делали все, что в их силах, для исправления отчаянного положения в своих кварталах. Они требовали от властей вернуть те городские услуги, которые были отменены. Они организовывали наблюдение за преступностью и сотрудничали с местной полицией. Многие строили новые дома или покупали и ремонтировали старые, изгоняли наркodelьцов, приводили в порядок квартиры и сдавали малоимущим. Некоторые группы помогали начать или расширить бизнес. Другие предлагали услуги по уходу за детьми, профессиональной подготовке или лечению от наркомании. Наконец, были группы, которые открывали в своих районах больницы. А некоторые даже открывали школы»¹²⁶. Многие такие

организации финансировались по программе «Надежда VI». Однако в своей деятельности они руководствовались стремлением привлечь частную благотворительность и частные инвестиции. При посредстве Корпорации поддержки местных инициатив, некоммерческой организации, которая занималась возрождением городских районов и получала деньги от Фонда Форда, корпорации коммунального развития имели право предоставлять налоговые льготы согласно Постановлению о налоговом кредите по строительству жилья для малоимущих и поэтому были очень привлекательны для потенциальных инвесторов. Лозунгами этих организаций были партнерство и оживление. В 1990-е годы их число стремительно выросло; по сведениям Ван Хоффмана, после 1990 г. было основано свыше 4 тыс. корпораций. В середине десятилетия они производили и предоставляли около 60 тыс. жилищ в год¹²⁷.

Подобно политике Клинтона и новых демократов, в 1990-е годы политика английских лейбористов в отношении малообеспеченных групп тоже строилась вокруг принципов партнерства, жизнеспособности, разнообразия и выбора. Первоначально по программе целевого выделения капитала правительство в первые три года ассигновало 1,3 млрд фунтов на реконструкцию наличного жилого фонда¹²⁸. В дополнение к этому еще 3,9 млрд фунтов были выделены муниципальным властям на накопившиеся неотложные работы по ремонту и обновлению, необходимые для многих из 1,5 млн жилых единиц, все еще остававшихся в ведении муниципалитетов. Также был сделан акцент на «интегрированное» обеспечение жильем и сопутствующими услугами с помощью более совершенного управления задачами социальной политики. С этой целью лейбористское правительство создало Управление по жилищному надзору, которое должно было осуществлять контроль за соблюдением стандартов в сфере предоставления услуг.

В 1997—2000 гг. лейбористское правительство, сознательно подражая «Надежде VI» и другим жилищным программам эры Клинтона, проводило политику, нацеленную на государственное жилье смешанных форм владения и низкой плотности заселения в комбинации с предоставлением сопутствующих услуг. Но под эту программу изначально не было ресурсов и инвестиций, адекватных новым акцентам, поскольку лейбористское правительство сохранило верность жестким планам государственных расходов, разработанным консерваторами

в лице министра финансов Кеннета Кларка. Однако общая направленность политики лейбористов была очевидна: она должна была строиться на тех же принципах, которые были приняты в США. Правительственная Белая книга «Планирование городских районов будущего» заявляла: «Правительство намерено всюду, где условия это позволят, создавать смешанные районы, а не районы с одним только дорогим жильем или с одним только дешевым»¹²⁹. Однако, как заметил в 2000 г. Бен Джэпп, «реальные дела, естественно, сильно не поспевают за красивыми обещаниями»¹³⁰.

Заключение

Многие факты свидетельствуют, что между политикой демократической администрации Картера и лейбористского правительства Джеймса Каллагэна, с одной стороны, и политикой их преемников из Консервативной и Республиканской партий — с другой, существовала преемственность. Данное обстоятельство делает весьма спорным любое упрощенное представление, согласно которому после 1979 г. произошли революционные перемены. Что действительно изменилось при Тэтчер и Рейгане, — это риторика и расстановка идеологических акцентов государственной политики. Даже в тех случаях, когда дальнейшие инициативы опирались на очевидные прецеденты в действиях прежних правительств, программы новых режимов объявлялись чем-то совершенно небывалым. Если прежние программы основывались на «всеобщем убеждении, что все проблемы можно решить только при условии, что правительство поставит правильные цели и будет проводить верную политику», то доклад Жилищной комиссии при Рейгане за 1982 г. торжественно провозгласил «совершенно иное убеждение, а именно: гений рыночной экономики, освобожденной от искажающего воздействия государственной жилищной политики и предписаний, изменчиво переходивших от расположения к враждебности, решит жилищные проблемы гораздо лучше федеральных программ»¹³¹. Отныне американская и английская жилищная политика исходила из допущения, что «ничто не сработает, если за дело не возьмется частный сектор»¹³².

В конце 1980-х — начале 1990-х годов произошли важные изменения политики в сфере доступного жилья и городского

развития, вызванные влиянием неолиберальных идей. Утвердился — если не навсегда, то, во всяком случае, весьма основательно, — новый набор политических парадигм о превосходстве рынка в деле генерирования позитивных социальных последствий. Лейбористская партия, находившаяся в оппозиции все 1980-е годы и большую часть 1990-х годов, вплоть до 1997 г., нехотя признала, что продажа муниципального жилья была популярна, успешна и выгодна, — по крайней мере для тех, кто купил его по низким ценам, а таких людей к 1990 г. набралось больше миллиона¹³³. В США в оппозиции находились демократы, и апологеты государственного жилищного строительства, как и в Англии, почти совершенно исчезли. Во-первых, снижение налогов оставило в явном меньшинстве тех, кто в 1980-х годах выступал за крупномасштабное жилищное строительство. Во-вторых, сведение государственного жилищного строительства к минимуму в США было завершено, а в Англии дело явно шло к тому же самому. В-третьих, частное владение жильем стало ключевой целью жилищной политики. В США эта цель неизменно присутствовала, хотя в конце 1980-х годов рост удельной доли собственников жилья впервые за 70 лет остановился вследствие кризиса доступности жилья¹³⁴. Наконец, по обе стороны Атлантики восторжествовал упор на частный сектор и рынок как первоочередной движитель жилищной политики. Этому способствовала пропагандистская деятельность трансатлантического неолиберального сообщества, описанная в главе 4.

О подобной трансформации свидетельствуют поведение Демократической и Лейбористской партий, практика правительств Билла Клинтона и Тони Блэра в 1990-х годах и их попытки выстроить «третий путь» в жилищной политике. При двух назначенных Клинтонем министрах, Генри Сиснеросе и Эндрю Куомо, Министерство жилищного строительства и городского развития проводило в жизнь три принципа того, что потом было названо «третьим путем», — использования рыночных механизмов в социальной политике, направленной на достижение социальной справедливости. Во-первых, сочетая выделение ресурсов и денег с решительными мерами против наркотиков и преступности, администрация осуществляла программу, которая была основана на балансе прав и обязанностей и призвана умерить слишком сильное доверие к рынку. Инвестиционные и восстановительные проекты четко

увязывались с личной ответственностью и самостоятельностью бенефициаров. В частности, «Надежда VI» осуществлялась в русле основной задачи социальной политики администрации после 1994 г. — реформы системы социального обеспечения. Во-вторых, в основе жилищной политики Клинтона лежала идея широкого сотрудничества, в особенности привлечения к партнерству частного и благотворительного секторов; исходным пунктом стали те представления, которыми Демократическая партия руководствовалась со времен программы Война с бедностью Линдона Джонсона, подразумевавшей максимально возможное соучастие и совместные действия. Тема партнерства звучала и в заявлениях республиканцев по вопросу жилищных пособий, особенно при Буше-старшем. Клинтон во многих отношениях продолжил путь в направлении, которое было общим для обеих партий в 1990-е годы. Наконец, включенное в «Надежду VI» требование, что жилищные проекты должны предусматривать набор социальных услуг, предназначенных для жителей, и сочетаться с программой «От социального пособия к труду», озаменовало собой новый, комплексный и подход к жилищному обеспечению, основанный на местных сообществах, который, как мы видели, сложился в конце 1980-х годов. Совокупность этих трех сфер составляет суть того, что Клинтон и Блэр стали называть «третьим путем» в обеспечении социальным и недорогим жильем. После 1997 г. правительство новых лейбористов в основном продолжило этот путь.

Представлял ли собой «третий путь» нечто большее, чем примирение с рыночными реформами 1970—1980-х годов, — вопрос открытый. В США Клинтон не изменил основную тенденцию жилищной политики, существовавшую при всех администрациях начиная Великого общества Джонсона, — тенденцию к введению различных форм субсидирования малоимущих для аренды жилья в частном секторе. В Англии правительство Блэра не стало восстанавливать программы массового строительства доступного жилья. И в той и в другой стране политика обеспечения жильем семей с низкими и невысокими доходами по-прежнему ограничивалась четкими рамками: реконструкцией наличного жилищного фонда и пособиями для аренды частного жилья. Если Клинтон и Блэр и добавили что-нибудь новое, то скорее слова, чем дела. Их политический словарь пополнился терминами сотрудничества по месту

жительства и жизнеспособности, а частичный успех программ, подобных «Надежде VI», хоть и свидетельствовал о возможности дальнейшего улучшения, но совершенно ясно, что это улучшение не могло быть достигнуто без масштабных инвестиций и готовности иметь дело со *всеми* беднейшими гражданами. И столь же ясно, что такой готовности ни у политиков, ни у общества в целом не было.

Все попытки республиканских и консервативных правительств побудить частный сектор предоставлять дешевое жилье в арендном жилищном сегменте оказались явно неудачными. По обе стороны Атлантики опора на рыночные методы не решила трудные проблемы бездомности, бедности и охраны здоровья. Как следствие, в США и в Англии возник острый дефицит доступного жилья. Поскольку государство не вмешалось, чтобы обеспечить адекватное спросу предложение, в течение 1990-х годов кризис только усугублялся. Роль государства в жилищной сфере принципиально изменилась, и к 2000 г. была осознана вся глубина этой перемены. В новых условиях полномочия, права и обязанности жильцов сочетались с рыночными механизмами и разнообразными партнерствами при участии государственного, частного и благотворительного секторов при смешанных формах владения жильем. Государству отводилась в основном роль куратора и посредника, помогающего людям и местным сообществам лишь в узких рамках того, что правительства предположительно могут себе позволить. Неолиберальная вера в рынок, нашедшая выражение в идеях Стюарта Батлера, смягчила коллективистский импульс в английской и американской социальной политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наследие трансатлантического неолиберализма: политика, основанная на вере

Неолиберализм трансформировал английскую, американскую и мировую политику. На заре XXI в. триумф свободного рынка был почти повсеместно признан ведущими политиками и государственными должностными лицами. Что еще важнее, специфически неолиберальная версия свободного рыночного индивидуализма возобладала над альтернативными формами управляемого рыночного капитализма.

Неолиберализм представлял собой радикальную форму индивидуализма, которая возникла перед Второй мировой войной как реакция на новый „либерализм“, прогрессизм, Новый курс и усиление нацистов и коммунистического тоталитаризма. Все перечисленные течения неолибералы собирательно называли «коллективизмом». В 1947 г. экономисты, группировавшиеся вокруг Фридриха Хайека, решили создать Общество Мон-Пелерен. Начиная с этого основополагающего момента неолибералы в Англии, континентальной Европе и США давали свои ответы на глобальные социальные, политические и экономические катастрофы межвоенного периода и проблемы начавшейся холодной войны. Они углубляли и расширяли свой идеологический проект противостояния Новому курсу и социальной демократии, проект, основанный на вере в достоинства свободного рынка, дерегулирования и ограниченного правления. Коллективные травмы депрессии и войны создали в обществе и в политических кругах устойчивое убеждение в необходимости социального государства и применения неокейнсианской экономической политики для обуздания крайностей капитализма. После 1960-х годов в Англии и в США тенденция к усилению роли государства и его вмешательства в экономику продолжала сохраняться и в то время, когда структурные условия, способствовавшие

этому явлению, начали исчезать. В результате встал вопрос, действительно ли управление спросом и увеличения расходов на социальные нужды было адекватным политическим решением для проблем 1970-х годов.

330

В последнюю треть XX в. волны глобализации привели к деиндустриализации многих английских и американских городов. Старые отрасли, например угольная и кораблестроительная, приходили в упадок, и после болезненного перелома их место занимали новые отрасли сферы услуг. В 1913 г. на промышленность приходилось 44,8% всех рабочих мест в Англии и 29,3% в США. В 1984 г. эти цифры составляли 32,4% для Англии и 28% для США; за тот же период число занятых в сфере услуг выросло с 38,4 до 68,7% в США и с 44,2 до 65% в Англии¹. Новые отрасли, как правило, не имели профсоюзов, предлагали меньше льгот и нередко платили просто минимальную зарплату. Но, несмотря на эти недостатки, новые отрасли превозносились адептами свободного рынка «во имя гибкости рынков труда». В то же время левые и правые правительства посредством финансового дерегулирования сделали возможной глобализацию капитала.

С 1950-х по 1980-е годы ВВП Англии более чем удвоился, а ВВП США почти удвоился². Но в течение последних двух десятилетий XX в. неравенство (разрыв между богатыми и бедными), количество бедных и бездомных возросли³. В первые послевоенные годы безработица, судя по всему, перестала быть крупной проблемой, но после 1970-х годов нанесла ответный удар. Инфляция тоже подняла голову, пока не была укрощена, по крайней мере в США, бескомпромиссными действиями центральных банков и податливых политиков в начале 1980-х годов. В Англии безработица и инфляция вновь заявили о себе во время очередной глубокой депрессии, к тому времени, когда Тэтчер была вынуждена подать в отставку в октябре 1990 г. В 1980-е годы значительная часть системы социального обеспечения смогла пережить попытки Тэтчер и Рейгана демонтировать эту систему⁴. Что же касается государственных расходов, то они в течение всего послевоенного периода демонстрировали устойчивую тенденцию к росту. В США они увеличились в 39 млрд долл. в 1949 г. до 1,3 трлн долл. в 1990 г., а в Англии за тот же период примерно с 3,5 млрд до 158 млрд ф. ст.⁵

В ответ на все эти перемены неолиберальные технократы, такие как Алан Гринспен и Найджел Лоусон, продвигали, опираясь на электоральные успехи своих одаренных лидеров, программу, основанную на убеждении, что рынки освободят индивида от вредоносного вмешательства государства. Рыночные реформы, считали они, значительно повысят эффективность за счет высвобождения энергии человеческой инициативы. Рынки обойдутся дешевле и принесут более приемлемые социальные результаты. А произойдет это постольку, поскольку рынки лучше учитывают то, что реально движет людьми, — личный интерес и индивидуальное стремление к счастью. Тем самым в глазах неолибералов профсоюзы стали силой, враждебной обществу, ибо их деятельность вела к «деформированию» рынка труда. Гражданин же рассматривался преимущественно как потребитель, чьи желания и нужды, включая самые важные, — жилье, медицинское обслуживание, образование, пенсионное обеспечение — можно лучше удовлетворить с помощью освобожденных рыночных сил.

331

В результате произошло слияние чисто технических аспектов анализа социально-экономической политики с идеологической догматикой, выстроенной на допущении превосходства рыночных механизмов в решении любой социально-экономической проблемы. Эта общая рыночная философия была умело оформлена и преподнесена идеологическими предпринимателями из трансатлантического неолиберального сообщества. Когда экономические кризисы 1970-х годов, казалось, окончательно подтвердили крах послевоенной кейнсианской системы, неолиберальные идеи уже ждали своего часа. Как сказал Фридмен, «роль ученых-теоретиков, я полагаю, состоит прежде всего в том, чтобы поддерживать открытость выбора, иметь наготове запасные варианты, с тем чтобы в тот момент, когда грубая сила событий делает перемены неизбежными, альтернативный вариант изменения уже существовал»⁶. Неолиберальное сообщество находилось в полной готовности. Будучи подлинно трансатлантическим предприятием, оно в 1980-х годах становилось все более интернациональным благодаря деятельности таких организаций, как Фонд «Атлант» и Общество Мон-Пелерен. Оно объединяло аналитические центры, бизнесменов, ученых, журналистов и политиков. Некоторые центры, например Институт экономических дел Ральфа Харриса и Артура Селдона, рассматривали

себя как серьезные научные организации, призванные разрабатывать новые способы политического приложения неолиберальных рыночных идей. Другие, например Фонд экономического образования Леонарда Рида, воспроизводили неолиберальные идеи в упрощенной форме и внедряли их в политический мейнстрим.

Энергия и в первую очередь космополитическая природа неолиберальных идей способствовали их распространению за пределы тех мест, где они возникли в период между мировыми войнами, — Вены, Фрайбурга и Лондона. По словам президента Института Катона Эда Крейна, либерализм легко преодолевает границы, а консерватизму это затруднительно⁷. На второй фазе, после 1945 г., неолиберализм отошел от своей исходной позиции, сосредоточенной на критике тоталитаризма и Нового курса, и стал влиятельным трансатлантическим политическим движением под простым лозунгом: превосходство рынка по сравнению со всеми формами государственного вмешательства или коллективизма. В отличие от других трактовок неолиберализма я понимаю его как одновременно интеллектуальное и политическое движение за определенные социальные и экономические перемены. Фокусируясь на его развитии совершенном прорыве в политику, мое понимание неолиберализма выходит за рамки его трактовки как конкретного интеллектуального движения 1930—1940-х годов или как безличной и глобальной господствующей силы.

Если иметь в виду конкретные прозаические вещи, то трансатлантическая неолиберальная политика добилась очевидного успеха в изменении допущений, лежащих в основе здравого смысла людей, определяющих социально-экономическую политику в Англии и США, когда им пришлось столкнуться с социально-экономическими проблемами, — особенно после ухода Маргарет Тэтчер с поста премьер-министра. Сформировался набор штампов, общий для всего политического спектра, для демократов и лейбористов, для республиканцев и консерваторов. Вот характерные примеры. Потребители голосуют ногами, когда одно покупают, а другое не покупают. То, что стоит своих денег, эффективно доставляется дисциплиной рынка для удовлетворения пожеланий потребителя. Равновесие достигается с помощью ценового механизма, который действует как информационный процессор Хайека, координирующий действия разрозненных продавцов

и производителей. Иными словами, рынок направляет ресурсы туда, где они используются наиболее эффективно и производительно. Эффективность можно обеспечить лишь за счет стимулов, органически присущих самим рынкам; поэтому рынки должны поставлять все необходимое и государственным системам, и частным компаниям. Структура стимулов, прибыль и убыток, удовлетворение покупателя — всё это ценности, которыми должны руководствоваться государственные службы, как руководствуются ими частные предприятия. Эти средства от всех напастей не только направляли социально-экономическую политику в Англии и в США начиная с 1980 г. После разрушения Берлинской стены в 1989 г. они еще и экспортировались во многие другие страны.

На третьей фазе истории неолиберализма эти базовые идеи были распространены на международную торговлю и экономическое развитие; «структурные реформы» в соответствии с требованиями рынка стали священным граалем для экономистов и разработчиков экономической политики в МВФ, Всемирном банке, ВТО и для других региональных и глобальных организаций. Колонизация международных институтов неолиберальными идеями несла с собой логику утверждений Милтона Фридмена о взаимосвязи экономической и политической свободы. По словам консультанта президента Рейгана Аннелиз Андерсон, «Папа [Иоанн Павел II] считал, что без экономической свободы люди не могут быть свободными в других отношениях»⁸. Успех «Солидарности» в Польше и высказывания Папы в поддержку свободного предпринимательства ознаменовали начало признания рыночного евангелия в бывших странах советского блока. За пределами Восточной Европы убеждение в неразрывной связи экономической и политической свободы объединяло таких разных лидеров, как Рейган, Тэтчер, немецкий канцлер Гельмут Коль, французский министр финансов и председатель Еврокомиссии Жак Делор и фактический руководитель Китая Дэн Сяопин.

Столь впечатляющие успехи неолиберальной политики показали, сколь сильна может быть твердая вера в рынок как лучший механизм распределения ресурсов. Однако эта приверженность рынку редко подвергалась детальному эмпирическому анализу и критике. Видные профессиональные экономисты скептически относились к теориям общего равновесия или рациональных ожиданий, но их предупреждения, как

правило, не привлекали внимания. И когда социальное неравенство, рост нищеты и обездоленности, характерные для XIX в., вернулись в Англию и США после более чем столетнего роста средних доходов, политики и чиновники продолжали вести себя так, словно были заколдованы нежеланным для Карла Поппера «божеством», свободным рынком⁹. Им становилось все труднее мыслить иначе об экономике и обществе.

Параллели: место трансатлантической неолиберальной политики в истории

А ведь все могло сложиться по-другому. Лидеры Лейбористской и Демократической партий в 1960—1970-х годах первыми начали применять ключевые неолиберальные идеи. Президент Джимми Картер, глава Федерального резерва Пол Волкер, министр финансов Денис Хили и премьер-министр Джеймс Каллагэн в 1970-х годах переходили к другому роду макроэкономического управления. Их правительства выступали в поддержку различных форм дерегулирования. А эксперименты с привлечением частного сектора к участию в обеспечении жильем и городской реконструкции начались даже раньше, в 1960-х годах (в частности, в США при Кеннеди и Джонсоне). При других обстоятельствах лейбористы и демократы вполне могли бы вновь победить в конце 1970-х годов. Если бы Лейбористская партия вошла в 1980-е годы под руководством умеренного Дениса Хили или, если бы не случилась Фолклендская война, лейбористы, возможно, получили бы поддержку избирателей на фоне глубокой рецессии, которую породила экономическая стратегия консерваторов. И если бы второй нефтяной шок не случился перед иранским кризисом с заложниками, Джимми Картера, наверное, не стали бы несправедливо обвинять за «болезненное состояние» страны¹⁰. Главные роли сыграли везение и историческая случайность.

При оценке исторического значения трансатлантической неолиберальной политики и ее наследия наибольшую важность имеют два момента. Первый — неолиберальная теория (и практика) государства. Можно считать несомненным, что неолибералы только на словах принижали роль государства, а на самом деле им были нужны активные действия

государства, чтобы изменить баланс между государством и рынком в пользу последнего. После избрания Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана на смену ограниченным переменам в политике и макроэкономическом управлении пришла новая и целостная господствующая политическая философия, основанная на неолиберальной вере в рынок. Ясно, что в конце 1970-х годов политику нужно было менять, и, как мы видели, Картер и Каллагэн изменили свои экономические программы и сосредоточились на сокращении государственных расходов и борьбе с инфляцией. Но каковы бы ни были намерения пришедших им на смену консерваторов и республиканцев, увлечение неолиберальной философией ничем не сдерживаемого рынка принесло очевидную выгоду одним сегментам общества за счет других: одни выиграли, другие проиграли. Бедные и малоимущие часто проигрывали, а представители среднего и верхнего классов, напротив, выигрывали от таких мер, как снижение подоходного налога, предоставление персональных субсидий (например, в виде вычета уплаченных процентов по ипотеке из подоходного налога), безжалостное дерегулирование, приватизация государственных активов и национализированных отраслей, «просачивание» методов экономической теории предложения и дружественная бизнесу экономическая политика.

Возвышение неолиберальной теории государства заметно повлияло на государственную и общественную сферы. Предпринятая Хайеком критика государственного планирования высветила самонадеянную недалекость патерналистски настроенных политических и государственных элит. Он утверждал, что положительные достижения государственной политики гораздо чаще были результатом счастливого случая, т.е. наличия одаренных и добросовестных политических лидеров и должностных лиц, чем следствием каких-либо объективных достоинств самих систем государственного управления. Если таких людей не было, а порой даже если они и были, результаты, полагал Хайек, получались в лучшем случае неудовлетворительные. Убедительная критика Милтона Фридмена в адрес претензий кейнсианского управления спросом подорвала веру в способность государства успешно управлять экономикой с помощью макроэкономических методов. Правда, следует отметить, что и его собственный рецепт, монетаризм, тоже был не без изъяна. «Максимизирующая прибыль»

теория общественного выбора Стиглера, Бьюкенена и Гордона Таллока подорвала доверие к бюрократическому управлению и государственному регулированию. Утверждение, что дефицита государственного бюджета не нужно бояться, которое выдвинул и пропагандировал Фридмен и которому в США на практике последовали сначала администрация Рейгана, а затем сильно консервативное правительство Буша-младшего, противоречило финансовому здравому смыслу простых людей. Окрепшее после Уотергейта убеждение в коррумпированности правительств и чиновников подпитывало массовые настроения, объединенные общей утратой доверия к политикам и политическим институтам: выступления против налогов в США в 1970-е годы, коллапс трудовых отношений в Англии и повсеместное разочарование, вылившееся в городские волнения и беспорядки, которыми был омрачен конец 1960-х годов. В конечном итоге совершенно исчезла характерная для середины XX в. вера в эффективность и моральное превосходство государства и коллективного действия.

Тем не менее у неолибералов, несомненно, была теория государства. Она, конечно, мало напоминала то социальное государство, которое предусматривал Новый курс или которое создавали в Англии, но при этом была влиятельной и внутренне последовательной. Исходным пунктом для неолиберальных мыслителей были традиционные сферы безопасности, обороны и защиты граждан. Однако неолибералы вышли за пределы этих базовых требований, необходимых для любого общества. Главную задачу государства они видели в целенаправленном создании и сохранении условия для работы рыночной экономики.

Ранние неолибералы — немецкие ордолибералы, чикагский экономист Генри Саймонс и Фридрих Хайек времен «Дороги к рабству» — единодушно считали, что государство выполняет важнейшие экономические и социальные функции. С их точки зрения, государство должно быть чем-то большим, чем ночной сторож в экономических теориях *laissez faire*. Оно должно препятствовать возникновению монополий, ответственно контролировать денежную политику, решать социальные проблемы с помощью системы социальной защиты и делать все это в строгом соответствии с принципом верховенства права, защищающего права частной собственности. Система социального обеспечения необходима для защиты уязвимых слоев населения от

наиболее жестких эксцессов рыночного капитализма, а также для того, чтобы рабочий класс и прочие нижние классы приняли существующее положение вещей. Выделение всех этих важных обязанностей государства в первую очередь объяснялось уроками, которые в 1930—1940-е годы преподнесли Великая депрессия и подъем тоталитаризма. По мнению ранних неолибералов, сильное, но ограниченное в полномочиях государство необходимо для того, чтобы создавать и поддерживать условия конкуренции на свободном рынке.

Однако эта взвешенная и детальная картина адекватной сбалансированности государственной власти и рыночной экономической свободы индивидов постепенно размывалась. Неолибералы второй чикагской школы — Фридмен, Джордж Стиглер, Аарон Директор и Гэри Беккер — изменили представление о функциях государства в таких важных сферах, как монополии, профсоюзы и регулирование. Одновременно теория общественного выбора виргинской школы Джеймса Бьюкенена и Гордона Таллока подорвала репутацию государственного сектора, который до них определялся через общественные услуги, противопоставляемые личному интересу и извлечению прибыли (в этой сфере частные интересы бюрократов или бюрократии предположительно вытеснили общественный интерес граждан, которым бюрократия, по идее, должна служить). Перечисленные авторы утверждали, что следует внедрить рыночные механизмы в те сферы, которые раньше считались отдельными и свободными от императивов частного предпринимательства. Результатом такого ограничения задач государства стало внедрение рыночных механизмов в разные сферы социальной политики, о чем свидетельствовали, например, реформа Национальной службы здравоохранения при Тэтчер и все более настойчивые предложения ввести ваучерные схемы образования или приватизировать систему социального страхования в США.

Второй важной исторической особенностью неолиберальной политики было политическое и идеологическое движение, материализованное в трансатлантическом сообществе. Успех этого сообщества также свидетельствовал о мощном потенциале новой формы политической организации — аналитического центра (*think tank*). Трудно дать этому движению точную характеристику или определить, откуда оно в большей мере подпитывалось, сверху или снизу. Его успех,

несомненно, был результатом политического активизма идеологических предпринимателей и их организаций, которым посвящена глава 4. По мнению Аннелиз Андерсон, развитие аналитических центров было прямым результатом возросшей активности государства в 1930—1940-х годах¹¹. Аналитические центры существовали и раньше, и среди них были такие известные, как Фабианское общество в Англии (основано в 1884 г.) и Брукингский институт в США (основан в 1916 г.). Как мы видели, когда Хайек создавал неолиберальный интернационал для противостояния господству «коллективизма», в своей организационной стратегии он стремился подражать фабианцам. В Англии и в США неолиберальные правые в послевоенные годы создали впечатляющее количество разнообразных аналитических центров. Потом они стали создавать их по всему миру. Как показала Ким Филлипс-Фейн, крайне важное обстоятельство заключалось в том, что эту деятельность нередко финансировали руководители таких символов американского капитализма, как *DuPont*, *General Electric* и *General Motors*.

Конечно, не следует преувеличивать роль аналитических центров, — точно так же как не следует принимать на веру заявления самовлюбленных политиков. Однако вряд ли можно сомневаться, что для неолиберальных теоретиков, особенно для таких, как Хайек, Фридмен, Стиглер, Бьюкенен, Таллок, Людвиг фон Мизес, Питер Бауэр и Алан Уолтерс, аналитический центр был излюбленным посредником. Эти люди создавали новое интеллектуальное пространство, а руководители аналитических центров выступали в качестве умелых и стратегически мыслящих промоутеров, предлагавших свежие идеи реальным политикам. Примечательно при этом, что в интеллектуальном, стратегическом и организационном плане аналитические центры отнюдь не были чем-то однородным. Одни сосредоточились на широкой популяризации неолиберальных идей, другие разрабатывали инновационные политические программы или создавали базы данных по контактам и связям, чтобы повысить влияние движения, третьи занимались всеми этими направлениями. Центры последнего типа, как правило, были междисциплинарными; среди них нужно выделить Общество Мон-Пелерен, которое объединяло широкий круг ученых, — историков, экономистов, философов, социологов, а также журналистов. Благодаря такому

разнообразию неолиберализм располагал большим арсеналом интеллектуальных ресурсов и пользовался ими с небывалой гибкостью и сноровкой.

Было бы неверно думать, что трансатлантический неолиберализм представлял собой исключительно элитарное течение. Главными его представителями были ученые, политики и журналисты. Характерные для него формы политической деятельности нуждались в финансовой поддержке богатых бизнесменов и фондов. Движение стремилось оказывать непосредственное влияние на реальных политиков и государственных деятелей в высших политических и государственных эшелонах; для этого использовались публикации, лекции, встречи, почтовые рассылки, исследовательская и консультативная деятельность. Однако, несмотря на свой элитарный характер, неолибералы и в США, и в Англии находили простой политический язык, созвучный опасениям и чаяниям широких масс в обеих странах. Этот политический язык энергично вытеснял привычную и к 1980-м годам уже совершенно избитую фразеологию Нового курса и социал-демократии. В США неолиберальные идеи снижения налогов и ограниченном правлении находили отклик в массовых протестах против налогов; самым наглядным образом это проявилось во время кампании за «Положение № 13» в Калифорнии, в поддержку которого возвысил голос Милтон Фридмен. Простые и доступные понятия индивидуальных возможностей и свободного предпринимательства служили конкретизированным выражением традиционных идеалов американского индивидуализма; точно таким же образом жители белых пригородов формулировали свои требования в «антиавтобусных» кампаниях с использованием терминологии гражданских прав. В Англии программа Тэтчер «Право на приобретение» была мастерским ходом, полностью отвечавшим пожеланиям рабочего и нижнего среднего классов. Левосторонние партии, лейбористы и демократы, старались найти свой язык, который можно было бы противопоставить этому неистовому неолиберальному напору, пока, наконец, Билл Клинтон и Тони Блэр не сформулировали заново программные цели своих партий в свете ключевых элементов новых политических реалий.

Иными словами, наследие неолиберальной политики весьма весомо. Оно представляет пример высоко дисциплинированного и эффективного политического движения. Кроме того,

оно в очередной раз показывает, какова сила идей в формировании определенных политических и социальных результатов. Трансатлантическое неолиберальное сообщество подтвердило правоту Хайека и Фридмена, которые считали, что изменение «состояния общественного мнения» влечет за собой глубокие политические, а равно и экономические перемены. Наиболее продуктивные идеи этих мыслителей действительно способствовали решению самых насущных социальных и экономических проблем, например повышению доли частных домовладений или обузданию стабильно высокой инфляции. Но такие успехи не настолько многочисленны, чтобы общий результат трансатлантической неолиберальной политики мог считаться однозначно положительным.

Успех неолиберальной политики повлек за собой целый ряд последствий. В новой системе координат неравенство было признано необходимым и неизбежным злом. Произошло общее сжатие государственной сферы — пространства, доступного для щедро финансируемых, комплексных и всеобщих государственных услуг, коллективных действий рабочих и инициатив по месту жительства, общих публичных пространств и усреждений. В кругах разработчиков социально-экономической политики и во всем обществе возобладало — поощряемое неолиберальной интерпретацией «невидимой руки» Адама Смита — представление о личном интересе как интересе эгоистическом. Стремление к наживе, или, в менее ругательной терминологии, к прибыли следует приветствовать. Поскольку общество благосклонно внимало речам о «стремительно растущих» государственных расходах на социальное обеспечение, помощь беднейшим слоям сокращалась. И мало кто замечал, что происходило это именно в то время, когда люди с доходом средним или выше среднего получали за счет налоговых вычетов больше помощи от государства, чем когда-либо имели бедные¹². В течение 1980-х годов на самом деле происходило перераспределение средств от бедных к богатым, и этот процесс продолжался в 1990-е годы при Билле Клинтоне и Тони Блэре¹³. Были ли перечисленные последствия предвиденными и преднамеренно допущенными (в большинстве случаев, по-видимому, нет) — это не так уж важно по сравнению с тем объективным фактом, что неолиберальные программы имели тенденцию затрагивать самых уязвимых членов общества самым болезненным образом.

Апофеоз неолиберализма?

*Все мы, вероятно, упустили из виду последствия
чрезмерной преданности идеологической догме.*

Джеффри Хоу, интервью, 2007 г.

Кульминация неолиберальной веры в свободный рынок совпала с финансовым кризисом 2007—2008 гг. Кризис стал прямым результатом культуры, наделившей свободный рынок божественным статусом, которого он решительно не заслуживал. Повсеместно господствовала уверенность — особенно энергично ее выражал бывший руководитель Федерального резерва Алан Гринспен — в том, что рынки суть самонастраивающиеся механизмы и органически присущие им мотивационные структуры делают их несгораемыми и непотопляемыми. Эта уверенность покоилась на предположении, что интересы финансовых институтов могут эффективно заменить строгий внешний контроль за финансовыми рынками, поскольку сами по себе будут предостерегать банки от увлечения высокорисковыми стратегиями. Это представление лежало в основе политики, которая привела к обвалу кредитно-финансовой системы, к самой глубокой рецессии со времен Великой депрессии. Катастрофа наглядно показала всю ограниченность, по выражению журналиста Джона Кэссиди, «утопизма экономической теории», т.е. бездумного и некритичного следования логике свободного рынка¹⁴. Эксперты разошлись во мнениях по поводу того, что именно послужило первопричиной этой глобальной аварии, и предложили три главных объяснения краха.

Первое возлагало вину на безответственное поведение самих банков. Кризис начался, когда стало ясно, балансовые ведомости большинства крупных финансовых организаций Уолл-стрит и лондонского Сити набиты токсичными и ничего не стоящими активами, основу которых составляли проблемные ипотечные обязательства. По сути это означало, что данные активы были фантастически переоценены. Банки соблазнились заверениями своих математических экономистов, утверждавших, что вполне возможно рассчитать модели, которые устраняют неопределенность и обеспечивают надежное управление рисками применительно к разным финансовым инструментам. Эта фантазия привела к созданию причудливых и обманчиво сконструированных финансовых

продуктов — таких как свопы на дефолт по кредиту, облигации, обеспеченные долговыми обязательствами, и прочие основанные на ипотечных закладных ценные бумаги, стоимость которых было невозможно оценить.

Эти модели и основанные на них продукты вовсе не устранили риск, а просто маскировали реальную стоимость этих активов. В погоне за прибылью банки нарастили кредитное плечо до скандально астрономических величин, в некоторых случаях до 30 к 1, изыскивая финансирование где только можно и нельзя. Рейтинг ценным бумагам, построенным на базе закладных, присваивали агентства *Standard & Poor's*, *Moody's* и *Fitch Group*. А рейтинговым агентствам, которые присваивали высший рейтинг AAA самым рискованным из всех активов, платили те самые компании, которые заказывали рейтинги. Вся эта конструкция рассыпалась, когда трейдеры, движимые стадным инстинктом, почувствовали, что крупные банки и страховые компании рискуют сверх допустимого, всей толпой бросились продавать, и рынок рухнул. Один за другим рушились и банки: *Northern Rock* и *HBOS* в Англии, *Bear Stearns*, а затем, с самыми опустошительными последствиями, в сентябре 2008 г. *Lehman Brothers*. *Citibank*, *Morgan Stanley* и даже считавшийся самым искусственным *Goldman Sachs* балансировали на грани, пока им на помощь не пришли политики и налогоплательщики в лице принятой администрацией Буша-младшего Программы выкупа проблемных активов.

Второе объяснение, особенно популярное среди консерваторов, называло главной причиной кризиса ошибочную политику администраций Картера и Клинтона. Демократов обвиняли в том, что они поощряли выдачу дешевых кредитов и ипотек тем, кто на самом деле не мог себе этого позволить. Сначала закон о реинвестициях в местные сообщества 1975 г. обязал банки кредитовать поселения с низкими и невысокими доходами. А потом, как считалось, с 1995 г. и далее «Фанни Мэй» (Федеральная национальная ипотечная ассоциация) и «Фредди Мэк» (Федеральная корпорация жилищного ипотечного кредита) проводили неправильную политику по указанию руководителей Министерства жилищного строительства и городского развития. Министерство смягчило ограничения на ипотечное кредитование людей с низкими доходами, которые реально не могли позволить себе такой кредит. Политика поощрения частного домовладения среди бедных, указы-

вали критики, сочеталась с циничной практикой «завлечения и подмены», к которой прибегали беспринципные кредиторы; в результате держателей ипотеки поощряли рефинансировать кредиты путем закладывания своих домов ради получения наличных. Ужасающим результатом этого хищнического кредитования и легкомысленного согласия на кредит стала культура, побуждавшая жить не по средствам и питавшаяся в том числе мифами о бесконечном процветании. (Правда, следует отметить, что большую часть проблемных кредитов выдали не «Фанни Мэй» и «Фредди Мэк», а частные кредиторы.)

Наконец, третья версия считает главной причиной финансового кризиса саму неолиберальную политику. Дерегулирование финансовых рынков отменило все предохранительные меры, которые последовательно вводились в США и в Англии со времен Нового курса, и в особенности разграничения между коммерческими и инвестиционными банками, установленные в США законом Гласа—Стигелла (1933). В США финансовое дерегулирование началось еще при Картере с принятием закона о дерегулировании депозитных учреждений и денежно-кредитном контроле (1980); этот закон смягчил ограничения для банков и расширил их кредитные возможности. В Англии Тэтчер и ее министр финансов Джеффри Хоу в числе первых шагов правительства в 1979 г. отменили валютный контроль. Дерегулирование продолжилось в 1980-х годах, когда Рейган либерализовал финансовый сектор с помощью таких мер, как закон Гарна—Сен-Жермена о депозитных учреждениях (1982); этот закон разрешил банкам выдавать ипотечные кредиты с плавающей процентной ставкой. В Англии Тэтчер в 1983—1986 гг. провела «взрывное» дерегулирование лондонского Сити. Затем, в 1990-е годы, этот процесс был ускорен при Билле Клинтоне, Тони Блэре и Гордоне Брауне, которые предпочитали регулирование путем «легкого прикосновения».

Финансовое дерегулирование было предельным проявлением неолиберальной веры в рынок. Эту мантру твердили все политики без исключения — республиканцы и консерваторы, демократы и лейбористы. Успешная борьба с «Великой инфляцией» 1970-х годов, которую в 1980-е годы вел Пол Волкер, сменилась в 1990-е годы монетаристской «тонкой настройкой» Алана Гринспена, отпускавшего или закреплявшего процентные ставки в зависимости от хороших или

плохих прогнозов. Стабильная, по общему мнению, денежная политика должна была привести к «Великому успокоению» — к низкой инфляции, высокой занятости и плавно растущему процветанию. Всю смехотворность этих претензий наглядно продемонстрировали события сентября—октября 2008 г. Часть вины за кризис лежит на советниках Клинтона. Роберт Рабин и Ларри Саммерс одобрили отмену закона Гласа—Стигелла посредством принятия закона Грэмма—Лича (1999). Кроме того, они не прислушались к бывшему председателю Комиссии по торговле товарными фьючерсами Бруксли Борну, который в 1998 г. советовал регулировать формирующиеся рынки производных финансовых инструментов.

Перечисленные провалы экономической политики не оставляют сомнения, что вера в рынки оторвалась от реальности. Почти тридцатилетний триумф трансатлантической неолиберальной политики после избрания Тэтчер и Рейгана был свидетельством сближения США и Англии в плане экономической политики. Страны объединяла притягательная вера в рынок. Драматический кризис 2007—2008 гг., казалось, решительно поставил под вопрос все неолиберальное мировоззрение. Однако политики стремились как можно быстрее вернуться к тому статус-кво, в котором они черпали чувство уверенности до 2007 г. Никакого принципиально нового представления о мировой экономике не было. Не было в наличии и нового Кейнса. Настоящий Кейнс был лучшим, кого леволиберальный мейнстрим мог призвать для критики культуры бесконтрольности, воцарившейся на Уолл-стрит и в лондонском Сити. Хуже того, эта алчность заразила и все остальное общество. Консервативные правые в Америке и консерваторы в Англии стали более черствыми, более равнодушными и в своих экономических воззрениях вернулись к политике беспощадного сокращения государственных расходов, существовавшей до Великой депрессии. А эта политика, насколько можно судить, не желала учитывать даже советы самих неолиберальных экономистов.

И возглавляемое консерваторами коалиционное правительство в Англии после выборов 2010 г., и республиканское большинство в Конгрессе, победившее демократов Обамы на промежуточных выборах 2010 г., призывали как можно скорее устранить дефицит государственного бюджета, возникший в результате государственной помощи банкам и последствий финансового кризиса. Такая позиция игнорировала логику

и кейнсианцев, и монетаристов, которые в контексте обще-идеологического стремления снизить государственные расходы придавали большое значение ожиданиям и, соответственно, наличию стимулов налогово-бюджетного и денежно-кредитного характера. В 1960-е годы спор шел о том, что более терпимо: немного больше безработицы или немного больше инфляции. Теперь вопрос стоял так: сократить ли государственные расходы на 25 или на все 40%. А перспективы экономического роста были для консервативных и республиканских политиков темой второстепенной.

Можно отметить еще два явления, свидетельствующие о том, что неолиберальная вера в рынки не сдалась. Первое, которое описал Марк Лилла в статье «Якобинцы «Чайной партии»», — это нарастание в современных США деструктивных и безответственных протестных движений, отличающихся склонностью громко выступать, слушать только самих себя и признавать только свои собственные стандарты истинности и доказательности. Классический пример — «партия чаепития», выросшая из оппозиции реформам здравоохранения президента Обамы. «Партию чаепития» пропагандировал телемедийный холдинг *Fox News*, принадлежащий Руперту Мердоку. «Партию чаепития» возглавляют и ее подстегивают Гленн Бек, Мишель Бакмен (чьим любимым экономистом, очевидно, был Людвиг фон Мизес) и Сара Пэйлин; все они напроць лишены той осмотрительности, к которой обязывают лидеров точное знание и необходимость разбираться в мировых проблемах. По мнению Лиллы, именно чрезмерная концентрация медийных средств в одних руках и выносит на поверхность «мудрость толп», в которой нет ничего, кроме негатива¹⁵. В Англии Мердок стремился полностью завладеть телекомпанией *Sky* и занять доминирующее положение на рынке печатных медиа. Ему помешал скандал, разразившийся в 2011 г. вокруг его центрального органа, газеты «*The News of the World*»: ее журналисты добывали информацию незаконными способами. В XXI в. проблема корпоративной монополии, которая заботила первых неолибералов, вновь подняла свою уродливую голову. Однако неолиберализм в пересмотренной, чикагской версии Фридмена, Директора и Стиглера вообще не замечал этой проблемы.

Можно привести и другие примеры сохраняющегося доминирования неолиберальной приверженности рынку,

в частности радикальные предложения возглавляемого консерваторами нынешнего английского правительства. Вместо осторожной программы, порожденной неспособностью консерваторов получить большинство на выборах 2010 г., премьер-министр Дэвид Кэмерон и его министры наметили капитальную перестройку политики в сферах здравоохранения и образования. В области здравоохранения правительство внесло законопроект, предусматривавший передачу распределения бюджетных средств в ведение местных врачей общего профиля; возникла опасность, что врачебные решения будут руководствоваться соображениями прибыльности, а не медицинской необходимости. Общественное негодование было столь велико, что правительство сильно умерило свои предложения. Но его намерение было совершенно очевидным: полностью перевести английское здравоохранение на рыночную основу.

В сфере образования консерваторы при поддержке своих „либерально“ - демократических партнеров по правительству вознамерились под лозунгом свободы выбора смягчить общегосударственные учебные стандарты, разрешив родителям открывать собственные местные школы и руководить ими. В качестве еще более радикального шага правительство планировало фактически приватизировать финансирование высших учебных заведений: почти полностью ликвидировать учебные гранты по гуманитарным дисциплинам и сохранить государственное финансирование только за точными и естественными науками. Но в Англии, в отличие от Америки, нет развитой традиции благотворительности и хорошо финансируемых государственных университетов штатов. Поэтому намерение английского правительства можно считать только совершенно новым экспериментом по созданию рынка для высшего образования, что совершенно не похоже на системы, существующие в других развитых странах. Все отмеченные явления и инициативы указывают на то, что по обе стороны Атлантики еще сильна политическая культура, не способная выйти за пределы иллюзорного мира, в котором рынки решают любую проблему.

Политика, основанная на разуме

Мораль моей книги такова: необходимо вернуть здравомыслие в обсуждение важных политических и экономических проблем,

и это достижимо. Нам следует научиться усваивать уроки борьбы с инфляцией и уроки Нового курса, следует понять, в чем ограниченность рынков и в чем их достоинства. Целевые показатели по инфляции должны соседствовать с правильным регулированием банковского сектора, чьи самые рискованные операции нужно считать тем, чем они являются на самом деле: азартной игрой высокого полета. Это значит, что такие операции нужно держать как можно дальше от ключевых социальных функций банковского обслуживания — кредитования, базового пенсионного обеспечения и сбережения.

Предложения добиться иного соотношения между чашами весов были презрительно отвергнуты. Вследствие провала рынка денежная система вышла за пределы «иррациональной эйфории» Гринспена и обернулась личной трагедией для многих простых семей и государственной финансовой помощью банкам. Таковы были ужасные последствия непродуманного дерегулирования и рыночной либерализации, возвращенных чикагской верой в свободный от всяких ограничений рынок. Но в глазах консерваторов подобные провалы перевешивало все еще распространенное морализаторское соображение, что любой, кто готов упорно трудиться и применять свои способности, сможет добиться успеха, — даже в новом мире, где внизу господствует сфера услуг, а на вершине властвуют сверхбогатые. Морализаторство по поводу различия между достойными и недостойными бедными вернулось в тот момент, когда англо-американский политический диалог утратил перспективу, позволяющую вести речь о моральности недостойных богатых. То обстоятельство, что некоторые люди — бедные, находящиеся в неблагоприятной позиции или малообразованные — плохо подготовлены к выживанию в суровых условиях глобализированной экономики, не нашло выражения в лишенной конкретного содержания политической фразеологии, оперирующей понятиями свободы и экономической возможности. А ведь именно этот язык был профессионально разработан неолиберальными теоретиками и политиками.

Представление неолибералов о глобализации сводилось к тому, что система, основанная на индивидуальной свободе, свободных рынках и возможностях, предоставляемых «гибкими рынками труда», заменит системы всеобщего качественного государственного образования и медицинского обеспечения более эффективными и дешевыми частно-рыночными

альтернативами. Гражданин есть не кто иной, как потребитель. Но неолибералы, во всяком случае, со времен второй чикагской школы после 1945 г., отказались учитывать возможность (не говоря уже о вероятности) провала рынка в таких ключевых сферах социальной политики, как образование, жилищное обеспечение или здравоохранение. По обе стороны Атлантики консервативные политики обзывали тех, кому не повезло в жизни, социальными мамашами, просителями подачек и нищими безбилетниками. В то же самое время фразеология прибыли, эффективности и потребления вытесняла лексику гражданственности, солидарности и взаимопомощи. В США предложенные Обамой реформы здравоохранения были выхолащены нигилистами «партии чаепития», выступавшими против любой государственной инициативы, способной снизить неоправданно высокую, повсеместно и постоянно растущую стоимость частных медицинских услуг. По иронии судьбы этот «дивный новый мир», верный евангелию свободного рынка, породил именно то, что больше всего не любили консервативные политики: незащищенность, социальные, сексуальные и культурные изменения, насилие и разрыв связей внутри общества.

Конец идеологического конфликта — исчезновение фундаментального противоречия между коллективизмом и капитализмом — вызвал горькие сетования, поскольку сопровождался утратой определенности, «племенной» принадлежности и лояльности. Но, вероятно, главное, что необходимо, — это более внимательное отношение к самой направленности политических идей. Они призваны улучшать жизнь людей, а потому их нужно изменять и исправлять таким образом, чтобы они отвечали объективной реальности. Вера, даже светская вера в индивидуальную свободу, нашедшую свое выражение в свободных рынках, больше не должна побуждать к применению любой модели без гибкости, без восприимчивости к реальным социальным и экономическим проблемам. Нужно вернуться к политике, основанной на разуме. От этого зависит земная реальность последовательно принимаемых реформ и правил, нацеленных на удовлетворение нужд людей.

Приложение к русскому изданию

Людвиг фон Мизес
Смысл *laissez faire**

Во Франции XVIII в. выражение *laissez faire, laissez passer* было формулой, в которую сжали свою программу некоторые поборники дела свободы. Их целью было установление свободного рыночного общества. Чтобы достичь этой цели, они выступали за отмену всех законов, препятствующих более трудолюбивым и более способным людям превзойти менее трудолюбивых и менее способных конкурентов и ограничивающих перемещение товаров и людей. Именно для выражения этого была предназначена эта максима.

В нашу эпоху неистового стремления к всемогуществу государства формула *laissez faire* имеет дурную славу. Общественное мнение считает ее проявлением безнравственности и крайнего невежества.

Одно из двух, убежден интервенционист: либо «автоматические силы», либо «сознательное планирование»**. Очевидно, он намекает, что полагаться на автоматические процессы — несусветная глупость. Ни один разумный человек не может всерьез рекомендовать не делать ничего и позволить процессам идти так, как они идут, безо всякого вмешательства со стороны целеустремленной деятельности. План, уже самим фактом, что он выступает проявлением сознательной деятельности, несравненно лучше отсутствия всякого планирования. Говорят, что смысл *laissez faire* заключается в следующем: пусть продолжают несчастья, не пытайтесь улучшить удел человечества разумной деятельностью.

Все эти рассказы не выдерживают никакой критики. Доказательство, выдвигаемое в пользу планирования, целиком

* Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2012. С. 683—685. — Прим. науч. ред.

** См.: А. Н. Hansen, «Social Planning for Tomorrow», in *The United States after the War* (Cornell University Lectures. Ithaca, 1945), pp. 32—33.

и полностью выведено из недопустимой интерпретации метафоры. Оно не имеет иного обоснования, помимо смыслового оттенка, содержащегося в термине «автоматический», который обычно применяется в метафорическом смысле для описания рыночного процесса*. Автоматический, говорится в «Concise Oxford Dictionary»**, означает «бессознательный, не наделенный разумом, просто механический». Автоматический, гласит «Webster's Collegiate Dictionary»***, «не подвластный волевому контролю... выполняемый без активного обдумывания и без сознательного намерения и направления». Какой триумф для поборников планирования разыграть эту козырную карту!

* «Принято метафорически говорить об автоматических и анонимных силах, приводящих в действие «механизм» рынка. Используя подобные метафоры, люди готовы пренебречь тем, что единственными движущими силами, управляющими рынком и определением цен, являются намеренные действия людей. Автоматизма не существует; есть только люди, сознательно и осмысленно стремящиеся к выбранным целям. Не существует таинственных и непостижимых механических сил, есть лишь человеческое желание устранить беспокойство. Нет никакой анонимности; есть я и вы, Билл и Джо и все остальные. И каждый из нас и производитель, и потребитель.

Рынок представляет собой общественное образование, причем самое выдающееся общественное образование. Рыночные явления — это общественные явления. Они суть равнодействующие вкладов каждого индивида. Но они не совпадают ни с одним из этих вкладов. Они являются индивиду как нечто данное, что он не в силах изменить. Иногда он даже не понимает, что сам является частью, хотя и малой, совокупности элементов, определяющих состояние рынка в каждый отдельный момент. Поскольку он не в состоянии осознать это, то он позволяет себе, критикуя рыночные явления, осуждать в других людях образ действий, который для себя он считает вполне допустимым. Он обвиняет рынок в бессердечии и игнорировании личности и требует общественного контроля над рынком с целью его «гуманизации». С одной стороны, он требует защиты потребителей от производителей. Но с другой стороны, еще более страстно он настаивает на защите его как производителя от потребителей. Следствием этих противоречивых требований и являющихся современными методами государственного вмешательства *Sozialpolitik* имперской Германии и американский Новый курс» (Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2012. С. 296—297).

** *Concise Oxford Dictionary* (3rd ed. Oxford, 1934), p. 74.

*** *Webster's Collegiate Dictionary* (5th ed. Springfield, 1946), p. 73.

Но дело в том, что выбор стоит не между мертвым механизмом или жестким автоматизмом, с одной стороны, и сознательным планированием — с другой. Альтернатива — не «план или не план». Вопрос в том, кто планирует. Должен ли каждый член общества составлять планы для себя или великодушное государство должно одно составлять планы для всех? Вопрос стоит так: автономная деятельность каждого индивида против исключительной деятельности государства, а не так: автоматизм против сознательной деятельности. Свобода против всемогущества государства.

Laissez faire не означает: пусть действуют бездушные механические силы. Оно означает: пусть каждый индивид выбирает, как он желает участвовать в общественном разделении труда; пусть потребители определяют, что должны производить предприниматели. Планирование означает: пусть одно государство делает выбор и претворяет в жизнь свои решения посредством аппарата сдерживания и принуждения.

В условиях *laissez faire*, говорит сторонник планирования, производятся не те товары, которые «действительно» нужны людям, а те, от продажи которых ожидается наибольшая отдача. Задача планирования — нацелить производство на удовлетворение «истинных» нужд. Но кто должен решать, каковы «истинные» нужды?

Так, например, профессор Гарольд Ласки, бывший председатель британской лейбористской партии, при планировании инвестиций исходил бы из того, «что сбережения инвесторов принесут большую пользу в жилищном строительстве, чем в строительстве кинотеатров»*. Не имеет значения, согласен ли кто-либо с мнением профессора о том, что хорошие дома важнее, чем кинофильмы, или нет. Фактом является то, что потребители, тратя часть своих денег на билеты в кинотеатры, делают другой выбор. Если бы народные массы Великобритании, те же люди, чьи голоса привели лейбористскую партию к власти, перестали ходить в кинотеатры и больше тратили на удобные дома и квартиры, то ориентированные на прибыль предприятия были бы вынуждены больше инвестировать в строительство домов и меньше в производство дорогих кинокартин. Мистер Ласки же стремился пренебречь жела-

* См. выступление Ласки по радио «*Revolution by Consent*», опубликованное в: *Talks*, X, № 10, October 7, 1945.

ниями потребителей и поставить свою волю выше воли потребителей. Он хотел отменить демократию рынка и установить абсолютное господство производственного царя. Возможно, он считал, что прав с высшей точки зрения и как сверхчеловек призван навязать свои собственные оценки неполноценным народным массам. Но тогда он должен быть достаточно откровенным и открыто сказать об этом.

Все эти неистовые восхваления исключительной роли государства — не что иное, как плохая маскировка самообожествления конкретного интервенциониста. Государство является великим идолом потому, что от него ожидают только того, чего хочет достичь отдельный защитник интервенционизма. Подлинным считается лишь тот план, который полностью одобряется данным конкретным сторонником планирования. Все остальные планы — просто фальшивки. Говоря «план», автор книг о пользе планирования, разумеется, имеет в виду исключительно свой собственный план. Он не учитывает возможность того, что план, осуществляемый государством, может отличаться от его плана. Многочисленные сторонники планирования едины только в отрицании *laissez faire*, т. е. права индивидов свободно выбирать и действовать. Но они жарко спорят по поводу принятия единого плана. На каждое разоблачение очевидных и неоспоримых пороков интервенционистской политики поборники интервенционизма реагируют одинаково. Эти ошибки, говорят они, были результатом ложного интервенционизма; мы же отстаиваем хороший, а не плохой интервенционизм. И разумеется, хороший интервенционизм является собственной разработкой профессора.

Laissez faire означает: пусть выбирает и действует простой человек; не заставляйте его подчиняться диктатору.

Примечания

Введение

347

- 1 J. M. Keynes, *The General Theory of Employment, Interest and Money* (London: Macmillan, 1936). [Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 37–340.]
- 2 M. Friedman, «Neo-liberalism and Its Prospects», *Farmand* 17 (February 1951): pp. 89–93.
- 3 R. Van Horn and P. Mirowski, «The Rise of the Chicago School of Economics and the Birth of Neoliberalism», in *The Road from Mont Pèlerin The Making of the Neoliberal Thought Collective*, ed. P. Mirowski and D. Plehwe (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009), 139–81.
- 4 J. Williamson, «What Washington Means by Policy Reform», in *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?*, ed. J. Williamson (Washington, DC: Institute for International Economics, 1989), chap. 2.
- 5 См.: К. Popper, *The Open Society and Its Enemies* (London: Routledge, 1945), chapter 1 [Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Гл. 1].
- 6 J. Shearmur, *Hayek and After: Hayekian Liberalism as a Research Programme* (London: Routledge, 1996), ch. 3.
- 7 Например, в книге «Thatcher's Britain» (London: Simon and Schuster, 2009), Ричард Вайнен утверждал, что «Дорога к рабству» «была просто удобным теоретическим объяснением тех вещей, которые сторонники тэтчеризма намеревались делать по причинам, не имеющим никакого отношения к теориям Хайека» (с. 7). Майкл Говард, бывший лидер Консервативной партии и министр в правительстве Тэтчер, в интервью автору этой книги разделил скептицизм относительно влияния неолиберальных идей; по его мнению, «тэтчеризм» был порождением экономических реалий Англии 1960–1970-х годов.
- 8 R. Turner, *Neo-Liberal Ideology: History Concepts and Policies* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008).
- 9 В этом плане особенно показательна эпическая политико-философская трилогия Хайека: Hayek F. A., *Law, Legislation and Liberty*, 3 vols. (Chicago: University of Chicago Press, 1973, 1976, 1979). [Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.]
- 10 Термин «манчестерская школа» предложил английский премьер-министр, представитель партии консерваторов Бенджамин Дизраэли.

- 11 Следует упомянуть работы Филиппа Миrowsки, Дитера Плеве, Роба Ван Хорна, Бена Джексона, Энгуса Берджина и особенно разделы, написанные Ван Хорном и Миrowsки для сборника: Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*; B. Jackson, «At the Origins of Neo-Liberalism: The Free Economy and the Strong State, 1930-1947», *Historical Journal* 53, no. 1 (2010), pp. 129–151; A. Burgin, «The Radical Conservatism of Frank Knight», *Modern Intellectual History* 6, no. 3 (2009), pp. 513–38.
- 12 R. Cockett, *Thinking the Unthinkable: Think-Tanks and the Economic Counter-Revolution, 1931-1983* (London: Fontana, 1995). В качестве подзаголовка глав 7 и 8 Коккетт использует выражение «Героическая эпоха».
- 13 G. H. Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America* (Wilmington, DE: Intercollegiate Studies Institute, 1996).
- 14 См., например: R. Perlstein, *Before the Storm: Barry Goldwater and the Unmaking of the American Consensus* (New York: Hill and Wang, 2001); S. Heffer, *Like the Roman: The Life of Enoch Powell* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1998); J. Campbell, *Margaret Thatcher*, 2 vols. (London: Pimlico, 2004, 2007); M. Thatcher, *The Path to Power* (London: HarperCollins, 1995); *The Downing Street Years* (London: HarperCollins, 1993); R. Reagan, *An American Life: The Autobiography* (New York: Buccaneer Books, 1995). Книга Н. Лоусона — N. Lawson, *The View from No. 11* (London: Bantam Press, 1992) — выделяется среди них как одно из наиболее вдумчивых и обстоятельных произведений в этом жанре.
- 15 «Чикагские мальчики» были молодыми экономистами, получившими подготовку в Чикагском университете; в 1970—1980-х годах они провели экономические реформы при режиме военной хунты в Чили. См.: M. Skousen, *The Making of Modern Economics: The Lives and Ideas of the Great Thinkers* (New York: M. E. Sharpe, 2001), p. 394. О чилийском опыте см.: J. G. Valdés, *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995). См. также: K. Fischer, «The Influence of Neoliberals before, during, and after Pinochet», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*.
- 16 D. Harvey, *A Brief History of Neoliberalism* (Oxford: Oxford University Press, 2005).
- 17 A. Glyn, *Capitalism Unleashed: Finance, Globalization, and Welfare* (Oxford: Oxford University Press, 2006), chap. 1.
- 18 N. Klein, *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism* (London: Allen Lane, 2007). [Кляйн Н. Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2015.]
- 19 См. рецензию Миrowsки на книгу Дэвида Харви: D. Harvey, *A Brief History of Neoliberalism in Economics and Philosophy* 24 (2008), pp. 111–117.

- 20 P. Pierson, *Dismantling the Welfare State: Reagan, Thatcher and the Politics of Retrenchment* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994); Monica Prasad, *The Politics of Free Markets: The Rise of Neoliberal Economic Policies in Britain, France, Germany and the United States* (Chicago: University of Chicago Press, 2006).
- 21 Хочу добавить, впрочем, что, по моим ожиданиям, будущие исследования выявят большее количество связей, чем известно нам сейчас. Тим Уивер в Пенсильванском университете подробно исследует историю городских зон предпринимательства в Англии и США в диссертационной работе «Neoliberalism in the Trenches: Urban Politics and Policy in the United States and Britain, 1976—2000». См. также диссертацию Джима Купера из университета Абериструита «Mutual Impact? Intellectual Transfer between the Thatcher and Reagan Administrations in Domestic Policy».
- 22 См., например: S. Jenkins, *Thatcher and Sons* (London: Penguin, 2006).
- 23 См.: S. Hall, *The Hard Road to Renewal: Thatcherism and the Crisis of the Left* (London: Verso, 1988).
- 24 См., например: J. Stiglitz, *Globalization and Its Discontents* (New York: W. W. Norton, 2002).
- 25 P. Krugman, «Who Was Milton Friedman?», *New York Review of Books*, February 15, 2007.
- 26 См. главу 1 книги: Jamie Peck, *Constructions of Neoliberal Reason* (Oxford: Oxford University Press, 2010).

Глава 1

- 1 Об истории системы социального страхования и американском социальном государстве (государстве благосостояния) см.: M. Katz, *In the Shadow of the Poorhouse: A Social History of Welfare*, 2nd ed. (New York: Basic Books, 1996), M. Katz, *The Price of Citizenship: Redefining America's Welfare State* (New York: Metropolitan Books, 2001); D. Beland, *Social Security: History and Politics from the New Deal to the Privatization Debate* (Lawrence: University of Kansas Press, 2004); E. Berkowitz, *America's Welfare State: From Roosevelt to Reagan* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1991). Об отсутствии в США всеобщей системы здравоохранения см.: J. Quadagno, *One Nation Uninsured: Why the U.S. Has No Universal Health Care* (Oxford: Oxford University Press, 2005).
- 2 «Никогда больше» — знаменитый политический лозунг 1940-х годов. Он стал названием книги Питера Хеннесси об истории Англии в послевоенные годы: Peter Hennessy. *Never Again, Britain, 1945—51* (London: Vintage, 1993).
- 3 Правда, в США существовали заметные оговорки. Например, многие пункты Солдатского билля о правах не распространялись

на чернокожих. См.: I. Katznelson, *When Affirmative Action Was White* (New York: W. W. Norton, 2005).

- 4 G. Soros, «The Financial Crisis: An Interview with George Soros», *New York Review of Books*, May 15, 2008.
- 5 Все данные по США взяты из работы: B. R. Mitchell, *International Historical Statistics: The Americas, 1750–2000* (London: Palgrave, 2003); по Англии из работы: B. R. Mitchell, *International Historical Statistics: Europe, 1750–2000* (London: Palgrave, 2003). О государственных расходах в Англии см. с. 821–823, о расходах в США — с. 667.
- 6 Mitchell, *International Historical Statistics: The Americas*, p. 682.
- 7 Mitchell, *International Historical Statistics: Europe*, p. 844.
- 8 R. Skidelsky, «Hayek Versus Keynes: The Road to Reconciliation», in *The Cambridge Companion to Hayek*, ed. E. Feser (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), p. 95.
- 9 См.: D. Kynaston, *Austerity Britain, 1945–51* (London: Bloomsbury, 2007), pp. 467–469.
- 350 10 О Новом курсе и его пределах см.: A. Brinkley, *The End of Reform: New Deal Liberalism in Recession and War* (New York: Vintage, 1996).
- 11 О чернокожих и социальном обеспечении см., например: R. Lieberman, *Shifting the Color Line* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998), J. Quadagno, *The Color of Welfare: How Racism Undermined the War on Poverty* (Oxford: Oxford University Press, 1994). О женщинах см., например: L. Gordon, *Pitied, But Not Entitled* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994); S. Michel, *Children's Interests/Mothers' Rights* (New Haven, CT: Yale University Press, 1999).
- 12 P. Hennessy, *Having It So Good: Britain in the Fifties* (London: Penguin, 2006).
- 13 Полезное общее описание этого периода см. в: P. Clarke, *Hope and Glory: Britain in the Twentieth Century* (London: Penguin, 1997). Подробные материал см. в: J. Harris, *Unemployment and Politics: A Study in English Social Policy, 1880–1914* (Oxford: Clarendon, 1972).
- 14 Об истоках реформ системы социального обеспечения при правительстве Эттли см.: P. Addison, *The Road to 1945* (London: Jonathan Cape, 1975). См. также: Clarke, *Hope and Glory*; Hennessy, *Never Again*; Kynaston, *Austerity Britain*.
- 15 J. Harris, *William Beveridge: A Biography* (Oxford: Oxford University Press, 1997), p. 3.
- 16 О массовом низовом консерватизме и холодной войне см.: L. McGirr, *Suburban Warriors: The Origins of the New American Right* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001); Gregory Schneider, *Cadres for Conservatism: Young Americans for Freedom and the Rise of the Contemporary Right* (New York: New York Uni-

- versity Press, 1999). О Республиканской партии см.: М. Brennan, *Turning Right in the Sixties: The Conservative Capture of the GOP* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995).
- 17 О подобных конфликтах в Детройте см.: Т. Sugrae, *Origins of the Urban Crisis* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998); о конфликтах в Чикаго см.: А. Hirsch, *Making the Second Ghetto: Race and Housing in Chicago 1940–60* (New York: Cambridge University Press, 1998).
- 18 Одно из наиболее заметных недавних исследований по этому вопросу — работа Мэтью Лэсситера, посвященная проблеме «южного тренда» в американских пригородах: Matthew Lassiter, *The Silent Majority: Suburban Politics in the Sunbelt South* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006). Лэсситер считает, что «широко распространенная склонность приписывать консервативный уклон американской политики той нисходящей «южной стратегии», которую применила Республиканская партия с целью использовать негативную реакцию белого населения на движение за гражданские права, упускает из виду более длительную конвергенцию южной и национальной политики по отношению к притязаниям жителей пригородов на принадлежность к среднему классу» (р. 7).
- 19 По этому вопросу см. также: D. Carter, *The Politics of Rage: George Wallace, the Origins of the new Conservatism and the Transformation of American Politics* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2000).
- 20 О положении чернокожих иммигрантов в Англии см., например: *Empire Windrush: 50 years of Writing about Black Britain* (London: Phoenix, 1999). Об антииммигрантской реакции правых и их неформальном предводителе см. биографию Эноха Пауэлла: Simon Heffer, *Like the Roman* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1998).
- 21 См.: Kynaston, *Austerity Britain*.

Глава 2

- 1 F. Denord, «French Neoliberalism and Its Divisions», in *The Road from Mont Pèlerin*, ed. R. Mirowski and D. Plehwe (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009), p. 48.
- 2 Полный текст «Заявления о целях» от 8 апреля 1947 г.: www.montpelerin.org/montpelerin/mpsGoals.html. Наилучший взгляд «изнутри» на организацию, историю и происхождение Общества Мон-Пелерен можно найти в: R. Max Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society* (Indianapolis: Liberty Fund, 1995).
- 3 Действительно, как отмечает в своей статье Бен Джексон, ранние неолибералы, такие как Хайек и Поппер, никогда не имели

намерения совершенно потеснить государство, хотя это и было желательным. Напротив, они имели в виду сильное государство, которое обеспечило бы установление и поддержание правил конкуренции. В этом отношении неолиберальная становится программой преобразования роли государства для новой цели: защиты рыночной системы. См.: Ben Jackson, «At the Origins of Neoliberalism: The Free Economy and the Strong State, 1930–47» (*Historical Journal* 53, no. 1 [2010]: pp. 129–151).

- 4 Мизес, например, вступил в известную «дискуссию о социалистическом расчете» с социалистами, в частности с Оскаром Ланге, по поводу того, может ли современное индустриальное общество сохранить жизнеспособность после преобразования по социалистическому плану. Хайек, после неудачных попыток развенчать теорию Кейнса в начале 1930-х годов, повел атаку на централизованное планирование в статье 1936 г. «Экономическая теория и знание»; за ней последовал ряд статей, которые нашли свое завершение в публикации «Дороги к рабству» в 1944 г. Переехавший в 1937 г. в Новую Зеландию Поппер оказался в некоторой изоляции, но именно в этот период написал два своих главных труда по этим дискуссионным проблемам, «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма».
- 5 F. A. Hayek, *The Road to Serfdom* (London: Routledge, 1944, 1949), 184 [Хайек Ф. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 181–182].
- 6 Ibid., 190 [Там же. С. 187].
- 7 Карл Поппер — Фридриху Хайеку, 14 марта 1944 г., box 305, 11-17, Karl Popper Papers, reel 326; воспроизодится по архивам Гуверовского института и Лондонской школы экономики (далее «Popper Papers»).
- 8 Общие работы о Поппере: A. O’Hear, *Karl Popper: Biography, Background, and Early Reactions to Popper’s Work* (London: Routledge, 2004); G. Stokes, *Popper: Philosophy, Politics, and Scientific Method* (London: Polity Press, 1998); M. H. Nacohen, *Karl Popper: The Formative Years, 1900–1945: Politics and Philosophy in Interwar Vienna* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002). О политических воззрениях Поппера см.: J. Shearmur, *The Political Thought of Karl Popper* (London: Roudedge, 1996).
- 9 Shearmur, *Political Thought of Karl Popper*, p. 19.
- 10 M. Friedman, «The Methodology of Positive Economics», in *Essays in Positive Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1966), pp. 3–43 [Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 20–52].
- 11 Теория Мизеса, изложена в книге «Человеческая деятельность»: L. Mises, *Human Action* (New Haven, CT: Yale University Press, 1949) [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2012].

- 12 Фридмен — Хайеку, 11 сентября 1975 г., box 20, folder 19, Hayek Papers, Hoover Institution, Stanford University, Palo Alto, CA (далее «Hayek Papers»).
- 13 Ibid.
- 14 Поппер — Хайеку, 26 апреля 1943 г., Popper Papers.
- 15 Поппер — Хайеку, 26 октября 1943 г., Popper Papers.
- 16 Хайек — Попперу, 4 декабря 1943 г., Popper Papers.
- 17 Хайек — Попперу, 12 июля 1943 г., Popper Papers.
- 18 Поппер — Хайеку, 26 октября 1943 г., Popper Papers.
- 19 Поппер — Хайеку, 15 марта 1944 г., Popper Papers.
- 20 Поппер — Хайеку, 11 января 1943 г., Popper Papers.
- 21 Цит. по: «The Future Is Open: A Conversation with Sir Karl Popper — Adam Chmielowski and Karl Popper», in *Popper's Open Society after Fifty Years*, ed. I. Jarvie and S. P. (London: Roudedge, 1999), chap. 2, p. 36.
- 22 Относящиеся к этому периоду работы Саймонса и Фридмена разбираются в главе 3.
- 23 Хайек — Брюсу Колдуэллу, 29 сентября 1984 г., box 13, folder 30, Hayek Papers.
- 24 K. Popper, *The Open Society and Its Enemies*, 2 vols. (London: Routledge, 1945), 1: xvii. [Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. I. С. 29].
- 25 Ibid., 1:4 [Там же. С. 31 сл.].
- 26 Ibid., 1:53 [Там же. С. 86].
- 27 Ibid., 1:146 [Там же. С. 179].
- 28 Ibid., 1:107 [Там же. С. 140].
- 29 Ibid., 1:108 [Там же].
- 30 Ibid., 2:34 [Там же. Т. 2. М., 1992. С. 40].
- 31 Ibid., 1: xix [Там же. Т. 1. С. 31—32].
- 32 Ibid., 1:14 [Там же. С. 47—48].
- 33 Ibid., 2:117 [Там же. Т. 2. С. 126].
- 34 Хайек — Попперу, 29 января 1944 г., Popper Papers.
- 35 Поппер — Хайеку, 14 марта 1944 г., Popper Papers.
- 36 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 153.
- 37 Ibid., 2:142 [Там же. С. 154].
- 38 Ibid., 2:143 [Там же. С. 155].
- 39 Ibid., 2:144 [Там же. С. 155—156].
- 40 Ibid., 2:260 [Там же. С. 272—273].
- 41 Ibid., 2:167 [Там же. С. 256—257].
- 42 Ibid., 2:171 [Там же. Т. 1. С. 204].
- 43 Ibid., 2:202 [Там же. С. 235].
- 44 Ibid., 2:271 [Там же. Т. 2. С. 284—285].
- 45 Поппер — Хайеку, 28 мая 1944 г., box 44, folder 1, Hayek Papers.

- 46 Благожелательная работа о Мизесе: I. Kirzner, *Ludwig von Mises: The Man and His Economics* (Wilmington, DE: ISI Books, 2001). Имонн Батлер написал весьма полезное введение к теориям Мизеса: Eamonn Butler, *Ludwig von Mises: A Primer* (London: Institute of Economic Affairs, 2010). См. также: P. Boettke and P. Leeson, eds., *The Legacy of Ludwig von Mises: Theory and History* (Cheltenham: Edward Elgar, 2006). Много материалов о личности Мизеса, его жизни и работах можно найти на сайте Института Мизеса, www.mises.org. [См. также фундаментальную биографию Мизеса: Хьюль-сманн Й. Г. Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. М., Челябинск: Социум, 2013. — *Науч. ред.*]
- 47 Мизес Л. фон. Бюрократия // Мизес Л. фон. Интервенционизм и бюрократия. М.; Челябинск: Социум, 2017. С. 381.
- 48 Махлуп позднее стал членом Общества Мон-Пелерен.
- 49 Лоренс Фертиг (1898—1986) — американский либертарианец, менеджер по рекламе и журналист, обозреватель «New York World-Telegram» и «New York Sun».
- 50 L. Mises, *Bureaucracy* (New Haven, CT: Yale University Press, 1944), iv.
- 51 Хайек вначале предполагал назвать Общество Мон-Пелерен «Обществом Актона—Токвиля». Он написал Попперу, что лорд Актон и де Токвиль должны стать «тем устраивающим всех прочным основанием, с которого может начаться такая совместная работа». Хайек — Попперу, 28 декабря 1946 г., Popper Papers.
- 52 Mises, *Bureaucracy*, 4 [*Мизес*. Бюрократия. С. 302].
- 53 Ibid., 6 [Там же. С. 304].
- 54 Ibid., 71 [Там же. С. 369].
- 55 Рональд Рейган, как потом и Тони Блэр, выступал за привлечение успешных бизнесменов в правительство и на государственную службу. См. главу 4.
- 56 Mises, *Bureaucracy*, 49 [*Мизес*. Бюрократия. С. 346—347].
- 57 Ibid., 48 [Там же. С. 350].
- 58 Ibid., 60 [Там же. С. 359].
- 59 Цит. по записи Государственной службы телевидения, *The Commanding Heights*, 2001.
- 60 Mises, *Bureaucracy*, 61 [*Мизес*. Бюрократия. С. 360].
- 61 Ibid., 63 [Там же. С. 361].
- 62 См., например, интервью Фридмена Чарли Роузу, 26 декабря 2005 г., www.charlirose.com/search/?text=milton+friedman, и интервью, взятое автором у Найджела Лоусона в июне 2007 г.
- 63 Их классическая работа «The Calculus of Consent» (Ann Arbor: University of Michigan Press), развивавшая ранние исследования Дункана Блэка, вышла в 1962 г.
- 64 Mises, *Bureaucracy*, 19 [*Мизес*. Бюрократия. С. 317].
- 65 Ibid., 66 [Там же. С. 365]. Это рассуждение Мизеса представляет особый интерес, ибо критикуемый им подход есть именно

та позиция, на которой стоят экономические школы рациональных ожиданий и политологи, считающие, что экономические и прочие формы человеческой деятельности по своей природе предсказуемы и рациональны. Но выстраиваемые ими модели становятся проблематичными, когда сталкиваются с поведением, которое не укладывается в намеченные моделью рамки. В связи с этим следует отметить развитие в последнее время поведенческой экономической теории, которая стремится снять недостатки традиционных экономических подходов путем учета приводящих влияний и мотиваций, в том числе фактора рациональной иррациональности. См., например: G. Akerlof and R. Shiller, *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009).

66 Mises, *Bureaucracy*, 68 [Мизес. Бюрократия. С. 364].

67 Ibid., 76 [Там же. С. 374].

68 Ibid., 9 [Там же. С. 307].

69 Национальная казна, из которой конгрессмены черпают средства на осуществление всевозможных программ в интересах своего избирательного округа.

70 Mises, *Bureaucracy*, 102 [Мизес. Бюрократия. С. 399].

71 Ibid., 103 [Там же. С. 401–402].

72 Ibid., 95 [Там же. С. 397–398].

73 Хайек, *Road to Serfdom*, 17 [Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. С. 44].

74 Существуют несколько полезных биографий Хайека. Наиболее полная история его жизни и интеллектуальной эволюции: Alan Ebenstein, *Friedrich Hayek: A Biography* (London: Macmillan, 2001). Интеллектуальную биографию в 2005 г. Выпустил Брюс Колдуэлл: Bruce Caldwell, *Hayek's Challenge: An Intellectual Biography* (Chicago: University of Chicago Press). Лучшим обзором работы Хайека как экономиста, политолога и философа является, пожалуй, книга: *The Cambridge Companion to Hayek*, ed. Edward Feser (Cambridge: Cambridge University Press, 2006). Книга Джереми Ширмура — Jeremy Shearmur, *Hayek and After: Hayekian Liberalism as a Research Programme* (London: Routledge, 1996) — раскрывает методологическое значение идей Хайека. Джон Грей написал очерк о философской значимости идей Хайека, который вышел в виде отдельной брошюры — John Gray, *F. A. Hayek and the Rebirth of Classical Liberalism* (Arlington, VA: Institute for Humane Studies, 1982), — и книгу «Hayek on Liberty» (London: Roudedge, 1984). Имонн Батлер тоже написал очень полезное введение к Хайеку: Eamonn Buder, *Hayek: His Contribution to the Political and Economic Thought of Our Time* (Middlesex: Maurice Temple Smith, 1983); см. также: A. Gamble, *Hayek: The Iron Cage of Liberty* (London: Polity Press, 1996). Об экономических идеях

Хайека см.: G. R. Steele, *The Economics of Friedrich Hayek* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007); P. Boettke, ed., *The Legacy of F. A. Hayek: Politics, Philosophy and Economics*, 3 vols. (Cheltenham: Edward Elgar, 1999).

- 75 Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society*, p. 18. Кеннановское издание «Богатства народов» было опубликовано издательством «Methuen» в 1904 г.
- 76 В 1963 г. Хайек переехал во Фрайбург, а в 1968 г. в Зальцбург. В 1983 г. Маргарет Тэтчер наградила его орденом Кавалеров почета, высшей наградой Англии для гражданских лиц.
- 77 Микрофильм. Поппер — Хайеку, 28 мая 1944 г., Hayek Papers.
- 78 Hayek, *Road to Serfdom*, 78 [Хайек. Дорога к рабству. С. 40—41].
- 79 См.: Послесловие «Почему я не консерватор» в: F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960).
- 80 Hayek, *Road to Serfdom*, 14 [Хайек. Дорога к рабству. С. 41—42].
- 81 Поппер — Хайеку, 7 февраля 1944 г., Popper Papers.
- 82 Хайек — Попперу, 29 января 1944 г., Popper Papers.
- 83 Поппер — Хайеку, 14 марта 1944 г., Popper Papers.
- 84 Поппер — Хайеку, 9 декабря 1943 г., Popper Papers.
- 85 Хайек — Попперу, 29 января 1944 г., Popper Papers.
- 86 Поппер — Хайеку, 7 февраля 1944 г., Popper Papers. В этом письме Поппер изложил любопытный взгляд на историю идей: «Параллелизм, который вы отмечаете между Контом и Гегелем, действительно бросается в глаза и проявляется даже в “косвенной” манере их влияния, которую вы отмечаете в конце статьи о Конте. Мне представляется, что контраст между континентальной и английской философией (я думаю, что Бёрк в некоторых отношениях ближе к континентальной, а Кант — к английской: достаточно вспомнить его сокрушительную критику Гердера) может отчасти объясняться тем, что Промышленная революция в Англии была автохтонной, а в Германии гетерохтонной (Франция где-то посередине). Поэтому эволюционистская философия, которая отчасти представляет собой реакцию на революционные перемены, декларировалась более энергично, в более метафизическом или потустороннем стиле в тех странах, где перемены были импортированы, так сказать, из другого мира и таковыми ощущались. Это просто такая догадка, не принимайте ее всерьез! Но все же я хотел бы знать, как вы к ней отнесетесь. Надеюсь, вы не будете возражать, если я позволю себе вставить в письмо к вам такую незрелую мысль!»
- 87 Несмотря на многочисленные идейные разногласия, Хайек и Кейнс были друзьями; когда во время войны Лондонскую школу эвакуировали в Кембридж, Хайек поселился у Кейнса.
- 88 Кейнс — Хайеку, 28 июня 1944 г., box 30, folder 19, Hayek Papers.
- 89 Hayek, *Road to Serfdom*, 5 [Хайек. Дорога к рабству. С. 34].

- 90 Ibid., 79 [Там же. С. 96].
- 91 C. Murray, *Losing Ground: American Social Policy, 1950–1980* (New York: Basic Books, 1984); D. P. Moynihan, *The Negro Family: The Case for National Action* (Washington, DC: U.S. Department of Labor, Office of Policy Planning and Research, 1965).
- 92 Hayek, *Road to Serfdom*, 60 [Хайек. Дорога к рабству. С. 79].
- 93 Ibid., 71 [Там же. С. 89].
- 94 Ibid., 24 [Там же. С. 49]. О «сен-симонизме» см.: F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason* (Indianapolis: Liberty Fund, 1980) [Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003].
- 95 Hayek, *Road to Serfdom*, 26 [Хайек. Дорога к рабству. С. 51].
- 96 Ibid., 162 [Там же. С. 163].
- 97 Ibid., 165 [Там же. С. 165].
- 98 Информативное исследование об ордолибералах: R. Ptak, «Neoliberalism in Germany: Revisiting the Ordoliberal Foundations of the Social Market Economy», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*. О ранней Чикагской школе: A. Bergin, «The Radical Conservatism of Frank Knight», *Modern Intellectual History* 63, no. 3 (2009), pp. 513–538.
- 99 Hayek, *Road to Serfdom*, 35 [Хайек. Дорога к рабству. С. 59].
- 100 Ibid., 49 [Там же. С. 70].
- 101 Кейнс — Хайеку, 28 июня 1944 г., Hayek Papers.
- 102 Хайек сделал это в более поздних работах «Конституция свободы» (1960) и «Право, законодательство и свобода» (1973; 1976; 1979), где уделил особое внимание вопросу о том, в каких правовых рамках должен функционировать рынок в условиях честной конкуренции.
- 103 R. Van Horn, «Reinventing Monopoly and the Role of Corporations: The Roots of Chicago Law and Economics», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*, p. 204.
- 104 Hayek, *Road to Serfdom*, 37 [Хайек. Дорога к рабству. С. 60].
- 105 Ibid., 64 [Там же. С. 76].
- 106 Хайек — Самуэльсону, 18 декабря 1980 г., box 48, folder 5, Hayek Papers.
- 107 Ibid.
- 108 Ответ Самуэльсона, датированный 2 января 1981 г., составлен в весьма изящных и любезных выражениях: «Годы, проведенные за изучением Ваших сочинений, настолько обогатили меня, что я намерен уделить особое внимание подготовке оптимальной *précis* [краткой сводки] основных Ваших идей. Когда пророк предостерегает об определенных “тенденциях”, всегда стоит деликатная задача объяснить, в какой мере он сам верит в то, что его предостережения способны изменить “вероятность” того, что его опасения все-таки оправдаются. Я постараюсь решить проблему

адекватной передачи этих оттенков смысла. Мне доставляет удовольствие наблюдать, что «весть» Хайека получает все большее признание в сфере экономической науки. Моисею не было дано вступить в землю обетованную, но можно надеяться, что Фридрих Хайек, вступая в 1980-е годы, не без удовольствия сознает, что ему не уготована участь Кассандры — безошибочно видеть и предвещать те вещи, в которые мир отказывается верить».

109 Речь Черчилля 4 июня 1945 г.

110 Hayek, *Road to Serfdom*, 91 [Хайек. Дорога к рабству. С. 106].

111 K. Tribe, «Neoliberalism in Britain, 1930—1980», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*, chap. 1.

112 I. Berlin, *Two Concepts of Liberty*, in *Four Essays on Liberty* (Oxford: Oxford University Press, 1969) [Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 122—185].

113 Hayek, *Road to Serfdom*, 101 [Хайек. Дорога к рабству. С. 114].

114 Ibid., 119—120 [Там же. С. 129—130].

115 Ibid., 123 [Там же. С. 132 сл.].

116 Ibid., 133 [Там же. С. 140].

117 Ibid., 135 [Там же. С. 142].

118 Ibid., 206 [Там же. С. 199].

119 Правда, порожденное военным опытом убеждение в эффективности планирования и сделанный из него вывод, что если можно планировать экономику во время войны, то же самое следует делать и в мирное время, встретили своих критиков, которые считали эти идеи тяжелой ошибкой послевоенного устройства в Англии. В числе этих критиков были, например, советник Маргарет Тэтчер по социально-экономической политике Джон Хоскинс и будущий канцлер казначейства Джеффри Хоу (Джон Хоскинс и жеффри Хоу, интервью с автором, июнь и июль 2007 г.).

357 120 Hayek, *Road to Serfdom*, 215 [Хайек. Дорога к рабству. С. 206—207].

121 J. Blundell, introduction to *The Road to Serfdom*, by R. A. Hayek, Reader's Digest condensed version (London: IEA, 1999), p. XV.

122 «Заявление о целях», Общество Мон-Пелерен, 8 апреля 1947 г., цит. по: Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society*, p. XVII.

123 Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society*, pp. 18—19.

124 Мизес — Хайеку, 31 декабря 1946 г., box 38, folder 24, Hayek Papers.

125 Хайек — Леонарду Риду, 16 октября 1947, box 20, folder 1, Hayek Papers.

126 О том, насколько важную роль в возрождении консерватизма и становлении неолиберализма в послевоенный период играли оппозиционные Новому курсу бизнесмены, рассказывает книга Ким Филлипс-Фейн: Kim Phillips-Fein, *Invisible Hands: The Businessmen's Crusade against the New Deal* (New York:

- W. W. Norton, 2009). См. также: E. Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise: The Business Assault on Labor and Liberalism* (Urbana: University of Illinois Press, 1994).
- 127 Хайек — Риду, 16 октября 1947 г., Hayek Papers.
- 128 Хайек — Риду, 29 января 1948 г., box 20, folder 1, Hayek Papers.
- 129 Корнуэлл — Хайеку, 4 февраля 1948 г., box 20, folder 1, Hayek Papers.
- 130 R. Van Horn and P. Mirowski, «The Rise of the Chicago School of Economics and the Birth of Neoliberalism», chap. 4 in Van Horn and Mirowski, *The Road from Mont Pèlerin*, 156. Ван Хорн и Миrowsки считают, что благодаря финансовому содействию Фонда Волкера роль Хайека в формировании второй чикагской школы была гораздо значительнее, чем считалось, и даже более значительной, чем роль Фридмена.
- 131 F. A. Hayek, «The Intellectuals and Socialism», *University of Chicago Law Review*, Spring 1949, 417 [Хайек. Интеллектуалы и социализм // Хайек. Капитализм и историки. Челябинск, 2012. С. 229].
- 132 Хайек — Попперу, 13 февраля 1947 г., Popper Papers.
- 133 Hayek, «Intellectuals», 417 [Хайек. Интеллектуалы и социализм. С. 229].
- 134 Ibid., 418 [Там же. С. 232].
- 135 Ibid., 419 [Там же. С. 233].
- 136 Ibid. [Там же. С. 234].
- 137 Ibid., 420 [Там же. С. 236].
- 138 Рид — Хайеку, 29 октября 1948 г., box 20, folder 1, Hayek Papers.
- 139 Hayek, «Intellectuals», 432—433 [Хайек. Интеллектуалы и социализм. С. 256—258].
- 140 Ibid., 429 [Там же. С. 251; в русском переводе выражение «в старом смысле слова», которое должно стоять во втором абзаце после слова «либерального», опущено].

Глава 3

- 1 A. Glyn, *Capitalism Unleashed* (Oxford: Oxford University Press, 2006); D. Harvey, *A Brief History of Neoliberalism* (Oxford: Oxford University Press, 2005); N. Klein, *The Shock Doctrine* (London: Penguin, 2008).
- 2 P. Mirowski, «Review of Harvey, *A Brief History of Neoliberalism*», in *Economics and Philosophy* 24 (2008), p. 112.
- 3 О чикагских школах в целом см.: M. Bronfenbrenner, «On the Chicago School of Economics», *Journal of Political Economy* 70 (1962), pp. 72—75; R. Coase, «Law and Economics at Chicago», *Journal of Law and Economics* 36 (1993), pp. 239—254; A. W. Coats, «The Origins of the Chicago School(s)», *Journal*

- of *Political Economy* 71 (1963), pp. 487–493; R. Emmett, *The Elgar Companion to Chicago Economics* (Cheltenham: Edward Elgar, 2010); K. Hoover, *Economics as Ideology* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003); E. W. Kitch, ed., «The Fire of Truth: A Remembrance of Law and Economics at Chicago, 1932–1970», *Journal of Law and Economics* 26 (1983), pp. 163–234; L. Miller, «On the “Chicago School” of Economics», *Journal of Political Economy* 70 (1962), pp. 64–69; D. Patinkin, *Essays on and in the Chicago Tradition* (Durham, NC: Duke University Press, 1981); M. Reder, «Chicago Economics: Permanence and Change», *Journal of Economic Literature* 20 (1982), pp. 1–38; W. Samuels, ed., *The Chicago School of Political Economy* (East Lansing: Michigan State University Press, 1976).
- 4 Важной попыткой прояснить некоторые нюансы позиций лидеров первой школы является статья Ангуса Берджина о Фрэнке Найте: Angus Bergin, «The Radical Conservatism of Frank Knight», *Modern Intellectual History* 6, no. 3 (2009), pp. 513–538.
- 5 G. Stigler, «Henry Calvert Simons», *Journal of Law and Economics* 17, no. 1 (April 1974), p. 5.
- 6 О Найте см. также: J. Buchanan, «Frank H. Knight», in *Remembering the University of Chicago*, ed. E. Shils (Chicago: University of Chicago Press, 1991); F. Knight, *Selected Essays*, ed. R. Emmett, 2 vols. (Chicago: University of Chicago Press, 1999), pt. 2, chap. 6, of *The Elgar Companion to Chicago*, by R. Emmett; R. Sally, «The Political Economy of Frank Knight: Classical Liberalism from Chicago», *Constitutional Political Economy* 8 (1997), pp. 123–128. О Вайнере см.: P. Samuelson, «Jacob Viner», in Shils, *Remembering the University of Chicago*.
- 7 О Директоре см.: R. Coase, «Aaron Director», in *The New Palgrave Dictionary of Economics and Law*, ed. Paul Newman (New York: Macmillan, 1998); R. Van Horn, «Aaron Director», in Emmett, *Elgar Companion to Chicago Economics*, chap. 3. О Стиглере см. его автобиографию: George Stigler, *Memoirs of an Unregulated Economist* (New York: Basic Books, 1988), а также см.: E. Nik-Khah, «George J. Stigler», in Emmett, *Elgar Companion to Chicago Economics*, p. 265–270. О Беккере см. сборник статей, выпущенный Гуверовским институтом: *The Essence of Becker* (Stanford, CA: Hoover Institution, 1995).
- 8 О различиях между австрийской и чикагской школами и превратном их толковании Фридмен так написал директору Института Катона Эду Крейну 1 июня 1977 г.: «Неоспоримый факт заключается в том, что если вообще существует хоть какое-то энергичное движение за снижение роли государства, за ограничение государственного регулирования и вмешательства в экономику, то основным его источником всегда была чикагская школа и та группа, которую вы не без уничижения называете монетаристами.

Я не могу понять, какую цель вы преследуете, когда превратно толкуете эти, в сущности, мелкие доктринальные расхождения и выдаете их за принципиальные разногласия» (Box 24, folder 17, Friedman Papers, Hoover Institution, Stanford University, Palo Alto, CA — далее Friedman Papers). Согласно Фридмену, единственное серьезное различие между двумя группами — это подход к экономическому циклу, хотя на самом деле австрийская школа просто подчеркивала существование неизменного экономического закона, а вторая чикагская школа уделяла основное внимание позитивной экономической теории, эмпирическим доказательствам и тестировании данных.

- 9 Van Horn and Mirowski, «Rise of the Chicago School of Economics», p. 155.
- 10 Ibid., p. 162.
- 11 Ibid., p. 149.
- 12 О роли Хайека см. также: J. Peck, «Remaking Laissez-Faire», *Progress in Human Geography* 32, no. 1 (2008), pp. 3–43. Согласно Пеку, Хайек, проводя свою стратегию по организации неолиберализма, «часто выступал в роли посредника». Пек упоминает о дебатах в Обществе Мон-Пелерен между фракцией Роббинса — Директора, которая хотела сохранить за обществом сугубо академический характер, и фракцией Карла Брандта из Стенфорда и Альберта Хунольда из Женевы, которая выступала за разработку конкретной политической программы.
- 13 Stigler, «Henry Simons», p. 1.
- 14 Ibid.
- 15 О Саймонсе см. также: С. А. Bowler, «The Papers of Henry C. Simons», *Journal of Law and Economics* 17, no. 1 (1972), p. 7–11; J. B. De Long, «In Defense of Henry Simons' Standing as a Classical Liberal», *Cato Journal* 9 (1990), pp. 601–618; A. Director, «Simons on Taxation», *University of Chicago Law Review* 4 (1946), pp. 15–19.
- 16 H. Simons, «A Positive Programme for Laissez-Faire: Some Policies for a Liberal Economic Policy», chap. 2 in *Economic Policy for a Free Society* (Chicago: University of Chicago Press, 1948), 42. Работа была первоначально опубликована в сборнике статей по государственной политике, изданном Чикагским университетом в 1934 г. под редакцией Гарри Гайдеонса.
- 17 H. Simons, «Rules versus Authorities in Monetary Policy», *Journal of Political Economy* 44, no. 1 (1936), pp. 1–30. Позже, при Маргарет Тэтчер, канцлеры казначейства Джеффри Хоу и Найджел Лоусон видели, например, в европейском механизме валютных курсов источник внешней финансовой дисциплины, способной сдерживать неумеренность английской финансовой политики.
- 18 О жизни Фридмена повествует автобиография, написанная им совместно с женой: M. Friedman and R. Friedman, *Two Lucky*

- People: Memoirs* (Chicago: University of Chicago Press, 1999).
 Биография Фридмена: Alan Ebenstein, *Milton Friedman* (London: Palgrave, 2007). О денежной теории см.: R. Woods, ed., *Milton Friedman: Critical Assessments* (London: Routledge, 1990).
- 19 См., например: M. Friedman, «The Monetary Theory and Policy of Henry Simons», *Journal of Law and Economics* 10 (October 1967), pp. 1—13.
- 20 Simons, «A Positive Programme for Laissez-Faire», p. 42.
- 21 Ibid., p. 42.
- 22 Ibid., p. 43.
- 23 Ibid., p. 42.
- 24 См.: R. Van Horn, «Reinventing Monopoly and the Role of Corporations: The Roots of Chicago Law and Economics», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*.
- 25 Австрийцы не использовали «неолиберализм» в качестве стандартного термина, хотя он и получил такой статус на коллоквиуме Уолтера Липпмана в 1938 г. Но в Германии он использовался.
- 26 M. Friedman, «Neo-liberalism and Its Prospects», 1951, p. 4, box 42, folder 8, Friedman Papers. Вариант этого текста был позже опубликован в журнале «Farmand» (February 1951, vol. 17, pp. 89—93).
- 27 Примечательно, что Фридмен в своей статье определяет систему Саймонса как неолиберальную, а не как систему *laissez faire*, хотя сам Саймонс относил свои идеи именно к последней. Возможно, это связано с тем, что в последующие после Великой депрессии десятилетия само понятие *laissez faire* обросло негативными оттенками смысла. Ранние неолибералы 1930-х годов считали своей задачей наметить средний путь между *laissez faire* и Новым курсом. Такова же центральная тема статьи Фридмена; он вновь вернулся к ней в 1970-е годы.
- 28 Friedman, «Neo-liberalism and Its Prospects», p. 4.
- 29 Ibid., p. 3.
- 30 Ibid., p. 5.
- 31 Широко известно заявление Алана Гринспена, сделанное им в Комитете по надзору и правительственной реформе при палате представителей в ответ на вопросы председателя Генри Уоксменса: «Я, — сказал Гринспен, — нашел изъян в той модели свободного рынка, которую считал принципиально важной функциональной структурой, определяющей все, что происходит в мире»; под этой «принципиально важной структурой» подразумевалось саморегулирование финансовых рынков.
- 32 Программы восьми собраний (1947—1957) Общества Мон-Пелерен: 1/4, Cockett Papers (скопированы из архива Института Гувера), архивы Лондонской школы экономики (далее Cockett Papers).
- 33 H. Simons, «For a Free Market Liberalism», *University of Chicago Law Review* 8, no. 2 (February 1941), p. 213.

- 34 Ibid., p. 205.
- 35 Работу австрийской школы и особенно Мизеса можно отчасти рассматривать как попытку противостоять этой влиятельной тенденции немецкой истории путем перенацеливания политической экономии на индивида.
- 36 Об Адаме Смите и шотландском Просвещении см.: I. Hont, M. Ignatieff, and A. Skinner, eds., *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983). О Юме см. D. Forbes, *Hume's Philosophical Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985). О Смите и Юме см.: К. Хааконссен, *The Science of a Legislator: The Natural Jurisprudence of David Hume and Adam Smith* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981) и изданный под его редакцией сборник: *The Cambridge Companion to Adam Smith* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006).
- 37 N. Phillipson, *Adam Smith: An Enlightened Life* (London: Penguin, Allen Lane, 2010), p. 117.
- 38 F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), p. 1.
- 39 Неопубликованная статья Милтона Фридмена об Адаме Смите: Friedman «Highlights of Remarks for Tuck 75th Anniversary Symposium», 28 May 1976, box 55, folder 20, Friedman Papers.
- 40 Милтон Фридмен, «Актуальность Адама Смита в 1976 г.», выступление в Обществе Мон-Пелерен 27 августа 1976, box 55, folder 21, Friedman Papers.
- 41 См.: E. Rothschild, *Economic Sentiments: Adam Smith, Condorcet, and the Enlightenment* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001), p. 65.
- 42 I. Hont and M. Ignatieff, introduction to *Wealth and Virtue*, ed. I. Hont, M. Ignatieff, and A. Skinner. См. также: I. Hont, *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005).
- 43 Жирондисты — французские либеральные революционеры, стоявшие у власти до прихода более радикальных якобинцев, которые развязали Большой террор.
- 44 Rothschild, *Economic Sentiments*, p. 30.
- 45 Ibid., p. 55.
- 46 Ibid., «Adam Smith and Conservative Economics», chap. 2.
- 47 Бьюкенен — Хайеку, без даты, 1966, box 13, folder 14, Hayek Papers.
- 48 Phillipson, *Adam Smith*.
- 49 R. Coase, Mont Pèlerin Society circular, «Adam Smith's View of Man» (1976), 1, 1/4, Cockett Papers.
- 50 Ibid., p. 5.
- 51 Ibid., p. 14.

- 52 G. Stigler, Mont Pèlerin Society circular, «The Successes and Failures of Professor Smith» (1976), 1/4, Cockett Papers.
- 53 A. Smith, *The Wealth of Nations*, book 4 (London: Everyman, 1991), chap. 2, 421 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 443].
- 54 Friedman, «Smith's Relevance for 1976», p. 12.
- 55 Ibid., p. 4.
- 56 Ibid., p. 13.
- 57 Ibid., p. 4.
- 58 Ibid., pp. 6–7.
- 59 Ibid., p. 7.
- 60 A. Smith, *The Wealth of Nations*, book 5, chap. 1, articles 1 and 2 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. Кн. 5, гл. 1, пар. 1 и 2].
- 61 A. Smith, *The Theory of Moral Sentiments* (Oxford: Oxford University Press, 1976), 61 [Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 78]. Самого Фридмана нельзя упрекнуть в полном равнодушии к обездоленным, но, как мы увидим в следующих главах, использование неолиберальных идей в практической политике Тэтчер и Рейгана безусловно отрицательно сказалось на положении тех, «кто пребывает в нужде и бедствии».
- 362 62 Hayek, *The Constitution of Liberty*, 11.
- 63 См. в особенности: Mises, *Human Action: A Treatise on Economics* (New Haven, CT: Yale University Press, 1949) [Мизес. Человеческая деятельность: трактат по экономике. Челябинск: Социум, 2012]; Hayek, *The Constitution of Liberty*; Friedman, *Capitalism and Freedom* (Chicago: University of Chicago Press, 1962) [Фридмен. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006].
- 64 Friedman, *Capitalism and Freedom*, 13 [Фридман М. Капитализм и свобода. С. 36].
- 65 Мизес — Хайеку, 31 декабря 1946 г., box 38, folder 24, Hayek Papers.
- 66 L. Mises, introduction to *The Wealth of Nations*, by A. Smith (Washington, DC: Henry Regnery, 1952), 3 [Мизес Л. фон. Зачем читать Адама Смита // Мизес Л. фон. Воспоминания и история австрийской школы. Рецензии. М.; Челябинск: Социум, 2017].
- 67 Friedman, *Capitalism and Freedom*, 7 [Фридман М. Капитализм и свобода. С. 31].
- 68 Ibid., p. 17 [Там же. С. 41–42].
- 69 Ibid., p. 20–21 [Там же. С. 45].
- 70 Ibid., p. 21 [Там же. С. 45–46].
- 71 Ibid., p. 197 [Там же. С. 226].
- 72 Ibid., [Там же. С. 227].
- 73 Ibid., p. 199–200 [Там же. С. 229–230].
- 74 Ibid., p. 201 [Там же. С. 231].
- 75 Hayek, *The Constitution of Liberty*.

- 76 Г. Джонсон (сотрудник отдела кадров) — Фридмену, 19 февраля 1951, box 22, folder 9, Friedman Papers.
- 77 Friedman, Preface to *Capitalism and Freedom*, ix [Фридман М. Предисловие 2002 г. // Фридман М. Капитализм и свобода. С. 15].
- 78 F. Fukuyama, *The End of History and The Last Man* (New York: Free Press, 1992) [Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Ермак, АСТ, 2005].
- 79 Основная часть литературы на немецком языке. Из англоязычной литературы по ордолиберализму следует в первую очередь упомянуть следующие работы: С. Allen, «The Underdevelopment of Keynesianism in Germany», *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism across Nations*, ed. P. Hall (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989); A. Peacock and H. Willgerodt (with D. Johnson), eds., *Germany's Social Market Economy*, vol. 1, *Origins and Evolution*, vol. 2, *German Neoliberals and the Social Market Economy* (New York: St. Martin's Press, 1989); A. J. Nicholls, *Freedom with Responsibility: The Social Market Economy in Germany 1918-1963* (Oxford: Clarendon Press, 1994). См. также: С. Friedrich, «The Political Thought of Neo-Liberalism», *American Political Science Review* 49, no. 2 (June 1955), pp. 509—525; H. M. Oliver, «German Neoliberalism», *Quarterly Journal of Economics* 74, no. 1 (1960), pp. 3—43.
- 80 Об Ойкене см.: G. Meijer, «Walter Eucken's Contribution to Economics in an International Perspective», *Journal of Economic Studies* 21, no. 4 (1994), pp. 25—37.
- 81 Friedrich, «The Political Thought of Neo-Liberalism», p. 511.
- 82 Как уже говорилось во введении, немецких неолибералов называли также ордолибералами, поскольку их центральным органом был журнал «Ordo» (сокращенное название вместо полного «Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft», т.е. «Ежегодник по проблемам экономического и общественного порядка». Хайек, Фридмен, Стиглер и Бьюкенен давали в журнал свои статьи по разным вопросам.
- 83 Friedrich, «The Political Thought of Neo-Liberalism», p. 511.
- 84 В прим. 11 той же статьи Фридрих пишет: «Следует отметить, что такие авторы, как Хайек и Людвиг фон Мизес, безусловно разделявшие существенную часть негативных формулировок этой группы, — например, решительное отрицание всех форм социализма и планирования, — тем не менее занимали более традиционалистскую позицию; поэтому среди неолибералов их называли «палеолибералами», т.е. людьми консервативных взглядов, не усвоившими уроков коммунизма и фашизма».
- 85 Это было в то время, когда Социал-демократическая партия Германии отказалась от марксизма и сосредоточила внимание на социальном обеспечении как средстве достижения социальной справедливости.

- 86 R. M. Hartwell, *A History of the Mont Pèlerin Society* (Indianapolis: Liberty Fund, 1995), p. 204.
- 87 Ibid., p. 19.
- 88 WHCF-GEN BE5, National Economy, Nixon Library, National Archives, College Park, MD.
- 89 «Research Report on Ludwig Erhard's Achievements», special bulletin (Great Barrington, MA: American Institute for Economic Research, August 1959), 2.
- 90 В «Капитализме и свободе» Фридмен еще считал, что антимонопольные законы полезны. А в интервью Чарли Роузу 26 декабря 2005 г. он сказал, что антимонопольные законы одобрял ошибочно и что от них больше вреда, чем пользы.
- 91 «Research Report on Ludwig Erhard's Achievements», p. 3.
- 92 Ibid., p. 2.
- 93 Ptak, «Neoliberalism in Germany», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*, p. 104.
- 94 Ibid., p. 103.
- 95 См.: R. Van Horn, «Reinventing Monopoly and the Role of Corporations: The Roots of Chicago Law and Economics», in Mirowski and Plehwe, *The Road from Mont Pèlerin*.
- 96 Джон Хоскинс, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 97 Джеффри Хоу, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 98 Найджел Лоусон, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 99 Норманн Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 100 См.: G. Becker, *The Economics of Discrimination* (Chicago: University of Chicago Press, 1957); *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education* (Chicago: University of Chicago Press, 1964); *The Economic Approach to Human Behaviour* (Chicago: University of Chicago Press, 1976); P. Bauer, *Economic Analysis and Policy in Underdeveloped Economies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1957).
- 101 Джон Бланделл, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 102 Записка находится в документах центрального аппарата администрации Никсона и снабжена следующей пояснительной аннотацией для президента: «Главная мысль данной записки состоит в том, что регулирующие инстанции, как правило, присваиваются отрасли, т.е. создаются и функционируют прежде всего в интересах данной отрасли» (WHCF-EX BE5-Box 47, National Economy, Nixon Library, National Archives, College Park, MD).
- 103 G. Stigler, «The Theory of Economic Regulation», *Bell Journal of Economics and Management Science* 2, no. 1. (Spring 1971), p. 3.
- 104 Ibid., p. 4.
- 105 Ibid., p. 6.
- 106 Ibid.
- 107 Ibid., pp. 17–18.

- 108 Duncan Black, «On the Rationale of Group Decisionmaking», *Journal of Political Economy* 56 (1948), pp. 23–36; *The Theory of Committees and Elections* (Cambridge: Cambridge University Press, 1958); Kenneth Arrow, *Social Choice and Individual Values* (New Haven, CT: Yale University Press, 1951); Anthony Downs, *An Economic Theory of Democracy* (New York: Harper, 1957); Mancur Olsen, *The Logic of Collective Action* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965).
- 109 См., например: W. Riker, *The Theory of Political Coalitions* (New Haven, CT: Yale University Press, 1962).
- 110 Сравнение Бьюкенена с немецким неолiberaлом Вальтером Ойкенем можно найти в статье Лейпольда: Н. Leipold, «Neoliberal Ordnungstheorie and Constitutional Economics: A Comparison between Eucken and Buchanan», *Constitutional Political Economy* 1 (1990), pp. 47–65.
- 111 J. Buchanan, *Public Choice: The Origins and Development of a Research Program* (Fairfax, VA: George Mason University, 2003), p. 5.
- 112 Ibid., p. 1.
- 113 Ibid., p. 5.
- 114 J. Buchanan, introduction to *The Economics of Politics*, ed. J. Buchanan (London: IEA, 1978), p. 17.
- 115 Бьюкенен — Артуру Селдону, 30 апреля 1980, box 40, folder 6, IEA Papers, Hoover Institution.
- 116 Buchanan, «Public Choice», p. 8.
- 117 Бьюкенен — Хайеку, 24 ноября 1965, box 13, folder, 14, Hayek Papers.
- 118 Buchanan, «Public Choice», p. 8.

Глава 4

- 1 Термин «интеллектуальный предприниматель» предложил Джон Бландел из Института экономических дел в докладе *Waging the War of Ideas: Why There Are No Shortcuts*, Heritage Lectures No. 254 (Washington, DC: Heritage Foundation, 1990). Я им воспользовался.
- 2 Фишер — Хайеку, без даты, box 3, folder 7, Hayek Papers.
- 3 Об Эйзенхауэре см.: С. J. Pach and E. Richardson, *The Presidency of Dwight D. Eisenhower* (Lawrence: University of Kansas Press, 1991); R. R. Bowie and R. H. Immerman, *Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy* (Oxford: Oxford University Press, 1998). О послевоенных английских премьерах см.: P. Hennessy, *The Prime Minister* (London: Penguin, 2000); перу этого же автора принадлежит книга об Англии 1950-х годов: P. Hennessy, *Having It So Good* (London: Penguin,

- 2006). См. также: D. Sandbrook, *Never Had It So Good* (London: Litde, Brown, 2005).
- 4 Литература о Рейгане довольно обширна. Благожелательное описание его допрезидентской карьеры см. в: S. B. Hayward, *The Age of Reagan*, vol. 1, 1964–1980 (New York: Prima, 2001), vol. 2, *The Conservative Counterrevolution: 1980–89* (New York: Crown Forum, 2009). Противоположный взгляд: S. Wilentz, *The Age of Reagan: A History, 1974–2008* (New York: HarperCollins, 2008).
 - 5 О Пауэлле см.: S. Heffer, *Like the Roman* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1998).
 - 6 В данной главе «консерватор» со строчной буквы обозначает американских консерваторов, а «Консерватор» с заглавной — членов Консервативной партии Англии.
 - 7 Англия совместно с Францией попыталась отнять контроль над Суэцким каналом у египетского генерала Насера. Военная операция была начата без ведома США, и Эйзенхауэр отказался ее поддержать. В результате англичане были вынуждены отвести войска и потерпели унижительную неудачу.
 - 8 G. H. Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America since 1945* (Wilmington, DE: Intercollegiate Studies Institute, 1996), p. XV.
 - 9 См.: B. Schulman, *From Cotton Belt to Sun Belt* (Oxford: Oxford University Press, 1991); M. Lassiter, *The Silent Majority* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006).
 - 10 Nash, *The Conservative Intellectual Movement*, p. XVI.
 - 11 W. F. Buckley, *God and Man at Yale* (Chicago: Henry Regnery, 1951), p. lix.
 - 12 Неоконсерватизм часто путают с неолиберализмом. Но неоконсерватизм — это прежде всего распространение идеологии свободного рынка и „либеральной“ демократии на новые страны и регионы. Поэтому он в первую очередь сосредоточен на внешней политике, о чем самым наглядным образом свидетельствуют позиции сторонников второй войны в Ираке (2003), таких как Пол Вулфовиц. Неоконсерватизм был идеологией многих бывших радикалов и «либералов», которые разочаровались в программе Великого общества.
 - 13 L. Ribuffo, *The Old Christian Right: The Protestant Far Right from the Great Depression to the Cold War* (Philadelphia: Temple University Press, 1983).
 - 14 Первая кампания по борьбе с «красной угрозой» была развернута после Первой мировой войны и русской революции, в 1919–1920 гг.
 - 15 См.: Lassiter, *Silent Majority*.
 - 16 См.: D. Carter, *The Politics of Rage: George Wallace, the Origins of the New Conservatism and the Transformation of American Politics* (Baton Rouge: Louisiana University Press, 1995).

- 17 Lassiter, *Silent Majority*, p. 1.
- 18 См.: E. Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise* (Urbana: University of Illinois Press, 1994); K. Phillips-Fein, *Invisible Hands: The Businessmen's Crusade against the New Deal* (New York: W. W. Norton, 2009).
- 19 Правда, дебаты по поводу «потери Китая» после 1949 г. показали, что в глазах республиканцев демократы во время битв холодной войны выглядели как «простые официанты на корабле».
- 20 L. McGirr, *Suburban Warriors: The Origins of the New American Right* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001), p. 35.
- 21 Ibid., p. 94.
- 22 «Программную декларацию Шарона» написал Ивенс при участии Энэтт Кирк, жены Рассела Амоса Кирка.
- 23 G. Schneider, *Cadres for Conservatism: Young Americans for Freedom and the Rise of the Contemporary Right* (New York: New York University Press, 1999), p. 1.
- 24 E. J. Dionne, *Why Americans Hate Politics* (New York: Simon and Schuster, 1991), p. 25.
- 25 Записка Рэба Батлера «Сильная и свободная Англия», 1, АСП 3/2, Conservative Party Archive, Bodleian Library, Oxford.
- 26 E. H. N. Green, *Ideologies of Conservatism* (Oxford: Oxford University Press, 2001), p. 223.
- 27 Ibid.
- 28 Ibid., p. 50.
- 29 Джеффри Хоу, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 30 Ibid.
- 31 J. Barr, *A History of the Bow Group* (London: Politicos, 2001), pp. 51–52.
- 32 Джеффри Хоу, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 33 Бойкот автобусов в Монтгомери, штат Алабама, был мирной акцией протеста чернокожих жителей (им запрещалось занимать в автобусах первые четыре ряда сидений, предназначенных только для белых); акция длилась с декабря 1955 г. по декабрь 1956 г., и в ней приняли участие такие лидеры движения за гражданские права, как Мартин Лютер Кинг и Ральф Эбернети. Литл-Рок, шт. Арканзас, стал центром кризиса в 1957 г., когда девяти чернокожим школьникам по решению губернатора Орвала Фобуса было отказано в поступлении в сегрегированную Центральную среднюю школу. Президент Эйзенхауэр приказал ввести в город национальную гвардию и силой обеспечить выполнение решения суда по делу «Браун против Совета по образованию Топики» (1954) о десегрегации школьной системы.
- 34 Питер Рахман — печально известный лондонский домовладелец, который создал в Западном Лондоне целую империю недвижимости. Как считается, он занимался тем, что безжалостно выдавливал белых квартирнотенителей с помощью повышения квартпла-

ты, делил квартиры на клетушки и заселял дома иммигрантами, которые по сравнению с прежними жильцами были фактически бесправными.

- 35 Проблему иммиграции начиная с послевоенного периода до наших дней непрерывно эксплуатировали такие ультраправые группы, как расистские Национальный фронт и Британская национальная партия, а также стоявшая на платформе еврофобии Партия независимости Соединенного Королевства. В разное время их мишенями были выходцы из Вест-Индии, Южной Азии, Центральной и Восточной Европы.
- 36 Hennessy, *Having It So Good*, p. 501.
- 37 В этой речи, произнесенной в Бирмингеме 20 апреля 1968 г., Пауэлл утверждал, что иммиграция из бывшей империи способна разорвать существующую Англию на куски под действием насилия, расовой дисгармонии и гнева.
- 38 Sandbrook, *Never Had it So Good*, p. 290.
- 39 British National Archives, PRO, PREM 11/5198, «Briefing Paper for Senator Goldwater».
- 40 NA, PRO, PREM 11 /5198, note by Lord Harlech, «Goldwater — Republican Candidate».
- 41 M. Friedman, «Neo-liberalism and Its Prospects», 3, unpublished paper, Friedman Papers. Другой вариант этой статьи был опубликован в норвежском неолиберальном журнале «Farmand» в 1951 г.
- 42 S. Blumenthal, *The Rise of the Counter-Establishment: From Conservative Ideology to Political Power* (New York: Times Books, 1986).
- 43 См. выше, глава 2, прим. 133.
- 44 Phillips - Fein, *Invisible Hands*, p. XII.
- 45 Ibid., p. 321.
- 46 American Enterprise Institute, *Annual Report* (Washington, DC: AEI, 2003); текст доступен на сайте <http://www.aei.org/history>.
- 47 H. Hazlitt, «The Early History of FEE», *Freeman* 34, no. 3 (March 1984), pp. 38—39.
- 48 M. Friedman and G. Stigler, *Roofs or Ceilings* (Irvington FEE, 1946).
- 49 Hazlitt, «Early History of FEE», p. 39.
- 50 Эд Крейн, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 51 Hazlitt, «Early History of FEE», p. 38.
- 52 J. Blundell, *Waging the War of Ideas* (London: IEA, 2001), p. 20.
- 53 Ibid., p. 21.
- 54 Энтони Фишер — Фридриху Хайеку, 9 июля 1985 г., box 19, folder 19, Hayek Papers.
- 55 В разное время с институтом сотрудничали Фридмен, Хайек, Мизес, Питер Бауэр, Лайонел Роббинс, Гэри Беккер, Джордж Стиглер, Джеймс Бьюкенен, Гордон Таллок, Мартин Фельдштейн (будущий председатель совета экономических консультантов при

- Рейгане) и Алан Волтерс (будущий главный экономический советник Тэтчер).
- 56 Эд Фелнер, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 57 Джон Редвуд, интервью с автором, июль 2007 г.
- 58 Фишер — Хайеку, 23 сентября 1980 г., box 19, folder 19, Hayek Papers.
- 59 Буклет Института гуманитарных исследований «История института», год не указан, 18, box 26, folder 28, Hayek Papers.
- 60 Ibid., p. 13.
- 61 Ibid., p. 23.
- 62 J. Bruce-Gardyne, «Heresy Hunting in Lord North Street», *Daily Telegraph*, December 7, 1978.
- 63 В интервью с автором, лето 2007 г. Эту оценку разделяет Коккетт в своей книге «Мыслить немислимое», посвященной роли английских исследовательских центров в экономической политике Тэтчер. Другого мнения придерживается Радикха Десаи, автор одной из первых научных работ о неолиберальных исследовательских центрах: Radikha Desai, «Secondhand Dealers in Ideas: Think-tanks and Thatcherite Hegemony», *New Left Review* 1 (January-February 1994), pp. 27—65.
- 64 Margaret Thatcher, «Speech to IEA», 17 April 1987, box 19, folder 19, Hayek Papers. 368
- 65 Леон Бриттен, интервью с автором, июль 2007 г.
- 66 Эд Фелнер, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 67 Там же.
- 68 K. Tribe, «Neoliberalism in Britain, 1930—1980», in Van Horn and Mirowski, *The Road from Mont Pèlerin*, p. 88.
- 69 Эд Фелнер, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 70 Там же.
- 71 Рональд Рейган — Имонну Батлеру, 27 марта 1984 г., box 24, folder 22, Hayek Papers.
- 72 www.heritage.org/About/35thAnniversary.cfm.
- 73 L. Edwards, *The Power of Ideas: The Heritage Foundation at 25 Years* (Ottawa, IL: Jameson Books, 1997), p. 26.
- 74 Ibid., p. XIII.
- 75 Эд Крейн, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 76 О Рэнд и ее влиянии на подъем новых правых в послевоенные годы см.: J. Burns, *Goddess of the Market: Ayn Rand and the American Right* (Oxford: Oxford University Press, 2009).
- 77 Эд Крейн, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 Box 14, folder 20, Hayek Papers.
- 81 Мэдсен Пири и Имонн Батлер, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 82 Там же.

- 83 См.: M. Pirie, *Micropolitics* (London: Wildwood House, 1988).
- 84 Имонн Батлер — Фридриху Хайеку, 30 октября 1978 г., box 9, folder 3, Hayek Papers.
- 85 Также он стал президентом Сент-Джеймского общества, которое Имонн Батлер называет «английской версией Филадельфийского общества и Общества Мон-Пелерен».
- 86 D. Mason, *Revising the Ratings System* (London: Adam Smith Institute, 1985). Налог вызвал кампанию протеста, которая достигла пика 31 марта 1990 г., когда собравшиеся на Трафальгарской площади 200 тыс. демонстрантов устроили беспорядки. После того как Тэтчер подала в отставку, налог был отменен по инициативе Майкла Хезелтайна, министра по вопросам окружающей среды.
- 87 С. Murray, *Losing Ground: American Social Policy, 1950–1980* (New York: Basic Books, 1984).
- 88 Боб Доул — Уильяму Хэмметту, 24 ноября 1984 г., box 23, folder 15, Hayek Papers.
- 89 Дэвид Уиллетс — Уильяму Хэмметту, 26 ноября 1984 г., box 23, folder 15, Hayek Papers.
- 90 Артур Селдон — Хайеку, 28 августа 1975 г.
- 91 Хайек — Селдону, 7 сентября 1975 г.
- 92 Интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 93 См.: Phillips-Fein, *Invisible Hands*.
- 94 Cockett, *Thinking the Unthinkable*, p. 80.
- 95 Фридмен — Р. Корнуэллу, 23 января 1956 г., box 24, folder 9, Friedman Papers.
- 96 Box 17, folder 37, Hayek Papers.
- 97 Леонард Рид — Хайеку, 7 января 1970 г., box 20, folder 1, Hayek Papers.
- 98 Джордж Шульц, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 99 Memo to «Liberals of the British Isles and the Continent of Europe» on the subject of the «Interchange of Liberal Literature», box 20, folder 1, Hayek Papers.
- 100 Ральф Рейко — Фридриху Хайеку, 7 апреля 1977, box 14, folder 20, Hayek Papers.
- 101 M. Friedman, «The Limitations of Tax Limitation», *Heritage Foundation Policy Review*, Summer 1978, p. 11.
- 102 Найджел Лоусон, интервью с автором, июль 2007 г.
- 103 Об этом см.: Nash, *The Conservative Intellectual Movement in America*.
- 104 Фридмен — Бакли, 3 сентября 1969 г., box 22, folder 13, Friedman Papers.
- 105 См. Mary Brennan, *Turning Right in the Sixties* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995); Gregory Schneider, *Cadres for Conservatism*.
- 106 R. Perlstein, *Before the Storm: Barry Goldwater and the Unmaking of the American Consensus* (New York: Hill and Wang, 2001).

- 107 Brennan, *Turning Right*, p. 14.
- 108 Эд Крейн, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 109 Там же.
- 110 Рональд Рейган, «Положение вновь обязывает», речь в Институте директоров, Лондон, 6 ноября 1969 г., GO 178, Gubernatorial Papers, Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA.
- 111 G. Soros, «The Financial Crisis: An Interview with George Soros», *New York Review of Books*, May 15, 2008.
- 112 Джордж Шульц, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 113 Там же.
- 114 Найджел Лоусон и Норманн Ламонт, интервью с автором, июнь и июль 2007 г.
- 115 Селсдонская конференция — знаменитая конференция теневого кабинета, созданная Эдвардом Хитом для подготовки манифеста на общеанглийские выборы 1970 г. Критики Хита, особенно правые, впоследствии утверждали, что, возглавив правительство, он отступил от радикальной программы, согласованной в Селсдоне, и в ряде случаев совершил разворот на 180 градусов. Сторонники Хита решительно отвергают эти обвинения, указывая, что радикальная рыночная программа никогда не принималась, а потому нельзя говорить об отказе от нее.
- 116 K. Joseph, *Monetarism Is Not Enough* (London: CPS, 1976).
- 117 Согласно историку Ричарду Коккетту, в молодости, в 1940-е годы, Тэтчер определенно читала «Дорогу к рабству».
- 118 N. Lawson, *The View from No. 11* (London: Bantam, 1992), p. 1041. 370
- 119 Он добавил ее в качестве эпилога к своему политическому манифесту «Конституция свободы», опубликованному в 1960 г.
- 120 Фридмен — Конгдону, 12 июня 1979 г., Friedman Papers.
- 121 Джеймс Бьюкенен — Хайеку, 10 января 1963 г., box 13, folder 14, Hayek Papers. В том же письме Бьюкенен шутливо рассказал Хайеку, какой известностью тот пользуется у студентов Виргинского университета: «P.S. Может быть, Вас позабавит такая история. Команда Виргинского университета только что вернулась в ранге «чемпионов» «Университетского кубка» — это такая телевикторина, где команды соревнуются друг с другом. И вот что в этой истории примечательно. Наши ребята, вообще очень знающие, не имели экономической подготовки и в первых раундах провалились на экономических вопросах. Но в последнем воскресном раунде, когда они выиграли в пятый раз, один вопрос был такой: какой предмет вы изучали бы, если бы вам предложили читать Густава Касселя, Альфреда Маршалла и Фридриха Хайека? Они ответили блестяще, гораздо лучше другой команды».
- 122 Норман Ламонт, канцлер казначейства при Мейджоре, и Дуглас Херд, занимающий посты министра внутренних дел и министра

иностранных дел при Тэтчер, считают этот период «героическим», а Мартин Андерсон, работавший в Белом доме в первый срок Рейгана, называет президентство Рейгана «революцией». Среди серьезных исторических исследований этот взгляд представляет книга Ричарда Коккетта «Мыслить немислимое». В основном она посвящена Англии, но местами обращается и к американским реалиям, а главы 7 и 8 имеют подзаголовки «Героическая эпоха», части 1 и 2.

Глава 5

- 1 Эта и следующая глава посвящены в первую очередь политическому продвижению определенной системы экономических идей. Главное внимание в них уделено не детальному сравнению достоинств различных экономических теорий (такие оценки должны выносить специалисты), а процессу их усвоения политиками, в том числе находившимися у власти, с учетом того обстоятельства, что они далеко не всегда могли понять теорию четко и полностью. Полная картина того, какими путями экономические идеи закреплялись в политической сфере благодаря их успешному продвижению в кризисные времена, наглядно иллюстрирует всю сложность взаимодействия между академическим знанием и политическим процессом.
- 2 Найджел Лоусон, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 3 О Кейнсе, его идеях и распространении доктрины, которая получила название кейнсианства см.: P. Hall, ed., *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism across Nations* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1989). О кейнсианстве и его распространении см.: D. Winch, «Keynes, Keynesianism, and State Intervention». О влиянии кейнсианства в США см.: W. Salent, «The Spread of Keynesian Doctrines and Practices in the United States», chap. 2.
- 4 J. M. Keynes, *A Tract on Monetary Reform* (London: Macmillan, 1923, 2000), p. 80 (см.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 819 (эта фраза переведена как «С птичьего полета все мы покажемся мертвецами»)). Замечание Кейнса относится к корректности количественной теории денег. Кейнс подчеркивал значение перемен, происходящих в реальной деятельности, в то время как уровень цен адаптируется к изменениям количества денег. Это главный аргумент Кейнса в пользу политики ценовой стабильности при плавающем курсе. Неудивительно, что Фридмен считал эту книгу лучшей работой Кейнса.
- 5 См., например, главу 1 в: R. Cockett, *Thinking the Unthinkable: Think-Tanks and the Economic Counter-Revolution* (London: Fontana Press, 1995).

- 6 R. Skidelsky, *John Maynard Keynes*, 3 vols. (London: Macmillan, 1983, 1992; 2000), vol. 2, p. XV. Первым официальным биографом Кейнса стал его друг и последователь Рой Хэррод; в своей книге он старался поддержать международную и особенно американскую репутацию Кейнса. Трехтомный труд Скидельски — плод более чем двадцатилетней исследовательской работы. См. также: P. Clarke, *Keynes: The Rise, Fall and Return of Twentieth Century's Greatest Economist* (London: Bloomsbury, 2009).
- 7 Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 2, p. XV.
- 8 R. Backhouse and B. Bateman, «A Cunning Purchase: The Life and Work of Maynard Keynes», in *The Cambridge Companion to Keynes*, ed. R. Backhouse and B. Bateman (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), p. 15.
- 9 См., например: D. Laidler, «Keynes and the Birth of Modern Macroeconomics», in Backhouse and Batemen, *The Cambridge Companion to Keynes*, chap. 3, p. 51.
- 10 Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 2, p. 183.
- 11 Laidler, «Keynes and the Birth of Modern Macroeconomics», p. 51.
- 12 Ibid.
- 13 Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 3, p. 153.
- 14 «Friedman: Prophet of New, New Economics?», *Washington Post*, December 31, 1967.
- 15 Найджел Лоусон, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 16 R. Skidelsky, «Hayek versus Keynes: The Road to Reconciliation», in *The Cambridge Companion to Hayek*, ed. E. Feser. chap. 5 (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), p. 95.
- 17 Ibid., p. 95.
- 18 A. W. Phillips, «The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861—1957», *Economica*, n.s., 25, no. 100 (November 1958), pp. 283—299.
- 19 P. Samuelson and R. Solow, «Analytical Aspects of Anti-Inflation Policy», *American Economic Review* 50, no. 2 (May 1960), pp. 177—194. Special issue, *Papers and Proceedings of the Seventy-second Annual Meeting of the American Economic Association*.
- 20 J. M. Keynes, *How to Pay for the War* (London: Macmillan, 1940).
- 21 Laidler, «Keynes and the Birth of Modern Macroeconomics», p. 54.
- 22 G. Peden, «Keynes and British Economic Policy», in Feser, *Cambridge Companion to Keynes*, chap. 6, p. 111.
- 23 PREM 11, PRO/NA, Roy Harrod to PM, 7 October 1957.
- 24 Кейнс считал безопасным пределом 4%, Беверидж — 3%. В «белой книге» 1944 г. фигурируют 4%. Те же самые 4% с 1947 г. считались предельным уровнем в США. Но после войны консервативные и лейбористские правительства 1950—1960-х годов опустили планку еще ниже, считая, что она должна быть на уровне менее 3%.
- 25 1824, PREM 11, NA/PRO, «Фунт стерлингов», проект меморандума канцлера казначейства.

- 26 В своих воспоминаниях «An Autobiography of an Economist» (London: Macmillan, 1976), Роббинс пишет, что это интеллектуальное расхождение было самой большой ошибкой в его жизни. Об охлаждении личных отношений упоминает Хайек в письмах к Попперу, которые хранятся в Гуверовском институте.
- 27 1824, PREM 11, NA/PRO, записка премьер-министра об инфляции.
- 28 «A Mere 50 Million», *Spectator*, January 10, 1958.
- 29 Эту политическую философию Макмиллан изложил в книге «The Middle Way» (London: Macmillan, 1938). В ней будущий премьер-министр выступал за центристский подход и в том числе за полноценное социальное государство, которое должно щедро раздавать субсидии и продвигаться к установлению базового минимального жизненного уровня для всех граждан.
- 30 *Economist*, January 11, 1958, передовица.
- 31 D. Sandbrook, *Never Had It So Good: Britain, 1956–63* (London: Little, Brown, 2005), p. 85.
- 32 Энох Пауэлл — Питеру Торникрофту, 21 февраля 1959 г., POLL 3/1/14, Powell Papers, Churchill College, Cambridge (далее «Powell Papers»).
- 33 Питер Джей, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 34 Фридмен — Бакли, 2 декабря 1970 г., box 22, folder 13, Friedman Papers.
- 35 Там же.
- 36 Джеффри Хоу, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 37 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 38 Джон Хоскинс, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 39 Там же.
- 40 Речь в Младшей коммерческой палате Лидса, 26 сентября 1968, POLL 4/1/3, Powell Papers.
- 41 Там же.
- 42 Энох Пауэлл, «Фиксированный курс и дирижизм», доклад на конференции Общества Мон-Пелерен в Авиморе (Шотландия), 6 сентября 1968, POLL 4/1/3, Powell Papers.
- 43 Там же.
- 44 Ральф Харрис — Эноху Пауэллу, 25 сентября 1973, POLL 1/1/49, Powell Papers.
- 45 Пауэлл — Фридмену, 26 августа 1974, POLL 1/1/49, Powell Papers.
- 46 Энох Пауэлл, выступление перед представителями Американской коммерческой палаты в отеле «Савой», Лондон, 10 июня 1965, POLL 4/1/1, Powell Papers.
- 47 Там же.
- 48 S. Heffer, *Like the Roman: A Life of Enoch Powell* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1998), pp. 437–438.
- 49 Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 3, p. 504.

- 50 Т. Карьер, *Great Experiments in American Economic Policy* (Westport, CT: Praeger, 1997), p. 11.
- 51 Ibid., p. 12.
- 52 Ibid., p. 13.
- 53 Фридмен — Барри Голдуотеру, 13 декабря 1960 г., box 27, folder 24, Friedman Papers.
- 54 Ibid.
- 55 Об этом подробно говорилось в главе 2.
- 56 Фридмен — Голдуотеру, 12 января 1962 г.
- 57 Найджел Лоусон, интервью с автором, июнь 2007 г.; Джим Баутон, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 58 О том, по каким причинам одни идеи приобретают влияние, а другие нет, см. интересную статью Джонсона: Н. Johnson, «The Keynesian Revolution and the Monetarist Counter-Revolution», *American Economic Review* 61, no. 2 (May 1971), pp. 1-14.
- 59 М. Friedman and A. J. Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867—1960* (Chicago: University of Chicago Press, 1963) [Фридман Ф., Шварц А. Монетарная история Соединенных штатов, 1867—1960. Киев: Ваклер, 2007].
- 60 М. Friedman, «The Role of Monetary Policy», address to the American Economic Association, December 29, 1967, in *The Essence of Friedman* (Stanford, CA: Hoover Institution, 1986), p. 388.
- 61 Ibid.
- 62 Ibid., p. 391.
- 63 Ibid., p. 392.
- 64 Ibid.
- 65 Ibid.
- 66 Ibid., p. 393.
- 67 Ibid.
- 68 Ibid., p. 396.
- 69 Ibid.
- 70 Ibid., p. 398.
- 71 Ibid., p. 397.
- 72 Ibid.
- 73 А. Walters, *Money in Boom and Slump* (London: IEA, 1970); Норманн Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 74 Фридмен — Гарри Джонсону, 15 июля 1965 г., box 28, folder 33, Friedman Papers.
- 75 Джонсон — Фридмену, 4 августа 1965 г.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Питер Бауэр — Фридмену, 4 октября 1972 г., box 20, folder 27, Friedman Papers.
- 79 Мэдсен Пири и Имонн Батлер, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 80 Питер Джей, интервью с автором, сентябрь 2007 г.

- 81 Информативный обзор противоречий и кризисов американского либерализма 1960-х годов можно найти в работе А. Matusow, *The Unraveling of America: A History of Liberalism in the 1960s* (New York: HarperCollins, 1986).
- 82 Karier, *Great Experiments*, p. 17.
- 83 Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol.3, p. 504.
- 84 Ibid.
- 85 Ibid., p. 505—506.

Глава 6

- 1 Правда, сам Фридмен считал, что ни в одной из двух стран монетаристская политика не проводилась должным образом.
- 2 Впрочем, некоторые считают иначе. Например, Кевин Хиксон (*The IMF Crisis of 1976 and British Politics* (Southampton: Tauris Academic Studies, 2005)) полагает, что Каллаган и Хили никогда не обращались в монетаризм. По его мнению, лейбористское правительство полагалось на классические кейнсианские средства, политику государственных расходов и регулирования доходов, которая исходила из предположения, что инфляция зависит от уровня заработной платы. Однако с этим мнением не вяжется то обстоятельство, что Каллаган открыто объявил себя монетаристом в выступлении на конференции Лейбористской партии в 1976 г., а Хили намечал монетаристские задачи. Некоторые из этих тем будут более подробно обсуждаться ниже в данной главе.
- 3 Дирижизм — французская элитаристская традиция государственного вмешательства в экономику.
- 4 Высказывалось мнение, что этот поворот политики ознаменовал начало конца консенсуса в Англии. См., например, введение Р. Скидельски к сборнику *Thatcherism*, ed. R. Skidelsky (London: Chatto and Windus, 1988); по его мнению, произошел переход от политики «стоп-вперед» к политике «давай-давай», причем последняя была основана на вере во «всеведение» правительства (p. 9).
- 5 Фридмен — Питеру Бауэру, 12 апреля 1966 г., box 20, folder 27, Friedman Papers.
- 6 Бауэр — Фридмену, 27 апреля 1966 г., box 20, folder 27, Friedman Papers.
- 7 Джордж Шульц, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 8 Точное и полное описание дебатов по вопросам экономической политики между ведущими игроками лейбористского кабинета, а также детальное повествование о жизни и общей политике Вильсона содержатся в его биографии, написанной Беном Пимлоттом: Ben Pimlott, *Harold Wilson* (London: HarperCollins, 1993).
- 9 Ф. Hayek, *Prices and Production* (London: Routledge, 1935) [*Хайек Ф. Цены и производство*. Челябинск: Социум, 2007] и *The*

Pure Theory of Capital (London: Routledge, 1941). О конкуренции валют см.: F. Hayek, *Choice in Currency: A Way to Stop Inflation and Denationalisation of Money* [Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]; обе статьи опубликованы Институтом экономических дел в 1976 г. Идея Хайека состояла в том, что монополия государства на выпуск денег необязательна или даже не нужна. Потребители и рынок сами должны производить и использовать любую валюту, какую захотят, а объем денежной массы в обращении будет регулироваться рыночными процессами.

375

- 10 См. главу 4, где приводится письмо Фридмена, в котором он изложил Голдуотеру свою позицию по поводу международной денежной системы, отметив, что золотой стандарт теоретически желателен, но практически нереален.
- 11 Роббинс — Фридмену, 6 февраля 1952 г., box 32, folder 6, Friedman Papers.
- 12 О президентстве Никсона и его многочисленных противоречиях см.: R. Perlstein, *Nixon-land: The Rise of a President and the Fracturing of America* (New York: Scribner, 2008). Об Америке 1970-х годов см.: B. Schulman, *The Seventies: The Great Shift in American Culture, Society and Politics* (New York: Da Capo, 2002).
- 13 Вопрос о том, следует ли перейти к плавающему курсу фунта, чтобы справиться с кризисами платежного баланса, которые уже становились постоянной проблемой, обсуждался в Консервативной партии еще в начале 1950-х годов. Правительство Уинстона Черчилля обкатывало эту идею в 1952 г., в канцлерство Рэба Батлера. Историк Питер Хеннесси полагает, что это был ключевой момент, когда политика могла приобрести совершенное другое направление. По его мнению, план, известный под аббревиатурой ROBOT, изменил бы «экономическую и политическую историю страны», ибо в таком случае «послевоенный консенсус продлился бы восемь лет, поскольку новая валютная политика сорвала бы обет верности полной занятости вместе с целым рядом обязательств международного характера, которые составляли ядро этого консенсуса». Однако идея была положена под сукно, и кабинет, к большому неудовольствию критиков, вроде Эноха Пауэлла, принял решение не выходить из Бреттон-Вудской системы. Полная занятость была сочтена целью слишком важной, чтобы рисковать поддержкой избирателей. Кризисы 1947 и 1949 гг. при предшествовавшем лейбористском правительстве, которые уже привели к девальвации фунта, были признаны недостаточно серьезной причиной для оправдания столь решительного шага. Поэтому ROBOT был снят с повестки дня. Но крах Бреттон-Вудской системы в 1971 г. вновь привел к идее введения плавающего курса, только теперь уже вынужденного, а не добровольного.

- 14 M. Friedman, «*Money Programme Transcript*», 8, box 56, folder 20, Friedman Papers.
- 15 Об экономической политике Никсона см.: A. Matusow, *Nixon's Economy: Booms, Busts, Dollars, and Votes* (Lawrence: University Press of Kansas, 1998).
- 16 Записка президенту от Кеннета Коула, заместителя помощника президента по внутренним делам, 25 ноября 1969 г., WHCF-EH BE5, Nixon Presidential Papers, National Archives, Washington, DC (далее Nixon Presidential Papers).
- 17 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 18 См.: Matusow, *Nixon's Economy*.
- 19 Служебная записка о встрече президента Никсона с Джорджем Шульцем, Милтоном Фридменом и Джорджем Стиглером 8 июня 1971 г., box 48, Nixon Presidential Papers.
- 20 Список приглашенных на официальный обед в Белом доме 17 декабря 1970 г., WHCF [EX] CO 160, Nixon Presidential Papers.
- 21 Фридмен — президенту Никсону, 13 марта 1970 г., box 47, WHCF-EH BE5, Nixon Presidential Papers.
- 22 Записка для президента Никсона от Пола Маккракена, 11 ноября 1969 г., WHCF-EH BE5, Nixon Presidential Papers.
- 23 Фридмен — Никсону, 13 марта 1970 г.
- 24 Ibid.
- 25 Ibid.
- 26 Алан Гринспен — Джону Эрлихмену, «Настроения потребителей: выборы 1972 г. и экономическая политика», записка от Townshend-Greenspan & Co., Inc., 18 декабря 1970 г., WHCF GEN BE5, Nixon Presidential Papers.
- 27 Ответ Никсона (составленный Маккракеном) Фридмену, 18 апреля 1970, box 47, WHCF-EH BE5, Nixon Presidential Papers.
- 28 Любопытное замечание по поводу позиции профсоюзов в США в то время содержится в записке от 17 апреля 1969 г., представленной президенту Никсону председателем совета экономических консультантов Полом Маккракеном: «Безработица. В то время как они выражают озабоченность тем, каких масштабов может достичь безработица благодаря нашим успехам на инфляционном фронте, их мало интересует структурный состав безработицы, т.е. то обстоятельство, что безработица выше всего среди небелого населения. Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов, возможно, сконфужены дискриминационной практикой некоторых профсоюзов, но предпочитают не вдаваться в проблемы безработицы среди цветного населения из опасения, как бы это не обернулось против них самих» (WHCFEXBE5).
- 29 Policy paper, «Incomes Policy in the United Kingdom under the Labour Government,» February 1970, WHCF [GEN] CO 160, Nixon Presidential Papers.

- 30 Питер Г. Питерсон — Джону Коннэлли, 14 июня 1971 г., WHCF [EX] SO 160, Nixon Presidential Papers.
- 31 Колонка Уильяма Ф. Бакли, *New York Post*, 18 августа 1973 г.
- 32 Фридмен — Коннэлли, 3 декабря 1971 г., box 33, folder 15, Friedman Papers.
- 33 Дж. Шульц, выступление в Национальном пресс-клубе, 6 января 1972 г., box 33, folder 15, Friedman Papers.
- 34 Фридмен — Коннэлли, 9 августа 1971 г., box 24, folder 3, Friedman Papers.
- 35 Сэмюел Бриттен — Фридмену, 8 октября 1971 г., box 21, folder 38, Friedman Papers. Затем Бриттен затронул любопытный вопрос о том, как освещаются взгляды экономистов в ведущих средствах массовой информации: «Кстати, из сообщений прессы я понял, что анализы ситуации и рекомендации, представленные Конгрессу Самуэльсоном, Краузе и вами, во многом совпадают, но по понятным причинам упор в этих сообщениях сделан на различиях. Разве это не показательно? Пресса любит подчеркивать разногласия между экономистами, а потом высмеивать их за то, что они не могут договориться. Не следует ли экономистам сделать ответный ход и выдвинуть на первый план то, в чем они согласны?»
- 36 Фридмен — Шульцу, 24 мая 1973 г., box 33, folder 15, Friedman Papers.
- 37 Фридмен — Бриттену, 22 сентября 1975 г., Friedman Papers.
- 38 Артур Бернс — Никсону, 1 июня 1973 г., box 49, Nixon Presidential Papers.
- 39 Фридмен — Филипу Крейну, 30 ноября 1974 г., box 24, folder 18, Friedman Papers.
- 40 Дуглас Херд, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 41 A. Seldon, «The Heath Government in History», in *The Heath Government, 1970–1974*, ed. S. Ball and A. Seldon (London: Longman, 1996), chap. 1, p. 1.
- 42 Ibid., p. 14.
- 43 PREM 15,42, PRO/NA, Heath, comment on letter from R. A. Allen to PM.
- 44 A. Cairncross, «The Heath Government and the British Economy», in Ball and Seldon, *The Heath Government*, chap. 5, p. 110.
- 45 Дуглас Херд, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 46 Фридмен — Хайеку, 7 февраля 1973 г., box 20, folder 19, Hayek Papers.
- 47 Письмо Фридмена Бриттену, 6 января 1959, Friedman Papers.
- 48 Питер Джей, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 49 A. Walters, *Money in Boom and Slump* (London: IEA, 1970).
- 50 Эндрю Дагуид, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 51 Леон Бриттен, Эндрю Дагуид, Джон Хоскинс, Майкл Ховард, Джеффри Хоу, Дуглас Херд, Норманн Ламонт и Найджел Лоусон, интервью с автором, лето 2007 г.

- 52 Эндрю Дагвид, Джон Хоскинс и Найджел Лоусон, интервью с автором, лето 2007 г.
- 53 P. Jay, *The Crisis for Western Political Economy and Other Essays* (London: Deutsch, 1984), pp. 38—39.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid., p. 39.
- 56 В частности, в 1968 г. Бриттен опубликовал книгу, в которой выразил свое разочарование политической разобщенностью, которая, по его мнению, господствовала в политике того времени: «Главная моя цель в этой книге — показать, что эти квалификации [является ли кто-то левым или правым в отношении тех или иных вопросов] приобрели такое значение, что деление на левых и правых сейчас больше запутывает, чем проясняет. Политический диалог, а возможно, и поведение политиков, несомненно, выиграют, если эти ярлыки будут использоваться реже. Ведь эта черно-белая перспектива не просто вводит в заблуждение при классификации политических позиций. Ее постоянное присутствие в дискуссионном поле вызывает прямые негативные последствия. Она, как я рассчитываю показать, затуманивает и выводит из обсуждения важные вопросы, создает предвзятость в пользу одних точек зрения и против других, возводит ненужные барьеры между теми, кому следует быть естественными союзниками» (S. Brittan, *Left or Right: The Bogus Dilemma* (London: Seeker and Warburg, 1968), p. 11).
- 57 A. Sherman, editor's preface to *Second Thoughts on Full Employment Policy*, by S. Brittan (Chichester: Barry Rose, 1975).
- 58 Brittan, *Second Thoughts*, p. 12.
- 59 Ibid., p. 89.
- 60 Бриттен — Фридмену, 27 сентября 1973, Friedman Papers.
- 61 Проблема профсоюзов дано занимала внимание самых ревностных сторонников свободного рынка. В частности, Людвиг фон Мизес писал Фридриху фон Хайеку в 1946 г. о том, как важно обуздать профсоюзы: «Те, кто хочет сохранить свободу, должны требовать свободной торговли, как внутренней, так и внешней, золотого стандарта и восстановления исключительного права государства прибегать к насилию и принуждению (это подразумевает отмену профсоюзной привилегии “наказывать” штрейкбрехеров» (Мизес — Хайеку, 31 декабря 1946 г., box 38, folder 24, Hayek Papers).
- 62 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 63 Фридмен — Бриттену, 17 сентября 1973 г., box 21, folder 33, Friedman Papers.
- 64 Бриттен — Фридмену, 27 сентября 1973 г.
- 65 Там же; теория Поппера изложена в главе 1.
- 66 Бриттен — Фридмену, 27 сентября 1973 г.
- 67 Там же.
- 68 Jay, *Crisis*, p. 43.
- 69 Фридмен — Бриттену, 21 августа 1975 г.

70 Там же.

71 К тому же Лейбористская партия представляла собой политическое крыло рабочего движения и продолжала получать от него финансирование. Задачу «социального контракта» она видела в том, что правительство и профсоюзы будут совместно намечать экономические показатели на регулярных двусторонних совещаниях и встречах. На Даунинг-стрит, 10 (резиденция премьер-министра) эту затею окрестили принятием решений «за пивом и сэндвичами».

72 Альтернативную экономическую стратегию разработали кембриджские экономисты-кейнсианцы Уинн Годли и Стюарт Холланд. Она представляла собой ответ на очевидный рост влияния и рыночной доли многотациональных и транснациональных корпораций. По мнению Кевина Хиксона, «необходимо было повысить роль государства в мезоэкономике за счет принудительных плановых соглашений, ценовой политики, централизованных плановых инвестиций и дальнейшей национализации» (K. Hickson, *The IMF Crisis of 1976 and British Politics* (London: Tauris Academic Studies, 2002), p. 170). По мнению Хиксона, новая кембриджская школа, лидером которой был Годли, привнесла в политику Лейбористской партии ключевой аспект неолиберальной теории в виде веры в «вытеснение» частных инвестиций государственными расходами. Годли считал, что активное сальдо платежного баланса необходимо восстанавливать с помощью введения импортных квот и регулирования импорта: «Кроме того, кембриджские теории утверждали, что необходимо восстановить эффективность промышленности, главным образом с помощью принудительных плановых договоров, и снизить потребность в заимствованиях со стороны государственного сектора, которые оказывают вытесняющий эффект на международную торговлю и инвестиции» (Hickson, *The IMF Crisis of 1976*, p. 171). Согласно Полу Мосли (Paul Mosley, *The Making of Economic Policy: Theory and Evidence from Britain and the United States Since 1945* (Brighton: Harvester Wheatsheaf, 1984)), эти предложения работали как троянский конь, содержащий неолиберальные доктрины. Однако Эндрю Гэмбл считает, что альтернативная экономическая стратегия была преимущественно примером национальной экономической стратегии, а не либеральной программой. См.: A. Gamble, *Britain in Decline: Economic Policy, Political Strategy and the British State* (London: Macmillan, 1981), pp. 165–167.

73 J. Cronin, *New Labour's Past* (London: Longman, 2004), p. 169.

74 Позже Прентис стал первым лейбористом, перебежавшим в Консервативную партию.

75 Питер Джей, интервью с автором, сентябрь 2007 г.

76 Джеймс Каллаган, выступление на конференции Лейбористской партии, 28 декабря 1976 г.

- 77 PREM 16/799, PRO/NA, запись телефонного разговора Шмидта и Каллагана, 2 ноября 1976.
- 78 W. Simon, *A Time for Truth* (New York: Berkley Books, 1978).
- 79 PREM 16/800, PRO/NA, телеграмма от Кросленда.
- 80 E. Dell, *A Hard Pounding: Politics and the Economic Crisis* (Oxford: Oxford University Press, 1991).
- 81 PREM 16/808, PRO/NA, J. K. Galbraith, «Paper on the British Economy».
- 82 Ibid.
- 83 PREM 16/808, PRO/NA, A. J. G. Isaac, «Treasury Response to Galbraith's Paper».
- 84 Ibid.
- 85 Dell, *A Hard Pounding*, p. 279.
- 86 Ibid., p. 283.
- 87 Hickson, *The IMF Crisis of 1976*, p. 200.
- 88 Ibid., p. 201.
- 89 Питер Джей, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 90 D. Harvey, *A Brief History of Neoliberalism* (Oxford: Oxford University Press, 2005), p. 73.
- 91 Ibid.
- 92 При этом нет сомнения, что ключевая неолиберальная политическая стратегия, та, которую после 1979 г. проводили и Рейган, и Тэтчер, состояла в использовании власти государства для создания условий, считавшихся благоприятными для работы свободных рынков. Между страхом перед государством и недоверием к нему, с одной стороны, и желанием использовать его власть для утверждения свободного рынка — с другой, имеется очевидное противоречие. В работах Фридмена, Хайека и Генри Саймонса оно снимается с помощью концепции обоснованной роли государства в обеспечении условий конкуренции.
- 93 W. C. Biven, *Jimmy Carter's Economy: Policy in an Age of Limits* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002), p. 126.
- 94 Джордж Шульц, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 95 Biven, *Jimmy Carter's Economy*, p. 193.
- 96 G. Howe, *Conflict of Loyalty* (London: Pan Books, 1995), p. 265.
- 97 Biven, *Jimmy Carter's Economy*, p. 142.
- 98 Ibid., p. 240.
- 99 Цит. по: Biven, *Jimmy Carter's Economy*, p. 242.
- 100 Ibid., p. 251.
- 101 Friedman, «*Money Programme Transcript*», p. 3.
- 102 Ibid.
- 103 Цит. по: Dell, *A Hard Pounding*, p. 231.
- 104 «The Right Approach to the Economy», 17 August 1977, LC (77) 160, THCR2/6/1/161, Thatcher Archives, Churchill College, Cambridge.
- 105 Ibid., p. 2.

- 106 Ibid., p. 12.
- 107 Ibid., p. 41.
- 108 Джон Хоскинс, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 109 Там же.
- 110 Там же.
- 111 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 112 Леон Бриттен, интервью с автором, июль 2007 г.
- 113 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 114 Там же.
- 115 Найджел Лоусон, интервью с автором, июнь 2007 г.
- 116 Там же.
- 117 Уверенность Лоусона в необходимости внешней дисциплины впоследствии побудила его поддержать решение правительства консерваторов присоединиться к Европейскому механизму валютных курсов, в котором он видел эффективную замену Бреттон-Вудской системы. Лоусон называл это «валютным монетаризмом». Согласно Мэдсену Пири, Лоусон считал механизм валютных курсов «надежной преградой против инфляции». Однако главный экономический советник Тэтчер Алан Уолтерс выступил против, чем спровоцировал раскол в ключевой части правительства. В 1989 г. из-за разногласий по данному вопросу Лоусон ушел с поста канцлера.
- 118 «Memo to U.K. Treasury and Civil Service Committee», 10 June 1980, box 61, folder 14, Friedman Papers.
- 119 Ibid., p. 2.
- 120 Ibid.
- 121 Ibid.
- 122 Howard Davies, introduction to *The Chancellor's Tales: Managing the British Economy*, ed. H. Davies (Cambridge: Polity Press, 2006), p. 13.
- 123 G. Howe, *Conflict of Loyalty*, p. 143.
- 124 Cockett, *Thinking the Unthinkable*, p. 296.
- 125 Об этой дискуссии см., например: T. Congdon, *Keynes, Keynesians and Monetarism*, (London: Edward Elgar, 2007); P. Minford, «Mrs Thatcher's Economic Reform Programme», in *Thatcherism*, ed. R. Skidelsky (London: Chatto and Windus, 1988).
- 126 Cockett, *Thinking the Unthinkable*, p. 263.
- 127 N. Lawson, «1984 Mais Lecture», — www.margaretthatcher.org/commentary/displaydocument.asp?docid=109504.
- 128 Howe, *Conflict of Loyalty*, p. 162.
- 129 Закон Тафта—Хартли 1947 г. был принят Конгрессом с целью контроля и ограничения действий профсоюзов. Он частично отменял принятый во времена Нового курса закон Вагнера (1935) и представлял собой прямой ответ на волну забастовок, прокатившуюся по стране в 1946 г. В числе прочего он запрещал стихийные забастовки, забастовки по поводу юрисдикции, заба-

стовки солидарности, или политические забастовки, вторичное пикетирование, «закрытые цеха» и пожертвования политическим партиям со стороны профсоюзов.

- 130 См., например: J. Hacker, *The Divided Welfare State* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); M. B. Katz, *In the Shadow of the Poorhouse* (New York: Basic Books, 1996); M. B. Katz, *The Price of Citizenship* (New York: Henry Holt, 2001); J. Klein, *For All These Rights* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003). См. также: C. Howard, *The Hidden Welfare State* (Princeton: Princeton University Press, 1997); E. Berkowitz, *America's Welfare State: From Roosevelt to Reagan* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991).
- 131 The Full Employment and Balanced Growth Act of 1977 (H.R. 50, S. 50), box 46, folder 3, Hayek Papers.
- 132 Переписка Хайека с комитетом — box 46, folder 3, Hayek Papers; переписка Фридмена с конгрессменом Филлипом Крейнном — box 24, folder 18, Friedman Papers.
- 133 *Full Employment and Balanced Growth Act of 1977*, pp. 1–299.
- 134 P. Duignan and A. Rabushka, *The United States in the 1980s* (Stanford, CA: Hoover Press, 1980).
- 135 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 136 E. Feulner and C. Heatherly, eds., *Mandate for Leadership: Policy Management in a Conservative Administration* (Washington, DC: Heritage Foundation, 1981).
- 137 Мартин Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 138 M. Anderson, *Revolution: the Reagan Legacy* (Stanford, CA: Hoover Press, 1990).
- 139 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 140 E. Rothschild, «The Real Reagan Economy», *New York Review of Books*, June 30, 1988.
- 141 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 142 Там же.
- 143 «Improving the Nation's Air Traffic Control System», a report of the Ad Hoc Air Traffic Control Panel of the President's Science Advisory Committee, CFOA 81, Reagan Presidential Papers, Ronald Reagan Presidential Library, Simi Valley, CA.
- 144 Эд Фелнер, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 145 Statement by the President, 3 August 1981, Reagan Presidential Papers.
- 146 Джордж Шульц, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 147 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 148 Эндрю Дагуид, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 149 Дуглас Херд, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 150 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 151 Дуглас Херд, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 152 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г. Как уже говорилось в конце главы 4, по вопросу научной версии подобной

- оценки применительно к Англии и, в частности, по вопросу роли исследовательских центров я рекомендую обратиться к работе Cockett, *Thinking the Unthinkable*.
- 153 Перепечатано в: N. Lawson, *The View from No. 11: Memoirs of a Tory Radical* (London: Bantam, 1992), 1041.
- 154 Норман Ламонт, интервью с автором, июль 2007 г.
- 155 См., например: P. Taylor-Gooby, *Reframing Social Citizenship* (Oxford: Oxford University Press, 2009).
- 156 Самый наглядный пример — воспоминания самой Тэтчер: Thatcher, *The Downing Street Years* (London: HarperCollins, 1993); Thatcher, *The Path to Power* (London: HarperCollins, 1996). Есть, конечно, немало взвешенных и вдумчивых воспоминаний, например: Geoffrey Howe, *Conflict of Loyalty* (London: Macmillan, 1994); Nigel Lawson, *The View from No. 11*. Об Америке очень информативная книга George Shultz, *Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State* (New York: Scribner, 1993). Также следует упомянуть сборник под редакцией Мартина Фельдстейна, посвященный экономической политике Рейгана и содержащий статьи авторов всего политического спектра, включая Пола Волкера: *American Economic Policy in the 1980s* (Chicago: University of Chicago Press, 1993); в сборнике представлены самые разные мнения о 1980-х годах.

Глава 7

- 1 L. Vale, *Reclaiming Public Housing: A Half-century of Struggle in Three Public Neighborhoods* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002), p. 76.
- 2 См., например: A. Brinkley, *The End of Reform* (New York: Vintage, 1995).
- 3 См., например: M. Lassiter, *The Silent Majority* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006); A. Matusow, *The Unraveling of America: A History of Liberalism in the Sixties* (New York: Perennial Books, 1985); B. Schulman and J. Zelizer, *Right-ward Bound: Making America Conservative in the Seventies* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008).
- 4 J. Deparle, *The American Dream: Three Women, Ten Kids, and a Nation's Drive to End Welfare* (New York: Viking, 2004).
- 5 J. Jacobs, *The Death and Life of Great American Cities* (New York: Random House, 1961).
- 6 См.: A. Wiese, *Places of Their Own* (Chicago: University of Chicago Press, 2004).
- 7 N. Williams, «The "Right-to-Buy" in England», in *Housing Economics and Public Policy*, ed. T. O'Sullivan and Kay Gibbs (Oxford: Blackwell, 2003), p. 235.

- 8 Ibid.
- 9 Об Англии и европейских ориентирах для Нового курса см.: D. Rodgers, *Atlantic Crossings* (Cambridge, MA: Harvard Belknap, 1998), chaps. 5 and 10.
- 10 D. Hayden, *Redesigning the American Dream* (London: W.W.Norton, 1986), p. 122.
- 11 Ibid.
- 12 См.: A. Hirsch, *Making the Second Ghetto* (New York: Cambridge University Press, 1983); T. Sugrue, *The Origins of the Urban Crisis* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996); R. Self, *American Babylon: Race and the Struggle for Postwar Oakland* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005); M. Lassiter, *Silent Majority: Suburban Politics in the Sunbelt South* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006).
- 13 См., например: K. Krase, *White Flight: Atlanta and the Making of Modern Conservatism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005).
- 14 Особенно наглядно это описано в: B. Schulman, *From Cottonbelt to Sunbelt* (Oxford: Oxford University Press, 1994).
- 15 Практика «красной черты» заключалась в отказе предоставлять финансовые и прочие услуги определенным районам или кварталам или в повышении стоимости таких услуг до недоступного уровня. Многие из таких районов, естественно, имели расовую специфику.
- 16 Wiese, *Places of Their Own*, p. 7.
- 17 Ibid., pp. 108–109.
- 18 Hayden, *Redesigning the American Dream*, p. 125.
- 19 Ibid., p. 127.
- 20 M. O'Mara, *Cities of Knowledge: Cold War Politics, Universities, and the Roots of the Information-Age Metropolis, 1945-1970* (Philadelphia: University of Pennsylvania, 2002), p. VII.
- 21 Ibid., p. 3.
- 22 Ibid., p. 12.
- 23 О том, как налоговая система защищала интересы состоятельных американцев с помощью скидок по налогам на закладные, налоговых вычетов на благотворительные пожертвования, пенсионные взносы и расходы на образование, см.: C. Howard, *The Hidden Welfare State* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997).
- 24 P. Pierson, *Dismantling the Welfare State: Reagan, Thatcher and the Politics of Retrenchment* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), p. 75.
- 25 См.: J. Bauman, «Jimmy Carter, Patricia Roberts Harris, and Housing Policy in the Age of Limits», in *From Tenements to the Taylor Homes: In Search of an Urban Housing Policy in Twentieth Century America*, ed. J. Bauman, R. Biles, and K. Szyliwian (University Park: Pennsylvania State University Press, 2000).

- 26 G. Galster and J. Daniell, «Housing», in *Reality and Research: U.S. Urban Policy since 1960*, ed. G. Galster, (Washington, DC: Urban Institute Press, 1996), chap. 5, p. 95.
- 27 B. Fielding, «How Useful Are Rent Supplements in Meeting Low-Income Housing Needs?», *Journal of Housing*, January 1969.
- 28 Galster and Daniell, «Housing», p. 89.
- 29 R. Biles, «Public Housing and the Postwar Urban Renaissance», in Bauman, Biles, and Szylvian, *From Tenements to the Taylor Homes*, p. 156.
- 30 Galster and Daniell, «Housing», p. 94.
- 31 Biles, «Public Housing», p. 156.
- 32 «Section 235 Existing Homeownership Program Suspended», *Journal of Housing*, January 1971.
- 33 Galster and Daniell, «Housing», p. 95.
- 34 M. K. Nenzo, «A Year of Truth for the Future Course of Urban Affairs», *Journal of Housing*, February 1972.
- 35 «An Editorial: George Romney Resigns as HUD Secretary», *Journal of Housing*, November 1972.
- 36 R. Beckham, «The Housing Allowance Program: An Old Idea Will Get a New Kind of Test in 1973», *Journal of Housing*, January 1973; R.J. Struyketal., eds., *Housing Vouchers for the Poor: Lessons from a National Experiment* (Washington, DC: Urban Institute Press, 1981), p. 30.
- 37 R. Nixon, «Nixon: The Fifth Year of His Presidency», *Congressional Quarterly*, 1974, p. 84—A.
- 38 R. Forrest and A. Murie, *Selling the Welfare State: The Privatisation of Public Housing* (London: Routledge, 1988). См. также: J. Burnett, *A Social History of Housing: 1815-1985* (London: Routledge, 1986); P. Hennessy, *Never Again* (London: Vintage, 1992); *Having It So Good* (London: Penguin, 2006).
- 39 В США муниципальное жилье называлось «housing project», а Англии — «council housing». О «проблеме» английской муниципальной застройки см., например, полуавтобиографическую книгу: Lynsey Hanley, *Estates: An Intimate History* (Cambridge: Granta Books, 2008).
- 40 D. Hill, *Urban Policy and Politics in Britain* (London: Macmillan, 2000), p. 157.
- 41 См.: J. Burnett, *A Social History of Housing, 1815—1985* (London: Methuen, 1986), chapter 10.
- 42 Например, в 1951 г. было отменено требование снабжать дом на семью из пяти и более человек двумя туалетными комнатами, и осталась одна. См.: Burnett, *Social History*, 300.
- 43 O. J. Hetzel, A. David Yates, and J. Trutko, *A Comparison of the Experimental Housing Allowance Program and Great Britain's Rent Allowance Program* (Washington, DC: Urban Institute, 1978), p. VII.

- 44 О том, как Энох Пауэлл возглавил волну протеста против иммиграции после своей речи «Реки крови» (произнесенной в Бирмингеме 20 апреля 1968 г.), а также о некоторых социальных и экономических конфликтах, которые вызвали этот протест, говорилось в главе 3.
- 45 D. Feldman, «Why the English Like Turbans», in *Structures and Transformations in Modern British History*, ed. D. Feldman and J. Lawrence (Cambridge: Cambridge University Press, 2011).
- 46 Ibid., pp. 291–293.
- 47 Forrest and Murie, *Selling the Welfare State*, p. 92.
- 48 Housing Services Advisory Group, *The Assessment of Housing Requirements* (London: Department for the Environment, 1977), p. 1.
- 49 Shelter, *And I'll Blow Your House Down — Housing Need in Britain Present and Future* (London: Shelter, 1980), p. 4.
- 50 Burnett, *Social History of Housing*, p. 301.
- 51 Labour Party, *A New Deal for Council Housing: Interim Proposals, NEC Statement* (London: Labour Party, 1978), p. 1.
- 52 *Housing Policy: A Consultative Document*, Cmnd 6851 (London: HMSO, 1977), p. 1.
- 53 Ibid.
- 54 Labour Party, *A New Deal for Council Housing*, p. 1.
- 55 Forrest and Murie, *Selling the Welfare State*, p. 93.
- 56 Эндрю Дагвид, интервью с автором, сентябрь 2007 г.
- 57 *HUD Annual Report* (Washington, DC: HUD, 1976), p. 8.
- 58 *HUD Annual Report* (Washington, DC: HUD, 1980), p. 5.
- 59 J. Bauman, «Jimmy Carter, Patricia Roberts Harris and Housing Policy in an Age of Limits», chap. 12, in Bauman, Biles, and Szylyan, *From Tenements to the Taylor Homes*, p. 247.
- 60 *The President's National Urban Policy Report* (Washington, DC: HUD, 1978), pp. 4–5.
- 61 Тому, какими способами в Америке чернокожим и другим малоимущим закрывали доступ в определенные пригородные и городские районы, посвящены многочисленные исследования. Некоторые из них приведены выше; это, в частности, работы Арнольда Хирша, Кеннета Джексона, Роберта Селфа, Тома Сагрю и Эндрю Виза. Кроме того, можно рекомендовать посвященную расовому вопросу главу 4 работы о государственном жилищном строительстве в Бостоне: Lawrence Vale, *From the Puritans to the Projects* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000).
- 62 T. Hanchett, «The Other “Subsidized Housing”: Federal Aid to Suburbanization, 1940s–1960s», in Bauman, Biles, and Szylyan, *From Tenements to the Taylor Homes*.
- 63 A. Eden, speech to the Conservative Party Conference, October 3, 1946.

- 64 President Harry Truman, State of the Union address, January 5, 1949. Available at http://www.c-pan.org/executive/transcript.asp?cat=current_event&code=bush_admin&year=1949.
- 65 M. Anderson, *The Federal Bulldozer: A Critical Analysis of Urban Renewal, 1949-62* (Cambridge, MA: MIT Press, 1965).
- 66 M. Friedman and G. Stigler, *Roofs or Ceilings* (Irvington: Foundation for Economic Education, 1946).
- 67 G. Howe, *The Future of Rent Control* (London: Bow Group, 1956).
- 68 Ibid., p. 35.
- 69 F. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), p. 341.
- 70 Ibid., p. 342.
- 71 Ibid.
- 72 Ibid., p. 345.
- 73 Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 205–206.
- 74 Там же. С. 206–207.
- 75 Там же. С. 207.
- 76 Там же. С. 207–208.
- 77 U.S. General Accounting Office, *Section 8 Subsidized Housing: Some Observations on Its High Rents, Costs and Inequities* (Washington, DC: US General Accounting Office, 1980), p. VI.
- 78 President's Commission on Housing, «Report» (Washington, DC: Government Printing Office, 1982), p. 3.
- 79 Стюарт Батлер, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 80 President's Commission on Housing, «Report», p. XXII.
- 81 Pierson, *Dismantling the Welfare State*, p. 87.
- 82 U.S. General Accounting Office, *Block Grants for Housing: A Study of Local Experiences and Attitudes* (Washington, DC: U.S. General Accounting Office, 1982), p. IV.
- 83 M. Katz, *The Price of Citizenship: Redefining the American Welfare State* (New York: Owl Books, 2001), p. 123.
- 84 A. Downs, *A Strategy for Designing a Fully Comprehensive Housing Policy for the Federal Government of the United States* (Cambridge, MA: MIT Housing Policy Project, 1988), p. 1.
- 85 L. Keyes and D. DiPasquale, *Housing Policy for the 1990s* (Cambridge, MA: MIT Housing Policy Project, 1988), p. II.
- 86 Обстоятельный анализ истории, осуществления и результатов программы «Право на приобретение» см. в: С. Jones and A. Murie, *The Right to Buy: Analysis and Evaluation of a Housing Policy* (Oxford: Wiley-Blackwell, 2006).
- 87 Ibid., p. 6.
- 88 A. Killick, *Council House Blues* (London: Bow Group, 1976), p. 10.
- 89 Ibid., p. 1.
- 90 M. Thatcher, foreword to *Conservative Party General Election Manifesto 1979*, in *Conservative Party General Election Mani-*

festos, 1900–1997, ed. I. Dale (London: Routledge, 2000), p. 265.

91 *Ibid.*, p. 277.

92 *Ibid.*

93 P. Malpass and A. Murie, *Housing Policy and Practice* (London: Palgrave, 1987), p. 99.

94 Начиная с трех лет проживания предусматривалась скидка в 33% рыночной цены; скидка прогрессивно росла соответственно сроку проживания и после 20 лет достигала 50%.

95 Dale, *Manifestos*, p. 277.

96 *Hansard Parliamentary Debates* (London: HMSO, 1980), p. 787.

97 *Ibid.*, p. 791.

98 *Ibid.*, p. 789.

99 Мэдсен Пири и Имонн Батлер, интервью с автором, сентябрь 2007 г.

100 Стюарт Батлер, интервью с автором, октябрь 2008 г.

101 Там же.

102 Там же.

103 Katz, *The Price of Citizenship*, p. 123.

104 R. Vanham, P. Barker, P. Hall, and C. Price, «Non-Plan: An Experiment in Freedom», *New Society* 26 (1969), pp. 435–443.

105 *Ibid.*, p. 436.

106 P. Hall, «The British Enterprise Zones», in *Enterprise Zones: New Directions in Economic Development*, ed. R. Green (London: Sage, 1991).

107 *Ibid.*, p. 181.

108 *Ibid.*, p. 183.

109 Письма доступны на сайте www.margareththatcher.org/archives.

110 Hall, «British Enterprise Zones», p. 184.

111 Первые 11: Клайдбэнк, Белфаст, Суонси, Корби, Дадли, Спик, Сэлфорд/Траффورد, Уэйкфилд, Хэртлпул, Тайнсайд, Дог-Айленд. Следующие 13: Аллердейл, Гленфорд, Миддлсборо, Северо-восточный Ланкашир, Северо-западный Кент, Ротерхэм, Сканторп, Телфорд, Веллингборо, Дилин, Миффорд Хэвен, Инвергордон, Тэйсайд.

112 Hall, «British Enterprise Zones», p. 184.

113 Северо-Восток — 0,36, Центральный Север — 0,28, Запад — 0,59, Юг — 0,57. Согласно докладу, «величина 1,0 означает, что чернокожие распределены между центром и пригородами в той же пропорции, что и белые; величина менее 1 означает, что чернокожие непропорционально сосредоточены в центральных районах города» (*The President's National Urban Policy Report, 1980* (Washington, DC: HUD, 1980), pp. 1–16).

114 The President's Commission on Housing, *Report* (Washington, DC: Government Printing Office, 1982), p. XIX.

- 115 L. Vale, *Reclaiming Public Housing: A Half-century of Struggle in Three Public Neighborhoods* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002), p. 8.
- 116 Стюарт Батлер, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 117 Там же.
- 118 Там же.
- 119 Концепция Третьего пути теснее всего связана с левыми коммунистическими идеями Амитая Этциони в Соединенных Штатах и Энтони Гидденса в Англии. См., например, работу Этциони *The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda*, (New York: Crown Publishers, 1993) и работу Гидденса *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics* (Cambridge: Polity Press, 1994).
- 120 National Housing Task Force, *A Decent Place to Live: The Report of the National Housing Task Force* (Washington, DC: Government Printing Office, 1988), p. 4.
- 121 Ibid., p. 2.
- 122 E. Goetz, «An American Perspective», — *Stakeholder Housing: A Third Way* (London: Pluto Press, 1999), p. 111.
- 123 *A Decade of Hope VI: Research Findings and Policy Challenges* (Washington, DC: Urban Institute, 2003), pp. 10–11.
- 124 Goetz, *American Perspective*, p. 112.
- 125 См., например, Etzioni, *The Spirit of Community*.
- 126 A. Van Hoffman, *House by House, Block by Block: The Rebirth of America's Urban Neighborhoods* (Oxford: Oxford University Press, 2003), pp. 14–15.
- 127 Ibid., p. 16.
- 128 См. http://www.poverty.org.uk/poUcies/capital_receipts.html.
- 129 Department of Environment, Transport and the Regions, *Planning for the Communities of the Future* (London: HMSO, 1998), p. 23.
- 130 B. Jupp, *Living Together: Community Life on Mixed-tenure Housing Estates* (London: Demos, 2000), p. 15.
- 131 *The President's Commission on Housing* (1982), p. XVII.
- 132 Ibid., p. XXXV.
- 133 Labour Party, *Opening Doors: Labour's Strategy for Housing* (London: 1990), p. 11.
- 134 National Housing Task Force, *A Decent Place to Live*, p. 5.

Заключение

- 1 «% of Total Employment», in B. Supple, «British Economic Decline», in *British Economic History Since 1700*, ed. R. Floud and D. McCloskey (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), chap. 11, p. 335.
- 2 Supple, «British Economic Decline», p. 323.

- 3 Данные по истории неравенства доходов в Соединенных Штатах см. на сайте <http://www.census.gov/hhes/www/income/data/historical/inequality/index.html>. Данные по Англии содержатся в докладе Экспертного совета по национальному равенству: *Anatomy of Economic Inequality in the United Kingdom: Report of the National Equality Panel* (London: London School of Economics, 2010).
- 4 См.: P. Pierson, *Dismantling the Welfare State: Reagan, Thatcher, and the Politics of Retrenchment* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- 5 Данные по США: В. R. Mitchell, *International Historical Statistics: The Americas, 1750–2000* (London: Palgrave, 2003), p. 667. По Англии: В. R. Mitchell, *International Historical Statistics: Europe, 1750–2000* (London: Palgrave, 2003), pp. 821–823.
- 6 М. Friedman, «*Money Programme Transcript*», 21 April 1978, box 56, folder 20, Friedman Papers.
- 7 Эд Крейн, интервью с автором, октябрь 2008 г.
- 8 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 9 В интервью, данном незадолго до смерти, Поппер назвал недопустимым обожествление свободного рынка. См. главу 2.
- 10 «Недомогание» (*Malaise*) — так окрестили комментаторы обращение Картера к стране от 17 июля 1979 г. На самом деле Картер этого слова не произносил, а сказал, что Америка страдает от «кризиса доверия». Но его пессимистический взгляд на вещи резко контрастировал с лучезарным голливудским настроением Рейгана.
- 11 Аннелиз Андерсон, интервью с автором, февраль 2008 г.
- 12 На эту тему см.: С. Howard, *The Hidden Welfare-State*, (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997); J. Hacker, *The Divided Welfare State* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).
- 13 См. выше, прим. 3.
- 14 J. Cassidy, *How Markets Fail* (London: Penguin, 2009).
- 15 М. Lilla, «The Tea Party Jacobins», *New York Review of Books*, May 27, 2010.

Указатель книг, статей, телепрограмм*

- «Атлантические перекрестки» (Роджерс) (*Atlantic Crossings, Rodgers*) 16
- «Атлант расправил плечи» (Рэнд) (*Atlas Shrugged, Rand*) (1957) 35, 164
- «Безработица и денежная политика: государство как инициатор “экономического цикла”» (Хайек) (*Unemployment and Monetary Policy: Government as Generator of the «Business Cycle»*, Hayek) (1979) 165
- «Бог и человек в Йеле» (Бакли) (*God and Man at Yale, Buckley*) (1951) 141, 160
- «Богатство народов» (Смит) (*The Wealth of Nations, Smith*) (1776) 58, 102, 104-9, 114
- «Бюрократия» (Мизес) (*Bureaucracy, Mises*) 31, 33, 50-57
- «Время правды» (Саймон) (*A Time for Truth, Simon*) (1978) 243
- «Встреча с прессой» (*Meet the Press*), телешоу 211
- «Деньги во время бума и спада» (Уолтерс) (*Money in Boom and Slump, Walters*) (1970) 207
- «Деньги» (*The Money Programme*), телешоу 180, 211, 252-53
- «Держать тигра за хвост» (Хайек) (*A Tiger by the Tail, Hayek*) (1972) 165, 238
- «Дополнительные соображения по поводу политики полной занятости» (Бриттен) (*Second Thoughts on Full Employment Policy, Brittan*) (1975) 235-36
- «Дорога к рабству» (Хайек) (*The Road to Serfdom, Hayek*) (1944) 351n4; аналитические центры и 141, 169; неолиберальная критика и 30-33, 38-39, 48-49, 58, 62, 67-68, 73, 76-77, 83; послевоенный период и 92, 110, 116, 119; трансатлантический либерализм и 335; Тэтчер и 347n7, 369n1 17
- «Дорога от Мон-Пелерен» (Мировский и Плевэ) (*The Road from Mont Pèlerin, Mirowski and Plehwe*) (2009) 10
- «За либерализм свободного рынка» (Саймонс) («*For a Free Market Liberalism*», Simons) (1941), 99
- «Запланированный хаос» (Мизес) (*Planned Chaos, Mises*) (1947) 155

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы по английскому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- «Интеллектуалы и социализм» (Хайек) («The Intellectuals and Socialism», Hayek) (1949) 4, 30, 80, 83, 85, 91, 138, 153
- «Источник» (Рэнд) (*The Fountainhead*, Rand) (1949) 35, 164
- «Как оплачивать войну» (Кейнс) (*How to Pay for the War*, Keynes) (1940) 188
- «Капитализм и свобода» (Фридмен) (*Capitalism and Freedom*, Friedman) (1962) 7, 70, 77, 92, 116, 118-21, 200, 236, 302, 363n91
- «Консервативное интеллектуальное движение в Америке» (Нэш) (*The Conservative Intellectual Movement in America*, Nash) (1976) 140
- «Консервативный разум» (Кирк) (*The Conservative Mind*, Kirk) (1953) 141
- «Конституция свободы» (Хайек) (*The Constitution of Liberty*, Hayek) (1960) 101, 111-13, 159, 273, 301
- «Кризис западной политической экономии» (Джей) (*The Crisis for Western Political Economy*, Jay) (1975) 215
- «Крыши и потолки» (Фридмен и Стиглер) (*Roofs or Ceilings*, Friedman and Stigler) (1946) 155, 300
- «Линия огня» (*Firing Line*), телешоу 173, 193
- «Логика научного открытия» (Поппер) (*The Logic of Scientific Discovery*, Popper) (1934) 37
- «Мандат на лидерство: управление социально-экономической политикой в консервативной администрации» (*Mandate for Leadership: Policy Management in a Conservative Administration*) (Фонд «Наследие») (1980) 164, 264-65
- «Методология позитивной экономики» (Фридмен) («The Methodology of Positive Economics», Friedman) (1953), 37-38
- «Монетаризма недостаточно» (Джозеф) («Monetarism Is Not Enough», Joseph) (1974) 177
- «Монетарная история США» (Фридмен, Шварц) (*A Monetary History of the United States*, Friedman and Schwartz) (1965) 95, 118, 202, 207-8, 233
- «Неолиберализм и его перспективы» (Фридмен) («Neo-Liberalism and Its Prospects», Friedman) (1951) 6-7, 85, 96, 98-99, 360n26
- «О свободе» (Милль) (*On Liberty*, Mill) (1859) 11, 115
- «О социальном страховании и сопутствующих услугах» (*Report on Social Insurance and Allied Services*, Beveridge) (1942) 22, 58
- «Общая теория занятости, процента и денег» (Кейнс) (*General Theory of Employment, Interest, and Money*, Keynes) (1936) 3, 24, 71, 184, 198, 202-3

- «Ответственное общество» («Одна нация») (*The Responsible Society, One Nation*) (1959) 148
- «Открытое общество и его враги» (Поппер) (*The Open Society and Its Enemies*, Popper) (1945) 8, 31, 33, 37-49
- «Перемены – наш союзник» («Одна нация») (*Change Is Our Ally, One Nation*) (1954) 148
- «Пересмотр рейтинговой системы» (Мейсон) (*Revising the Ratings System*, Mason) 167
- «Планирование городских районов будущего», белая книга (*Planning for the Communities of the Future*) (1998) 325
- «Погружение в трясину» (Мюррей) (*Losing Ground*, Murray) (1984) 64, 167
- «Полная занятость любой ценой?» (Хайек) (*Full Employment at Any Price?*, Hayek) 165, 238
- «Положительная программа laissez faire» (Саймонс) («Positive Program for Laissez-Faire», Simons) (1934) 96
- «Почему американцы ненавидят политику» (Дионн) (*Why Americans Hate Politics* Dionne) (1992), 145-46
- «Почему я не консерватор» (Хайек) («Why I Am Not a Conservative», Hayek) (1960), 178
- «Правильный подход к экономике» (*The Right Approach to the Economy*) (1978) 255
- «Реки крови» (речь, Пауэлл) («Rivers of Blood», Powell) (1968) 139, 151, 290, 384n44
- «Совесь консерватора» (Голдуотер) (*The Conscience of a Conservative*, Goldwater) (1960) 175
- «Социальное обеспечение: потребности и средства» («Одна нация») (*The Social Services: Needs and Means*, One Nation) (1952) 148
- «Справочник по экспертам в области социально-экономической политики» (Фонд «Наследие») (*Guide to Public Policy Experts*, Heritage Foundation), 164
- «США в 1980-е годы» (Гуверовский институт) (*The United States in the 1980s*, Hoover Institution) (1980) 264
- «Теория нравственных чувств» (Смит) (*Theory of Moral Sentiments* Smith) 103-5, 361n62
- «Трактат о денежной реформе» (Кейнс) (*Tract on Monetary Reform*, Keynes) (1924) 186-87, 371n4
- «Трактат о деньгах» (Кейнс) (*Treatise on Money*, Keynes) (1931) 182
- «Уолл-стрит» (*Wall Street*), кинофильм 113
- «Утилитаризм» (Миль) (*Utilitarianism*, Mill) (1861) 11

- «Федеральный бульдозер» (Андерсон) (*The Federal Bulldozer*, Anderson) (1964) 300, 314
- «Хорошее общество» (Липманн) (*The Good Society*, Lippmann) (1938) 6, 8, 31, 35
- «Цветные в Англии» (*Coloured People in Britain*, Bow Group) (1952) 150
- «Человеческая деятельность» (Мизес) (*Human Action*, Mises) (1949) 35
- «Экономика в одном уроке» (Хэзлит) (*Economics in One Lesson*, Hazlitt) (1946) 35, 76
- «Экономическая теория демократии» (Даунс) (*An Economic Theory of Democracy*, Downs) (1957) 129
- «Экономическая теория политики» (Бьюкенен) (*The Economics of Politics*, Buchanan) (1978) 130

Указатель имен*

- Абернати, Ральф (Abernathy, Ralph) 366n33
- Агню, Спиро (Agnew, Spiro) 193, 228
- Аденауэр, Конрад (Adenauer, Konrad) 88, 121-22, 125
- Акли, Гарднер (Ackley, Gardner) 197
- Актон, лорд (Lord Acton) 160
- Аллен, Р. (Allen, R. A.) 231
- Аллен, Дуглас (Allen, Douglas) 231
- Альенде, Сальвадор (Allende, Salvador) 13
- Андерсон, Аннелиз (Anderson, Anneliise) 266, 332, 336
- Андерсон, Мартин (Anderson, Martin) 264, 300, 314
- Арон, Раймон (Aron, Raymond) 31, 74
- Асквит, Г. Г. (Asquith, H. H.) 2, 22, 26-27
- Байлс, Роджер (Biles, Roger) 284
- Бакли-мл., Уильям (Buckley, William F., Jr.) 12; аналитические центры и 141-42, 145-46, 160, 163, 173-74; «Линия огня», телешоу и 173, 193; стагфляция и 225-26; Фридмен и 173-74; «National Review» и 141, 171, 173
- Бакмен, Мишель (Bachmann, Michèle) 342
- Барбер, Энтони (Barber, Antony) 221, 231
- Барнетт, Джон (Burnett, John) 292
- Баруди-ст., Уильям (Baroody, William, Sr.) 136, 155, 157, 175, 198
- Батлер, Имон (Butler, Eamonn) 14, 16, 136, 163-66, 169, 210, 312
- Батлер, Рэб (Butler, Rab) 11, 25, 147, 191, 375n13
- Батлер, Стюарт (Butler, Stuart) 14, 16; аналитические центры и 163, 165, 169; жилищное строительство и 276, 278, 304-5, 312-15, 318-21, 328
- Бауман, Джон (Bauman, John) 295-96
- Бауэр, Питер (Bauer, Peter) 127, 160, 162, 218-25, 264, 336
- Беверидж, Уильям (Beveridge, William) 11, 22, 27, 54, 58, 86, 72n24
- Бейтмен, Б. (Bateman, B.) 183
- Беккер, Гэри (Becker, Gary) 4, 85, 89, 91, 127, 210, 249, 270, 335
- Бём, Франц (Böhm, Franz) 74, 122-23
- Бём-Баверк, Ойген (Böhm-Bawerk, Eugene) 50
- Бенн, Тони (Benn, Tony) 241, 245
- Бентам, Иеремия (Bentham, Jeremy) 99
- Бёргин, Энгус (Burgin, Angus) 12
- Бёрк, Эдмунд (Burke, Edmund) 11, 59, 103, 113, 141, 177-78, 355n86
- Бёрнс, Артур (Burns, Arthur) 94, 222, 228-29, 249
- Бёрч, Найджел (Birch, Nigel) 190
- Бивен, Най (Bevan, Nye) 11, 22, 27, 68, 289, 314-15

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы по английскому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- Бисмарк, Отто фон (Bismarck, Otto von) 70, 124
- Бланделл, Джон (Blundell, John) 127, 159
- Блэк, Дункан (Black, Duncan) 129
- Блэр, Тони (Blair, Tony) 17, 64, 353n55; наследие 337-38; право на выкуп арендуемого муниципального жилья и 275; третий путь и 321, 323, 326-27, 387n119; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 341; экономическая стратегия и 271
- Блюменталь, Майкл (Blumenthal, Michael) 249, 250
- Блюменталь, Сидни (Blumenthal, Sidney) 153
- Болтон, Джон (Bolton, John) 121
- Борн, Бруксли (Born, Brooksley) 341
- Брайт, Джон (Bright, John) 11, 59, 96
- Браун, Гордон (Brown, Gordon) 17, 271, 341
- Браун, Джордж (Brown, George) 152, 218
- Браун, Дональдсон (Brown, Donaldson) 155
- Бреннан, Мэри (Brennan, Mary) 175
- Бриттен, Леон (Brittan, Leon) 161-62, 258
- Бриттен, Сэмюэл (Brittan, Samuel): Дагвид и 233-34; Джей и 233-36; инфляция и 235-40; кейнсианство и 207; монетаризм и 233-36; общая информация 233-34; послевоенный период и 94; профсоюзы и 236; разочарование в политике 377n56; стагфляция и 227-28; трансатлантическая сеть и 149, 161-62, 174, 177; Фридмен и 235-36, 376n35; Хит и 233-41; экономическая стратегия и 227-28, 233-41, 258, 376n35, 377n56
- Брюс-Гардайн, Джок (Bruce-Gardyne, Jock) 161
- Булвер, Лемуэл (Boulwere, Lemuel Ricketts) 144
- Буржуа, М. (Bourgeois, M.) 74
- Буш, Джордж (Bush, George H. W.) 146, 265, 323-24, 312, 327
- Буш, Джордж (Bush, George W.) 334-35, 340
- Бьюкенен, Джеймс (Buchanan, James): Бреттон-Вудс и 2; вирджинская школа и 4-5, 9, 54, 88-89, 126, 130, 336; выборочное использование данных 210; Институт экономических дел и 130; кейнсианство и 210; наследие 334; неолиберальная критика и 9, 11, 15, 54; послевоенный период и 85, 87-88, 100, 104, 112-13, 115, 120, 126, 129-32; свободный рынок и 9; сдержки и противовесы и 130; трансатлантическая сеть и 17, 135, 138, 159-60, 166, 172, 178, 334, 336; Хайек и 370n121; школа общественного выбора и 17, 54, 104, 126, 129-32, 138, 159, 178, 210, 249, 270, 334, 336; теория рационального выбора и 126, 129-32; экономическая стратегия и 249, 263, 270
- Бэкк, Гленн (Beck, Glenn) 342
- Бэкхаус, Роджер (Backhouse, R.) 183
- Вайнер, Джейкоб (Viner, Jacob) 7, 90, 94
- Вайнен, Ричард (Vinen, Richard) 347n7
- Вальрас, Леон (Walras, Léon) 88, 90
- Ван Хорн, Роберт (Van Horn, Robert) 7-8, 67, 77, 91-92
- Ванисски, Джуд (Wanniski, Jude) 265
- Вебб, Беатрис (Webb, Beatrice) 30, 54, 103

- Вебб, Сидней (Webb, Sidney) 30, 54
- Вебер, А. (Weber, A.) 74
- Веблен, Торстейн (Veblen, Thorstein) 114
- Веджвуд, Сесили (Wedgwood, Cecily) 74
- Вейрих, Пол (Weyrich, Paul) 162
- Визе, Эндрю (Wiese, Andrew) 280
- Вильсон, Гарольд (Wilson, Harold) 5; Каллагэн и 233; Касл и 257; Министерство экономических дел и 152, 218; экономическая стратегия и 217-18, 225, 232-33, 241, 257; Хит и 232; жилищное строительство и 291; кризис МВФ и 241; Джей и 174; решительная победа 137; Национальный план и 137; послевоенный период и 132; второй срок 232, 241; крах послевоенного бума и 217-18; социал-демократия и 132; стагфляция и 225; реформа профсоюзов и 257; трансатлантическая сеть и 137, 152, 174
- Вирек, Питер (Viereck, Peter) 140
- Война во Вьетнаме 1, 107, 137, 201, 207, 213-15, 219, 221
- Волкер, Пол (Volcker, Paul) 5; изменение денежно-кредитной политики 251-54, 258-59; экономическая стратегия и 217, 247-54, 258-59, 265, 271; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 341; Фридмен и 253; Хоу о 250; инфляция и 252, 258-59; наследие 333, 341; монетаризм и 201, 247-54; денежные агрегаты и 251-52
- Волкер, Уильям (Volker, William) 26, 77, 91, 143, 155, 169
- Вулфовиц, Пол (Wolfowitz, Paul) 121
- Гальстер, Дж. (Galster, G.) 285
- Гамильтон, Александр (Hamilton, Alexander) 160
- Гарсиа, Роберт (Garcia, Robert) 320-21
- Гегель, Георг (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich) 35, 39, 41, 44-45, 65, 83, 100, 355n86
- Гейтнер, Тимоти (Geithner, Timothy) 19
- Гейтскелл, Хью (Gaitskell, Hugh) 147
- Гераклит 39
- Гётц, Эдвард (Goetz, Edward) 323
- Гилмор, Иэн (Gilmour, Ian) 256
- Гладстон (Gladstone) 27, 178, 200
- Глин, Эндрю (Glyn, Andrew) 13-14, 88
- Годли, Уайн (Godley, Wynne) 278n72
- Голдуотер, Барри (Goldwater, Barry) 9, 12, 109; экономическая стратегия и 198-99; идеологии и, 151-52, 155, 174, 176; кейнсианство и 197-201; выдвижение 176
- Грин, Ивен (Green, Ewen) 148-49
- Гринспен, Алан (Greenspan, Alan) 12, 17, 19, 35, 360n31, 376n26; экономическая стратегия и 224, 264-65, 271; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 339, 343; свободный рынок и 330-31, 360n31; инфляция и 224; иррациональная эйфория 343; наследие 330, 339, 341, 343; Рэнд и 164
- Гувер, Герберт (Hoover, Herbert) 280
- Гудрич, Дэвид (Goodrich, David) 155
- Гэлбрейт, Джон Кеннет (Galbraith, John Kenneth) 193, 197, 244-45
- Дагуид, Эндрю (Duguid, Andrew) 233-34, 267, 294
- Даунс, Энтони (Downs, Anthony) 129, 306-7, 322

- Делл, Эдмунд (Dell, Edmund) 17, 241-47
- Делор, Жак (Delors, Jacques) 333
- Деннисон, Стенли (Dennison, Stanley) 94, 169-70
- Денор, Франсуа (Denord, Francois) 31
- Деперл, Джейсон (Deparle, Jason) 274
- Джевонс, Уильям Стенли (Jevons, William Stanley) 90
- Джей, Дуглас (Jay, Douglas) 174
- Джей, Питер (Jay, Peter) 177; Бриттен и 233-36; инфляция и 240; Каллагэн и 18, 174, 233; кейнсианство и 207, 212; кризис МВФ и 242, 247; Хит и 240; экономическая стратегия и 215, 240, 269
- Джейкобс, Джейн (Jacobs, Jane) 275
- Джексон, Бен (Jackson, Ben) 12
- Дженкинс, Рой (Jenkins, Roy) 216-19, 257
- Джозеф, Кейт (Joseph, Keith) 17, 161, 177; жилищное строительство и 316; кризис МВФ и 242-43; экономическая стратегия и 232, 237-38, 242-43, 255
- Джонсон, Гарри (Johnson, Harry) 208-10
- Джонсон, Линдон (Johnson, Lyndon): Великое общество и 11, 137, 327; Голдуотер и 174-75; жилищное строительство и 283-87; закон об избирательных правах 28; комитет Кейзера и 286-87; Министерство жилищного строительства и городского развития (HUD) и 284; наследие 333; Новый курс и 218; программы борьбы с бедностью 219, 327; Хэмфри и 108; экономическая стратегия и 212-13; явные провалы 146, 300
- Джукс, Джон (Jewkes, John) 74
- Дизраэли, Бенджамин (Disraeli, Benjamin) 178, 200, 347n10
- Дионн, Э. Ж. (Dionne, E. J.) 145-46
- Дипаскуале, Дениз (DiPasquale, Denise) 307, 322
- Директор, Аарон (Director, Aaron) 4, 67, 74, 89, 91-92, 125, 264, 335, 342, 359n12
- Директор, Роуз (Director, Rose) 94
- Доул, Боб (Dole, Bob) 167
- Дуглас-Хоум, Алек (Douglas-Home, Alec) 151-52
- Дэн Сюпин (Deng Xiaoping) 121, 333
- Дэниелл, Дж. (Daniell, J.) 285
- Жувенель, Бертран де (Jouvenel, Bertrand de) 31
- Игнатъевф, Майкл (Ignatieff, Michael) 103
- Иден, Энтони (Eden, Anthony) 29, 137, 139, 298-99, 309
- Илау, Г. (Пау, Н.) 123
- Иоанн Павел II (John Paul II) 332
- Каллагэн, Джеймс (Callaghan, James): «банда четырех» и 257; девальвация валюты 218; Джей и 18, 174, 233; жилищное строительство и 325; «зима тревоги» и 254; инфляция и 5, 334; кризис МВФ и 241-47; критика проводимой им экономической политики 225; монетаризм и 241-47, 252-53, 374n2; наследие 333-34; отставка 218-19; поражение от Тэтчер 254-55; свободный рынок и 13; Хили и 216, 241-47, 253-54, 270, 374n2; Хит и 233; Хоскинс и 256; экономическая стратегия и 216, 218, 225, 233, 241-47, 252-54, 256-57, 262, 270
- Кан, Альфред (Kahn, Alfred) 249
- Картер, Джимми (Carter, Jimmy): Бауман о 295-96; дерегулирование гражданской авиа-

- ции и 217; дерегулирование и 5, 217, 248-49, 253, 340; доверие к 263; долговой кризис Нью-Йорка 247-48; жилищное строительство и 295-97, 325; закон о дерегулировании депозитных учреждений и денежно-кредитном контроле и 248, 340; Закон о реинвестициях в местные сообщества и 296-97; закон Стэджерса о железнодорожных перевозках и 248; закон Хэмфри—Хоукинса и 108; избрание 247; инфляция и 217, 247, 252, 263, 296, 334; иранский кризис с заложниками и 263; как фискальный ястреб 217; кейнсианство и 108, 217, 295; Министерство жилищного строительства и городского развития 295; монетаризм и 247-54; назначение Волкера и 250; наследие 333-34; Национальная городская политика и 296, 317; «недомогание» 333, 389n10; неолиберальная критика и 5, 13; ограниченное правительство и 295-97; получение противоположных советов 248; провалы в экономической политике 340; программа образцовых городов 295; расовые проблемы и 317; реконструкция городов и 295; реформа на основе идей экономической теории предложения 248-49; свободный рынок и 13; снижение производительности и 249-50; стагфляция и 228, 295; Стиглер и 249; Федеральный резерв и 247-54, 333; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 230, 340; Шульц и 249; экономическая стратегия и 228-29, 247-54, 263, 270
- Касл, Барбара (Castle, Barbara) 257
- Кац, Майкл (Katz, Michael) 315
- Кейес, Лэнгли (Keyes, Langley) 307, 322
- Кейнестон, Дэвид (Kynaston, David) 28
- Кейнс, Джон Мейнард (Keynes, John Maynard) 1, 3; австрийская школа 205; бессистемный эмпиризм 183; важные аспекты в его каноне 182-90; влияние 182; возникновение неолиберализма и 11; золотой век капитализма и 180; инфляция и 187; как последний из великих английских либералов 182-83; кейнсианство и 182-90; Маршалл и 183; монетаризм и 187; недостаточная занятость и 186-87; неолиберальная критика и 30, 35-36, 54, 62; общая информация 183; послевоенное урегулирование и 24; реформа капитализма и 185; Скидельский и 182-83, 186-87, 213-14; средний путь и 27; Фридмен и 201-3, 208-9; Хит и 231; экономическое равновесие и 186; laissez faire и 185-87
- Кеннан, Эдвин (Cannan, Edwin) 58, 74, 87
- Кеннеди, Джон (Kennedy, John F.) 132; жилищное строительство и 283-84, 288; идеология и 137, 146, 175; кейнсианство и 196-98, 201, 212-13; наследие 333; экономическая стратегия и 197-98, 226, 250
- Кеннеди, Тед (Kennedy, Ted) 249
- Кенрик, Брюс (Kenrick, Bruce) 292
- Кериер, Томас (Karier, Thomas) 198, 212-13
- Киллик, Анджела (Killick, Angela) 308-9
- Кинг, Мартин Лютер (King, Martin Luther, Jr.) 366n33
- Кирк, Рассел (Kirk, Russell) 140-41, 159-60
- Кларк, Кеннет (Clarke, Kenneth) 325
- Кларк, Фред (Clark, Fred G.) 160
- Кларк, Эд (Clark, Ed) 164

- Клейн, Наоми (Klein, Naomi) 14, 88
- Клинтон, Билл (Clinton, Bill) 217; жилищное строительство и 274, 278, 321-27, 387n119; закон Грэма-Лича и 341; «Надежда VI», проект, и 278, 321-25, 327; наследие 337; неолиберальная критика и 64; трансатлантическая сеть и 17, 19, 337-38, 340-41; третий путь и 321, 323, 326-27, 387n119; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 340-41; экономическая стратегия и 271
- Кобден, Ричард (Cobden, Richard) 11, 59, 96
- Коккет, Ричард (Cockett, Richard) 12
- Коль, Гельмут (Kohl, Helmut) 332
- Конгдон, Тим (Congdon, Tim) 178
- Конелли, Джон (Connally, John) 225, 227
- Конт, Огюст (Comte, Auguste) 61, 355n86
- Корнуэлл, Г. (Cornuelle, H. C.) 77
- Корнуэлл, Ричард (Cornuelle, Richard) 169-70
- Коуз, Рональд (Coase, Ronald): о Смите 104-7; Общество Мон-Пелерен и 58, 74; послевоенный период и 89, 91, 100-7; чикагская школа и 4; эпоха Просвещения и 100-7
- Кох, Чарльз (Koch, Charles) 164-65, 169
- Крейн, Филип (Crane, Philip) 163, 229-30
- Крейн, Эд (Crane, Ed) 14, 136, 164-65, 175-76, 331, 358n8
- Крейн, Джаспер (Crane, Jasper) 83, 144, 155
- Кронин, Джеймс (Cronin, James) 242
- Кросленд, Тони (Crosland, Tony) 242, 243
- Кругман, Пол (Krugman, Paul) 8, 20
- Куомо, Эндрю (Cuomo, Andrew) 326
- Курс, Джозеф (Coors, Joseph) 163, 169
- Кэмерон, Дэвид (Cameron, David) 343
- Кэмп, Джек (Camp, Jack) 11, 266, 312-13, 315, 320-21
- Кэмпбелл-Баннерман, Генри (Campbell-Bannerman, Henry) 27
- Кэссиди, Джон (Cassidy, John) 339
- Ламон, Норман (Lamont, Norman): аналитические центры и 149, 161, 177, 370n122; забастовка шахтеров и 267-68; инфляция и 236; кейнсианство и 194, 207; Тэтчер и 257-58, 370n122; Хит и 237-38; экономическая стратегия и 234, 237, 257-58, 267, 269-70
- Ланау, Гарольд (Luhnow, Harold) 77, 91, 116, 155, 169
- Ле Корбюзье (Le Corbusier) 279
- Леви, Эдвард (Levi, Edward) 89, 91
- Лейдлер, Дэвид (Laidler, David) 184, 184-85
- Лейн, Роуз Уалдер (Lane, Rose Wilder) 164
- Лесситер, Мэттью (Lassiter, Matthew) 143, 350n18
- Летвин, Ширли (Letwin, Shirley) 169
- Лилла, Марк (Lilla, Mark) 342
- Лилли, Питер (Lilley, Peter) 149
- Линкольн, Авраам (Lincoln, Abraham) 89
- Линкольн, Джон (Lincoln, John) 162
- Липпманн, Уолтер (Lippmann, Walter) 6, 8, 31, 35, 40, 74, 360n25
- Ллойд Джордж, Дэвид (Lloyd George, David) 2, 22, 26, 289

- Локк, Джон (Locke, John) 160
 Лоусон, Найджел (Lawson, Nigel) 11-12; аналитические центры и 161, 172, 177-78; инфляция и 380n117; кейнсианство и 181, 186, 201; наследие 330; неолиберальная критика и 54; послевоенный период и 126, 359n17; свободный рынок и 330-31; Фридмен и 259-60; экономическая стратегия и 234, 258-62, 269, 271
- Майер, Фридрих (Maier, K. Friedrich) 123
 Макбридж, Роджер (McBride, Roger) 164-65
 Макгирр, Лайза (McGirr, Lisa) 144-45
 Макговерн, Джордж (McGovern, George) 287
 Макгрегор, Джон (MacGregor, John) 149, 166
 Маккракен, Пол (McCracken, Paul) 155, 221-23, 376n28
 Маклеод, Иэн (Macleod, Iain) 148
 Макмиллан, Гарольд (Macmillan, Harold) 217; государство благосостояния и 197; жилищное строительство и 289, 298, 309; идеология и 137, 139, 148, 150-51; инфляция и 191; кейнсианство и 190; монетаризм и 189-91
 Макрей, Норман (Macrae, Norman) 11
 Манту, Этьен (Mantoux, E.) 74
 Маршалл, Альфред (Marshall, Alfred) 88, 90, 183
 Махлуп, Фриц (Machlup, Fritz) 50, 74
 Мейджор, Джон (Major, John) 64, 158, 230, 237, 298
 Мейер, Фрэнк (Meyer, Frank) 140
 Мейсон, Джордж (Mason, George) 126
 Мейсон, Дуглас (Mason, Douglas) 167
- Менгер, Карл (Menger, Carl) 49
 Мердок, Руперт (Murdoch, Rupert) 342
 Мизес, Людвиг фон (Mises, Ludwig von): австрийская экономическая школа и 36, 49-50, 360n35; англизация/американизация и 14; Бакмен и 342; Бём-Баверк и 50; Бреттон-Вудс и 2; бюрократия и 31, 33, 49-57; государство благосостояния и 54-55; демократическая власть и 55-56; жизнеспособность экономического планирования 3; инфляция и 184; как провозвестник новых идей 29; капитализм и 56, 84; кейнсианство и 55, 183-85, 199; коллективизм и 97; Маркс и 56; мотив прибыли 51-55; наследие 336; неолиберальная критика и 6, 14, 31-43, 48-57, 60-70, 74-77, 81, 83-84, 351n4, 353n65, 360n65; Новый курс и 50, 52, 55; о Смите 114-15; общая информация 49-50; Общество Мон-Пелерен и 74-77, 81, 83-84, 113-14; ордолиберализм и 123; Платон и 56; Поппер и 49, 56; послевоенный период и 29, 85-87, 96-97, 99-101, 108-9, 113-16, 123, 132; проблема экономического расчета при социализме 3, 109, 351n4; профсоюзы и 378n61; свободный рынок и 49-50, 53, 55, 57; Токвиль и 50, 52; трансатлантическая сеть и 138, 151, 155-56, 159-60, 165, 169-71, 176, 336, 342; Фридмен и 363n85; Хайек и 3, 97, 378n61; холодная война и 115; частное предпринимательство и 54; экономическая стратегия и 199; эпоха Просвещения и 100-1, 108-9; *laissez faire* и 113-14; *Obrigkeit* и 50
- Миллер, Уильям (Miller, G. William) 217, 249

- Милль, Джон Стюарт (Mill, John Stuart) 11, 17, 40, 115, 203
- Минтс, Ллойд (Mints, Lloyd) 90
- Мировски, Филип (Mirowski, Philip) 7, 10, 14, 77, 91-92
- Мод, Энгус (Maude, Angus) 148
- Модлинг, Реджинальд (Maudling, Reginald) 137, 217-18
- Моррис, Паркер (Morris, Parker) 315
- Муссолини, Бенито (Mussolini, Benito) 3, 43
- Мэдисон, Джеймс (Madison, James) 129, 160
- Мюллер-Армак, Альфред (Müller-Armack, Alfred) 122-23
- Мюррей, Чарльз (Murray, Charles) 64, 167, 169
- Найт, Фрэнк (Knight, Frank) 7, 66, 74, 87, 90, 93-94, 127, 358n4
- Насер, Гамаль-Абдель (Nasser, Gamal Abdel) 29, 365n7
- Никсон, Ричард (Nixon, Richard M.) 243; Бреттон-Вудская система и 227-28; жилищное строительство и 274, 283-84, 286-87, 296; инфляция и 220-27, 229, 376n28; коллапс послевоенного бума 219-24; Пауэлл и 193; плавающий курс доллара и 219-20; профсоюзы и 376n28; расовые проблемы и 274; снижение производительности и 249-50; стагфляция и 227-29, 274; Стиглер и 127; Уотергейт и 215, 228-30, 335; Фридмен и 229-30; Шульц и 177; экономическая стратегия и 213; Эрхард и 124
- Нисбет, Роберт (Nisbet, Robert) 140
- Нисканен, Билл (Niskanen, Bill) 265
- Нок, Альберт (Nock, Albert Jay) 141, 159
- Нэш, Джордж (Nash, George) 12, 140-41
- О'Мара, Маргарет (O'Mara, Margaret Pugh) 281-82
- Обама, Барак (Obama, Barack) 20, 22, 26, 271
- Ойкен, Вальтер (Eucken, Walter) 66, 74, 87, 122-24
- Окун, Артур (Okun, Arthur) 197
- Олсон, Манкур (Olsen, Mancur) 129
- Оуэн, Дэвид (Owen, David) 257
- Парето, Вильфредо (Pareto, Vilfredo) 90
- Паттерсон, Изабел (Patterson, Isabel) 164 1
- Пауэлл, Энох (Powell, Enoch) 12; Бреттон-Вудская система и 194-95; валютные курсы и 194-96; иммиграция и 139, 151, 193-94, 290, 366n37, 384n44; Институт экономических дел и 195-97; кейнсианство и 190-97, 199, 203; количественная теория денег и 203; монетаризм и 190-97, 199, 203; Никсон и 193; «Одна нация» и 148-49, 151; «Реки крови», речь 139, 151, 290, 384n44; свободный рынок и 193-94; стагфляция и 226-27; Торникрофт и 189-91, 372n32; трансатлантическая сеть и 137, 139, 148-49, 151; тэтчеровский консерватизм 194; экономическая стратегия и 199, 226
- Педен, Джордж (Peden, George) 188
- Пейлин, Сара (Palin, Sarah) 342
- Пейш, Фрэнк (Paish, Frank) 193
- Пек, Джейми (Peck, Jamie) 20
- Перкинс, Френсис (Perkins, Frances) 54
- Петерсон, Питер (Peterson, Peter G.) 225
- Пибоди, Малкольм (Peabody, Malcolm E., Jr.) 287

- Пим, Фрэнсис (Pym, Francis) 256
 Пиночет, Аугусто (Pinochet, Augusto) 13, 240
 Пири, Имон (Pirie, Eamonn) 312
 Пири, Мэдсен (Pirie, Madsen) 14, 16, 136, 163, 165-66, 169, 211, 312, 380n117
 Пирсон, Пол (Pierson, Paul) 14, 282
 Плант, Арнольд (Plant, Arnold) 74
 Платон 35, 39, 41-44, 47, 56, 65, 83
 Плеве, Дитер (Plehwe, Dieter) 10
 Полани, Майкл (Polanyi, Michael) 6, 31, 74
 Поппер, Карл (Popper, Karl): аналитические центры и 159; ангажизация/американизация и 14; военные усилия и 38; Гегель и 35, 39, 41, 44-45, 65, 83; государственная власть и 351n3; гуманизм и 40, 43, 57, 61, 75; индивидуализм и 57; иррационализм и 47; историзм и 42-49; как провозвестник новых идей 29; капитализм и 46, 48; кейнсианство и 372n26; Лондонская школа экономики и 3; Маркс и 35, 39-41, 44-46, 83; Мизес и 49, 56; наследие 333; неолиберальная критика и 31, 33-49, 56-62, 65-66, 71, 74-75, 78, 83-84, 351nn3, 4, 353n51, 355n86; Новый курс и 8, 43, 45; общая информация 37; Общество Мон-Пелерен и 74-75, 78, 83-84; объединение либералов, прогрессистов и социалистов 39-40; открытое общество и 8, 31, 33, 37-49; Платон и 35, 39, 41-44, 47, 65, 83; племенное состояние и 41-44; послевоенный период и 29, 31, 33-49, 56-62, 65-66, 71, 74-75, 78, 83-86, 96, 98-100, 120, 129; поэтапная социальная инженерия 8, 34, 47, 60-61; прогрессистская политика 41; свободный рынок и 37-40, 48-49; социал-демократия и 8; социализм и 37, 45; спор об экономическом расчете при социализме и 351n4; трансатлантическая сеть и 17, 159, 333; утопизм и 42; Хайек и 60-62, 65, 353n51, 355n86; экономическая стратегия и 239; эпоха Просвещения и 44, 100
 Прайор, Джеймс (Prior, James) 255-56, 268
 Прасад, Моника (Prasad, Monica) 14
 Птак, Ральф (Ptak, Ralf) 124-25
 Райкер, Уильям (Riker, William) 4, 88, 126, 129
 Райко, Ральф (Raico, Ralph) 171
 Рахман, Питер (Rachman, Peter) 150, 366n34
 Редвуд, Джон (Redwood, John) 158
 Рейган, Рональд (Reagan, Ronald): академические писатели и 9; аналитические центры и 134, 137, 146, 155, 158, 161, 163-64, 169-70, 172, 174-79; бюджетный дефицит 266; Волкер и 217; выходец из Голливуда 389n10; Главное бюджетно-контрольное управление США 304-6; государственная власть и 379n92; государство благосостояния 273; дерегулирование и 263, 268, 271, 273, 277, 305; жилищное строительство и 273-74, 276-78, 283, 288, 295-97, 300, 304-8, 312, 314-22, 325; забастовка авиадиспетчеров 266-67; закон Гарна-Сен-Жермена о депозитных учреждениях и 340-41; закон Тафта-Хартли 266; зоны предпринимательства и 16, 169, 274, 276-78, 296, 315-21, 348n21; избрание 263; индивидуализм и 6, 86; инфляция и 15, 263-64; кейнсианство и 7, 9, 181,

- 198; Консультативный совет по экономической политике при президенте и 176; культурная зависимость и 273; малоимущие и 361n62; налоги и 263-66; наследие 330, 332, 334, 340-41; неолиберальная критика и 9, 11-14, 52, 83; папа Иоанн Павел II и 332; послевоенный период и 86, 109, 115, 121; право на выкуп арендуемого муниципального жилья 276; Проект жилищной политики МТИ и 306-8, 322; профсоюзы и 263, 266-67; рейганомика и 263-69; реформа на основе идей экономической теории предложения 266; свободный рынок и 7, 379n92; стагфляция и 263; трансатлантическая сеть и 15-19; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 340-41; Фонд «Наследие» и 134; Фридмен и 263-66; Шульц и 267; экономическая стратегия и 198, 216-17, 250, 254, 263-71, 379n92; экономическая теория просачивания 265, 334; энергичные правые и 6; *laissez faire* и 322
- Рёпке, Вильгельм (Röpke, Wilhelm) 6, 31, 66, 74, 87, 98, 122-24
- Риган, Дон (Regan, Don) 265
- Рид, Леонард (Read, Leonard) 14, 73, 76-77, 80, 135-36, 155-57, 168, 170
- Рикардо, Давид (Ricardo, David) 11
- Рис-Могг, Уильям (Rees-Mogg, William) 161, 174, 235
- Роббинс, Лайонел (Robbins, Lionel): кейнсианство и 190; неолиберальная критика и 32, 35-36, 45, 50, 58, 66, 74; послевоенный период и 87, 91, 100; Хайек и 190; экономическая стратегия и 219
- Роджерс, Дэниел (Rodgers, Daniel) 16
- Роджерс, Билл (Rodgers, Bill) 257
- Роджерс, Джон (Rodgers, John) 160
- Ролз, Джон (Rawls, John) 130-31
- Ромни, Джордж (Romney, George) 285-86
- Ростоу, Уолт (Rostow, Walt) 162
- Ротбард, Мюррей (Rothbard, Murray) 165, 169
- Ротшильд, Эмма (Rothschild, Emma) 103
- Рубин, Роберт (Rubin, Robert) 271, 341
- Ружье, Луи (Rougier, Louis) 6, 31, 74
- Рузвельт, Франклин (Roosevelt, Franklin): Великая депрессия и 184, 202; кейнсианство и 184, 202; Комитет по экономической безопасности и 26; неолиберальная критика и 51-52, 54, 63, 66, 68; Новый курс и 11 (см. *тж.* Новый курс); «О положении страны», послание 21; послевоенные неолиберальные идеи и 21-27, 94; трансатлантическая сеть и 139, 142-43, 175-76
- Рэнд, Айн (Rand, Ayn) 35, 164
- Рюстов, Александер (Rüstow, Alexander) 6, 31, 66, 123
- Рюэф, Жак (Rueff, Jacques) 6, 31, 74
- Саймон, Уильям (Simon, William E.) 164, 243
- Саймонс, Генри (Simons, Henry Calvert): капитализм и 95; кейнсианство и 201; наследие 335; немецкий подход и 125; неолиберальная критика и 7, 35, 40, 66, 74; общая информация 93; послевоенный период и 87-100, 111, 122-23, 125, 127, 131; свободное общество и 8; трансатлантическая сеть и 17, 335; Фридмен и 94-96, 98, 360n27; чикагская школа и 3, 89-100; эпоха Просвещения и 99-100; этатизм и 100

- Саммерс, Ларри (Summers, Larry) 19, 271, 341
- Самуэльсон, Пол (Samuelson, Paul) 188, 356n108
- Селдон, Артур (Seldon, Arthur) 14, 135, 152, 156, 160, 167-69, 174
- Селдон, Энтони (Seldon, Antony) 231
- Скейф, Ричард (Scaife, Richard Mellon) 160, 169
- Скидельски, Роберт (Skidelsky, Robert) 182-83, 186-87, 213-14
- Скиннер, Эндрю (Skinner, Andrew) 103
- Смит, Адам (Smith, Adam) 11; аналитические центры и 160, 177; евангелие от работодателей 103; индивидуализм и 107-9, 112; как революционер 102-3; капитализм и 101, 104, 107; классический либерализм и 102; Коуз о 104-7; Мизес и 114-15; невидимая рука и 101, 107-10, 119, 130, 338; неолиберальная критика и 58-59; нравственное поведение и 112, 115-16; послевоенные неолиберальные идеи и 87, 94, 99-111, 113, 115, 130; республиканская ориентация 113; свободный рынок и 104-7; состояние рынка и 103-4; Стиглер о 106-7; Фридмен о 102-3, 111-17; школа общественного выбора и 130; эгоизм и 107-9, 338; эпоха Просвещения и 99-110; laissez faire и 102, 109-10
- Солоу, Роберт (Solow, Robert) 188
- Спаркман, Джон (Sparkman, John J.) 286
- Спринкел, Берил (Sprinkel, Beryl) 265
- Сталин, Иосиф (Stalin, Joseph) 43, 73
- Стейн, Герберт (Stein, Herbert) 222
- Стенли, Джон (Stanley, John) 311
- Стиглер, Джордж (Stigler, George): общая информация 127; Бреттон-Вудс и 2; капитализм и 129; Картер и 249; чикагская школа и 4, 90-91; экономическая стратегия и 216, 222, 249, 253, 263, 270; свободный рынок и 5, 9; жилищное строительство и 276, 300; кейнсианство и 210, 212; наследие 334-36; неолиберальная критика и 58, 74, 84; Никсон и 127; послевоенный период и 85, 87-91, 93, 100-2, 106-7, 110, 126-33; максимизация прибыли и 128; школа общественного выбора и 334; теория рационального выбора 126-33; теория захвата регулятора 7, 88, 126-33, 212; выборочное использование данных 210; о Смита 106-7; государственная власть и 126-31; ресурсы государства и 127-28; трансатлантическая сеть и 138, 155-56, 334-36, 342
- Стоун, Оливер (Stone, Oliver) 113
- Страус, Норман (Strauss, Norman) 255, 256
- Сэндбрук, Доминик (Sandbrook, Dominic) 151
- Тагвелл, Рексфорд (Tugwell, Rexford) 54, 281
- Таллок, Гордон (Tullock, Gordon): вирджинская школа и 4-5, 9, 54, 88-89, 126, 130, 336; выборочное использование данных 210; кейнсианство и 210; наследие 334, 336; неолиберальная критика и 54; послевоенный период и 85, 126, 129-32; свободный рынок и 5; теория рационального выбора и 126, 129-32; трансатлантическая сеть и 138, 159-60, 166, 334, 336; школа общественного выбора и 4, 54, 88, 126,

- 129-32, 138, 159, 166, 249, 270, 334, 336; экономическая стратегия и 249, 270
- Тebбит, Норман (Tebbit, Norman) 268
- Тобин, Джеймс (Tobin, James) 197
- Токвиль, Алексис де (Tocqueville, Alexis de) 50, 52
- Томпсон, Уолтер (Thompson, J. Walter) 160
- Торникрофт, Питер (Thorneycroft, Peter) 189-91, 372n32
- Трайб, Кейт (Tribe, Keith) 70, 162
- Триффин, Роберт (Triffin, Robert) 214
- Трумэн, Гарри (Truman, Harry S.): идеология и 139, 144, 175; кейнсианство и 213; неолиберальная критика и 28; послевоенные неолиберальные идеи и 28, 86; сбалансированный бюджет и 197; Справедливый курс 22, 86, 116, 279, 299; строительство жилья и 277, 279, 299
- Тэтчер, Маргарет (Thatcher, Margaret): академические писанины и 9; альтернативные подходы 255-57; аналитические центры и 134, 137, 149, 158, 161-62, 166-67, 177-79, 367n63; бездействие и 53; Бриттен и 258; вынужденная отставка 330; главные документы по социально-экономической политике 255-56; государственная власть и 379n92; государство благосостояния и 273; группа экономических консультантов (Policy Unit) 125, 158, 194, 233, 356n19; дерегулирование и 268, 271, 273, 277, 305, 341; Джозеф и 177; жилищное строительство и 273-77, 289, 294-95, 298, 300, 304-5, 308-10, 312, 314-16, 325; забастовка шахтеров и 267-68; «зима тревоги» и 247; инфляция и 15, 254-55, 258-62, 380n117; как герой 370n122; как министр образования 232; кейнсианство и 7, 9, 181, 194; культура зависимости 273; Ламон и 257-58, 370n122; Лоусон и 380n117; Макгрегор и 166; малоимущие и 361n62; мемуары 382n156; Министерство здравоохранения и 53; монетаризм и 255, 258, 260, 270; наследие 330, 332, 334, 336-37, 340-41; неолиберальная критика и 11-14, 53-54, 64, 83, 356n119; подушный налог и 167, 368n86; поражение Каллагэна и 254-55; послевоенный период и 115, 125-26, 359n17, 361n62; право на выкуп арендуемого муниципального жилья 275-77, 289, 294, 308-15, 337; профсоюзы и 267-68; свобода личности и 6; свободный рынок и 7, 379n92; трансатлантическая сеть и 15-19; Феллон и 166; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 341; Форсайт и 166; Хайек и 347n7, 354n76, 369n117; Херд о 370n122; Хит и 232; экономическая стратегия и 18, 115, 137, 166, 194, 216-17, 230, 232-33, 240, 242-43, 250, 254-63, 267-71, 347n7, 380n117; энергичные правые и 6
- Уайт, Гарри (White, Harry Dexter) 62, 181
- Уайт, Чарльз (White, Charles) 155
- Уивер, Ричард (Weaver, Richard) 140
- Уивер, Тим (Weaver, Tim) 348n21
- Уиллетс, Дэвид (Willets, David) 167
- Уильямс, Ширли (Williams, Shirley) 257

- Уильямсон, Джон (Williamson, John) 8
- Уоллес, Джордж (Wallace, George) 146
- Уолтерс, Алан (Walters, Alan) 160, 207, 261, 336
- Фёгелин, Эрик (Voegelin, Eric) 159
- Феллон, Майкл (Fallon, Michael) 166
- Фелнер, Эд (Feulner, Ed) 14, 16; аналитические центры и 135-36, 158, 162-63, 166, 169, 211; экономическая стратегия и 264-66
- Фельдман, Дэвид (Feldman, David) 290-91
- Фельдштейн, Мартин (Feldstein, Martin) 265, 271
- Фертиг, Лоуренс (Fertig, Lawrence) 26, 50, 143
- Филлипсон, Николас (Phillipson, Nicholas) 101
- Филлипс, Уильям (Phillips, William) 2, 188
- Филлипс-Фейн, Ким (Phillips-Fein, Kim) 144, 153, 336
- Фишер, Ирвинг (Fisher, Irving) 203, 203-5, 208-9
- Фишер, Энтони (Fisher, Anthony) 14, 135-36, 156-60, 165-69
- Фобус, Орвал (Faubus, Orval) 366n33
- Фон Хоффман, Александер (Von Hoffman, Alexander) 324
- Форд, Джеральд (Ford, Gerald) 109; снижение производительности и 249-50; экономическая стратегия и 222, 228, 243, 247-50; инфляция и 247-48; долговой кризис Нью-Йорка и 247-48
- Форсит, Майкл (Forsyth, Michael) 166
- Фоунз-Вулф, Элизабет (Fones-Wolf, Elizabeth) 144
- Фридмен, Милтон (Friedman, Milton): австрийская школа и 205; антимонопольное законодательство и 363n91; Бакли и 173-74; Бреттон-Вудская система и 2, 226; Бриттен и 235-36, 376n35; Великая депрессия и 94-95; выборочное использование данных 210; государственное вмешательство 119; Гринспен и 12, 17, 19, 35, 164, 224, 264-65, 271, 330, 339, 341, 343, 360n31, 376p26; дерегулирование и 103, 260; Джонсон и 208-10; Директор и 94; жилищное строительство и 276-77, 287, 289, 297, 300, 302-4, 306; золотой стандарт и 375n10; индивидуализм и 113; инфляция и 94, 102, 124, 136, 180, 193, 204, 206-7, 210, 212, 222-28, 232, 238, 240-41, 338; капитализм и 70, 92, 97, 116-21, 132, 236, 302; кейнсианство и 180-81, 185, 187-88, 193-94, 196, 198-212, 371n4; коллективизм и 96-97; крах послевоенного бума и 218-25; кривая Филлипса и 205; Лоусон и 259-60; макроэкономика и 187; Мизес и 363n85; монетаризм и 7, 201-12, 216, 248, 260-61, 270, 334; навыки общения 210-11; наследие 331-32, 334-38, 342; неолиберализм времен холодной войны и 111-21; неолиберальная критика и 4, 6, 11, 13, 15, 37-38, 40, 50, 54, 58, 67, 70, 74, 83-84; Никсон и 229-30; Новый курс и 4; о Смите 102-3; общая информация 93-94; Общество Мон-Пелерен и 98-99; реформулирование количественной теории денег и 180-81; политика и 5, 136; послевоенный период и 85-103, 106-22, 124-27, 130-32, 361n62; провалы рынка и 118; Рейган и 263-66; Саймонс и 93-96, 98, 360n27; свободный рынок и

- 7-9, 117-20, 200; социал-демократия и 9; социализм и 119-20, 153; стагфляция и 102, 181, 202, 212, 226-29, 232, 263; статья 1951 г. 6, 85, 96, 98-99, 360n26; трансатлантическая сеть и 17, 20, 135-36, 138, 141, 146, 148, 152-53, 155-57, 160-74, 177-78, 331-38, 342; условия экономического роста и 206-7; Хайек и 363n85; Хит и 231-33, 235-41; чикагская школа и 89-100, 358n8; Шварц и 208, 210; экономико-политическая свобода и 116-17; экономическая стратегия и 198-201, 216-43, 246, 248, 252-53, 259-66, 270; экономические циклы и 358n8; эпоха Просвещения и 100-3, 106-10; laissez faire и 94-97, 102, 360n27
- Фридрих, Карл (Friedrich, Carl) 122-23
- Фукуяма, Френсис (Fukuyama, Francis) 121
- Хаберлер, Готтфрид (Haberler, Gottfried) 155
- Хайдер, Адольф (Hider, Adolf) 33, 36, 43, 47, 73-74
- Хайек, Фридрих (Hayek, Friedrich): англлизация/американизация 14; аналитические центры и 141, 169; Бреттон-Вудс и 2; Бьюкенен и 370n121; взгляды на социально-экономическую политику 4; государственная власть и 351n3; жизнеспособность экономического планирования 3; жилищное строительство и 273, 277, 289, 297, 300-4, 318-20; идеологическая стратегия, 82; индивидуализм и 57-73, 270; инфляция и 71, 124, 184, 187-90, 338, 374n9; Исследование свободного рынка и 77, 91-92, 96, 125; иудео-христианская традиция и 59; как посредник 359n12; как приглашенный исследователь 160; как провозвестник новых идей 29; как профессор экономической науки и статистики 58; капитализм и 64, 125, 132; кейнсианство и 3, 58, 62-63, 182-84, 187, 190, 199-200, 351n4; коллективизм и 58-59, 71-72, 97; Комитет по социальной мысли и 4, 91; конституционализм и 113; Крейн и 175-76; Мизес и 3, 378n61; монетаризм и 270, 334; наследие 329, 332, 334-36, 338; негативная свобода и 71; неолиберальная критика и 3-14, 30-50, 57-84, 351nп3, 4; Новый курс и 4, 63, 66, 68, 70; общая информация 57-58; Общество Мон-Пелерен и 4, 6, 8, 10-11, 73-84, 113-14, 353n51; политическое влияние 58; Поппер и 59-62, 65, 353n51, 355n86; послевоенный период и 22-23, 29, 85-89, 91-93, 96-101, 104, 107-13, 115, 119, 123-25, 127, 129, 131-32; поэтапная социальная инженерия 60; проблема экономического расчета при социализме 3, 109, 351n4; профсоюзы и 81-82, 238, 240, 378n61; Рёнке и 123; Роббинс и 190; Самуэльсон и 356n108; свобода личности и 4, 32, 63, 73-74; свободный рынок и 5, 58, 63-64, 70-71, 119-20; Селдон и 168-69; социализм и 4, 17, 22, 30, 33, 36, 58, 64-65, 73-85, 91, 97, 138, 153, 363n85; стагфляция и 232; статус 4; трансатлантическая сеть и 17, 135, 138, 141-42, 146-49, 152-71, 175, 177-78, 329, 332, 334-38; Тэтчер и 347n7, 354n76, 369n1 17; фабианский социализм и 4, 72, 78, 149; Фридмен и 363n85; Хит и 232, 237-38, 240; чикаг-

- ская школа и 91-92, 357n130; эволюционистский подход к социальным явлениям 9; экономическая стратегия и 199, 232, 237-38, 240, 243, 263, 270; экономические циклы и 3, 92, 165; эпоха Просвещения и 100-1, 104, 107-10; laissez faire и 66-67, 335, 359n12
- Ханчетт, Томас (Hanchett, Thomas) 297
- Харви, Дэвид (Harvey, David) 13, 88, 247-48
- Харис, Ральф (Harris, Ralph) 14, 135-36, 152, 156-58, 160, 162, 166, 174, 196
- Харпер, Ф. (Harper, F. A.) 14, 136, 156, 159
- Харрис, Джоуз (Harris, Jose) 27
- Харрис, Патрисия (Harris, Patricia Roberts) 295
- Харрод, Рой (Harrod, Roy) 189, 190
- Хартвелл, Макс (Hartwell, Max) 102
- Хаттон, Грэм (Hutton, Graham) 160
- Хейден, Делор (Hayden, Delores) 279, 318
- Хеллер, Уолтер (Heller, Walter) 197
- Хеннесси, Питер (Hennessy, Peter) 26, 150-51
- Херд, Дуглас (Hurd, Douglas) 230-32, 267, 370n122
- Херт, Уильям (Hurt, William H.) 74
- Хиксон, Кевин (Hickson, Kevin) 246
- Хили, Денис (Healey, Denis): «зима тревоги» и 254; инфляция и 5; Каллагэн и 241-47, 253-54, 270, 374n2; кризис МВФ и 241-47; лимит государственных заимствований и 242, 246, 259-60; монетаризм и 241-47, 270, 374n2; наследие 333; полная занятость и 241-42; Совет по международным отношениям и 253; экономическая стратегия и 216, 241-47
- Хит, Эдвард (Heath, Edward): Барбер-бум и 231; Бриттен и 233-36, 238-41; Вильсон и 232; денационализация и 231; Джей и 240; Джозеф и 237-38; жилищное строительство и 289, 291, 298, 309-10; забастовка шахтеров и 257; закон о трудовых отношениях и 231; избрание 230; Каллагэн и 233; кейнсианство и 231, 234-36, 238; крах послевоенного бума и 221; Ламонт и 237-38; монетаризм и 195-96, 230-41; общая информация 230; профсоюзы и 231-32, 257, 267-68; свободный рынок и 161, 177, 231; Селдон о 231; Селдонская конференция 369n115; Тэтчер и 232; Фридмен и 231-33, 235-41; Хайек и 232, 237-38, 240; Херд о 230-31, 232; экономическая стратегия и 219-22, 225, 230-41
- Хобхаус, Л. (Hobshouse, L. T.) 11
- Ховард, Майкл (Howard, Michael) 149
- Ходоров, Фрэнк (Chodorov, Frank) 141
- Холл, Питер (Hall, Peter) 169, 276, 315-17, 319
- Холланд, Стюарт (Holland, Stuart) 278n72
- Хонт, Иштван (Hont, Istvan) 103
- Хоплинс, Гарри (Hopkins, Harry) 54
- Хоскинс, Джон (Hoskyns, John) 125, 194, 255-56, 261, 267, 356n119
- Хоу, Джеффри (Howe, Geoffrey) 356n119; аналитические центры и 148-49, 161, 169, 177; жилищное строительство и 276, 278, 300, 316, 319; кейнсианство и 194, 201; наследие 338, 340; послевоенный период и 126, 359n17; экономическая

- стратегия и 230, 232, 234, 250, 255, 258, 260-62
- Хоуэлл, Дэвид (Howell, David) 149, 255
- Хунольд, Альберт (Hunold, Albert) 6, 359n12
- Хэзлит, Генри (Hazlitt, Henry) 35, 76-77, 155, 160
- Хэмфри, Губерт (Humphrey, Hubert) 108
- Циснерос, Генри (Cisneros, Henry) 326**
- Черчилль, Уинстон (Churchill, Winston) 22, 69, 74, 137, 139, 148, 298, 309, 314, 375n13**
- Шварц, Анна (Schwartz, Anna Jacobsen) 95, 118, 202, 208, 210, 233**
- Шерман, Альфред (Sherman, Alfred) 161, 177, 235, 255, 261
- Шмидт, Гельмут (Schmidt, Helmut) 242-43
- Шнейдер, Грегори (Schneider, Gregory) 145
- Шор, Питер (Shore, Peter) 294
- Штраус, Лео (Strauss, Leo) 141, 159
- Шульц, Джордж (Shultz, George) 170, 176-77, 222, 227-28, 249, 267
- Шульце, Чарльз (Schultze, Charles) 249
- Эванс, Стэнтон (Evans, M. Stanton) 145**
- Эйзенхауэр, Дуайт (Eisenhower, Dwight D.) 137, 139, 175-76, 197, 213, 282, 288, 365n7, 366n33
- Эрроу, Кеннет (Arrow, Kenneth) 88, 129
- Эрхард, Людвиг (Erhard, Ludwig) 74, 87-88, 121-26
- Эттли, Клемент (Attlee, Clement): послевоенный период и 22-26; социал-демократия и 11, 22-26, 32, 69, 116, 138-39
- Эштон Т. С. (Ashton, T.S.) 74
- Юм, Давид (Hume, David) 11, 59, 101, 113, 160, 177, 203**

Предметный указатель*

- Австрийская школа** 3, 6; аналитические центры и 165, 184; Великая депрессия и 184-85; жилищное строительство и 301; кейнсианство и 184, 187, 200; логические возможности и 185; монетаризм и 205; неолиберальная критика и 38, 49-50; послевоенный период и 358п8, 360п35; vs. чикагская школа 358п8
- Автобусы школьные, перевозка** 143, 150, 337, 366п33
- Альтернативная экономическая стратегия** 241, 243, 255-57
- Американская мечта** 274
- Американская экономическая ассоциация (American Economic Association, АЕА)** 136, 154, 181, 202, 207, 233, 236
- Американские новые правые** 12
- Американский союз гражданских свобод (American Civil Liberties Union)** 144
- Аналитические центры (think tanks)** 4-5; австрийская школа и 165, 184; бедность и 167; безработица и 152, 165; британский консерватизм и 147-52; идеология и 134-40, 143, 145, 153-57, 165, 171, 173, 179; иммиграция и 137, 139, 147, 150-51; индивидуализм и 141, 143, 146, 175-76; интеллектуалы, 134-41, 146-53, 156-62, 167-71, 176, 179; как узлы 135; коллелктивизм и 136, 144; консерватизм в США и 138-47; Лондонская школа экономики и 156, 162, 169; Лоусон и 161, 172, 177; наследие 329, 331, 336-37; общественные беспорядки 140; политика коалиций и 138-47, 163, 173; Поппер и 159; профсоюзы и 153; расовые проблемы и 140, 143, 147, 149-51; Рейган и 134, 137, 146, 155, 158, 161, 163-64, 169-70, 172, 174-79; свобода личности и 135, 160; свободный рынок и 14, 160-73, 365п12, 369п115; система социального обеспечения и 135, 137, 140, 144, 147-51, 154; Смит и 160, 177; собственные журналы, 136; социализм и 138, 153, 167; Тэтчер и 134, 137, 149, 158, 161-62, 166-67, 177-79, 367п63; фабианский социализм и 149, 336; Хайек и 141, 169; холодная война и 137-47, 175; Хоу и 148-49, 161, 169, 177; чикагская школа и 174; школа общественного выбора и 138, 159, 166, 178; см. *тж* Организации
- Апартеид** 150
- Арендная плата, регулирование** 155, 174, 200, 276, 300
- АФТ-КПП (AFL-CIO)** 263
- Банда четырех** 257
- Банк Англии; инфляция и** 187; кейнсианство и 187; Лейбористская партия и 27; послевоенный период и 27; экономическая стратегия и 255, 271

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы по английскому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- Бедность 6; Война с бедностью и 167, 197, 201, 213, 222, 283, 300, 327; жилищное строительство и 274, 278, 283, 286, 288, 296, 298, 300, 315, 323, 327-28; кейнсианство и 181, 197, 201, 213; неolibеральная критика и 34, 44, 59; Помощь семьям с детьми-иждивенцами и 282; послевоенный период и 22, 27, 119; Рейган и 361n61; трансатлантическая сеть и 167, 330, 333; трущобы 274, 276, 278, 281-82, 299-300, 313; Тэтчер и 361n61; увеличение, 330; экономическая стратегия и 219, 222
- Безбилетники 129, 344
- Безработица 1; жилищное строительство и 288-91, 296, 316; кейнсианство и 180-93, 197, 202-6; послевоенный период и 21-22, 26-27, 86, 102; трансатлантическая сеть и 152, 165, 330, 342; экономическая стратегия и 215, 223-24, 228, 233-45, 255, 258, 261
- Берлинская стена 121, 158, 332
- Бойкот автобусов в Монтгомери 366n33
- Большевики 3
- Браун против Совета по образованию Топики (*Brown v. Board of Education*) (1954) 146, 366n33
- Бреттон-Вудская система: кейнсианство и 24, 62, 181, 183-84, 214; крах 2, 179, 214-15, 219, 225; Никсон и 227-28; ОПЕК и 230; Пауэлл и 194-95; создание 24, 62; стагфляция и 227; фиксированные валютные курсы 220; Фридмен и 226; экономическая стратегия и 215, 219-20, 225-28, 230, 375n13, 380n117
- Британская национальная партия (*British National Party*) 291, 366n35
- Британский конгресс профсоюзов (*British Trade Union Congress*) 162
- Валютные курсы: Бреттон-Вудс и 2 (*см. тж* Бреттон-Вудс); золотой стандарт и 50, 199-200, 219, 375n10, 378n61; Пауэлл и 194-96; плавающие 50, 124, 200, 216, 219-20, 259, 371n4, 375n13
- Вашингтонский консенсус 8
- Большая депрессия 1, 3, 5; австрийская школа и 184-85; жилищное строительство и 280, 289; кейнсианство и 184-85, 190-91, 201-2, 207; монетаризм и 201-2, 207; наследие 22; неolibеральная критика и 68; послевоенный период и 22-24, 91, 93-95, 118, 360n27; Рузвельт и 202; субсидии и 184; трансатлантическая сеть и 138, 335, 339, 341; Управление общественных работ (*Works Progress Administration*) и 25, 95, 184; экономическая стратегия и 247, 261
- Великобритания (Соединенное королевство): англо-шотландско-американское Просвещение и 99-110; государственные расходы и 23-24; государство благосостояния 27 (*см. тж* Система социального обеспечения); «зима тревоги» и 247, 254; инфляция и 233 (*см. тж* Инфляция); конец империи и 28, 137, 147; кризис МВФ и 241-47, 292; Министерство экономики и 152; муниципальное жилье 275, 278, 288-93, 298, 308-15; Национальная служба здравоохранения и 22, 27, 68, 289, 302, 336; послевоенный консенсус и 26-27; право на выкуп (арендуемого муниципального жилья) 275-77, 289, 294, 308-15, 337;

- социал-демократия и 2 (см. *тж* Социал-демократия); стагфляция и 212, 232-34; страхование и 22, 26-27; упадок промышленности в 330; Фолклендская война и 258, 271, 333
- Великое общество 2; Джонсон и 11, 137, 327; жилищное строительство и 274, 283, 295, 300, 327; кейнсианство и 197, 201, 213-14; послевоенный период и 87, 111, 132; разочарование в 365п12; трансатлантическая сеть и 17, 136-37, 143, 146, 167, 175; экономическая стратегия и 221
- Великое переселение 279-80
- Вест-Индия и ее жители 28, 147, 150, 366п35
- Вирджинская школа 4-5, 9, 54, 88-89, 126, 130, 336
- Владельцы недвижимости 150, 286, 289-90, 300, 366п34
- Война с бедностью 167, 197, 201, 213, 222, 283, 300, 327
- Война Судного дня 230
- Всемирная торговая организация (ВТО) 8, 332
- Всемирный банк 8, 13, 332
- Германия: Аденауэр и 88, 121-22, 125; антимонопольное регулирование и 125; Берлинская стена и 121, 158, 332; государство благосостояния и 124-25; нацисты и 3-4, 14, 24, 32-33, 35-36, 42, 45, 47, 52, 65, 68, 74, 122, 193, 329; Общество Мон-Пелерен и, 122; одолиберализм и 3, 6-7, 66, 74, 87-88, 122-24, 335, 355п98, 362пн79, 83; свободный рынок и 121-26; социальное рыночное хозяйство и 121-26; Шмидт и 242-43; Эрхард и 74, 87-88, 121-26
- Геттисбергская речь 50
- Главное бюджетно-контрольное управление США 304-6
- Глобализация 2, 4, 8, 15, 18, 132, 330, 344
- Городское развитие 5, 278-82, 284, 287-88, 317-18, 340
- Гражданские права: аналитические центры и 137, 139-43; Браун против Совета по образованию Топики 146, 366п33; Великобритания и 150; Голдуотер и 175; государство благосостояния и 137, 140; Джонсон и 175; идеология и 137-46, 150, 175; Кинг и 142, 366п33; Конференция руководства христиан Юга и 142; общественные беспорядки и 140; перевозка школьными автобусами 143, 150, 337, 366п33; послевоенные неолиберальные идеи и 87; появление неолиберализма и 15; рост правового равенства и 297; Эйзенхауэр и 175; экономическая свобода и 70; Юг США и 143, 146, 350п18; язык и 142-43, 337
- Демократическая партия: диксикраты и 28, 86; доверие к 137; жилищная политика и 277, 297, 321, 327; идеология и 137, 139, 146, 179; Лейбористская партия и 13, 18-19, 23; наследие 332-33, 337, 340-43; неолиберальная критика и 37; послевоенные неолиберальные идеи и 86; трансатлантическая сеть и 137, 139, 146, 179; экономическая стратегия и 215, 217, 248, 257, 266, 270, 272
- Демонстрационная программа городской модернизации (Urban Revitalization Demonstration Program). См. «Надежда VI», проект
- Дерегулирование 1-2, 13; важность свободного рынка и 216; валютный контроль и 82; вашингтонский консенсус 8; Гринспен и 19; закон Гарна-

- Сен-Жермена о депозитных учреждениях и 340-41; зоны предпринимательства и 315-21; индивидуализм и 132; Институт экономических дел (Institute of Economic Affairs, IEA) и 174; Картер и 5, 217, 248-49, 253; международный финансовый кризис и 6; мнатаризм и 216; послевоенный десятилетия и 135; Рейган и 263, 268, 271, 273, 277, 305; сектор услуг и 330; Тэтчер и 268, 271, 273, 277, 305, 341; финансовый кризис 2007–2008 гг. и 340-41, 343-44; Фридмен и 103, 260; Холл и 276; чикагская школа и 89
- Диксикраты 28, 86
- Дирижистская модель 217
- Евангелие от работодателей 103
- Евреи 35-36, 93-94, 290
- Европейский союз (ЕС) 8, 290
- Жилищное строительство:** австрийская школа и 301; Американская мечта и 274; бедность и 274, 278, 283, 286, 288, 296, 298, 300, 315, 323, 327-28; безработица и 288-91, 296, 316; благотворное влияние владения жильем 274-75; Блэр 321, 323, 326-27, 387n119; Великая депрессия и 280, 289; Великое общество и 274, 283, 295, 300, 327; Великое переселение и 279-80; Вильсон и 291; Главное бюджетно-контрольное управление США и 304-6; города Зеленого пояса и 281; Демократическая партия и 277, 297, 321, 327; демократия собственников и 297-304; Джонсон и 283-84, 286-87; для граждан с низким доходом в послевоенной Британии 288-95; для граждан с низкими доходами в послевоенных США 278-88; журналисты и 274; заинтересованные лица 321; закон Вагнера—Стигелла и 281; закон о высших учебных заведениях и 282; закон о государственных технических услугах и 282; закон о реинвестициях в местные сообщества и 296-97, 340; закон о сохранении доступного жилья и о владении собственным жильем и 323-24; закон об образовании для нужд национальной обороны и 282; землевладельцы и 150, 286, 289-90, 300, 366p34; зоны предпринимательства и 274, 276-78, 296, 315-21; идеология и 274, 277, 281, 294, 309-10, 325; иммиграция и 290, 316, 366p34; индивидуализм и 297-304; Институт Адама Смита и 276, 312; Каллагэн и 325; Картер и 295-97, 304, 325; кейнсианство и 295; Кеннеди и 283-84; Киллик и 308-9; Клинтон и 274, 278, 321-27, 387n119; комитет Дадли 289; комитет Кейзера и 286-87; Консервативная партия Великобритании и 275-77, 288-91, 294, 298, 300, 304-5, 308-12, 316, 325, 327; Корпорации развития местных сообществ и 323-24; «красная черта» и 279-80, 297, 383n15; культурная зависимость и 273, 302; Ле Корбюзье и 279; Лейбористская партия и 275-78, 289-96, 306, 308-11, 314-15, 321, 324-27; Макмилан и 289, 298, 309; Международный валютный фонд и 275, 292; Министерство жилищного строительства и городского развития (HUD) и 284-87, 295, 304-6, 312, 315, 323, 326, 340; налоги и 276-79, 282, 301, 305, 309-10, 315, 317, 319, 324, 326; налоговые кредиты по строительству жилья для мало-

- имущих и 324; Национальная городская политика и 296, 317; Национальная служба здравоохранения и 289, 302; Национальная специальная комиссия по жилищному строительству и 321-22; Национальная комиссия по остропроблемному государственному жилью 322; Никсон и 274, 283-84, 286-87, 296; Новый курс и 274, 278, 280-83, 298-99; Общество Мон-Пелерен и 8; ограничение функций правительства и 295-97; ошибка проектирования и 292-93; политика медленной трансформации 273-74; право выкупа арендуемого муниципального жилья 275-77, 289, 294, 308-15, 337; приватизация и 75, 277, 284, 289, 298-99, 308-15; программа «Образцовые города» и 295, 318; программа единовременных субсидий коммунального жилищного строительства и 278, 306; проект «Надежда VI», 278, 321-27; Проект жилищной политики МТИ и 306-8, 322; Прютт-Айго, жилой комплекс и 286; развитие городов/пригородов 279-82; раздел 221 (d) (3) 284; раздел 235 284-86; раздел 236 285-86; раздел 501 287; раздел 8 274, 277, 283-85, 287-88, 294-95, 304-7; расовые проблемы и 274-75, 279-80, 282-84, 290-91, 297, 307, 383n15, 385n61; Рахман и 150, 366n34; регулирование арендной ставки 155, 174, 200, 276, 300; Рейган и 273-74, 276-78, 283, 288, 295-97, 300, 304-8, 312, 314-22, 325; реконструкция городов и 5, 274, 276, 281-82, 295, 300, 313, 318, 321-25; Республиканская партия США и 277-78, 281, 285, 288, 304-5, 307, 315, 325, 327; реформа и 274, 283, 286, 294, 296-97, 304, 327; Ронан Пойнт, башня и 292-93; Рузвельт и 281; свобода и 298, 301-2; свободный рынок и 274-78, 299-300, 321; сегрегация и 143, 275, 280, 284, 288, 297, 307, 318; система социального обеспечения и 273-74, 282, 289-90, 298-304, 327; снос трущоб 274, 276, 278, 281-82, 299-300, 313; совет 275, 278, 288-93, 298, 308-15; социал-демократы и 276, 298, 309; Справедливый курс и 277, 299; Стиглер и 276, 300; субсидированное 26, 273-74, 279-80, 282-85, 287-88, 293, 295, 299, 302-5, 307, 310-11, 327; Токвиль и 50; третий путь и 321, 323, 326-27, 387n1 19; Трумэн и 277, 299; Тэтчер и 273-77, 289, 294-95, 298, 300, 304-5, 308-10, 312, 314-16, 325; Управление жилищного строительства США и 26; Управление жилищного строительства США и 26; Управление по делам ветеранов и 279; «Фанни Мэй» и 278, 340; Федеральное управление по жилищным вопросам и 278-80, 285-86; Фонд «Наследие» и 276-77, 305, 312-13, 315, 318, 320; Фонд экономического образования и 276, 300; «Фредди Мэк» и 340; Фридмен и 276-77, 287, 289, 297, 300, 302-4, 306; Хайден и 318; Хайек и 273, 277, 289, 297, 300-304, 318-20; Хит и 289, 291, 298, 309-10; холодная война и 281-82; Хоу и 276, 278, 300, 316, 319
- Жилищный законопроект (Housing Bill) (1980) 311
- Журналисты: возникновение неоллиберализма и 4, 12; жилищное строительство и 274; Нацио-

- нальный пресс-клуб 227; неолиберальная критика и 32-33, 74, 76, 79; неолиберальные политики и 173-78; трансатлантическая сеть и 134-36, 145, 152-53, 157, 161, 163-64, 173-78, 331, 337, 339, 342; экономическая стратегия и 225-27, 233-34, 271; см. *тж* СМИ
- Забастовка авиадиспетчеров** 266-67
- Закон Батлера (Butler Act)** (1944) 147
- Закон Вагнера (Wagner Act)** (1935) 26, 154, 381n129
- Закон Вагнера—Стигелла (Wagner-Steagall Act)** (1937) 281
- Закон Гарна—Сен-Жермена о депозитных учреждениях (Garn-St. Germain Depository Institutions Act)** (1982), 340-41
- Закон Гласса—Стигелла (Glass-Steagall Act)** (1933) 26, 340-41
- Закон Грэмма—Лича—Блайли (Gramm-Leach-Bliley Act)** (1999) 341
- Закон Дэвиса—Бэкона (Davis-Bacon Act)** (1931) 205
- Закон о высших учебных заведениях (Higher Education Facilities Act)** (1963) 282
- Закон о государственных технических услугах (State Technical Services Act)** (1965) 282
- Закон о гражданских правах (Civil Rights Act)** (1964), 28, 143
- Закон о депозитных учреждениях и денежно-кредитном контроле (Depository Institutions Deregulation and Monetary Control Act)**, 1980) 248, 340
- Закон о жилищном финансировании (Housing Finance Act)** (1972) 289, 291
- Закон о реинвестициях в местные сообщества (Community Reinvestment Act)**, 1977) 296-97, 340
- Закон о сохранении доступного жилья и о владении собственным жильем (Low-Housing Preservation and Resident Home-ownership Act)** (1990), 323-24
- Закон о социальном страховании (Social Security Act)** (1935) 25
- Закон о трудовых отношениях (1971)** 231
- Закон об избирательных правах (Voting Rights Act)** 28, 143
- Закон об иммигрантах из стран Содружества (Commonwealth Immigrants Act)** (1962) 151
- Закон об образовании для нужд национальной обороны (National Defense Education Act)** (1958), 282
- Закон Стэджерса о железнодорожных перевозках (Staggers Rail Act)** (1980) 248
- Закон Тафта—Хартли (Taft-Hartley Act)** (1947), 256, 263, 266, 381n129
- Закон Уэлша—Хили (Walsh-Healy Act)** (1936) 205
- Законы о жилищном строительстве** 274, 278, 282-84, 287, 291, 299, 305, 322
- Захват регулятора** 7, 88; государственная власть и 126-31; кейнсианство и 212; Комиссия по междуштатной торговле и 128; Стиглер и 126-33
- Зеленый пояс, города** 281
- «Зима тревоги»** 247, 254
- Золотой стандарт** 50, 199-200, 219, 375n10, 378n61
- Зоны предпринимательства:** Батлер и 304; демократия собственников и 298; жилищное строительство и 274, 276-78, 296, 315-21; политика выкупа арендуемого муниципального жилья 312; Рейган и 16, 169, 274, 276-78, 296, 315-21, 348n21; трансатлантическая сеть и 315-21

- Идеология:** американский консерватизм и 136-46; британский консерватизм и 147-52; возникновение неолиберализма и 2, 4, 10, 13-15, 19; гражданские права и 137-46, 150, 175; жилищное строительство и 274, 277, 281, 294, 309-10, 325; монетаризм и 181, 193; плюрализм и 93, 290; предприниматели и 4, 10, 14, 83, 135-36, 138, 143, 156, 171, 179, 331, 336; сегрегация и 137, 140, 147; общественные беспорядки и 140; стратегия Хайека и 82; трансатлантическая сеть и 134-35, 138, 140, 145, 153-54, 157, 165, 171, 173, 329, 331, 336, 338, 342, 344; холодная война и 28 (см. *тж* Холодная война); свободный рынок и 2, 53, 82-83, 108, 274; экономическая стратегия и 219, 242, 247, 254-55, 267, 270-71
- Иммиграция** 19; аналитические центры и 137, 139, 147, 150-51; антииммиграционные настроения и 86; Великое переселение и 279-80; еврофобия Партии независимости Соединенного королевства 366п35; жилищное строительство и 290, 316, 366п34; закон об эмигрантах из стран Содружества и 151; конец империи и 28; Национальный фронт 366п35; Пауэлл и 139, 151, 193-94, 290, 366п37, 384п44; перенаселенность и 150; послевоенные неолиберальные идеи и 86
- Индивидуализм:** американский миф о 9, 125; аналитические центры и 141, 143, 146, 175-76; Бакли и 141; демократия собственников и 297-304; методологический 92, 129; неолиберальная критика и 31, 34-35, 41, 43-44, 57-73; Поппер и 57; послевоенный период и 86, 92, 113, 125, 129, 132; Рейган и 86; Смит о 107-9, 112; трансатлантическая сеть и 329, 337; Фридмен и 113; Хайек и 57-73, 270; чикагская школа и 92; эгоизм и 2, 107-9 (см. *тж* Эгоизм); экономическая политика, базирующаяся на вере, и 329; экономическая стратегия и 263, 270
- Институты.** См. Организации
- Интеллектуалы** 1, 320; аналитические центры и 134-41, 146-53, 156-62, 167-71, 176, 179; возникновение неолиберализма и 4, 7, 12, 14, 17-18, 20; воссоединение и 39-40; кейнсианство и 182, 185, 191-94, 201, 211-12; монетаризм и 182, 185, 191-94, 201, 211-12; наследие 331-32, 336-37; неолиберальная критика и 30-36, 40-41, 44-45, 49, 56-57, 62, 65-66, 73-84; Общество Мон-Пелерен и 73-84 (см. *тж* Общество Мон-Пелерен); послевоенный период и 23, 29, 85, 87, 90-91, 96, 98, 100-101, 112, 115, 117, 120, 132; предприниматели и 364п1; социализм и 4, 17, 30, 73-85, 91, 138, 153; экономическая стратегия и 231, 236, 238, 250, 252, 269
- Интервенционизм** 27; неолиберальная критика и 49, 59-60, 66, 69, 75, 79; послевоенный период и 86, 109, 115
- Инфляция** 271, 342; аналитические центры, отстаивающие свободный рынок, и 161, 170; Банк Англии и 187; Барбербум 221; Бёрч и 191; Бриттен и 235-40; Великая инфляция и 217, 341; Великое успокоение и 341; Виксель и 205; Волкер и 252, 258-59; Гринспен и 224; Группа Бай и 148; группа

- «Одна нация» и 148; Джей и 240; Закон о трудовых отношениях и 231; Институт экономических дел и 94; Каллагэн и 5, 334; Картер и 217, 247, 252, 263, 296, 334; кейнсианство и 15, 181, 187-89, 198, 205, 209, 212-13, 215, 224, 231, 236, 374n2; Конелли и 225, 227; Консервативная партия и 148, 192; кривая Филлипса и 2, 188, 205, 234; Ламонт и 236; Лейбористская партия и 148; Лоусон и 380n117; Макмиллан и 191; Международный валютный фонд и 215, 241-47; Мизес и 184; монетаризм и 181, 206; Никсон и 220-29, 376n28; парадокс Триффена и 214; Пауэлл и 191, 193; политика полной занятости и 235; профсоюзы и 177; регулирование цен и заработной платы и 220; Рейган и 15, 263-64; самолюбие и 191; Скидельски и 187, 213-14; Саймонс и 94-96; стагфляция и 2 (см. *тж* Стагфляция); субсидии и 261; Торнicroфт и 191; Тэтчер и 15, 254-55, 258-62, 380n117; Уилсон и 5, 291; Федеральный резерв и 187, 198, 247-54, 341; Форд и 247-48; Фридмен и 94, 102, 124, 136, 180, 193, 206-7, 210, 212, 222-25, 227-28, 232, 238, 240-41, 338; Хайек и 71, 124, 184, 187, 190, 338, 374n9; Харрод и 189-90; Хили и 5; цены на нефть и 230; Шульц и 227; экономическая политика, базирующаяся на вере, и 330; экономическая политика, основанная на разуме, и 343; Эрхард и 124; *laissez faire* и 102
- Иракская война 14, 121
- Иранский кризис с заложниками 263
- Иррационализм 47
- «Исследование свободного рынка» («Free Market Study») 77, 91-92, 96, 125
- Казенная кормушка (pork barrel spending) 56, 354n69
- Капитализм: американский промышленный 101, 336; антиглобализация и 8; бедствие 14; государство благосостояния и 33; дикий (unbridled) 16; золотой век 180; Иден и 298; кейнсианство и 180, 185-86, 196, 200, 202, 329; коллективизм и 344; крах на Уолл-стрит 1929 г. и 3; либеральная демократия и 27; марксизм и 45; Мизес и 56, 84; монетаризм и 180, 185-86, 196, 200, 202; Поппер и 46, 48; реформа и 185; Саймонс и 95; свободный рынок и 32 (см. *тж* Свободный рынок); Смит и 101, 104, 107; социальная страховочная сетка 335; Стиглер и 129; Фридмен и 7, 70, 92, 97, 116-21, 125, 132, 236, 302; Хайек и 64, 125, 132; холодная война и 28, 108; экономическая политика, базирующаяся на вере, и 329
- Католики 290
- Кейнсианство: австрийская школа и 184, 187, 200; академические писатели и 9; Американский институт предпринимательства и 211; Банк Англии и 187; бедность и 181, 197, 201, 213; безработица и 180-93, 197, 202-6; Бреттон-Вудская система и 24, 62, 181, 183-84, 214-15; Бриттен и 207; Бьюкенен и 210; Великая депрессия и 184-85, 190-91, 201-2, 207; Великое общество и 197, 201, 213-14; дефляция и 190; Джей и 174; жизнеспособность экономического планирования и 3; жилищное строительство и 295; закон Хэмфри-Хоукинса

- и 108; Институт Адама Смита 210; Институт Катона и 211; Институт экономических дел 195-97, 207, 210-11; интеллектуалы и 182, 185, 191-94, 201, 211-12; инфляция и 15, 181, 187, 189, 198, 205, 209, 212-13, 215, 224, 231, 236, 374n2; капитализм и 180, 185-86, 196, 200, 202, 329; Картер и 108, 217; Кейнс и 182-90; количественная теория денег и 180, 186, 203, 208-9, 371n4; коммунизм и 199-200; Консервативная партия и 181, 189-97; кривая Филипса и 2, 188, 205, 234, ; кризис МВФ и 242, 244-46; Лейбористская партия и 181, 189, 191; Лондонская школа экономики и 208; Лоусон и 181, 186, 201; макроэкономическое управление и 24; Мизес и 55, 183-85, 199; монетаризм и 181, 189, 269, 334; надвигающаяся финансовая буря 212-14; налоги и 181, 186-88, 192, 197, 203, 206-7, 213-14; наследие 329, 331, 334, 341-42, 351; Новый курс и 7, 180, 183-84; Общество Мон-Пелерен и 193, 195, 197, 210; Пауэлл и 199, 203; политика и 209; Поппер и 372n26; правильно мыслящая элита и 55; практический человек и 2; провал 180-81; профсоюзы и 15, 186, 190, 217, 269-70; Рейган и 7, 9, 181, 198; Республиканская партия и 181, 198-99, 209; реформа и 181, 185-86; Рузвельт и 184, 202; Саймонс и 201; свобода личности и 199, 201; свободный рынок и 180-81, 186, 193-94, 200-201, 212; система социального обеспечения и 191, 193, 197, 372n29; следующее поколение экономитов и 180; социал-демократия и 5, 7, 11, 180, 183, 197, 211; спор об экономическом расчете и 351n4; стагфляция и 5, 181, 202, 212; Стиглер и 210, 212; тоталитаризм и 199; Тэтчер и 9, 181, 194; Федеральный резерв и 185, 187, 198, 202; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 341-42; Фонд «Наследие» и 211; Фридмен и 180-81, 185, 187-88, 193-94, 196, 198-212, 371n4; Хайек и 3, 58, 62-63, 182-84, 187, 190, 199-200, 351n4; Хит и 231, 234-36, 238; холодная война и 200; Хоу и 194, 201; чикагская школа и 181; школа общественного выбора и 210; эгоизм и 186, 210; экономическая стратегия и 215-17, 220-25, 231, 234-38, 242, 244-49, 253, 256, 263, 269; экономические циклы и 3, 25; laissez faire и 25, 86, 97, 185-87
- Китай 13, 121, 144, 366n19
- Коалиций политика 12; аналитические центры и 138-47, 163, 173; Бакли 163; холодная война и 138-47
- Количественная теория денег 180, 186, 203, 208-9, 371n4
- Коллективизм 10, 15; аналитические центры и 136, 144; коммунизм 3 (см. тж Коммунизм); наследие 329, 331, 336, 344; нацисты и 3-А 14, 24, 32-33, 35-36, 42, 45, 47, 52, 65, 68, 74, 122, 193, 329; неolibеральная критика и 32, 34-36, 39, 57-58, 61, 65-66, 68, 71-73, 80; Новый курс и 97 (см. тж Новый курс); Новый либерализм и 2, 66, 329; послевоенный период и 22-23, 27, 86, 96-97, 101, 108, 116; прогрессизм и 23, 146, 329; свободный рынок и 328; трансатлантическая сеть и 136, 144, 329, 331, 336, 344; Фридмен и 96-97; Хайек и 97; экономическая стратегия и 252

- Коллоквиум Уолтера Липпмана (1938) 6, 31, 35, 74, 360n25
- Комиссия по междуштатной торговле (Interstate Commerce Commission, ICC) 128
- Комиссия по торговле товарными фьючерсами (Commodity Futures Trading Commission), 341
- Комиссия по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission, 26
- Комитет Дадли (Dudley Committee) 289, 315
- Комитет Кейзера (Kaiser Committee) (1967) 286-87
- Комитет по национальным ресурсам (National Resources Committee) 94
- Комитет по социальной мысли (Committee on Social Thought) 4, 91
- Комитет по экономической безопасности (Committee on Economic Security) (1935) 26
- Коммунизм 8; кейнсианство и 199-200; красная угроза и 142, 365n14; маккартизм и 117, 119, 142, 144-45; неолиберальная критика и 32, 36-37, 47, 65, 68, 73-74; послевоенный период и 28, 86, 89, 104, 108, 115-21, 363n84; трансатлантическая сеть и 3, 15, 18, 134, 137, 139-47, 158, 161, 329
- Конец Британской империи 28, 137, 147
- Консервативная партия Великобритании 11; 1950-е годы и 147-52; дирижистская модель 217; жилищное строительство и 275-77, 288-91, 294, 298, 300, 304-5, 308-12, 316, 325, 327; инфляция и 148, 192; кейнсианство и 181, 189-97; медленный крах послевоенного бума и 217-21; наследие 332-34, 340-44; неолиберальная критика и 73; послевоенный период и 22-27, 85-86, 126, 132; право выкупа арендуемого муниципального жилья 308-15; профсоюзы и 148, 257; Республиканская партия США и 9, 12, 15; трансатлантическая сеть и 17, 136-43, 147-52, 157-58, 161, 167, 175-78; тэтчеровская 18, 115, 137, 166, 194, 254-63, 347n7; экономическая стратегия и 216-21, 230, 232, 235, 237, 240-42, 252, 255-59
- Конституция США 17, 24, 113, 120, 129-31, 142-43, 172, 267
- Консультативная группа по жилищным услугам (Housing Services Advisory Group) 292
- Консультативный совет по экономической политике (Council of Economic Advisers) 176
- Консультативный совет по экономической политике при президенте (President's Economic Policy Advisory Board) 176
- Консьмеризм (потребительство) 132
- Конференция руководства христиан Юга (Southern Christian Leadership Conference) 142
- Корпорации развития местных сообществ (Community Development Corporations, CDCs) 323-24
- Корпорация кредитования домовладельцев (Home Owners Loan Corporation, HOLC) 280
- Корпорация поддержки местных инициатив (Local Initiatives Support Corporation) 324
- Красная угроза (Red Scare) 142, 365n14
- «Красной черты» практика 279-80, 297, 383n15
- Кривая Филлипса 2, 188, 205, 234
- Лейбористская партия 5, 10, 26; Банк Англии и 27; Демократи-

- ческая партия США и 13, 18-19, 23; жилищное строительство и 275-78, 289-96, 306, 308-11, 314-15, 321, 324-25-7; инфляция и 148; кейнсианство и 181, 189, 191; крах послевоенного бума и 217-19; кризис МВФ и 241-47; Министерство экономики и 152; наследие 332-33, 337, 341; Национальный план и 137; неолиберальная критика и 69, 73; общественный договор и 378n71; послевоенный период и 22-27, 86, 98, 116; право выкупа арендуемого муниципального жилья и 289, 294, 308-15; Программа жилищных инвестиций и 277, 293-94, 296, 306; профсоюзы и 148 (см. тж Профсоюзы); реформа и 27; социализм и 69; трансатлантическая сеть и 17-19, 137, 139, 143, 147-49, 152, 174, 179; экономическая стратегия и 216-19, 232-33, 241-45, 252-58, 262, 269-72; Эттли и 22
- Либеральная партия Австрии** 49
- Либертарианцы** 9, 11, 35, 53, 141, 149, 156, 160, 163-65, 171, 173, 175, 200, 236
- Лимит государственных заимствований (Public Sector Borrowing Requirement, PSBR)** 242, 246, 259-60
- Лондонская школа экономики (London School of Economics) (LSE)** 3, 11; аналитические центры и 156, 162, 169; кейнсианство и 208; неолиберальная критика и 30, 32, 35, 37, 41, 50, 58, 66, 74, 78, 355n87; послевоенный период и 87, 89-91, 127
- Маккартизм** 117, 119, 142, 144-45
- Мамаши на велфере (живущие на детские пособия)** 64
- Манчестерская школа** 7, 11, 17, 30, 74, 96, 297, 347n10
- Марксизм** 13; классовое общество и 20; неолиберальная критика и 35, 39-41, 44-46, 56, 83; послевоенный период и 90, 114, 118; Социал-демократическая партия Германии и 363n85; трансатлантическая сеть и 17, 20, 143; школа неизбежности и 14; экономическая стратегия и 248
- Маршалла план** 76
- Медианного избирателя теория** 129
- Международный валютный фонд (МВФ):** Бладелл и 127; Бьюкенен и 130; возникновение неолиберализма и 8-9, 17; Гэлбрейт и 244-45; жилищное строительство и 275, 292; займ Великобритании 215; инфляция и 215, 241-47; Каллагэн и 241-47; кризис, 241-47; лимит государственных заимствований и 242, 246, 259-60; монетаризм и 241-47; Общество Мон-Пелерен и 31, 35, 40-41, 58, 73-84; политика структурных реформ 8, 13, 247, 332; трансатлантический неолиберализм и 332; Хили и 241-47; экономическая стратегия и 215, 219, 227, 241-47, 255
- Министерство жилищного строительства и городского развития (Department of Housing and Urban Development, HUD)** 284-87, 295, 304-6, 312, 315, 323, 326, 340
- Министерство экономики (Великобритания) (Department of Economic Affairs)** 152
- Молчаливое большинство** 143, 274, 350n18
- Монетаризм** 1, 13; австрийская школа и 205; Бреттон-Вудская система и 2 (см. тж Бреттон-Вудская система); Бриттен и

- 233-36; Великая депрессия и 201-2, 207; возникновение 180-214; Волкер и 247-54; дерегулирование и 216; Джей и 233-36; Дженкинс и 216-19, 257; золотой стандарт и 50, 199-200, 219, 375п10, 378п61; зоны предпринимательства и 16, 169, 274, 276-78, 296, 298, 304, 312, 315-21, 348п21; идеология и 181, 193; интеллектуалы и 182, 185, 191-94, 201, 211-12; инфляция и 181, 206; Каллагэн и 241-47, 252-53, 374п2; капитализм и 180, 185-86, 196, 200, 202; Картер и 247-54; кейнсианство и 181, 189, 269, 334; количественная теория денег и 180, 186, 203, 208-9, 371п4; кривая Филлипса и 2, 188, 205, 234; кризис МВФ и 241-47; Кэрнкросс и 231; лимит государственных заимствований и 242, 246, 259-60; Макмиллан и 189-91; надвигающаяся финансовая буря 212-14; Пауэлл и 190-97, 199, 203; плавающие валютные курсы и 50, 124, 200, 216, 219-20, 259, 371п4, 375п13; рейганомика и 263-69; реформа на основе идей экономической теории предложения 260; свобода и 199, 201; стагфляция и 234; Торникрофт и 189-91, 372п32; Тэтчер и 177, 255, 258, 260, 270; Федеральный резерв и 247-54; Фридмен и 7, 201-12, 216, 248, 260-61, 270, 334; Хайек и 238, 270, 334; Харрод и 189; Хили и 241-47, 270, 374п2; Хит и 195-96, 230-41; Холодная война и 200; чикагская школа 174; экономическая стратегия и 216, 221-22, 231-35, 238, 241-55, 257-58, 260-63, 269-71
- Монополии: неолиберальная критика и 67; послевоенный период и 21, 88, 92-93, 95, 97, 119, 125, 128; природа 7; трансатлантическая сеть и 335-36, 342; чикагская школа 7; экономическая стратегия и 239-40, 374п9
- «Надежда VI», проект (Hope VI project) 278, 321-27
- Налоги 118; введение подоходного налога 24; выгодны богатым 383п23; демонстрации против 368п86; жилищное строительство и 276-79, 282, 301, 305, 309-10, 315, 317, 319, 324, 326; занятость 110; кейнсианство и 181, 186-88, 192, 197, 203, 206-7, 213-14; Конституция США и 24, 130; налоговые кредиты и 186, 324; Налоговый кредит по строительству жилья для малоимущих и 324; низкие 135; Никсон и 265; подушный налог 167, 368п86; Предложение №13 и 110, 172, 337; прогрессивные ставки 82, 93; Рейган и 263-66; реформа и 8, 172; скидки по налогам на закладные и 383п23; сокращение и, 25, 103, 110, 172, 181, 187, 197, 213, 256, 263, 265-66, 310; субсидии и 334, 338; трансатлантическая сеть и 135, 148, 153, 158, 167, 172, 334-40; упразднение 53; школа общественного выбора и 131; экономическая стратегия и 216, 220, 234, 242, 244, 247-48, 252-53, 256, 260-66, 271
- Налоговый кредит по строительству жилья для малоимущих (Low-Income Housing Tax Credit, 324
- Народная лига защиты свободы (People's League in Defence of Freedom, PLDF) 148

- Национал-социалисты (нацисты): британский империализм и 24; Мизес и 35; Поппер и 35; расовые вопросы и 36; тоталитаризм и 3-4, 14, 24, 32-33, 35-36, 42, 45, 47, 52, 65, 68, 74, 122, 193, 329
- Национальная гвардия 366п33
- Национальная городская политика (National Urban Policy) 296, 317
- Национальная комиссия по остропроблемному государственному жилью (National Commission on Severely Distressed Public Housing) (1989) 322
- Национальная служба здравоохранения (National Health Service) 22, 27, 68, 289, 302, 336
- Национальная специальная комиссия по жилищному строительству 321-22
- Национальное бюро экономических исследований 94
- Национальный закон о трудовых отношениях (Закон Вагнера) (National Labor Relations Act, Wagner Act) (1935), 26, 154, 381п129
- Национальный исполнительный комитет 293
- Национальный пресс-клуб 227
- Национальный совет по экономическому развитию (National Economic Development Council, Neddy) 217-18
- Национальный фронт 291, 35п35
- Национальный экономический совет 19-20
- Невидимая рука 101, 107-10, 119, 130, 338
- Неизбежности школа 14
- Неоконсерватизм 141, 365п12
- Неолиберализм: 1940-е гг. и начало 86; аналитические центры и 4-5 (см. тж Аналитические центры; Организации); апофеоз 338-43; в исторической перспективе 10-15; возникновение 3-15; Германия 87-88, 121-26; демократия собственников и 297-304; дерегулирование и 1 (см. тж Дерегулирование); жилищное строительство и 297-304 (см. тж Жилищное строительство); зрелый 87; как «шоковая доктрина» 14; Липпманн и 6, 8, 31, 35, 40, 74, 360п25; формирование 2-3; монетаризм и 1 (см. тж Монетаризм); наследие 329-45; Общество Мон-Пелерен и 31 (см. тж Общество Мон-Пелерен); определение 31; организация в 1950-1960-е гг. и 152-61; ордолиберализм 3, 6-7, 66, 74, 87-88, 122-24, 335, 355п98, 362пн79, 83; переформулирование либерализма и 6; политическая стратегия 4 (см. тж Политика); Поппер и 100; послевоенный период и 85-133 (см. тж Послевоенный период); прорыв 178-80; реформа и 1 (см. тж Реформа); социальное рыночное хозяйство и 121-26; трансатлантическая сеть и 31 (см. тж Трансатлантическая сеть); три фазы 6-10; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 338-43; Хайек и 100-101, 104, 107-10; холодная война и 6-87, 89, 100-101, 108, 111-22, 132; экономическая политика, основанная на вере 329-33; экономическая стратегия и 215-17 (см. тж Экономическая стратегия)
- Неолиберальная критика: австрийская школа и 38, 49-50; Беверидж и 54, 58; бедность и 34, 44, 59; Бьюкенен и 9, 11, 15, 54; Великая депрессия и 68; гуманизм и 34, 40, 43, 57, 61, 75; журналисты и 32-33, 74, 76, 79; индивидуализм и 31, 34-35, 41, 43-44, 57, 57-73; интеллектуалы и 30-36, 40-41, 44-45, 49, 56-57, 62, 65-66,

- 73-84; интервенционизм и 49, 59-60, 66, 69, 75, 79; Картер и 5, 13; кейнсианство и 30, 35-36, 54, 62; коллективизм и 32, 34-36, 39, 57-58, 61, 65-66, 68, 71-73, 80; коммунизм и 32, 36-37, 47, 65, 68, 73-74; Консервативная партия Великобритании и 73; Лейбористская партия и 69, 73; Лондонская школа экономики и 30, 32, 35, 37, 41, 50, 58, 66, 74, 78, 355n87; Лоусон и 54; марксизм и 35, 39-41, 44-46, 56, 83; Мизес и 6, 14, 31-36, 38-41, 43, 48-57, 60-70, 74-77, 81, 83-84, 351n4, 353n65, 360n65; монополии и 67; Новый курс и 32-36, 43, 45, 50-52, 55, 63, 66, 68, 70, 83, 357n126; Общество Мон-Пелерен и 353n51; Поппер и 31, 33-49, 56-62, 65-66, 71, 74-75, 78, 83-84, 351nn3, 4, 353n51, 355n86; Рейган и 9, 11-14, 52, 83; реформа и 42, 46, 51-56, 61, 64, 70, 75, 82; Роббинс и 32, 35-36, 45, 50, 58, 66, 74; Рузвельт и 51-52, 54, 63, 66, 68; Саймонс и 7, 35, 40, 66, 74; свобода и 30-32, 35, 37, 39, 41, 48, 52, 58, 60, 63-65, 69-77, 80, 83, 87; свобода личности и 32, 35, 37, 39, 41, 48, 52, 63, 73-74, 77-80, 83-84; свободный рынок и 32-34, 39-40, 48-50, 53, 55, 57-58, 63-64, 70, 73-77, 82-84, 351n3; система социального обеспечения и 33-34, 40, 54, 57, 64, 68, 71, 82; Смит и 58-59; социализм и 30, 33, 36-37, 45, 58, 64-65, 69, 73-84; Стиглер и 58, 74, 84; страхование и, 58; Таллок и 54; тоталитаризм и 32-33, 35-36, 40-45, 55, 61-62, 65, 68, 73, 75, 81; Тэтчер и 11-14, 53-54, 64, 83, 356n1 19; утопизм и 42, 47-48, 56, 62-64, 80-82; фабианский социализм и 30, 72, 78; Федеральный резерв и, 35; Фридмен и 4, 6, 11, 13, 15, 37-38, 40, 50, 54, 58, 67, 70, 74, 83-84; Хайек и 3-14, 30-50, 57-84, 351nn3, 4; холодная волна и 33, 36; чикагская школа и 37, 50, 67, 77, 84
- Новые демократы 10, 278, 324
- Новые лейбористы 10, 278, 327
- Новые правые 10, 12-13, 16, 174, 225, 270
- Новые рубежи (New Frontier) 132, 137
- Новый курс 11; альтернативная политика и 2; английский 26; жилищное строительство и 274, 278, 280-83, 298-99; кейнсианство и 7, 180, 183-84; коллективизм и 97; наследие 329, 331, 335, 337, 340, 343; неолиберальная критика и 32-36, 43, 45, 50-52, 55, 63, 66, 68, 70, 83, 357n126; Поппер и 8, 43, 45; послевоенный период и 22-28, 85-87, 93-97, 100, 107, 112, 118-19; роль государства и 26; социализм и 119; трансатлантическая сеть и 16-17, 19, 136-39, 142-46, 153-54, 169, 174-76, 329, 331, 335, 337, 340, 343; Фридмен и 4; Хайек и 4, 63, 66, 68, 70; экономическая стратегия и 218, 221, 381n129
- Новый либерализм 2-3, 10-11, 22, 26-27, 66, 329
- Образцовых городов программа 295, 318
- Общественного выбора школа: аналитические центры и 138, 159, 166, 178; безбилетники и 129, 344; Беккер и 249, 270; Бьюкенен и 17, 54, 104, 126, 129-32, 138, 159, 166, 178, 210, 249, 270, 334, 336; вирджинская школа и 4-5, 9, 54, 88-89, 126, 130, 336; госу-

- дарственная власть и 126-31; Даунс и 129; захват регулятора и 126-33; зоны предпринимательства и 315-21; как политика без романтики 131; кейнсианство и 210; конституционные правила и 131; максимизация полезности 4, 88, 106, 126, 186; максимизация прибыли 334; обоснование 129-30; Общество Мон-Пелерен и 130; Райкер и 129; Смит и 130; соответствующий набор мер социально-экономической политики 166; Стиглер и 334; Таллок и 4, 54, 88, 126, 129-32, 138, 159, 166, 249, 270, 334, 336; теорема о невозможности и 129; теория медианного избирателя 129; теория рационального выбора и 126-33; чикагская школа и 88; эгоизм и 126, 129-32; экономическая стратегия и 249, 270
- Общество Джона Бёрча 144
 Общество Мон-Пелерен: Германия и 122; динамический неолиберализм и 10; жилищное строительство и 8; интеллектуализм и 73-84; как общество имени Актона—Токвиля 353n51; кейнсианство и 193, 195, 197, 210; Коуз и 58, 74; Крейн и 144; Мизес и 74-77, 81, 83-84, 113-14; наследие 329, 331, 337; неолиберальная критика и 31, 35, 40-41, 58, 73-84, 353n51; Пауэлл и 196; Поппер и 74-75, 78, 83-84; послевоенный период и 86-87, 92, 94, 98, 102, 104, 108, 113, 122-23, 125, 130, 359n12, 360n32; Просвещение и 102, 104, 108; сбор мнений о форме 40; создание 4-8; социализм и 4, 6, 8, 31, 35, 40-41, 58, 73-84; споры и 11; точка зрения 76; трансатлантическая сеть и 135, 144, 149, 155-56, 159/163, 165, 169-70, 177, 329, 331, 337; Фридмен и 98-99; Хайек и 10-11, 73-84, 113-14, 353n51; чикагская школа и 92; члены 73-74; широкая заинтересованность и 75; школа общественного выбора и 130; Шульц и 177; экономическая стратегия и 218-19, 232, 261, 264
- «Опорные камни» («Stepping Stones»), программа социально-экономической политики (1977) 256
- Организации
- Альянс среднего класса (Middle Class Alliance, MCA) 148
 - Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institute, AEI): возникновение неолиберализма и 9, 14; кейнсианство и 211; трансатлантическая сеть и 134, 143, 154-55, 165, 175
 - Американский институт экономических исследований (American Institute for Economic Research) 123-24
 - Американский фонд экономических исследований (American Economic Foundation, AEF) 160
 - Брукингский институт (Brookings Institution) 155, 165, 336
 - Гуверовский институт (Hoover Institution) 264
 - Институт Адама Смита (Adam Smith Institute, ASI): 14; в послевоенный период 94; жилищное строительство и 276, 312; кейнсианство и 210; основание 16; трансатлантическая сеть и 134, 163, 165-66; экономическая стратегия и 257

- Институт гуманитарных исследований (Institute for Humane Studies, IHS) 159-60, 165
- Институт Катона (Cato Institute) 14, 358n8; кейнсианство и 211; трансатлантическая сеть и 134, 155, 158, 162-67, 171, 175, 331; экономическая стратеги и 238, 265
- Институт экономических дел (Institute of Economic Affairs, IEA) 8-9; дерегулирование и 174; инфляция и 94; кейнсианство и 195-97, 207, 210-11; наследие 331; Пауэлл и 195-97; профсоюзы и 174; социализм и 211; трансатлантическая сеть и 134-35, 152, 156-58, 161-68, 174, 177; экономическая стратеги и 233, 238, 257, 270
- Королевский институт городского планирования (Royal Town Planning Institute) 316
- Манхэттенский институт (Manhattan Institute) 167
- Межуниверситетское общество индивидуалистов (Intercollegiate Society of Individualists, ISI) 141
- Молодые американцы за свободу (Young Americans for Freedom, YAF) 144-45
- Общество Райпон (Ripon Society) 149-50.
- «Одна нация» (One Nation) 17, 126, 148-51, 300
- Ольстерские юнионисты 254
- Фонд «Атлант» (Atlas Foundation) 165, 170, 351
- Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) 14, 16; жилищное строительство и 276-77, 305, 312-13, 315, 318, 320; кейнсианство и 211; трансатлантическая сеть и 134-35, 158, 161-66, 169, 172
- Фонд Релма (Relm Foundation) 169-70
- Фонд «Свобода» (Liberty Fund) 160, 166
- Фонд Уильяма Волкера (William Volker Fund) 77, 91, 116, 125, 169
- Фонд Форда (Ford Foundation) 324
- Фонд экономического образования (Foundation for Economic Education, FEE) 15; жилищное строительство и 276, 300; наследие 331; неолиберальная критика и 73, 76-77; аналитические центры и 134-35, 143, 153-56, 159-60, 168, 170
- Фонд Эрхарта (Earhart Foundation) 169, 170
- Центр исследований экономической политики (Centre for Policy Studies, CPS) 14, 94, 134, 161, 174, 177, 232, 235, 256-57
- Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) (Organization of Petroleum Exporting Countries, ОПЕК) 230
- Ордолиберализм: Бём и 122; Германия и 3, 6-7, 66, 74, 87-88, 122-24, 335, 355n98, 362nn79, 83; наследие 335; Ойкен и 122-24
- Партия независимости Соединенного Королевства (United Kingdom Independence Party, UKIP) 366n35
- Партия чаепития 342, 344
- Пенсии 3, 27, 124, 200, 286, 331, 343
- Племенное состояние, 41-44
- Плюрализм 93, 290
- Подошный налог (poll tax) 167, 368n86

- Полезность, максимизация 4, 88, 106, 126, 186.
- Политика: академические писаки и 9; американский консерватизм и 138-47; Берлинская стена и 121, 158, 332; большевики и 3; британский консерватизм и 147-52; война с бедностью и 167, 197, 201, 213, 222, 283, 300, 327; Гитлер и 33, 36, 43, 47, 73-74; демократия собственников и 297-304; иранский кризис с заложниками и 263; кейнсианство и 209; коммунизм и 3, 8 (см. *тж* Коммунизм); конец империи и 28, 137, 147; маккартизм и 117, 119, 142, 144-45; марксизм и 20 (см. *тж* Марксизм); молчаливое большинство и 143, 274, 350п18; Муссолини и 3, 43; наследие 329-45; нацисты и 3-4, 14, 24, 32-33, 35-36, 42, 45, 47, 52, 65, 68, 74, 122, 193, 329; новые правые и 10, 12-13, 16, 174, 225, 270; новый либерализм и 2, 22, 26-27, 66, 329; ограниченное правительство и 109-10; ордолиберализм и 3, 6-7, 66, 74, 87-88, 122-24, 335, 355п98, 362пп79, 83; прогрессизм и 23, 146, 329; сдержки и противовесы 130; социал-демократия и 2 (см. *тж* Социал-демократия); спровоцированный ОПЕК нефтяной кризис и 230; Сталин и 43, 73; тоталитаризм и 4 (см. *тж* Тоталитаризм); трансатлантическая 15-20 (см. *тж* Трансатлантическая сеть); Уотергейт и 215, 228-30, 335. (см. *тж* Идеология); Фабианское общество и 4, 17, 23, 27, 30, 72, 78, 149, 336; фашизм и 3, 36, 42, 45, 58, 363п84; Фридмен и 5, 136; холодная война и 15-16, 28, 33, 36, 86-87, 89, 100-101, 108, 111-22, 132, 137-47, 175, 200, 281-82, 329; См. *тж* конкретные партии
- Политика социально-экономическая: аналитические центры и 134, 157 (см. *тж* Аналитические центры); вашингтонский консенсус и 8; закон Батлера 147; закон Вагнера 154; закон Вагнера—Стигелла 281; закон Гарна—Сен-Жермена о депозитных учреждениях 340-41; закон Гласса—Стигелла 26, 340-41; закон Грэмма—Лича 341; закон Дэвиса—Бейкона 205; закон о высших учебных заведениях 282; закон о государственных технических услугах 282; закон о гражданских правах 28, 143; закон о дерегулировании депозитных учреждений и денежно-кредитном контроле 248, 340; закон о правах избирателей 28, 143; закон о реинвестициях в местные сообщества и 296-97; закон о сохранении доступного жилья и о владении собственным жильем 323-24; закон о социальном страховании 25; закон о трудовых отношениях 231; закон об иммигрантах из стран Содружества 151; закон об образовании для нужд национальной обороны 282; закон Стэджерса о железнодорожных перевозках 248; закон Тафта—Хартли 256, 263, 266, 38 ln129; закон Уэлла—Хили 205; закон Хэмфри—Хоукинса 108, 263-64; законы о жилищном строительстве и 274, 278, 282-84, 287, 291, 299, 305, 322; инфляция и 124 (см. *тж* Инфляция); кейнсианство и 186 (см. *тж* Кейнсианство); крах послевоенного бума и 217-25; монетаризм и 216 (см. *тж* Монетаризм); Национальная городская политика и 296, 317; Национальный закон

- о трудовых отношениях 26, 154, 381n129; Новый курс и 2 (см. *тж* Новый курс); основанная на вере 329-33; основанная на разуме 343-45; полная занятость 235; Положение №13 и 110, 172, 337; потребность в простых решениях и 211-12; право выкупа арендуемого муниципального жилья 275-77, 289, 294, 308-15, 337, 386n86; предприниматели и 7; приватизация и 343-44; профсоюзы и 161 (см. *тж* Профсоюзы); рабочие места в секторе услуг 330; расовые проблемы и 36 (см. *тж* Расовые проблемы); рейганомика и 263-69; реконструкция городов 5, 274, 276, 281-82, 295, 300, 313, 318; реформа и 138 (см. *тж* Реформа); стагфляция и 225-30 (см. *тж* Стагфляция); структурные реформы 8, 13, 247, 332; Тэтчер и 125, 158, 194, 233, 255-62, 356n119; Федеральный резерв и 250 (см. *тж* Федеральный резерв); финансовый кризис 2007-2008 гг. и 340-43; Хайек о 4; экономическая политика США в 60-е годы 197-201; *laissez faire* 25 (см. *тж* *Laissez faire*)
- Политика структурных реформ 8, 13, 247, 332
- Положение №13 110, 172, 337
- Помощь семьям с детьми-иждивенцами (Aid to Families with Dependent Children) 282
- Послевоенный период: австрийская школа и 358n8, 360n35; Банк Англии и 27; Беверидж и 86; бедность и, 22, 27, 119; безработица и 21-22, 26-27, 86, 102; Бриттен и 94; Бьюкенен и 85, 87-88, 100, 104, 112-13, 115, 120, 126, 129-32; Великая депрессия и 22-24, 91, 93-95, 118, 360n27; Великое общество и 87, 111, 132; Вильсон и 132; государственные расходы и 23-24; Демократическая партия США и 86; Западная Германия и 87-88; индивидуализм и 86, 92, 113, 125, 129, 132; Институт Адама Смита 94; интеллектуалы и 23, 29, 85, 87, 90-91, 96, 98, 100-101, 112, 115, 117, 120, 132; интервенционизм и 86, 109, 115; коллективизм 22-23, 27, 86, 96-97, 101, 108, 116; коммунизм и 28, 86, 89, 104, 108, 115-21, 363n84; Консервативная партия Великобритании и 22-26, 85-86, 126, 132; Коуз и 89, 91, 100-107; Лейбористская партия и 22-27, 86, 98, 116; Лондонская школа экономики и 87, 89-91, 127; Лоусон и 126, 359n17; марксизм и 90, 114, 118; Мизес и 29, 85-87, 96-97, 99-101, 108-9, 113-16, 123, 132; монополии и 21, 88, 92-93, 95, 97, 119, 125, 128; немецкое экономическое чудо 121-26; неolibерализм холодной войны и 111-21; Новый курс и 22-28, 85-87, 93-97, 100, 107, 112, 118-19; Общество Мон-Пеллен и 86-87, 92, 94, 98, 102, 104, 108, 113, 122-23, 125, 130, 359n12, 360n32; Поппер и 29, 31, 33-49, 56-62, 65-66, 71, 74-75, 78, 83-86, 96, 98-100, 120, 129; Республиканская партия и 23, 28, 85-86, 118, 132; реформа и 22-27, 42, 46, 51-56, 61, 64, 70, 75, 82, 89, 102-3, 118-21, 129; Роббинс и 87, 91, 100; Рузвельт и 94; Саймонс и 87-100, 111, 122-23, 125, 127, 131; свобода и 97, 99, 101-2, 111-16, 119, 124, 126, 131-32; свобода личности и 101, 112, 116, 131; свободный рынок и 26-27,

- 86-93, 96-108, 112, 116-22, 125-27, 131-32, 360n31; система социального обеспечения и 22-28, 88, 92-93, 95, 98, 116, 119-20, 123-25, 363n85; Смит и 87, 94, 99-111, 113, 115, 130; социал-демократия и 22, 32-37, 44, 63, 70, 73, 75, 83, 85-87, 107, 123, 129, 132; социализм и 22-23, 85, 91, 97, 115-16, 119, 120; Стиглер и 85, 87-91, 93, 100-102, 106-7, 110, 126-33; Таллок и 85, 126, 129-32; теория захвата регулятора и 7, 88, 126-33, 212; теория рационального выбора и 88, 126-33; тоталитаризм и 22-23, 108, 116, 119, 122; Тэтчер и 359n17, 361n61; урегулирование и 1, 21-29; утопизм и 86, 90, 104, 107, 117; фабианский социализм и 23, 27; Федеральный резерв и 94-95, 120; фрайбургская школа 122-23; Фридмен и 85-103, 106-22, 124-27, 130-32, 361n61; Хайек и 22-23, 29, 85-89, 91-93, 96-101, 104, 107-13, 115-16, 123-25, 127, 129, 131-32; Хой и 126; чикагская школа и 87-100, 122, 125, 127
- Поэтапная социальная инженерия 8, 34, 47, 60-61
- Права собственности 8, 335
- Право выкупа арендуемого муниципального жилья: жилищное строительство и 275-77, 289, 294, 308-15, 337; Консервативная партия и 308-15; Лейбористская партия и 289, 294, 308-15; приватизация муниципального жилья 308-15; Рейган и 276; США и 276-77, 294, 313-14; Тэтчер и 275-77, 289, 294, 308-15, 310, 337
- Предприниматели: бюрократия и 52-57; возрождение духа 315-19; жилищное строительство и 315-19; идеология и 4, 10, 14, 83, 135-36, 138, 143, 156, 171, 179, 331, 336; интеллектуальные 364n1; система конкурентных цен и 66; социально-экономическая политика и 7; экономическая стратегия и 261
- Премия «За вклад в распространение свободы в мире» (Prize for Advancing Liberty) 165
- Приватизация 8; аналитические центры и 167; жилищное строительство и 275, 277, 284, 289, 298-99, 308-15; послевоенный период и 120; появление неолиберальной критики и 82; трансатлантические сети и 334, 336; экономическая политика, основанная на разуме, и 343-44; экономическая стратегия и 216, 231, 258, 263
- Промышленная революция 70
- Программа выкупа проблемных активов (Troubled Asset Relief Program) (2008-2009) 340
- Программа единовременных субсидий коммунального жилищного строительства (Community Development Block Grant, CPDB) 278, 306
- Программа жилищной политики МТИ (MIT Housing Policy Project) 306-8, 322
- Программа жилищных возможностей (Housing Opportunity Program) 322
- Программа жилищных инвестиций (Housing Investment Programmes, HIPs) 277, 293, 294, 296, 306
- Прогрессивная эра 51, 139
- Прогрессизм 23, 146, 329
- Просвещение: англо-шотландско-американское 99-110; Коуз и 100-107; Мизес и 100-1, 108-9; немецкое 99-100; Общество Мон-Пелерен и 102, 104, 108; Поппер и 44; Саймонс и 99-100; Смит и 99-110; Фридмен и 100-3, 106-10

- Протестанты 280
- Профсоюзы 336; аналитические центры и 153; Бриттен и 236; Вильсон и 241, 257; власть, 2, 5, 7, 13, 81-82, 92, 148, 161-62, 177, 331, 378пб1; забастовка авиадиспетчеров и 266-67; забастовка шахтеров 267-68; закон Вагнера и 154; закон Дэвиса—Бейкона и 205; закон Тафта—Хартли 381п129; закон Уэлша—Хили 205; «зима тревоги» и 254, 257; Институт экономических дел и 174; инфляция и 177; как сила, враждебная обществу 331; как троянский конь 13; Касл и 256-57; кейнсианство и 15, 186, 190, 217, 269-70; Конгресс британских профсоюзов и 162; Консервативная партия и 148, 257; Лейбористская партия 148; Мизес и 378пб1; Никсон и 376п28; подъем 2; расовые проблемы и 290; Рейган и 263, 266-67; реформа и 13, 174, 217, 231, 238, 256-57, 267-68, 270; Роббинс и 190; свободный рынок и 82; Тэтчер и 267-68; Хайек и 81-82, 238, 240, 378пб1; Хит и 231-32, 257, 267-68; Центр исследований экономической политики и 161; чикагская школа и 7, 93, 98
- Пруссия 70
- Прютт-Айго, жилой комплекс (Pruitt-Igoe project) 286
- Рабство 1, 19, 42, 48, 71, 127, 298
- Расовые проблемы 64; аналитические центры и 140, 143, 147, 149-51; Браун против Совета по образованию Топики и 146, 366п33; Британская национальная партия и 291, 366п35; Великое переселение и 279-80; гражданские права и 146 (см. *тж* Гражданские права); Группа Бау и 150, 300; евrofобия Партии независимости Соединенного Королевства и 366п35; жилищное строительство и 274-75, 279-84, 290-91, 297, 307, 383п15, 385пб1; закон о реинвестициях в местные сообщества и 296-97; иммиграция и 86, 366п37 (см. *тж* Иммиграция); Картер и 317; Конференция руководства христиан Юга и 142; молчаливое большинство и 274; Национальный фронт и 291, 366п35; Никсон и 274; «Одна нация» и 1, 150-51; Платон и 42; политика нацистов и 36; практика «красной черты» 279-80, 297, 383п15; рабство и 19, 42, 127; религия и 290-91; Север США и 143; сегрегация и 19, 28, 86, 137, 140-43, 146-47, 275, 280, 284, 288, 297, 307, 318, 366п33; тоталитаризм и 42; Фельдман и 290-91; школьные автобусы и 143, 150, 337, 366п33; ЮАР и 150; Юг США и 28, 143, 150; язык и 142-43
- Рационального выбора теория: Беккер и 127; Бьюкенен и 126, 129-32; государственная власть и 126-31; захват регулятора и 126-33; максимизация полезности и 4, 88, 106, 126, 186; послевоенный период и 88, 126-33; Райкер и 4; Стиглер и 126-33; Таллок и 126, 129-32; школа общественного выбора и 126-33; эгоизм и 126, 129-32, 186, 210
- Реконструкция городов 5, 274, 276, 281-82, 295, 300, 313, 318
- Религия; евреи 59, 140-42, 159; Конференция руководства христиан Юга и 142; расовые проблемы и 290-91; религи-

- озные права 140, 145; христианство 37, 59, 88, 121, 125, 140-42, 153, 159, 163
- Республиканская партия 18; жилищное строительство и 277-78, 281, 285, 288, 304-5, 307, 315, 325, 327; кейнсианство и 181, 198-99, 209; Консервативная партия и 9, 12, 15; наследие 332, 334, 341-42; общество Райпон 149-50; партия чаепития и 342, 344; послевоенный период и 23, 28, 85-86, 118, 132; трансатлантическая сеть и 137, 139-40, 143-46, 149-52, 162-67, 174-78; экономическая стратегия и 216, 221, 229, 263-69
- Реформа: банковский сектор 25; всеобщее пенсионное обеспечение 27; государство/правительство и 22, 138; демократическая 75, 129; денежная 118; жилищное строительство и 274, 283, 286, 294, 296-97, 304, 327; институциональная 61; капитализм и 185; кейнсианство и 181, 185-86; Лейбористская партия и 27; микроэкономическая 82, 270; на стороне предложения 181, 216, 248, 260, 262-63, 265; налоговая 8, 172; научные подходы и 3; небольшая 166; неолиберальная критика и 42, 46, 51-56, 61, 64, 70, 75, 82; Новый курс и 16-17, 19 (см. тж Новый курс); Платон о 42; политическая 154, 158, 249, 254, 256; Поппер о 46; послевоенный период 89, 102-3, 118-21, 129; Прогрессивная эра и 51; профсоюзы и 13, 174, 217, 231, 238, 256-57, 267-68, 270; регулирования 129; рыночная 1, 13-14, 121, 177, 181, 185-86, 216, 248, 258, 260, 262-63, 265; сверху 27; система социального обеспечения 22, 64, 274; социальная 51, 148; страхование по безработице 27; трансатлантическая сеть и 138, 148, 154, 158, 166, 172, 174, 177, 330, 337, 342, 344-45; экономическая стратегия и 216-17, 231, 238, 248-49, 254-70
- Ронап Пойнт, башня (Ronap Point) 292-93
- Свобода 273; гражданские права и 142 (см. тж Гражданские права); монетаризм и 199, 201; неолиберальная критика и 30-32, 35, 37, 39, 41, 48, 52, 58, 60, 63-65, 69-77, 80, 83, 87; послевоенные неолиберальные идеи 97, 99, 101-2, 111-16, 119, 124, 126, 131-32; послевоенное урегулирование и 26; Конституция США и 142; жилищное строительство и 298, 301-2; трансатлантическая сеть и 135, 142, 159-60, 165-66, 171, 332, 345; возникновение неолиберализма и 2-4, 6, 11
- Свобода личности: аналитические центры и 135, 160; жилищное строительство и 298, 301-2; кейнсианство и 199, 201; неолиберальная критика и 32, 35, 37, 39, 41, 48, 52, 63, 73-74, 77-80, 83-84; послевоенный период и 101, 112, 116, 131; приверженность классического либерализма к 3; Рейган и 6; свободный рынок и 2 (см. тж Свободный рынок); трансатлантическая сеть и 135, 160; три фазы неолиберализма и 6; Тэтчер и 6; Хайек и 4, 32, 63, 73-74; экономическая политика, основанная на разуме, и 345
- Свободный рынок: аналитические центры и 14, 135-41, 144-77, 365n12, 369n115; апофеоз 338-43; Бьюкенен и 9; Германия и 121-26; глобализация и 2, 4, 8, 15, 18, 132, 330, 344; Голдуотер и 200; Гринспен

- и 360n31; жилищное строительство и 274-78, 299-300, 321; идеология и 2, 53, 82-83, 108, 274; Каллагэн и 13; Каргер и 13; кейнсианство и 180-81, 186, 193-94, 200-201, 212; коллективизм и 328; Мизес и 49-50, 53, 55, 57; наследие 329-45; невидимая рука и 101, 107-10, 119, 130, 338; неолиберальная критика и 32-34, 39-40, 48-50, 53, 55, 57-58, 63-64, 70, 73-77, 82-84, 351n3; Пауэлл и 193-94; полемическая вера в 13; Поппер и 37-40, 48-49; послевоенный период и 26-27, 86-93, 96-108, 112, 116-22, 125-27, 131-32, 360n31; превосходство 5; профсоюзы и 82; Рейган и 7, 379n92; свобода и 12; свобода личности и 4, 6; сектор услуг и 330; Смит и 104-7; социализм и 120; социально-экономическая политика, базирующаяся на вере, и 329-33; стагфляция и 173; Стиглер и 5, 9; Таллок и 5; трансатлантические сети и 15, 19-20, 334-35; Тэтчер и 7, 379n92; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 338-43; Фридмен и 7-9, 117-20, 200; Хайек и 5, 58, 63-64, 70-71, 91-92, 119-20; Хит и 161, 177, 231; чикагская школа и 8; экономическая политика, базирующаяся на разуме, и 344-45; экономическая стратегия и 216, 219-20, 226, 231, 233, 243, 252, 255, 257, 259, 268-70, 378n61, 379n92
- Сдержки и противовесы 130
- Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА) (North American Free Trade Agreement, NAFTA) 8
- Сегрегация: государственные школы и 143, 146, 366n33; жилищное строительство и 143, 275, 280, 284, 288, 297, 307, 318; идеология и 137, 140, 147; расовые проблемы и 19, 28, 86, 137, 140-43, 146-47, 275, 280, 284, 288, 297, 307, 318, 366n33; школьные автобусы и 143, 150, 337, 366n33; Юг США и 86, 140; язык и 142-43
- Сектор услуг, рабочие места в 330
- Селдсонская конференция (Seldson Conference) 177, 369n115
- Система социального обеспечения 5, 18; аналитические центры и 135, 137, 140, 144, 147-51, 154; Бриттен и 27; Германия и 124-25; гражданские права и 137, 140; жилищное строительство и 273-74, 282, 289-90, 298-304, 327; капитализм и 33; кейнсианство и 191, 193, 197, 372n29; культура зависимости и 64, 167, 273, 302; «Надежда VI», проект 278, 321-25, 327; наследие 329-30, 335, 338, 344; неолиберальная критика и 33-34, 40, 54, 57, 64, 68, 71, 82; Помощь семьям с детьми-иждивенцами и 282; послевоенный период и 22-28, 88, 92-93, 95, 98, 116, 119-20, 123-25, 363n85; Рейган и 273; реформа и 22, 64, 274; рост 330; социальное страхование 22, 24-26, 110, 118-20, 301-2, 336, 349n1; страховочная сетка 8; Тэтчер и 273; экономическая стратегия и 6, 229, 256, 263, 266, 268
- СМИ:
- Crossbow («Арбалет»), журнал 150
 - Economist, журнал 11, 191
 - Financial Times, газета 174, 177
 - Fox News 342
 - The Freeman, журнал 155
 - National Review, журнал 141, 171, 173
 - New Society, журнал 315-16

- The News of the World, газета 342
- Newsweek, журнал 173, 173
- Policy Report, журнал 165
- Reader's Digest, журнал 243
- Spectator, журнал 190-91
- Telegraph, газета 161
- Times, газета 174, 177, 233, 235
- Wall Street Journal, газета 224
- См. *тж* Журналисты
- Собачий остров 316;
- Солдатский билль о правах (GI Bill) (1944) 22;
- Социал-демократия 2-4, 15; Вильсон и 132; жилищное строительство и 276, 298, 309; кейнсианство и 5, 7, 11, 180, 183, 197; Новый курс и 85; Поппер и 8; послевоенный период и 22, 32-37, 44, 63, 70, 73, 75, 83, 85-87, 107, 123, 129, 132; трансатлантическая сеть и 17, 19-20, 136-38, 147, 149, 153, 171, 329, 337; Фридмен и 9; экономическая стратегия и 218, 257; Эттли и, 11, 22-26, 32, 69, 116, 138-39
- Социал-демократы (Германия) 123
- Социализм: Гитлер и 33; государственная собственность и 298; гуманизм и 34, 40, 43, 57, 61, 75; железный занавес и 115; жилищное строительство и 298, 311; Институт экономических дел и 211; интеллектуалы и 4, 17, 30, 73-85, 91, 138, 153; как антитеза свободе 64-65; как угроза 22; кейнсианство и 211; коллективизм и 58, 97 (*см. тж* Коллективизм); коммунизм и 119, 120; Лейбористская партия и 69; марксизм и 17 (*см. тж* Марксизм); Мизес и 3, 64; нацисты и 3-4, 14, 24, 32-36, 42, 45, 47, 52, 65, 68, 74, 122, 193, 329; неolibеральная критика и 30, 33, 36-37, 45, 58, 64-65, 69, 73-84; Новый курс и 119; Общество Мон-Пелерен и 4, 6, 8, 31, 35, 40-41, 58, 73-84; Поппер и 37, 45, 58; послевоенный период и 22-23, 85, 91, 97, 115-16, 119-20; поэтапная социальная инженерия и 8, 34, 47, 60-61; привлекательность 3; проблема социалистического расчета и 3, 109, 351n4; программа выкупа арендуемого муниципального жилья и 311; свободный рынок и 120; тоталитаризм и 4, 14-15, 116; трансатлантическая сеть и 17, 138, 153, 167; фабианский 4 (*см. тж* Фабианский социализм); Фридмен и 119-20, 153; Хайек и 4, 17, 22, 30, 33, 36, 58, 64-65, 73-85, 91, 97, 138, 153, 167, 363n84; экономическая стратегия и 225-26; экономическая теория иллюзий 225
- Социальная рыночная экономика 87, 121-26, 355n98
- Социальное страхование 22, 24-26, 110, 118-20, 301-2, 336, 349n1
- Справедливый курс 22, 86, 116, 279, 299
- Стагфляция 179; аналитические центры, ориентированные на свободный рынок, и 173; Англия и 212, 232-34; Вильсон и 225; Картер и 295; кейнсианство и 5, 181, 202, 212; монетаризм и 234; Никсон и 222, 274; определение 2; политика заработной платы/цен и 225-30; Рейган и 263; США и 212, 232-33; Фридмен и 102, 181, 202, 212, 232, 263; Хайек и 232; Холл и 316; экономическая стратегия и 225-34, 263
- Страхование 3, 22, 26-27, 58, 339
- Субсидии: Великая депрессия и 184; жилищное строительство

- 26, 273-74, 279-80, 282-85, 287-88, 293, 295, 299, 302-5, 307, 310- и, 327; инфляция и 261; налоговые 334, 338; сельскохозяйственные, 118-19; спасение от банкротства 128; экономическая стратегия и 216, 261
- Суэцкий кризис (1956-57) 29, 139
- США: американская мечта и 274; англо-шотландско-американское Просвещение и 99-110; государственные расходы и 23-24; жилищное строительство и 274-75 (см. *тж* Жилищное строительство); закон о системе социального страхования 25; инфляция и 76, 233 (см. *тж* Инфляция); консерватизм и 136-46; конституционализм и 113; политика коалиций и 138-47; право выкупа арендуемого муниципального жилья и 276-77, 294, 313-14; снижение производительности и 249-50; спровоцированный ОПЕК нефтяной кризис 230; стагфляция и 212, 232-33; упадок промышленности и 330; холодная война и 15-16, 28, 33, 36, 86-87, 89, 100-101, 108, 111-22, 132, 137-47, 175, 200, 281-82, 329; экономическая политика 60-х годов и 197-201
- Таможенные пошлины 120, 128, 200, 241
- Теорема о невозможности 129
- Терроризм 14
- Тори 126, 148, 156, 161, 171, 191, 235, 256, 308
- Тоталитаризм: кейнсианство и 199; неolibеральная критика и 32-33, 35-36, 40-45, 55, 61-62, 65, 68, 73, 75, 81; послевоенный период и 22-23, 108, 116, 119, 122; трансатлантическая сеть 17, 140, 329, 331, 335; экономическая стратегия и 240-41; коммунистический 3-4; социализм и 4, 14-15, 116; нацисты и 3-4, 14, 24, 32-33, 35-36, 42, 45, 47, 52, 65, 68, 74, 122, 193, 329
- Трансатлантическая сеть: Американский институт предпринимательства 134, 143, 154-55, 165, 175; аналитические центры и 4-5 (см. *тж* Аналитические центры; Организации); бедность и 167, 330, 333; безработица и 152, 165, 330, 342; Бриттен и 149, 161-62, 174, 177; Бьюкенен 17, 135, 138, 159-60, 166, 172, 178, 334, 336; Великая депрессия и 138, 335, 339, 341; Великое общество и 17, 136-37, 143, 146, 167, 175; Вильсон и 137, 152, 174; Демократическая партия США и 137, 139, 146, 179; журналисты и 134-36, 145, 152-53, 157, 161, 163-64, 173-78, 331, 337, 339, 342; закладка фундамента для 31-32; зоны предпринимательства и 315-21; идеология и 134-35, 138, 140, 145, 153-54, 157, 165, 171, 173, 329, 331, 336, 338, 342, 344; индивидуализм и 135, 160, 329, 337; Институт Адама Смита и 134, 163, 165-66; Институт Катона 134, 155, 158, 162-67, 171, 175, 331; Институт экономических дел и 134-35, 152, 156-58, 161-68, 174, 177; исторические параллели 333-38; Клинтон и 17, 19, 337-38, 340-41; коллективизм и 136, 144, 329, 331, 336, 344; коммунизм и 15, 18, 134, 137, 139-47, 158, 161, 329; Консервативная партия Великобритании и 136-43, 147-52, 157-58, 161, 167, 175-78; Лейбористская партия

- и 17-19, 137, 139, 143, 147-49, 152, 174, 179; марксизм и 17, 20, 143; Мизес и 138, 151, 155-56, 159-60, 165, 169-71, 176, 336, 342; монополии и 335-36, 342; налоги и 135, 148, 153, 158, 167, 172, 334-40; наследие 329-45; неолиберальная политика 15-20; неолиберальные организации в 1950-1960е годы и 152-61; Новый курс и 16-17, 19, 136-39, 142-46, 153-54, 169, 174-76, 329, 331, 335, 337, 340, 343; Общество Мон-Пеллерен и 135, 144, 149, 155-56, 159, 163, 165, 169-70, 177, 329, 331, 337; Пауэлл и 137, 139, 148-49, 151; политика коалиций и 138-47; Поппер и 17, 159, 333; приватизация и 334, 336; Рейган и 15-19; Республиканская партия и 137, 139-40, 143-46, 149-52, 162-67, 174-78; реформа и 138, 148, 154, 158, 166, 172, 174, 177, 330, 337, 342, 344-45; Рузвельт и 139, 142-43, 175-76; Саймонс и 17, 335; свобода и 135, 142, 159-60, 165-66, 171; свободный рынок и 15, 19-20, 161-73, 334-35; система социального обеспечения и 135, 137, 140, 144, 147-51, 154, 329-30, 335, 338, 344; социал-демократия и 17, 19-20, 136-38, 147, 149, 153, 171, 329, 337; Стиглер и 138, 155-56, 334-36, 342; страхование и 339; Таллок и 138, 159-60, 166, 334, 336; тоталитаризм и 17, 140, 329, 331, 335; Тэтчер и 15-19; фабианский социализм 17; Федеральный резерв и 333, 339; Фонд «Наследие» и 134-35, 158, 161-66, 169, 172; Фридмен и 17, 20, 135-36, 138, 141, 146, 148, 152-53, 155-57, 160-74, 177-78, 331-38, 342; Хайек и 17, 135, 138, 141-42, 146-49, 152-71, 175, 177-78, 329, 332, 334-38; чикагская школа и 335, 344
- Третий путь 321, 323, 326-27, 387п119
- Трущобы 274, 276, 278, 281-82, 299-300, 313
- Тэчбрук, жилой комплекс (Tachbrook Estate) 314
- Университет Рочестера 4, 8, 88, 126
- Уолл-стрит 3, 19, 202, 339, 341
- Уотергейт 215, 228-30, 335
- Управление государственного жилищного строительства США (U.S. Public Housing Authority, USPHA), 278
- Управление гражданских работ (Civil Works Administration) 25
- Управление жилищного строительства США (Federal Housing Authority) 26
- Управление жилищного строительства США (U.S. Housing Authority) 26
- Управление общественных работ (Public Works Administration) 25
- Управление общественных работ (Works Progress Administration) 25, 95, 184
- Управление по делам ветеранов 279
- Управление по жилищному надзору (Housing Inspectorate) 325
- Управление работ в долине Теннесси (Tennessee Valley Authority) 184
- Управления национального восстановления (National Recovery Administration) 25-26
- Ураган «Катрина» 14
- Утопизм 20, 29; Кэссиди и 339; неолиберальная критика и 42, 47-48, 56, 62-64, 80-82; послевоенный период и 86, 90, 104, 107, 117; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 339

- Фабианский социализм:** аналитические центры и 149, 336; неолиберальная критика и 30, 72, 78; послевоенный период и 23, 27; трансатлантическая сеть и 17; Хайек и 4, 72, 78, 149
- Фашизм** 3, 36, 42, 45, 58, 363п84
- Федеральная корпорация жилищного ипотечного кредита («Фредди Мэк»)** (Federal Home Loan Mortgage Corporation, Freddie Mac), 340
- Федеральная корпорация по страхованию депозитов** (Federal Deposit Insurance Corporation, FDIC) 26
- Федеральная национальная ипотечная ассоциация («Фанни Мэй»)** (Federal National Mortgage Association, Fannie Mae) 278, 340
- Федеральное управление по жилищным вопросам** (Federal Housing Administration, FHA), 278-80, 285-86
- Федеральный резерв:** Бернс и 94, 222, 228-29, 249; Волкер и 5, 201, 217, 250-54, 258-59, 265, 271, 333, 341; Гринспен и 265 (см. *тж* Гринспен, Алан в Указателе имен); закон Хэмфри-Хоукинса и 108, 263-64; изменения политики 252-54, 258-59; инфляция и 187, 198, 247-54, 341; Картер и 247-54, 333; кейнсианство и 185, 187, 198, 202; монетаризм и 247-54; неолиберальная критика и 35; послевоенный период и 94-95, 120; стагфляция и 227-28; трансатлантический неолиберализм и 333, 339; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 339; центральная роль в экономической политике 250; экономическая стратегия и 217, 222, 227-28, 247-54, 258, 264-65, 271
- Финансовый кризис 2007-2008 гг.:** безответственные банкиры и 339-40; Блэр и 341; Браун и 341; Гринспен и 343; дерегулирование и 340-44; закон о дерегулировании депозитных учреждений и денежно-кредитном контроле и 340; иррациональная эйфория и 343; как апофеоз неолиберализма 338-43; Картер и 230, 340; кейнсианство и 341-42; Клинтон и 340-41; Комиссия по торговле товарными фьючерсами 341; Обама и 342; последствия 343-44; провалы экономической политики и 340-43; Программа выкупа проблемных активов и 340; Рейган и 340-41; Тэтчер и 341; экономическая политика, основанная на разуме, и 343-45
- Фолклендская война** 258, 271, 333
- Фонды.** См. Организации
- Фрайбургская школа** 3, 74, 122-23
- Холодная война:** аналитические центры и 137-47, 175; Берлинская стена и 121, 158, 332; жилищное строительство и 281-81; кейнсианство и 200; маккартизм и 117, 119, 142, 144-45; Мизес и 115; монетаризм и 200; неолиберальная критика и 33, 36; подъем неолиберализма и 86-87, 89, 100-101, 108, 111-22, 132; политика и 15-16, 28, 33, 36, 86-87, 89, 100-101, 108, 111-22, 132, 137-47, 175, 200, 281-82, 329; политика коалиций и 138-47; Фридмен и 111-21
- Христиане** 37, 59, 88, 121, 125, 140-42, 153, 159, 163
- Хэмфри-Хоукинса закон** (Humphrey-Hawkins Act) (1978), 108, 263-64

- Частное предпринимательство 53-54, 260, 273, 299, 332, 336
 Частный семинар Мизеса 36
 Черчилль-Гарден, жилой комплекс 314
 Чикагская школа 8; vs. австрийская школа 358n8; аналитические центры и 174; вторая 50, 67, 84, 90-93, 96, 122, 127, 335, 344, 357n130, 358n8; индивидуализм и 92; Исследование свободного рынка и 77, 91-92, 96, 125; кейнсианство и 181; Комитет по социальной мысли (Committee on Social Thought) и 4, 91; Коуз и 4; монополии и 7; неолиберальная критика и 37, 50, 67, 77, 84; Общество Мон-Пелерен и 92; первая 3, 7, 87, 93, 125, 358n4; послевоенный период и 87-100, 122, 125, 127; профсоюзы и 7, 93, 98; результаты деятельности 92-93; Саймонс и 89-100; Стиглер и 90-91; трансатлантическая сеть и 335, 344; Фридмен и 89-100, 358n8; Хайек и 91; характерная методология 7; школа общественного выбора и 88; экономическая стратегия и 233; экономические циклы и 92
 Чикагские мальчики 13, 348n15
 Чили 13
 Школа антикоммунизма (School of anti-Communism) 144
 Шотландская националистическая партия (Scottish Nationalist Party) 254
 Эгоизм 2, 59; госслужба и 336; кейнсианство и 186, 210; Смит и 113, 338; теория общественного выбора и 126, 129-32; теория рационального выбора и 186, 210; финансовые институты и 339; эпоха Просвещения и 101, 103-7, 110
 Экономический и социальный совет (Франция) 218
 Экономическая политика, основанная на разуме 343-45
 Экономическая стратегия: альтернативная экономическая стратегия 241, 243, 255-57; Банк Англии и 255, 271; Беве-ридж и 22, 27; бедность и 219, 222; безбилетники и 129, 344; безработица и 215, 223-24, 228, 233-45, 255, 258, 261; Бреттон-Вудская система и 215, 219-20, 225-28, 230, 375n13, 380n1 17; Бьюкенен и 249, 263, 270; Великая депрессия и 247, 261; Великобритания и 227-28, 233-36, 238-41, 258, 376n35, 377n56; Великое общество и 221; Вильсон и 217-18, 225, 232-33, 241, 257; Война с бедностью и 167, 197, 201, 213, 222, 283, 300, 327; Волкер и 217, 247-54, 258-59, 265, 271; Голдуотер и 198-99; Демократическая партия США и 215, 217, 248, 257, 266, 270, 272; Джей и 240; Дженкинс и 216-19, 257; Джонсон и 212-13; дирижистская модель и 217; журналисты и 225-27, 233-34, 271; закон Хэмфри-Хоукинса и 108, 263-64; «зима тревоги» и 247, 254; идеология и 219, 242, 247, 254-55, 267, 270-71; индивидуализм и 263, 270; Институт Адама Смита и 257; Институт Катона и 238, 265; Институт экономических дел и 233, 238, 257, 270; интеллектуалы и 231, 236, 238, 250, 252, 269; Каллагэн и 216, 218, 225, 233, 241-47, 252-54, 256-57, 262, 270; Картер и 228-29, 247-54, 263, 270; кейнсианство и 181, 215-17, 220-25, 231, 234-38, 242, 244-49, 253,

- 256, 263, 269; Кеннеди и 197-98, 212-13; Клинтон и 271; количественная теория денег и 180, 186, 203, 208-9, 371n4; коллективизм и 252; Консервативная партия Великобритании и 216-21, 230, 232, 235, 237, 240-42, 252, 255-59; Лейбористская партия и 216-19, 232-33, 241-45, 252-58, 262, 269-72; Лоусон и 234, 258-62, 269, 271; марксизм и 248; медленный крах послевоенного бума и 217-25; Международный валютный фонд и 215, 219, 227, 241-47, 255; Мизес и 199; Модлинг и 137, 217-18; монетаризм и 216, 221-22, 231-35, 238, 241-55, 257-58, 260-63, 269-71; монополии и 239-40; надвигающаяся буря 212-14; налоги и 216, 220, 234, 242, 244, 247-48, 252-53, 256, 260-66, 271; Никсон и 213; Новый курс и 218, 221, 381n129; Общество Мон-Пелерен и 218-19, 232, 261, 264; Пауэлл и 199, 226; Поппер и 239; приватизация и 216, 231, 258, 263; рабочие места в секторе услуг и 330; Рейган и 86, 109, 115, 121, 198, 216-17, 250, 254, 263-71, 379n92; рейганомика и 263-69; Республиканская партия США и 216, 221, 229, 263-69; реформа и 216-17, 231, 238, 248-49, 254-70; Роббинс и 219; свободный рынок и 216, 219-20, 226, 231, 233, 243, 252, 255, 257, 259, 268-70, 378n61, 379n92; система социального обеспечения и 6, 229, 256, 263, 266, 268; Совет по национальному экономическому развитию и 217-18; социал-демократия и 218, 257; спровоцированный ОПЕК нефтяной кризис и 230; стагфляция и 215, 222, 225-30, 232-34, 263; Стиглер и 216, 222, 249, 253, 263, 270; субсидии и 216, 261; Таллок и 249, 270; теория просачивания и 265, 334; тоталитаризм и 240-41; Трумэн и 197, 213; Тэтчер и 18, 115, 125-26, 137, 166, 194, 216-17, 230, 232-33, 240, 242-43, 250, 254-63, 267-71, 347n7, 380n1 17; Федеральный резерв и 217, 222, 227-28, 247-54, 258, 264-65, 271; финансовый кризис 2007-2008 гг. и 338-43; Фонд «Наследие» и 264-65, 276-77; Форд и 222, 228, 243, 247-50; Фридмен и 198-201, 216-43, 246, 248, 252-53, 259-66, 270; Хайек и 199, 232, 237-38, 240, 243, 263, 270; Хили и 216, 241-47; Хит и 219-22, 225, 230-41; Хоу и 230, 232, 234, 250, 255, 258, 260-62; чикагская школа и 233; школа общественного выбора и 249, 270; Эйзенхауэр и 197, 213; экономическая политика, основанная на разуме, и 343-45
- Экономические циклы:** кейнсианство и 3, 25; Саймонс и 93; Фридмен и 358n8; Хайек и 3, 92, 165; чикагская школа и 92
- ЮАР 150**
- BBC 174**
 Bear Sterns 339
 British Airways 299
 British Energy 299
 British Gas 299
 British Rail 299
 British Telecom 299, 313
 Citibank 340
 Coors Brewing Company 153
 DuPont Chemicals 83, 144, 153, 155, 336
 Fitch Group 339
 General Electric 144, 153, 336
 General Motors 155, 336

Предметный указатель

Goldman Sachs 340

HBOS 339

Laissez faire: абсолютизм и 20;
Беверидж и 27, 86; Гладстон
и 27, 200; Денор и 31; инфля-
ция и 102; кейнсианство и 25,
86, 97, 185-87; Липпманн
и 6; манчестерская школа и
11; Мизес и 33-34, 70, 113-
14; Новый курс и 33-34, 86;
Поппер и 33-34; Рейган и 322;
Саймонс и 123, 335, 360n27;

Смит и 102; тоталитаризм и
32; фрайбургская школа и 3;
Фридмен и 94-97, 102; Хайек
и 33-35, 66-67, 335, 359n12;
эксцессы 11

Lehman Brothers 340

Morgan Stanley 340

Northern Rock, 339

Republic Oil Corporation 155

Resource Bank 164

Sky, телекомпания 342

Standard & Poor's 339

Интернет-магазин
sotsium.ru

Либерализм и его критики

Книги издательств

«Социум» • ИРИСЭН

«Мысль» • «Дело»

Издательство Института Гайдара

Издательство Высшей школы экономики

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге

Дэниел СТЕДМЕН-ДЖОУНЗ

РОЖДЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер

Подписано в печать 13.02.2016. Формат 60×90 1/16.
Объем 33 усл. п. л. Заказ № 968.

ООО «ИД «Социум»
sotsium.ru ; тел. (495) 330-51-98

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Людвиг фон МИЗЕС

ЛИБЕРАЛИЗМ

(М.; Челябинск: Социум, 2014. 300 с.)

Единственное систематическое изложение принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики. Демонстрирует тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. Автору удалось развеять множество сомнений и недоразумений, возникавших при обсуждении социальных и политических проблем, а также касающихся либеральной доктрины.

ВВЕДЕНИЕ

Либерализм
Материальное благополучие
Рационализм
Цель либерализма
Либерализм и капитализм
Психологические корни
антилиберализма

Глава 1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Собственность
Свобода
Мир
Равенство
Неравенство богатства и доходов
Частная собственность и этика
Государство и политика
Демократия
Критика доктрины силы
Аргументы фашизма
Границы деятельности
правительства
Веротерпимость
Государство и антиобщественное
поведение

Глава 2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Организация экономики
Частная собственность и ее критики
Частная собственность
и правительство
Неоусузданность социализма
Интервенционизм
Капитализм: единственно возможная система общественной
организации
Картели, монополии и либерализм
Бюрократизация

Глава 3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Границы государства
Право на самоопределение
Политические основы мира
Национализация
Империализм
Колониальная политика
Свободная торговля
Свобода передвижения
Соединенные Штаты Европы
Лига наций
Россия

Глава 4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Доктринерство либералов
Политические партии
Кризис парламентаризма и идея
Конгресса, представляющего
особые интересы
Либерализм и партии особых
интересов
Партийная пропаганда
и партийная организация
Либерализм как партия капитала

Глава 5. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Литература о либерализме
2. О Термине "либерализм"

СТАТЬИ

Роль доктрин в человеческой истории
Идея свободы родилась на Западе
Свобода и собственность

КОММЕНТАРИИ